ЛЕНИНСКАЯ ГВАРДИЯ УРАЛА

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ СЛАВНЫХ БОРЦОВ РЕВОЛЮЦИИ

Я. М. Свердлова
М. О. Авейде
Н. Н. Батурина
П. М. и В. М. Быковых
Н. Е. Вилонова
Л. И. Вайнера
Ф. И. Голощекина
Н. М. Давыдова
С. И. Дерябиной
Б. В. Дидковского
П. З. Ермакова
И. М. Малышева
К. Т. Новгородцевой
Ф. Ф. Сыромолотова
Н. Г. Толмачева
П. Д. Хохрякова
С. А. Черепанова
И. И. Шварца
Я. М. Юровского

Составитель
А. С. Яковлев

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, СВЕРДЛОВСК, 1967

ЛЕНИНСКАЯ ГВАРДИЯ УРАЛА

1—2—3
47—67

Художники
В. Бубенщиков
и М. Заводчиков

СОЛДАТЫ ПАРТИИ, РЫЦАРИ РЕВОЛЮЦИИ

Проспект Ленина — главный проспект Свердловска — берет свое начало от площади Уральских Коммунаров. Здесь, над братской могилой, где покоятся вечным сном деятели первых большевистских организаций Урала и участники гражданской войны, вознесен высокий обелиск.

«Вечная слава борцам революции, героям гражданской войны на Урале, отдавшим свою жизнь за светлое будущее человечества — коммунизм!» — так гласит надпись обелиска. И вечный огонь никогда не гаснет у братской могилы, как никогда не зарастает сюда народная тропа и не вянут живые цветы, которые уральцы приносят к братской могиле...

Не только в Свердловске, по всему нашему краю и далеко за его пределами живет память об уральских коммунистах. Под Петроградом погиб геройской смертью, защищая революционную столицу, комиссар уральских красногвардейских рабочих отрядов и один из выдающихся организаторов и политработников Красной Армии — юный Николай Толмачев. Он похоронен в центре города Ленина — на Марсовом поле, и вот уже почти полвека несколько поколений советских людей повторяют в сердцах своих волнующие слова, выбитые на каменных скрижалях Марсова поля:

Не жертвы — герои
Лежат под этой могилой.
Не горе, а зависть
Рождает судьба ваша
В сердцах всех благодарных потомков.
Славно вы жили
И умирали прекрасно...

Неугасимо горит вечный огонь на Марсовом поле, сливаясь с вечным огнем Свердловской площади Уральских Коммунаров, как слита воедино всенародная память о героях партии коммунистов и их бессмертных делах.

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем...» Так писал Владимир Ильич Ленин более шестидесяти лет назад о себе и своих молодых и мужественных соратниках, самоотверженно и беззаветно огнем своих сердец зажигавших над угнетенной царизмом Россией зарю революции.

Прошло совсем немного лет, и могучая кучка революционеров стала партией, еще юной и неокрепшей, но уверенно на-

биравшей силы, как молодой лес, растущий на благодатной почве, пускающий все более глубокие и разветвленные корни в родную землю. И все шире и ярче разгоралась заря революции над необъятными просторами великой страны, озаряя столицы России и ее дальние окраины — Урал, Сибирь...

Октябрьская революция, потрясшая мир, круто повернувшая жизнь народов России на новый, социалистический путь, рождалась в многолетней суровой и жестокой борьбе. Долгий путь к победе над царизмом обильно полит кровью героев-революционеров, отмечен бесчисленными могилами борцов за светлое будущее народа. Память о них бессмертна, рассказать об их героических жизнях молодежи — благородная, патриотическая задача. Свою лепту в ее осуществление вносят этой книгой и свердловские литераторы.

«Ленинская гвардия Урала» продолжает и развивает замысел уже известных широкому читателю книг, изданных в Москве: «У истоков партии», «Партия шагает в революцию».

Герои «Ленинской гвардии Урала» — активные уральские революционеры, рабочие заводов и фабрик, мужественные и славные гвардейцы партии Ленина, самоотверженные и скромные солдаты революции. Многие из них погибли совсем юными на царской каторге, в тюрьмах и ссылках, сложили свои светлые головы в первых же боях за дело народа. Многие геройски сражались на фронтах гражданской войны, стали гвардейцами восстановления, активными участниками коммунистического созидания...

Перед нами всего двадцать биографий, двадцать литературных портретов революционеров. Их объединяет единство устремлений, высоких коммунистических идеалов, все они беззаветно преданы великому делу освобождения трудового народа, которому без остатка посвящены их жизни, которому они отдали все свои силы, весь жар своих сердец. Да, все они солдаты революции, но они не безлики, а многогранны и своеобразны, каждый из них по-своему прекрасен.

В этой книге нет специального очерка, посвященного Владимиру Ильичу Ленину. Но Ленин — в каждой жизни революционера, он незримо присутствует на каждой странице. Герои «Ленинской гвардии Урала» не только вдохновлялись идеями Ленина, руководствовались разработанной им стратегией и тактикой революционного действия — многие из них встречались с Ильичем, слышали его на совещаниях, конференциях и съездах партии, ездили к Ленину за советом, получали от Владимира Ильича письма. Ленин не раз избирался делегатом от большевиков Урала на партийные съезды, он знал жизнь трудового Урала, верил в силы его рабочего класса, его партийной организации и в своих грандиозных замыслах подготовки и проведения социалистической революции в России отводил Уралу виднейшую

роль, видя в нем, наряду с другими пролетарскими центрами, незыблемую опору революции.

И задолго до великого Октября неразрывные нити связывают рабочий Урал с Центральным Комитетом партии, с Лениным. Один за другим направляются на Урал агенты ЦК, как их тогда называли, посланцы Владимира Ильича. О многих из них рассказано в этой книге, и первый среди первых в ней — признанный и популярнейший руководитель уральских рабочих, уральских большевиков — посланец ленинского ЦК, Яков Михайлович Свердлов.

Юный Свердлов достойно представляет на Урале ленинскую когорту революционеров. Кипучий организатор, пламенный оратор, пропагандист, агитатор, он всегда в гуще рабочих масс, умело создает боевые организации партии и, опираясь на них, ведет уральских рабочих на борьбу против царизма.

Уральцы горды тем, что в 1905 году друг и соратник Ленина Свердлов стоял во главе уральских большевиков, а в 1917 году направлял революционную борьбу трудового Урала!

Рядом с ним мы встречаем в «Ленинской гвардии Урала» имена известных революционеров, вошедших в историю нашей партии. Это Н. Батурин, Н. Вилонов, Ф. Голощекин, И. Шварц. Как и многие другие посланцы ЦК, они в разное время были тесно связаны с партийными организациями Урала, вели здесь большую и разностороннюю революционную работу.

Много страниц в книге посвящено выдающимся уральским революционерам, чьи имена стали уже легендарными. Бессмертны герои гражданской войны Николай Толмачев, Иван Малышев. Песней о революции звучит для нашей молодежи романтическое имя матроса с далекой Красной Балтики Павла Хохрякова. С боевого корабля «Заря Свободы» моряк-большевик Хохряков прибыл на Урал по заданию Я. М. Свердлова, и неоценимы его подвиги в борьбе с контрреволюцией. Он один из организаторов Красной гвардии на Урале, и былинным эпосом доходит до наших сердец весть о богатырских боях флотилии Хохрякова на бурных реках Урала и Сибири и сказ о его геройской гибели с призывным кличем на устах...

Совсем иным рисуется нам внешний облик другого героя революции — Леонида Вайнера. Трудная жизнь подпольщика, тюрьмы, преследования подорвали его здоровье, но дух его непреклонен, несгибаем. Вайнер — кипучий организатор, один из руководителей екатеринбургских большевиков. Беззаветный и скромный, он пошел на защиту революции рядовым бойцом и погиб мучительной смертью за счастье народа, как воин революции. Похороны его «Уральский рабочий» назвал «красным смотром», который «закончился громовым салютом. Бойцу революции Вайнеру были оказаны воинские почести».

Читатель с глубоким уважением запомнит светлое имя Марии Оскаровны Авейде, узнает ее короткую, но яркую, как молния, жизнь, до последней капли крови отданную народу.

«В низах рабочих имя ее бессмертно. В верхах партии ее роль будет признана и оценена по достоинству.

Таких имен партия не забывает».

Так писала об Авейде уральская печать в те далекие годы.

И еще одно замечательное женское имя звучит со страниц книги «Ленинская гвардия Урала»: Сима Дерябина. Не только очерка — большого романа достойна ее изумительная жизнь!

Почти подростком она была уже заточена в тюрьму за революционную пропаганду, и с тех пор партийная деятельность заполняет всю ее жизнь.

Победа революции в 1917 году вызволила Дерябину из тюремной камеры, и она, тяжело больная, окунулась в работу по строительству новой жизни. Работает в газетах, возглавляет женотдел, организует ликвидацию неграмотности...

В 1920 году Серафима Дерябина сгорела от туберкулеза. Незадолго до смерти она писала в газете «Уральский рабочий» о погибших друзьях-революционерах:

«Они развернули перед изумленной толпой одну за другой красные страницы своей яркой, красивой и разумной жизни, полные огромных радостей и безмерных страданий».

С полным правом это можно сказать и о самой Дерябиной.

Страницы книги запечатлели имена и других руководителей партии большевиков Урала.

Яков Юровский был солдатом царской армии. Большевик с 1905 года. С той поры он верный солдат партии, встречавшийся с Лениным и Свердловым, выполнявший важные поручения партии.

Борис Дидковский — выпускник кадетского корпуса, во имя народа и его счастья порвавший со своей средой, с семьей. Он становится геологом, работает на Уральском Севере, активно включается здесь в революционную деятельность, а старые военные знания с блеском применяет в годы гражданской войны, в боях с контрреволюцией... С первых же мирных лет Дидковский — геолог и ученый — на своем посту отдавал все силы и знания социалистическому преобразованию Урала...

Сила и особая значимость гвардии Ленина на Урале в том, что ее костяком являлись передовые рабочие уральских заводов, — те, для кого борьба против гнета и бесправия была самым близким и своим, кровным делом, те, о ком горячо и прозорливо писал В. И. Ленин в своей статье о рабочем-революционере И. В. Бабушкине, назвав их «народными героями». Они не год и не два, а многие годы «посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса», они «действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию их сознания, их организации, их революционной самодеятельности. Это люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение...

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет полное освобождение от всякой эксплуатации» [1].

Рассказы о жизни рабочих-революционеров стоят в центре книги «Ленинская гвардия Урала».

Вот Николай Давыдов — рабочий екатеринбургского завода Ятеса, Верх-Исетского металлургического, паровозный машинист. С юных лет его жизнь связана с партией, с большевистским подпольем, его «университеты» — тюрьмы, ссылка, встречи со Свердловым...

Рядом — страницы жизни еще одного рабочего ВИЗа, слесаря Петра Ермакова. Он проходил курс наук в подпольной школе пропагандистов, которую создал в Екатеринбурге Я. М. Свердлов. Была у Петра Ермакова и еще одна школа — славные боевые дружины первой русской революции. «Боевиком» Ермаков оставался всегда — всегда в боевой готовности отстоять революционное дело. Его опыт и талант ярко развернулись в годы гражданской войны.

Да здравствуют юные силы,
Надежды и светлый порыв,
Волна непокорного чувства,
Дробящий утесы прилив!

Эти стихи написал сын златоустовского рабочего, учащийся Уральского горного училища, юный подпольщик Федор Сыромолотов, впоследствии видный уральский революционер. Он достойный представитель той нарождавшейся уже в предреволюционные годы новой рабочей интеллигенции, к которой относятся и известные далеко за пределами Урала большевики Сергей Черепанов, Виктор и Павел Быковы и многие другие. На страницах этой книги их яркая жизнь впервые находит обстоятельное отражение.

О многих уральских рабочих-революционерах рассказано в очерках; к сожалению, объем книги лишил пока возможности сделать это и о некоторых других.

Как не вспомнить, например, Павла Кина — рабочего екатеринбургского завода Ятеса, одного из активнейших соратников Я. М. Свердлова в 1905 году, одного из руководителей Екатеринбургского Совета в дни первой русской революции!..

Ревдинский рабочий Николай Камаганцев («Кузьма») играл в годы революционного подполья более скромную роль, но он был верным помощником екатеринбургского комитета, мужественно выполнял его поручения.

Нельзя не назвать и екатеринбургского слесаря Андрея Бутолина. Он вел трудную жизнь подпольщика, стал профессиональным революционером, смело проникал как боевой агитатор

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. V, т. 20, стр. 82.

партии не только в среду рабочих, но и за глухие стены солдатских казарм. Его арестовывали, он бежал, его ссылали в Сибирь.

Почти одновременно с Бутолиным, в 1906—1907 гг., в Екатеринбурге, Перми, Уфе звучал голос и другого агитатора и пропагандиста рабочего Григория Котова («Азарий»). Активнейшую революционную работу вел М. И. Ефремов («Финн») —член Екатеринбургского комитета РСДРП в годы первой русской революции, организатор подпольных типографий, агитатор, боевик, он был приговорен к вечной каторге...

Старые рабочие Урала помнят имя Романа Загвозкина, работавшего вместе с Сергеем Черепановым на екатеринбургской городской электростанции, активного участника трех революций. В 1918 году рабочий-большевик назначается членом президиума и комиссаром труда Екатеринбургского Совета.

Нельзя не вспомнить здесь добрым словом и особую группу рабочих активистов большевистского подполья — работников подпольных типографий. В тяжелейших условиях, подчас неделями, месяцами таясь в тайниках, почти без воздуха, они, не щадя своих сил и ежеминутно рискуя свободой, скромно и незримо делали героическое дело. Их поистине самоотверженный труд и подвижническая жизнь давали крылья слову партии, помогали донести его до миллионов сердец.

Александр Минкин («Матвей», «Марк») — рабочий-печатник, ставший профессиональным революционером. Боевик, соратник Я. М. Свердлова, он показал себя в дни революции 1905 года как один из умелых организаторов большевистского типографского дела на Урале.

Александра Петровна Кин, Таня Баранова, Елизавета Белопашенцева и многие другие товарищи внесли свой вклад в создание партийной печати на Урале, работая в подпольных типографиях, проявляя высокое мужество и беззаветную преданность делу революции. Юноша Леонид Гребнев, ученик горного училища, был приговорен к четырем годам каторги за дерзкую экспроприацию шрифта.

И каким изумительно весомым явился результат коллективного труда партийных организаций по созданию своего печатного органа! Уже 1 февраля 1907 года вышел в свет первый номер нелегальной большевистской газеты «Рабочий». Орган Екатеринбургского комитета РСДРП сразу же переходит в наступление — ведет бой против самодержавия и его уральских прихвостней: кадетов, «мирнообновленцев», против их продажных газеток. Широко освещает «Рабочий» жизнь и борьбу трудового Урала, печатает корреспонденции из Надеждинского завода, из Богословска, Перми...

Страницы первого номера «Рабочего» — убедительное свидетельство тесных связей большевистских организаций с рабочими массами, поразительной зрелости первых газетчиков партии, их организаторского и журналистского таланта.

И сегодня, через шесть десятилетий, мы, как и уральские коммунисты тех далеких лет, с чувством гордости читаем завер-

шающую строку «Рабочего»: «Типография Екатеринбургского комитета РСДРП. 10 000 экз.».

Вдумайся в эту цифру, читатель! Десять тысяч экземпляров — тираж подпольной большевистской газеты, издаваемой за тысячи верст от Петрограда, на далеком Урале. Поистине, уже более полувека назад коммунизм являл себя в России не призраком, как во времена Маркса, а могучей, растущей и неодолимой силой!

Под его знаменами выступали на заре века и первые гвардейцы партии Ленина на Урале. Раскрыть имена их всех, рассказать о них молодежи — благородная и далеко еще не решенная задача.

На Урале вели партийную работу по заданию ЦК такие известные революционеры, как «Артем» (Ф. А. Сергеев), М. Н. Лядов, П. Г. Смидович — агент ЦК в Екатеринбурге и Н. Н. Крестинский, сыгравший видную роль в подготовке Октябрьской революции на Урале, возглавлявший в 1917 году Уральский областной комитет партии...

Из далекого прошлого дошла до нас звонкая кличка уральского революционера «Червонного». Охранка и полиция сбились с ног в поисках этого неуловимого руководителя большевистского подполья 1907 года... «Червонный» — это Иван Иванович Кириевский. Громкое судебное «дело Кириевского», в конце концов арестованного царскими ищейками, известно в истории парторганизаций Урала как дело Уральского обкома, но жизнь самого «Червонного» еще ждет своего летописца.

Рядом с ним можно рассказать и об одном из первых «искровцах» на Урале — активнейшем работнике Екатеринбургской организации большевиков — Александре Михайловиче Капустине. В годы реакции он, в целях маскировки, служил в нотариальной конторе. В те дни, особенно в период VI (Пражской) конференции РСДРП, скромный письмоводитель нотариуса сумел превратить эту неприметную контору в очень ценный для партийной организации Урала почтовый пункт. В адрес Екатеринбургской нотариальной конторы поступала корреспонденция и из Парижа, где в то время находился большевистский партийный центр во главе с В. И. Лениным.

А как интересно было бы воссоздать сегодня облик скромного учителя Владимира Николаевича Андроникова, революционера-романтика, мечтавшего в сибирской ссылке о раскрытии для народа сказочных богатств уральских недр. Поднятый революцией к большим свершениям, Андроников был в 1917 году председателем Екатеринбургского окружного Совета депутатов трудящихся, а позднее — председателем Уралплана. Он много сделал для будущего развития нашего края...

На страницах этой книги не раз упоминается имя Анны Бычковой — старейшей коммунистки Урала, недавно удостоен-

ной второго ордена Ленина за большие заслуги в революционном движении, за активную общественно-политическую деятельность и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения. Специальная сессия исполкома Свердловского горсовета чествовала Анну Николаевну и вручила ей диплом Почетного гражданина Свердловска...

Немногим моложе и по возрасту и по партийному стажу Анатолий Иванович Парамонов, соратник Малышева и Вайнера, умело сочетавший в годы подготовки революции нелегальную и легальную работу в массах. Смелый боец с контрреволюцией в гражданской войне, А. Парамонов после победы Советской власти возглавлял губернский исполком в Екатеринбурге, в Челябинске.

Более шести десятилетий с честью носил высокое звание коммуниста уралец Александр Владимирович Рогожкин, начавший свою революционную деятельность в Красноуфимске и уже в 1908 году арестованный и отбывавший тюремное заключение за большевистскую пропаганду среди солдат царской армии. Активный участник установления и упрочения Советской власти на Урале, воин Красной Армии на фронтах гражданской войны, член военно-революционного комитета Красноуфимска, секретарь Тобольского окружкома ВКП(б), член Президиума Уральской областной контрольной комиссии ВКП(б), — таков далеко не полный славный «послужной список» старейшего уральского коммуниста А. В. Рогожкина.

Шестьдесят лет — с 1906 года! — связана с партией большевиков жизнь другого уральца — Александра Федоровича Крылова. Его путь в революцию начался в начале века в Челябинске, его прерывали лишь неоднократные аресты, тюрьмы и ссылки. И когда вскоре после победы великого Октября враги попытались задушить революцию и Владимир Ильич Ленин призвал на защиту завоеваний народа, А. Ф. Крылов в полной мере использовал свое право коммуниста — быть там, где труднее! Рядовым красноармейцем сражался он за Советскую власть... Отгремела гражданская война, и верный сын партии — на руководящей партийной работе на родном Урале, в Свердловске. А. Ф. Крылов — всегда в первых рядах тех, кто по ленинским предначертаниям строит новую жизнь...

Разумеется, если бы была возможность расширить объем настоящей книги, дополнить ее именами многих ныне здравствующих старых коммунистов, коллективный портрет революционера-ленинца, встающий с ее страниц, обогатился бы новыми интересными штрихами. И нет сомнения, что работа, начатая авторским коллективом «Ленинской гвардии Урала», будет продолжена в новых и новых очерках об Уральской большевистской гвардии.

Читателю известны такие ранее изданные в Свердловске коллективные книги воспоминаний активных участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале, как

«В борьбе за власть Советов», «В боях и походах», «От поколения к поколению». Книги старых коммунистов Урала: Р. Валек «Жизнь в борьбе», А. Бархатова «Повесть минувших дней», А. Медведева «По долинам и по взгорьям», Ф. Копытова «В боях на Северном Урале», В. Федотова «Парни с Урала» и многие другие.

И все же «Ленинская гвардия Урала» — особая книга. Это первое большое коллективное повествование свердловских писателей о коммунистах Урала, родившееся и создававшееся в теснейшем творческом и идейном содружестве писателей со старыми коммунистами, которые выступили не только ее инициаторами, но и мудрыми редакторами, а порой и соавторами.

Именно поэтому авторам удалось взволнованно и правдиво, в художественно-документальной форме раскрыть страницы истории уральского большевистского подполья, показать полную героизма картину подготовки и проведения Великой Октябрьской революции на Урале, беззаветную и мужественную защиту завоеваний революции от ее многочисленных врагов.

Приближающееся 50-летие Великого Октября еще больше приобщило литераторов к живительному и неисчерпаемому роднику истории нашей партии, нашей Революции. И вслед за «Ленинской гвардией Урала» читатель получит новые книги — вдохновенные, хорошие и разные — о коммунистах всех поколений, о делах и людях партии Ленина, преобразующей жизнь на земле во имя Мира, Труда, Свободы, Равенства, Братства и Счастья всех народов.

Б. КРУПАТКИН

Я. М. СВЕРДЛОВ НА УРАЛЕ

В начале 900-х годов революционная работа на Урале была сопряжена с целым рядом трудностей, отличалась значительным своеобразием, связанным с самим характером уральского пролетариата, с его историей и условиями существования.

Урал — огромнейший район страны, на площади которого свободно могли бы разместиться несколько европейских государств, был опутан пережитками крепостничества. Рабочие уральских заводов были прикованы к заводчикам цепями полукрепостной зависимости, связаны с хозяином тысячами вековых предрассудков.

Беспрестанно ухудшавшиеся условия существования, варварская эксплуатация и гнет вызывали озлобление в широкой рабочей массе, толкали рабочих на борьбу с существующими порядками.

Когда до Урала докатились отзвуки залпов, гремевших 9 января 1905 г. на Дворцовой площади в Петербурге, на борьбу начал подниматься и уральский пролетариат. Общий подъем революционного движения в стране находил живейший отклик среди уральских рабочих.

Задача уральских социал-демократических организаций заключалась в том, чтобы накопившуюся веками ненависть к предпринимателям-заводчикам и к представителям царской власти, к полиции повернуть на путь классовой пролетарской борьбы. А для этого нужно было разгромить эсеров, меньшевиков, анархистов, очистить рабочие ряды от представителей мелкобуржуазных партий, вырвать пролетариат из-под их влияния.

Организация, организация и еще раз организация — вот что прежде всего нужно было уральским большевикам, широким рабочим массам и всем трудящимся Урала.

А этого-то как раз нам и не хватало! К началу первой русской революции, к 1905 году, на Урале имелась сравнительно развитая сеть социал-демократических организаций. Но организации эти были разобщены, распылены, не связаны единым руководством, действовали порознь и по-разному.

В обстановке, когда стремительно развертывавшиеся революционные события требовали полного напряжения всех сил, огромной энергии, глубокой политической подготовки, умения правильно оценить обстановку и использовать революционные выступления рабочих для подъема всего движения на новую, высшую ступень, местные уральские комитеты РСДРП еле успевали справляться с повседневной работой. Текучка захлестывала, а главное упускалось.

Все это, конечно, понимал Ленин, знал и учитывал Центральный Комитет партии. Именно поэтому в сентябре 1905 года на Урал был направлен в качестве агента ЦК такой опытный и проверенный на большой практической работе организатор, каким был Яков Михайлович Свердлов.

В товарище Андрее — под этим именем появился Яков Михайлович на Урале, вскоре, буквально через несколько

дней после его приезда, сначала в Екатеринбурге, а затем на всем рабочем Урале увидели нового организатора, заговорили об Андрее.

Свердлов поселился в Екатеринбурге, в старом административном центре горного Урала. В те дни Екатеринбург был и революционным центром для близлежащих крупных заводов. Отсюда давались указания, посылалась литература, направлялись агитаторы в Челябинск, Тюмень, Нижний Тагил, Сысертский, Алапаевский и другие заводы.

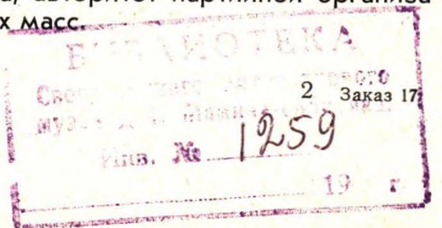
В первые же дни после приезда Свердлов побывал на занятиях всех кружков, на квартирах товарищей, на заседании комитета. Яков Михайлович обладал такой изумительной памятью, что стоило ему раз встретиться с человеком, и образ нового товарища сохранялся в его памяти на долгие годы.

Про Свердлова многие говорили, и я сама, наблюдая Якова Михайловича, не раз убеждалась в этом, что он как-то интуитивно, мгновенно схватывал сразу самую сущность человека, с которым сталкивался, со всеми его особенностями. Он умел моментально определить сильные и слабые стороны каждого работника и найти ему наиболее подходящее место.

Побывав в рабочих кружках, Свердлов сразу же начал смело выдвигать на активную партийную работу молодежь из числа рабочих-кружковцев. Рабочие говорили: «Андрей зорким своим глазом определял и правильно выбирал людей, пригодных для революционной работы».

Ближайшими помощниками Свердлова в Екатеринбурге стали лучшие молодые организаторы, связанные с рабочими: Сергей Черепанов, М. О. Авейде (Оскаровна), А. Е. Минкин (Марк), Камаганцев (Кузьма), Федор Федорович Сыромолотов (Федич) и ряд других.

Количество кружков в городе быстро росло. С приездом Якова Михайловича повысилась ответственность каждого члена партии за порученное ему дело; об этом не говорили, но каждому хотелось работать лучше: пропагандисту хотелось, чтоб его хвалили члены кружка; разносчик прокламаций хотел, чтобы весь завод или вся улица говорила о том, как ловко всюду разбросаны прокламации. Чувствовалась дружная напряженная работа, авторитет партийной организации рос среди самых широких масс.

2 Заказ 17

Весной 1905 г. я была арестована в связи с провалом нашей подпольной типографии и, когда Яков Михайлович приехал в Екатеринбург, сидела в тюрьме. В тюрьму с трудом проникали вести с воли. Мы, заключенные, далеко не все знали, что творится в стране, в нашей организации. То одному товарищу передавали маленькую записочку, то другому говорили пару слов при свидании, но во всех сообщениях с начала сентября стали упоминать об одном — о переломе в работе, связанном с приездом в Екатеринбург хорошего организатора, посланного Центральным Комитетом. В осторожных записках сообщалось: «Он уже со всеми перезнакомился... он везде побывал... он замечательный товарищ... теперь нам есть у кого учиться и с кем посоветоваться».

Действительно, каждому, кто хотя бы в первый раз попадал на заседание Екатеринбургского комитета, бросалось в глаза, что руководит в комитете этот совсем еще молодой, энергичный, волевой человек, что он опытнее, принципиальнее и больше знает, чем многие, старшие по возрасту товарищи. В самые трудные моменты о нем каждый думал: «Андрей не подведет, надо действовать так, как он предлагает».

Казалось просто невероятным, что этот юноша, а ведь когда Яков Михайлович Свердлов приехал на Урал, ему шел двадцать первый год, так быстро сумел сосредоточить в своих руках все нити руководства организацией, добился такого непререкаемого авторитета и, главное, в какие-нибудь две-три недели полностью перестроил всю работу комитета, вывел организацию на новую, широкую дорогу.

Особенно невероятным это казалось нам — тем, кто не первый год работал в уральских социал-демократических организациях, кто был, подобно мне, членом Екатеринбургского комитета партии и в первые дни пребывания Свердлова на Урале не видел его, не работал и не сталкивался с ним, находился за тюремной решеткой. Питаясь скудными, отрывочными сведениями с воли, постоянно слыша: «Андрей сказал... Андрей предложил... Андрей советует...» — мы не могли понять, что это за «чудодейственный Андрей» появился в Екатеринбурге и как ему удалось добиться таких поразительных результатов.

Никакого чуда, конечно, не было. Для перелома в работе

и мощного подъема революционного движения на Урале имелись все объективные предпосылки, все условия. Они, эти условия, состояли и в общем подъеме революционной волны по всей стране, неизбежно влиявшем на ход событий на Урале; и в том, что в периоды революционных бурь и потрясений сознание масс проясняется с неслыханной быстротой и все новые и новые слои втягиваются в активную революционную деятельность; и в том, что всем ходом предшествующих событий уральский рабочий класс и трудовое крестьянство были подведены вплотную к суровым, решительным боям с царизмом.

Но сами по себе объективные условия не дают желаемых результатов, не приближают победы, если не суметь глубоко их понять и не использовать на благо революции.

Ведь и ранее, в течение большей части 1905 года, имелись на Урале эти объективные условия, тем не менее только с приездом Якова Михайловича Свердлова произошел такой быстрый и решительный перелом. Дело было в том, что Яков Михайлович стоял на много голов выше нас, местных работников, видел значительно дальше и яснее, лучше нас понимал стоявшие перед партией задачи, умел все силы сосредоточить на главном.

Сила Якова Михайловича состояла прежде всего в том, что он глубоко изучил революционную теорию. Он умел делать серьезные политические обобщения и намечал практические мероприятия, исходя из общеполитической обстановки и конкретных задач. Во всей своей повседневной работе он умел любую практическую задачу увязывать с общими задачами и конечной целью всего революционного движения российского пролетариата. Воспитанный с самых первых дней своей революционной работы ленинской «Искрой», прекрасно знавший все работы Ленина и основные труды Маркса и Энгельса, Свердлов был подлинным ленинцем, несгибаемым большевиком. За всю свою жизнь Я. М. Свердлов никогда не расходился с Лениным в оценке политических событий, всецело разделял его взгляды и установки и неуклонно проводил их в жизнь.

Сила Якова Михайловича Свердлова состояла также и в том, что пройдя большую и многогранную школу подпольной работы в Нижнем, Сормове, Костроме, Казани, он, как

никто другой, понимал все значение организации, всю роль организационной работы. Воспитанный на ленинских принципах организационного построения партии, неумолимый враг всякой расплывчатости и неопределенности, Яков Михайлович был, по определению В. И. Ленина, выдающимся организатором нашей партии. Он умел расставить людей так, чтобы личные способности и свойства каждого были использованы для общего дела наилучшим образом. Именно поэтому с первых же дней после приезда Свердлова в Екатеринбург стал наш комитет так быстро обрастать боевым, деятельным активом, взвалившим в дальнейшем всю тяжесть подпольной партийной работы на Урале на свои плечи.

Сила Якова Михайловича состояла и в том, что с первых же дней работы на Урале, как и всю свою жизнь, он самым тесным образом был связан с широкими народными массами, беспрестанно общался с рабочими, не только учил их, но и сам постоянно учился у рабочих.

Помню один из первых больших митингов, на котором многие впервые увидели и услышали Свердлова. Митинг состоялся вблизи вокзала, там, где теперь высятся корпуса Уралмаша. Яков Михайлович одним из первых пришел на митинг. Когда позволяло время, он всегда старался прийти пораньше. Переходя от одной группы рабочих к другой, он оживленно разговаривал, знакомился с рабочими, деловые разговоры перемежал шуткой. Говорил Свердлов со всеми, как с хорошими знакомыми, держался так просто, так задушевно, что даже обычно замкнутые люди при нем оживлялись и становились разговорчивыми. Яков Михайлович обладал редким умением завязывать самую непринужденную беседу с любым человеком. Простота его была настолько естественной, так подкупала, что каждого собеседника быстро располагала к нему и вызывала на откровенность.

Начался митинг. Выступил Свердлов, он призывал к решительной борьбе с самодержавием, разъяснял политику партии. Говорил Яков Михайлович так же просто, как и беседовал с людьми до митинга, как просто делал все. Его жесты были скупы, речь понятна и убедительна. Андрей заражал слушателей своим горячим энтузиазмом, укреплял волю к борьбе и веру в победу. Внимание всех было приковано к нему, и если бы он закончил свою речь призывом к немедленному

действию, за ним поднялись бы все как один человек, так волновала его речь.

Сила Якова Михайловича была, наконец, и в его редком личном обаянии. Он умел разговаривать с людьми, подчинял своему влиянию, покорял своей страстностью и искренностью убеждений. Он был исключительно прям и правдив, никогда не хитрил и не обманывал людей. Он никогда и никому ничего не обещал зря, а уж если обещал, то делал непременно и точно в назначенный срок.

Яков Михайлович отличался необычайной бодростью и жизнерадостностью. Я не помню его хмурым, угрюмым, раздраженным. Он, казалось, не знал, что такое уныние, нытье, растерянность.

Якова Михайловича живо интересовали и глубоко волновали повседневные нужды и заботы простых людей, с которыми он постоянно общался. В бытность на Урале ему нередко приходилось ночевать где придется, бывать на десятках квартир, у десятков товарищей, у рабочих. И вскоре Андрей стал любимцем не только уральских большевиков, не только уральских рабочих, но и самым желанным гостем в каждой рабочей семье.

...События между тем нарастали. Всеобщая политическая стачка охватила страну. Очередь была за Уралом. 14 октября остановилось железнодорожное движение на Екатеринбургском узле, уральские железнодорожники примкнули к стачке. Партийный комитет готовил все организации к активной борьбе.

17 октября 1905 года был опубликован пресловутый царский манифест о так называемых «свободах». Манифест мог обмануть только либеральную буржуазию и вызвать слезливый восторг у меньшевиков. Большевики, передовые рабочие прекрасно понимали, чем было вызвано опубликование манифеста и какие цели он преследует.

Нужно было раскрыть глаза всем рабочим, всем трудящимся на лживость и фальшь царских обещаний, показать, что правительство было вынуждено пойти на отдельные, незначительные уступки, пытаясь сохранить всю власть в своих руках, что только дальнейшее развертывание революции, только самая беспощадная борьба с самодержавием принесет народу подлинное освобождение.

Утром 19 октября Екатеринбург был охвачен небывалым оживлением. Главные улицы заполнились возбужденным народом. Полиции нигде не было видно, но порядок всюду был безупречный. На центральной городской площади было особенно людно. Комитетчики, члены партии собирали пустые ящики и готовили из них самодельную трибуну. Был среди всех и Яков Михайлович. Он был весел, шутил и смеялся, подбадривал товарищей.

Боевая дружина, созданная в Екатеринбурге еще летом 1905 года, получила указание комитета обеспечить порядок на митинге и охрану ораторов. А об охране позаботиться нужно было очень крепко.

Я невольно стала свидетельницей того, как черная сотня готовилась к выступлению.

Используя объявленные в манифесте «свободы», комитет решил попытаться освободить из тюрьмы наших товарищей. В николаевской тюрьме около Нижней Туры содержались в заключении активные работники комитета: Михаил Вилонов (Заводской), Н. Н. Замятин (Батурин) и ряд других. Зная нравы николаевских рот (так называлась эта тюрьма), мы боялись за жизнь наших товарищей, и комитет поручил мне отправиться к прокурору суда и добиться их освобождения. Я сначала побывала в окружном суде, но, не застав там прокурора Казицина, пошла к нему на квартиру. Мне удалось уговорить прокурора дать начальству «николаевки» специальную телеграмму насчет наших товарищей, копию которой я взяла себе, чтобы переправить ее Михаилу Заводскому.

Еще подходя к квартире прокурора, находившейся там, где теперь помещается дом № 3 по улице имени 8 Марта, я заметила сидевших возле домов на скамеечках, просто на панели и прохаживающихся людей, внешний облик которых явно выдавал в них погромщиков. Большинство из них было одето в поддевки, в руках у многих были тяжелые палки и увесистые дубинки.

Погромщики действовали при прямом попустительстве властей и полиции. Больше того, именно власти и полиция были организаторами и вдохновителями погромов. Когда у черносотенцев дело не ладилось, когда они встречали серьезный отпор, им на помощь обыкновенно приходили казаки.

Позже мы узнали, что екатеринбургских черносотенцев благословил на их «ратные подвиги» сам городской архиерей.

Митинг начался.

Первым выступил Андрей. Но не успел он произнести и несколько слов, как на площадь из прилегающих улиц, размахивая дубинками и оглашая воздух мерзкой бранью, кинулись толпы погромщиков. Они стремились пробиться к Андрею. Однако это было не так-то легко. Около трибуны сгруппировались дружинники, раздались отдельные выстрелы. Погромщики были храбры только при легком успехе, в случае отпора они терялись. Так произошло и сейчас. Они смешались, но и наши боевики действовали нерешительно, не были как следует подготовлены и не имели достаточного опыта, а черносотенцам на подмогу спешили уже казаки.

Воспользовавшись временным замешательством нападавших, комитетчики и актив скрылись в здании выходившего на площадь Сибирского банка и оттуда, мелкими группами по 2—3 человека, вышли через задние двери во двор и на соседние улицы.

На тот же вечер было назначено собрание Екатеринбургского комитета вместе с активом организации.

Собрание происходило на Верх-Исетском заводе, проводил его Яков Михайлович. Ни тени растерянности не было в его словах. Как всегда, он был спокоен и бодр. С большевистской прямотой Яков Михайлович вскрыл причины неудачи. Указал, что наиболее сильный рабочий коллектив Екатеринбурга — Верх-Исетский завод, который мог бы разогнать погромщиков,— по вине организации опоздал на митинг. Яков Михайлович особо подчеркивал недостаточную подготовленность боевой дружины. Собрание прошло спокойно, по-деловому. Было решено лучшие силы партии направлять в боевую дружину. Тут же были намечены конкретные мероприятия и назначен начальник боевой дружины — Ф. Ф. Сыромолотов.

Яков Михайлович вносил атмосферу спокойствия и уверенности во всю работу организации. Он не терпел паники, глубоко верил в победу. И действительно, влияние большевиков на массы росло на глазах. Выступление черной сотни против мирной демонстрации, сговор между погромщиками, полицией и духовенством многим открыли глаза.

Первая неудача с митингом научила организацию быть более предусмотрительной, лучше и тщательнее готовить каждое мероприятие.

А обстановка все более и более благоприятствовала развертыванию работы в массах. В Екатеринбурге началась полоса многолюдных открытых собраний. Все митинги подготовлялись заранее, распределялись темы выступлений, намечался состав президиума, организовывалась охрана. Помещение заполнялось до отказа, приходили преимущественно рабочие и крестьяне. Смелые, доходчивые речи Андрея находили горячий отклик у собравшихся. Яков Михайлович дорожил каждым митингом, не пропуская случая выступить перед многолюдным собранием.

Слушали его, затаив дыхание. Последние события в стране расшевелили самые глубокие, стоявшие ранее в стороне от движения массы. Желание во всем разобраться, понять суть происходящих событий было огромно. В эти дни десятки тысяч уральских рабочих и крестьян в первый раз услышали правдивое слово большевиков. У многих из них жизнь повернулась по-новому. Екатеринбургский комитет большевиков, руководимый Я. М. Свердловым, собирал тысячи уральских рабочих и крестьян под боевое ленинское знамя.

Популярность Андрея среди рабочих росла с каждым днем. Он стал не только любимым оратором, но и признанным председателем всех крупных митингов и собраний. А председатель он был незаурядный. Любое собрание он вел с замечательной твердостью и искусством, никогда в то же время не нарушая демократии. Несколькими спокойными словами он мгновенно утихомиривал разбушевавшиеся страсти. Своим могучим голосом перекрывал любой крик и шум наших противников, пытавшихся помешать большевикам, и стал подлинной грозой меньшевиков и эсеров.

Если за столом на месте председателя большого митинга не было Якова Михайловича, в зале поднимался шум. Сначала неясно, потом все отчетливее и настойчивее поднимались голоса: «Андрея председателем!»... «Просим Андрея!». Случалось, что на митинге, собранном эсерами, рабочие не позволяли председательствовать эсеру. И на этих митингах Я. М. Свердлов и другие товарищи изобличали мелкобуржуазную сущность устроителей митинга — эсеров и проводили

большевистскую резолюцию. Эсеры все больше теряли влияние на рабочих.

Охрана организуемых нами митингов и поддержание порядка на них была возложена на боевую дружину. После печального урока 19 октября работа дружины была полностью перестроена. Комитет не передоверял больше дружину отдельным товарищам, а сам руководил ее деятельностью. В отряды были направлены наиболее стойкие, надежные партийные работники. Яков Михайлович тщательно наблюдал за организацией и обучением боевой дружины, за подбором кадров боевиков. Дружинники не ограничивались тренировкой в стрельбе, как раньше, но изучали тактику уличного боя, технику вооруженной борьбы. Все женщины, члены партии, проходили курс первой медицинской помощи, практиковались в больницах.

Под руководством Якова Михайловича был составлен план вооруженного восстания в городе, предусматривавший захват важных стратегических пунктов.

Оружие для дружины добывалось через сочувствующих инженеров с Ижевского оружейного завода. Перевозка оружия обставлялась так конспиративно, так умело маскировались боевики, которым это поручалось, что не было случая, чтоб транспорт с оружием попал в руки полиции.

Крупные транспорты поручалось провозить только смелым, находчивым товарищам. Однажды был такой случай: товарищу пришлось везти большую корзину с оружием. Корзина была такая тяжелая, что одному не поднять. Тогда наш боевик оделся, как богатый купец, взял с собой молодую девушку, работника партийной организации, которую также хорошо и богато одели. «Молодые» купили нарядный сундук и сложили в него все оружие.

На вокзале «купец» подозвал носильщиков, обещал им щедро заплатить и предупредил, чтоб они были осторожны, так как в сундуке хрусталь, фарфор и другое приданое, все вещи очень ценные. Весело улыбаясь и мило беседуя, шли разряженные товарищи за носильщиком, жандармы им почтительно козыряли, и никому не могло прийти в голову, что за «приданое» лежит в богатом купеческом сундуке.

Результаты перестройки работы дружины сказались быстро. Дружинники так решительно пресекали всякие попытки

сорвать наши собрания, что черносотенцы не на шутку стали их бояться. Дисциплина дружины и ее вооружение — многие дружинники уже имели винтовки — производили сильное впечатление не только на погромщиков, но даже и на полицию.

Помню, как однажды группа пьяных погромщиков пыталась ворваться в Верх-Исетский театр, где шел в это время большевистский митинг. Бывшие настороже дружинники не растерялись. Угрожая оружием, они окружили черносотенцев, загнали их в отдельную комнату театра, продержали их под охраной и выпустили только тогда, когда митинг окончился и театр опустел.

После многолюдных митингов имя Андрея стало известно далеко за пределами Екатеринбурга. Это имя было тесно связано с партией. «Андрей» — значило большевик. Есть такие заводы на Урале, где от человека к человеку и до сего дня передают подробности о приезде Андрея на завод, о его выступлениях, хотя можно с уверенностью сказать, что он на этом заводе не был. Но так много слышали о нем, так велико было желание видеть его, что о его приезде создавались легенды.

В октябре и ноябре 1905 г. Яков Михайлович все силы отдавал укреплению Екатеринбургской организации и никуда не выезжал из Екатеринбурга. За это время Екатеринбургский комитет провел большую работу по подготовке кадров пропагандистов и агитаторов из среды рабочих и учащейся молодежи, создал крепкую боевую дружину, улучшил деятельность профсоюзов, организовал Совет рабочих депутатов.

В городе существовала сеть различных кружков. Все кружки объединили и создали по инициативе Якова Михайловича рабочий университет, или партийную школу, как поразному ее тогда называли. Человек 30—35, отобранных из рабочих кружков и из учеников Уральского горного училища, изучали программу и тактику партии, политическую экономию, историю рабочего движения на Западе. Одним из основных работников университета был Н. Н. Батурин — крупный историк, марксист, работавший тогда агентом ЦК на Урале. Он преподавал историю рабочего движения. Яков Михайлович вел занятия по тактике и программе партии. Вся теоретическая подготовка пропагандистов была насыщена актуальным политическим содержанием.

В октябрьские дни, в разгар борьбы с царизмом, родилась новая политическая организация пролетариата — Советы рабочих депутатов.

Екатеринбургский Совет начал свою работу под руководством Якова Михайловича Свердлова. На многолюдном митинге Свердлов призывал рабочих всех екатеринбургских заводов посылать своих представителей в Совет. Председателем Совета был единодушно выбран С. А. Черепанов, а его заместителем — рабочий завода Ятеса Павел Кин, ученик и товарищ Якова Михайловича.

В эти месяцы Яков Михайлович работал чрезвычайно много. Во многом облегчала работу правильная подготовка и расстановка кадров, дававшая теперь свои плоды. Везде: на всех заводах и в Совете, в самом Екатеринбурге и ближайших населенных пунктах — всюду имелись представители комитета, хорошие и надежные помощники, неоднократно проверенные на работе.

Изменился за это время и наш быт, что было особенно важно для Вилонова, Якова Михайловича и Батурина, так как они были, пожалуй, самыми «бездомными» и неустроенными из всех нас, екатеринбургских комитетчиков. Приехал Яков Михайлович в Екатеринбург по подложному паспорту. Да и вообще профессиональному революционеру паспорта приходилось менять часто не только при переезде из города в город, но и в одном городе, при неизбежных переменах квартиры. Постоянного жилья Яков Михайлович не имел, одежда была ветхая, питался кое-как.

В дни «свобод» группа товарищей поселилась вместе и зажила коммуной в Верх-Исетском поселке, возле завода. Участниками нашей коммуны, кроме Якова Михайловича и меня, были Н. Н. Батурин, М. О. Авейде, Михаил Вилонов.

Кроме того, постоянно жили товарищи, приезжавшие из различных городов и заводов Урала. Жили мы без прописки, так как хозяин дома сочувствовал революционерам и охотно предоставил нам помещение.

Совместная жизнь дала возможность наладить более или менее регулярное питание. Товарищи, недавно перенесшие тяжелое тюремное заключение,— Батурин и Вилонов, могли хоть немного окрепнуть.

Но коммуна имела не только бытовое значение. Она во многом облегчала работу, стала подлинной штаб-квартирой комитета.

...Поражение декабрьского восстания в Москве, разгром восставших в Мотовилихе, переход царского правительства в наступление на рабочий класс в ряде городов свидетельствовали о переломе в ходе революции. Было ясно, что царизм мобилизовал все силы на подавление революции.

Екатеринбург доживал последние дни конституционных иллюзий. Открытые митинги и собрания прекратились, выступать на публичных митингах большевики уже не могли, но отпечатанная в типографии Программа партии распространялась среди рабочих и крестьян еще открыто.

В январе 1906 года в Екатеринбурге начались обыски и аресты, но они не застали нас врасплох. Первый удар жандармы и полиция намеревались нанести нашей штаб-квартире, рассчитывая сразу обезглавить весь комитет. Силы были мобилизованы немалые. Однажды ночью в Верх-Исетский поселок явились жандармы, полиция, конные казаки. Был оцеплен весь квартал, где находилась коммуна, приостановлено все движение на улицах. Несмотря на позднее время, за оцеплением собирались толпы рабочих, и весть о налете на следующий же день разнеслась по всему городу.

Пристав, руководивший налетом, заранее потирал руки и предвкушал похвалы начальства за поимку всего руководства большевистской организации Екатеринбурга. Какова же была ярость пристава, когда дом оказался пустым. Не только никого из нас, но ни одной подозрительной бумажки обнаружить в доме не удалось.

Уже в конце 1905 года Яков Михайлович приступил к переводу организации на нелегальное положение. В первую очередь надо было сохранить актив. Возле штаб-квартиры сначала было организовано ночное дежурство, а затем заблаговременно все товарищи, по указанию Якова Михайловича, перебрались на различные конспиративные квартиры.

Работа по перестройке облегчалась тем, что уральцы никогда особо не обольщались конституционными «свободами». Большая заслуга в этом принадлежала Якову Михайловичу. Он неустанно разъяснял всем нам, что до окончательной победы революции еще далеко, что в ходе событий мо-

гут быть всевозможные повороты, к которым всегда надо быть готовыми. Эти указания Якова Михайловича полностью вытекали из установок Ленина, постоянно и настойчиво подчеркивавшего, даже в дни наибольшего подъема революции, что нельзя чрезмерно увлекаться дарованными царем «свободами» и преждевременно говорить о ликвидации конспиративного аппарата партии. В результате, при всемерном использовании легальных возможностей, Екатеринбургская партийная организация сохраняла и нелегальный аппарат. В состоянии постоянной готовности поддерживались конспиративные и явочные квартиры, отрабатывалась система связи и пароли, все мы были готовы в любой момент к переходу на нелегальное положение.

Екатеринбург к этому времени фактически уже становился центром всей партийной работы на Урале, поставщиком партийных кадров для многих уральских партийных организаций. Уделяя большое внимание подготовке организаторов, пропагандистов, агитаторов, создавая партийную школу в Екатеринбурге, Яков Михайлович думал обо всем Урале, а не только об одной Екатеринбургской партийной организации.

Сейчас, в новых условиях, Яков Михайлович начал с решительного перераспределения кадров, с перестановки работников. Предложенный им план был детально рассмотрен и полностью одобрен Екатеринбургским комитетом партии.

Екатеринбургских работников, которые под руководством Якова Михайловича прошли хорошую школу, разослали в разные города и на различные заводы Урала. На смену им вызвали товарищей из других уральских городов. Такого большого и смелого перераспределения партийных сил Урал еще никогда не знал. Только талантливый организатор, пользующийся непререкаемым авторитетом, мог проделать такую работу в пределах огромной области, да еще за столь короткие сроки. Нужно было каждого человека направить туда, где он был бы больше всего полезен для революции. Переброска способствовала, с одной стороны, укреплению местных партийных организаций, а с другой — сохраняла партийные кадры от преследования полицейских ищеек и от провала. Товарищи ехали на места, где они не были известны жандармам и шпикам, охранка теряла их след, и на новом

месте они могли действовать спокойнее и увереннее. Революционная работа продолжалась без перебоев.

Реакция тем временем продолжала наступать. После провала попытки захватить нашу штаб-квартиру местные власти начали повальные обыски по всему городу. Искали Андрея. Но найти его полиция не могла. Андрей оставался неуловимым. И хуже всего для полиции и жандармов было то, что он не исчез, не забился куда-либо в нору, не отсиживался в бесплодном ожидании лучших времен, а вел самую кипучую и энергичную работу, руководил всей деятельностью партийной организации, неустанно звавшей рабочих на борьбу с самодержавием.

Однако вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания Якова Михайловича в Екатеринбурге волновал буквально всех работников комитета. С каждым днем ему становилось все труднее и опаснее оставаться в городе. Ведь время «свобод» кончилось!

Мы, конечно, тщательно оберегали Якова Михайловича. Теперь только самые надежные и проверенные партийцы знали, где он бывает, где ночует, с кем встречается. Но Андрея в Екатеринбурге знали сотни и тысячи людей и, как он ни менял свою наружность, в любой момент его могли опознать.

Взвесив все, комитет решил, что настала пора Свердлову покинуть Екатеринбург и перебраться в Пермь. Интересы работы подсказывали необходимость переезда в Пермь.

Фактически к 1906 году Яков Михайлович возглавлял работу уже по всему Уралу. Пермь являлась тогда губернским центром. Почти вся Уральская область по административному делению входила в состав Пермской губернии. Вблизи Перми находился крупнейший на Урале Мотовилихинский завод, и областной центр целесообразнее всего было образовать в Перми.

Мне было поручено подготовить пристанище в Перми. Я выехала на несколько дней раньше Якова Михайловича и на первое время сняла номер в городской гостинице.

В Перми всю работу пришлось налаживать сначала.

Из комитета РСДРП уцелел только один товарищ — молодой, еще несовершеннолетний мотовилихинский рабочий Миша Туркин, носивший довольно мудреную партийную

кличку «Тратотон». С ним первым и встретился Яков Михайлович сразу же по приезде в Пермь.

В первый же день после приезда в Пермь Яков Михайлович вместе с Туркиным отправился пешком в Мотовилиху. На квартире одного из товарищей он провел небольшое собрание, на котором присутствовало 5—6 человек. Каждому из них было дано задание приступить к восстановлению разгромленной организации.

Через несколько дней на другой квартире Яков Михайлович провел уже более широкое собрание, на котором четко поставил задачу создания крепкой, централизованной организации в Мотовилихе. Тут же, на этом собрании, на листе бумаги он набросал схему построения большевистской организации, наглядно показав товарищам, как она должна строиться, как должна осуществляться связь между отдельными ее участниками.

В Мотовилихе Яков Михайлович встретил старых друзей-сормовчан: Ваню Чугурина, Гришу Котова, Ваню Савинова, скрывшихся из Нижнего после поражения Сормовского восстания и проживавших на различных квартирах по чужим паспортам.

Не прошло и месяца после приезда Свердлова, как большевистская организация в крупном рабочем районе зажила полнокровной жизнью. Была осуществлена намеченная Яковом Михайловичем схема построения централизованной организации.

Теперь, когда Яков Михайлович допоздна задерживался в Мотовилихе (а это бывало нередко) и ночью возвращался в Пермь, его неизменно сопровождали два-три вооруженных боевика. Рабочие заботливо оберегали своего вожака.

Яков Михайлович непосредственно руководил деятельностью Пермского комитета, вникая во все мелочи и детали повседневной работы. В Перми, как и в Мотовилихе, складывалось надежное ядро крепких большевиков, задававших тон во всей уральской организации.

Весной 1906 г. была оборудована в Перми крупная подпольная типография. В ней имелось около пяти пудов шрифта, большой запас бумаги. В типографии работали перебравшиеся сюда из Екатеринбурга Александр Минкин (Марк), Саша Костырева и Миша Туркин.

Большая работа была проведена среди военных. Деятельной помощницей Якова Михайловича в этом деле была Клавдия Кирсанова.

Огромная организационная работа, проводившаяся Яковом Михайловичем и его ближайшими помощниками, давала свои результаты. Заложены были прочные основы объединения всех уральских большевистских организаций. В феврале 1906 г. в Екатеринбурге была созвана Уральская областная конференция. На конференции были представлены Пермская, Екатеринбургская, Нижне-Тагильская, Уфимская, Вятская, Тюменская и другие организации РСДРП. В работе конференции участвовали Я. М. Свердлов, Н. Н. Накоряков, М. О. Авейде, Алексей Митрофанов (Романыч) — всего около 25 человек.

«Конференция прошла под руководством Якова Михайловича,— вспоминает активный ее участник Н. Н. Накоряков.— Яков Михайлович был на этой конференции и автором и редактором всех резолюций. Резолюции были приняты в духе большевизма и сыграли в последующем развитии работы на Урале значительную роль. Эти резолюции были для всех агитаторов и пропагандистов основным ведущим началом, на основе которых строилась вся партийная работа».

Конференция объединила все уральские организации в борьбе за победоносную революцию. Делегаты разъехались на места, имея на руках решения конференции, насыщенные боевым большевистским духом.

Конференция впервые положила начало крепкой общеуральской большевистской организации, которую не сломили последующие годы реакции.

Вновь избранный областной комитет РСДРП, следуя указаниям Ленина, энергично развернул работу по подготовке масс к новому революционному подъему. Областной комитет возглавил Яков Михайлович Свердлов. Он успешно выполнил задание Центрального Комитета партии по сплочению всех сил уральских большевистских организаций.

Все более прочное место начинал занимать Урал в общепартийной жизни России. Опыт боевых организаций Урала, уставы, разработанные в Перми и на Южном Урале, были использованы Первой конференцией военных и боевых организаций РСДРП, состоявшейся в ноябре 1906 г. в Финляндии.

Я. М. Свердлов дает задание морякам крейсера «Аврора» о залпе по Зимнему дворцу.

Художник В. Золотавин

Деятельность уральских большевистских организаций после 1905 года неразрывно связана с самой напряженной, самой ожесточенной борьбой с эсерами и меньшевиками. Еще в ходе революционных событий 1905 года эсерам на Урале были нанесены сокрушительные удары. Меньшевики, выходцы в основном из мелкобуржуазной среды, в период революционного подъема зачастую шли вместе с большевиками. Но после первых же поражений революции они поддались панике, кричали, что не надо было браться за оружие, вносили смуту и дезорганизацию во всю партийную работу. Они были против подготовки нового вооруженного восстания, против воссоздания централизованной единой партийной организации на Урале, против решительных мер в борьбе с самодержавием.

Необходимо было идейно и организационно разгромить меньшевиков, вырвать из-под их влияния и те незначительные группы рабочих, которые еще продолжали верить им, шли за ними.

Принципиальность Я. М. Свердлова и сплотившихся вокруг него большевиков-уральцев, твердо стоявших на ленинских позициях, позволила добиться, что в течение 1906 года меньшевики были разбиты по всему Уралу, и Урал превратился в настоящую цитадель большевизма.

Насколько выросли в течение 1906 года уральские социал-демократические организации и как укрепилось в них влияние большевиков, видно из следующего. На IV (Объединительном) съезде партии, состоявшемся в апреле-мае 1906 года, было только 3 представителя Урала, на V съезде, в мае-июне 1907 года, из 340 участников съезда было уже свыше 20 делегатов от Урала, причем почти все они являлись большевиками.

Вскоре после переезда в Пермь, как только работа в Мотовилихе и Перми стала налаживаться, Свердлов начал многочисленные поездки по всему Уралу. Особенно участились его выезды после областной конференции. Он стремился лично ознакомиться с состоянием партийной работы на местах, с людьми, проверить, как выполняются решения конференции, помочь в их осуществлении.

Несмотря на то, что розыски Андрея велись жандармами с неослабной силой, что пятитысячная награда за его голову

3 Заказ 17

подогревала рвение многочисленных шпиков и филеров, длительное время Свердлов оставался неуловимым. В каждом городе, где он бывал, на каждом заводе рабочие бережно охраняли своего любимого вожака.

Если Андрей выступал на открытых собраниях, рабочие окружали его плотным кольцом, не позволяли полицейским подойти близко, а когда кончалась речь, оратора скрывали в толпе, переодевали и отправляли в безопасное место.

Охранка бесновалась. В самом деле, известный на Урале революционер Андрей оставался на свободе, продолжал «преступную» деятельность буквально у нее на глазах. То с одного, то с другого завода поступали от осведомителей доклады о приездах и выступлениях Андрея, а своевременно обнаружить и арестовать его нигде не могли.

Летели из Перми телеграммы в разные города Урала и даже на Волгу. Пермское губернское жандармское управление било тревогу, требовало ареста Андрея. Время шло, а он все оставался на свободе.

Однако работать и скрываться становилось с каждым днем труднее. Испробовав все средства, охранка начала с удвоенной энергией засылать провокаторов в наши ряды. Удалось провокаторам пробраться и в Пермский комитет.

Если можно было ускользнуть от шпика, уйти от филера, то очень трудно было бороться с провокатором, который сидел тут же, рядом с тобой, выдавал себя за своего товарища, соратника, а сам исподтишка делал свое черное дело и предавал людей, веривших ему. И все же длительное время охранке не удавалось поймать Андрея...

11 июня 1906 года Яков Михайлович вернулся в Пермь, из очередной поездки по Уралу. На этот же день он назначил внеочередное заседание Пермского комитета. Было решено, что в ту же ночь мы с ним уезжаем из Перми, где далее оставаться было просто невозможно. Надо было перераспределить работу между остающимися товарищами, кое-кого перебросить в другие города, наметить, кого перевести в Пермь из других мест.

С трудом удалось нам с Яковом Михайловичем добраться до конспиративной квартиры, где должен был собраться комитет. Вскоре после выхода из дома, в котором мы встретились, к нам привязались шпики, и не один, а несколько сра-

зу. Перескакивая с одного извозчика на другой, пользуясь проходными дворами, мы сумели от них отвязаться и, выбравшись на окраину города, убедились, что слежки за нами нет.

— Дело плохо,— сказал Яков Михайлович,— уж слишком большую резвость они сегодня проявляют, а брать в то же время не берут. Подумай сама,— продолжал он,— тут что-то есть. Ведь на след наш они напали, идут вплотную, но не трогают.

Мне и самой казалось все крайне подозрительным. Было ясно, что у охранки имеется какой-то план. Обсудив с Яковом Михайловичем создавшееся положение, мы решили, что, очевидно, пробравшийся в состав комитета провокатор (а что в комитете провокатор есть, мы давно были уверены, кое-кого уже начали осторожно проверять и выключать из работы) успел сообщить охранке о предстоящем собрании. Вероятнее всего, охранка намерена выяснить наши планы, хочет знать, какие указания намеревается дать Яков Михайлович комитету и поэтому даст провести собрание, а затем попытается нас схватить.

— Ну что ж,— подытожил Яков Михайлович наши рассуждения,— решит быстрота. Ведь выхода у нас все равно нет. Не можем же мы все бросить и немедленно удрать. Собрание провести надо, но надо уйти с него как можно быстрее, чтобы опередить погоню. Риск, конечно, очень велик. Больше того, шансы наши минимальны, но надо и их испробовать, раз ничего другого не остается.

Ни минуты не думал Яков Михайлович о нашей личной безопасности и благополучии. Интересы партии, интересы рабочего класса были прежде всего, и просто и естественно, без всякой рисовки, он принимал самое рискованное, отчаянное, но единственно возможное в сложившихся условиях решение.

До конспиративной квартиры нам удалось добраться без особых осложнений. Когда мы пришли, товарищи были уже в сборе и, не теряя ни минуты, Яков Михайлович начал собрание. Быстро были обсуждены и решены все вопросы, каждому из присутствующих Свердлов давал четкие, конкретные указания. Был он спокоен и невозмутим, и, глядя на него, я восхищалась его самообладанием, зная, что творилось в эти мину-

ты у него на душе. Но ни единым словом, ни жестом он не выдавал своего волнения.

Как только заседание окончилось, Яков Михайлович предложил товарищам расходиться постепенно, по одному, по двое, как и обычно мы это делали.

— Мы с «Ольгой» идем первыми,— решительно заявил Яков Михайлович,— следующие выходят минут через 5—10...

Расчет был прост. Нам надо было уйти как можно скорее, чтобы успеть достигнуть Камской пристани, где легче всего было затеряться, раньше, чем присутствовавший на собрании провокатор даст знать охранке о нашем уходе.

Но на этот раз мы недооценили усердие охранки. Охота на Андрея велась по всем правилам искусства, уж слишком крупной дичью стал он для охранки. Были мобилизованы все силы. Десятки полицейских, жандармов, шпиков участвовали в облаве. Даже из Екатеринбурга вызвали несколько филеров, хорошо знавших Андрея в лицо.

Не прошли мы и полдороги до пристани, как заметили за собой слежку.

— Давай в переулок,— тихо сказал Яков Михайлович,— а там на первого попавшегося извозчика. Будем прорываться.

Мы свернули в один из переулков. Вдалеке стояло несколько извозчичьих пролеток, к которым мы и направились. Но, странное дело, полупустой до этого переулок стал заполняться. Навстречу нам шли какие-то подозрительные типы. За нами раздавались шаги многих людей. Штатские и военные устремились в этот ничем не примечательный переулок, а на перекрестке замаячили полицейские.

Вот и извозчик.

— На пристань,— обратился к нему спокойно Яков Михайлович.

— Занят,— последовал ответ. Следующий — то же самое. Все ясно. Теперь — выдержка, главное — выдержка. Взявшись под руку, мы быстро обменивались последними фразами, но шли настолько спокойно, с таким невозмутимым видом, что полицейский чиновник, который должен был нас арестовать, поравнявшись с нами, заколебался и... прошел мимо.

Неужели проскочили? Но это было невозможно. Не сделали мы и нескольких шагов, как сзади раздалось: «Этих хва-

тай, чего зеваешь?» И сразу на нас кинулось несколько человек. Тут же Якова Михайловича толкнули в одну пролетку, меня в другую, на подножки вскочило по два полицейских, раздались свистки, и лошади понеслись.

Охранка могла торжествовать: наконец-то неуловимый Андрей был пойман!

...В пермской тюрьме Андрей имел благодарную рабочую аудиторию. Особенно много в тюрьме было мотовилихинских рабочих. Не только сам Андрей читал лекции, выступал с докладами, но заставлял выступать с докладами всех товарищей, которые были подготовлены к этому.

Тюремные решетки не останавливали Андрея, он организовал занятия с женскими камерами. Для этого он пользовался прогулками; заключенные женщины собирались в коридоре у окна, которое выходило на прогулочный двор. Здесь занятия шли так же, как в камере, с той только разницей, что они были менее продолжительны.

Глубокой осенью 1906 года многих товарищей, в том числе и Андрея, перевели в николаевское исправительное арестантское отделение. Об этой тюрьме на Урале ходили самые мрачные слухи, и не напрасно.

Свердлова посадили в одиночную камеру. Казалось, что на этот раз он будет оторван от внешнего мира, от товарищей по тюрьме. Но заключенные избрали его старостой, и это дало ему возможность общаться с товарищами. Все, кто видел Свердлова в «николаевке» удивлялись его ровному, бодрому настроению, его способности работать в условиях тюремного режима. Забота о товарищах давала бодрость его деятельной натуре, он не чувствовал себя праздным, и здесь он помогал учиться, ухаживал за больными, и здесь он не забыл веселую шутку, которая так бодрила. Свердлов пользовался общим уважением среди заключенных независимо от их принадлежности к той или другой партии. Даже врагам своим — тюремной администрации, он внушал уважение. Прямых и грубых издевательств не допускали по отношению к Свердлову.

Чем больше наглела реакция во всей стране, тем тяжелее было сидеть в тюрьме.

Тюремный режим в 1907—1908 гг. становился месяц от месяца круче. Уменьшили часы прогулок, запретили одновременную прогулку разных камер, усилили надзор при свидании, лишили передач и т. п.

С воли шли нерадостные вести. Люди, случайно примкнувшие к революции и напуганные репрессиями, отходили от партийной работы, покидали партийные ряды; начинали с того, что избегали встреч с партийцами, под разными предлогами отказывались от партийной работы, иногда переезжали в другой город, чтобы порвать всякую связь со старыми товарищами.

...В конце 1907 г. после суда Андрея перевели в екатеринбургскую тюрьму. Приговор суда — заключение в крепость — освобождал от отправки в уголовную николаевскую тюрьму. Крепость отбывали в Перми или в Екатеринбурге, т. е. в большом городе, где тюремная администрация побаивалась бесчинствовать. «Крепостникам» разрешалось свидание без решетки, т. е. была возможность лучше получать сведения с воли и передавать на волю из тюрьмы. «Крепостникам» свободнее пропускали книги. Даже вежливое обращение администрации было обязательно по отношению к «крепостнику», а это играло немалую роль при разнузданной реакции. Приговоренный к «крепости» должен был содержаться в одиночке, однако одиночек не хватало и «крепостников» держали в общих камерах.

Несмотря на неудобства общей камеры, Андрей серьезно занимался вопросами теории. Он часто работал по ночам, когда уже все спали.

Работа над книгами не носила случайного характера, она шла по определенному плану. Андрей умел доставать книги, которые его интересовали, он не давал покоя друзьям на воле, пока не получал нужную книгу.

В 1906—1909 гг., в годы пребывания в тюрьме, Андрей имел достаточно «свободного» времени, чтобы вернуться и к чтению беллетристики. У него были Шиллер и Гейне на немецком языке, он читал их в подлинниках. В тюрьме он овладел немецким языком, читал свободно, лишь изредка прибегая к словарю. Любил русскую беллетристику.

Большое внимание проявлял Андрей к товарищам, которые по состоянию здоровья с трудом переносили тюрьму.

Он не только поддерживал бодрым словом, если нужно, ухаживал за больными.

Какая чудесная сила таилась в этом человеке, как просто, легко умел он подойти к товарищу, ободрить, утешить, помочь или поднять на борьбу, поднять так, что забывалось узко личное, помнилось только дело партии. Эта чудесная сила действовала безотказно на воле в разгар борьбы, действовала и в тюрьме, и в далекой ссылке. Свердлов всегда и везде горел ярким неугасимым пламенем.

Во всех тюрьмах неизменно Андрей был зачинщиком разных игр. На улице во время прогулок играли в мяч. Мячи были самодельные: из тряпок, из волос. Иногда специально стриглись, чтобы собрать волосы для мяча.

Зимой любимой игрой были снежки. Даже двадцатиминутная веселая прогулка давала бодрую зарядку на весь день.

Некоторые авторы биографий наших подпольных работников, сами не сидевшие в тюрьме, думают, что, чем жалостливее будет написано про тюрьму и чем больше будет страдать заключенный, тем ближе это будет к истине. На самом же деле молодость и глубокая уверенность в правоте борьбы, ради которой приходилось переносить тюрьму, давали столько бодрости, выносливости, выдержки, что и во время голодовок и во время каких-либо столкновений с администрацией товарищи не унывали, шутка и смех всегда находили себе место.

Сейчас, через десятки лет, память восстанавливает много веселых минут, проведенных в тюрьме.

Немало воды утекло с тех пор, как старики, рабочие Урала, слушали своего любимого оратора, товарища Андрея, но память о нем хранится, как память о близком, родном человеке, который и сегодня, как много лет назад, вдохновляет на борьбу, дает пример беззаветной преданности партии. Старые рабочие рассказывают молодежи, как встреча с Андреем поворачивала жизнь молодого, иногда малограмотного рабочего на путь революционной борьбы, говорят, что авторитет Андрея был так велик, что достаточно было одного его слова, чтоб порученное дело было выполнено. Андрей сказал, значит так нужно, и ни у кого не возникало никаких сомнений. О встречах с Андреем вспоминают подпольщики

с большой теплотой, как о встречах, которые запали в сердце на всю жизнь.

После освобождения Якова Михайловича с сентября 1909 года из екатеринбургской тюрьмы вплоть до Февральской революции, жизнь его представляла сплошные скитания по тюрьмам и ссылкам в самых гиблых местах Сибири, неоднократные очень рискованные побеги, а короткие промежутки воли он отдавал кипучей партийной деятельности в Москве, Петрограде.

...Февральская революция 1917 года застала нас с Яковом Михайловичем в глуши Туруханской ссылки, в селе Монастырском, за тысячу с лишним верст от железной дороги. Первые сведения о падении самодержавия дошли до нас, ссыльных, 2 или 3 марта, а уже на следующий день Яков Михайлович получил приветственную телеграмму от солдат 14-го Сибирского стрелкового полка из Красноярска и денежный перевод. Это были деньги, собранные солдатами полка на дорогу Якову Михайловичу.

Надвигалась весна. Енисей в любой день мог вскрыться в верховьях. Путь до Красноярска на лошадях по льду в это время года был связан с немалым риском. Яков Михайлович не стал терять и часа. На следующий день по получении телеграммы он вместе с Филиппом Голощекиным отправился в путь.

День и ночь мчались они по безбрежным просторам Енисея, останавливаясь лишь для смены лошадей, и проскочили. В двадцатых числах марта Свердлов и Голощекин прибыли в Красноярск. Я и еще ряд товарищей остались в Туруханске до начала навигации.

Обстановка в стране была сложная. После победы Февральской революции установилось двоевластие.

Свердлов политически вырос и сформировался под идейным воздействием Ленина. Статьи, выступления и труды Владимира Ильича служили ему путеводной звездой с первых шагов его революционной деятельности, озаряли сложный и тернистый путь, который пришлось ему пройти. Огромным было влияние Ленина на мировоззрение Свердлова, на понимание им законов общественного развития. Вполне понятно

поэтому, что, став зрелым марксистом, он усвоил ленинский подход к оценке жизненных явлений, ленинскую методологию и превратился в крупного представителя политических деятелей ленинского типа.

Постоянно общаясь с передовыми рабочими, используя каждую возможность для самого тесного контакта с широкими народными массами, Яков Михайлович беспрестанно учился у масс, неизменно проверял теорию практикой и, сочетая глубокие теоретические познания с повседневной практической работой в гуще трудящихся, неуклонно шел по ленинскому пути. Именно поэтому сразу же после февраля, еще не зная позиции Ленина, Свердлов правильно оценил обстановку, созданную двоевластием, и уже в Красноярске решительно выступил против поддержки Временного правительства, за передачу власти в руки Советов, против продолжения войны. Не все было им достаточно четко сформулировано, но в коренных вопросах развития революции Свердлов сразу твердо и последовательно выступал с ленинских позиций.

Пробыв в Красноярске всего два-три дня, он выступил в местной организации большевиков и на заседании Красноярского Совета. Он помог товарищам разобраться в обстановке и, не теряя времени, выехал в Петроград, куда и прибыл 29 марта 1917 года. Как раз в эти дни в Питере шло Первое Всероссийское совещание Советов. ЦК большевиков приурочил к нему совещание партийных работников. Яков Михайлович принял активное участие в работе обоих совещаний.

Однако задерживаться в Петрограде Свердлов не собирался. Еще при отъезде из Монастырского Яков Михайлович говорил мне, что всей душой рвется на Урал. Свердлов понимал, насколько нужны были работники на местах, на горных заводах и рудниках, и стремился весь свой опыт, все силы и знания отдать восстановлению родной ему Уральской большевистской организации.

3 апреля Яков Михайлович выехал из Питера в Екатеринбург. Ему так и не довелось повидаться на этот раз с Лениным. В то время, когда тысячные толпы питерских рабочих встречали Ильича, вернувшегося из эмиграции, поезд уносил Свердлова на восток.

Приезд Якова Михайловича в Екатеринбург был как нельзя более своевременным. Многие уральские большевистские организации, выходя из подполья, бурно росли, набирали силы (Екатеринбургская, Лысьвенская и др.). В некоторых городах и заводах Урала большевистских организаций либо не существовало вовсе, либо они были слабы. Особенно это относилось к Перми. Воспользовавшись этим, меньшевики и эсеры захватили руководство в Пермском, Надеждинском и некоторых других Советах.

Революционные события всколыхнули Урал. Из тюрем и ссылок, с каторги и поселения спешили на родину уральские большевики. Сотни передовых рабочих вступали в большевистскую партию, и партийные организации росли с каждым днем. Рабочие Урала не забыли опыта первой русской революции. Теперь они активно вмешивались в общественную жизнь, в хозяйственные дела предприятий.

На Урале Яков Михайлович встретил ряд старых соратников, с которыми он создавал и укреплял уральские организации в памятные дни революции 1905 года. Но еще больше было выросшей за годы подполья молодежи, расправлявшей теперь свои крылья. Многие из уральцев помнили Свердлова по 1905 году, а кто в то время был слишком молод и не встречал его лично, тот немало слыхал об Андрее от старших товарищей.

Яков Михайлович по обыкновению начал с собирания сил.

Как всегда, он пошел в первую очередь на заводы. Восторженно встречали уральские рабочие своего Андрея. Теперь ему не надо было прятаться. На каждом заводе, в каждом цехе он был желанным гостем, и никто не мог помешать ему выступать перед рабочими.

Сразу же после приезда Якова Михайловича вокруг него стали собираться испытанные большевики, боевые руководители уральских рабочих, многие из которых прошли суровую школу царских тюрем и ссылок. Ближайшими помощниками Якова Михайловича в этот период стали И. М. Малышев, Я. С. Шейнкман, С. М. Цвилинг, Н. Г. Толмачев, Л. И. Вайнер и другие.

В Пермь, Челябинск, Тагил, Миньяр, Невьянск и другие города и на крупные заводы Урала Екатеринбургский комитет партии по инициативе Свердлова направляет инструкто-

ров, агитаторов, пропагандистов. У большевиков рабочие находят ответы на волнующие их вопросы. Большевики раскрывают перед пролетариатом ясные перспективы, зовут их на борьбу за власть Советов.

Партийные организации возрождаются и растут по всему Уралу. В марте 1917 года на Урале насчитывалось не более 500 членов партии. Ко времени VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б) Уральская организация была одной из самых многочисленных партийных организаций страны. Делегаты Урала представляли на конференции 16 000 членов партии.

14—15 апреля 1917 года состоялась Первая Свободная Уральская областная партийная конференция. Название Первой Свободной конференции она получила потому, что впервые представители партии собрались на Урале в легальных условиях.

Яков Михайлович руководил подготовкой конференции и ее работой. Как только начали съезжаться делегаты, он стал ежедневно бывать в общежитии, где они разместились. Обходил комнаты, беседовал с группами товарищей, со многими разговаривал в отдельности. Его интересовало все: как люди прожили годы реакции, как они прошли через тюрьмы и ссылки, как работают сейчас. С каждым днем крепла у него уверенность, что уральские рабочие твердо стоят на большевистских позициях, пойдут за ЦК, за Лениным.

В повестке дня конференции стояли важнейшие вопросы: оценка текущего момента и отношение к Временному правительству, о войне, об Интернационале, об объединении партии, аграрный вопрос, организационный вопрос и другие. Конференция заслушала также доклады с мест.

Несмотря на то, что кое-где на Урале после Февральской революции возникли объединенные социал-демократические организации, куда входили и большевики и меньшевики, конференция в своем подавляющем большинстве была большевистской. Из 65 делегатов меньшевиков было не более 4—5 человек. Все резолюции конференции были проникнуты большевистским духом, решающие вопросы развития революции конференция оценила с ленинских позиций, хотя в отдельных случаях и были допущены некоторые ошибки и не вполне правильные формулировки. Это и понятно: обстановка была

крайне сложна, Апрельские тезисы Ленина до Екатеринбурга еще не дошли.

Конференция наметила основные задачи партийной организации, нацелила большевиков Урала и уральский пролетариат на борьбу за дальнейшее развитие революции. Конференция, как и предлагал Яков Михайлович, избрала областной комитет партии в количестве 7 человек. Местным организациям поручено было провести выборы делегатов на VII Всероссийскую конференцию РСДРП(б). Свердлов был единодушно избран в состав областного комитета и делегатом на Всероссийскую конференцию.

Первая Свободная Уральская областная конференция послала приветственную телеграмму В. И. Ленину. 20 апреля эта телеграмма была опубликована в «Правде». Участники конференции писали:

«Ленину.

Собравшиеся на Уральскую областную конференцию делегаты в количестве 65 человек от 43 организаций, объединяющих 16 тысяч членов партии, единогласно постановили приветствовать ЦК партии и единого вождя российской революционной соц.-демократии товарища Ленина».

Через день после окончания конференции Свердлов вместе с другими делегатами Урала выехал в Петроград.

Партия послала на конференцию лучших своих представителей. Большинство из них Свердлов знал лично. С одними он работал на Урале и в Поволжье, в Москве и Питере. С другими встречался на этапах и в тюремных камерах, в Нарымской и Туруханской ссылках. Личное знакомство с большинством активных работников партии, превосходное знание людей, организаций, обстановки в них, большой личный авторитет среди активных подпольщиков выдвинули Свердлова в число основных организаторов практической работы Апрельской конференции, облегчили решение задач, возложенных на него ЦК.

VII Всероссийская (Апрельская) конференция РСДРП(б) открылась 24 апреля 1917 года.

В годы подполья Свердлов неоднократно избирался на партийные съезды и конференции, но ни разу ему не удавалось на них присутствовать. В апреле 1917 года он впервые в жизни участвовал в работе Всероссийской партийной кон-

ференции. А эта конференция была выдающимся событием в жизни нашей партии. В первый раз за все время существования партии большевистская конференция собралась открыто на родине, в революционной столице. Все предшествующие конференции и съезды проходили в условиях подполья, и большинство из них проводилось за границей.

80 тысяч большевиков насчитывала партия в своих рядах ко времени открытия конференции. 133 делегата — испытанных борцов за дело рабочего класса — послала партия на Апрельскую конференцию. Здесь был Ленин, здесь были его ближайшие ученики, сподвижники и соратники. Делегатами конференции были Ворошилов, Голощекин, Дзержинский, Землячка, Коссиор, Крупская, Куйбышев, Муранов, Подвойский, Пятницкий, Самойлова, Свердлов, Скворцов (Степанов), Сталин, Стасова, Стучка и многие другие. Здесь, на конференции, Яков Михайлович впервые встретился с Лениным. С этого момента началась его работа плечом к плечу, рука об руку с Ильичем, под непосредственным руководством Ильича...

25 апреля на третьем заседании конференции началось обсуждение докладов с мест. Первым был заслушан представитель Урала — Свердлов. Он доложил конференции о работе уральских большевиков, являвшихся надежным оплотом ленинского Центрального Комитета. Конференция заслушала также доклады Петроградской окружной, Московской, Поволжской, Саратовской, Донецкой и ряда других организаций.

29 апреля VII Всероссийская конференция закончила свою работу. Конференция избрала Центральный Комитет партии в количестве 9 членов во главе с Лениным. Членом ЦК был избран и Свердлов.

После Апрельской конференции Центральный Комитет возложил на Якова Михайловича руководство Секретариатом ЦК, и с тех пор, вплоть до своей смерти, он бессменно оставался Секретарем Центрального Комитета партии. Вскоре после Октябрьского переворота он был избран также и Председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Работая в высшем органе партии, Яков Михайлович никогда не забывал Урал, постоянно интересовался положением

дел в партийной организации, укреплял ее кадрами. А в трудный момент борьбы на фронте под Тагилом обратился к бойцам Красной Армии с призывом стойко защищать Советский Урал.

Жизнь Якова Михайловича оборвалась внезапно, в самый разгар кипучей работы, когда он далеко не достиг полного расцвета своих сил.

В конце февраля 1919 года Яков Михайлович выехал в Харьков на III съезд КП(б)У и III Всеукраинский съезд Советов. Уже в Харькове Яков Михайлович почувствовал первые приступы болезни. Но он не хотел ей поддаваться. Дел было слишком много, дел важных и неотложных, и он не считал себя вправе терять хотя бы час.

Четырежды выступал Яков Михайлович на партийном съезде, призывая украинских большевиков к единству, к сплоченности.

6 марта Яков Михайлович выехал из Харькова в Москву, но и в дороге продолжал напряженную работу.

Десятки людей, возглавлявшие губернии и армии, шли в поезд Председателя ВЦИК, советовались по многим вопросам.

А температура у Якова Михайловича ползла вверх.

В Белгороде, узнав о проезде Свердлова, на станции собрались сотни крестьян, ходоки из сел и деревень. Яков Михайлович вышел к ним в демисезонном пальтишке, в котором ходил постоянно. Это было все то же пальто, которое он получил еще в 1909 году в Екатеринбурге по выходе из тюрьмы. Достали его товарищи. Другого Свердлов так и не приобрел.

Вопросов у крестьян к Председателю ВЦИК было множество, и беседа затянулась чуть не на два часа.

В Курске повторилось то же. А в Орле в железнодорожном депо в связи с его приездом собралось около тысячи рабочих. В депо было холодно, сквозь выбитые стекла свистел ветер. С огромным вниманием слушали Якова Михайловича орловские железнодорожники.

Это было последнее выступление Свердлова, последняя речь товарища Андрея.

Когда Яков Михайлович приехал домой, на нем уже лица не было. Смерили температуру: 39 градусов с лишним. Однако утром он встал и, как я ни сопротивлялась, ушел на работу. За время его отсутствия накопилась масса неотложных дел. Особенно волновал его ход подготовки к VIII съезду партии.

На следующий день, не спрашивая Якова Михайловича, впервые вызвала врачей. Диагноз был краток — испанка. Испанка — нечто вроде нынешнего вирусного гриппа, свирепствовала тогда и в России, и в Европе, тысячами косила людей.

Без конца к Якову Михайловичу шли люди. Сколько среди них было товарищей, сколько боевых соратников, сколько друзей. Никто не думал о печальном конце.

16 марта наступило резкое ухудшение. Десятки людей, самых близких товарищей, собрались в комнатах, смежных с той, где Свердлов вел свой последний бой с неумолимой смертью.

К нему мы уже не впускали никого. Вдруг около четырех часов дня за стеной послышалось какое-то движение, дверь тихо открылась, вошел Ильич. Двое суток, с момента возвращения из Питера, куда он выезжал на несколько дней, порывался Владимир Ильич к Якову Михайловичу, но его удерживали. Ведь все равно помочь он ничем не мог, а риск заразиться был велик. Но 16 марта, узнав, что Якову Михайловичу стало еще хуже, Ленин махнул рукой на все запреты. Быстро пройдя через толпу товарищей, Владимир Ильич вошел к Якову Михайловичу. В этот момент к Свердлову на мгновение вернулось сознание. Он узнал Ильича и ласково, но жалобно, как-то по-детски, беспомощно, улыбнулся. Владимир Ильич взял его за руку и нежно стал гладить эту ослабевшую руку.

В страшной мучительной тишине прошло десять, пятнадцать минут. Рука Якова Михайловича безжизненно упала на одеяло. Владимир Ильич как-то судорожно вздохнул, низко опустил голову и вышел из комнаты. Его окружили. Он молча взял со стола свою кепку, резко надвинул ее на самые глаза и, ни на кого не глядя, никому не сказав ни слова, по-прежнему низко склонив голову, ушел.

Через несколько минут Якова Михайловича не стало.

Вся наша страна, трудящиеся зарубежных стран выражали свою скорбь о тяжелой утрате.

18 марта 1919 года Москва провожала Якова Михайловича Свердлова в его последний путь. Многие десятки тысяч пролетариев столицы собрались на Красную площадь.

У Кремлевской стены в самом центре, под мемориальной доской зияла глубокая могила. Ленин шагнул вперед.

«Мы опустили в могилу,— скорбно произнес в своей речи Ленин,— пролетарского вождя, который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы...»

К. Т. СВЕРДЛОВА-НОВГОРОДЦЕВА

(Из воспоминаний)

ОСКАРОВНА

Не плачьте над трупами павших бойцов,
Несите их знамя вперед!

На улице дымно от мороза. Каму окутывает туман. У приземистого здания вокзала выстроилась очередь извозчичьих санок. Закуржавели и лошади и ямщики. Но вот послышался грохот — подошел долгожданный поезд. Из дверей вокзала вышли немногочисленные пассажиры и среди них невысокого роста молодая женщина в беличьей шубке, в пуховой шали. Озябшие извозчики окружили приезжих.

— Куда вам, барышня?

— В гостиницу Кашиной.

— Сей минут!

4 Заказ 17

Извозчик отстегнул полость, скрипнули полозья, колючий снежной пылью пахнуло в лицо. Помчались вверх по Набережной. Мимо роскошного дворца пароходчика Мешкова, мимо Центральных номеров, Городского театра, вдоль по главной Сибирской улице.

Незнакомый город должен стать родным, ведь здесь свои, товарищи по партии, по революционной борьбе. Они уже извещены о ее приезде. Вот и Пермская улица, вот и Кашинские номера. Выбрала самый дешевый, в нижнем этаже. Нужно теперь привести себя в порядок после дороги, наметить ближайший план действий. Конечно, она здесь не останется, а, связавшись с кем-нибудь из членов Пермского комитета, найдет квартиру в пролетарской Мотовилихе, поближе к рабочим. После арестов членов подпольного комитета работа, конечно, ослабла. Но время предгрозовое. Сдача Порт-Артура, Мукденская катастрофа, наконец, события 9 января — все это всколыхнуло самые широкие массы. Самодержавие само разоблачило себя перед народом. Близится час расплаты за тысячелетие гнета.

«Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!»

Эти строчки из газеты «Вперед» окрыляют душу. Для того и послали девушку из Вятки, чтобы она помогла здесь словом и делом, хотя сама она, скромная учительница, всего лишь год в партии.

Стук в дверь. Вполголоса — пароль.

— Войдите!

На пороге совсем юная девица, раскрасневшаяся от мороза, радостно взволнованная. Крепко, по-мужски, пожала руку.

— А я вас ждала на вокзале.

— Ну, как бы вы меня узнали?

— О, я наших всегда узнаю.

Положительно, ей нравилась эта порывистая особа. Она оказалась связной, сказала, что зовут ее Клашей, Клавдией Кирсановой.

— А вас как?

— Зовите меня Марусей.

Клаша рассказала о делах пермской организации РСДРП. Они оказались не блестящи. Основное большевистское ядро

находилось в Мотовилихе, и оно готовилось к революционным боям.

— Там крепкие ребята: Юрш, Зенков, Завьялов, Александр Борчанинов, Миша Туркин. У них там гектограф.

— Вот это уже хорошо. Сегодня же едем в Мотовилиху. Наладим печатание листовок. Рабочие должны узнать всю правду... Едем, Клава?

— Едем.

Мотовилихинский пушечный завод считается одним из крупнейших предприятий, работающих на армию, на войну. А порядки на нем крепостнические, и состоит он под бдительным полицейским надзором. Даже охрана из казаков. После 9 января беспокойной жизнью стал жить завод. Кажется, все идет обычным порядком: тот же грохот, стук, лязг и скрежет металла, но опытное ухо улавливает нарушение нормального ритма работы. В перерывах — разговоры о событиях в Питере, об арестах товарищей в Перми.

Миша Туркин, паренек с открытым веселым лицом, сует своему знакомому Зенкову листовки.

— Это для твоей смены. Передашь товарищам по цеху.

В кочегарке Зенков собирает надежных ребят. Сидят тесным кружком, дымят цигарками. Вполголоса читают напечатанный фиолетовыми буквами листок. Что ни слово, то искра в сердце.

«Пусть знают наши враги, что мы все готовы стоять за рабочее дело, пусть знают они, что за петербургскими рабочими, героически выступившими в открытый бой, стоит весь рабочий класс, весь порабощенный народ. Товарищи! Мы слишком долго терпели и молчали. Пора бороться. Вставай, поднимайся, рабочий народ! Раздайся, крик мести народной!»

У рабочих сжимались кулаки.

— Постоим за рабочее дело! Поддержим питерцев!

Мнение это было единодушным. Все знали, что поднимается не один завод, а вся рабочая Россия, что есть и руководящая организация, преданная революционному народу, знающая цель борьбы и ведущая к ней. Члены этой организации разъясняли политический смысл событий, классовый характер борьбы.

Почерневшие от заводской копоти и гари избушки мастеровых разбежались по склонам прикамских увалов, по самые

4*

окна зарылись в сугробы, замерли. Но то в одном, то в другом окошке блеснет огонек керосиновой коптилки. Нет, не спит Мотовилиха! Заглянешь в избушку, а там грамотей читает брошюры «Хитрая механика», «Пауки и мухи».

— Вот она, правда, только запретная, политическая.

А в другой избушке молодая женщина, ясноглазая, круглолицая, беседует с хозяевами, разъясняет противоречия между трудом и капиталом, говорит о том, что судьба рабочих и всей страны в руках тех, кто трудится, призывает сплотиться в борьбе за свободу. Эту молодую агитаторшу уважительно зовут Оскаровной.

С приездом Марии Оскаровны Авейде в Пермь работа партийной подпольной организации оживилась. Клава не обманула: во главе мотовилихинцев стояли надежные большевики: Андрей Юрш, Александр Борчанинов и семнадцатилетний Миша Туркин — организатор тайной типографии.

Мария Авейде выполняла самые сложные, самые опасные задания подпольного комитета, требовавшие отваги, мужества и самообладания: добыть и провезти оружие, типографский шрифт, «гремучий студень» (так подпольщики называли динамит).

Революционное настроение рабочих нарастало с каждым днем. Май стал месяцем боевых выступлений.

14 мая — празднование дня коронации — ознаменовалось мощной революционной демонстрацией. Колонны рабочих заполнили городской сад. Впервые открыто грянула «Марсельеза». На садовой эстраде один оратор сменял другого, и каждая речь заканчивалась призывом:

— Долой самодержавие! Да здравствует свобода!

Громадный, сияющий электричеством царский вензель над входом в сад наклонился и грохнул на землю.

25 мая в необычное время мощный гудок завыл, сотрясая старые стены заводских корпусов. Вчера еще он звал на работу к станку, сегодня — на борьбу. И рабочие, оставив станки, пошли к конторе от цеха к цеху, снимая с работы колеблющихся. Тысячная толпа встала перед конторой. На шум и крик вышел на балкон начальник завода Строльман, старик с седой скобелевской бородой, с выпученными совиными глазами.

— Почему бросили работу?

Рев негодования был ему ответом.

— Я с толпой разговаривать не буду. Изберите делегатов и вышлите ко мне.

Избрали, дали наказ и обещание: если администрация не выполнит требований рабочих,— бастовать и держаться до конца стойко и дружно.

В тот же день было объявлено: удовлетворена только часть требований. Борьба продолжалась. Завод бастовал. А на другой день помощник пристава Косецкий, собственноручно избивавший рабочих, сидел в кабинете начальника завода и обсуждал с ним список «неблагонадежных». Многие попали в этот список, первым значился цеховой староста Андрей Юрш, за ним шло еще десятка два фамилий.

— На заводе существует подпольная революционная организация,— говорит Косецкий, поглаживая нафабренные усы.— Ею руководят из центра. Мы напали на след приезжей агитаторши, учительницы из Вятки.

Начались аресты. Оскаровну предупредил Миша Туркин, знавший в лицо всех шпиков. Когда полиция постучала в дверь ее квартиры, Авейде уже там не было, она выехала в Екатеринбург.

Приезжавшая в Екатеринбург в начале 1905 года Р. С. Землячка писала 16 февраля Н. К. Крупской: «Здесь я застала дела в ужасном виде. Комитет целиком провалился. Оказались группы по разным городам без комитетов».

Но силы были, их предстояло собрать, возглавить революционное движение екатеринбургских рабочих. Среди тех, кто взял на себя эту большую и благородную задачу, в памяти народной не померкнут имена Никифора Вилонова, Николая Замятина, Сергея Черепанова, Клавдии Новгородцевой, Павла Кина.

Для Марии Оскаровны 1905 год стал годом политической зрелости. В Екатеринбурге Авейде появилась как раз после больших арестов, когда организация была ослаблена. Оскаровна сразу включилась в работу и стала необходимым товарищем. Очень скоро она связалась с работниками ткацкой макаровской фабрики, а потом и с другими предприятиями. Она обладала исключительным умением будить сознание

самых, казалось бы, отсталых людей, увлекать их мечтой о лучшей жизни. От общения с ней люди перерождались.

В 1919 году С. И. Дерябина писала о Марии Оскаровне: «Это был человек кристально чистой, ясной души, прямой, необыкновенно чуткий. Ее любили за удивительную, прямо святую доброту, которая делала чудеса, возрождая души совершенно погибших с виду штрейкбрехеров, женщин, павших «на дно», профессиональных босяков, воров и убийц» [1].

Никакой работой не гнушалась Оскаровна, лишь бы быть нужной партии. А работы все прибавлялось: организация росла, летом проводились массовки в окрестностях города. А. В. Трубина, участница в работе организации того периода, вспоминает, как прибегала к ней Оскаровна, буквально начиненная листовками.

В августе 1905 года Марию Оскаровну арестовали, но ненадолго. Бурная народная демонстрация 19 октября раскрыла тюремные двери, и вместе с другими политическими она была освобождена. В эти дни она встречается с чудесным большевиком, организатором масс Андреем. Оскаровна выступает на митингах, ведет рабочие кружки. С началом реакции в 1906 году снова приспособляется к условиям подполья. Она активный участник Уральской областной конференции, проходившей в феврале 1906 года в Екатеринбурге. Вместе с М. А. Черепановой поочередно они вели протоколы конференции.

Мария Оскаровна прекрасно владела искусством задушевной беседы с небольшой группой. Собирались обычно где-нибудь на Опалихе или в Мельковке. Начиналась беседа с какого-либо примечательного случая из заводской жизни, а чаще всего с чтения рассказа или отрывка, посвященного доле рабочего человека. Были то «Подлиповцы» Решетникова, «Бойцы» Мамина-Сибиряка, произведения молодого писателя Погорелова.

«...Толпа во дворе заревела, зашевелилась, раздались свистки, и Конюхов без фуражки, с распластанным воротом, вышвырнутый из толпы, бледный, как смерть, спотыкаясь и нелепо перебирая сгибавшимися в коленях ногами, побежал к воротам. За ним, преследуемые свистками и хохотом,

---

[1] «Уральский рабочий», № 2, от 5 августа 1919 г.

бежали управитель и два молодых инженера»,— читает Оскаровна.

На лицах слушателей улыбки одобрения. Картина знакомая: то в одном, то в другом заводе вывозили начальство на тачке да еще и в лапти обували. Рабочий класс почувствовал свою силу.

— Слушайте дальше.

«В гроб вколочу!» — «Эка!.. И без того в гробу живем...» — «В тюрьме сгною! В каторге не бывали!...» — «Нет, бывали!.. И в тюрьме сиживали!.. Будет!.. Довольно над нашим братом издеваться!»

Знаком был и такой диалог между рабочими и администрацией.

Революционный дух пролетариата не падал, несмотря на поражения.

Но тучи сгущались. В апреле 1906 года при разгоне митинга у Каменных палаток Мария Оскаровна снова была арестована. В июне в Перми был арестован Яков Михайлович .В николаевских арестантских ротах снова отбывал заключение Вилонов. После кратковременной «отсидки» Авейде была освобождена, однако оставаться ей в Екатеринбурге уже было нельзя. Партия направила ее в Самару на подпольную работу.

На Урал приезжала начинающая двадцатилетняя революционерка, уезжала закаленная в борьбе большевичка, блестящий организатор, талантливый пропагандист и мастер конспирации, достойная ученица и помощница Свердлова.

Митинг в Самарском театре подходил к концу. Минутой молчания почтили память жертв мотовилихинского декабрьского восстания. Последний оратор выкрикнул всего несколько фраз:

— Не вешать голов, товарищи! Борьба не окончена! Наша клятва — победа или смерть!

И вдруг, точно электрический ток, пробежал по толпе тревожный шепот:

— Полиция... Обыскивать будут... Казаки оцепили театр.

Два боевика с Трубочного завода переглянулись:

— Что делать, Ваня? Бросить жаль и не бросить нельзя. В петлю угодишь.

— Давайте сюда, ребята. Я пронесу.

Невысокого роста молодая полная блондинка в большой пуховой шали смотрела на них. Открытое милое лицо. Ясные голубые глаза. Парни сунули ей два револьвера. Она спрятала их на груди под шалью и пошла к выходу. Мордастый пристав в сизой шинели и два бородатых казака пропускали по одному и каждого обыскивали, искали оружие. Но столько детского простодушия было в облике молодой женщины, что ее приняли за любопытную мещанку, случайно попавшую на митинг, и попросту вытолкнули из театра. Оба парня беспрепятственно прошли за ней.

— Спасибо, Оскаровна!

Зимний вечер. С материнской нежностью смотрит Мария Оскаровна на головы учеников, склонившихся над тетрадями. В большинстве это взрослые рабочие, но есть и заводские пареньки, непоседливые, задиристые. Здесь они внимательны и послушны. Почти все они — дети нужды и с детства пошли зарабатывать кусок хлеба. Они любят свою учительницу за доброту, за ее умение просто и ясно объяснять непонятное. Правда, она частенько отвлекается от урока и говорит, например, о том, что война нужна капиталистам, а не крестьянам и рабочим. Отношения к алгебраическим уравнениям это не имеет, но Мария Оскаровна убеждена: — Все это пригодится в жизни не меньше, чем алгебра.

Война идет уже третий год, кровавая, бессмысленная. Растут цены, исчезают продукты, все труднее становится жить. И вот уже сами ученики просят разъяснять вопросы текущей политики.

По Самаре ползут слухи о беспорядках на Трубочном.

— Казаков понагнали, хлестали нагайками. Которых, слышь, в участок забрали.

— Дождутся девятьсот пятого года,— зловеще замечает пожилой железнодорожник, самый старательный ученик у Авейде.

А она лучше знает, что произошло на заводе. И хотя арестована группа большевиков во главе с В. В. Куйбышевым и отправлена в ссылку,— «Это начало конца»,— говорит она, и в голубых ее глазах вспыхивают искорки.

Ночью Оскаровна спешит на Заводскую улицу к своей давней подруге по подполью Симе Дерябиной. В скудно обставленной квартирке на две комнаты тепло. Сима уже вернулась с дежурства в госпитале.

Нечасто приходится встречаться, и подруги не могут наговориться.

— А помнишь, как вы меня вырвали из тюрьмы?

— А помнишь, как зажигательно говорил Яков Михайлович... Даже на эсеровском митинге кричали: «Андрея председателем!»

Этим «а помнишь...» не было конца. Слишком еще свежи у обеих были воспоминания о революции 1905 года.

Приходит из типографии муж Симы Венцек, чернобородый, румяный с мороза, приносит ворох газетных новостей и каждую комментирует. Реляции с фронта о том, что «наши доблестные войска заняли лучшие позиции», он сопровождает едким примечанием:

— Значит, отступление продолжается.

— Начало конца,— повторяет Оскаровна.

— Вы правы, Маруся,— это начало конца. Народ устал от войны. Правительство не может справиться с разрухой, ведет страну к гибели, но народ поумнел с пятого года. Близок конец самодержавия... неизбежен.

Венцек — старый большевик, умница, сильный характер. Сима с ним счастлива. А она, Мария Авейде, разошлась с мужем, отцом трех ее детей, потому что увидела в нем ставшего чуждым партии трусливого мещанина.

Обе подруги любят петь. После дружеской беседы за самоваром вечера их заканчиваются любимой песней. И думается о прекрасном царстве труда и свободы, которое так близко и так еще далеко.

Весть о свержении самодержавия пришла в Самару с недельным запозданием. Губернаторский дом пришлось брать с бою.

Первый после революции митинг был созван в театре «Олимп», красном от знамен и полотнищ. Даже колонны были увиты красными лентами. Ликование по случаю падения царизма было всеобщим.

Одному из учеников, особенно бурно выражавшему радость, Мария Оскаровна сказала:

— Чему ты радуешься? Разве что-нибудь переменилось в жизни? Правда, нет городовых, но хозяева-то остались. А кто сидит во Временном правительстве? Те же помещики и капиталисты. Разве они хотят кончить войну?

Партия вышла из подполья. Большевики встречали вернувшихся из ссылки Куйбышева и Бубнова, а эсеры — «бабушку революции» — Брешко-Брешковскую. «Бабушка» выступила на митинге, призывала защищать свободу от немцев, продолжать войну. Солдаты мрачно слушали и отворачивались, ругая вполголоса и войну и «бабушку».

На первомайскую демонстрацию вышел весь город. Шли солдаты запасных полков, шли рабочие с Трубочного, «Саламандры», «Проводника». Их было много. На одном только Трубочном заводе работало двадцать пять тысяч. Впервые вольно и мощно пели запрещенные песни. Но в рядах демонстрантов не было единства. Оскаровна и Сима шли с колонной рабочих, а навстречу двигалась другая, в первом ряду которой шагали пузатые гласные городской думы, с красными бантами на груди, и ревели медвежьими голосами:

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил.

Подруги хохотали от души, рабочие зло косились на «отцов города».

В течение летних месяцев большевики Самары вели беспрерывную борьбу с эсерами и меньшевиками в Совете, профсоюзах, в печати. После июльских дней большевикам пришлось перейти на полулегальное положение.

В Октябрьские дни в Самаре вооруженных столкновений не было. Рабочие шли за большевиками. Власть перешла в руки Советов. Однако в губисполкоме засели эсеры и меньшевики. В ответ большевики образовали ревком, председателем которого стал Валерьян Владимирович Куйбышев, а председателем ревтрибунала — Франц Иванович Венцек.

В какой обстановке приходилось работать, говорит хотя бы такой факт.

Декабрь 1917 года. Заседание ревкома. Оно происходит на втором этаже губернаторского дома. Еще недавно здесь

размещался эсеро-меньшевистский комитет народной власти. Вдруг раздается неописуемый грохот, здание сотрясается, электричество гаснет, начинается пожар. Собравшимся приходится спасаться по веревке, так как лестница пылает. Оказывается, дружина максималистов устроила в нижнем этаже склад бомб. Контрреволюционер бросил в окно гранату, и весь склад взорвался, уничтожив три четверти здания.

С первых же дней Октября в оренбургских степях поднял мятеж Дутов. Пришлось Авейде многих своих учеников провожать на фронт.

Ей же была поручена работа среди молодежи. По инициативе старого большевика Митрофанова для этой цели была создана агитаторская группа. Оскаровна вовлекла в нее самых юных своих учеников, парнишек от четырнадцати до шестнадцати лет: Осю Галкина, Костю Громова, Сережу Андреева, Женю Шнейдера, Шуру Булушева, Леню Поливника. Сначала их было немного — двадцать парней и три девушки — ядро будущей комсомольской организации. Все они прошли сквозь огненные годы, получив идейную закалку здесь, в школе агитаторов. Им читали лекции опытные пропагандисты — Куйбышев, Масленников, Сперанский, Милонов, Митрофанов, Авейде.

Дни не шли — бежали, и ни один не был похож на другой. Каждый нес новое — или радость или горе. Сегодня тревожное:

— В Липовке кулацко-эсеровский мятеж, мятежники захватили всю волость.

— Церковники на общегородском собрании постановили объявить трехдневный пост, обратиться к верующим с призывом встать на защиту православия...

А через день радостные вести. Отряд Чапаева разгромил мятежников и восстановил Советскую власть в Липовской волости. Из военнопленных славян сформирован отряд в сто двадцать человек под командованием чеха коммуниста Ярослава Гашека.

Лекции в агитаторской группе, выступления на митингах, собрания, дежурства в горкоме, Коммунистический клуб — Оскаровне не хватало дня. А ведь она была любящей ма-

терью. Старший сын Александр и две маленькие дочки — Маруся и Галя — о них не переставало болеть ее сердце.

— Милые мои,— шептала она, прижимая их к груди.— Когда-нибудь вы поймете, что ваша мать не могла жить иначе.

Обстановка в городе накалялась. Венцек докладывал в ревкоме об усилении деятельности контрреволюционных элементов, о блоке эсеров и максималистов, о готовящемся выступлении.

В этих условиях решено было создать чрезвычайный штаб. Во главе его встал молодой коммунист председатель горисполкома Александр Александрович Масленников. Командующим красногвардейскими отрядами был назначен Гая Гай — смелый и энергичный командир, в будущем прославленный полководец гражданской войны.

Последнее время Мария Оскаровна безвыходно дежурила в партийном клубе. Вся агитгруппа была мобилизована.

Наступило 17 мая. Сменявшийся патруль сообщил, что эсеры и максималисты открыли на площади Революции митинг.

— Туда пошли два товарища из губкома.

Со стороны площади донесся выстрел. Это и явилось сигналом к мятежу. Эсеры использовали свой опыт подпольной работы, момент для восстания был выбран удачно: много красногвардейцев участвовало в это время в подавлении дутовского мятежа и в городе оставалось лишь незначительное число рабочих дружин. Один за другим приходили в клуб коммунисты и приносили все более печальные новости. Мятежники захватывали район за районом.

— Не робейте, товарищи,— говорила Оскаровна, и ее спокойное мужество передавалось другим.

Она хладнокровно отдавала распоряжения и стала душой обороны клуба. А мятежники уже штурмовали губком и горисполком. Вскоре они появились и на Заводской улице. Стрельба раздавалась во всех концах города. Свистнули первые пули.

— По местам, товарищи!

Черные фигуры матросов из анархистского отряда Попова показались перед зданием, стреляя на ходу. В ответ грянул

дружный залп, второй. Противник отступил. Отбита была и вторая атака, и третья.

Всех беспокоила судьба губкома и штаба охраны.

— Ничего,— успокаивала Оскаровна,— в ревкоме Куйбышев, в штабе Масленников...

Но положение оставалось критическим. Почти весь город был в руках мятежников. Захвачены были все милицейские участки. Эсеровский губисполком фактически руководил восстанием.

В партийном клубе решили держаться до последнего. Веселая, оживленная Мария Оскаровна находилась там, где более всего была нужна. То приносила чай и поила усталый патруль, то сама сменяла часового и давала ему возможность отдохнуть и поесть, подбадривала веселой шуткой приунывших от тревожных вестей дружинников. Так прошел первый день осады. Поздно вечером дежуривший у ворот дал сигнал тревоги. К клубу двигалась колонна вооруженных штатских. Впереди шагал молодой человек в очках, размахивая тяжелым «смит-вессоном». Кто это мог быть? Подготовились к бою и вдруг услышали знакомый голос:

— Свои, товарищи! Не стреляйте!

Это был Масленников и с ним коммунистическая дружина. Радости не было конца. Масленников рассказал, что в подавлении мятежа принимает участие крупный интернациональный отряд, что на помощь двинуты войсковые части.

Через два дня мятеж был подавлен, губисполком распущен, взамен его создан губревком. Председателем его вновь избрали В. В. Куйбышева.

Мария Оскаровна покинула клуб на третий день утром только после того, как Масленников сказал:

— Идите домой, Оскаровна. Вы свой революционный долг выполнили с честью. Отдыхайте и чтоб завтра я вас ни в ревкоме, ни в клубе, ни в штабе охраны не видел,— прибавил он с шутливой строгостью.

Она шла вдоль Советской, бывшей Дворянской, улицы. Навстречу двигалась под усиленным конвоем группа косматых парней с тупыми, еще хранившими тюремную бледность, лицами.

«Вот они, резервы контрреволюции»,— подумала Мария Оскаровна. Это был разоруженный отряд максималистов.

Тревога за детей, которую она испытывала в течение трех дней мятежа, охватила ее с новой силой. Зашла во двор. Из-за яблонь в снежном цвету виднелся флигелек. Дети выбежали навстречу, плача и обнимая мать. Она сама не могла удержаться от слез.

— Бедные вы мои... Как-то жили вы без меня? Шурик!.. Ты-то как, мой родной?

Сын стоял в сторонке. У него были такие же голубые, как у матери, глаза, да и характер такой же. Он уже понимал, где была и что делала мама.

— Нас тетя Маша кормила,— отвечал он.— Ну, и я... тоже.

— Знаю, мой хороший, что ты заботился о сестренках... Пошли домой, будем готовить обед. И сегодня и завтра я только с вами.

И было до того все хорошо сейчас — и тишина, и радостные детские личики, и привычный домашний уют, что Мария Оскаровна позабыла свист пуль и бессонные ночи. В раскрытые окна май дышал яблоневым ароматом, и было счастье.

Но как она могла засидеться дома и не знать, что творится в городе? Увидев ее в ревкоме, Масленников нахмурился и сказал: «Я пожалуюсь на вас Куйбышеву, как на нарушительницу партийной дисциплины!» Мария Оскаровна, застигнутая врасплох, покраснела, как девочка.

На площадях бывшие фронтовики спешно обучали добровольцев военному делу. По ночам в опустевших улицах раздавались окрики:

— Кто идет?

Красногвардейские патрули проверяли документы. В городе затаился враг, готовый при удобном случае взяться за оружие. Мария Оскаровна и все самарские большевики были на боевом посту. Блюхер и Чеверев гнали разгромленные банды Дутова в Тургайские степи. Уже прославил себя геройскими делами Василий Иванович Чапаев. А между тем вскоре грянула гроза.

25 мая 1918 года взбунтовался чехословацкий эшелон в Челябинске, на другой день в Пензе, а затем на всем про-

тяжении железнодорожной магистрали от Пензы до Владивостока закипели бои.

Фронт приближался к Самаре. Еще раз провожала Мария Оскаровна своих учеников и через несколько дней встретила одного из них с забинтованной головой. Он шел без винтовки, босой, с глазами, полными ужаса. Захлебываясь, он рассказал подробности боя под Липягами, где почти полностью были уничтожены коммунистическая дружина и латышский стрелковый полк.

— Их было больше, Оскаровна. У них всякое оружие, артиллерия. А у нас что? Одни винтовки, да и патронов не хватало.

Уже на берегу реки Самары рыли окопы. Рыли окопы на Хлебной площади у элеватора, спешно устанавливали батареи. Под командованием Гая, Паршина и других командиров разрозненные отряды занимали оборону.

Вот на Хлебной площади разорвался первый снаряд. Мария Оскаровна спросила Масленникова:

— Как ты думаешь, удастся отстоять город?

— Надо отстоять,— ответил он.

В ревкоме шло горячее обсуждение плана обороны города. На помощь подходили одиночные отряды, но они были плохо вооружены.

Артиллерийский огонь усиливался. Белочехи захватили вокзал. К ним присоединились местные белогвардейцы. Враг устремился к центру города. С крыш и чердаков стреляли контрреволюционеры. Бой не стихал и ночью.

Мария Оскаровна поняла, что город обречен.

— Вам нужно уходить. «Межень» — последний пароход, и он дожидается вас,— говорила она работникам ревкома.

— Да, нужно уходить, товарищи,— сказал Куйбышев.— А вы, Оскаровна, останетесь здесь в городе руководить нашим подпольем.

— Разумеется.

Последние рукопожатия. Мария Оскаровна, волнуясь, смотрела, как исчезают в ночном сумраке боевые друзья. Высокая фигура Куйбышева скрывается в переулке. Удастся ли им добраться до пристани?

Со стороны Заводской улицы доносится яростная стрельба. Клуб защищает Масленников с дружинниками. На выручку им

спешат бойцы московского и смоленского отрядов. Удастся ли им спасти Масленникова?

У себя дома она не могла найти покоя. Дети уснули, а она так и не сомкнула глаз до утра.

Она вышла на улицу, и разгорающийся день померк в ее глазах. Кое-где еще стучали одиночные выстрелы, но их заглушали звон колоколов, неистовые крики «ура», звериный рев победителей.

От домов еще ложились прохладные тени. Прячась в закоулках, бежали отдельные красноармейцы. Окольным путем Мария Оскаровна пробралась к партийному клубу. Здесь был последний бастион обороны. Вот уже и Заводская. Остается каких-нибудь два квартала. Стрельбы не слышно. Значит, москвичам и смоленцам удалось выручить отряд Масленникова... Но что это? Она невольно прижалась к двери в подъезде. Вдоль улицы с криками и бранью двигалась разъяренная толпа. В середине ее шла горстка защитников клуба во главе с Масленниковым под конвоем чехов. Почти все израненные, избитые. Их вели по направлению к вокзалу.

На углу Заводской и Троицкой такая же толпа избивала кого-то с яростным воем. В воздухе мелькали палки, камни. Мария Оскаровна знала, что вмешиваться нельзя, и все же не могла удержаться, чтобы не пойти. Но толпа уже разбегалась, и когда она подошла к месту самосуда, то похолодела от ужаса и скорби. Перед ней лежал Венцек. Красивое лицо было обезображено кровоподтеками, возле головы валялся окровавленный булыжник. «Бедная Сима!» — прошептала Мария Оскаровна. В нескольких шагах от Венцека в луже крови лежал растерзанный заведующий жилищным отделом Штыркин. Домовладельцы, у которых он отбирал дома и уплотнял квартиры, отомстили со всей звериной ненавистью.

Мария Оскаровна закрыла лицо руками...

Но надо делать свое дело — дело партии. В тот же день Авейде разыскала мать коммуниста Милонова. Она содержала небольшую кондитерскую, которую можно было использовать как место явки. Узнала, что и сам Милонов скрывается в городе. Обратно шла довольная, что начало делу положено. Купила детям съестного на обед. У ворот встретил хозяин, полупьяный, должно быть, с радости, что дождался «освободителей».

— Хотели мы тебя, Оскаровна, народному суду предать,— сказал он со смешком,— да народ не согласился, говорит: она хорошая. Ну и живи, только насчет политики ни-ни!

— Постараюсь, Матвей Ипполитыч.

Во дворе ее встретил сын, очень взволнованный.

— Мама, у нас какой-то офицер сидит. Может быть, тебе не заходить?

— Ну, что ты, глупенький. Куда же я без вас?

На крыльце стоял молодой человек в щегольском френче с бело-красным угольником на рукаве.

— Мадам, вы под домашним арестом. Я дежурный офицер.

Значит, нельзя отлучаться из квартиры. Но Шурик — умный мальчик, на него можно положиться во всем, даже в конспиративных делах. Он успешно выполнял самые сложные поручения.

«На квартире у Марии Оскаровны хранились средства, из которых оказывалась регулярная помощь семьям погибших или отступивших из Самары красногвардейцев, а также семьям арестованных большевиков. Деньги закладывали в большие солдатские ботинки, которые надевал Шура Авейде. Взяв за руки сестренок, он уходил с ними гулять. Обратно Шура возвращался босиком, перекинув связанные шнурками ботинки через плечо, неся на одной руке двухлетнюю сестренку Галю, а другой ведя семилетнюю Мусю. Конечно, никакому чешскому или белогвардейскому Шерлоку Холмсу не приходила в голову мысль, что эта троица возвращалась после успешного выполнения поручения подпольного комитета партии» [1].

Однажды душной июльской ночью кто-то осторожно постучал в окно. Дежурный офицер храпел на диване в гостиной. Мария Оскаровна выглянула в окно и ахнула: перед ней стоял кучерявый черномазый мальчишка, босой оборванец, в котором она едва узнала Осю Галкина. Он вместе с группой Куйбышева отступил в Симбирск. Она открыла окно, и Ося прыгнул в комнату.

---

[1] И. Галкин. На заре нашей юности. Куйбышевское книжное издательство, 1958.

Многое рассказал он о положении на фронтах. Пока что сведения были неутешительные.

Вот письмо от Валерьяна Владимировича.

Он разрезал подклад рваного пиджачишка и протянул сложенный вчетверо листок папиросной бумаги. Куйбышев писал о том, что в Самару направлен для подпольной работы Федор Паршин. Участник штурма Зимнего, один из организаторов Красной Армии, Паршин уже развернул эту работу.

— Значит, живем и боремся, Иосиф! — радостно воскликнула Мария Оскаровна.— Но как же ты сумел добраться до нас?

Из рассказа явствовало, что малыш — отличный связной. Взрослые его товарищи погибли при переходе через фронт. Мария Оскаровна могла гордиться своим учеником. Вернуться в Симбирск ему не пришлось. Белые взяли город. Взяли Казань, и это был их последний успех.

Что за эти черные дни передумала Мария Оскаровна! О победах белых докладывали дежурные офицеры, а о восстаниях в тылу — связные большевистского подполья. Из Струковского сада едва не до утра каждый день неслись звуки ликующей музыки. Пасхальным перезвоном заливались колокольни самарских церквей. И вдруг все смолкло: и оркестр, и колокола; и лица дежурных офицеров стали пасмурны.

— Скоро наши придут,— шептал матери Шурик.

— Скоро, детка.

И вот уже освобождены Казань, Мелекесс, Симбирск, Сызрань. Все туже сжимается кольцо красных войск вокруг Самары, и все злей становится враг. В городе идут повальные обыски и аресты. Под пытками умирает отважный подпольщик Федор Паршин.

Однажды во флигель Авейде пришли сразу несколько вооруженных. Среди них Мария Оскаровна узнала эсера Климушкина, того самого, который зимой пытался поднять восстание против Советской власти в четвертом саперном полку.

— Я вынужден препроводить вас в тюрьму... И зачем только связались вы с преступниками?

— А по-моему, преступники — это вы,— спокойно отпарировала Мария Оскаровна.

Она стала прощаться с детьми.

— Не уходи, мама,— плакали девочки.

Сын шепнул:

— Мама, я решил идти добровольцем.

Мария Оскаровна прижала его голову к груди и ничего не ответила. Знала, что сын поступит, как велит сердце, и радовалась, что растет он честным и мужественным.

Мучительна была разлука с детьми, более мучительна, чем ожидание новых испытаний, которым она шла навстречу с гордо поднятой головой.

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка темна.
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.

Сколько раз приходили на ум эти строки! Но как часто рядом с горем об руку идет и радость. Такой радостью для Марии Оскаровны была встреча с товарищами по заключению и прежде всего с Симой Дерябиной. Были в камере врачи, сестры и санитарки, вся вина которых состояла в том, что они ухаживали за ранеными красноармейцами.

Члены молодежного кружка наладили связь с арестованными, носили им передачи, сообщали новости. Последняя оказалась самой радостной. Запечатанная в хлебе записка содержала только два слова: «Мужайтесь, выручим».

Радостно взволнованные, обнявшись, шли по коридору Мария Оскаровна и Сима. В конце коридора за двойной решеткой заключенных ожидали родственники. И вдруг маленькая фигурка метнулась им навстречу.

— Ося! Тебя-то как пропустили?

Он сразу попал в объятия.

— Готовится наступление на Самару,— сказал юный разведчик.

Мария Оскаровна строго посмотрела на него и приложила палец к губам.

— Что с моими детьми?

— Не беспокойтесь. Товарищи позаботились о них.

Вызывали на допросы. Помощник начальника контрразведки, бывший полицейский пристав, Данилов начинал с вопроса:

— Авейде?

— Да.

— Латышка?

Бывший пристав о латышах говорил: «Два раза большевик».

— Нет, эстонка.

Об эстонцах Данилов еще не составил мнения.

Допросы заканчивались угрозой бить калеными шомполами.

Между тем фронт приближался. Еще в первые дни после взятия Самары белогвардейцы начали отправлять на восток видных большевиков, объявленных политическими заложниками. Перед тем, как оставить Самару, белогвардейцы занялись эвакуацией тюрьмы. Эти эшелоны получили название «поездов смерти». В первом было около трех тысяч: коммунисты, советские работники, пленные красноармейцы, рабочие, крестьяне, женщины, дети, старики. Страшная участь ждала их.

Мария Оскаровна и Сима были отправлены со вторым эшелоном. Около двух месяцев эти поезда находились в пути. По нескольку дней людям не давали ни пищи, ни воды. Трупы умерших и убитых не убирались. Многие были убиты конвоем, многие умерли от голода и холода.

Вот выдержка из дневника, который вела в «поезде смерти» арестованная белочехами самарская коммунистка врач Зальцман-Адельсон.

> «8 октября. Бугуруслан. Пережита страшная ночь. Поезд ночью вдруг остановился в чистом поле. Послышалась какая-то возня, что-то происходило страшное. Мы стали всматриваться через щели вагона. Из какого-то вагона вывели человек пятнадцать, отвели немного в сторону, и конвойный офицер прапорщик Озолин расстрелял их собственноручно.
>
> Впечатление осталось кошмарное. Я была уверена, что нас всех перестреляют. Хочется только, чтобы остался какой-нибудь след, хоть маленькое воспоминание о нас, мучениках этого поезда, и об этих разбойниках. Нечего делать — эти «социалисты» придумали развлечение для себя.
>
> Что же предстоит нам впереди?»

Эти же мысли владели и Марией Оскаровной. Она решила бежать. Поделилась своим замыслом с Симой.

— Беги.

— А ты?

— Я слишком слаба. Началось кровохарканье.

Глухой ночью поезд остановился на большой станции. Двери вагона открылись. Вызывали врача к больному конвойному солдату.

— Прощай, Сима. Прощай, родная моя.

Мария Оскаровна поцеловала подругу и вслед за врачом скользнула в темноту. Напрягся каждый мускул, каждый нерв. В одно мгновение она очутилась под вагоном, перешла через пути. Привокзальный поселок мигал редкими огоньками. Свежий степной ветер пахнул в лицо — ветер свободы.

Свобода! Что значило для нее это слово? С новой силой, с новой энергией включиться в борьбу. Связаться с товарищами по подполью. Она села в вагон челябинского поезда, не вызвав подозрений.

В Челябинске ей хотелось поскорей найти нужных людей. Когда-то здесь была сильная партийная организация. Некоторых из коммунистов она знала лично, о других ей говорила Сима. Но не так-то просто было встретиться с кем-нибудь из них. Она не знала пароль, зато языком сердца говорить умела.

Пожилой железнодорожник, которому она рассказала о страшном «поезде смерти», о своем побеге, повел ее на окраину города к товарищу Голубеву. Тщедушный человек с длинными черными волосами, с живыми яркими глазами оказался руководителем челябинского большевистского подполья Залманом Лобковым.

— Авейде? Оскаровна? Как же, слышал, слышал о вас и о Дерябиной тоже... После всего, что вы перенесли, вам нужно прежде всего отдохнуть.

— Отдохнуть успею. Дайте мне поручение.

— Его даст Урало-Сибирское бюро.

В марте бюро послало Марию Оскаровну в Екатеринбург сменить Валека.

— Моя жена Ольга уже там,— говорил на прощание Лоб-

ков.— Работа там налажена. Желаю успеха, товарищ Матвеева.

На руках «чистый» паспорт на имя Марии Петровны Матвеевой. Вместе с ней едет Владимир Вожаков, надежный товарищ. Екатеринбург — город знакомый, она даже представляет места явок. О Валеке она слышала как об отличном организаторе.

И все же на сердце было неспокойно. Тосковала о детях, оставленных в Самаре. Сейчас город празднует свое освобождение. Но еще в то время, когда Самара была занята белочехами, Я. М. Свердлов говорил одному из самарских руководящих работников:

— Собираетесь ли вы спасать Авейде? Впрочем, если это не удастся, я надеюсь, что ее подпольный опыт поможет ей самой найти пути для освобождения. Но прошу вас, позаботьтесь о ее сыне Шуре. Он одаренный мальчик. Пусть губком партии не оставляет без внимания детей Марии Оскаровны.

Туманным мартовским утром шла Матвеева-Авейде по заледенелым улицам Екатеринбурга. Прежде всего нужно было сообщить о своем приезде Валеку, работавшему под именем Якова Семеновича Богданова.

Дела шли неплохо. Сеть «пятерок» охватила широкие круги городского населения, даже в городской милиции были завербованные коммунистами, даже в самом штабе генерала Гайды работал свой человек — Вася Еремин. Готовилось восстание.

— Вы уверены в успехе?

— Уверен...— Валек сделал паузу и добавил, понизив голос: — если не помешает какая-нибудь неожиданность.

У Марии Оскаровны после разговора с Валеком стало празднично на душе. Зашла она на знакомую, еще с 1905 года памятную квартиру в Верх-Исетском рабочем поселке. Хозяйка старушка обрадовалась нечаянной гостье. За чашкой чая вспомнили многое.

— А помнишь обыск-то?

Мария Оскаровна рассмеялась.

— Ну, как не помнить?

Нужно было спрятать шрифт для подпольной типографии. Решили зарыть его в огороде. Как потом оказалось, через дырочку в наволочке шрифт высыпался, и это проследили.

Полиция нагрянула в дом. Пока в доме шел обыск, Мария Оскаровна ругательски ругалась с околоточным, так что собрала целую толпу. Околоточный плюнул и, не заглянув в огород, ушел.

— А что ты, матушка, в каких обутках щеголяешь... Неужели купить не на что?

Мария Оскаровна поглядела на свои рваные ботинки и вспомнила о подпольщике Логинове, у которого, по словам Лобкова, хранится крупная сумма, полученная из ЦК. Кстати, нужно передать записку Лобкова жене его, Гержеван-Латти (Ольге).

Она отправилась к Логинову. Неприятное впечатление произвел на нее этот человек с невыразительными, точно стертыми чертами лица, с угодливыми манерами. О подпольной работе говорить не стал.

— Разве вы не были у Якова?

Зато деньги на покупку ботинок дал с удовольствием.

— Я вот по случаю купил двенадцать томов Брэма.

«Зачем подпольщику Брэм?» — с неприязнью подумала Мария Оскаровна. Спросил адрес — назвала квартиру. Не зная того, сама шла навстречу гибели.

Ее арестовали днем. Отряд солдат под командой двух офицеров. Один худощавый, бледнолицый, другой коренастый, плотный. Мутные глаза, опущенные углы губ, в руке нагайка с свинцовым наконечником.

— Авейде? Из Челябинска?

Поняла, что все о ней известно. Кто-то выдал. Неужели Логинов?

— Куда ее? К тебе, Ермохин?

— Давай.

— Потом доставишь в военный контроль.

Марию Оскаровну повели в верх-исетскую комендатуру. Не столько спрашивали, сколько били. Били по очереди.

Под конец бил сам Ермохин. Она молчала. Бесчувственную бросили ее в камеру. Потом повели на Главный проспект в контрразведку. Здесь она встретила Антона Валека.

Разговаривали вполголоса.

— Предал Логинов... Но он знает немногих. В Челябинске

провал. Схвачен Лобков. Там действовал провокатор. Видимо и в Перми...

Часовой у двери. Томительно тянется время. Ночь без сна. Все тело болит. А впереди новые муки.

На следующий день привели новых арестованных. Среди них жену Валека Раису Исааковну с малюткой сыном и Ольгу Даниловну Гержеван-Латти — жену Лобкова. Позднее привели Лизу Коковину. Эта попала только из-за своей неопытности. Ее спросили:

— Якова Семеновича Богданова ты знаешь?

— Да, знаю.

Этим она подписала свой смертный приговор.

Женщины помещались в проходной комнате вместе с канцелярией. С утра до вечера трещали ундервуды. Здесь же и допрашивали.

За столом обычно сидели двое: бледнолицый Шуминский и Хорват — чех-контрразведчик, похожий на Мефистофеля, уже пожилой капитан.

— Скажи, комиссарша, как ты комиссарила в своей Совдепии и что ты делала у нас?

— Я не комиссарила,— спокойно ответила Мария Оскаровна,— я учительница, работала в школе, учила детей.

— Ну, положим. А сейчас?

— И сейчас поступила в школу учить детей,— все так же спокойно отвечала она, слегка облокотившись на стул.

— Ну... а в бога веришь? Священник тебе нужен будет?

— В бога я не верю, а священника... вы себе припасите, он вам скоро понадобится [1].

Сама мать и бывшая учительница, она играла с маленьким Шуриком, забывая, что ей-то осталось жить всего несколько дней. Величие души этой замечательной женщины поражало всех, даже белогвардейских палачей. Однажды Шуминский после очередного допроса сквозь зубы сказал Хорвату:

— Изумительно, как идут к этим разбойникам-большевикам такие смелые люди!..

Впрочем, и другие не теряли мужества. Лиза Коковина, роковым образом проговорившаяся, больше не сказала ни

---

[1] Раиса Валек. Жизнь в борьбе. Свердловское книжное издательство, 1963.

слова, несмотря на самые мучительные пытки. Гержеван-Латти, черноглазая красавица, говорила своим палачам дерзости.

— Неужели такие красивые женщины бывают большевичками? — удивлялся Шуминский.— Вы так плохо одеты, а с вашей наружностью только в шелках ходить!

— Да, большевички у нас есть и гораздо красивее. А насчет одежды не беспокойтесь. Победим и оденемся лучше.

Ей прощали даже такие ответы.

Конечно, всем им хотелось жить. У Лизы Коковиной,— а ей было двадцать четыре года,— блестели на глазах слезы. Мария Оскаровна грустно шутила:

— Вот купила новые ботинки, а на что они мне сейчас.

Наступило 4 апреля — день суда. Восемь человек приговаривались к смертной казни, в том числе две женщины — Мария Оскаровна Авейде и Елизавета Константиновна Коковина. Безмолвно выслушали они приговор, готовые к нему со дня ареста. Марию Оскаровну и Лизу перевели в комнату смертников. Здесь уже находились их товарищи, истерзанные пытками: Валек, Брод, Вальтер, Голубь, Буздес, Вожаков.

Последней радостью было известие о венгерской революции.

— Советская власть в Венгрии — ведь это замечательно, товарищи! — говорил Валек, держа в руках газету.— Сегодня в Венгрии, а там и в других странах. Не пропало дело, за которое мы боролись.

Когда Раисе Исааковне разрешили свидание с мужем, она застала всех оживленными,— более других Валека и Авейде. На краю могилы они продолжали жить мыслью о мировой революции, в победу которой верили беззаветно.

Но вот наступила ночь на восьмое апреля, последняя ночь для восьми смертников. Уже из Верх-Исетска приехал конный отряд карателей с Ермохиным. Карателям выдали водки, и всю ночь с нижнего этажа слышались пьяные песни и ругань.

На рассвете осужденных вывели за Верх-Исетский завод и здесь, на опушке леса, зарубили. Антон Валек был последним, видевшим мучительную смерть своих товарищей. Когда очередь дошла до него, он уже был мертв. Палачи в ярости рубили бездыханное тело.

На улице Антона Валека в Свердловске установлена мемориальная доска с именами большевиков-подпольщиков, замученных и убитых колчаковцами. Их скорбный перечень открывает фамилия Авейде. Не только по алфавиту заслужила право на первое место эта самоотверженная женщина. В своей жизни, прямой и честной жизни революционера, она всегда была первой в самых трудных и опасных предприятиях. Партии и народу отдала она весь пламень своего сердца.

Каких-нибудь три месяца не дожила она до дня освобождения Екатеринбурга. Во втором номере «Уральского рабочего», возобновившего свой выход, ее подруга по подполью, по организации Советской власти, по страданиям в «поезде смерти» С. И. Дерябина писала:

«Авейде не занимала никаких видных партийных или советских постов, предпочитая все время находиться в самой гуще рабочей массы. Тут она находила применение своему необычайному, оригинально-яркому и могучему организаторскому таланту, тут была богатая, благодатная почва для коммунистического воспитания пролетариата. Мария Оскаровна была талантливой самоучкой, с высокоразвитым и коммунистически организованным интеллектом...

В низах рабочих имя ее бессмертно.

В верхах партии роль ее будет признана и оценена по достоинству.

Таких имен партия не забывает».

Это имя светится яркой звездой среди тех, чей подвиг подготовил победу социализма. Этот подвиг еще раз напоминает нам, как жили, как боролись и как умирали коммунисты в незабываемые годы гражданской войны и революции.

К. БОГОЛЮБОВ

ЗА ТУЧАМИ — СОЛНЦЕ...

1

Жандармский ротмистр граф Подгоричани нервничал, перечитывая протокол допроса за номером 73. Перечитывал он этот протокол, составленный «в Екатеринбурге 1905 года апреля 8 дня», не ради любопытства. Ротмистр знал его отлично, тем более, что сам писал, допрашивая арестованного. Его беспокоило другое.

Что некто Сомов, арестованный в начале года, не Сомов на самом деле, а Замятин, в охранном отделении выяснили быстро. Известно стало, что он же Зефир, Илья, Батурин, которого неоднократно разыскивали власти, что прежде, до Екатеринбурга, он находился в Туле, вел возмутительные раз-

говоры с рабочими о государственном строе и, что еще важнее,— недавно из Женевы, где встречался с небезызвестным Ульяновым...

А вот с кем связан арестованный, кто его соучастники (помимо схваченных уже) и где находятся, а главное, что думают социалисты, каковы их планы,— Подгоричани не знал, а он, Замятин, молчал. Все, что сказал он, по протоколу дознания выглядело так: «...Место приписки назвать не желаю. Родственные связи и лиц, могущих меня удостоверить, назвать не желаю. Место воспитания, место жительства назвать не желаю, равно как и за привлечение ранее к дознанию политического характера и вообще на все вопросы о моей личности и по делу, к которому привлечен. Подписать протокол не желаю и причины к тому назвать не желаю...»

Прочитав такое, каждый возмутился бы!

Ротмистр допросил других. Но и они, как сговорившись, отвечали: «Не желаю». Только двое — Вершинин и Селянкин — дали показания, но путаные, сбивчивые. И безбожно врали, как видно, многого не ведали. Ротмистр сам мог рассказать им больше. Когда он, отложив бумаги, подходил к окну и вглядывался в улицы, в прохожих, в каждом пешеходе чудились ему подпольщики.

...В конце прошлого года в Екатеринбурге стало неспокойно. Впоследствии ротмистр понял, что это беспокойство во многом было связано с приездом двух большевистских агентов. Среди своих их называли Михаилом и Константином (Сомовым). Как водится, ни Михаила, ни Константина на самом деле (по документам) не было. За Михаила шел Вилонов Никифор, за Константина — Замятин (Батурин) Николай. Приехали они не на пустое место. Их встретили единомышленники, среди которых особо выделились братья Черепановы.

А вскоре в городе, в соседнем Верх-Исетском заводе, в Нижнем Тагиле появились преступные воззвания от имени Российской социал-демократической рабочей партии. Листовки попали даже в военный лазарет и в казармы, где жили солдаты запасного батальона. О содержании их свидетельствовали заголовки: «Правда о войне», «Порт-Артур и Ляоян», «Новая мобилизация». Они, как доносил начальству жандармский ротмистр граф Подгоричани, соединяли в себе «дерзо-

стное порицание существующего образа правления с призывом граждан, рабочих и солдат к ниспровержению самодержавия». Листовки волновали рабочих. И не только их. Заговорили обыватели, интеллигенция. Подгоричани не знал покоя. А в январе опять листовка — «Ко всем уральским рабочим». И вновь о том же — о самодержавии, о притеснении иноверцев, о единении рабочих и о свержении власти...

Первой на примете оказалась квартира мещанина Сергея Черепанова, техника электростанции, которую, по донесению, посещали нелегальные. Жандармы осторожно наблюдали за ней, потом Подгоричани явился с обыском. И не ошибся: там было что искать. В квартире и во дворе они нашли уже известное в охранном отделении воззвание «Ко всем уральским рабочим», брошюры, номер социал-демократической газеты «Искра», линейки для набора, сосуды с типографской краской, металлическую раму, литографский вал и другие предметы.

В квартире, кроме Черепанова, жандармы застали троих. Один высокий, худой, с бородкой, другие ничего приметного не имели. Все четверо сидели за столом и пили чай. Вошедших не приветствовали. А тот, что с бородой, с ухмылкой сказал:

— Смотрите: гости... Чем обязаны?

Подгоричани потребовал документы. Рассматривал он их недолго.

— Выходит, Сомов... Так, так... Виктор Андреев?.. Отлично.

Он говорил отрывисто, не дожидаясь ответов, поскольку знал, что все равно ответы будут не такими, каких хотелось бы, что только в отделении, и то не сразу, удастся выяснить их личности.

— Прошу,— он указал на дверь. Арестованные оделись и молча вышли. И всю дорогу не проронили ни слова. Так и молчат с тех пор. Теперь Подгоричани их знает. Это Кацнельсон, Замятин и Мавринский. Но легче от этого не стало. Теперь они надежно упрятаны в николаевских арестантских ротах. А что переменилось? Ничего.

Не прекращается брожение в городе и в Верх-Исетском заводе. Листовки снова появились. На улице уже открыто говорят об этих самых «свободах» для всех. Неутешительные

вести идут из Петербурга, из Москвы. Бунтует народ, чего-то требует...

Да, жандармскому ротмистру Подгоричани было о чем подумать.

2

Уральская весна приходит вдруг: еще вчера поземка вилась по сугробам, по дорогам, а сегодня ветер потеплел; и колеи, разбитые, изъезженные, засеребрились водой. С оглядкой прожурчали ручьи; на взгорьях и у домов, под солнцем, засветились плешины... Но ветры на Урале переменчивые, и стужа то отойдет, то, будто спохватившись, закружит вихрем...

У Николая Николаевича было время наблюдать, как пробивается весна. Правда, в окошко камеры больше глядело небо, земля же лежала где-то за стеной, а ему хотелось видеть, как идет весна. Он загляделся на верхушки сосен, которые едва просматривались сквозь решетку. Деревья раскачивались и, казалось, цеплялись за лохмотья туч, а тучи шли и заслоняли солнце, и не было конца им... Батурин усмехнулся: давно он не наблюдал природу, а тут вдруг глядит на небо и думает о его голубизне. Смешно... А может, и не зря это? Может, весна нынче особенная? Все может быть.

Он обернулся к товарищам. Вилонов, Кацнельсон и Мавринский о чем-то разговаривали и видно было, что увлеклись, наверно, спорили. А спорили они частенько и каждый раз в арбитры призывали Батурина. Он лучше их знал и эсеров и народников, в Женеве участвовал в дискуссиях с меньшевиками. Рассказывая об одной такой дискуссии, он вспомнил, как слушал Ленина, и после этого стал окончательно непререкаемым судьей. Его охотно слушали. Батурин мог о сложном, например, о «Капитале» рассказывать, как о знакомом, близком каждому, мог без улыбки, серьезно выслушать любой вопрос и без намека на превосходство ответить.

Поговорили немного и умолкли. Батурин продолжал рассматривать верхушки сосен.

Кацнельсону не захотелось спорить с Мавринским и, помолчав немного, он произнес:

— А что теперь на воле делается? Любопытно...

— Известно что, весна. Тура открылась.

— Тура... Не про Туру я, не про Исеть... Что в городе, на заводе. Слыхал, что говорил тот, из девятой камеры? Бедовый парень... Опять неспокойно в городе. Волнуется народ. А в Питере и вовсе... А он-то знает: позавчера из города.

Вилонов слушал и молчал, потом вдруг шепотом проговорил, поглядывая на дверной «глазок».

— Надо уходить. Не верите? Ей богу можно. Смотрите...

Он встал, поднял доску на нарах и указал на пол. Там в полусгнившей половице отчетливо виднелись дыры.

— Подкоп сделаем.

— А стена?

— Стену продолбим. Кирпичики местами некрепко держатся... Как, Николай, твое суждение?

Батурин собрал морщины на лбу и, взявшись за бородку, ответил коротко:

— Готов.

Другого он сказать не мог. Не хватало сил сидеть без дела, да и товарищи истомились. План обсуждали долго, во всех деталях. Однако исполнение отложили: в тюрьму нагрянула какая-то инспекция, чего-то проверяла, осматривала, в эти дни они сидели по одиночкам, без чаепитий и разговоров. Инспекция уехала, но появились другие препятствия, предусмотреть которые никто не мог.

Так в нетерпении прошла весна. В июне, наконец, взялись за дело. Вилонов, пользуясь поблажками надзирателя Тимофея Мочалова, который не очень придирался к его прогулкам по коридорам, однажды притащил стамеску, а вскоре лом, который оказался в сенях, как видно, в связи с ремонтом, начавшимся после отъезда инспекции. Работа пошла быстрее. К 9 июля все было готово. Но в этот день решили не уходить. Надзиратель, сменивший Мочалова, весь вечер не отходил от «общей» камеры, наведывался то и дело, ворчал, пускался в рассуждения о «политических». Для заключенных это был тяжелый вечер, пожалуй, самый трудный из всех. На следующий день дежурил Тимофей Мочалов. После вечерней поверки он проводил заключенных до камеры, закрыл за ними дверь и молча ушел. Все было, как положено.

Для виду посидели, хлебнули кипятку, поговорили.

— Ну, с богом, что ли? — поднялся Мавринский.

— Давай,— кивнул Вилонов.

Они спустились первыми. За ними — Кацнельсон, Батурин. Ползти пришлось недолго. Отверстие в стене было готово. Вытянулись очередью. Передних толкали сзади, последних вытаскивали за руки... И вот он, лес, верхушки которого едва просматривались за решеткой! Он был синим и очень тихим. И звезды над ним были по-летнему не яркими и не холодными.

— Не мешкать! — Вилонов торопил товарищей. Никто не задерживался: как выбрались, так сразу побежали. Но скрыться не удалось. Послышался топот за стеной. Показались солдаты караула и надзиратели.

Стрельба и крики слились в один зловещий, неотвратимо надвигающийся гул, который полоснул по сердцу, заставил побежать еще скорее. Заколебалась земля, побагровели звезды...

Били их долго, насколько хватило сил. Очнулись они в карцерах, сырых и темных. Вилонов сплевывал кровью, одна рука едва сгибалась, другая не подымалась совсем. Батурин надрывно кашлял и не мог пошевелиться. Мочалов, обходя их, изрыгал проклятия, но потихоньку помог смыть кровь, носил похлебку. Теперь нельзя было и думать об общей камере, о сходках по вечерам. Начальство глядело в оба.

Но времена были уже не те. Начальству пришлось смириться с тем, что арестанты требовали врача, писали прокурору... И походило на то, что их требования начнут сбываться. Во всяком случае пришло распоряжение перевести заключенных в Екатеринбург. А это уже много значило.

В Екатеринбурге о них помнили. И не могли не помнить. Революционная волна, поднявшаяся осенью, родилась не без их участия. Теперь она бурлила. Надвигалась буря.

Екатеринбургский комитет готовился к боям. Свердлов, прибывший 28 сентября 1905 года, сумел придать его работе то содержание, которое необходимо было в дни революции. Маевки и собрания, занятия в кружках, распространение листовок... В революционное движение вовлекались десятки, сотни людей. За сотнями шли тысячи. И требовали они политических свобод. Волна революции нарастала с каждым днем. Рабочий Екатеринбург шел за Питером и Москвой.

Когда был обнародован царский манифест, суливший не-

виданные до того «свободы», большевики, хоть и не верили в него, решили все же воспользоваться «милостью», чтобы освободить товарищей. На Клавдию Тимофеевну Новгородцеву была возложена небезопасная, но нужная в той обстановке миссия — потребовать от прокурора освобождения заключенных. Тот вынужден был согласиться. И вскоре Батурин вместе с товарищами был освобожден из тюрьмы и вернулся в Екатеринбург.

На Верх-Исетском заводе собрался Екатеринбургский комитет. Здесь были Новгородцева, Авейде, Черепанов, Сыромолотов, Камаганцев, Батурин. Председательствовал Свердлов. Батурин впервые встретился с ним и удивился его молодости, умению говорить с людьми, неиссякаемой энергии. Он с интересом слушал, как Свердлов отчитывал Ивана Бушена, который растерялся в стычке с погромщиками, как просто разъяснял необходимость готовиться к решительным боям, и думал, что с таким легко работать, что хоть моложе он его, Батурина, а кое-чему научит.

Вопрос встал о дружине. Решили пополнить ее лучшими боевиками. Начальником наметили Федича (Сыромолотова). Дружина вскоре стала грозной силой. Рабочие вооружались, тренировались в стрельбе, учили тактику. А женщины-большевички практиковались в больницах, готовились стать медсестрами.

Трудное и радостное это было время. Все ждали больших событий, грозы. Батурин участвовал в транспортировке оружия из Ижевска, помогал изготовлять бомбы. Сманил его на это дело Федич, узнав, что он имеет богатый опыт. Свердлов протестовал, ссылаясь не без основания на его здоровье. Но Константин окреп немного, а главное, сам рвался к большому делу. Да кроме того, его опыт действительно был очень нужен. Он учил хранить оружие так, чтобы никто его не мог найти, маскироваться, обманывать шпиков, уходить от слежки, от преследования в поездке или на улице. Ни один из транспортов с оружием не попал полиции. В этом, несомненно, была заслуга и Батурина.

Оружие оружием... А слово, поднимающее массы, зажигающее, будоражущее, по-прежнему, пожалуй, оставалось главным средством борьбы. Митинги проводили в театре, на площадях, на улице, в домах. И всюду сталкивались мнения,

6 Заказ 17

взгляды, порой похожие, а чаще непримиримые. И надо было показать, кто прав, кто выражает истинные интересы масс, разоблачить эсеров, анархистов, меньшевиков, которые умели влиять на молодых. Колеблющихся было много, не всякий мог сам дойти до истины, понять различия в партиях, в течениях, в программах, которые провозглашались громко и красиво.

По предложению Свердлова Екатеринбургский комитет создал коллегию агитаторов. Для Николая Батурина это стало главным делом. Трудно было найти другого такого агитатора. Он не ораторствовал, а просто говорил, какой бы ни была аудитория. А это и привлекало людей, наслушавшихся «грому» в речах эсеров и анархистов, любивших поиграть голосовыми связками. Батурин говорил о том, что есть, чего хотят добиться большевики и почему они не могут согласиться с эсерами и анархистами. В его словах не слышалось стремления сыграть на чувствах людей, как у других ораторов. В них была убежденность, искренность. А это заставляло верить ему.

Сыромолотов, часто ходивший с ним на митинги, на встречи с рабочими, с учащимися горного училища и гимназистами, заметил как-то:

— Тебе бы лекции читать... Умеешь ты...

Батурин жил в поселке Верх-Исетского завода, в «коммуне» — так называлась штаб-квартира большевиков. В «коммуну» объединились Свердлов, Вилонов, Новгородцева, Авейде, Крысин. Бывали и другие, приезжие с заводов. Все без прописки, полулегальные, бездомные, а Батурин и Вилонов, кроме того, больные. «Коммуна» помогла им окрепнуть. Стараниями всех, в особенности Клавдии Тимофеевны, наладилось питание и быт вообще. А это было важно: не каждый в комитете мог и умел заботиться о пище и ночлеге.

Весь день сюда шли агитаторы, пропагандисты, боевики. Здесь подводились итоги дня и намечались планы. Шли за советом, за помощью. Батурин особенно любил поговорить с приезжими издалека, с заводов Южного Урала, из Перми. Его все занимало: число рабочих на заводе, заработки, суждение о царском манифесте, влияние анархистов... Он мог увидеть то, что сам рассказывающий не заметил бы, умел из груды фактов отобрать решающие. Он часто, пораженный

чем-нибудь, задумывался и, обхватив бородку рукой, расхаживал по комнате, не замечая ничего. Потом искал глазами, с кем бы поделиться мыслью, подходил, садился рядом.

— Послушайте, как вы считаете...

Внимательно выслушивал ответ. И снова думал. Он увлекался, забывал обо всем на свете. Рассеянность его была объектом бесконечных шуток. И сам он смеялся над своим же промахом не меньше, чем другие, а то и веселее, заразительней. Как ни шутили над его рассеянностью, каких подвохов ни устраивали, он не сердился. Не мог. Он видел внимание к себе, заботу о своем здоровье, знал, что товарищи относятся к нему с особым уважением. Поэтому не мог сердиться, наоборот, он чувствовал себя неловко от этого внимания.

Как-то Свердлов завел речь о том, что надо бы кружки, организованные на заводах, объединить, и с хитрецой взглянул на Николая Николаевича:

— Как думаете? Будет польза?

— Будет...

— Смотрите. Ваше слово первое... Занятие вам вести...

— А вам?

— Я тоже буду... Заставим и других... Подумать только! Будет школа, учебный центр! Ведь это здорово!

Так в неуютном белом здании по Вознесенскому проспекту возник впервые коммунистический университет, вернее, школа для начинающих партийцев. Внизу, на первом этаже,— библиотека Тихоцкой, а в мезонине, в просторной комнате — скамейки, стулья и небольшая эстрада. Учащихся было около сорока, не очень грамотных, но опытных, проверенных на деле. Они умели стрелять, перевозить оружие, расклеивать листовки, а знаний не хватало, о Марксе представление имели смутное.

Батурин, расхаживал по эстраде, говорил не торопясь, размеренно, старался выбирать такие выражения, которые воспринимались бы без пояснений. Историю рабочего движения он излагал особенно доступно, а с политэкономией пришлось труднее. Тогда он отложил на время «Капитал» и стал рассказывать о наиболее простых экономических понятиях, ссылаясь на примеры и на личный опыт слушателей. Потом стали изучать «Капитал». Не очень скоро, но уверенно шли от главы

к главе. И, вероятно, дошли бы до конца, не изменись обстановка в городе.

Декабрьское восстание в Москве было подавлено. Раскаты выстрелов на Пресне смолкли. Их отголоски докатились до Урала и тоже замерли. Пришли другие времена. Возобновились обыски, облавы, аресты.

«Коммуна» кончилась. Все ее члены перебрались на новые, конспиративные, квартиры. И вовремя перебрались. Нагрянули жандармы, но не нашли даже следа недавних квартирантов, даже клочка бумаги. Ничто не говорило, что здесь только вчера располагался центр организации, державший в страхе правителей целой губернии.

Однако комитет работал. Связи с местными партийными ячейками не прерывались. Проходили нелегальные собрания, выпускались прокламации. А оружие попрятали, надо было сохранить его «до лучших дней», как заметил, тяжело вздыхая, Федич.

Комитет решил: уходить в подполье, отступать организованно. Так настаивал Свердлов. А его настойчивость исходила из учета обстановки. Надо было сохранить организацию, кадры, опыт.

Положение осложнялось. Уходить от сыщиков становилось труднее. Комитетчиков жандармы знали, а особенно Свердлова, но схватить их не удавалось. Тем не менее, рисковать не следовало. Надо было что-то предпринять для безопасности и Федича, и Батурина, и других, кто был особенно знаком жандармам. Константин сбрил бороду и сменил пальто, хорошо известное своей невзрачностью даже ротмистру Подгоричани, изменил походку. Но все это было временно и ненадежно. Требовалось что-то другое.

Наступил тот день, когда это «другое» стало неизбежным. Собрались они в последний раз. Кто-то оставался в городе, кто-то уезжал. Свердлов перебирался в Пермь, Батурину советовали ехать в Челябинск, а он все думал: не задержаться ли в Екатеринбурге.

— Нельзя,— отрезал Андрей.— Бессмысленно... Вас завтра же возьмут. Потом лечиться вам необходимо, поэтому Челябинск тоже не подходит. Езжайте-ка в Воронеж... Все ближе к родине. Теплее дома-то.

Сидели долго, вспоминали тех, кто не пришел на это за-

седание, кто был в тюрьме или на пересыльном пункте, и тех, кто не вернется уже... Таких немало.

Сидели молча, как по обычаю сидят перед дорогой. Дорога предстояла дальняя. Кто доберется до места назначения, а кто останется в пути... Но ни один из них не повернет назад и не попятится. Другой дороги для них нет.

3

В Воронеже Батурина не ждали. И ждать-то было некому. Еще недавно крепкая организация, которую охранка считала одной из наиболее опасных, ничем себя не выдавала. Причиной была не конспирация, а многочисленные аресты. Из тех, кого Батурин знал, на воле оставались двое. Но отыскать их было трудно: попрятались, притихли. Один скрывался у родственников, другой — у старого знакомого, в Чижовке, в приземистой халупе, на берегу реки. Батурин знал его по кличке Интеллигент и, встретив, окликнул. Тот не ответил и ускорил шаг. Потом, когда они сошлись, он попросил:

— Интеллигентом не зови... Известно... Хоть Михаилом, что ли, или Иваном. Как хочешь. А, в общем, все равно. Вот как выходит-то: поговорили, пошумели, поиграли в революцию... А революция, выходит, не того. Не настоящая. Поторопились, выходит... Георгий Валентинович как говорил?...

Батурин сплюнул, подумав: «Интеллигент и есть...» Он не жалел, что кое-кто из прежних его друзей перепугался сверх меры. Он полагал, что испугавшихся держать не надо, пусть занимаются тем делом, которое им уготовано характером и убеждениями. Однако не высказал своих мыслей — не время было. Интеллигент нужен был для связи, для того, чтобы найти других, не из пугливых которые. Поэтому Батурин просто сказал:

— Георгий Валентинович — профессор. Пусть пишет. А мы что? Практики, чернорабочие, можно сказать...

Найти им удалось немногих, зато надежных. И Николай Батурин стал помышлять о настоящих делах, которые хоть как-то бы продолжили события октября и показали бы, что революция не кончилась, что и рабочие Воронежа идут за петербуржцами и за ивановцами. Прошли собрания и митин-

ги. Народу собиралось не очень много, не как в минувшем году. Но видно было, что настроение у рабочих боевое и что провалы на время обезглавили их, но не смирили.

Возобновились аресты. И новый комитет редел. В любое время надо было ожидать провала всей организации. За Николаем Батуриным охотились. Приметы его были известны. Воронеж стал слишком опасным местом.

Они опять сошлись в Чижовке. Интеллигент был хмурый, неразговорчивый. Весь вид его являл собой немой упрек Батурину. Он словно говорил: смотрите, каким я стал, а чего достиг? Он сразу ухватился за предложение законспирироваться, а некоторым уехать из города. Батурин не возражал и, вспомнив Екатеринбург, Андрея, подумал, что мера эта вынужденная.

— Что же, выходит, на отдых,— процедил он сквозь зубы. И никто не понял: пошутил он или серьезно сказал.

Он думал не об отдыхе, хотя в Москве, куда он вскоре приехал, сестра Мария Николаевна заговорила об этом сразу же. Она не видела его в тот день, когда он вышел из тюрьмы, но и теперь, через полгода от прежнего Николая остались одни глаза, поблескивавшие то зло, то безразлично, устало, нос заострился, щеки впали.

— Ты болен, Коля. Очень болен. Лечиться бы тебе...

Но в этот раз лечиться ему не довелось. В Московском комитете Батурина не догадались спросить о состоянии здоровья и поручили руководить пропагандой. Двухкомнатная, студенческого типа квартира сестры, казалась ему шикарной и как нельзя более располагала к работе. Он сел за книгу, которую назвал «Очерк истории социал-демократии в России».

Работа была и непривычной и трудной. То, что он прежде писал, казалось, в сравнении с этой работой, простым и несерьезным. Здесь надо было не только показать народников, первых марксистов и меньшевиков, не только описать события, но и осмыслить их. В основу он положил прочитанные лекции, прежде всего екатеринбургские. Но даже эти лекции представились не очень верными. Местами они казались объективистскими, беззубыми. В них говорилось о кружковщине, о съездах, о разногласиях, а суть их раскрывалась не до конца, оценки порой были поверхностными. Теперь, ког-

да последствия событий стали сказываться, когда отличие большевистской тактики от меньшевистской предстало не в резолюциях, а зримо, нельзя было придерживаться прежней меры.

Батурин вновь перечитал работы Ленина. Особо остановился на трех: «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Шаг вперед, два шага назад» и «Гг. критики в аграрном вопросе». Они явились идейной основой его «Очерка...»

Как ни надежно было у сестры, а паспорт подвел. Полиция дозналась, что Купришвили Сергей и Николай Замятин (он же Батурин) — одно лицо. Почти всю зиму он просидел в Бутырках и радовался, что успел закончить «Очерк...» Его издали. М. С. Ольминский, с мнением которого считались, отметил в рецензии: «Батурин пишет сжато, бойко, интересно. Вероятно, рано или поздно понадобятся новые издания его книги».

Как видно, основания, чтобы радоваться, были, хотя тюрьма здоровью не способствовала. Весной 1907 года его освободили под залог, который внесли сестра и ее муж. Она же уговорила, наконец, поехать в Крым. Вернувшись, он перебрался в Петербург. Туда его тянули дела, кроме того, брат звал. У брата он тоже мог работать, не думая о том, о чем не научился думать, — о деньгах на обед. Теперь он взялся за «Календарь для всех», работал в Петербургском комитете. А осенью его опять арестовали, на этот раз по делу о побеге из тюрьмы. Судиться ездил на Урал. И очень кстати.

Шел 1908 год, который Ленин назвал годом разброда и бездорожья. Казалось, не было ни недавно революции, ни декабря пятого года, ни Пресни. Реакция бесчинствовала. Благонамеренные читали журнал «Вехи» и Арцыбашева, а те, кто видел в «Вехах» апофеоз предательства, не знал, за кем идти. Добро бы было, как прежде, — большевики, меньшевики. Теперь Плеханов был и с ними и против них, во всяком случае от ликвидаторов отрекся. А как большевики? Одни считались «твердыми», другие отзовистами, третьи — ультиматистами. И в самом деле — разброд.

Особенно тяжелым был декабрь. Шла подготовка к V Общероссийской партийной конференции, и важно было, кто на нее поедет, кто будет избран делегатом. Борьба меж-

ду сторонниками Ленина и отзовистами развертывалась всюду, и можно было ожидать, что от Урала будет избран отзовист. Поэтому для «твердых» в Екатеринбурге приезд Батурина был важен. Он мог серьезно помочь им, мог рассказать о положении в Петербурге, в Москве, мог, наконец, развеять сомнения, ответить на недоуменные вопросы.

В Екатеринбурге положение было сложным: охранка арестовала самых крепких, самых боевых руководителей. И только он, Батурин, представлял сейчас такого человека, который мог возглавить местную организацию.

Суд в этот раз не состоялся. Это развязало Николаю руки, но не настолько, чтобы действовать спокойно, обдумывая каждый шаг. Готовясь к Уральской областной партийной конференции, спешили, не все учитывали, иной раз поступали не очень осторожно. Квартира, в которой проходило заседание комитета, попала в поле зрения жандармов. Хозяин ее — Ситников, предал подпольщиков. Последовал еще один удар по комитету и по всей организации. О местной конференции пришлось забыть. Однако делегата выбрали. Им стал Батурин. Он отправился в Париж, на V Общероссийскую. Ехал представлять не только тех, кто его избрал, а всех уральских ленинцев — и тех, кто находился в ссылке или на каторге, и тех, кто шел туда далеким сибирским трактом.

Батурин достойно представил их. Рассказывая делегатам о положении на Урале, он говорил о том, как перестроилась партийная организация в условиях реакции, как крепко связалась она с массами. Он показал, что ликвидаторство не пользуется популярностью. Большевики Урала борются. Они не ждут, а делают все, что в их силах, чтобы приблизить время новой бури.

4

Не скоро настало это время. Батурин успел еще раз отсидеть в тюрьме «за проживание по чужому паспорту» и съездить в Екатеринбург (не добровольно, а по этапу). В Нижнем Тагиле судился — рассматривалось все то же дело о побеге. Но оправдался. Товарищей почти не видел. Успел лишь передать Сыромолотову в екатеринбургскую тюрьму восьмушку

чаю, полфунта сахару и крендели. Послал записку: «Федич! В Тагиле дело окончено... Желаю поскорее выйти на волю. Крепко жму руку». Он торопился в Петербург. Там его ждал Свердлов.

Батурин был здесь крайне нужен. Готовилось большое дело — газета, которую по поручению Ленина организовали В. Бонч-Бруевич и член Государственной думы Н. Полетаев. Но обойтись своими силами не удалось, пришлось пойти на соглашение с группой Плеханова, которая была представлена Н. Иорданским, редактором журнала «Современный мир». Альянс нежелательный, но не худший выход из положения. Как бы то ни было, а первый номер легальной большевистской газеты «Звезда» 16 декабря 1910 года вышел в свет.

По предложению Свердлова Батурин стал ее сотрудником. Он писал статьи, редактировал и выполнял десятки других обязанностей, которые взял на себя по собственной инициативе. За это его ценили товарищи. В. Бонч-Бруевич, глядя, как он работает, невольно вспоминал Женеву, где они вместе создали библиотеку и архив ЦК. И там он не чурался никакой работы: понадобится наклеить ярлыки — наклеивал, писать каталоги — писал, нужно дежурить в библиотеке — дежурил; а сверх того помогал транспортировать литературу, возил корреспонденцию в соседний французский городок. Не перечесть всего, чем он занимался. Успевал готовить рефераты, участвовал в жарких боях с меньшевиками и анархистами...

В конце одиннадцатого года Батурин стал фактически редактором «Звезды», а вскоре — и официальным. Н. Полетаев писал об этом времени: «Звезда» заметно оживилась, тираж поднялся и, несмотря на конфискацию и штрафы, газета стала выходить два раза в неделю». Два номера в неделю! Это победа, это двойной удар по маловерам и нытикам, по тем, кто путался в ногах, по прихвостням буржуазии, боявшимся развития революционного движения.

В те дни Батурин не обращал внимания на нездоровье, на усталость. Особенно он оживлялся, когда передавали письма Ленина, который внимательно следил за каждым номером газеты. Ильич давно уже вел речь о массовом издании, доступном каждому рабочему, о ежедневной газете, которая писала бы о жизни пролетариев, о их борьбе. Вопрос

этот активно дебатировался в «Звезде». Часто собирались в небольшой редакционной комнате, прокуренной насквозь, и спорили до хрипоты. Члены редколлегии Калинин и Савельев настаивали, что газету надо выпускать немедленно. Им не возражали, но одним лишь доводом отводили предложение: «Денег нет». Сборы шли, но рабочие копейки трудно складывались в тысячи рублей. А нужны были именно тысячи. Кроме того, встал вопрос — выпускать газету или израсходовать их на строительство рабочего дворца? Словом, спорили небеспредметно.

У Батурина сомнений не было. Он хорошо понимал, что рабочим нужен не дворец, а ежедневная газета. Но во время споров в маленькой прокуренной редакционной комнате он не торопился высказать своего мнения, слушал все, что говорилось «за» и «против», взвешивал доводы и, когда невмоготу было молчать, заметно волновался. Говорил с иронией, иногда немного резко, но всегда весомо, убедительно.

— Деньги будут. Соберем. Что за рассуждение: дворец или газета? Ну зачем нам дворец? Разве что лохмотьями трясти. И название-то придумали — дворец! Вот повалим самодержца, установим демократию и тогда посмотрим, может быть, дворцы построим. Не один. А пока мы пролетарии, и газета нам нужнее... Именно рабочая и ежедневная, массовая, чтобы обо всем писала. Чтобы в ней рабочий видел и себя, и соседа. Чтобы знал, за что и как бороться.

Эти мысли он высказал в статье «Очередной вопрос», которая во многом прояснила обстановку и помогла направить главное внимание на неотложное. Предложение Ленина о ежедневной массовой газете нашло горячую поддержку. Ильич определил ее лицо, характер, содержание. И 5 мая 1912 года газета вышла в свет. Назвали ее «Правдой».

Николай Николаевич стал активным сотрудником новой газеты. Писал он часто и как-то незаметно сделался одним из ее руководителей. К нему стекались письма, рукописи, к нему шли за советом, за директивой. Его всегда кто-нибудь спрашивал, искал. Вокруг него группировались люди. В. Бонч-Бруевич вспоминал впоследствии: «...Он стал первым редактором... газеты «Правда». В эту работу он вкладывал всего себя. Под вечными преследованиями полиции, жандармов и цензоров он... прекрасно вел эту нашу газету, которую

так полюбил Владимир Ильич Ленин». А. Елизарова и М. Ольминский писали, что такту, безграничной революционной преданности и основательным марксистским знаниям Батурина обязаны «Звезда» и «Правда» тем, что путь был выбран правильно, рабочие почуяли свой дух в этих газетах и начали сотрудничать в них. «Его незабываемой в истории нашей партии заслугой,— писали они,— было, что обе газеты явились «большевистской трибуной», революционным знаменем не только для питерского, но и для всероссийского рабочего движения».

Так говорили о Батурине спустя пятнадцать лет. А в тот год, в год начала «Правды», никто не знал, как сложатся события, и смогут ли они, ее сотрудники, поставить дело по-настоящему, как требовала обстановка. Закончилась пора безмолвия. События на Ленских приисках ударили набатом, разбудили спящих. Все шло к очередному взрыву. Газете следовало мгновенно ориентироваться в событиях, улавливать оттенки в политике противников, уметь разъяснять суть происшедшего. Непросто было в эти дни работать. Вначале редакция не привлекла к сотрудничеству депутатов думы. А это не замедлило сказаться: из поля зрения выпадало много важного, что было связано с политикой «верхов» и деятельностью фракций. На ошибку указал Ильич. Его письмо заставило задуматься. «Рабочая газета в Питере без сотрудничества рабочего депутата от Питера (да еще сторонника «Правды») — вещь нелепая»,— писал он и советовал как можно больше уделить внимания этому пробелу «и со стороны всей редакции, и со стороны Батурина», «от которого,— писал Ильич,— очень бы приятно иметь пару строчек».

Письма Ленина приносили Николаю Николаевичу облегчение от недугов, от сомнений, от мучений поиска, которые сопутствовали ему при всяком новом повороте дел, при налетах жандармерии и конфискациях. Указание было выполнено. Депутаты стали завсегдатаями «Правды». Это не осталось незамеченным полицией, да и вся работа газеты занимала ее. Очень уж активно вмешивалась она туда, куда, по мнению цензуры, не следовало ей вмешиваться, пользовалась любовью у рабочих.

Близилось открытие IV Государственной думы. Этот день большевики решили встретить стачкой, чтобы выразить про-

тест против произвола царских властей, показать, что петербургский рабочий класс знает цену думы. Замысел большевиков дошел до агентов охранки. Петербургское начальство забеспокоилось. Охранка подробно сообщала о намерениях большевиков и о том, что лишь они в Петербургском комитете остаются твердыми сторонниками демонстрации. К этому градоначальник добавил, что из членов комитета «наиболее активно проявлял себя... студент Замятин».

Министерство тоже всполошилось. Для охранки стало ясным, какова в действительности роль Замятина — «вечного студента», хорошо известного среди рабочих литератора. В ночь с 14 на 15 ноября его схватили. Были арестованы Калинин, Шверник и другие члены комитета. Ленин с огорчением узнал об этом. Для него Батурин был опорой в «Правде», человеком, сочетавшим знание с богатым опытом, дарования теоретика и публициста. На этот раз жандармы нанесли чувствительный удар.

...Снова за решеткой, снова, уже в который раз,— камера. И в окне не голубое небо, а осеннее, слезливое. Видно тучу, заслонившую весь мир. И ни пятнышка светлее! В это время на Урале стужа, снег поскрипывает, летит, посыпает крыши, землю, скованную первыми морозами, насыпает белые сугробы в палисадниках и у лесных опушек. Николаю Николаевичу представлялся лес, ели с белыми верхушками... Трудно ему было в этот раз, непривычно трудно. Раньше тоже приходилось нелегко, а теперь — особенно: кашлял, не переставая, чувствовал, что долго не продержится. Но, явившись на допрос, смотрел уверенно, говорил спокойно и чуть-чуть пренебрежительно. Пропустив мимо ушей вопрос жандарма об имени и звании, он спросил сам:

— Почему меня арестовали?

— «Правду» редактировали? Вот за это самое...

— Значит, незаконно... «Правда», как и прочие, как «Сын Отечества», допустим, легальная газета.

— Знаем мы вашу легальную газету! Это орган большевистской партии. Думаете, скрыли? Не-ет!

Следователь поиграл карандашом, усмехнулся и снова приступил к дознанию, хотя вся эта процедура не имела для него значения, как, впрочем, и для прокурора, и для суда. Судьба Батурина была предрешена. Два месяца провел он

в камере, валялся на мокром цементном полу, покрытом подстилкой, которая, хотя и называлась соломенной, но больше состояла из клопов. Питался гнилой капустой и похлебкой, именовавшейся по недоразумению супом. И силы покидали его. Даже тюремный врач не мог не заявить, что заключенному необходима медицинская помощь. Но это заявление не возымело действия. Вместо больницы, Батурина, закованного в кандалы, препроводили в вагон и повезли в Москву. Оттуда путь лежал до Астрахани и дальше — в Черный Яр, на поселение.

Брели всю зиму от этапа до этапа... Звенели кандалы да конвоиры, шагая с винтовками наперевес, покрикивали на отставших. Собаки в деревнях бежали следом, прижав хвосты, как за покойниками, а за околицей, отстав немного, поворачивали назад и выли, задрав морды...

Брели, проваливаясь в снегу, в пургу, в метель. И не было, казалось, конца дороге: сначала — белая, как саван, степь, потом — пески и грязь, наполненные слякотью ухабы, засохшая полынь. В апреле добрались до Астрахани. А в Черный Яр Батурин прибыл обессилевшим совсем. Он еле-еле передвигался, закатывался кашлем. Открылось кровохарканье.

Так дальше продолжаться не могло. И департаменту полиции пришлось уступить напору многочисленных ходатаев, дать разрешение Батурину на выезд за границу. Уехал он в Швейцарию, и в этот раз надолго. Там, в Давосе, его застала война, там он узнал о революции в России, но, как ни рвался на родину, не мог вернуться сразу — фронт перекрыл границы. Там он работал над новой книгой, участвовал в антивоенных митингах, в собраниях рабочих. И ждал. Ждал хоть какой-нибудь возможности уехать. Возможность эта представилась нескоро — спустя год после революции и через пять лет после его приезда в Швейцарию.

5

Осень восемнадцатого года в Москве была особенно холодной. Ветер, пронизывающий до костей, раскачивал безглазые светильники, гонял по улицам обрывки газет, плакатов, окурки... Голодный и холодный город порой казался вы-

мершим, а то вдруг просыпался, бурлил. По развороченным мостовым шагали красноармейские отряды и патрули. И, глядя на них, Батурин вспоминал Швейцарию, Давос. Они казались ему далекими и нереальными, придуманными. А здесь, в Москве, все было настоящим, жизненным, пускай холодным и неуютным, но таким, каким должно быть, чтобы стать потом совсем другим...

Сам он работал и в «Правде», и в РОСТА, и на заводах, где вел кружки. И всюду успевал, хотя ходил пешком по грязным московским мостовым в легоньких ботинках, в худом пальтишке.

По вечерам Николай Николаевич шел к сестре, которая, как и в былые годы, в период «Звезды» и дооктябрьской «Правды», была его защитницей от непогоды и голода. Там он работал, отдыхал.

Муж Марии Николаевны, Ряховский, когда-то был учителем Батурина в кружке «ортодоксальных» марксистов в Воронеже. Теперь их роли переменились. Ряховский числился в большевиках, потом, с началом мировой войны, стал оборонцем-плехановцем, Октябрьскую революцию не понял и принял враждебно. Он был искусным спорщиком, умеющим поймать на слове, и каждый раз, встречаясь с Николаем, атаковал его.

Однажды разговор зашел об Академии наук и об ученых вообще. Ряховский заявил, что партия погубит науку и что ученым в России не жить.

— Как мамонты, повымирают... С голоду! — Он говорил уверенно, размахивая руками.

Батурин вскипел:

— Ученые! Не настоящие они ученые, когда присмотришься к ним лучше. Академические слизняки. Вот кто они. Младенцы. Как те два генерала у Щедрина, которые без мужика и на горшок не сядут... Работать надо, а не ныть. Работает же Тимирязев, хоть нелегко ему, как всем.

В другой раз Ряховский выбрал тему теоретическую, в которой считал себя неуязвимым. Он заявил: капитализм в России — паразитический, тепличный; он насажден был самодержавием и развалился от первого толчка, поэтому социализм в России — большевистский бред.

— Поторопились вы,— вещал он, потирал руки, и в голо-

се его звучало не то сочувствие, не то упрек.— Не надо было торопиться... Послушай, что Энгельс говорил о положении вождей, пришедших к власти раньше времени. Трагическое положение!.. Вот, цитирую «Крестьянскую войну»...

— Не надо, не цитируй. Цитаты я сам знаю.— На этот раз Батурин не вспылил. Вопрос был слишком сложным, чтобы ответить сгоряча, экспромтом. Но и раздумывать не собирался. Он обхватил рукой бородку и, искоса взглянул на собеседника, как будто примериваясь. Заговорил спокойно, холодно:

— Во-первых, капитализм наш — всего лишь отделение, филиал международного капитализма. Ты должен это знать. А значит все успехи и пороки международного капитализма достались и ему, российскому, капитализму. Понятно? А, во-вторых, ты доктринер, схоласт. Марксизм, как обобщение опыта международного рабочего движения, не догма, а руководство к действию. Об этом Ленин говорил. И надо повторять еще, пока такие вот, как ты, ссылаются на Энгельса, не разобравшись. Да, мы взяли власть. А как бы ты хотел? Отдать ее кадетам, октябристам, Пуришкевичам? Отдать страну на растерзание, на поток? Не быть тому! Власть мы удержим и используем, как надо... Пока не отпадет в ней надобность.

Иной раз их споры затягивались допоздна и вскоре стали заканчиваться необычно — беседой, в которой стороны высказывали почти одни и те же суждения. Ряховский помаленьку шел на попятную. Однажды он сказал жене:

— Железный он какой-то. Твердокаменный...

Впоследствии, лет через восемь, об этом же он говорил открыто.

Настало время, когда Ряховский отправился в рабочий факультет и предложил свои услуги. Преподавателем он был отменным, хоть и строптивым немного. Батурин обрадовался этому, расспрашивал подробно о его делах, о настроении рабфаковцев, давал советы. Он сам был организатором рабфака в рабоче-крестьянском университете имени Свердлова.

Лекции Батурина слушали все увлеченно, но почему-то остерегались задавать вопросы. Должно быть, на рабфаковцев производила впечатление его задумчивая, мягкая нето-

ропливость, покашливание. Они боялись прервать рассказ, а после лекции им не хотелось задерживать его, хотя и слушали бы бесконечно, если бы сам он вдруг забыл, что надо кончать. Но он не забывал. Обязанностей у него, как прежде, было много.

Дорогой с рабфака в «Правду» или из редакции домой, случалось, заходил в архив, в библиотеку или гулял, если погода была хорошей. Такие прогулки для него были и отдыхом и небольшой, вполсилы, работой. Все чаще его мысли возвращались к книге — к новой истории партии. «Очерк...» давно был переиздан, читался и изучался. Но «Очерк...», по мнению автора, был ограничен в хронологии и скуп по содержанию, а главное, в нем не было последних ленинских работ.

Впрочем, прогулки были разные. Одна из них запомнилась надолго. У Александровского сада вечером, часу в восьмом, Батурин встретил Федора Сыромолотова. Тот возвращался с заседания совнархоза. Остановились, посмотрели друг на друга. Не виделись они с двенадцатого года. В Сыромолотове все было прежним, а на Николая Николаевича болезнь наложила отпечаток. Изменился он сильно, но Федор Федорович его узнал:

— Ты, Константин?

— Как видишь... Здравствуй, Федич... Давненько же...

Батурин чуть не задохнулся в объятиях друга, а отдышавшись, стал расспрашивать о новостях. Сыромолотов был теперь хозяйственником, при этом крупным, поэтому завел речь о снабжении фронта, о трудностях и о резервах, которые теперь используются лучше.

У Николая Николаевича на этот счет, как видно, существовало свое мнение.

— Успехи, значит? Не те это успехи, Федич... От бедности они, от нищеты. Ты лучше расскажи об электрификации, о планах, которые наметили...

— А ты не знаешь их?

— Да как не знать... Конечно, знаю. Но интересно все же, что думают о них экономисты, хозяйственники,— он посмотрел на друга с укором.— Эх, Федич, Федич! Ведь это новый поворот. Ты понимаешь? Совершенно новый! Отсюда все те качества, которые нужны нам, чтобы победить.

Батурин заговорил с азартом. Взяв под руку Сыромолотова, повел его по опустевшей улице. Прохожие оглядывались на них: уж больно горячо они беседовали.

— Смотри, как Ильич предвидит будущее... Дает программу уже на другой день после победы революции. И невзирая на сложность обстановки, на трудности. Поэтому и трудности другими представляются — преодолимыми, не такими уж страшными. А почему? А потому, что перспективу видим... Как если бы вдруг ночью молния ударила. Идешь в потемках, не видишь ни черта и думаешь, что нет на свете ни теплой хаты, ничего. И вдруг — огонь!..

Они проговорили долго, гуляя по московским улицам. Сыромолотов забыл, куда намеревался идти. Впоследствии он вспомнил, что этот разговор на многое открыл ему глаза, помог еще сильнее прочувствовать великую идею электрификации.

Двадцатый год застал Батурина на новом поприще — в республиканском Реввоенсовете. Он много делал для армии, а о себе, как водится, не успевал подумать. Зима была суровой, а он отказывался от ордера на теплое пальто и на галоши, ссылаясь на необходимость снабжать в первую очередь бойцов на фронте. И тут уж сестра Мария Николаевна была бессильна уговорить его. Он заболел крупозным воспалением легких. С трудом выходили.

Коллегия Центрального архива, Истпарт, Московский университет — таков был его путь после гражданской войны. В двадцать шестом году его заставили-таки лечиться. Но снова ненадолго. Он заявил, что без работы скорее свалится и попросился в Воронеж, который, по его словам, исцеляюще действует на здоровье. Он оставался самим собой: шутил, хотя и чувствовал, что близится конец. В Воронеже он вел курс ленинизма в сельскохозяйственном институте, но дочитать все лекции не смог. Правление института настаивало на отпуске. Батурин возражал. Смирился он, когда ему вручили путевку, которую прислал Центральный Комитет.

Сначала он лечился на Кавказе, потом в Крыму, в Ливадии. Здесь солнце было непривычно щедрым. Такого он давно, а может быть, и никогда не видел. Необозримой голубой стеной стояло море, сливаясь с небом. Он мог часами смотреть на море и, как когда-то в Швейцарии, мечтать...

7 Заказ 17

Дня за два до кончины Николай Николаевич немного загрустил. Врач принесла ему цветы и положила рядом. Батурин посмотрел на них, взял в руки и, перебирая лепестки, сказал:

— А розы все цветут...

Он, может быть, подумал, что много на земле цветов, а он не замечал и не ценил их прежде так, как надо бы. Но это не его вина. Они, как солнце в непогоду, скрывались за осенней хмарью да вьюгой. Теперь они цветут, не прячутся. Им светит солнце.

Б. ДАНИЛОВ

ШЛИ РЯДОМ БРАТЬЯ

1905 год

Как круто развернулись события! Весь день сегодня бурлил и клокотал город. Сколько же народа вышло на улицы! Такого в Екатеринбурге еще не бывало. Рабочий класс показал свою силу — внушительную, впечатляющую.

Павел появился дома поздно, возбужденный, каким, кажется, никогда домашние его не видели. Глаза счастливо улыбались. Он то присаживался к столу, то вскакивал. Мать, Степанида Николаевна, тревожно взглянула на светлое лицо сына.

На фото — В. М. Быков.

П. М. Быков.

— Что с тобой?

Отец ни о чем не спросил, только покосился. Михаил Степанович подозревал, где пропадал сын целыми днями в это неспокойное и смутное в городе время, только к ночи являясь домой. Он опять покосился на сына и опять ничего не сказал. Однажды уже был разговор и с Павлом, и со старшим — Виктором обо всем, чем они заняты за пределами дома. Тогда Михаил Степанович сказал обоим:

— Вам жить, вам и жизнь свою устраивать.

Павел опять вскочил, положил руку на плечо матери и ласково погладил его.

— Все хорошо,— сказал он, вздохнув глубоко всей грудью, и улыбнулся так радостно и открыто, что у Степаниды Николаевны отлегло от сердца.— Видела, что сегодня на улице было? То ли еще будет.

Павел прошел к себе, повалился на кровать и долго лежал, закрыв глаза, весь во власти впечатлений от всего, что видел сегодня. Перед ним опять словно проплывали толпы

народа, выходящие из переулков на главную улицу. Кафедральную площадь заполнили демонстранты, проплывали сотни лиц, мужские, женские, старые, молодые. Звучали громкие голоса, и поднималась грозно песня.

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

И особенно вызывающе звучали строки:

Нам не нужно златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог...

Всего два года назад эту песню записала Павлу в тетрадку Серафима Замятина, курсистка, сестра закадычного друга Вальки. Слова песни запали в глубину сердца, чуть слышно Павел частенько напевал ее, представляя, как сражались и гибли коммунары на баррикадах Парижа под ее звуки. А сегодня «Марсельеза» набатным гулом зазвучала и у них на Урале на всеобщей городской демонстрации.

Павлу пошел только восемнадцатый. Это был рослый юноша, порывистый, легко возбудимый, очень непохожий на коренастого, спокойного и серьезного брата Виктора. На Мельковках Павла Быкова все хорошо знали. Совсем еще недавно он был тут за главного среди подростков — детей рабочих завода Ятеса, мельницы Макарова, железнодорожников. Во главе с Павлом подростки ходили рыбачить на Шарташ, лазили на Каменные палатки, бегали купаться на городской пруд. Не отказывался Павел сходить летом «на кулачки», а зимой на лед городского пруда «на шестики» с зареченскими и запрудскими ребятами. Силенка у Павла была, его побаивались. Честью мельковской слободы, тогда это была окраина Екатеринбурга, он дорожил, готов был всегда ее отстаивать.

Шла у него и другая жизнь — потаенная, невидимая глазам соседей, почти незаметная отцу и матери. В этой скрытой жизни Павла за руку вел Виктор. Он был старше на восемь лет, но это не мешало дружеским отношениям братьев. Виделись они редко. Виктора мотало по многим далеким местам, где он — горный техник — только не побывал: в Ревде, на строительстве Кругобайкальской железной дороги, на разведках в Тургайских степях, в далеком Николаеве на каме-

ноломнях. Каждая встреча для братьев становилась праздником. Не на один вечер хватало у Виктора рассказов об увиденном. Именно Виктор и начал «просвещать» Павла, незаметно, исподволь расширяя его кругозор. Наверное, Виктор не подозревал, какое он оказывает на Павла влияние. Ему, старшему брату, хотелось помочь Павлу стать настоящим человеком в его понимании этого слова. Виктор познакомил Павла с нелегальными брошюрами, втянул в просветительный кружок, по его поручению Павел выполнял несложные задачи связного.

Год назад Павлу сказали, что он может посещать партийный кружок. Он получил настоящую «явку», запомнил предупреждение — кружок нелегальный, надо держать язык за зубами, не болтать лишнего ни с кем из знакомых.

В партийном кружке их собралось двенадцать человек, среди них Павел был самым младшим, но ему этого никак не подчеркивали. Собирались по воскресеньям у городского пруда. Брали напрокат вместительную лодку и часа два бороздили вдоль берегов от городской плотины до мельницы. На берегу стояли каменные дома крупной и средней знати города. Если бы владельцы особняков слышали, о чем говорят в этой лодке... Лектор смолкал, когда замечали, что кто-то приближается к ним. Один начинал песню под гитару, несколько голосов подхватывали ее. С песней уплывали вдаль, пока не оставались одни. Тогда лектор продолжал прерванную беседу. После таких прогулок на лодке Павел еще долго бродил по берегам пруда, стараясь осмыслить услышанное. Десятки вопросов возникали у него, и он с нетерпением ждал следующего воскресенья, чтобы получить на них ответы.

С наступлением пасмурных осенних дней дело осложнилось. Где могут собраться двенадцать человек? Но вскоре выход нашелся. Сочувствующий революционерам владелец небольших золотоносных копей предложил кружковцам свою квартиру. Он даже угощал их чаем, порой и сам приходил послушать, о чем разговаривают «нелегальные», как усмехаясь называл он их, вступал с ними в беседы, спорил.

Поздней осенью С. А. Черепанов, известный среди нелегальных по кличке Лука, сказал Павлу, что он принят в партию. Это шел 1904 год. Лука сказал Павлу о приеме его в партию просто, буднично. Павел, скрывая волнение, потупил глаза. Он

понял, что занятия в партийном кружке были проверкой его политической зрелости.

— Ты понимаешь, что это значит для тебя? — спросил Черепанов.

Павел кивнул.

— На трудный путь встал, — сказал мягко Черепанов, вглядываясь в мужественное лицо подростка. — Иди по нему, будь всегда настоящим большевистским партийцем. Теперь ты — социал-демократ. Мы будем делать историю. Наша задача — добиться власти рабочих и крестьян, построить новое общество.

Павел поднял глаза на Луку.

— Для меня есть поручения?

— Тебе скажут, что нужно делать.

Эсдэк! Как и его брат Виктор, как товарищи его брата. Павел знал высокое слово — коммунист — по пламенным строчкам «Коммунистического манифеста» Карла Маркса. За этим словом для него как бы раскрывалась вся трудная история России, обильно политая кровью ее лучших людей. Какие светлые люди сложили свои головы во имя счастья народа России. Они бесстрашно всходили на плахи, веря, что кровь, пролитая ими, не будет напрасной. Декабристы и петрашевцы, Желябов и Перовская, Чернышевский и Радищев! А сколько сейчас на каторгах и в ссылках большевиков — настоящих революционеров, готовых отдать свою жизнь, как и те, за народ, за победу его революции. Теперь и он, Павел, в многотысячной армии, которая готовит штурм ненавистного кровавого царизма. Он готов отдать этому святому делу свою жизнь!

Ах, если бы Виктор был сейчас рядом, дома, рассказать бы ему обо всем, что происходило в эти майские дни, обо всем, что видел и пережил Павел. Брат понял бы его чувства. Но Виктор опять далеко от Екатеринбурга — уехал накануне всех этих событий в Златоуст, и неизвестно, когда им удастся увидеться. Перед отъездом он сказал Павлу: «Придется в Златоусте пожить... Работы там много», — сощурил глаза. Павел понял брата с полунамека, не стал расспрашивать.

Павла восхищало все, что происходило в эти майские дни. Ведь вот во что вылилась вся их вроде и незаметная работа в подпольных заводских организациях, скромные сходки в це-

ховых уголках, на задних заводских дворах, передача из рук в руки листовок, брошюр, газетных листов. Вот какая поднялась могучая сила!

День 1 Мая 1905 года совпал с воскресеньем. Павел рано утром в этот день был на Каменных палатках, таких близких ему с самого раннего детства. В этот раз он осторожно прошел лесом, сделав порядочный крюк, дабы не увязать за собой «длинный глаз». Он шагал по голому еще лесу, где только ярко зеленел бессмертный прошлогодний брусничник да посверкивали яркие листочки земляники на припеке. Павел знал каждый уголок этого леса — это все грибные и ягодные места. Летом они, ребятишки, бывало, пропадали тут целыми днями. Теперь же он шел сюда на первомайскую сходку активистов.

Павел сидел на влажной каменной плите и слушал короткие жаркие речи о празднике 1 Мая, единстве рабочих всего мира. Он видел знакомые лица своих старших товарищей. Рядом с ним сидела Зина Осколкова, задумчивая, тихая. Нюся Журина, непоседливая хохотунья. Все были возбуждены: состоится ли праздник 1 Мая, как был задуман? Сегодня день решительной проверки боевых сил пролетариата Екатеринбурга, его готовности к революционным выступлениям.

— А теперь, товарищи, в город! — негромко сказал кто-то.— Расходитесь поодиночке. Бойтесь провокаций...

Не сорвался первомайский праздник!

Народ вышел в этот воскресный день на улицы. Со всех окраин Екатеринбурга тянулись люди к центру города. Улицы в этот день принадлежали людям с мозолистыми руками. Они в эти часы владели городом и шли по булыжным мостовым центра, познав собственную силу, с радостным сознанием своего могущества и всеобщности рабочего класса.

Странно было Павлу видеть на следующий день обычную спокойную жизнь города, сидеть в крохотной комнатке и делать копии бумаг конторы страхового общества.

А сегодня, 6 мая — день новой демонстрации. С утра над городом плыл густой колокольный звон. Еще бы! Ведь сегодня день царского тезоименитства. День рождения царя. Хороший же подарок приготовил Николаю Романову рабочий Екатеринбург! Сегодня еще больше народа вышло на улицы, залитые ярким майским солнцем. Тысячи людей... Сюда, на

Кафедральную площадь, прорвались сквозь кордоны полицейских и верхисетцы.

Власти стянули все свои силы, но разгонять демонстрантов не решались. А уговоры разойтись не действовали. Уж слишком неожиданным оказалось для полиции новое массовое выступление рабочих. Да и не решались они проливать кровь в такой день. Надо же царскую популярность поддерживать.

Павел поднялся с кровати. Он не мог больше лежать. В доме все уже спали. Павел присел к столу, покусал карандаш, хмуря брови, и решительно начал писать [1].

Первое мая празднуем мы —
Праздник Победы, праздник Весны!

Строчки ложились, как праздничные лозунги, словно бросались людям, шагавшим плечом к плечу. В ушах Павла сейчас гудел шум улиц и площадей, словно весенний ветер.

Праздник пролетарский пусть будет торжеством,
Под знаменем его мы к Победе идем.
          К Победе!..
Тираны, страшитесь!
                    К Победе!..
Пред знаменем красным
Покорно склонитесь...
Про
  ле
    та
      риат
идет!

Никто в доме не слышал, когда утром ушел Павел.

А он, так и не заснув, в ранний час опять был на Каменных палатках. Перепрыгивая с одной сырой плиты на другую, всю поросшую мхами и лишайниками, он поднялся на самый высокий каменный «столб». Лес, обрызганный росой, молчаливо стоял перед ним. Светлые облака еще дремали в чистом небе, тронутые по краям розовым сиянием встающего весеннего солнца.

Звонко, на весь лес, Павел бросал в душистую тишину короткие строки своих стихов.

---

[1] Стихи принадлежат П. Быкову.

...Тираны, страшитесь!
Пред знаменем красным
Покорно склонитесь...
Про
    ле
        та
            риат
идет!

А несколько дней спустя, когда растерявшиеся власти, боясь новых демонстраций, подтянули воинские части из Тюмени и Челябинска, Павел сидел у Сыромолотова в его комнатке Общества уральских горных техников.

— Федич,— горячо говорил Павел,— не могу я больше в своей конторе страхового общества, никак не могу.

— Почему?

— Канцелярия.

— Чего ты хочешь? — спросил Сыромолотов, аккуратный, подтянутый, в мундире горного техника.— Это ведь тоже работа, и необходимая. Без канцелярий не обойтись.

— Хочу к рабочим. Все дни об этом думал. Они будут делать революцию. Хочу быть с ними.

Федич задумался, посматривая на Павла, потом улыбнулся и предупредил:

— У рабочих соленый кусок хлеба. Там работать физически надо. Деньги им дорого достаются.

— И что? — возразил задетый Павел.— Не сдюжу? — Павел с надеждой смотрел на друга своего брата. Должен он его понять. Обязан понять! А не захочет понять, Павел сам будет искать место. Но в контору не вернется, больше не может он там киснуть.

— Смотри, Павел... Решил ты, в общем, правильно. Надо быть ближе к рабочему, знать его нужды. Да и просто надо знать их, жить с ними, помогать росту сознательности, готовить к революции. Народ хороший, среди них много просто отличных людей.

Он подумал.

— Хочешь ко мне на Медный рудник?

— Пожалуйста...

— Приезжай через три дня. Помнишь, где я живу?

...Леса стояли по-весеннему молодые, в чистой зеленой одежде, еще не разлохмаченные ветрами, не подпаленные

солнечным жаром лета. На попутной подводе Павел приехал на Медный рудник. Все радовало его в тот день, он многого ждал впереди.

Федич сдержал слово. Помог Павлу устроиться на подземную работу, побеспокоился и о жилье.

Шахта поразила Павла, но не испугала. На тридцать пять саженей с одной липкой ступени бесконечной лестницы на другую спускался он в темную глубину земли. Кажется, что с каждым шагом все плотнее делалась тьма, словно прессовался воздух. Внизу в штреках и ходках слабо светили лампешки. Кругом сочилась и журчала вода. Вот, оказывается, какой бывает земля в глубине, под травянистым покровом, под лесами, под нагретыми за солнечный день камнями. Как же трудно добывается медь!

Павла поставили к буровому станку вертельщиком. Работа не такая уж трудная, но однообразно-нудная. Верти и верти штангу, вбуривай ее в земную толщу. Обычно к такому делу и определяли таких, как Павел,— «зеленых», самых молодых парней. Заработок вертельщиков так и называли «ребячий». Угнетал длинный рабочий день. Он продолжался двенадцать часов. В последние минуты до шабаша все тело вопило: «На воздух! К солнцу!»

Дни-то стояли самые длинные. В такое время трава и по ночам растет. До чего же хорошо было выходить после долгой смены на поверхность, пройтись светлой улицей. Дышалось жадно, плечи распрямлялись.

С людьми Павел сходился легко. На Медном он, да и не без помощи Федича, быстро обзавелся дружками. Среди взрослых отношение к нему было самое доброе. Видели, что Павел не гулеван, грамотей, о жизни думает серьезно, старается разобраться в ней.

Вскоре Павлу удалось собрать вокруг себя небольшую группу. Под видом воскресных прогулок горняки уходили к лесному озеру, и там Павел читал им прокламации, брошюры о жизни рабочего класса, необходимости борьбы за политические права и улучшение условий жизни. Добрые его слова падали, как всхожее зерно, в хорошо подготовленную почву. В будущем эти семена, посеянные Павлом, дали густые всходы. Горняки Медного всегда занимали активную позицию в борьбе с царизмом.

Изредка Павел выбирался в город. Обычно он обязательно заходил в Общество уральских горных техников — оно было нелегальным центром большевиков, заглядывал в книжный магазин Куренщикова — место нелегальных явок и снабжения партийной литературой. Тут он встречал Клавдию Новгородцеву, Марусю Пинжакову, Зину Осколкову. Они интересовались делами Павла среди горняков. Павел знал, что на всех предприятиях города идет скрытая большая работа по сплочению рабочих сил, революционному их воспитанию. Нередко бывало, что с Зиной Осколковой Павел долго бродил по вечереющим улицам. К этой девушке он чувствовал привязанность. С нею ему было особенно легко, он не стеснялся говорить о самом заветном. Зина тоже делилась своими впечатлениями. Не замечали времени, спохватывались, когда город засыпал.

С запасом литературы, возбужденный, Павел пешком возвращался к себе на Медный. Опять начинались рабочие дни, встречи со своими и чтение, чтение. Книгам Павел отдавал все свободные минуты. Чем больше читал, тем сильнее понимал, как мало еще у него знаний.

Осенью, в связи с уменьшением работы, Павла уволили. Тут и Федич ничем не мог помочь. Павел уехал на золотые прииски возле Миасса. Там тоже удалось сколотить активную группу рабочих. Жить бы там Павлу и дальше, да только осенние бурные события 1905 года позвали его домой, в Екатеринбург. Это была пора мощных демонстраций, столкновений с полицией, борьбы с черной сотней. Павел входил в боевую группу железнодорожников, не отрывался от родной Мельковки.

Вот каким был этот год самостоятельной жизни Павла.

Братья

Весной 1906 года Павел Быков приехал в Златоуст к Виктору. Братья, наконец, после многих месяцев опять встретились и очень обрадовались друг другу.

— Рассказывай, как ты без меня,— попросил Павла Виктор.

Он разглядывал брата. Ну и вымахал Павел, жердиной

становится. Совсем взрослый, а ему же только-только исполнилось восемнадцать. Точно ли? Конечно, родился в феврале. А выглядит старше, раздался в плечах, посуровел, серьезнее стал, только глаза мальчишеские — с веселыми искорчатыми бесенятками. Улыбка широкая, открытая.

Многое, очень многое дал этот год Павлу. Виктор внимательно слушал брата. Ему интересно было узнать подробности жизни товарищей в Екатеринбурге. Молодец, братан! Влез в самую гущу событий с веселым задором молодости. Растет Павел быстро, политически становится сильнее. Что ж, счастливого пути!

Павел тоже с жадным любопытством вглядывался в брата. Он знал, что в Златоуст Виктор попал не случайно. Он тут был нужен для восстановления большевистской организации, налаживания утраченных связей, расширения партийной работы на предприятиях города. Виктор был одним из организаторов знаменитой, отозвавшейся на всем Урале, забастовки златоустовских рабочих. В Викторе чудилась сила, которая всегда так притягивала младшего брата.

Виктор расхаживал по комнате веселый, довольный. Он рассказывал о своей неспокойной жизни в Златоусте, о забастовочных делах, своих надеждах.

Павел, слушая, думал о себе. Когда же для него все это началось? Почему он потянулся к революционной работе? Кому этим обязан?

Ему припомнилась давняя летняя поездка в гости к Виктору на металлургический завод в Ревде.

Он окончил тогда с отличием начальную трехклассную школу, чем немало гордился, получив в подарок томик стихов Пушкина за хорошее чтение его «Памятника» на выпускном экзамене. Отец, растроганный успехом сына, желая его порадовать, разрешил поехать к Виктору в Ревду, погостить у него все лето. Да и другое было. Виктор обещал основательно подготовить брата к сдаче экзаменов, очень серьезных и строгих, в Городское четырехклассное училище.

Ревда поразила Павла. Он впервые видел близко такой большой рабочий поселок, разбежавшийся домами по холмам. Брат жил на главной улице, которая называлась Соборной. Однако все жители называли ее по-своему — Красная.

О происхождении народного названия Красной улицы Пав-

лу рассказал старый рабочий Ревдинского завода Семен Евдокимович — владелец соседнего дома. Седой, высохший, он с трудом ходил по усадьбе.

— Отработался,— говорил он, покашливая.— Огненная работа меня высушила. А Красная наша улица потому, что на ней много пролили рабочей крови. От крови эта улица была красной. Ручьями по ней кровь бежала.

Семен Евдокимович рассказывал о двух восстаниях ревдинцев, задавленных непосильной нуждой: в 1824 и 1841 году. В последнем восстании участвовал и Семен Евдокимович.

Павел жадно слушал рассказы очевидца кровавых событий. Перед ним раскрывалась тяжелая сторона жизни, в которой одни владеют всем, другие всего лишены.

Виктор работал на металлургическом заводе в доменном цехе техником. По вечерам у него дома собирались молодые и такие же горячие головы, как и сам Виктор. Павел забивался в уголок и, притаившись, прислушивался с жадным любопытством к страстным разговорам о народной доле. Часто произносили слово «революция», спорили о путях, которыми скорее можно к ней прийти. Порой засиживались долго, почти до утренней зари.

Позже Павел Быков об этих памятных для себя днях напишет: «Эти разговоры с ревдинским дедом и на собраниях у брата тогда заронили в моем ребячьем сознании первую искру революционного направления. И она не потухла».

Брат Виктор, уже после победы Октябрьской революции, напишет страстную документальную, точную книгу о двух восстаниях ревдинских рабочих. Его книга «Возмутители» раскрывает одно из кровавых преступлений царизма. Эта книга и до сих пор остается одной из лучших по исследованию истории рабочего революционного движения на Урале. Значит, для Виктора время его жизни в Ревде тоже было знаменательным.

И сейчас Павел, сидя в комнате Виктора в Златоусте, думал: вот как все началось.

Да, в то памятное лето Виктор не только помог ему хорошо подготовиться к сдаче экзаменов. В то лето братья очень сдружились. Потом Павел всегда, когда надо было принять особо важное решение, думал, а как бы на его месте поступил Виктор. Брат стал для него высшим авторитетом. И в том,

что он, Павел, вступил на путь сознательной революционной борьбы, он был по-доброму обязан брату.

Утром, едва Павел открыл глаза, Виктор сказал:

— Вот что... Пока я тут тебе место подыщу — съезди в Уфу. Очень важно послать надежного человека: нужно доставить оружие и шрифты. Встретит тебя человек, приехавший из Москвы. Пойдешь по такому адресу... Запоминай... Скажешь так...

В тот же день Павел выехал в Уфу.

Тюрьма и ссылка

Ночью раздался стук в дверь — настойчивый, требовательный. Павел, накинув пальто, пошел открыть.

Поздний стук не удивил, случалось, что у него ночевали товарищи по партии. Но так они никогда не стучали.

Едва Павел открыл дверь, как плечами его оттеснили жандармы и вошли в комнату.

— Встать! — заорал один из них на Павла Субботина, соквартиранта Быкова, служащего медеплавильного завода.

Субботин усмехнулся и стал одеваться.

Начался долгий обыск. За окнами нетерпеливо пофыркивали лошади, звякали сбруей. Обшаривали комнату двое. Одному, усатому, было лет под сорок, может, даже несколько больше. Сытое, полное лицо. Брезгливо и равнодушно он перебирал вещи в комоде. Видно, не впервые ему приходилось вот так ночью врываться в спящие квартиры, и надоело это ему до чертиков. Он то и дело зевал, даже не прикрывая рта. Молодой старательно ползал под кроватью, палкой шарил под комодом, заглядывал во все уголки и все осматривался, словно выискивая, где еще может быть потайной уголок. Он даже пообдирал обои, заглянул в отдушину, пошарил в золе.

Павел стоял с равнодушным лицом, боясь только одного: не заглянули бы в подполье — там хранился гектограф, на котором они недавно с Павлом Субботиным напечатали сборник революционных песен. Тогда им придется туго, трудно будет вывернуться.

— В помойном ведре посмотри,— язвительно посовето-

вал Павел Субботин молодому жандарму, который в это время ковырял землю в цветочном горшке.

— А ты помолчи,— крутанул головой в его сторону жандарм и даже побагровел.

— Не тыкай, тыкач,— повысил голос Субботин. Характер у него был вспыльчивый, и Павел опасался, как бы это сейчас не принесло беды.

Жандарм ничего не ответил, только еще старательнее продолжал осмотр жилья.

Закончив обыск, они сели писать протокол. Оба Павла прочитали его и подписали.

— Собирайтесь,— сказал усатый.

— Куда? — дурашливо спросил Павел Субботин.

— К теще на пироги,— не удержался от соблазна молодой и презрительно фыркнул.

— Можно и прокатиться,— согласился спокойно Субботин.— Время, конечно, жаль, да спорить с вами нельзя.

Стояла темная ночь, когда они вышли на улицу, где у дома стояли две тройки.

— Смотри-ка,— удивился Павел Субботин и громко засмеялся.— Тройки-то моего дяди. Он же у меня извоз держит. Оказывается, жандармов тоже обслуживает. Не знает, что сейчас племянник на его лошадях покатит!

Их посадили в первую тройку, два жандарма сели по бокам, тесно сжав арестованных.

По Верхотурскому тракту они подъезжали к городу. Посветлело. Веселое настроение не оставляло товарищей. Кажется, они выскочили благополучно. Никаких улик жандармы при обыске не нашли. Выкрутятся! Только не дрейфить!

По пыльной дороге телега несется,—

не выдержал и озорно затянул Павел, и Субботин подхватил песню:

В ней по краям два жандарма сидят,—

и оба покосились на своих конвойных.

Сбейте оковы, дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить...

— Научат, научат,— пробормотал сонно жандарм, сидевший справа. Они не мешали петь.

Въехали в черту города. Пошли первые маленькие домишки. Начались Мельковки. Вот она, его третья Мельковка. Издали Павел даже увидел свой дом. Мать и отец не подозревают, что в этот ранний час их сына везут в тюрьму. Жалко мать, разволнуется. Да и отец запасмурнеет.

Что же может быть? Надо заранее определить, как следует вести себя на допросах, как отвечать. Что могут ему предъявить? В 1907 году он, после Уфы и коротких месяцев жизни в Казани, откуда пришлось срочно сматываться, опять очутился на Медном. Только в этот раз не на шахте, а на самом заводе, где ему помогли устроиться весовщиком шихты. Павла обрадовало, что кружок, сколоченный им два года назад, не распался, даже несколько расширился. С знакомыми рабочими он опять стал ходить на тайные сходки. Собирались на островке сухой земли среди болот. К этому островку вели редкие тропинки, мало кому знакомые. Чаще всего, однако, встречались в старых разрезах золотых приисков на реке Пышме. Неужели кто-нибудь выдал? Тогда будет худо. Могут многих забрать. Распадется хорошая организация. Но не может быть такого. Кажется, Павел всех хорошо знал, всем доверял.

По пустынным еще улицам миновали центр города. Только редкие прохожие с опаской смотрели на тройки, где вооруженные жандармы везли «государственных преступников». На городском пруду старатели уже возились с золотыми песками. На окраине за большим пустырем появилось высокое белое здание с зарешеченными окнами. Тюрьма!

Тройки подкатили к крыльцу конторы. Через внутренний дворик, сквозь узкую калитку, обоих провели во второй, более обширный двор. Павел оглянулся.

Прощай, свобода! Надолго ли? Что-то стеснило грудь.

В узком коридоре, где общие камеры чередовались с одиночными, навстречу новоприбывшим высыпали заключенные. Многих Павел знал. Приветствовали их шумно. Раздавались шутливые поздравления. Надзиратель ввел новичков в камеру № 8. Несколько человек поднялись им навстречу с нар.

«В первый вечер,— писал много лет спустя в своих записках, которые хранятся в Свердловском областном партийном архиве, П. М. Быков,— нам пришлось принять участие в примитивной физкультзарядке на ночь — игре в «чехарду» или

8 Заказ 17

попросту «в кобылу». В игре принимали участие почти все заключенные камеры, разделившиеся на две партии и с увлечением прыгавшие с короткого разбега «на кобылу» — на спины людей другой группы, склонившихся «гуськом» один за другим и крепко державшихся друг за друга. «Кобыла» должна была провезти по камере всех впрыгнувших на ее спину противников, что требовало силы и ловкости. В случае падения «кобыла» строилась снова и на смену ей приходили другие.

Играли в чехарду с увлечением, но без особого шума, так как время было вечернее и должна быть «поверка» всех заключенных в камере».

На следующий день Быкова и Субботина вызвали в контору тюрьмы.

— Держитесь! — напутствовали их.— Все зависит от поведения на первом допросе. Никаких показаний...

Встретил парней начальник тюрьмы Кадомцев.

Он покачал головой.

— Не живется вам спокойно... Вам бы учиться, о своей жизни серьезно думать. А вы по тюрьмам пошли. Что ж, идите, отвечайте за свое поведение.

Первым на допрос увели Павла Быкова.

У жандармского ротмистра было длинное, усталое, с мешками под глазами лицо, выцветшие глаза, тонкие холеные пальцы, ласково гладившие чистые допросные листы. Медленно, не торопясь, он раскурил папиросу. Внимательным взглядом жандарм окинул Павла и, сочувственно покачав головой, предложил сесть.

Сначала последовали обычные формальные вопросы: фамилия, имя-отчество, год рождения, принадлежность к сословию, вероисповедание, род занятий.

— Рассказывайте,— мягко попросил жандарм и утомленно полуприкрыл глаза.— Возможно подробней.

— О чем? — спросил Павел.— Не знаю, в чем обвиняюсь. Приехали ночью, забрали прямо из постели, а в чем виноват — не объяснили. Разве так можно?

— Не надо разыгрывать из себя простачка,— сухонько засмеялся жандарм.— Мы напрасно никого не сажаем. Зачем нам на это время тратить? Есть у вас грешки, небольшие, к счастью, но есть. Вот и расскажите о них откровенно. Судить

вас за них строго не будем. Откровенность только поможет вам же. Итак, слушаю, вас, молодой человек.

Гладко причесанные волосы, голова с залысинами наклонилась низко к бумаге.

— Не знаю,— сказал угрюмо Павел.— Какие грешки? Ничего не знаю. У нас на Медном люди тихие, ничего такого себе никогда не позволяют.

— Будто? — усомнился жандарм.— Вот в мае приезжал к вам агитатор. О чем он говорил рабочим?

— Не слышал,— быстро ответил Павел.— Не видел агитаторов на Медном.

— А листовки кто вам давал читать?

— Мне? — изумился Павел.— Не давали мне листовок, никогда не видел. Кто-то напраслину сказал.

— Так и будем играть: «да и нет не отвечайте, правда — нет — не говорите»? Как эта игра у детей называется? Кажется, «чепухой»? Знаете такую игру?

— Не знаю такой игры.

— Так это же дети играют. А вы — человек уже взрослый. Пора такие игрушки бросать. Отвечайте... Кто на Медном готовит забастовку?

— У нас? — Павел широко открыл глаза.— Опять напраслина. Ничего о забастовке не слышал.

Жандармский ротмистр монотонно и привычно продолжал задавать вопросы о том, о другом. Несколько раз возвращался к подготовке забастовки на Медном. Павел понял, что у жандарма нет против него никаких улик, ничего, абсолютно ничего. И Павел почувствовал себя легче с жандармом, держался свободнее.

«А про забастовку пронюхали, черти»,— подумал Павел, вспоминая свой недавний разговор с управляющим завода и свою угрозу, что если с расценками никаких перемен не будет, то можно и забастовку устроить. Но ведь этот разговор состоялся один на один. Неужели управляющий что-то сообщил о нем, по этому доносу и взяли их с Субботиным? Тогда он выкрутится.

Уже больше часа продолжался нудный допрос, такой же бесплодный к концу, как и с первых минут. Жандарм задавал вопросы, Павел односложно отвечал: «нет», «не знаю», «не видел», «не слышал». В допросном листе нечего было писать.

Жандармский ротмистр, все больше хмурясь, взглянул пристально на Павла.

— А ведь мог и награду получить, если бы...— Он пожевал узкими губами, словно что-то мешало ему говорить дальше.— Назвал бы лиц, сеющих среди рабочих разную смуту. Ты таких, конечно, знаешь, хоть притворяешься незнайкой. Вред от них обществу большой. Да, назвал бы и завтра могли бы тебя выпустить. Видно, что человек ты грамотный, и все это — тюрьмы, собрания всякие — тебе ни к чему. Нам нужно знать настроения рабочих. Тебя не обидели бы. А? — он опять пристально посмотрел на Павла.

Павел чуть побледнел.

— Это в охранку зовете служить? На своих рабочих, товарищей доносить? Продавать их? Я и так на хлеб заработаю.

— Все... Ступай...

Так закончился допрос Павла.

В конторе тюрьмы он дождался Субботина.

— Как? — нетерпеливо спросил Павел.

— Ничего у него нет.— Субботин засмеялся и махнул рукой.— Чистенькие мы с тобой, Павлуха. Ведь верно, доносчиком предлагал, гад гладкий, служить. В морду хотелось ему дать за такое.

В воскресенье Павла Быкова вызвали на свидание с родственниками.

Оно происходило в узкой комнате, перегороженной частой сеткой. Люди жались плечом к плечу. Шум стоял такой, что еле можно было расслышать, что говорят. Отец и мать Павла стояли у решетки возле самой стены. У Павла защемило на сердце, когда он увидел родных. Нелегко им было прийти в тюрьму.

— Братан знает? — был первый тревожный вопрос Павла.

— Все знают,— скорбно сказала мать.

Павел облегченно вздохнул: он опасался, что и Виктор тоже схвачен жандармами. Виктор на свободе, значит он вне подозрений. Продолжает издавать журнал, о котором мечтал несколько лет,— «Уральский техник», и до Общества уральских горных техников не добралась охранка.

— Принести-то что надо? — сумрачно спросил отец.

— Ничего,— сказал Павел.— Да и держать меня тут дол-

го не будут,— захотелось успокоить родителей.— Ничего нет за мной, никаких грехов.

— Ох, Пашка,— только и сказал отец и покачал сокрушенно головой, а мать продолжала жалостливо смотреть на стриженного по-тюремному сына.

— Похудел ты,— сказала она.— Вон глазища как ввалились, скулы торчат.

Больше ни Быкова, ни Субботина на допросы не вызывали. О них словно забыли.

Оба втянулись в тюремный распорядок жизни.

Политическим были предоставлены некоторые «свободы». Днем камеры не запирались, и это давало возможность свободно общаться. Однажды после утренней поверки надзиратель велел Быкову и Субботину собрать вещи.

— В контору пойдете,— предупредил он.

Ошалевшие от радости Быков и Субботин быстро собрали пожитки и стали прощаться с товарищами по заключению. Им начали давать самые разнообразные поручения.

В конторе тюрьмы Быкова и Субботина встретил Кадомцев. Он коротко сообщил, что поскольку о них нет никаких дальнейших указаний и сроки предварительного заключения истекли, они получают освобождение.

— Советую вам держаться подальше от тюрем,— сказал он.— Что в них хорошего? Устраивайте свою жизнь разумно.

Такими словами проводил их начальник тюрьмы. Среди политических Кадомцев слыл за либерального тюремщика. Режим в екатеринбургской тюрьме отличался мягкостью по сравнению с другими местами заключений. Объясняли это тем, что известный большевик на Урале Кадомцев — его родственник, племянник. Может, близость к племяннику позволила начальнику тюрьмы видеть ближе большевиков, понимать, что это за люди?

Вечером Павел и Виктор встретились.

— Поздравляю,— сказал Виктор, горячо обнимая брата.— Как? Страшно в тюрьме?

До позднего ночного часа горел свет в окошке братьев. Они не могли наговориться.

— Иди-ка в газету. Поговорю о тебе, начнешь репортером руку набивать. Да и полиции будешь меньше заметен. А дальше — все от тебя. Публицистика — дело увлекательное. Смо-

три, сколько вокруг нашего технического журнала хороших людей собралось. Работать в нем — сплошное удовольствие,— заключил Виктор.

Павел пошел в газету репортером.

Однако на воле он пробыл недолго.

Через несколько месяцев он снова встретился с начальником тюрьмы Кадомцевым.

— Опять вы к нам? — повел плечами Кадомцев.— Не люблю я таких повторных встреч.

В этот раз все оказалось серьезнее. Павла Быкова привлекли по делу Уральского областного комитета РСДРП. Прямых улик против него не оказалось. Но и косвенных было достаточно, чтобы судить о его активной работе в нелегальных организациях. При обыске изъяли большую библиотеку политической запрещенной литературы, нелегальные издания, газеты. Екатеринбургская тюрьма оказалась только коротким этапом. Познакомился Павел и с одиночкой знаменитой «николаевки» в Нижней Туре.

После года заключения и следствия «Особое совещание при Министерстве Внутренних Дел» вынесло постановление о трех годах его ссылки в город Кемь Архангельской губернии. Двадцатилетний Павел Быков пошел отбывать далекое северное поселение.

Зрелость

В 1911 году Павел вернулся в Екатеринбург из ссылки. За четыре долгих года Павел сильно изменился не только внешне, но, главное, внутренне. Ссылка стала для него «университетом». Он основательно познакомился с историей философии, многими работами Маркса и Энгельса, Ленина и Плеханова. Юношеская мятежность ушла, ее сменила зрелость и сознательность образованного марксиста-революционера. Ему шел уже 25-й год. Он торопился окунуться в гущу партийной работы. Знал, что сейчас дорог каждый человек на свободе. Сотни большевиков находились в каторге и ссылке, на поселениях. В стране господствовала реакция. Царизм подавлял малейшие проблески революционного движения.

К тому времени, когда Павел приехал в Екатеринбург,

пришло письмо от Виктора. Он писал родным из маленького захолустного городка Вологодской губернии, куда после годичного заключения в Бутырской тюрьме в Москве был сослан на трехгодичное поселение. От товарищей Павел узнал, что Виктора схватили жандармы в Москве, где он вел работу по отбору кандидатов в партийную школу во Франции, в Лонжюмо.

А как надеялся Павел встретиться с братом, столько строил планов совместной работы... Но не вышло этой встречи. Не скоро они теперь смогут увидеться. Что ж, такова жизнь. Хорошо, что Виктор держится бодро, продолжает даже из ссылки заботиться о журнале, остается его фактическим руководителем.

В первые дни Павел бродил по любимым городским и памятным многими событиями местам. Бродили опять вместе с Зиной Осколковой. Он чувствовал к ней все большую привязанность. Любовались городским прудом, где днем старатели на берегах мыли золото, а по вечерам горожане раскатывали на лодках, веселились на «поплавке». Заглянули и на такие дорогие обоим Каменные палатки. Приятно все же быть на свободе. Но надо, пора уже включаться в общее партийное дело. Отдохнул...

В это лето Павел работал в газетах «Уральская жизнь», «Уральский край». Писал небольшие очерки, зарисовки, давал репортажи. Газетная работа помогала окунуться в гущу жизни, да и подкидывала много пищи для размышлений. Постепенно восстанавливались утраченные связи. Побывал Павел и на своем Медном руднике, заводе, встретил старых знакомых. Порадовался, что не пали они духом, не склонились. В глубоком подполье там продолжалась партийная работа.

Началась мировая война. В феврале 1916 года Павла Быкова призвали в армию и направили в Чистополь в школу прапорщиков. Занимался Павел старательно, хотел по-настоящему узнать военное дело. Авось, пригодится в будущих революционных боях. В звании прапорщика его назначили служить в 124-й запасной полк, стоявший в Екатеринбурге.

В полку Павел держался осторожно, понимая отлично, чем ему грозит раскрытие его дел, не относящихся к военным занятиям. В свою группу подбирал самых надежных людей. Солдаты, покидавшие запасной полк, где-то в потаенных угол-

ках деревянных сундучков, под подкладками шинелей увозили тонкие листовки и полуслепо напечатанные брошюры, призывавшие покончить с кровавой войной и царизмом. Так сеялись семена революционного брожения в солдатских массах, готовился решительный штурм царизма.

Настолько осторожно вел себя Павел в запасном полку, что только несколько человек, самых доверенных, знали о его подпольной работе. Лишь в феврале 1917 года, когда революция совершилась и массы вышли на улицу, открылся и Павел. Открылся, как самый популярный офицер среди солдат. Ими он был избран депутатом Екатеринбургского Совета солдат.

К этому времени и Виктор вернулся из ссылки.

В северной ссылке вместе с ним собралась группа большевиков — Воровский, Аллилуев, Богданович. Виктор с ними часто встречался. Нелегально он рискнул пробраться в Вологду для того, чтобы установить партийные связи и выяснить возможности выпуска печатных изданий. Однако его выследили и выслали уже в один из самых глухих и дальних уездов — Никольский.

Сейчас Виктор, как и Павел, работал в Совете. Снова братья были вместе.

Борьба

1 мая 1917 года на первой странице газеты «Борьба» Павел Быков напечатал статью «В чем наша сила?» Он писал о первом свободном праздновании революционным народом Международного майского праздника.

Дорогие по воспоминаниям Каменные палатки! Сколько воды утекло с того памятного праздника 1 Мая 1905 года, когда Павел, подросток, впервые почувствовал всю мощь и силу рабочего класса. Тот далекий день был решающим в его жизни.

Тогда майским ранним утром их в лесу собралась горстка. Но все это были люди, которые верили в неизбежность победы дела революции. Они верили в силу рабочего класса. Не все из них уцелели в суровых классовых боях. Но кровь погибших не пропала даром. Павел хорошо помнил и другое

ранее утро, когда он пришел на Каменные палатки после бессонной ночи, поднялся на самый высокий «столб» и там читал свои стихи, давал клятву всегда быть верным делу рабочего класса. Он и сейчас помнит эти стихи, пусть неуклюжие, но выражающие всю силу веры в революцию. Какие там были строки? Да!

Тираны, страшитесь!
Пред знаменем красным
Покорно склонитесь,
Про
    ле
        та
            риат
идет!

Эти строки своих стихов и свой первый майский праздник 1905 года вспоминал Павел Быков, когда писал статью.

«Праздник весны, праздник обновления природы, праздник воскрешения пролетариата,— писал Павел Быков,— наш праздник труда, первый всеобщий праздник рабочих всей свободной России, был для нас тем радостнее, что он был ярким символом нашей победы над старым режимом. Как скованная природа, долго находившаяся в холодных оковах льда, сбросила с себя эти оковы, лишь только ярче заблестело солнце, так и русский пролетариат выпрямился во весь свой исполинский рост после того, как под лучами свободы река революции унесла в вечность, в забвение холодные оковы и все те грязные наслоения, которые давили его тяжким гнетом долгие зимы беспощадного самодержавия».

Бурный 1917 год! Свергнуто царское самодержавие. Однако революция не завершена. Временное правительство, во главе с Керенским и продажными министрами, ведет предательскую политику. Оно боится власти рабочих и крестьян. Продолжается кровавая война, которая измучила весь народ, не изменилось тяжелое положение рабочего класса, не решен вопрос о земле.

Гудит весь рабочий Урал!

То на одном заводе, то на другом вспыхивают забастовки. Происходят демонстрации. Бывшего прапорщика 124-го запасного полка хорошо знают на заводах и фабриках Екатеринбурга, в воинских частях. Это свой человек, большевик, ему

верят. Он появляется на митингах и собраниях в шинели и гимнастерке, высокий, энергичный. Он — председатель Екатеринбургского Совета солдатских депутатов. Под Советы реквизировали красивый особняк сенатора и крупнейшего заводчика на Урале Поклевского-Козелл.

— Смотрите! — говорил Павел.— Теперь народ поднимается по этим мраморным лестницам. Ему принадлежат все богатства буржуазии. Они были украдены у народа. Революция вернула их народу.

Почти ежедневно собрания, митинги, совещания с делегациями от всех слоев населения. Павел мотается по всему городу. Домой он заскакивает на короткие часы, перебросившись несколькими словами с женой Зиной, забывается тяжелым, неспокойным сном. Рано утром Павел уже исчезает из дома.

Порой приходится по ночам сидеть за правкой статей и корректуры очередного номера газеты «Борьба». Эта газета — орган Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. В ней — обширные протоколы заседаний Совета. В них — отражение всего, что волнует массы. Газета следит за дальнейшим ходом революции, зовет массы завершить ее.

На заседании Совета Павла Быкова делегируют на Всероссийское совещание Советов. Надо ехать в революционный Петроград. Накануне отъезда Павел с товарищами сидел в Совете, решая очередные дела. Кто-то распахнул дверь комнаты.

— Солдаты 124-го полка пришли. Хотят видеть делегата Всероссийского совещания.

Павел накинул шинель, вышел на крыльцо. Плотная масса солдат занимала тротуар, мостовую, вплотную подступала к подъезду.

Начался митинг. Выступали солдаты гневно и горячо. Они все требовали:

— Немедленно прекратить империалистическую войну! Пусть только так решает совещание Советов.

Одобрительный гул голосов поддерживал ораторов.

— Большевики разделяют ваше требование,— заверил Павел Быков.— Ваше требование передам в Питере.

На вокзале Павла провожал Виктор.

— Завидую,— говорил он.— Увидишь, чем дышит Петроград. Новая революция неизбежна. Ты будешь близко к ней.

...Вот и Петроград. В Таврическом дворце еще пахнет пороховым дымом февральских дней. Большой Екатерининский зал. Во всю длину его свалены в кучи винтовки, ящики с патронами, стоят пулеметы, штабелями сложены мешки с продовольствием. Революция не завершена. Солдаты отдыхают и спят с винтовками. Да, солдаты бдительно следят за ходом революции.

По возвращении в Екатеринбург Павел в Городском театре отчитывался о поездке в Петроград перед депутатами Совета.

— Мы, делегаты Екатеринбурга,— говорил Павел Быков,— примкнули к группе делегатов совещания, которая наиболее определенно и прямо ставила вопрос о заключении мира между народами, вопрос о прекращении бойни, каждый день которой несет для международной демократии новые и новые кровавые жертвы, а для нашей молодой свободы кует новые путы.

Обстановка в Екатеринбурге накалялась. Эсеры и меньшевики яростно боролись с большевиками. Порой им даже удавалось в этой борьбе побеждать.

10 мая в Городском театре заседал Совет депутатов. Эсеры привели к зданию команду «эвакуированных» солдат и якобы от их имени потребовали роспуска Совета и назначения новых выборов. Во избежание столкновения и беспорядков большевики дали согласие на новые выборы.

Вскоре они создали окружной Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В нем эсеры и меньшевики оказались малочисленной группой. Председателем его стал В. Н. Андроников, член партии с 1905 года. Виктор Быков был избран секретарем окружного Совета.

Ленин следит за борьбой

Одно из заседаний Совета проходило очень бурно. Большевики выдвинули предложение обязать всех владельцев, имеющих лошадей, предоставлять лошадей для нужд Совета. Эсеры и меньшевики яростно возражали против этого предложения. Они считали, что Совет не имеет права выно-

сить такие решения, что это является посягательством на собственность, на свободу личности. Однако предложение большевиков прошло.

Эта история докатилась до Петрограда. Газета «Русская воля» поместила корреспонденцию из Екатеринбурга под названием «Барщина», где решение Совета всячески оплевывалось.

И вдруг в газете «Рабочий» буржуазной газете ответил В. И. Ленин.

14 сентября появилась статья В. И. Ленина «Из дневника публициста». Второй раздел ее назывался «Барщина и социализм». В. И. Ленин писал:

> «Иногда особенно озлобленные противники социализма оказывают ему услугу неразумной ревностью своих «разоблачений». Они обрушиваются как раз на то, что заслуживает симпатий и подражания. Они раскрывают глаза народу на гнусность буржуазии самым характером своих повадок.
>
> Именно это случилось с одной из наиболее гнусных буржуазных газет, «Русская воля», поместившей 20-го августа корреспонденцию из Екатеринбурга под названием «Барщина». Вот что сообщается в этой корреспонденции:
>
> ...«Совет Рабочих и Солдатских Депутатов ввел у нас в городе для граждан, имеющих лошадей, натуральную повинность поочередно предоставлять своих лошадей для ежедневных разъездов по службе членам Совета.
>
> Выработано особое расписание дежурств, и каждый «лошадный гражданин» аккуратно письменно уведомлялся, когда и куда и к какому именно часу он должен явиться с своей лошадью на дежурство.
>
> Для большей вразумительности в «приказе» добавляется: «В случае неисполнения сего требования, Совет за Ваш счет произведет расход на наем извозчиков в размере до 25 рублей»...
>
> Защитник капиталистов, конечно, возмущается. Капиталисты вполне спокойно смотрят на то, как громадное большинство народа всю жизнь мается в нужде, не только будучи «на барщине», но прямо-таки на каторге фабричной, горной или иной работы по найму, а сплошь и

рядом голодая без работы. На это капиталисты смотрят спокойно.

А когда рабочие и солдаты для капиталистов ввели хоть маленькую общественную повинность, тогда господа эксплуататоры подняли вой: «барщина»!!

Спросите любого рабочего, любого крестьянина, дурно ли это было бы, если бы Советы Рабочих и Солдатских Депутатов были единственной властью в государстве и всюду стали вводить общественную повинность для богатых, напр., обязательное дежурство с лошадьми, с автомобилями, с велосипедами, обязательные ежедневные работы по письменной части для переписи продуктов, числа нуждающихся и т. д. и т. п.?

Всякий рабочий и всякий крестьянин, кроме разве кулака, скажет, что это было бы хорошо.

И это правда. Это еще не социализм, а только один из первых шагов к социализму, но это именно то, что необходимо бедному народу настоятельно и немедленно. Без таких мер нельзя спасти народ от голода и гибели.

Почему же Екатеринбургский Совет остается редким исключением? Почему подобные меры по всей России не применяются давно, не развертываются в целую систему мер именно подобного рода?..»

Эта статья Ленина вызвала у большевиков Екатеринбурга прилив новых сил в борьбе за завершение революции.

Павлу Быкову, депутату Окружного Совета, приходилось часто выезжать за пределы Екатеринбурга.

Из Надеждинска писали, что эсеры и меньшевики мешают выборам Совета. Туда поехал Павел Быков. Он знал, что обстановка в Надеждинске чрезвычайно накалена. Установлено наблюдение на вокзале за всеми приезжими из Екатеринбурга, чтобы не допустить появление большевиков. Не доезжая до города, Павел спрыгнул с подножки и окраинами пробрался к знакомым.

— Выследят,— сказали ему.— На каждом углу глаза.

Павел ушел из города и ночь провел в лесу возле костра.

Его появление в Народном доме было неожиданным. Ему не хотели давать слово. Павел прорвался к трибуне.

— Я — делегат Всероссийского съезда Советов! — крик-

нул он в зал.— Мне поручено сделать доклад о положении революции. Вы будете меня слушать?

Зал ответил грозным ревом.

— Дать слово!

Через несколько дней Павел уезжал в Екатеринбург, провожаемый до вокзала рабочими, победителем в единоборстве с меньшевиками и эсерами. В Надеждинске состоялись выборы в Совет, и большевики были в нем в значительном количестве. Из металлургов создали отряд Красной гвардии.

По всему Уралу разрастались волнения. Обстановка накалялась. Владельцы заводов, рудников, приисков шли на самые крайние меры в борьбе с революцией. Задерживалась заработная плата, некоторые предприятия даже закрывались. Торговцы прятали продовольствие, взвинчивали цены. Окружной Совет, готовя вооруженные отряды, занимался и всеми заводскими делами, создавал рабочие контрольные комиссии, через которые решались все конфликты. Виктору, хорошо знавшему промышленность, приходилось все время бывать в разъездах. В Нижнем Тагиле он провел национализацию Авроринского золотого прииска Демидовых. Он же проводил национализацию Нязепетровского завода, в самом Екатеринбурге — завода Злоказова. Эти ответные решительные действия Совета оказались действенными. Владельцы предприятий стали более уступчивыми.

13 октября в Екатеринбурге начался представительный Уральский областной съезд Советов. На него прибыли делегаты всего Урала — из Перми, Челябинска, Тюмени, Башкирии. П. Быкова, Н. Давыдова, И. Голощекина и других избрали делегатами Второго Всероссийского съезда Советов.

Победа

Здесь лучше предоставить слово самому Павлу Быкову. В своих записках он пишет:

> «...И вот я снова в революционном Петрограде.
>
> Неприветливо встретил нас Питер. Заправилы старого ЦИКа — эсеры и меньшевики не хотели созывать съезда и оттягивали открытие его, они знали, что делегатами на 2-й съезд Советов из провинции едут большевики.

К нашему приезду не была организована даже регистрация прибывающих на съезд, но наши питерские товарищи быстро наладили запись делегатов и выдачу мандатов.

Постепенно наполнялись коридоры Смольного, где должен был открыться съезд, делегатами с мест, и большинство их тянулись к одной из комнат первого этажа. Здесь, в большой светлой комнате стоял стол и несколько стульев. Над столом висела бумажка с надписью: «Бюро фракции большевиков».

Здесь мы, уральцы, встретили нашего старого знакомого — «Андрея», так звали мы во времена подпольной работы, да и после революции Я. М. Свердлова. Я лично был знаком с ним давно, «сидел» в одной камере в Екатеринбургской тюрьме.

...Я. М. Свердлов привлек меня к работе в Военно-Революционном Комитете, который работал в верхнем этаже Смольного.

Здесь я связался с военным отделом Комитета, где встретил ряд знакомых из «военки» — военной организации ЦК партии большевиков, с которой познакомился еще в апреле, когда приезжал с Урала, делал доклад в штабе ВО о положении на Урале.

Восстание фактически уже началось. Еще не было вооруженных столкновений, но к ним готовились. Вооружались новые отряды Красной гвардии, раздавалось оружие.

По заводам и в воинских частях происходили митинги, на которых выносились резолюции о переходе к вооруженному восстанию против буржуазного Временного правительства, о невыполнении призывов Временного правительства...

...24 октября в Смольном получено было сообщение, что во дворе Петропавловской крепости идет митинг, на котором эсеры и меньшевики из ЦИК агитируют за поддержку Временного правительства. Гарнизон крепости был большой и стоявшие там самокатчики были не особенно надежны. Военно-Революционный Комитет послал туда своих представителей, в том числе и меня. После нашего выступления социал-соглашатели с позором бе-

жали, а гарнизон крепости, бывший на митинге, дал клятву поддержать восстание и свое слово сдержал — на другой день пушки Петропавловской крепости уже стреляли по Зимнему.

...Отгремели залпы вооруженного восстания. Власть перешла в руки народа. У руководства — партия большевиков, которая взяла на себя ответственность за строительство социалистического государства. Началась будничная работа по закреплению завоеваний Октября, по созданию нового государственного аппарата.

Избранный в состав ЦИК, я остался работать в Питере.

...В Военно-Революционном Комитете мне приходилось выполнять ряд ответственных заданий по работе Следственной Комиссии, где работал тоже наш уралец Шейнкман, и в военной секции Комитета.

Наиболее серьезным поручением было подавление мятежа юнкеров во Владимирском училище, где 29 октября юнкера пытались по призыву ЦК эсеров, вместе с другими военными училищами, поднять мятеж против Советской власти. Получив из Смольного задание подавить мятеж, я с отрядами солдат, матросов, красногвардейцев, с помощью артиллерии и броневиков очень быстро разгромил училище и принудил юнкеров к сдаче. Все оставшиеся в живых и находившиеся в здании училища военные и штатские были арестованы и отведены в Петропавловскую крепость.

Прошло несколько недель. Были разгромлены приведенные Керенским и выступившие против Советов части генерала Краснова. После ожесточенных боев подавлено было сопротивление врагов Советской власти в Москве. Жизнь налаживалась, и я, получив письмо с Урала, решил ехать в Екатеринбург...»

...Виктор Быков сидел в Совете, когда принесли телеграмму:

«Петроград, 26 октября. Всем губернским и уездным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть принадлежит Советам. Комиссары правительства отстранены, председатели Советов сносятся непосредственно с Революционным Правительством. Согласно постановлению

Всероссийского съезда Советов все арестованные члены земельных комитетов должны быть немедленно освобождены, арестовавшие их комиссары подлежат аресту. Всероссийский съезд постановил: восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется. Все солдаты и офицеры, находящиеся под арестом за так называемые политические преступления, освобождаются немедленно. Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и т. д. арестованы Революционным Комитетом. Керенский бежал. Предлагается всем армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставления его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться как тяжкое государственное преступление».

В этот же день, около часа дня, открылось экстренное собрание Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов объявил себя единственной властью в Екатеринбурге.

Память сердца

Мечта многих поколений людей претворилась в действительность. Открылась новая книга истории.

На страницах ее еще не раз встретятся имена братьев Быковых — Виктора и Павла. На протяжении ряда лет они, активные рядовые партии большевиков, разрушали старое общество. Теперь они строили новое, социалистическое общество.

С головой погружается в хозяйственные дела технически образованный, с большим кругозором, опытом организаторской работы Виктор Быков. В 1919 году Виктор Быков едет на Украину и работает председателем рудников Криворожья и Никополя. Едва уходит от расправы белогвардейцев. В 1920 году в Екатеринбурге он возглавляет уральскую горную комиссию, редактирует журналы «Промышленность Урала», «Забойщик», «Экономический путь», газету «Уральский рабочий». Ему принадлежат книги: «Возмутители» — о восстании ревдинских углежогов, «Подполье», «Из жизни уральских организаций».

9 Заказ 17

Умер он в Ленинграде в 1926 году. Друзья постарались, чтобы память о Викторе Быкове не исчезла. Бывшая 3-я Мельковская, когда-то окраинная улица старого Екатеринбурга, на которой росли братья, ныне нарядная по-современному, зеленая, носит имя Виктора Быкова.

После первых дней Октябрьской революции, когда было решительно сказано, что отныне Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов является единственной властью в Екатеринбурге, Павел Быков снова возглавил Совет.

В ночь перед сдачей Екатеринбурга белогвардейцам 24 июля 1918 года Павел Быков отходил с последними отрядами защитников города. В армии он редактировал газеты «Солдат революции», «Красноармеец», «Красный набат».

В июле 1919 года в числе первых вернулся в родной освобожденный Екатеринбург и был назначен председателем губревкома.

Более десяти лет Павел Быков работал на самых различных должностях в Екатеринбурге. Он возглавлял Уральский областной отдел юстиции, уездно-городской ревком, губернский революционный трибунал. В 1921 году руководил областным отделением РОСТА, организовал и редактировал газету «Уральская новь».

В его литературном наследии книги: «Последние дни Романовых», «Красная Армия в борьбе за Урал», «Конец царского рода», очерки, статьи. Книги «Последние дни Романовых» и «Конец царского рода» были переведены на немецкий, английский, французский, итальянский и испанский языки.

В 1928 году Павел Быков уехал в Ленинград, возглавлял студию «Ленфильм». В годы Великой Отечественной войны, будучи пенсионером, работал слесарем на заводе «Судомех», после ликвидации блокады Ленинграда вел большую пропагандистскую работу.

Умер Павел Быков в Ленинграде в 1953 году.

В. СТАРИКОВ

ЛЕОНИД ВАЙНЕР

1

О его детстве и юности сведения скудные... Известно, что Леонид Исаакович Вайнер родился в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году, в семье ремесленника. Рано потерял отца. Мать трудилась за швейной машиной, не разгибаясь, и все же не могла обеспечить всем необходимым подрастающих детей... Вот почему ученик Екатеринбургского реального училища Леня Вайнер с пятнадцати лет начал давать частные уроки.

Кое-что может рассказать о нем записная книжка, начатая в 1893 году, когда он учился в четвертом классе. Эта книжка служила ему около трех лет.

Из расписания уроков можно установить, какие предметы изучал пятнадцатилетний Вайнер: это геометрия, алгебра, черчение, физика, история, география, естествознание, русский язык, немецкий, французский. Позднее записаны формулы тригонометрических величин, химические формулы. Есть в книжке чертеж звездного неба с пунктиром воображаемых линий и геометрических фигур, соединяющих созвездия. Есть словарики к переводам с французского и немецкого.

Ежедневно Леонид проводил около пяти часов в школе, каждый день пунктуально выполнял домашние задания. Вечерами бегал по урокам. Редко-редко удавалось сходить в театр, приходилось рассчитывать не только время, но и каждую копейку. А сцена привлекала Леню. Возможно, он даже попытал свои силы в ученическом спектакле,— иначе зачем бы ему переписывать в книжку роль комического персонажа?

Словом, ни для развлечений, ни для отдыха времени не оставалось. В борьбе между «хочется» и «надо» всегда побеждало «надо». Не в эти ли годы выработались воля и чувство долга — ведущие черты характера Вайнера?

Много в записной книжке стихотворений. О них можно бы и не упоминать, если бы сентиментальные эти вирши не свидетельствовали о пылких мечтах юноши и об его попытках осмыслить жизнь.

«Я сам себе бессильный покровитель...»

«И не забочусь я о внешнем блеске, мне все равно, что люди говорят».

«Путем обманчивым самосознанья идти опасно всем. Жизнь дальних звезд — туманное мерцанье — кончается ничем».

Думается, что эти строки были созвучны чувствам юноши, пока он, в поисках смысла жизни, не обратился к серьезным книгам. На последних страницах мы видим список таких книг: «Влияние экономических условий на развитие общества» Энгельса; «Эрфуртская программа»; «Происхождение современной демократии» Ковалевского; «Историческая роль промышленности» Туган-Барановского; «Критические заметки» Струве; очерки различных авторов о положении русской деревни, об экономической жизни Европы, очерки немецкой культуры и т. д.

Все это прочел восемнадцатилетний Вайнер — ученик Пермского технического училища.

Окончив реальное, он поступил в техническое; общее среднее образование его не удовлетворяло, хотел он получить специальность, получить настоящую путевку в жизнь.

На снимке 1896 года мы видим красивого юношу с решительным лицом и уверенной осанкой — таким Вайнер приехал в Пермь, учиться и зарабатывать себе на еду и жилье.

Друзья его матери, Симановские, предложили Леониду стать членом их дружной семьи. Юноша не обременил бы их. Но щепетильный Леонид согласился только на роль домашнего учителя.

Теплые воспоминания сохранились о нем в этой семье.

Требовательный, но в то же время добрый, учитель заинтересовал и воодушевил детей, расположил их к себе. Особенно полюбила его Леночка, которую он, кроме общих предметов, обучал языкам. Никаких хлопот Леонид не доставлял; он избегал чужих услуг, был чистоплотен и аккуратен, как девушка. Леонид не замыкался в себе, охотно поддерживал разговор, любил пошутить; умная улыбка, то ироническая, то добродушная, часто освещала его лицо. Но никогда юноша не откровенничал, ни с кем не делился мечтами и думами, не пересказывал книг, которые читал с таким увлечением.

...Симановские с трудом поверили тому, что Вайнер исключен из училища: «Такого примерного молодого человека! Исключили! За что?»

Они ведь не знали, что Леонид сдружился с высланными из Варшавы студентами, что вместе с ними создал в училище нелегальную группу, и что эта организация раскрыта.

— Что же вы, Леня, будете теперь делать?

— Работать,— ответил он спокойно.

2

Исключение из училища стало своего рода рубежом, с которого началась жизнь рабочего-революционера.

В течение нескольких лет Вайнер был заводским рабочим, был запальщиком, а затем штейгером на рудниках. Непрерывно вел подпольную работу. Стал большевиком. Все эти

годы усиленно занимался самообразованием. Зорко следил за событиями, за литературой. Знал, что делается в центре, на Урале, за границей.

Однажды Леонид Исаакович упал в шахту, повредил позвоночник... Прикованный на несколько месяцев к постели, он использовал это «свободное время», чтобы пополнить свои, и без того обширные, знания. Мало-помалу Вайнер стал образованным марксистом, талантливым пропагандистом и агитатором.

Эти качества особенно ярко проявились в 1905 году, когда он снова приехал в Пермь. Приняв кличку «Валерий», поступив для вида в часовую мастерскую, он сразу же включился в подпольную работу.

Широкое поле деятельности открылось перед ним.

Вспомним, что в то время на Урале под руководством Я. М. Свердлова и его соратников шла подготовка к вооруженному восстанию.

Этой великой задаче была подчинена и деятельность многолюдной Пермской организации РСДРП, которая пользовалась большим доверием рабочих Перми и Мотовилихи.

...Созданный в дни всеобщей октябрьской стачки совет старейшин в Мотовилихе на глазах Вайнера превратился в Совет рабочих депутатов, стал той силой, с которой вынуждены были считаться не только начальство завода, но и сам губернатор. По требованию Совета он выпустил на свободу членов Пермского забастовочного комитета.

Росла и вооружалась боевая дружина рабочих. Она была разбита на десятки. В одном из десятков состоял Леонид Исаакович. (Револьвер, полученный в те дни, сохранился у него до ареста в 1909 году).

Во время подготовки к восстанию Вайнер с головой ушел в агитационно-пропагандистскую работу. В личных беседах и в кружках разъяснял, что такое социализм, демократическая республика, диктатура пролетариата. Рассказывал о решениях III съезда партии, знакомил рабочих с партийной программой, с тактикой революционной борьбы. Тщательно готовился к выступлениям на многочисленных бурных митингах. Ведь именно митинги были для многих политической школой! Ведь именно на митингах разыгрывались бои с эсерами и меньшевиками, которые уговаривали рабочих «ограничиться за-

бастовками», с либералами-интеллигентами, пытавшимися затуманить головы трудящихся «конституционными иллюзиями».

Вайнер умел передать рабочим свою убежденность, доказать, что интересы рабочего класса противоположны интересам капиталистов и царизма.

— Пусть ваши экономические требования будут удовлетворены, но ведь положение-то ваше улучшится только временно! Коренная перемена наступит тогда, когда свергнем самодержавие. Пока не сбросим царя, а потом и капиталистов с помещиками, от кабалы не избавимся!

Горячая убежденность, знание законов развития общества, логика, острый ум, подмечающий слабость аргументации противника,— все это помогало неизменно побеждать в словесных боях.

Отдаваясь напряженной работе, Леонид Исаакович встречался урывками со своей бывшей ученицей Еленой Симановской, которая работала в то время в аптеке Мотовилихинского завода.

Вайнеру исполнилось двадцать семь лет. На одухотворенном его лице яснее, чем прежде, проступило выражение воли. Под волной густых волос выше и строже казался лоб. Но в облике этого зрелого человека сохранилось что-то юношески-чистое, целомудренное.

Вначале девушке казалось, что она продолжает относиться к Вайнеру, как к любимому учителю,— ведь он снова учил ее... учил жить, бороться. (...«Тогда он занялся выработкой у меня марксистского мировоззрения»,— сказано в автобиографии Елены Борисовны Вайнер). Постепенно и Леонид и Елена поняли, что соединяет их не только общность интересов. Но о любви не говорили. Не время было думать о себе, когда близился час восстания!

В начале декабря прекратились занятия в кружках и встречи с Еленой... Седьмого партийный комитет призвал к всеобщей забастовке; восьмого забастовали железнодорожники; девятого рабочие Мотовилихи вышли с пением «Марсельезы» на улицу. В последующие три дня накал борьбы усилился. Многотысячные митинги все громче, все пла-

меннее призывали «на кровавый бой за свободу». Совет стал полновластным хозяином завода, закрыл винные лавки в поселке, разогнал полицию. По улицам патрулировала дружина. Штаб распределил вооруженные десятки по засадам и баррикадам. Сообщение о Московском восстании стало сигналом к выступлению.

Тринадцатого декабря, после боя на заводской территории, после кровавых уличных стычек, восстание было подавлено при помощи казаков и солдат.

Все эти дни Вайнер находился в своем десятке — в патруле, в засаде.

...Начались массовые аресты. Большевики, оставшиеся на свободе, ушли в глубокое подполье.

Леонид Исаакович, тщательно конспирируясь, продержался в Перми еще несколько месяцев. Возобновил занятия в кружках. «При его помощи я вступила в партию»,— свидетельствует Елена Борисовна.

Летом шпики стали принюхиваться к нему. Пришлось покинуть город.

Устроился на строительстве Кунгурской железной дороги, но вскоре был уволен «за подстрекательство рабочих». Уехал в Вятку, поступил наборщиком в типографию, организовал «технику».

В 1908 году Вятская партийная организация провалилась, и Вайнер перебрался в Екатеринбург, где охранка еще не знала его.

3

Уездный Екатеринбург успешно соперничал с губернским городом Пермью. Он кичился своими заводами, фирменными магазинами, банками, богатыми домами, принадлежавшими купцам, владельцам заводов, золотопромышленникам, банкирам, горным инженерам. Особый, уральский колорит придавали городу канцелярия и дом горного начальника, гранильная фабрика да магазины с изделиями из драгоценных и цветных камней.

Живописный центр окружали плоские окраинные улицы. Низенькие домишки кое-где послушно расступались, чтобы

дать место заводу или фабрике, а кое-где тесно лепились друг к другу. Центр жил своей жизнью, окраина — своей. Рабочий редко захаживал в центр; обитатели богатых домов не показывались в рабочих кварталах, где веяло «крамольным» духом, где ночами на заборах появлялись листовки о том, что «богачи жиреют за счет рабочих».

По-новому взглянул большевик Вайнер на город своего детства.

В детстве он не задумывался над вопиющими контрастами богатства и бедности — сейчас они били в глаза; раньше он не заглядывал в рабочие кварталы Екатеринбурга, мало знал рабочих — теперь же все чувства и помыслы были связаны с судьбой пролетариата; раньше не было в нем протеста против буржуазной культуры — теперь он яростно боролся против ее растлевающего влияния...

В первые же дни Леонид Исаакович, через явку, связался с рабочими Николаем Михайловичем Давыдовым и Петром Захаровичем Ермаковым. Нерадостные вести услыхал он. В городе «специфически уральская» безработица. Революционное движение, из-за репрессий, из-за бегства «попутчиков», на спаде. Городской комитет арестован.

Но Вайнер убедился также и в том, что вера в партию жива, живы и воспоминания о славном девятьсот пятом годе. Бережно хранят рабочие листовку, выпущенную областным комитетом к первому мая: «Она не умерла, освободительница-революция, как не умер рабочий класс — ее носитель, как не исчезли причины, породившие ее».

Хотя городской комитет был арестован, рабочие, не входившие в его состав, остались на местах. Их надо было снова объединить. Вскоре после приезда Вайнер провел беседу с партийными оранизаторами. На Верх-Исетском заводе, на Монетном дворе (в железнодорожных мастерских), на заводе Ятеса возродились партийные группы. Начали работать кружки.

Леонид Исаакович вел кружок высшего типа, готовил передовых рабочих к самостоятельной агитационно-пропагандистской деятельности. Кружок изучал труды Маркса и Энгельса, труды В. И. Ленина.

Первоначальными же кружками, которые изучали Программу РСДРП, историю классовой борьбы, решения пар-

тийных съездов, руководила в то время невеста Вайнера — Елена Симановская.

В кружке пропагандистов занятия проходили так.

Или обсуждался чей-нибудь реферат, доклад по вопросам теории, или Леонид Исаакович читал лекцию. Потом он задавал контрольные вопросы, подводил итоги обсуждения.

Придавая большое значение конспирации, Вайнер учил, как провести шпика: «Если подозреваешь слежку, остановись, пропусти предполагаемого шпика. Он остановится и будет ждать тебя... а, если скроешься, начнет растерянно искать»; «при условленной встрече с товарищем, не здороваясь, пройди мимо: надо убедиться, не привел ли ты или твой товарищ шпиона»; «подпольщик должен знать все дома с проходными дворами»; «никогда не оставляй нелегальную литературу в открытых местах, прячь ее так, будто именно в эту ночь ждешь обыска».

Пока было тепло, кружок собирался под видом катания на лодках. Поздней осенью и зимой сходились на дому у того или иного рабочего, проживающего на отдаленной улице. Теплой одежды у Вайнера не было. Под дождем и снегом он ходил в поношенном демисезонном пальто, в грубых сапогах. Не удивительно, что в начале зимы начался у него неотвязный кашель. Здоровье его все ухудшалось, но не было случая, чтобы из-за болезни он сорвал занятие.

В кружок он приходил всегда внутренне подтянутым, собранным, полным живого интереса к очередной теме занятия.

Был Леонид Исаакович крайне невзыскательным к жизненным условиям — пище, одежде, жилью, но строго соблюдал опрятность. Пиджак сильно потерт, но всегда вычищен, отглажен; рубашка старенькая, штопаная, но воротничок блещет чистотой.

Вот рассказ Елены Борисовны Вайнер, записанный автором очерка в 1940 году:

> «Все помыслы Леонида были устремлены на партийную работу. О себе, о своих удобствах он совсем не думал. В 1908 году он работал наборщиком и жил отдельно от матери.

Представьте полуподвальную комнату: у одной стены кровать, покрытая ветхим одеяльцем, у другой — стол, несколько стульев. Комната опрятна, но бедна. Давит низко нависший потолок. Пахнет сыростью.

Мать Леонида (я остановилась у нее) стала меня упрашивать, чтобы я повлияла на жениха. Неужели он не понимает, что работа наборщика и жизнь в сырой комнате совсем не по его здоровью? Почему он не устроится на другую работу? Почему не переедет к матери?

— Помоги, Лена, убедить его.

Я промолчала, а Леонид сказал:

— Мама! Я не ребенок. Если нужен ребенок, которым можно командовать, возьми в приюте.

В первый и в последний раз говорил так резко ее почтительный сын. Мамаша обиделась. А я... я поняла, чем продиктована эта резкость. При всей любви к матери он не мог выполнить ее желания; борьбе с миром угнетения и насилия были отданы все его мысли.

Вскоре до мамаши дошли слухи, что Леонида уволили из типографии... и как-то нехорошо уволили. Она решила узнать, в чем дело. Я помню этот разговор, он происходил в комнате Леонида Исааковича.

Он сказал, что да, уволили, но что ему удалось устроиться в другой типографии.

— А правда ли, что ты уволен за... за...

— За кражу шрифта? Да, мама.

Мне кажется, что тут она и поняла все... Поняла, почему он живет отдельно, и почему не заботится о себе... И для чего понадобилось кристально честному человеку красть шрифт.

Голос отказывался ей служить. Она спросила чуть слышно:

— А о Леночке ты подумал, Леня?

И взглянула на меня, словно спрашивая: знаю ли я, какая жизнь меня ожидает.

Но я-то ведь знала! Я сама уже жила жизнью подпольщика... И к Леониду в тот раз зашла за рецептом гектографической массы. После неудачи с похищением шрифта листовки приходилось печатать на гектографе».

Да, Елена Борисовна знала, что ее ожидает,— не тихая жизнь в домашнем гнезде, а жизнь, полная тревог и опасностей.

Со времени вступления в партию начались скитания. После недолгого пребывания в Казани, где она сдала экзамен на помощника провизора, после Воткинска, куда она приехала с явкой на руках,— Пермь, Глазов, Курьи, Камышлов, Екатеринбург, Невьянск... Преследования, увольнения с работы, а временами жизнь без прописки, на птичьем положении...

Забегая вперед, скажу, что, и поженившись (в 1912 г.), Елена Борисовна и Леонид Исаакович больше года жили раздельно.

«В тот год я ездила в Екатеринбург из Невьянска либо за книжками, либо отвозила желатин, глицерин, краску для гектографа; это нужно было и самому Леониду и для дальнейшей передачи»,— говорится в автобиографии Елены Борисовны.

Словом, встречи с мужем зависели от того, нужна ли для партийной работы поездка в Екатеринбург.

Зимой 1908—1909 года Екатеринбургский городской комитет партии широко развернул работу, установил связь с комитетами городов, заводов и с Центром. Листовки продолжали печатать на гектографе; Вайнер составлял, Давыдов печатал. В ноябре районы уже получили прокламации.

А между тем над организацией собиралась гроза. В ряды подпольщиков пробрался провокатор — массажист, сын торговца.

В феврале 1909 года городской комитет обсудил вопрос о созыве областной конференции и о сборе средств на оборудование «техники». Выпустили листовку «Ко всем рабочим». В ней говорилось, что, несмотря на разгул реакции, работа социал-демократов оживилась. Листовка призывала рабочих объединиться под знаменем РСДРП.

Восьмого марта состоялось собрание Екатеринбургской организации с участием представителя Центрального Комитета Семена (Шварца). Заслушали отчеты подрайонов, выработали порядок дня Уральской областной конференции, намеченный на 28 марта.

Узнав об этом, охранка использовала удобный момент: захватила не только членов комитета, но и представителя ЦК и приезжих делегатов. Провокатор сумел раздобыть адреса квартир.

В ночь на двадцать восьмое согнали всех пеших и конных стражников, всех жандармов,— устроили облаву. Арестовано было около сорока человек. Всю ночь шли обыски.

Н. М. Давыдов вспоминает, что, когда его привели в полицейский участок, где во всех комнатах группами сидели арестованные, он встретил здесь и Леонида Исааковича. Тот был изнурен болезнью, но совершенно спокоен.

«Нас разбили по отдельным тюрьмам, видимо, боялись, как бы мы не провели нашу конференцию в заключении,— рассказывал Давыдов.— Часть товарищей сидела в Перми, часть —в Камышлове. Мы с Вайнером попали в Екатеринбургскую тюрьму, в одну камеру. Но сидели вместе недолго. Он вскоре слег, и его перевели в госпиталь.

В то время в Екатеринбургской тюрьме отбывал крепость Я. М. Свердлов. Мы его хорошо знали и глубоко уважали: он вел нас на борьбу с самодержавием в 1905 году. Андрей установил с нами связь, научил, как держаться на допросах. Охранка хотела создать громкое дело, но это у нее не получилось. Вместо каторги мы получили административную ссылку.

Вайнер в камеру не вернулся. В надежде на близкую смерть, его выпустили из госпиталя на свободу».

Леонид Исаакович выжил!.. Хотя и страдал кровохарканьем, хотя и был так слаб, что не мог сделать десяти шагов.

После выхода из тюрьмы он находился под гласным надзором полиции. Даже на кумыс в Бишкиль уехал летом в сопровождении шпика, который, поселившись в соседнем доме, глаз не спускал с Вайнера, целыми днями торчал на крыльце.

А Вайнер лежал в гамаке и читал запоем.

«Я видел, что он подыхает от тоски,— рассказывал потом невесте Леонид Исаакович.— Я наслаждался его страданиями. Мне-то нужны были и солнце, и гамак, и книги».

Мало-мало поправившись, Вайнер возвратился в Екатеринбург и поступил корректором в издательство.

И произошло непостижимое: поднадзорный революционер возобновил подпольную деятельность в том же городе, где был арестован. И продолжал ее до Февральской революции, вплоть до выхода партии из подполья. Умело конспирируясь, он ни разу не подвергся аресту.

4

Подготовка к Пражской партийной конференции, кампания перед выборами в IV Государственную думу, организация стачек, восстановление и укрепление партийных комитетов, использование легальных организаций для конспиративной работы,— во всем этом активно участвовал Вайнер.

Менялся состав партийных руководителей в Екатеринбурге, изменялись условия и обстоятельства, а основным содержанием жизни Леонида Исааковича оставалась страстная пропаганда, пламенная агитация.

Сильного духом не страшили опасности, не обескураживали неудачи и прорывы. После каждого опустошительного набега охранки он снова и снова начинал собирать силы. Верил, что это не бесплодный Сизифов труд, а дело, которое непременно завершится победой.

Такой же веры в победу, такой же готовности отдать всего себя делу партии он требовал и от товарищей. Вот что рассказывает об этом Н. М. Давыдов:

«Наконец, я возвратился из ссылки в Екатеринбург. Конечно, ехал с мыслью возобновить подпольную работу. Меня мучало нетерпение, я сразу же пошел искать Вайнера... Мы встретились с ним на дороге, случайно. Поздоровались. Он строго спрашивает: «Думаете ли **вы** работать в подполье? Или ссылка отбила у **вас** охоту?» Я ответил: «Буду!» Леонид Исаакович просветлел, сказал задушевно: «Мы **тебя** ждали!» — и сразу начал вводить меня в курс дел».

В годы общего революционного подъема Екатеринбургские большевики, налаживая связи, насаждая и укрепляя партгруппы, вели острую борьбу против идейных врагов. В том, что эти враги не смогли добиться значительного влия-

ния на массы, есть бесспорная заслуга Вайнера. Он умел доказать рабочим, что ликвидаторы, стремящиеся врасти в столыпинский режим,— предатели рабочего класса... так же, как отзовисты, ультиматисты с их «левой фразой».

Говоря об использовании легальных организаций, можно привести в пример работу Вайнера в библиотеке общества потребителей. Будучи библиотекарем, он широко распространял нелегальную литературу. Стоит на полке книга в переплете: «Великий Сибирский путь».., а перелистаешь несколько страниц, увидишь, что за чужим заголовком спрятан труд Ленина: «Развитие капитализма в России». Или возьмешь том Куприна, а внутри найдешь «Коммунистический манифест».

Когда Вайнера избрали в правление профсоюза торговых служащих, он и здесь использовал каждую возможность...

Однажды он проводил собрание кооператоров. Надо было добиться решения о кооперативном празднике. Под видом этого праздника предполагалось отметить Первое мая: на гулянии в Харитоновском саду провести в глухих уголках летучие митинги.

Вдруг встал один меньшевик и начал доказывать, что гуляние устраивать не к чему. Кооператоры заколебались... Тогда Вайнер взял да и лишил его слова.

И, хотя некоторые из собравшихся стучали, топали, требовали дать слово, Вайнер отрывисто, упрямо твердил:

— Не дам! Я председатель!

И убедил-таки. Все проголосовали за «гуляние».

Не умаляя роли видных борцов за «страховое дело» — И. М. Малышева, Н. М. Давыдова, А. И. Парамонова — можно с уверенностью сказать, что в предвыборной борьбе большую пользу принес и Вайнер. Талантливый полемист, он наголову разбивал меньшевиков, которые не хотели, чтобы руководящая роль в больничных кассах принадлежала рабочим и чтобы кассы стали прикрытием большевистской работы.

Страховая кампания завершилась победой. Так, в рабочую часть правления кассы на Верх-Исетском заводе вошли большевики, и касса эта стала своего рода штабом революционной борьбы. В помещении ее проходили партийные собрания.

Многим памятно блестящее выступление Вайнера в июне 1914 года, когда на полуострове Гамаюн собралась многолюдная массовка, чтобы заслушать отчеты депутатов думы — большевика Муранова и меньшевика Хаустова. Леонид Исаакович умело использовал отчет Хаустова. Он стал приводить конкретные факты из этого отчета, резко комментируя их, и как на ладони показал предательскую тактику меньшевиков!

Неутомимым пропагандистом Вайнер оставался и в годы империалистической войны. В кружках Верх-Исетского завода, железнодорожных мастерских, завода Ятеса выращивал партийные кадры.

Вместе с другими товарищами успешно боролся за интернационалистскую позицию, разоблачал оборонцев, социал-шовинистов, разъяснял вредоносные лозунги «защиты отечества» и «гражданского мира», призывал к превращению империалистической войны в гражданскую.

В 1916 году Екатеринбургская группа большевиков, во главе с Малышевым и Вайнером, через областные партийные совещания координировала подпольные силы Урала. Руководила стачечной борьбой. Возглавила бойкот военно-промышленных комитетов. «Наказ выборщикам» был написан Малышевым и Вайнером.

После того, как большевики разъяснили массам, что даже само наличие «рабочей группы» в военно-промышленном комитете создает авторитет этой буржуазной, милитаристской организации, от выборов отказались рабочие Верх-Исетского завода и некоторых других предприятий.

Под влиянием городского комитета находилось семь больничных касс. Большевики работали в профсоюзах, в «комитете помощи беженцам из западных областей», в обществе потребителей, в лавочных комиссиях.

В автобиографии Елены Борисовны Вайнер говорится:

«Мы, члены лавочной комиссии, собирали солдаток — членов общества потребителей, беседовали о войне, писали письма на фронт по их поручению. По безграмотности многих имели возможность писать истину, вкладывать листовку [1]. Зи-

[1] Листовки «Письмо на фронт» и «Письмо солдатам» составлены Малышевым и Вайнером.

мой — елка, летом — Первое мая, служили поводом для сбора женщин. Связь с грамотными продолжалась через библиотеки. В эти же годы я включилась в работу беженского комитета. Здесь мы, коммунисты, имели возможность снабжать (под видом беженцев) товарищей, бежавших из тюрем и ссылок, паспортами, одеждой, посылать на работу туда, куда надо было послать революционера-профессионала... В 1916 году, когда среди группы беженцев были аресты, мой муж и я подверглись обыску, но все было заблаговременно спрятано».

На пятнадцатое января 1917 года была назначена областная партийная конференция, но она не состоялась. В ночь на пятнадцатое охранка произвела обыски и аресты. У Вайнера ничего компрометирующего не нашли, он остался на свободе. Иван Михайлович Малышев попал в тюрьму, так как у него нашли заявление рабочих, выражавшее протест против милитаризации труда. Рабочие заявляли, что они считают войну не освободительной, а разбойничьей.

5

Когда пытаешься представить короткий отрезок времени между февралем и октябрем, поражает калейдоскоп событий, быстрое их чередование...

После Февральской революции И. М. Малышев стал председателем городского комитета партии, а Вайнер возглавил агитационно-пропагандистскую работу горкома.

В эти весенние месяцы дружно подымались всходы семян, посеянных в годы подполья. В середине апреля на Первую Свободную Уральскую партийную конференцию, руководимую Я. М. Свердловым, съехались представители шестнадцати тысяч большевиков, готовых идти в бой за Лениным. Рост рядов партии с новой силой продолжался после конференции.

Соответственно ширился и объем пропагандистской работы. И, хотя в ней участвовали такие выдающиеся деятели, как Н. Г. Толмачев и Я. С. Шейнкман, требовалось огромное напряжение сил, чтобы вооружить идейно, сплотить и повести за собой широкие массы.

10 Заказ 17

Внимания требовали и заводские ячейки, и Союз молодежи, и бурно растущие профсоюзы (роль которых меньшевики пытались свести только к «защите экономических интересов»), и солдатская масса гарнизона, еще зараженная влиянием эсеров.

Мгновенного отклика требовали такие события, как нота Временного правительства о «войне до победы», как образование коалиционного министерства, в состав которого вошли предатели — меньшевики и эсеры, как выступление Корнилова, грозящее установлением военной диктатуры. Необходимо было возглавить стихийную борьбу рабочих против буржуазии, в руках которой в период двоевластия находились и горное управление и бюро союза горнопромышленников и военно-промышленный комитет.

Направлять классовую борьбу в нужное русло было значительно легче, пока Екатеринбургским Советом руководили большевики... Но в мае, после областного съезда Советов в Перми (на нем численно преобладали меньшевики и эсеры), Екатеринбургский Совет был переизбран по требованию распропагандированных эсерами солдат.

«Мы оказались в меньшинстве,— вспоминал Давыдов,— но все же депутаты приняли наш наказ, наказ, составленный большевистским комитетом».

...Перелистываешь сборник документов, встречаешь знакомые имена и словно вдыхаешь жгучую атмосферу того времени...

Вот сообщение об организационном собрании профсоюза металлистов. Председатель — Загвозкин, секретарь — Вайнер, докладчик — Малышев... Выступив в прениях, «Л. И. Вайнер говорит о том, какие существуют способы борьбы рабочих с капиталистами. Все способы борьбы он подразделил на два вида: **мирные** (примирительные камеры, третейские суды, коллективные договора) и **боевые** (стачки, бойкот). Свою речь закончил призывом — объединиться в мощный профессиональный союз».

Резолюция Екатеринбургского Совета «по текущему моменту» (31 июля) обличает контрреволюционную сущность Временного правительства, требует создания правительства народного, демократического; гневно протестует против восстановления смертной казни, против травли и арестов вождей

пролетариата, против гонений на рабочую печать... «Совет, наконец, протестует и возмущается тем, что Государственная дума и Государственный совет, эти организаторы контрреволюции, до сих пор не уничтожены, что вожди их — пуришкевичи, марковы, родзянки — до сих пор не арестованы и свободно ведут свою черную контрреволюционную работу».

Эта резолюция, предложенная фракцией большевиков, принята огромным большинством, принята в то время, когда в Совете численно преобладали соглашатели!

Можно не только предположительно, а со всей уверенностью сказать, что в ее составлении участвовал Вайнер,— ведь он был тогда членом большевистской фракции.

Леонид Исаакович работал в трудовой секции Совета и в конфликтной комиссии, или, как попросту говорили, «заведовал забастовочными и конфликтными делами».

Много сил положил он, борясь за введение рабочего контроля, которому сопротивлялись предприниматели. Разъяснял рабочим задачи классовой борьбы, подготовлял их к мысли о национализации предприятий, к решительной схватке с буржуазией.

Стачки, начинавшиеся с экономических требований, все чаще превращались в политические.

Первого сентября, в день всеуральской политической стачки, в Екатеринбурге бастовало свыше двенадцати тысяч человек. Город как бы застыл в грозном молчании...

Вскоре на выборах в городской Совет большевики получили две трети депутатских мандатов.

Вспоминая об этих бурных месяцах, Елена Борисовна рассказывала:

«После VI съезда партии Леонид много времени и сил отдал пропаганде решений съезда. В помощь делегатам, выступающим с отчетами, все пропагандисты разъясняли народу экономическую платформу большевиков, вопросы национализации банков, промышленности, земель... Ориентировали на подготовку к вооруженному восстанию. Каждый коммунист чувствовал всю глубину ответственности, которую возложил Центральный Комитет на Уральскую партийную организацию: в случае неудачи в Петрограде и Москве борьбу за свержение Временного правительства должен начать Урал!

Леонид пламенно верил в победу. Когда один из товарищей

в личной беседе выразил сомнение в успехе восстания («Едва ли мы с этим делом справимся!»), Леонид Исаакович,— что с ним редко бывало,— утратил выдержку, вспылил: «Так может говорить либо трус, либо изменник!»

6

Мечта его жизни сбылась, социалистическая революция победила! Преобразования, происходившие при его участии, радовали и окрыляли. Приверженность к Советской власти пролетариата города и деревни росла с каждым днем. Крепла, набиралась сил Красная Армия. С неодолимой силой шла национализация предприятий и свои, рабочие люди учились ими управлять. Открылся народный университет, и в марте 1918 года число слушателей достигло почти четырех тысяч. Открылся Уральский рабочий политехникум.

Такова реальная действительность. А впереди — поставленная В. И. Лениным задача: строительство Урало-Кузбасса (Уральско-Кузнецкого промышленного района)...

Победы окрыляли, но не притупляли бдительности.

Большие усилия требовались в борьбе с явными и тайными врагами. Вот раскрыт заговор горнопромышленников, а уже зреет заговор монархистов, стремящихся освободить бывшего царя. Вот кулачье зашевелилось в деревне... Вот разбит атаман Дутов, но на смену ему явился враг более грозный,— международная интервенция в сообщничестве с российской белогвардейщиной...

Леонид Исаакович работал неутомимо, с удвоенной энергией: как будто и не грыз его туберкулез, не напоминало о себе болью в позвоночнике давнишнее падение в шахту, как будто не мешала почти полная слепота левого глаза, наступившая мгновенно, во время сильного приступа кашля.

На пятом листе паспортной книжки Вайнера читаем:

«Подвергался 9 августа 1917 года в Екатеринбургском уездном по воинской повинности Присутствии поверочному освидетельствованию и признан совершенно неспособным к военной службе».

На последнем фотоснимке Вайнера мы видим худого, изнуренного, уже немолодого человека с напряженным взгля-

дом и крепко сжатыми губами. Этот взгляд, все лицо красноречиво говорят о силе духа Вайнера, об яркости неустанного горения. Как будто идеи коммунизма, глубоко прочувствованные и усвоенные, стали не только непоколебимой основой его мировоззрения, но и стимулом, источником душевных и телесных сил.

В начале гражданской войны, когда грозная опасность нависла над рабочим Уралом и члены областного комитета партии — Малышев, Толмачев и другие ушли на фронт, «неспособный к военной службе» Вайнер вступил в партийную дружину. Ежедневно по утрам отправлялся он в сад общественного собрания на военные занятия. Нелегко ему было с больными легкими, с больной спиной делать перебежки, ползать по-пластунски, упражняться с тяжелой винтовкой, однако он не отставал от других.

После военных занятий Вайнер шел в обком партии, где работал секретарем, затем в партийную школу читать лекции. Выкраивал часок, чтобы просмотреть гранки газеты «Железнодорожник», которую редактировал. Во второй половине дня шли заседания, митинги, разнообразные текущие дела.

Сдержанный, несколько суровый, Леонид Исаакович обладал горячим отзывчивым сердцем. Как заботился он о семьях товарищей, ушедших на фронт! Сколько к нему шло людей за советом, за поддержкой, с недоуменными вопросами! И каждый уходил удовлетворенным.

Вайнер был почтительным сыном, верным любящим мужем, преданным другом и товарищем. Но личное он всегда подчинял общественному. Впрочем, «подчинял» — не то слово... Едва ли было необходимо сознательное волевое усилие. Лучше сказать: «Общественное преобладало над личным».

Елена Борисовна рассказывала:

«Только тогда, когда он убедился, что я твердо решила идти по революционному пути и в этом вижу смысл жизни, мы соединились.»

И еще один пример...

Из всех друзей Вайнера самым близким, самым дорогим был Иван Михайлович Малышев. Весть о том, что Малы-

шев убит, потрясла Вайнера до глубины души. На траурный митинг он шел с сознанием невосполнимой утраты... Но вот что сообщает Елена Борисовна о его выступлении на митинге:

«До мелочей помню собрание, посвященное памяти нашего дорогого Ивана. Его все страшно жалели — и как руководителя и как товарища. Осталась молодая жена, маленькая дочка...

Почтили память вставанием. Оркестр заиграл «Вы жертвою пали», и мы присоединили свои голоса к оркестру. Потом начались речи. Товарищи говорили, что марксизм был живым содержанием жизни Малышева, перечисляли его революционные заслуги, проводили параллель между Малышевым и Володарским, которого схоронили в день гибели Ивана.

Многие плакали.

Наконец, выступил Леонид, мертвенно бледный и внешне спокойный. Он обвел взглядом собравшихся и вдруг сказал:

— Плакать не время, товарищи!

Это всех поразило. В зале наступила полная тишина. А он продолжал с пламенной убежденностью:

— Мы не грустить должны, а должны сомкнуть ряды в борьбе, жертвой которой стал Иван. Иван с его нежным, мягким сердцем умел быть беспощадным, когда этого требовал долг. Стержнем его жизни была борьба за идею... Пусть на этом примере учатся другие. Пусть имя его ведет на борьбу, как вел сам Иван!»

7

Прежде чем приступить к рассказу о последних днях жизни мужа, Елена Борисовна привела автора этих строк к дому на улице Карла Либкнехта, где они жили перед уходом на фронт. (Судя по отметкам в паспорте, Вайнер проживал здесь, по Вознесенской 27, неоднократно).

Мы даже вошли в квартиру, и Елена Борисовна, волнуясь, указала на окно, возле которого они сидели в бессонную ночь перед отступлением, на угол, где тогда стояла его винтовка, и на место, где был книжный шкаф.

— Смотрите, до сих пор тот же абажур!

Ее голос, сохранивший до старости юношеский серебристый оттенок, вздрагивал и прерывался.

Шестнадцатого июля Вайнер, вернувшись домой, сказал жене, что, по сообщению командующего фронтом, Екатеринбург может продержаться дня три, не больше. Захватив Челябинск, интервенты двинулись по трем направлениям: на восток — к Кургану, на запад — к Златоусту, на северо-запад — к Екатеринбургу.

— Они идут к нам от Бердяуша, через Нязепетровск... и, если успеют захватить Кузино, это помешает эвакуации.

— Неужели сдадим город, Леня?!

— Надо трезво смотреть,— ответил Вайнер.— Хорошо уже то, что мы пока сдерживаем их напор. Такую силищу сдерживаем! Не унывай. Сдать город еще не значит признать себя побежденными; Наполеон, вон, Москву брал! Партия разбудила народную силу, а уж когда народная сила пришла в движение — ее ничто не остановит.

Помолчав, добавил:

— С утра, Лена, пойдем в казарму... совсем.

Вайнер и его жена состояли в Коммунистическом отряде: она в качестве сестры милосердия, он — рядовым бойцом.

Товарищи пытались убедить Леонида Исааковича, что он нужен для работы в штабе; однако он резко отказался: «В штабе должны сидеть люди, искушенные в военном деле. Мое место в рядах бойцов». Елена Борисовна так объяснила его решение: «Леонид не умел поддаваться панике, и он полагал, что сумеет словом и примером воодушевить того, кто начнет колебаться».

— Первому батальону Уральского обкома партии придется выступить в Кузино, Лена.

Вайнер взял стоявшую в углу винтовку и начал чистить и смазывать ее. После долгого молчания проговорил угрюмо:

— Областной Совет решил расстрелять Романова.

— А как же суд?

(В последних числах июля должен был состояться открытый суд над бывшим царем.)

— Времени для суда не осталось.

— А разве нельзя эвакуировать Николая?

— Риск велик. Представь, перехватят его интервенты... или заговорщики?.. Охрана опять нашла новую записку: «Час освобождения настал. Дни узурпаторов сочтены». Нет, иного выхода не осталось.

Вайнер поставил винтовку на место и подошел к книжному шкафу. Распахнул дверцы и с минуту смотрел на аккуратные ряды книг.

Перед отступлением надо было спрятать свое единственное богатство: партийную литературу, философские труды, книги по истории и естественным наукам.

Несколько дней назад он устроил тайничок под полом передней. Сейчас при помощи жены уложил в тайник книги, опустил на место половицу, заправил под плинтус кромку линолеума.

Муж и жена сели у раскрытого настежь окошка.

— Сегодня возможны всякие случайности,— предупредил Вайнер.— Если заговорщики узнают о решении Совета... сама понимаешь... Могут напасть.

Замолчал, чутко прислушиваясь... Дом, где жил под арестом бывший царь, стоял всего за два квартала.

Изредка слышался звук поспешных шагов. Время от времени проезжал патруль. И снова наступала тревожная тишина.

Вдруг послышался рокот мотора... затих... раздался снова — тревожный, трескучий... Это работал мотор грузового автомобиля.

Через некоторое время рокот мотора приблизился. Мимо окна стремительно промчался грузовик. В городе попрежнему было тихо.

Когда начало светать, Вайнер поднялся с места и, обняв жену, сказал:

— Пора идти...

Вот и прошли последние часы наедине. Ни в казарме, где они пробыли больше суток, ни по дороге на вокзал Елене Борисовне не удалось перемолвиться с мужем. А на вокзале, где особенно чувствовалась сутолока эвакуации, он подошел лишь для того, чтобы сказать, что отправка задерживается.

Бойцы, расположившись вдоль линии, пообедали. Близился вечер. А посадки все не было. Вайнер нервничал... Вместе с командиром отряда обращался к начальнику станции, к начальнику эвакуации, безуспешно требуя немедленной отправки. Наконец раздалась долгожданная команда, бойцы погрузились, и поезд тронулся. Вайнер повеселел, оживился. С ясным лицом он глядел на удаляющийся, окутанный пыльной дымкой город.

«Прибыв на станцию Кузино, по приказанию командующего авангардом Георгенбергера, батальон выслал в сторону Дружинино разведроту,— вспоминает старый коммунист А. И. Парамонов.— Едва рота прошла семафор, станция Кузино была обстреляна артогнем. Рота вернулась, погрузилась. (Я был с этой ротой.) Георгенбергер приказал двинуться в сторону Кунгура. Доехали уже утром до станции Сабик и выслали роту в заставу, на переезд... В роте был Леонид Вайнер.

На другой день на заставу с Сабика был доставлен обед. Во время обеда чешский бронепоезд артиллерийским и пулеметным огнем рассеял роту. Больше недели возвращались солдаты большими и малыми группами в батальон. Вайнер не пришел...»

...Первые дни Елена Борисовна все ждала, что вот-вот появится муж. Жадно расспрашивала возвратившихся бойцов. Ей рассказывали, что в первый день пребывания в заставе Леонид Исаакович ходил с бойцом Зубаревым в разведку. Вернувшись, получил приказ выставить секрет у проселочной дороги; там провел ночь. Кто-то якобы видел, как во время обстрела заставы Вайнер выбежал из леса, стрелял с колена.

Неделя мучительной неизвестности... И уже далеким-далеким казалось то утро, когда рота уходила в заставу и Елена Борисовна провожала взглядом мужа, стоя в дверях теплушки. Почувствовав ее взгляд, он обернулся. «Ну, иди, иди! — сказал махнув рукой и улыбнувшись.— Иди, поспи пока!»

Пролетарии всех стра...

КРАСНЫЙ ОТКЛИК

(Летучая газета)

ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ЮЖГРУППЫ ВОСТФРОНТА

№ 15 Вторник, 15 июля 1919 года № 15.

Новая крупная победа над Колчаком.

14 ИЮЛЯ ВЗЯТ

ЕКАТЕРИНБУРГ.

Столица Урала в наших руках.

Все ярче сказывается бессилие „Сибирского Монарха".

Красные волны перекатились за Урал.

Урал Советский.

Очередь за Сибирью.

Вперед, к решительной победе!!!

Типография Политотдела Южгруппы Востфронта.

Полоса газеты «Красный отклик», извещающая об освобождении Екатеринбурга

Неужели она в то утро в последний раз видела мужа живым? Елена Борисовна гнала прочь эту мысль. «Он ранен, но жив!» — твердила мысленно она. Постепенно росла уверенность в том, что можно найти мужа и его раненых товарищей.

Двадцать седьмого июля полевой штаб вручил ей удостоверение: «Дано сие от штаба товарищу Вайнер, направляющейся для расследования и выяснения исчезнувших Екатеринбургских коммунистов».

И начались розыски на передовой и в окрестных селениях, в лазаретах... Она разыскивала, пока не иссякли силы и пока болезнь не свалила ее.

В январе 1919 года Елену Вайнер вызвали в Москву, на работу в информационный отдел Центрального Комитета партии.

Только в июле вернулась она в Екатеринбург; вернулась в числе первых партийных работников, прибывших на освобожденную от Колчака территорию.

— Я надеялась найти Леонида. Верила, что он жив, и что весь этот год работал в большевистском подполье.

8

Сразу же после освобождения в Екатеринбурге начали возрождаться партийные организации и советские учреждения.

Фронт с каждым днем отдалялся, но дыхание его еще чувствовалось в городе. По ночам разъезжали патрули. На выездах стояли заставы. Рабочие обучались военному делу. Раненые, находившиеся в госпитале, жили мыслями о фронте.

Как раз против госпиталя, там, где сейчас скрещиваются проспект Ленина и улица Карла Либкнехта, висела на двух врытых в землю столбах карта... Линия фронта была намечена на ней красной лентой. Ленту передвигали в соответствии с полученными сведениями. В конце июля она отодвинулась от Уральского хребта и пролегла по зеленому пространству,— наши войска спустились на Сибирскую равнину!

Радость победы омрачалась лишь скорбью о погибших.

Первый номер возрожденной газеты «Уральский рабочий» целиком был посвящен памяти товарищей, павших в боях против интервентов и белогвардейцев. Газета рассказывала о их подвигах, в ней напечатано было полное сурового высокого и пламенного энтузиазма стихотворение: «Не плачьте над трупами павших борцов, слезой не скверните их прах. (До конца жизни это стихотворение напоминало Елене Борисовне слова мужа: «Плакать не время, товарищи!») Был приведен и рассказ очевидцев геройской смерти Вайнера.

Враги, окружив бойцов, сгруппировавшихся вокруг Вайнера, потребовали: «Где ваш комиссар? Где Вайнер?» Он не был комиссаром, но он сказал: «Это я, Вайнер». Бойцы шептали ему: «Беги!» — «Не побегу,— ответил он и, обратившись к врагам, сказал: — Стреляйте».

Почему он так поступил? Почему не попытался спастись? Это «стреляйте» не могло быть порывом отчаявшегося человека,— не таков был Вайнер. Он не хотел спастись ценой гибели бойцов, оставить их одних на пытки.

...В августе Екатеринбургский ревком послал на розыски тела группу товарищей. Трудная это была задача. Со дня смерти прошло более года,— тело едва ли сохранилось. И все же один из командированных, бывший боец Рогожников, нашел.

От станции Кузино Рогожников пошел пешком вдоль линии, по направлению к Сабику. Шел, расспрашивал путеобходчиков, случайных встречных и рабочих, ремонтировавших путь.

Никто ничего не знал.

Он уже начал отчаиваться, как вдруг один из ремонтных рабочих сказал:

— Стойте-ка, ребята! А не того ли он коммуниста ищет, которого мы зарыли?

Найдя истерзанное тело, рабочие догадались, что это — останки коммуниста: «Видимо, стойкий был, раз над ним так издевались!» Опознать убитого было невозможно: труп обезглавлен, документов не осталось, лежал в нижнем белье... Осмотрев белье, увидели вышитые метки: «Л. В.» Вырыли яму, опустили обернутое рогожей тело, залили из-

вестью, зарыли... А чтобы найти потом эту временную могилу, на коре вековой ели вырубили буквы: «Л. В.»

— Мы думали, воротятся наши, будут искать,— мы и укажем!

Десятого августа, как только был изготовлен цинковый гроб, Елена Вайнер с товарищами отправилась за телом мужа.

С поезда сошли на разъезде. Рогожников уверенно повел их вдоль линии, затем углубился в лес.

Обессиленная горем Елена Борисовна шла с трудом. День был томительно жаркий, безветренный. Путь казался бесконечным... Но вот Рогожников остановился и тихо сказал:

— Здесь.

Перед Еленой Борисовной высилась старая ель с буквами «Л. В.» У подножия лежала давно поваленная бурей сосна. Рыжая вершина ее тонула в густом малиннике. Вглядываясь в изрубленный ствол сосны, она увидела прядь темных волос, запутавшуюся в трещинах коры. Дрожащими руками разломала кору, достала прядку.

Товарищи бережно, осторожно стали разрывать могилу.

В жаркий душный день 14 августа к Екатеринбургскому вокзалу, в здании которого был установлен гроб Вайнера, шли колонны рабочих, бойцов, коммунистов, молодежи.

Некоторое время густая толпа стояла в молчании. Но вот соратники Вайнера по подпольной работе вынесли тяжелый, наглухо запаянный гроб. Приглушенно зазвучал оркестр, и запел хор коммунистов: «Вы жертвою пали»... Шествие началось. Его открывала вереница венков и приспущенные в знак скорби знамена.

По пути в процессию вливались новые колонны. «Виднелось море обнаженных голов и лес штыков красного воинства»,— писала потом газета. Провожая Вайнера, многие вспоминали и своих близких, чьи могилы безвестны.

Шли по тем же улицам, по которым год назад проходил Вайнер. У клуба, где был сборный пункт отряда, останови-

лись. Было произнесено несколько речей, кратких, прочувствованных. А у открытой могилы выступило много ораторов — представителей партии, Советов, армии...

«Красный смотр закончился громовым салютом. Бойцу революции Вайнеру были оказаны воинские почести».

Многое напоминает нам о герое подполья и гражданской войны, об учителе уральских рабочих — Леониде Исааковиче Вайнере...

Это вечный огонь у братской могилы, где он покоится; это название одной из центральных улиц и сад его имени, где Вайнер проходил военное обучение; и здание ТЮЗа — сборный пункт отряда; и, наконец, материалы, документы, хранящиеся в партархиве и в музее.

Но самый глубокий след, оставленный Вайнером,— это люди, воспитанные им, люди, хранящие чистоту нравственных идеалов, сознание долга и ответственности.

Преданное служение великому делу облагораживает душу человека, формирует высокоморальную личность.

Н. ПОПОВА

ПОСЛЕДНИЙ МИГ БОРЬБЕ ОТДАТЬ

Наступил новый 1905 год. Заснеженные улицы Екатеринбурга казались притихшими и задумчивыми под пухлым снеговым одеялом. Город жил в своем обычном ритме. Но так казалось только на первый взгляд. В городе назревало какое-то беспокойство. Возбудители его находились за тысячи верст от Урала: на фронтах русско-японской войны и в далекой столице, встревоженной кровавыми событиями 9 января. Правда, уральские рабочие еще молчали. Местные газеты «Урал» и «Зауральский край» болтали о разных пустяках, а о трагедии на Дворцовой площади как будто в рот воды набрали.

Но екатеринбургские жандармы нервничали. Почти каждый день в городе стали появляться прокламации. То в поселке Верх-Исетского завода, то в казарме запасного батальона, то прямо на улицах Екатеринбурга. Превосходные типографские оттиски, написанные зло и умно.

«**Ко всем уральским рабочим**» — обращались они.

«**Долой войну, долой правителей палачей, расстреливающих рабочих! Долой самовластное царское правительство!..**

Вставай, поднимайся, рабочий народ!

Раздайся крик мести народной!

Уральский комитет РСДРП».

Раздраженные жандармы недоумевали: и откуда он только взялся? Ведь, казалось, покончили с этим комитетом раз и навсегда: умертвили ребенка прямо в пеленках. Выследили всех делегатов уральского съезда. Ни один не скрылся без следа. Операцию провели блестяще. В одну ночь на 12 сентября 1904 года накрыли сразу всех: в Екатеринбурге, Перми, Уфе, Нижнем Тагиле, Миассе... Всех запрятали за решетку... И вот опять начинай все сначала.

Главными виновниками тревоги екатеринбургских жандармов в январе 1905 года были агенты ЦК РСДРП Н. Е. Вилонов, Н. Н. Батурин.

Это была замечательная революционная пара, отлично дополнявшая друг друга.

Никифору Вилонову шел двадцать второй год. А позади уже схватки с самодержавием, тюрьмы, ссылка, побег.

Началось все в Калуге, где проходило детство Никифора. Еще мальчишкой он зачитывался по ночам запрещенными стихами Некрасова. Вместе с поэтом мечтал:

Я видел красный день: в России нет раба...

В калужских железнодорожных мастерских, где Никифор работал после окончания технического училища, он впервые столкнулся с социал-демократами. Оказывается, есть люди, которые не только мечтают о хорошей жизни, но и борются с несправедливостью. И дерзкого парня потянуло к ним.

В конце лета 1902 года Никифор переехал в Киев. Здесь произошло его революционное крещение, здесь вызрела

его классовая ненависть, здесь он навсегда связал себя с партией.

XX век начался в России открытой схваткой с самодержавием уже не отдельных героев, а целого класса, который, как Илья Муромец, почувствовал теперь свою силу. И Никифор оказался в центре этой схватки. Невиданные по силе и размаху стачки и демонстрации разбудили южные города. Юг стал для Никифора превосходной школой революционной борьбы.

В Киеве он поступил слесарем в железнодорожные мастерские. Связался с социал-демократами. С наивным оптимизмом мечтал он о революционной борьбе. Все казалось просто — нужно только воспитать в людях ненависть к своим угнетателям, и она станет силой, способной изменить жизнь. Никифор просил, чтобы ему дали рабочий кружок. Но при проверке в Киевском комитете РСДРП оказалось, что эмоций у него много, а знаний — кот наплакал. «Пропагандист» был совершенно беспомощен в теории.

Никифор мучительно переживал свою малограмотность. Не сразу переборол он в себе пренебрежительное отношение к теории, но учиться начал жадно и упрямо. Аккуратно посещал пропагандистский кружок, участвовал в диспутах, с жаром спорил, много читал. И перед ним раскрылась картина многовековой борьбы против насилия и несправедливости. Сколько людей погибло в этой жестокой борьбе, так и не добившись осуществления своих идеалов. Да, ненависти и страсти хватало и у прежних борцов. Но этого мало. Никифор понял: чтобы бороться и тем более учить бороться других, нужно много знать, понял, что человек, поставивший своей целью революционную переделку мира, должен познать законы общественного развития и классовой борьбы.

Никифор часто появлялся в мастерских с прокламациями, раздавал их знакомым рабочим. Но конспиратором он был еще никудышным. И вскоре попал под наблюдение голубых мундиров. При обыске на его квартире в январе 1903 года жандармы нашли несколько экземпляров «Искры». Первый арест. Лукьяновская тюрьма. Правда, через две недели выпустили под особый надзор полиции. Однако молодой рабочий «не исправился». В марте — второй арест и высылка из Киева в Екатеринослав, снова под особый надзор.

11 Заказ 17

В Екатеринославе он опять окунулся в социал-демократическую работу. Больше того, он вошел в состав комитета РСДРП. Стал «комитетчиком» под кличкой «Михаил Заводской», которую сохранил на всю свою недолгую жизнь.

В 1903 году по Югу России вновь прокатилась волна стачек. 7 августа в Екатеринославе остановились фабрики и заводы, потухли домны и мартены, погасли электрические лампочки, приостановился выход газет. Многотысячные толпы рабочих заполнили улицы. Зазвучала «Марсельеза».

В дни стачки Вилонов впервые пробует свои силы оратора на многолюдных митингах. Тогда же он впервые почувствовал силу рабочих, увидел бессилие полиции и солдат, пытавшихся разогнать митинги и демонстрации.

Пожалуй, именно в Екатеринославе в нем созрел настоящий революционер. И не последнюю роль в этом сыграл Макар. Опытный подпольщик Виктор Ногин приехал в Екатеринослав по заданию Ленина как агент организационного комитета по созыву II съезда РСДРП. И те несколько месяцев, что Михаил проработал вместе с Макаром, многому научили азартного дерзкого парня. Именно под влиянием Макара Вилонов после II съезда партии стал твердым искровцем-большевиком и остался верен большевистскому знамени до конца своей жизни. Были и ошибки, но его пролетарское чутье, как стрелка компаса, всегда помогало ему правильно ориентироваться в сложнейших вопросах классовой и партийной борьбы. Он мыслит уже широко: о судьбах России, о партии, о путях революции. Обеспокоенный партийными разногласиями он пишет письмо Ленину. В декабре 1903 года в Екатеринослав пришел ответ.

«Дорогой товарищ! — писал В. И. Ленин. — Я очень рад был Вашему письму, потому что здесь, за границей, слишком мало слышим мы откровенных и самостоятельных голосов тех, кто занят работой на местах. Для заграничного писателя социал-демократа крайне важно обмениваться чаще мнениями с передовыми рабочими, которые действуют в России, и Ваш рассказ о том, как отражаются в комитетах наши раздоры, был для меня чрезвычайно интересен»[1]. И дальше об основных разногласиях большевиков и меньшевиков.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. Т. 46, стр. 331.

Мы не знаем, получил ли Вилонов ленинское письмо, потому что в конце 1903 года он снова находился под арестом. Просидев несколько месяцев в тюрьме, Вилонов по приговору «Особого совещания»[1] был выслан на три года в Енисейскую губернию. Сибирь тогда была огромной тюрьмой без решеток и замков с тысячеверстными стенами, которые держали не хуже каменных. Но Вилонов не мог высидеть в глухой сибирской деревушке без напряженной борьбы и тревог. В ссылке он пробыл всего одну зиму. Едва наступили первые теплые дни, Вилонов стал готовиться к побегу...

Много сотен километров упрямо прошагал он по сибирской тайге... Внезапно тайга прорвалась, и дорогу Никифору преградила спокойная могучесть вод Енисея. Далеко-далеко за водной ширью виднелся другой берег. Енисей как бы поддразнивал его: «Ну, и что же ты теперь будешь делать? Со мной шутки плохи: посмотри, как я широк и глубок».

Несколько минут Вилонов неподвижно стоял, любуясь красотой реки. Как бы почувствовав ее вызов, весело и азартно усмехнулся, и глаза его дерзко блеснули. Затем быстро разделся, связал одежду в узел и вошел в воду. Часа через два путник был уже на другом берегу. Отлежался в траве, встал, помахал Енисею рукой и снова зашагал по тайге...

И вот поезд везет его на запад... После железнодорожных мытарств он в Самаре. Связался с местными социал-демократами. Познакомился с главой Восточного бюро ЦК РСДРП Василием Петровичем Арцыбушевым, прозванным за огромную львиную шевелюру «самарским Марксом».

С приездом в Самару начался новый этап в жизни Вилонова. Отныне он перешел на нелегальное положение, стал революционером-профессионалом. Революционная борьба стала содержанием и смыслом всей его жизни. Не романтика, не страсть к приключениям, а жгучее стремление к светлому будущему привело его на этот путь. Обыкновенный рабочий, сын своего класса — он превращался в талантливого оранизатора масс, социал-демократа-практика, способного

[1] «Особое совещание» при министре внутренних дел рассматривало дела революционеров, которых нельзя было судить за отсутствием «вещественных доказательств», и приговаривало их к административной ссылке на несколько лет в отдаленные местности.

в то же время разбираться в тонкостях политической борьбы, в сложных философских вопросах.

По заданию Восточного бюро ЦК РСДРП Вилонов едет в Казань. Положение там было крайне тяжелое. Еще в декабре 1903 года почти целиком провалился Казанский комитет РСДРП. Социал-демократическая работа замерла. Михаил быстро освоился в незнакомом городе. Восстановил старые связи, завел новые. День за днем проходил в кропотливой напряженной борьбе.

Работал он с большим азартом, не обращая внимания на отсутствие простейших жизненных благ. Аскетическую жизнь нелегального революционера он принимал как должное, как необходимое условие борьбы за будущую жизнь, полную всех земных радостей. Но в то же время в Вилонове не было даже намека на ханжество: вынужденный аскетизм сочетался в нем с огромным жизнелюбием. Он был одним из самых веселых участников вечеринок и других увеселений.

В сентябре 1904 года Казанский комитет был восстановлен. В него вошли Н. Вилонов, В. Адоратский, Н. Дамперов, А. Кулеша. От центра революционные нити потянулись на заводы Казани. Один за другим возникали социал-демократические кружки. Михаил возглавил марксистский кружок высшего типа, сам написал для него проект программы занятий, который был издан комитетом отдельной брошюрой.

После разгрома студенческой демонстрации полиция напала на след Михаила. Оставаться в Казани было опасно. И он получает от Восточного бюро РСДРП новое задание. Вместе с Н. Н. Батуриным его посылают на Урал.

Николай Николаевич Замятин-Батурин (подпольная кличка «Константин») происходил из старых русских интеллигентов-дворян. Лет на десять старше Вилонова, он успел окончить заграничный университет и был одним из образованнейших марксистов России.

Имея такого напарника, Михаил стал работать с новой энергией. Сам он, казалось, был рожден для будней революционного подполья, наполненного тяжелой беспокойной и опасной работой, требовавшей стойкости, подвижничества и в то же время внутреннего жара и убежденности. Недаром

позднее, в беседе с М. Горьким, Вилонов называл себя чернорабочим революции. Он умел делать черновую, но необходимую работу, для которой пригодились все его личные качества: талант организатора, ясный ум и страсть революционера, большая физическая сила. И, кроме того, была у него огромная ненависть к мерзостям российской жизни, которую подметил у него М. Горький:

«Ненависть была как бы его органическим свойством, он насквозь пропитан ею, с нею родился, это чувство дышало в каждом его слове. Совершенно лишенная признаков «словесности», театральности, фанатизма, она была удивительно дальнозоркой, острой и тоже совершенно лишена мотивов личной обиды, личной мести. Меня удивила именно чистота этого чувства, его спокойствие, завершенность, полное отсутствие в ней мотивов, посторонних общей идее, вдохновляющих ненависть»[1].

Вместе с Батуриным и уцелевшими от арестов екатеринбургскими социал-демократами: Федором Сыромолотовым (Федич), Сергеем и Александром Черепановыми и другими Михаил организует новую подпольную типографию, где печатаются гневные прокламации, готовится Уральская конференция социал-демократов, чтобы восстановить областной комитет РСДРП.

В силу условий подпольной работы мы очень многого не знаем о жизни и делах революционеров. И только редкие документы архивов и воспоминания товарищей как бы выхватывают отдельные кадры из повести революционной борьбы, проходившей более полувека назад.

Предоставим им слово.

Вспоминает Ф. Ф. Сыромолотов:

Морозная январская ночь. По заснеженной дороге от Пышминского рудника к Екатеринбургу рысит лошадка, запряженная в розвальни. Едут двое: Вилонов и Федор Сыромолотов.

Крепкий уральский мороз хватает их за уши, за нос. Но едут весело, посвистывая: в санях две корзины типографского шрифта и переносный типографский станок. Почти год по крохам собирали и оборудовали эту «технику» Федич и

---

[1] М. Горький. Литературные портреты. 1963, стр. 432—433.

Черепанов. Вот и Екатеринбург. Подвода долго кружит по темным улицам города и, наконец, останавливается у маленькой избенки. Здесь и обосновалась подпольная типография Уральского комитета большевиков.

А дальше рассказывает К. Т. Новгородцева:

Однажды «комитетчики» сообщили, что около дома, где размещалась типография, жандармы поставили шпиков. Запахло облавой. Нужно было немедленно спасать технику. Иначе захватят ее жандармы и вся губерния надолго останется без революционного печатного слова.

Поздно вечером группа подпольщиков во главе с Михаилом пробралась в типографию: запаковали в мешки шрифт, разобрали печатную машину и через дворы и огороды унесли на новое место. Самую тяжелую часть — станок, нес Михаил.

А ночью, через несколько часов, в избенку ворвались жандармы. Но было уже поздно.

12 января 1905 года в Екатеринбург пришел от пермского губернатора «весьма спешный» и «совершенно секретный» циркуляр с предписанием «удвоить внимание и наблюдение...»

Обстановка в городе становилась все опасней. Агенты-охранники шныряли по улицам днем и ночью.

До самого утра комитетчики печатали прокламации на квартире Сергея Черепанова. Когда же кончилась длинная январская ночь, по одному стали расходиться. Первым вышел Михаил и чуть не попал в руки жандармов, оцепивших выход из квартиры. Спасли быстрые ноги.

В руки жандармов попала хорошо оборудованная типография, только что отпечатанные воззвания и прокламации.

Несколько дней по городу шли массовые аресты.

«В разгар арестов,— вспоминает К. Т. Новгородцева-Свердлова,— Михаил (Вилонов) собрал руководящий актив. Мы сошлись в крошечной избушке, ютившейся на углу двора. Четыре-пять человек с трудом разместились в ней. Это была горстка людей, уцелевших от ареста. Умная, бодрая речь Вилонова словно раздвинула стены, она вселила в нас уверенность, что ненадолго мы ушли в глубокое подполье. Не-

деля-другая, и работа снова забьет ключом. Мы договорились, кто и как будет помогать арестованным товарищам, а главное, как мы будем вести партийную работу завтра, послезавтра...» [1]

После провала типографии Михаил сразу же принялся за создание новой. 29 января он зашел на квартиру брата Сергея Черепанова — Александра (Тимофеевская набережная, 28), чтобы взять типографское оборудование. Но здесь его ожидали полицейские. Михаил мгновенно сшиб с ног одного из них и бросился бежать. Стремглав выскочил на лед городского пруда. Полицейские стали отставать. Но вдруг Михаил подскользнулся и упал. А когда вскочил, было уже поздно. На пруду завязалась неравная борьба.

И вот Вилонов тоже в одиночке Екатеринбургского «тюремного замка».

Ни один день у него не проходит в бездействии.

Вилонов делает то, что делают в этих условиях большинство революционеров — превращает тюрьму, насколько это возможно, в «университет». Учится с прежней жадностью. Удается сблизиться с рядовыми надзирателями и через них получать с воли письма и книги.

С первых же дней вместе с товарищами он готовится к побегу.

В его камере имеется печь, которой не пользуются для отопления. Она превращается в потайной склад. Постепенно там появляются веревки, две железные кошки, подпилок, четыре винта... Доски тюремной кровати приспосабливаются для лестницы.

О том, что произошло дальше, нам скупо рассказывает рапорт старшего тюремного надзирателя.

26 марта 1905 года надзиратель задержал в коридоре около камеры Чистякова [2] уголовного, у которого в борту пиджака нашли две пилки для металла. Немедленно произвели обыск в камере Михаила и обнаружили склад инвентаря, красноречиво говорящего о его назначении.

После обыска был установлен такой режим, что думать о побеге уже не приходилось.

---

[1] Свердловск. Свердлгиз, 1946, стр. 134.

[2] Вилонов жил в Екатеринбурге с паспортом на имя крестьянина Бориса Антоновича Чистякова.

После неудачи с побегом Вилонов согласился дать показания. Но сначала вернемся немного назад.

Дело в том, что все комитетчики жили по подложным паспортам и жандармам не были известны их настоящие имена. Сколько ни бился ротмистр Подгоричани, который вел следствие по делу Уральского комитета, ему не удалось вытянуть у арестованных ни одного «дельного» слова.

Следствие по делу Вилонова и его товарищей затянулось. Тогда взбешенный ротмистр предъявил им обвинение в бродяжничестве и заявил, что если они не назовут подлинных фамилий, то их без судебного разбирательства сошлют на поселение в Сибирь.

Тогда Вилонов и назвал свое настоящее имя. И все. После этого «признания» в протоколе допроса от 8 апреля 1905 года было записано: «На иные какие бы то ни было вопросы о моей личности и по обстоятельствам дела отвечать не желаю».

В середине мая арестованных по делу Уральского комитета РСДРП, в том числе и Вилонова, «за беспокойный нрав» отправили по этапу в Нижнюю Туру в николаевскую тюрьму.

И вот позади уже больше двухсот километров. Последний переход, и группа арестованных, окруженная конвоем, остановилась возле тюремных корпусов николаевских арестантских рот, обнесенных высокой оградой. Вне тюремного двора большой деревянный дом для конвойной команды да несколько маленьких домиков для тюремных надзирателей. Вокруг же никаких признаков жизни, никаких селений. Только весенний лес, окружающий угрюмую тюрьму.

Заскрипели тяжелые ворота, пропуская очередную партию арестантов, и снова замерло все вокруг...

Летний день. Прорываясь сквозь решетку небольшого окошка под потолком, солнце оставляет на полу тюремной камеры-одиночки неправильные квадраты светлых пятен. Солнечные лучи освещают деревянный топчан, заменяющий кровать, и грубо сколоченный стол, за которым сидит Вилонов. Его круглая голова склонилась над толстой тетрадью.

Уже второй месяц знакомится он с нравами и порядками николаевской тюрьмы — одной из самых страшных тюрем

царской России. Здесь в уральской глуши, вдали от «законов» и прокурора, царил неограниченный произвол тюремщиков. Главным средством для удержания заключенных в повиновении они считали страх. Сначала в николаевские арестантские роты помещали уголовных. А в 1903 году карцеры для уголовников превратили в камеры для подследственных политических заключенных. В одном из таких карцеров и оказался Вилонов.

Но и в этом каменном мешке ему некогда было томиться и страдать. Есть время, разрешают пользоваться книгами, можно вести записи. Четыре большие тетради, исписанные им в «Уральском Шлиссельбурге», хранятся сейчас в Московском архиве. Здесь выписки из книг по социологии, политической экономии, истории рабочего движения, эстетике. Здесь же мучительные поиски ответов на тысячи вопросов, поставленных жизнью, размышления, сравнение книжных мыслей с фактами жизни. Сюда же он заносил собственные мысли о прочитанном, наброски статей по различным вопросам.

Именно в марксизме Вилонов увидел верное и надежное орудие покорения действительности.

С гневной нетерпимостью писал он о «давно известной формуле: надейтесь, терпите и ждите! — вот уже десятки лет проповедуемой без всякой пользы с церковных кафедр». А на одном из листков своей тетради Вилонов записал: «С насилием люди мирятся только тогда, когда ими не понята его причина, когда насилие носит маску естественной необходимости факта. Коль скоро эта маска сорвана и настоящая его причина познана,— от него избавляются».

Все это были не просто слова. Всем своим существом он рвался к борьбе. Тем более, что сквозь каменные тюремные стены до узника доносились раскаты нарастающей революции. Там, на воле, боролись его товарищи, в то время как он вынужден бездействовать. Как беспокойная заноза засела в нем мысль о побеге. С ней он просыпался утром, с мечтой о воле он ложился спать...

Три недели Михаил с товарищами пробивали из камеры подземный ход за тюремную стену.

И вот наступил долгожданный день 10 июля 1905 года. Бежать решили четверо: Вилонов, Батурин, Мавринский, Кац-

нельсон. Первым спустился в подкоп Михаил. Несколько ударов лома, и путь свободен. Вот уже трое благополучно пролезли через дыру, но четвертый товарищ неожиданно застрял. Пока ему помогали, побег был замечен, и беглецам не удалось добежать до спасительного леса. Началась кровавая расправа. Особенно досталось Вилонову, которого считали инициатором побега. Двое солдат держали его за руки, а третий с размаху избивал его прикладом.

После жестокого избиения обнаженного Вилонова облили круто посоленной водой и бросили в карцер на холодный каменный пол, где он пролежал несколько суток. Были зверски избиты и другие участники побега.

Позднее, в беседе с А. М. Горьким, Вилонов вспоминал:

«Когда тюремщики топтали меня ногами, я, конечно, чувствовал и боль и обиду, но, право же, гораздо больше — страх: что, если б на моем месте оказался другой товарищ, не такой крепкий, как я?»

«Ведь они всякого могут растоптать, попади им в злую минуту Ленин, они и его... Вот где ужас! Главное-то и непростительное преступление классового общества в том, что оно воспитало в людях страсть к мучительству, какое-то бешенство. С наслаждением мучают, сукины дети — это я очень знаю! Вот наслаждение-то и есть преступность, которую уже никак, никто не оправдает. В природе такой гадости нет!»

В ответ на протест Вилонова по поводу избиения через полтора месяца пришло письмо от прокурора екатеринбургского окружного суда, в котором говорилось, что «пермский губернатор не признал необходимости ни в каких распоряжениях по предмету той жалобы».

Из «Уральского Шлиссельбурга» Вилонова освободила революционная осень 1905 года. Екатеринбургский комитет, зная нравы николаевской тюрьмы и опасаясь за жизнь товарищей, добился от прокурора освобождения политических заключенных на основании манифеста 17 октября.

Через несколько дней Вилонов вместе с Батуриным и другими большевиками был уже в Екатеринбурге. Здесь он познакомился с Я. М. Свердловым. Несмотря на слабость после тюрьмы и побоев, Вилонов окунулся в партийную работу. Его голос горячо зазвучал на многолюдных рабочих собраниях. Вооруженное восстание — вот задача момента. Эта

мысль — лейтмотив всех его выступлений. Вместе со Свердловым и Сыромолотовым он организует из рабочих боевые дружины, достает оружие, учится владеть им сам и учит других.

В «дни свобод» екатеринбургские комитетчики жили коммуной. Свердлов, Батурин, Вилонов и другие «коммунары» поселились на Верх-Исетском заводе, в доме у брата К. Т. Новгородцевой. В коммуне удалось наладить регулярное питание, что было крайне важно для истощенных Вилонова и Батурина.

Однако в разгар подготовки вооруженного восстания в конце октября Вилонова отзывают с Урала, и он уезжает в Самару.

Работу в Самаре можно назвать самыми счастливыми днями в жизни Михаила. Здесь его застала революция. В атмосфере революционной грозы он чувствовал себя в своей стихии. Ведь наступило время, к которому он готовил и себя и других.

В начале ноября 1905 года, когда Вилонов приехал на Волгу, революционная борьба уже вышла из подполья на площади и улицы Самары и разговаривала языком бурных митингов, многотысячных демонстраций, вооруженных выступлений масс.

Вилонов вошел в состав Самарского комитета РСДРП, который действовал в это время почти легально. Вместе с ним в Самаре работали большевики В. П. Арцыбушев, Н. Н. Накоряков, П. И. Воеводин и другие.

Михаил часами пропадал в Пушкинском народном доме, который стал трибуной революционного города. В огромном зале с утра до вечера волновалось шумное людское море, шли непрерывные митинги, кипели страсти. Возбужденный Михаил никогда так много не выступал. Передавая сотням людей свой революционный накал, за короткое время он стал одним из самых популярных ораторов города.

В Самаре было несколько тысяч безработных волжских грузчиков. По случаю революции они после летнего сезона не разбрелись по селам, как раньше, а остались в городе. Эта анархически настроенная вольница труднее всего под-

давалась какой-либо организации. Грузчиков пытались использовать черносотенцы и полиция для погромных выступлений. За водку и деньги их вербовали в черносотенные дружины.

Комитет РСДРП поручил работу среди грузчиков Вилонову. Это был удачный выбор. Когда он впервые появился на митинге среди волжских богатырей в распахнутых на груди рубахах, с всклокоченными чубами, его встретили выжидающе настороженно. Михаил начал говорить кратко и просто. Атмосфера митинга постепенно теплела. А его остроумные ответы на сыпавшиеся со всех сторон реплики и вопросы окончательно покорили волжскую вольницу. Не признававшие никаких авторитетов грузчики стали считать Михаила своим вожаком. Конечно, его авторитет держался не только на умении найти общий язык с грузчиками: Вилонов сумел многое сделать для них. Вместе с грузчиками он добился оплаты забастовочных дней, заставил «отцов города» раскошелиться на общественные работы и бесплатные столовые. Был создан профсоюз грузчиков. Грузчики были «завоеваны» социал-демократами, а опасность погрома в городе миновала.

Михаил сумел стать «своим» не только у грузчиков, но и среди железнодорожных рабочих, а также в солдатских гарнизонах, где раньше «господствовали» эсеры.

Истосковавшись в тюрьме по любимому делу, Михаил работал с удивительной энергией. Часто забывал поесть, никто не знал, когда он спит.

25 ноября в Самаре был создан Совет рабочих депутатов. Его председателем избрали Вилонова.

У новой рабочей власти сразу же появилось множество дел. На заседаниях Совета обсуждались конфликты между фабрикантами и рабочими, вопрос о 8-часовом рабочем дне, об издании своей газеты.

Главное внимание Вилонов и его товарищи отдавали подготовке всеобщей забастовки. Весь город читал листовки Самарского Совета. «На улицу, товарищи рабочие!» — призывали они.

8 декабря в Самаре царило особое оживление. Забастовка началась: стали заводы и фабрики. Магазины и банки закрылись. Конка не выехала из парка. Типографии бездействовали, газеты не вышли.

Улицы были полны народу, всюду митинги. Порядок охраняли вооруженные дружинники.

Совет намечал превратить забастовку в захват власти. На заседании Совета Вилонов внес предложение: губернатора арестовать, власть в городе взять в свои руки. Предложение было одобрено.

Но старая власть тоже не дремала.

Вечером 10 декабря в Пушкинском доме шел многотысячный митинг. Слышались призывы к вооруженному восстанию, шла запись в боевые дружины. В разгар митинга Пушкинский дом был окружен войсками. Полковник Баранов предъявил ультиматум: сдать оружие и немедленно разойтись, иначе войска начнут штурм здания.

«Сдаться? Нет, только бой!» — решил Михаил. Но не с кулаками же лезть на штыки. Мгновенно созрела мысль: вызвать на помощь солдат из казарм. Но для этого нужно выбраться из дома, а все двери под охраной войск. Михаил бросается на чердак и по крышам домов, рискуя сорваться на мостовую, вырывается из осажденного места.

Быстрее! быстрее! быстрее! Вот и казармы. Но что это? На дверях замки? Власти успели закрыть «ненадежных» солдат в казармах. Прямо на улицах Вилонов собирает отряд из встречных солдат и рабочих и спешит с ним к Пушкинскому дому. Но поздно. Да и что могут сделать несколько десятков плохо вооруженных людей с целым полком? Прорваться к осажденным не удалось. Участники митинга были разогнаны и избиты.

После 10 декабря революция в Самаре пошла на убыль. Однако Никифор считал, что битва еще не проиграна. 11 декабря на заседании комитета РСДРП он снова ставит вопрос о восстании и развивает свой план оцепления улиц колючей проволокой во время восстания, предлагает организовать изготовление метательных снарядов.

Но реакция наступила уже по всей стране. Известие о поражении восстания в Москве придало смелости самарским властям. Началась полоса репрессий.

Вилонов тяжело переживал неудачу с восстанием и упрекал себя в недостаточной решительности.

Боевое настроение, которым Никифор зажегся в Самаре, долго не могло у него остынуть. Он жаждал решительных

действий, все еще мечтал об открытой борьбе, о вооруженном восстании.

После Самары Вилонов ненадолго задержался в Уфе, где участвовал в организации боевой дружины, изготовляя бомбы в подпольной мастерской.

В январе 1906 года Вилонов снова в Екатеринбурге. Город был объявлен на военном положении. По улицам разъезжали отряды казаков. Шли повальные обыски и аресты. Многие большевики были в тюрьмах. Свердлов переехал в Пермь. Вилонов стал во главе уцелевших екатеринбургских большевиков, снова ушедших в глубокое подполье. Но и в этих условиях Никифор не считал, что революция проиграна. Он готовился к новому наступлению. Создавал боевые группы стрелков и бомбистов, детально разрабатывал планы строительства баррикад и укреплений для вооруженного восстания. В то же время его неистраченная энергия вылилась в ряд дерзких экспроприаций.

В конце января 1906 года было подготовлено все оборудование для новой типографии, не хватало только шрифта. Уральский комитет РСДРП принял решение экспроприировать шрифт у какой-нибудь частной типографии. Операция по изъятию шрифта была проведена Вилоновым, Сыромолотовым и двумя боевиками исключительно смело и дерзко.

В ночь на 23 января в частную типографию вошли четыре человека в масках. Один из них встал у входной двери и вынул револьвер. Перепуганный хозяин готов был отдать все, что угодно. Он даже помог грузить шрифт в мешки. Перед уходом неизвестные припугнули хозяина, что под дверь заложена бомба, так что ему лучше не выходить из типографии.

На следующий день на ноги была поставлена вся полиция. Сначала им повезло: один из мешков, в котором несли шрифт, порвался и в образовавшуюся дырку на дорогу вывалилось несколько литер — букв. Это и привело полицию на улицу, где шрифт был временно спрятан в огороде одного из дворов. Полицейские начали обыскивать дом за домом.

Положение спасла находчивость революционерки Марии Авейде. Она встретила полицейских у дома, в огороде которого был закопан шрифт, и, прикинувшись сварливой бабенкой, устроила с околоточным ссору, которая привлекала

внимание прохожих. Стала собираться толпа. Полицейские, наскоро осмотрев дом и не заглянув в огород, поторопились уйти дальше. Так типография получила шрифт.

В городе и окрестностях почти ежедневно проводились нелегальные собрания и массовки. Усилия Михаила и других большевиков не пропадали даром. Революционная атмосфера снова накалялась.

Министр внутренних дел Дурново 27 февраля 1906 года телеграфировал пермскому губернатору:

«По имеющимся сведениям в Екатеринбурге революция опять поднимает голову. Необходимо всеми силами не допускать ослабления с таким трудом достигнутого положения».

Слежка в городе усилилась.

26 марта екатеринбургские социал-демократы собрались за городом, чтобы выбрать делегата на IV съезд партии. Неожиданно нагрянула полиция. Скрыться не удалось. Вилонов, Сыромолотов, А. Черепанов и другие большевики были арестованы.

Об аресте Вилонова в Свердловском областном архиве сохранилось краткое донесение помощника начальника пермского губернского жандармского управления в Екатеринбургском уезде: «Доношу, что Никифор Вилонов, имеющий кличку Михаил, был задержан по моему распоряжению 26 марта в окрестностях города Екатеринбурга как участник происходившего там общего собрания Екатеринбургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, на котором он, являясь видным деятелем уральского района этой партии, развивал мысль и давал практические указания относительно выбора людей в стрелки и бомбисты, а также желающих рыть рвы и делать насыпи для предполагаемого вооруженного восстания в г. Екатеринбурге. Кроме того, им же было предложено избрать делегата на предполагавшийся IV съезд этой партии в С.-Петербурге».

Никифор мечется по камере Екатеринбургского «тюремного замка». Надо же в самый разгар подготовки вооруженного восстания оказаться за решеткой! Бежать, во что бы то ни стало бежать! Он предлагает товарищам дерзкий план: перепилить оконную решетку и, выпрыгнув из окна прямо на часового, убить его, освободив путь для побега.

И вот почти все прутья решетки подпилены. Завтра он или погибнет или будет на свободе.

Но за день до побега Вилонова перевели снова в «николаевские арестантские роты.

В конце мая 1906 года представитель социал-демократической фракции в Государственной думе огласил следующую телеграмму:

«Николаевской тюрьме Пермской губернии репрессии политическим. 15 карцеров. Один изувечен. Один покушался на самосожжение, двое смирительных рубашках. Пятьдесят голодают третий день».

А случилось вот что.

В царских канцеляриях еще только вынашивались новые изуверские законы для политических, а в тюрьмах уже все гайки завинчивали до отказа. Тюремные церберы упивались своей властью: пользоваться книгами нельзя, вести записи нельзя, встречаться заключенным друг с другом нельзя. Вилонов с товарищами решили отвоевать отнятые права. Это оказалось не так-то просто. На все требования тюремщики отвечали наглым смехом и издевательствами. Вилонов потребовал вызвать для объяснения начальника тюрьмы. Отказ. Вилонов тогда предъявил ультиматум: если начальник тюрьмы не явится к нему в камеру через пять минут, пусть пеняет на себя.

Прошло пять минут. Начальник тюрьмы не появился.

И вдруг страшный грохот потряс тюрьму. Всем, что попало под руку, политические колотили в стены, в двери, в окна. Несколько минут в бешеном стуке содрогались тюремные стены. Разъяренные тюремщики врывались в камеры, избивая заключенных. Вилонова выволокли и бросили в темный карцер, в котором не было ничего, кроме бетонного пола и мокрых стен. А через несколько дней его перевели в одиночку, подальше от общих камер. Вилонов потребовал возвращения в общую камеру. Последовало наглое «нет».

Никифор бросился на тюремный топчан. Что делать дальше? Сдаться? Смириться? Все протестовало в нем от этой мысли. Но ведь всякое сопротивление бесполезно. Что можно сделать, будучи замурованным в каменном мешке?

И тогда он решился на самую последнюю форму протеста. Нужно сделать так, чтобы его смерть стала сигналом для протеста общественности за пределами тюрьмы и облегчила положение остальных заключенных. Он привязал себя к топчану полотенцем, облил одежду керосином и взялся за спички. Но в это время в камеру ворвались тюремные надзиратели и били его до тех пор, пока он не потерял сознание. Но даже после этого Вилонов не покорился: он объявил голодовку. Вскоре голодовка стала всеобщей. Тогда начальник тюрьмы заявил инспектору Пермского тюремного управления, что необходимо убрать или его или Вилонова, иначе он не ручается за порядок в тюрьме. Вилонова перевели сначала в екатеринбургскую, а потом в камышловскую тюрьму.

Вместе с новым заключенным смотритель камышловской тюрьмы получил и секретную бумагу. В ней Вилонов характеризовался как «личность, склонная ко всякого рода импульсивным поступкам под влиянием порыва. Отличаясь большой физической и духовной силой, способен вызвать среди заключенных движение, нежелательное с точки зрения тюремных порядков... Ввиду сего предлагаем Вашему благородию иметь за названным заключенным особо тщательное наблюдение». Все-таки в ночь на 12 июля 1906 года Вилонову удалось бежать. Для тюремных властей и следователей так и остался загадкой бесследный побег революционера.

В августе 1906 года Вилонов добрался до Москвы. После июльских стачек в Москве шли повальные обыски и аресты. Цепи жандармов и полицейских «чистили» квартал за кварталом. Тюрьмы были переполнены. Один смертный приговор следовал за другим.

Часть интеллигенции отошла от революции и от партии. Внутри социал-демократии начался разброд и шатания.

Но пролетарское ядро партии не пало духом. Среди тех, кого В. И. Ленин называл «твердокаменными», был и Вилонов. Он понял, что первая вооруженная схватка с царизмом проиграна. Но твердо верил — поражение временное. Никифор знал, что революционный огонь не погас окончательно и делал все, чтобы он разгорался снова. Он сразу включился в работу оставшихся на свободе московских социал-демократов.

12 Заказ 17

Его посылают партийным организатором в Лефортовский район. В короткое время небольшая группа большевиков во главе с Никифором возродила партийные ячейки на заводах района, окружив их сетью легальных рабочих организаций. О работе большевиков Лефортовского района с большой похвалой писал орган ЦК РСДРП «Пролетарий».

Как всегда, Вилонов не щадит себя, работает в полную силу, ничего не оставляя про запас, не давая себе передышки. В начале 1907 года он почувствовал, что серьезно заболел: его могучий организм был разрушен жестокими избиениями и холодными карцерами. Он стал харкать кровью: николаевские арестантские роты наградили его туберкулезом.

Товарищи почти насильно посылают его лечиться. С чужим паспортом Вилонов едет в Крым. Наконец-то можно отдохнуть и поправить здоровье: впереди южное солнце, мягкий климат, чистый воздух. И вдруг арест. Оказалось, что хозяин паспорта за участие в экспроприации был заочно приговорен к смертной казни. Вместо курорта Вилонов очутился в камере смертников севастопольской тюрьмы. Время на огорчения тратить не стал: по его инициативе смертники начали готовить побег. Для взрыва тюремной стены достали с воли динамит, продумали все детали побега. Дерзкий побег прошел удачно. Но Михаила среди беглецов уже не было: жандармы еще раньше узнали его настоящую фамилию и отправили в Пермь.

Пермский суд приговорил Вилонова к ссылке в Туруханский край, однако из-за болезни Сибирь была заменена Астраханской губернией. Но уже через три дня Михаил бежал из ссылки.

В течение года он колесит по всей России, скрываясь от полиции и продолжая вести подпольную работу. Но болезнь неумолима, она подрывает последние силы, необходимые для трудной жизни профессионального революционера. Осенью 1908 года товарищи помогают Вилонову выехать за границу на маленький остров Капри.

После спокойной красоты русской природы особенно яркими казались буйные краски юга. Но первое время среди этой радующейся природы Вилонов был угрюм и раздражен. Он злился на бессилие собственного тела, когда-то здо-

рового, сильного и послушного ему. Опасная болезнь была настолько запущена, что мало помогал мягкий и теплый климат одного из лучших курортных местечек мира.

И все-таки Вилонов вовсе не походил на многих эмигрантов, находившихся в это время на Капри. После разгрома революции они были напуганы и обозлены на весь мир, жалели о своей былой революционности, которая испортила им жизнь. Наступившая реакция убила в них веру в победу революции. Вилонов же, несмотря на тяжелую болезнь, не был сломлен, не впал в безнадежное отчаяние, он по-прежнему остался непобежденным.

Вилонову всегда везло на встречи с интересными людьми. На Капри он познакомился с Горьким, Луначарским, Богдановым... Особенно сблизился он с Горьким. В письме от 14 января 1909 года Михаил писал:

«Сегодня же с ним (Луначарским.— **И. Ш.**) мы поехали к Максимычу (Горькому.— **И. Ш.**), от которого я вернулся в самом лучшем настроении, несмотря на физическую усталость... Мне кажется, мы близко сойдемся с ним. Он претворяет в себе массу тех хороших сторон человека, какие я лелеял и к которым я стремился. Наш разговор был очень трудным, и у Максимыча не раз блестели слезы радости, когда я говорил о внутреннем перерождении России. Он настаивал все время, чтобы я посерьезнее относился к лечению».

Вилонов тоже произвел на писателя сильное впечатление. И особенно привлекла Горького в Михаиле здоровая красота чувств и мыслей, монолитность духовных сил, которые в условиях эмиграции сохраняли редкие люди. Встречаясь на Капри с русскими интеллигентами, Алексей Максимович испытывал горькое разочарование. Его письма того периода полны гневных слов о духовном хаосе, смятении мысли, ничтожества интеллигенции, которая «слепнет и глохнет, отрываясь от героической действительности». «Жалкое зверье», «грязные ручьи, а не люди», «хулиганы и ренегаты»,— гневно называл их Горький. Он испытывал отвращение к людям, от присутствия которых «вянут цветы, мухи дохнут, рыбы мрут, камни гримасничают так, будто их сейчас вырвет». Горький жаждал видеть сильных и здоровых людей, так нужных России в то смутное время. Поэтому понятна его радость от встречи с Вилоновым.

11 января 1909 года Горький писал Ладыжникову: «Приехал один рабочий-уралец изучать философию... Какой, между прочим, великолепный парень этот рабочий. Какую интеллигенцию обещает выдвинуть наша рабочая масса, если судить по этой фигуре».

После нескольких встреч, по приглашению Горького, Вилонов переехал к нему в виллу и жил в комнате, которая раньше служила кабинетом Алексею Максимовичу.

Шли дни за днями. Прогулки среди великолепия южной природы, беседы с умнейшим человеком и книги, книги, книги... Никогда Вилонов не имел возможности читать так много, как здесь. Он серьезно занимается изучением естествознания и философии. Руководить его занятиями по философии взялись Луначарский и Богданов, стоявшие тогда на позициях махизма и эмпириокритицизма. И это, конечно, сказалось и на философских взглядах Вилонова. В это время он много работает над своей философской книгой «Организация человеческого опыта», закончить которую не успел.

Однажды во время поездки в Париж Вилонов вместе с Луначарским зашел в Лувр и долго стоял перед статуей Венеры Милосской. Откуда-то из глубины веков к нему пришла мечта древнего скульптора об идеальном, совершенном человеке. С волнением всматривался он в мраморную богиню, удивляясь гению ее творца, сумевшего перенести в настоящее гармоничную красоту будущего. Ту красоту, что существует пока как идеал, как мечта. Это извечное стремление человека к красоте проявилось здесь с такой силой, что Михаил долго стоял зачарованный, уже не удивляясь тому, что люди смогли пронести красоту сквозь рабство, подлость и грязь, что даже в самые жестокие эпохи красота не умирала.

В памяти пронеслись встречи с тысячами людей, изуродованных безобразной действительностью и настолько далеких от увиденного им совершенства, что ему стало страшно. И с новой силой поднялась в нем ненависть к тому, что увечит и уродует человеческую душу. И в то же время яснее, ближе и дороже становилась мечта о новом красивом человеке, освободившемся от всех мерзостей.

Михаил буквально бредил будущим. Будущим, когда люди не только будут сытыми, но красивыми, умными, гордыми, в полной мере развившими в себе самое лучшее.

М. Горький, вспоминая о разговорах с Вилоновым на Капри, писал: «У него было развито чувство осязания будущего. Он видел, нащупывал,— хотя бы сквозь туман, сквозь темноту,— какие-то своеобразные формы общественности, каких-то особенно оригинальных людей... Но я понимал, что его представления независимы от социалистов-утопистов и что он видит в будущем человечество сильных, человечество героев, развившееся до степени космической силы».

Но Вилонов был не только неудержимый мечтатель, вырывавшийся далеко в будущее, а и трезвый, расчетливый, реальный борец, твердо стоящий на земле. И поэтому он не мог надолго оставаться только мечтателем. Он тяготится вынужденным бездействием, жизнью, лишенной реальной борьбы за свои идеалы.

Книги, философия, искусство — все это не могло заполнить его полностью. Почти в каждом письме, написанном на Капри, мы ощутимо чувствуем, как Вилонову не хватает атмосферы боя, сражений с тем, что он ненавидит. Едва болезнь разжимает свои неумолимые тиски, он сразу же чувствует себя бойцом.

Вот несколько выдержек из его писем того периода:

25 января 1909 года. «Во мне снова проснулись задремавшие силы, и я жажду снова былой жизни».

5 февраля. «Эти дни, когда я особенно хорошо чувствую себя и замечаю сильный прилив энергии, меня страшно тянет в Россию».

15 февраля. «Мои дела со здоровьем налаживаются, и наше будущее все впереди. Его я мыслю растворенным в той грандиозной борьбе, которая разворачивается все шире».

Его увлекает идея создания на Капри партийной школы: для будущей революции в России нужны опытные и образованные люди. Инициативу Вилонова горячо поддержал Горький. И Михаил с присущей ему страстностью и настойчивостью взялся за организацию школы. В качестве лекторов на Капри приглашаются известные работники партии. Но Ленин, уже тогда увидевший в школе на Капри центр будущей фракции «отзовистов», выступил против. Вилонов же, увлеченный своей идеей, считал, что школа нужна партии, а опасения, что она станет центром новой фракции, иллюзорны. Вопреки решению редакции «Пролетария», он договаривает-

ся с лекторами, подвергаясь риску, выезжает в Москву для отбора учеников. Летом 1909 года в школе начались занятия. Но Ленин оказался прав.

Поскольку лекторами школы были «отзовисты» и «богостроители» во главе с А. Богдановым и А. Луначарским, Каприйская школа неизбежно стала центром новой фракции. Как только Вилонов понял это, он решительно порвал со школой и ее лекторами, ибо интересы революции для него были превыше всего. В своем выступлении на собрании лекторов он заявил, что боролся за школу, считая, что она принесет пользу партии. «Теперь... дела изменились. Большинство товарищей, с которыми я работал раньше, решили оставить прежнюю почву и перейти в наступление против большевистской фракции «Пролетария», с платформой, провозглашающей принципиально-практические разногласия, т. е. объективно они стали на путь организации новой фракции... Вступив на этот путь раскола, мы выносим самой идее школы, самому ее существованию непоправимый удар... При таком развертывании нашей политики, я, взявший на себя часть ответственности перед организациями за дело школы, должен, неминуемо должен повернуться спиной к тем, кто хочет школу сделать орудием своей особой политики, своих особых взглядов, прямо противоположных взглядам партии».

Порвав со школой, Вилонов вместе с пятью рабочими — учениками школы, уезжает в Париж.

Французская столица была тогда центром русской революционной эмиграции. С конца 1908 года здесь жил В. И. Ленин. Социал-демократия переживала тяжелые времена: разброд в партии достиг предела. Многим, даже самым близким друзьям Владимира Ильича казалось, что партия гибнет и ради ее спасения нужно идти на компромиссы, на сближение со всяким, кто хоть чем-то близок партии.

«Никогда я не видела Ильича таким озабоченным, осунувшимся, как тогда,— писала Р. Землячка про 1909 год в Париже,— травля меньшевиков, отход многих близких и дурные вести из России преждевременно состарили его. Мы, близкие ему, с болью следим за тем, как он изменился физически, как согнулся этот колосс...»

Но даже в тот страшный период безвременья Ленин не сдался, продолжая вести бескомпромиссную борьбу с «отзо-

вистами» и «ликвидаторами». Он считал, что компромисс в принципиальных вопросах гибелен для партии, и верил, что в партии найдутся здоровые силы, которые спасут ее от разложения.

Эту веру Владимира Ильича еще раз подтвердила встреча с Михаилом — Вилоновым, которая произошла 16 ноября 1909 года в квартире Ульяновых на тихой парижской улочке Мари-Роз.

Под впечатлением беседы с Вилоновым В. И. Ленин в этот же день написал Горькому письмо.

«Дорогой Алексей Максимович! Я был все время в полнейшем убеждении, что Вы и тов. Михаил — самые твердые фракционеры новой фракции, с которыми было бы нелепо мне попытаться поговорить по-дружески. Сегодня увидел в первый раз т. Михаила, покалякал с ним по душам и о делах и о Вас и увидел, что ошибался жестоко... Вышло так, что кроме противоречия старой и новой фракции, на Капри развернулось противоречие между частью с.-д. интеллигенции и рабочими-русаками, которые вывезут социал-демократию на верный путь во что бы то ни стало и что бы ни произошло, вывезут вопреки всем заграничным склокам и сварам, «историям» и пр. и т. п. Такие люди, как Михаил, тому порукой...

Из слов Михаила я вижу, дорогой А. М., что Вам теперь очень тяжело. Рабочее движение и социал-демократию пришлось Вам сразу увидеть с такой стороны, в таких проявлениях, в таких формах, которые не раз уже в истории России и Западной Европы приводили интеллигентских маловеров к отчаянию в рабочем движении и в социал-демократии. Я уверен, что с Вами этого не случится, и после разговора с Михаилом мне хочется крепко пожать Вашу руку... Бывают условия, когда жизнь рабочего движения порождает неминуемо эту заграничную борьбу и расколы и свару и драку кружков,— это не потому, чтобы рабочее движение было внутренне слабо или социал-демократия внутренне ошибочна, а потому, что слишком разнородны и разнокалиберны те элементы, из которых приходится рабочему классу выковывать себе свою партию. Выкует во всяком случае, выкует превосходную революционную социал-демократию в России, выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения треклятого эмигрантского положения, выкует вернее, чем представляется, если судить

по некоторым внешним проявлениям и отдельным эпизодам. Такие люди, как Михаил, тому порукой...»[1].

Новый и последний в своей жизни 1910 год Михаил встретил в кафе на улице д'Орлеан вместе с Виктором Ногиным и Иннокентием Дубровинским. По воспоминаниям Ногина, он был несколько угрюм и замкнут: болезнь прогрессировала, и он чувствовал себя все хуже и хуже.

В начале 1910 года он уехал в Швейцарию, в Давос, чтобы продолжить лечение.

Утром 1 мая 1910 года Михаил настежь распахнул окно. В комнату вместе с солнцем ворвался шум первомайской демонстрации: на улице волновалось море голов, колыхались яркие пятна знамен, звучали гневные слова «Интернационала». Вид манифестации так сильно взволновал его, что из горла хлынула кровь. Вернувшиеся с демонстрации товарищи нашли Вилонова уже мертвым.

Память о людях, которые умели по-настоящему ненавидеть, мечтать и бороться, нужна нам. Нужна не только как благодарность за те социальные перемены, за которые они боролись и результатами которых мы пользуемся. Память о них учит нас ненавидеть все плохое на земле. Ведь тогда оно быстрее исчезнет из нашей жизни.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 219—240.

И. ШАКИНКО

ТАЛАНТЛИВЫЙ ОРГАНИЗАТОР

Морозным февральским вечером вместе с толпой пассажиров, приехавших с петербургским поездом, из Екатеринбургского вокзала вышел хорошо одетый мужчина средних лет и направился к стоянке извозчиков.

— Пожалуйте, барин,— прохрипел простуженным голосом извозчик, открывая перед приезжим полость кошевы.— Вам куда?

— В гостиницу получше.

Минут через двадцать они подъехали к дому номер сорок на Главном проспекте, где красовалась вывеска «Цент-

ральные меблированные комнаты». Хозяин гостиницы взял документы и проводил приезжего в номер. В домовой книге гостиницы появилась запись, гласящая, что в данном номере 15 февраля 1913 года поселился Самуил Иоганнов Коттисе, тридцати пяти лет...

Хозяин гостиницы, конечно, не мог подозревать, что под этим именем скрывался совсем другой человек — член Центрального Комитета большевистской партии Филипп Исаевич Голощекин, профессиональный партийный работник. И это был уже не первый его приезд в Екатеринбург.

Вступив в социал-демократическую рабочую партию в 1903 году, Голощекин прошел уже большую школу революционного воспитания в таких крупнейших революционных центрах России, как Петербург и Москва, являясь членом сначала Петербургского, а затем Московского большевистских комитетов. За революционную деятельность его неоднократно арестовывали и судили. Два раза он был приговорен к крепости и провел там в общей сложности два с половиной года.

В 1910 году был сослан в Нарымский край и отбывал ссылку вместе с Я. М. Свердловым. Здесь еще больше окрепла их дружба, родившаяся во время совместной работы в Московском комитете.

В 1911 году Голощекин бежал из ссылки и по пути из Нарыма в Москву впервые побывал на Урале, выступал с докладами о партийных задачах перед подпольщиками Екатеринбурга и Перми. Затем некоторое время работал в Москве. Как делегат Московской организации большевиков, участвовал в работе VI (Пражской) конференции РСДРП(б), избравшей его членом ЦК. Вскоре после возвращения в Москву Голощекин был снова арестован и выслан в Тобольскую губернию. Оттуда опять бежал и работал в Петербурге. Вернувшись из Кракова, где он принимал участие в «февральском» совещании ЦК, Голощекин выехал на Урал. Надо было поскорей информировать уральских товарищей о последних решениях Центрального Комитета. Кроме того, в задачу Голощекина входило: организовать на Урале подпольную типографию, сплотить организации, сильно ослабленные массовыми арестами, связать их с ЦК, с «Правдой», организовать борьбу с ликвидаторами, которые свили себе гнезда кое-где

на заводах Урала. Но прежде всего надо было вновь собрать разгромленную Екатеринбургскую организацию.

И вот Екатеринбург... Есть явочный адрес, но нет уверенности, надежен ли он. В Петербурге начались аресты, за Голощекиным следили, и он опасался, что его командировка на Урал не осталась тайной для охранки. Эти опасения были не напрасны. Гораздо раньше поезда, который привез Голощекина в Екатеринбург, на имя жандармского ротмистра Красковского, помощника начальника Пермского губернского жандармского управления по Екатеринбургскому и Красноуфимскому уездам из департамента полиции прилетела шифрованная телеграмма. В ней сообщалось, что 12 февраля из Петербурга в Екатеринбург выехал социал-демократ Голощекин, партийная кличка — «Филипп». «...Приметы Голощекина: рост два аршина шесть вершков, глаза серые, волосы темно-русые, родился 26 февраля 1876 года в городе Невеле. Карточка высылается. Примите меры к аресту». Впоследствии стало известно, что уведомил охранку о выезде Голощекина на Урал провокатор Малиновский.

На Екатеринбургском вокзале Голощекина ждали уже шпики. Ждали, но не дождались. Опытный конспиратор ускользнул от их «всевидящего ока».

Утром в номер принесли чай и местную газету.

Что же главное сейчас на Урале? Что волнует политическую мысль редакции? Его глаза привычно обратились к первым столбцам. В кармане у него лежала «Правда». Но тут прежде всего в глаза ему бросилась реклама — веселая бутылка с «Несравненной нежинской» братьев Шустовых. Реклама и всякого рода объявления пестрели и на остальных столбцах первой страницы, а также заполнили всю последнюю полосу газеты. Филипп пробежал глазами другие полосы. В отделе «Последние новости» зловещим пятном чернела заметка «Полиция в квартире депутата». В ней сообщалось, что 10 февраля у депутата Государственной думы социал-демократа Г. И. Петровского был произведен осмотр квартиры чинами полиции, во время осмотра в квартире обнаружены прибывшие накануне из Томска и непрописанные в домовой книге Яков Михайлович Свердлов, его жена Клавдия Тимофеевна Свердлова и их двухлетний сын. Все трое отправлены под усиленным конвоем в дом предварительного

заключения. Несмотря на то, что, уезжая из Петербурга, Голощекин знал уже об аресте Свердлова, заметка вновь вызвала щемящую боль в его сердце. Он тяжело переживал арест друга.

Филипп наскоро допил полуостывший чай, положил газету в карман и, на ходу застегивая пальто, торопливо вышел на улицу. Надо действовать. Скорей разведать, уцелела ли явочная квартира. Ему повезло. Удалось довольно быстро установить связь с одной из активных деятельниц уральского подполья Серафимой Ивановной Дерябиной. Она подробно информировала Филиппа о состоянии организации. Ряды активных участников подполья сильно поредели. С. и М. Черепановы, А. Парамонов, посланец ЦК Семен Шварц сидели в тюрьме. Сима обещала свести Голощекина с оставшимися на свободе. Но прежде всего надо было подумать об убежище для самого Филиппа. В гостинице оставаться было небезопасно. Через два дня он поселился на квартире по Колобовской улице № 11 (ныне улица Толмачева).

Сима помогла Голощекину встретиться с руководящими работниками Екатеринбургской социал-демократической организации, еще не попавшими в цепкие лапы охранки, познакомила с революционно настроенными рабочими. В узком кругу партийцев Филипп провел беседу о последних решениях партии. Теперь надо было оранизовать более широкое собрание.

21 февраля городские власти по повелению свыше проводили всероссийское празднество «Трехсотлетие дома Романовых». Город с утра украсился флагами и зеленью. На домах были вывешены юбилейные транспаранты. В храмах проводились торжественные богослужения. Вечером зажглась иллюминация. Охранка не особенно рассчитывала на верноподданнические чувства граждан Екатеринбурга. Не используют ли «смутьяны» праздничное сборище в своих целях? Силы полиции и жандармерии были рассредоточены по всем направлениям.

Сима провожала Голощекина на квартиру, где собрались подпольщики. Она шла с ним под руку и тихо рассказывала о замечательных рабочих, среди которых ведет пропаганду, а он внимательно слушал ее и ласково смотрел в ее горящие огнем вдохновения глаза. Сима вдруг замолчала.

В небесах торжественно и чудно,
Спит земля в сиянье голубом...

— неожиданно прозвучал ее голос.

— Вы, вероятно, пишете стихи, Сима?

— Да, только плохие. Но я люблю стихи, особенно Лермонтова.

— Это хорошо. Поэзия возвышает душу. Людям нужна песня, нужна музыка и поэзия. Смотрите, даже сегодня в царский праздник рабочий люд собрался на гулянье, чтобы попеть, поплясать, повеселиться на свой лад... Но скоро придет время, когда здесь будет маршировать наша рабочая армия и парад будут принимать не царские генералы, а наши большевистские комиссары. Оркестр будет играть не «Боже, царя храни», а «Марсельезу» и «Смело, товарищи, в ногу».

— Да, и мы с вами еще увидим небо в алмазах,— поддержала Сима.

Они остановились около кинематографа «Художественный», затем прошлись еще раз-другой по ярко освещенному иллюминированному Главному проспекту и исчезли в темноте плохо освещенной боковой улицы.

Через полчаса они были в условленном месте. Сравнительно большая комната была переполнена. Собрание открыл Пинжаков. Он предоставил слово товарищу Филиппу. Думал ли он, что этот интеллигентный, мягкий, с виду спокойный человек в своем докладе обрушит гром и молнии в первую очередь на головы меньшевиков, отзовистов и ликвидаторов, которым Пинжаков явно сочувствовал. Твердая ленинская позиция Голощекина, большая эрудиция, остроумная критика, направленная против врагов большевизма, делали его доводы неотразимыми. Попытки Пинжакова и его немногочисленных сторонников, выступавших по докладу и пытавшихся отстаивать свою соглашательскую линию, потерпели полный крах.

Более двух недель проработал Ф. И. Голощекин на Урале, побывав за это время в Нижнем Тагиле, Невьянске, Лысьве, Перми, Мотовилихе. Он очень многое сделал по оживлению партийной работы, сплочению организаций, оказал им огромную помощь в борьбе с ликвидаторами.

Позднее Филипп Исаевич вспоминал:

«В течение одной или двух недель в Екатеринбурге было прилично налажено дело. Была организована даже дискуссия, где я состязался с ликвидатором Пинжаковым и другими».

Голощекин оказал серьезную помощь Екатеринбургской организации в деле разоблачения ликвидаторов. Не менее важной была его поездка и по заводам Урала. Там, где имелись группы, которые вели работу по распространению «Правды» и «Звезды», получив толчок, они превращались в активные организации.

Охранка между тем не дремала. На всех уральских вокзалах были расставлены шпики, снабженные фотокарточками Голощекина. И только умелая конспирация опытного профессионального революционера помогала Голощекину в течение двух с лишним недель обходить царских сыщиков.

Но 3 марта, при возвращении из Перми в Екатеринбург, Голощекин был все-таки опознан шпиками и арестован на вокзале.

В вагоне пассажирского поезда царил полумрак. В одном из фонарей догорела свеча. Скоро большая остановка. В ночной тиши одиноко прозвучал гудок паровоза. Поезд замедлил ход. Станция Екатеринбург. Филипп с небольшим чемоданчиком в руке торопливо вышел из вагона, огляделся по сторонам и направился к выходу в город. На площади к нему подошли двое.

— Эй, господин, огоньку прикурить нет ли?

— Я не курю. И очень спешу.

— А вы не спешите. Мы так давно ждем вас.

— Не понимаю. У меня в этом городе нет знакомых.

— Так будем знакомы,— развязно сказал один из неизвестных.

— Да что мы тут стоим на морозе,— вмешался другой,— зайдем в помещение. Приезжий пожал плечами, несколько подумал и согласился. Все трое вошли в здание вокзала и оказались в небольшой комнате. За столом сидел молодой щеголеватый мужчина в пальто. Он вопросительно взглянул на вошедших. Двое незнакомцев кивнули на приезжего и скрылись за соседней дверью.

— Прошу садиться,— любезно сказал сидевший за столом.— Будем знакомиться. Предъявите документы.

— На каком основании? Какое вы имеете право? Кто вы такой?

Молодой человек вежливо улыбнулся, расстегнул пальто, и Филипп увидел синий мундир жандармского офицера.

— Ах, вот вы кто! К чему же весь этот маскарад? Вот мои документы.

— Та-ак... Значит вы сотрудник газеты Самуил Коттисе. Вот мы и познакомились. Очень приятно.

— Весьма странный способ знакомиться. Чему я обязан, что мне оказано такое внимание?

— Сейчас поймете. По документам вы — Самуил Коттисе, по нашим сведениям вы — Голощекин. Чему же верить?

— Я бы на вашем месте верил документам.

— Гм... Вы на моем месте? Забавно! Надеюсь, что вы никогда не будете на моем месте. Так вы утверждаете, что вы Самуил Коттисе?

— Да. Утверждаю. И больше я не намерен отвечать на ваши вопросы.

— Хорошо. Вы, очевидно, утомились с дороги. Отложим нашу беседу до завтра. А пока я вынужден задержать вас.

— Я арестован?

— Нет, вы пока задержаны. Прошу вас пройти вот сюда.

И офицер проводил приезжего в комнату, куда перед этим зашли двое, встретивших его на вокзальной площади.

В комнате было два стола. На одном из них находился письменный прибор и стоял пожелтевший графин с водой. На другом лежало несколько номеров старых газет и журналов. Здесь играли в шашки и яростно курили первые «знакомцы» приезжего. К стенам прислонились два деревянных дивана.

— Располагайтесь! — сказал офицер приезжему, указывая на диван, стоящий в глубине комнаты.

— Вы пойдете со мной,— обратился он к одному из сыщиков.— А вы,— сказал он другому,— останетесь здесь. Вдвоем все же не так скучно.— Да... совсем забыл, еще одна небольшая формальность. Я знаю, что вы не террорист... Но все же... И он многозначительно посмотрел на сыщиков.

Голощекин иронически усмехнулся и спокойно предоставил сыщикам возможность обшарить свои карманы и чемодан. Ничего подозрительного обнаружено не было, и офицер в сопровождении одного из сыщиков вышел из комнаты. Охранник запер за ним дверь и ключ положил в карман.

Голощекин невольно взглянул на окно.

— Напрасно надеетесь, господин. Ставни на запоре.

Голощекин не ответил. Он устало привалился к спинке дивана и закрыл глаза.

Охранник уселся на другом диване около двери. Наступила тишина.

В такие минуты мысли бегут особенно стремительно, обгоняя друг друга. Проносятся одно за другим воспоминания...

Детство Филиппа прошло в небольшом уездном городке Невеле Витебской губернии. С ранних лет живому и впечатлительному мальчику приходилось задумываться над резкими контрастами окружающей его жизни. Богатство и бедность, праздность и тяжелый изнурительный труд, произвол и бесправие — почему так? Он искал ответ на эти «проклятые вопросы» в общественных науках, к которым пристрастился в школьные годы. Но учебники не могли дать ему ответ.

Голощекин готовился к профессии зубного врача. Уехал в Петербург, чтобы сдавать экзамены. Но не врачевание зубов стало делом его жизни. Петербург явился для него школой подготовки к борьбе за врачевание всего общества, к борьбе против самодержавия, за дело рабочего класса, за общественное переустройство.

И вот он профессиональный революционер. Кем он только не был за это время: «Иванович», «Борис Иванович», «газетчик Коттисе», «товарищ Филипп», «Жорж», «Фрам»... Голощекин почти забыл свое настоящее имя[1]. Многому научился за эти годы борьбы. Научился и научил других. На его долю выпало счастье быть активным участником первой русской революции. А теперь вот опять попался. Ах, Филипп, Филипп,— мысленно упрекал он себя.— Где твой опыт конспиратора? В чем просчет?

[1] Настоящее имя Голощекина — Исай. Партийная кличка — Филипп впоследствии и в легальных условиях сохранилась за ним, как его постоянное имя.

Но просчета не было. Был провокатор...

По делу Голощекина были арестованы также С. И. Дерябина, В. Н. Пинжаков и В. Д. Сабанеева. В екатеринбургской тюрьме Ф. И. Голощекин застал, по его словам, «всю уральскую головку». Там уже второй год томились в одиночных камерах Сергей Александрович и Мария Алексеевна Черепановы, Анатолий Иванович Парамонов, посланец ЦК Семен Шварц и другие, арестованные еще в 1911 году по делу о подготовке VI Всероссийской (Пражской) конференции РСДРП(б).

Никаких материалов, вещественных доказательств для суда жандармы у Голощекина не захватили, поэтому завести судебное дело им не удалось. Но в справке департамента полиции, которая была направлена в Екатеринбург, Голощекин характеризовался, как «ярый ленинец», как «член ЦК, уполномоченный разъездами по империи восстановить партийную работу».

Характеристика довольно верно определяла роль Голощекина как одного из видных деятелей РСДРП(б). Жандармский ротмистр Красковский в своем постановлении по делу Голощекина писал, что «изъятие Голощекина из сферы его преступной деятельности является настоятельной необходимостью» и рекомендовал назначить «местом водворения» наиболее отдаленную местность Восточной Сибири.

По постановлению министра внутренних дел Голощекин был выслан в Туруханский край под гласный надзор полиции на пять лет.

Эту последнюю ссылку и вынужденный отрыв от партийной работы Филипп Исаевич переживал очень болезненно. Большую моральную поддержку оказывал ему тогда Я. М. Свердлов.

«В сентябре 1914 года Свердлов возвращен из Курейки в Селиваниху — пишет в своих воспоминаниях К. Т. Свердлова.— Здесь в это время находился Филипп Голощекин (Жорж), с которым Якова Михайловича связывала не только общность взглядов, но и личная дружба...»

В одном из писем к жене Свердлов сообщал: «Несколько дней пробыл с Жоржем. С ним дело плохо». Разбирая причины нервного состояния Голощекина, Свердлов делает вывод, что ему «положительно невозможно жить долго вдали от

13 Заказ 17

кипучей жизни» и нужно «найти хотя какой-нибудь исход для его энергии».

Но вырваться на этот раз Голощекину не удалось. Из Туруханской ссылки его освободила только Февральская буржуазно-демократическая революция.

Приехав в конце марта в Петроград, Голощекин с радостью бросился в стремительный поток революционных событий, бушевавший в городе. И революция, как будто истосковавшись по своему верному сыну, взяла его в свои крепкие объятия.

Товарищи, работавшие ранее в Петрограде, ввели его в курс дел и он, как член ЦК партии большевиков, немедленно приступил к выполнению своих многочисленных обязанностей. Одна из них — представительство ЦК в Петроградском комитете РСДРП(б), а значит ответственность за действия комитета, за его работу.

Было трудно. Много было еще неясного, неопределенного. Царя нет, есть свобода, есть Советы рабочих и солдатских депутатов, но управляют страной по-прежнему капиталисты и царские чиновники, продолжается грабительская, ненавистная народу война, крестьяне не получили землю. Революция не дала народу того, чего он добивался.

Ясно было одно: борьбу надо продолжать. Но как? С чего начать? Как покончить с войной? Эти вопросы не давали покоя.

И вот 3 апреля революционный Петроград встретил В. И. Ленина, вернувшегося из эмиграции. Слушая его на Финляндском вокзале, Голощекин с удовлетворением отмечал, что многое, о чем говорил Ильич, совпадало с его собственными мыслями и выводами. Многое неясное становилось ясным. Ленинская речь на заседании ЦК РСДРП(б) окончательно разрешила все сомнения. Туман рассеялся, и опять отчетливо обозначились ориентиры на пути развития революции. Оттого, что ясна была цель, что работы было по горло, Голощекин чувствовал себя счастливым человеком.

— Ну, как дела, Филипп? — хитро улыбаясь, спросил Свердлов, приехавший с Урала на Всероссийскую партийную конференцию.— Чай, теперь твоя душенька довольна?

— Довольна, довольна,— весело ответил Голощекин, крепко сжимая руку друга. А ты неплохо выглядишь, Андрей,— добавил он, всматриваясь в светящееся улыбкой лицо Свердлова.

— Так ведь не с каторги я, Филипп, с работы приехал, с настоящей работы, от которой душа поет и жить так хочется, просто дух захватывает.

Участвуя в работе VII Всероссийской (Апрельской) партийной конференции, как делегат петроградской организации, Голощекин жадно ловил не только каждое ленинское слово, но и каждое слово ораторов с мест. Интересно было знать, как обстоят дела на периферии.

На третьем заседании конференции с докладом от Урала выступил Я. М. Свердлов. Он сообщил делегатам, что на Урале в середине апреля насчитывалось свыше шестнадцати тысяч организованных членов партии. На областной конференции, состоявшейся 14—15 апреля, было представлено 43 партийные организации.

«Это неплохо, очень неплохо»,— подумал Голощекин.

— В местах, где до революции велась нелегальная работа, партийные большевистские организации образовались раньше Советов рабочих и солдатских депутатов,— продолжал свой доклад Свердлов,— и там они захватили Советы в свои руки. В Екатеринбурге работает Уральский областной комитет РСДРП(б), имеющий свой печатный орган «Уральскую правду».

...Восьмичасовой рабочий день введен почти всюду.

«Это отлично,— с восхищением отметил про себя Голощекин.— Молодцы уральцы!»

Но слушая Свердлова, он еще не мог предполагать, что все эти сведения об Урале, которые торопливо записывал в своей записной книжке, скоро приобретут в его жизни совсем особый практический смысл.

Я. М. Свердлов, избранный после конференции Секретарем Центрального Комитета партии, не вернулся больше на Урал, и заменить его по решению ЦК должен был Голощекин.

— Что ж, опять расстаемся, Филипп,— с грустью сказал Свердлов, когда они вместе выходили из дворца Кшесинской после беседы с Лениным.

— Выходит так, Андрей,— Голощекин продолжал по привычке называть Свердлова его конспиративным именем.— Ничего не поделаешь,— так нужно, значит.

Друзья замолчали. Каждый думал о чем-то своем. Нарушил молчание Свердлов.

— Жаль расставаться с тобой, Филипп, но в то же время я рад, что на Урал едешь именно ты. Рад за уральцев, что у них будет еще один такой опытный работник.

— Я должен к тебе зайти,— тоже вслух продолжая свои мысли, сказал Голощекин.— Надеюсь получить напутствие и самую подробную информацию о положении на Урале. Когда сможешь меня принять?

— Хоть сейчас,— Свердлов посмотрел на часы.— У меня есть для тебя в запасе пятнадцать минут. А как ты? — Голощекин тоже взглянул на часы, подумал...

— Могу!

— Ну, вот и отлично,— Яков Михайлович мягко положил руку Голощекину на плечо, и они решительно зашагали обратно, вверх по лестнице.

— Прежде всего, ты должен поехать в Пермь,— сказал Свердлов, открывая дверь комнаты и пропуская Голощекина вперед.— Правда, там уже работает наш представитель Александр Петрович Спундэ. Ты его знаешь, высокий такой латыш. Мы с ним вместе уезжали в начале апреля на Урал: он — в Пермь, а я — в Екатеринбург.— Яков Михайлович подал Голощекину стул и продолжал:

— Положение в Перми серьезное. Эсеры и меньшевики там главенствуют. Надо помочь пермским большевикам. Думаю, что и я скоро смогу вырваться на Урал. Душа моя рвется туда.

Позднее в письме к А. Г. Белобородову Я. М. Свердлов писал:

«К вам на Урал поехал товарищ Филипп, бывший член ЦК. Человек очень энергичный, с правильной линией...»

Через несколько дней Голощекин был уже в Перми. Небольшая комната на втором этаже дома бывшего жандармского управления по улице Торговой — вот и все, что имел в своем распоряжении Пермский городской комитет большевиков. Да и эта комната часто пустовала. Некогда и некому было там сидеть. Постоянных, профессиональных работни-

ков в комитете к приезду Голощекина было всего лишь трое, причем один из них — разъездной агитатор — вел работу за пределами Перми, в городах и рабочих центрах губернии.

«Да, солоно приходилось тогда пермским большевикам,— вспоминает А. Г. Кравченко, работавшая с мая 1917 года секретарем Пермского комитета большевиков.— Всюду господствовали эсеры — самая многочисленная партия, в числе членов которой немало было гарнизонных солдат и офицеров. Открыто вели агитацию кадеты и черносотенцы. Правда, они не выступали за царя-батюшку, но собирали против революции все темные силы и натравливали на большевиков».

В распоряжении буржуазных партий было все: большие деньги, типографии, газеты, залы для собраний.

Большевистская организация существовала исключительно на партийные взносы, сумма которых была невелика, и поступали они нерегулярно. На эти деньги выписывались газеты, приобреталась большевистская литература, из этой же суммы платили и жалованье партийным работникам-профессионалам.

Своей газеты у пермских большевиков не было, листовок типографии не печатали, и приходилось им пользоваться только устным словом. Они выступали на многочисленных митингах, чтобы донести до масс большевистские лозунги и убедить их в правильности политики партии.

Сражаться большевикам приходилось с очень сильным противником. В партии эсеров было много образованных людей — учителя, адвокаты, обладавшие знаниями и прекрасными ораторскими данными. На стороне большевистских ораторов была правда, у них был огромный революционный энтузиазм, но знаний многим из них не хватало. Поэтому Голощекину и Спундэ нередко приходилось выручать ораторов на митингах и собраниях.

Один из руководящих работников мотовилихинской организации большевиков В. М. Сивилев рассказывает:

«В кинотеатре «Луч» проходило предвыборное собрание Луговского района. Здание битком набито. Сюда явились эсеровские «звезды». Открывая собрание, я произношу речь, направленную против соглашателей-эсеров. За мной выступает эсеровский златоуст Валович. Он красочно расписывает эсеровскую программу. Трудно сказать, каков был бы исход

этого собрания, если бы неожиданно не появился видный партийный работник того времени Голощекин. Он выступил, и победа осталась за большевиками».

27 мая открылась Пермская общегородская конференция РСДРП(б), в подготовке и проведении которой Голощекин принял самое деятельное участие. Он подробно информировал пермских большевиков о работе VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б). По его докладу была принята резолюция, одобряющая все решения конференции, и было решено положить их в основу практической деятельности Пермской городской организации.

Особое значение Голощекин придавал второму своему докладу, с которым он выступал перед делегатами конференции. Это был доклад «О коалиционном министерстве».

Остановившись немного на истории вопроса об участии социал-демократов в буржуазных парламентах и министерствах, обрисовав позицию большевиков, Голощекин всей силой своей всесокрушающей логики страстно обрушился на тех, кто на словах именовал себя социалистами, революционерами и демократами, а на деле предавал интересы народа.

Речь Голощекина была настолько убедительной, что конференция единодушно приняла предложенную им резолюцию, клеймящую позором соглашательскую политику меньшевиков и эсеров.

Конференция избрала Голощекина в члены городского комитета и представителем пермских большевиков в Уральский областной комитет партии.

20 июня 1917 года Ф. И. Голощекин был избран секретарем Уральского областного комитета РСДРП(б) и переехал на постоянную работу в Екатеринбург.

Опять новая обстановка, новые обязанности, новые люди. Времени на то, чтобы освоиться, не было. Надо было действовать немедленно и наверняка, без ошибок.

Во главе комитета в то время стоял председатель, осуществляющий общее руководство партийной работой, а секретарь занимался преимущественно организационно-техническими и текущими оперативными делами, вел и оформлял всю документацию областного комитета, ведал финансами,

подбирал и направлял работников на места, устанавливал и поддерживал связь с местными организациями. Дел хватало.

Трое из членов комитета, избранных Уральской партийной конференцией в апреле, сразу уехали на длительное время в Петроград. Члены областного комитета А. Г. Белобородов, И. П. Галдин и А. А. Юрьев, не проживавшие в Екатеринбурге, были перегружены местной работой и не могли принимать регулярного участия в деятельности комитета.

— Мы работали до сих пор фактически вдвоем,— говорил Голощекину председатель областного комитета партии Н. Н. Крестинский, знакомя его с делами.— Теперь нас будет четверо. Это уже коллегия. Можно не сомневаться, что дела пойдут в гору.— Он посмотрел на Голощекина долгим внимательным взглядом и добавил: — На Вас Филипп Исаевич, как на представителя центра, мы возлагаем особые надежды. Надеемся, что Вы поможете нам организовать работу так, как требует этого жизнь.

А жизнь требовала многого. Началась кампания по выборам в городские, земские и волостные самоуправления. Приближались выборы в Учредительное собрание. Предстояла ожесточенная борьба с эсерами и меньшевиками за места. Нужно было шире и энергичнее развить агитационную работу. Нужны были кадры агитаторов и пропагандистов, нужна была большевистская печать. «Уральская правда» выходила пока нерегулярно, за полтора месяца удалось выпустить лишь восемь номеров сравнительно небольшим тиражом. Не хватало бумаги, не было своей типографии. Газета печаталась в частной типографии и обходилась дорого. Средств у областного комитета не было. Дефицит в его бюджете составлял около восьмисот рублей...

Из дома Поклевского-Козелл, где помещался Уральский областной комитет партии большевиков, Голощекин вышел уже ночью.

«Коллегия из четверых...— вспомнил он слова Крестинского и горько про себя усмехнулся.— И эта коллегия должна руководить всей партийной работой на огромной территории Урала... Боже мой, как мы бедны еще силами».

Он молча шагал по пустынному Покровскому проспекту к себе на Тихвинскую, где в первом этаже дома на углу Отрясихинской ему была отведена комната.

Подойдя к дому, Голощекин заметил, что над городом уже занималась заря. Он постоял немного у ворот, с наслаждением вдыхая свежий прохладный воздух, и вдруг с каким-то радостным, счастливым чувством подумал: «Как хорошо, что не надо прятаться от полиции, что тебя не ждут на каждом углу сыщики, а можно вот так стоять и дышать полной грудью, сколько тебе угодно! Нет, кое-что мы все-таки уже завоевали!»

На следующем заседании областного комитета 22 июня было утверждено «Письмо к партийным организациям Урала», а 25 июня напечатано в «Уральской правде». Вслед за этим появилось и обращение к рабочим.

«Рабочие Урала! — говорилось в нем.— Долгие годы ждали мы этой возможности вместо подпольного печатного станка воспользоваться настоящей типографией. Помогите рабочей партии осуществить эту желанную задачу».

Рабочие горячо отозвались на призыв областного комитета. Помимо обычных сборов и пожертвований решено было устроить заем на покупку типографии. Деньги стали поступать немедленно.

Открылась двухнедельная школа пропагандистов и агитаторов. Были разосланы работники на места. Голощекин радовался каждому успеху большевиков, каждой новой встрече с местными партийными работниками. А хороших работников в Екатеринбурге немало.

Вот вихрем врывается к нему в комнату разъездной агитатор областного комитета Николай Толмачев. Он только что вернулся из поездки по заводам. Был в Кушве, Баранче, в Нижней и Верхней Туре. Ему немедленно хочется поделиться своими впечатлениями, да он и обязан доложить секретарю областного комитета о результатах своей поездки. Голощекин внимательно слушает и невольно любуется этим человеком: сколько в нем энергии, какая огромная сила убеждения!

— Везде проводились митинги и собрания,— звучит задорный почти мальчишеский голос Толмачева.— Интерес у рабочих к нам большой. Они прямо говорят: нам хочется лучше узнать большевиков, а то изображают вас пугалом... В Верхней Туре беседа о программе партии продолжалась шесть часов. На Нижне-Туринском заводе работает только

один цех. Рабочие разбрелись по окрестным рудникам. Социал-демократическая организация оборонческая. В комитете всякая шваль вплоть до отца дьякона. Встретили нас враждебно.— Зачем вы приехали,— говорят,— раскалывать нас? Это вам не удастся. Президиум предложил дать мне пятнадцать минут. Собрание постановило не ограничивать. Аплодировали долго, благодарили и просили приехать еще раз.

Голощекин мягко улыбнулся при этих последних словах Толмачева, записал что-то в своем блокноте и сказал:

— Ну что ж, придется тебе воспользоваться приглашением съездить туда и, может быть, еще не раз.— Глаза Голощекина вдруг засветились каким-то особым ласковым огоньком, и он тепло по-отечески добавил: — А теперь, Коля, отдохни немного, и я буду рекомендовать комитету направить вас с Иваном Тунтулом в Нижний Тагил. За тагильских рабочих нам надо драться.

Толмачев ушел, а Голощекин, встав проводить его, так и продолжал стоять некоторое время посреди комнаты в глубоком раздумье, глядя на закрывшуюся за Толмачевым дверь.

Сколько их тут таких вот отважных, горячих, непреклонных, готовых на всякие лишения и муки, готовых на все ради свободы и счастья своего народа: Андроников, Быков, Вайнер, Малышев, Толмачев, Шейнкман... Все они еще молоды, но у каждого за плечами большая жизнь, богатый опыт борьбы. «Мир перевернуть с таким народом можно!»

Кипение жизни, полной новых тревог и забот, захватило Голощекина. Работы столько, что не замечал ни дня, ни ночи. Новые дела, новые люди, страстная полемика собраний, митинги, споры до хрипоты. О такой жизни тосковал Филипп Исаевич, находясь в туруханской ссылке, и чувствовал теперь необыкновенный прилив сил. Помимо работы в областном комитете партии, он был членом редколлегии газеты «Уральская правда», лектором в областной школе пропагандистов и агитаторов, членом Уральского областного и Екатеринбургского городского Советов и городского комитета РСДРП(б). Делегатом от Екатеринбурга участвовал в работе VI съезда партии.

Голощекин в этот период был одним из руководителей Уральской организации РСДРП(б), его деятельность неотделима от деятельности областного комитета партии и всей большевистской организации Урала.

В течение лета 1917 года большевикам удалось значительно укрепить свои позиции в Советах и других массовых организациях. Их влияние и авторитет возрастали с каждым днем. Еще в июне большевики одержали внушительную победу на первом Екатеринбургском окружном съезде Советов, где было представлено около двухсот тысяч организованных рабочих от сорока городов и заводов Среднего Урала. Съезд принял большевистскую резолюцию об установлении рабочего контроля над промышленностью и предложил местным Советам готовиться к захвату предприятий, владельцы которых откажутся подчиниться рабочему контролю. Съезд отметил также, что «успешное проведение всех указанных мер возможно лишь при переходе всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

«Уральская правда» беспощадно разоблачала антинародный характер Временного правительства и его верных слуг меньшевиков и эсеров. 13 августа в газете была напечатана статья В. И. Ленина «Клеветникам», клеймящая позором тех, кто пытался свалить ответственность за события 3—4 июля на большевистскую партию, привлечь к суду «за измену и организацию вооруженного восстания» Ленина и других большевиков. Даже после июльских событий в Петрограде, когда контрреволюция активизировалась, революция на Урале не только активно оборонялась, но и продолжала в отдельных направлениях наступать.

Рабочие на некоторых заводах арестовывали представителей правительства Керенского, разгоняли заводоуправления и брали предприятия в свои руки.

Среди множества дат и событий, значительных и ярких, памятным стал для Голощекина и день 21 августа. В этот день закончил свою работу II областной съезд Советов Урала. Среди делегатов было около восьмидесяти большевиков — представителей местных партийных организаций. Областной комитет партии решил воспользоваться их присутствием в Екатеринбурге и торжественно отпраздновать открытие пер-

вой большевистской легальной типографии на Урале, оборудованной на средства рабочих.

Вечером после заключительного заседания съезда делегаты собрались в помещении типографии. С восторгом и любопытством они осматривали типографские машины. Кто-то предложил напечатать что-нибудь на память. Находящиеся среди присутствующих члены областного комитета тут же набросали листок-обращение «Ко всем партийным организациям и ко всем членам партии на Урале». Хотя оборудование типографии не было еще полностью закончено, листовка была набрана и отпечатана. Начиналась она так: «Товарищи! Сегодняшний день — день 21 августа 1917 года — должен навсегда остаться в памяти социал-демократов Урала. В этот день Уральский областной комитет нашей партии имеет редкое счастье приветствовать съехавшихся со всего Великого Урала представителей наших организаций в помещении открывающейся на днях партийной типографии, созданной на деньги рабочих всего Урала».

В торжественной тишине с большим волнением ждали выхода первого экземпляра листовки. Потом с ликованием вырывали его из рук друг у друга. Каждому хотелось получить на память именно этот листок — самый первый. Тот, кому он достался, с гордостью заявил: «Повесим в рамке у себя в комитете». Всего листовок напечатали несколько сот экземпляров... Потом пили чай, пели и веселились. Расходились поздно. И не было, казалось, значительнее слов, заключенных в этих листках. «Созрел уже перелом в сознании наших рабочих... изжита тяжелая пора соглашательства».

Это была большая победа уральских большевиков, настоящий рабочий праздник. Голощекин чувствовал себя в этот день особенно молодым и счастливым.

Но контрреволюция, особенно в центре, была еще сильна. Вскоре она нанесла уральским рабочим тяжелый удар. По предписанию Керенского газета «Уральская правда» через несколько дней после открытия типографии была запрещена. Потом стало известно о том, что есть распоряжение о привлечении к суду членов редакции газеты.

Уральские большевики приняли этот удар обнаглевшей контрреволюции без малейшей растерянности. Газета нужна была рабочим, и она у них появилась. Через несколько дней

после закрытия «Уральской правды», с 6 сентября начал выходить «Уральский рабочий», высоко поднявший ее революционное знамя.

В октябре 1917 года уральцы радостно, с большим революционным подъемом проводили своих делегатов на II Всероссийский съезд Советов, дали им строгий наказ добиваться изгнания правительства социал-предателей и перехода всей власти в руки Советов. Среди уральских делегатов II Всероссийского съезда Советов был и Филипп Исаевич Голощекин. Оказавшись в самый решающий момент революции в Петрограде, Голощекин вновь окунулся в самую гущу событий. Он был включен в состав Петроградского революционного комитета и принял активное участие в вооруженном восстании.

Большую работу он проводил как член большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов. После 25 октября в Смольный стали прибывать многочисленные делегации с фронта. Беседовать с ними было поручено Филиппу Исаевичу. Часто перед делегатами выступал В. И. Ленин.

В ноябре товарищ Филипп снова в Екатеринбурге. В период становления и упрочения Советской власти, а также в тяжелые годы гражданской войны он опять один из основных руководящих партийных и советских работников на Урале.

Вернувшись из Петрограда, Ф. И. Голощекин участвует в ликвидации так называемого объединенного революционного комитета, сконструированного из представителей «всех социалистических партий и революционно-демократических организаций», претендовавшего на роль высшего органа власти в городе.

Выступая на митингах и собраниях, Голощекин неутомимо доказывал, что «объединенный революционный комитет — это ненужная надстройка над Советом и что единственной властью в городе может быть только Совет рабочих и солдатских депутатов».

Рабочие и солдаты и на этот раз горячо поддержали большевиков. Они выступили с требованиями: «Никакой другой власти в городе кроме власти Советов!» Объединенный ре-

волюционный комитет под напором масс вынужден был заявить о своей ликвидации. Екатеринбургский Совет стал единственной и общепризнанной властью в городе. Борьба большевиков увенчалась успехом.

В начале января 1918 года Ф. И. Голощекин руководит работой 3-й Уральской областной конференции РСДРП(б). Это была первая конференция уральских большевиков после победы Октябрьской революции. Впервые на ней обсуждались вопросы организации нового государственного аппарата на местах, вопросы социалистического строительства. Голощекин выступал на конференции с отчетом областного комитета и делал доклад о вооруженной борьбе, доказывая необходимость создания вооруженных сил революции.

— Чтобы мы могли проводить в жизнь свои декреты, постановления, творить социалистическую революцию,— говорил он,— мы должны иметь революционную силу. Нужна постоянная вооруженная сила для обеспечения победы революции и для защиты ее от посягательств враждебных нам сил.

Пламенный большевик подчеркивал, что вооруженные силы Советской республики должны носить классовый характер, находиться под руководством большевиков и проводить в жизнь идеи партии.

Большую работу Ф. И. Голощекин проводил на Урале не только как партийный, но и как государственный деятель.

10 января 1918 года Уральский областной Совет назначил его комиссаром юстиции. Находясь на этом посту, Ф. И. Голощекин активно участвовал в ломке старого государственного аппарата и создании новых советских учреждений, в национализации предприятий, в организации управления промышленностью.

Вскоре Голощекин был назначен членом областного военного комиссариата, а затем комиссаром Уральского военного округа и принял активное участие в формировании частей Красной Армии, был в числе первых организаторов борьбы с дутовцами, восставшими белочехами и колчаковцами.

Весной 1918 года Уральская партийная организация направила Филиппа Исаевича на VII съезд РСДРП(б). В вопросе

о Брестском мире он сразу занял ленинскую позицию. После возвращения со съезда ему пришлось вести ожесточенную борьбу с «левыми коммунистами».

Летом 1918 года, когда работа по формированию воинских частей была в основном закончена, Центральный Комитет партии принял постановление о создании во всех подразделениях партийных ячеек и налаживании партийно-политической работы в армии. Областной комитет партии, заслушав 29 августа доклад Голощекина по этому вопросу, создал специальную коллегию из пяти человек для организации всей военно-политической работы на территории Урала. Голощекину, как члену областного комитета партии, члену областного Совета и окружному военному комиссару было поручено возглавить эту коллегию. Одновременно он был назначен главным политическим комиссаром Третьей армии.

В приказе командующего Третьей армией Р. И. Берзина говорилось: «Главный политический комиссар армии отвечает за всю политическую работу в районе армии и в тылу до Вятки включительно. Ему подчинен политический отдел штаба армии, а также все политические отделы и комиссары в районе армии».

Находясь на этом ответственном посту, Филипп Исаевич много сделал для того, чтобы наладить партийно-политическую работу в красноармейских частях.

В местах расположения частей Третьей армии представителями политотдела создавались комитеты бедноты и партийные организации, проводилась большая политическая и просветительная работа среди гражданского населения. Этому делу Ф. И. Голощекин отдавал свою энергию, весь свой талант организатора, пропагандиста и агитатора.

В конце 1918 года, когда Урал и Сибирь оказались под властью Колчака, на первый план выдвигается задача организации подрывной работы в тылу колчаковских войск. Для руководства подпольными партийными организациями и партизанским движением в колчаковском тылу 17 декабря было создано Сибирское бюро ЦК РКП(б), называвшееся также Урало-Сибирским бюро. В числе членов бюро — опытный подпольщик и конспиратор Ф. И. Голощекин. В январе 1919 года он принимает деятельное участие в организации отделения Урало-Сибирского бюро при уральском обкоме

РКП(б), эвакуированном в Вятку, руководит подпольной работой на территории Урала.

В тыл врага переправлялись опытные работники, большевистская литература, газеты, листовки. В одном из сохранившихся писем отделения Урало-Сибирского бюро ЦК в политотдел Третьей армии говорится:

«С тов. Феофановым И. Г. посылаем четыре тысячи экземпляров газет «Пламя восстания» для распространения среди солдат-белогвардейцев на фронте вашей армии».

Подпольщики работают всюду: в крупных городах и рабочих поселках, в белогвардейских воинских частях и штабах, организуют три всесибирские подпольные конференции большевиков. В тылу врага действуют партизанские отряды. Горит земля под ногами колчаковцев...

Окончилась гражданская война. Партия посылает лучших своих сынов на фронт борьбы с голодом и разрухой, на фронт строительства новой жизни. Верный ленинец Ф. И. Голощекин опять на передовых позициях, выполняет важнейшие поручения партии. Председатель Главруды, уполномоченный ВЦИК в Костроме, председатель Костромского губисполкома, секретарь Уральского бюро ЦК РКП(б), председатель Самарского губисполкома.

Одному из авторов настоящего очерка В. Е. Бузунову довелось работать вместе с Ф. И. Голощекиным в Самаре и близко знать его. Филипп Исаевич был душой самарской партийной организации. Его светлый ум, огромный опыт, удивительное знание дела помогали быстро находить нужные решения. Несмотря на большую занятость, Филипп Исаевич находил время для встреч с товарищами, нуждавшимися в его помощи и совете. Он был весьма прост и доступен с людьми. Ни тени чванства, высокомерия или равнодушия к товарищам по работе, сотрудникам или посетителям.

Тяжелое испытание обрушилось в те годы на нашу партию. Серьезно заболел В. И. Ленин. Этим воспользовались притаившиеся старые враги партии — троцкисты и возобновили фракционную деятельность. Являясь членом бюро губкома, одним из авторитетных руководителей Самарской партийной организации, Голощекин со всем пылом закаленного в боях ленинца ринулся в битву с оппозиционерами. Он ведет неустанную борьбу с раскольниками. Страстная убеж-

денность, неотразимая сила логики в речах Филиппа Исаевича буквально обращали в бегство противника, и троцкисты всегда оставляли «поле сражения» посрамленными.

Следующий этап в деятельности Ф. И. Голощекина — трудная и ответственная работа на посту секретаря Казахстанского крайкома ВКП(б). Здесь, в Казахстане, с именем Голощекина связано создание первой крупной новостройки СССР — Туркестано-Сибирской железной дороги. Строительство продолжалось с марта 1927 года до мая 1930 года, закончилось оно на год раньше срока. Значение его трудно переоценить. Создание Турксиба позволило соединить кратчайшим путем два богатейших района СССР — Сибирь и Среднюю Азию. На этом строительстве из вчерашних кочевников-казахов были воспитаны многочисленные кадры рабочих и технической интеллигенции, и в этом немалая заслуга Ф. И. Голощекина, возглавлявшего партийную организацию Казахстана.

Всю свою жизнь Голощекин отдал партийной работе. Партийная работа была делом его жизни. Он участвовал почти на всех партийных съездах и конференциях. С XII до XV съезда был кандидатом в члены ЦК, на XV съезде Ф. И. Голощекина избрали членом ЦК ВКП(б).

В последние годы своей жизни Филипп Исаевич работал на посту главного государственного арбитра при Совнаркоме СССР. На этом кончился его жизненный путь, путь настоящего преданного ленинца, путь борьбы за счастье людей.

В. БУЗУНОВ, Е. МОИСЕЕВА

дело

Михаил Федорович Давыдов служил приказчиком в мануфактурной лавке купца Бочкарева, мечтал скопить деньжат и открыть собственное «дело». Пускай поначалу махонькое, нешумное, зато свое. А там с божьей помощью «дело» войдет в силу, подрастут дети, глядишь, появится в Нижнем солидная фирма «Давыдов и сыновья». Сами себе хозяева. За товаром — в Москву со старшим, Николаем. Старший сын... Глядя на него, Михаил Федорович словно рассматривал свою карточку мальчишеской давности — худощавое лицо, большие, слегка навыкате черные глаза, открытый лоб, мягкие русые волосы, добрый,

14 Заказ 17

чуть припухлый рот. И в то же время было в Николае что-то новое, свое. «Характернее он»,— с уважением отмечал отец. Михаил Федорович признавался себе, что в эти годы он был бесшабашным, легкодумным мальчонкой, а в Николае — откуда что берется — рядом с детскостью — какая-то степенность, рядом с озорством — почти взрослая задумчивость, рядом с мальчишеской говорливостью — замкнутость, скрытность...

Михаил Федорович надеялся, что сыновья изберут его жизненную тропку. Первым выйдет на нее Николай. Сначала, как водится, в ученики, под отцовскую руку. Затем станет приказчиком. Ну, а когда Михаил Федорович обзаведется собственным делом, будет его правой рукой.

Однажды он взял Николая в лавку: пора приохочивать к своему занятию старшего сына. Но Николай поскучал недолго в лавке и исчез.

Вечером Михаил Федорович говорил ему негромко и как-то особенно задушевно:

— Старший сын. Это понять надо. Мой заединщик, единомышленник, значит. Куда иголка, туда и нитка, вот как. Дочки — что? Время приспеет — разлетятся, кто куда. А сыновья — другой коленкор. Сыновья должны по отцовской дорожке. А дорожку я для вас проторил верную. Иди, не оглядывайся. Может даст бог, свое дело откроем,— кто мне надежа и опора? Старший сын...

— Не хочу я в приказчики,— сказал Николай с таким видом, словно ступал в ледяную воду.

— Выходит, не нравится тебе приказчичья служба?

— Приказчик. Вроде он должен приказывать. А на деле ему приказывают, он гнется перед всеми...

Несколько минут Михаил Федорович оскорбленно молчал.

— Слыхала, мать? Вот какую птицу мы с тобой выкормили. Из куриного яйца орел вылупился! — он повернул голову к Николаю.— Где же собираешься летать?

Николай сказал, что хочет на завод, в рабочие. Отец горько усмехнулся:

— Высоко забираешь, нечего сказать...

Он долго говорил о «чистой» приказчичьей работе, о том, как досадно, когда показываешь человеку дорогу, а он сво-

рачивает с нее, плутает, попадает в беду. Особенно досадно, если этот человек — твой сын, родная кровь...

Екатерина Логиновна, слушая, беспокойно посматривала на мужа, на сына, и глаза у нее влажно блестели.

Пятый день февраля 1906 года был для Михаила Федоровича одним из самых счастливых в его жизни. С этого дня он стал ходить не на службу, а в собственную лавку.

Скопив немного денег, Михаил Федорович рассказал о своем намерении приказчику Золотареву, которого считал наиболее порядочным среди друзей. Золотарев признался, что тоже скопил деньгу, и предложил открыть дело на паях.

Но одним майским утром, подойдя к лавке, Давыдов увидел на двери не тот замок, от которого у него и Золотарева были ключи. Воспользовавшись тем, что они оформили свои отношения не по закону, а на «честном слове», Золотарев обманным путем переписал всю торговлю на имя жены... Михаил Федорович остался без дела, без денег и без службы. Слонялся отчаявшийся, потерянный. Пока на Нижегородской ярмарке не встретил «положительного» человека, который уговорил его переехать на Урал.

Екатерина Логиновна понимала, что Михаил Федорович решился бросить Нижний не только из-за позора,— в конце концов, не он первый, не он последний,— не только из-за того, что не смог отыскать стоящее место, оно все равно нашлось бы в большом торговом городе. Была еще одна немаловажная причина — Николай.

Когда случилось несчастье с «делом», Михаил Федорович выбился из сна, ходил по ночам, как домовой, и как-то застукал сына: все спят, а он при коптилке сидит над книжкой. На обложке: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Книжка явно такая, что и тому, кто ее написал, и тому, кто напечатал, и даже тому, кто читает ее,— тюрьма...

— Мало мне своих напастей, хочешь петлю мне на шею? — гневно зашептал Михаил Федорович, размахивая книжкой перед лицом сына.

— А ты ни при чем,— Николай спокойно отобрал книжку и разгладил ее ладонью.

— Чтоб в моем дому не было больше этакой пакости...

Николай молча спрятал книжку под подушку, лег и задул огонек коптилки...

— Конечно, сейчас по всей России такая же кутерьма да разброд,— говорил Михаил Федорович жене.— И все ж таки в Нижнем завсегда было полно смутьянов. Тут не жди спокою. Один Севастьянов чего стоит. Забастовщик, бунтарь, про него и в газетах пишут. А наш привадился в то логово...

С переездом в Екатеринбург Михаил Федорович чаял не только поправить свое положение, но и спасти старшего сына.

А Николаю было горько уезжать из Нижнего. Был бы он самостоятельным человеком, никуда бы отсюда не уехал. Но какая может быть самостоятельность, если ты всего месяц назад кончил городское училище, если в руках никакого ремесла, а в кармане пусто? Вот и подчиняйся чужой воле, что скажут, то и делай, куда повезут, туда и езжай, бросай товарища. Более близкого человека, чем сын деповского слесаря Ефим Севастьянов, у него не было. Родители и вся родня не в счет, они близкие по крови. А Ефим — душой, сердцем, всеми мыслями...

На Вознесенском проспекте Николай увидел двухэтажный дом с мезонином и вспомнил рассказ Прокопьича, у которого на заводе Ятеса проходил слесарную науку. В этом мезонине — Прокопьич называл его «голубятенкой» — Яков Свердлов (здесь у него была кличка — товарищ Андрей) читал рабочим лекции. Год назад, как раз в это самое время, он был в Екатеринбурге, ходил по этим улицам, выступал на Кафедральной площади, на заводе Ятеса, жил в поселке Верх-Исетского завода, может, этой же дорогой, по Клубной, шагал на Каменные палатки...

Конечно, было бы смешно и нахально сравнивать себя с товарищем Андреем — он опытный революционер, а Николай всего лишь новичок, но все-таки есть что-то знаменательное в том, что они родились и выросли в одном городе, что из Нижнего попали не куда-нибудь, а именно в Екатеринбург, хотя в России столько городов! Жаль только, ему не привелось увидеть товарища Андрея. Охранка упрятала его в тюрьму, кто знает, когда он выйдет на волю...

И все равно Николаю повезло: он попал в хороший город, сошелся с хорошими людьми. Прокопьич. Как будто смирный человек, как будто живет особнячком. А от него ниточки к десяткам рабочих.

Петр Ермаков. Парень с Верх-Исетского завода, весь как пружина. Грамотешки у него не лишка, а душа неугомонная, бурливая. Или вот Сима. Серафима Ивановна Дерябина. Окончила гимназию, могла бы стать учительницей, жить хоть и без шику, но горя не знаючи. Но перебивается частными уроками, чтобы побольше времени выкроить для главного — для рабочих кружков, для революции.

А товарищ Семен? Есть много разных специальностей, которым посвящают себя люди. Одни становятся слесарями, другие литейщиками, учителями, докторами, сталеплавильщиками... У Семена специальность — революционер. В Екатеринбурге он с середины этого года. Бежал из ссылки. В каждую минуту его могут взять. Но он, пожалуй, не думает об этом. Борьба, подполье, скитания, тюрьма, ссылка и опять борьба — другой жизнью он и не смог бы, наверно, жить...

Николаю хотелось быть таким же, как эти люди, жить, как они. Пока он главным образом орудовал листовками. Куда только с его помощью не залетали эти белые птахи! Они ловко пристраивались на заборах, на стенах домов, даже на доме полицмейстера, залетали в раскрытые окна казарм, в ящики верстаков, повисали на сучках в лесу, как раз в тех местах, где ходит народ, целой стаей вдруг шумно вспархивали с балкона, когда в зрительном зале погасал свет. Но этого было мало, очень мало... Он мечтал о боевом, по-настоящему опасном деле. О таком, например, какое сотворили трое екатеринбургских парней, выкравшие с рудничного склада четыре пуда динамита. Вот это отчаянные, удалые головушки!

На Каменных палатках, посреди расступившихся сосен и темно-серых гранитных скал собралось уже много народу. Стояли небольшими группами. Рабочие железнодорожных мастерских, текстильщики с фабрики братьев Макаровых, верхисетцы с обожженными у огня лицами, металлисты с завода Ятеса.

Собрание вел товарищ Семен, большой, немного сутулый, с черной копной вьющихся волос и пышными усами.

Выступал человек средних лет с красивым женственным лицом. Он говорил о том, что революция потерпела поражение, царизм торжествует и свирепствует. Военно-полевые суды, карательные экспедиции, тюрьмы и виселицы. Силы не равны. Революции сейчас не поднять головы...

Погоди, погоди, куда же он загибает? Помышлять о новой революции, значит не понимать того, что делается кругом? Сопротивление сейчас бессмысленно...

Николай беспокойно посмотрел на Прокопьича, отыскал глазами Петра, Симу. Что же происходит? Неужели они согласны с ним?

В этот момент, перекрывая голос оратора, грохнуло с разных сторон:

— Хватит!

— Долой его!

— Трусость! Позорная трусость! — на поляну вышел коренастый парень в куртке ученика горного училища.— Трусость и малодушие. Нам предлагают поднять руки, сдаться. Никогда. Это измена. Самая подлая измена. Самодержавие берет нас за горло? Ударим по рукам. Оно — репрессии. Мы должны ответить террором...

— Знакомый мотив,— перебил товарищ Семен.

— Симу! Сима пускай говорит...— пронеслось над головами.

Она выступила вперед быстрой пружинистой походкой, энергично подняла голову, щеки у нее лихорадочно зарумянились.

— Я вспоминаю прошлогоднюю весну. Весну пятого года...— заговорила грудным невысоким голосом.

Николай не сводил с нее глаз, ловил каждое слово. Она говорила, что революция жива, потому что живы люди, которые верны ее идеям. Что нужно не выжидать лучших времен, а наступать, наступать на самодержавие... Но только не так, как предлагают социалисты-революционеры и анархисты. Даже гимназистам уже понятно: если убить пристава, губернатора или самого царя — ничего не изменится. За одну дурную царскую голову снимут с плеч сотни светлых голов.

— Вот недавно трое анархиствующих молодцов украли на руднике динамит. Решили, наверно, пустить на воздух

империю. Безрассудство. Подумайте: не принести революции ни капли пользы и уйти на каторгу на четыре года...

— Боевые дружины надо укреплять, а не воровать динамит,— Николай узнал голос Ермакова.

— Непременно укреплять боевые дружины,— живо подхватила Сима.— Вовлекать народ в борьбу. Каждый достойный человек, которого мы подняли против царя,— наша победа...

В это время над поляной пронесся тревожный шепот:

— Полиция...

Большая часть людей устремилась к озеру Шарташ, к Березовскому тракту. Николай решил пересечь лес и выйти против Главного проспекта. Сима пошла рядом с ним. Молчали. То и дело спотыкались о толстые корни сосен.

Узенькая тропка наконец-то вывела их на опушку. Стало светлее.

— Ты выбрал хороший курс,— сказала Сима.— Никого не встретили. В мае они взяли здесь пятьдесят двух человек... Вообще ты, Давыдов, дельный товарищ...

Она сказала это вовсе не для красного словца. В организации его уже знали как смелого и находчивого распространителя листовок, нелегальной литературы. В кружке, который Сима вела среди рабочих завода Ятеса, Николай сразу обратил на себя ее внимание. Молчаливый и скромный, он, преодолевая почти ребячью застенчивость, забрасывал ее вопросами; на них всегда было интересно отвечать. Симе нравились такие люди, сдержанные, пытливые, с внутренним беспокойным огоньком. Иного пытаешься разжечь, а не получается — «сырой» изнутри. Здесь же только подкладывай «топливо»...

— Дельный,— повторил Николай грустно и насмешливо.

— Что, не согласен?

Он признался: еще по дороге на Каменные палатки завидовал молодцам, выкравшим динамит...

Сима захохотала.

— Да ты, оказывается, самый обыкновенный анархист...

— Если бы все заодно, никакой бы путаницы не было,— угнетенно сказал Николай.— А то не сразу разберешься...

— Если бы... Да только так не бывает, дорогой товарищ. Эх, обидно, не доспорили сегодня. Ведь, кажется, чего про-

ще понять: выступишь один — раздавят, как козявку. Народ выступит, масса — горы свернет...

На узенькой Усольцевской улице, возле невысоких, слегка покосившихся ворот, Сима остановилась.

— Вот я и дома. Послезавтра на занятия принесу тебе хорошую книгу. Это первое. Завтра сходи на Тихвинскую, 12. Там живет Маруся Бычкова, гимназистка, славная девочка. Назовешься ей. Она уже знает. Получишь литературу...

— Понятно,— ответил Николай, подумав: «Вот тебе и гимназистка!»

Сима чуть откинула голову, словно смотрела на появившиеся звезды.

— Когда мы победим,— сказала она тихо и убежденно,— я обязательно напишу роман или пьесу — как мы жили, как боролись, как все это было. И обязательно выведу рабочего паренька, который вступает в борьбу, становится революционером, членом партии...

Николаю запомнились эти слова, потому что стали для него точно предсказанием. Зимним вечером 1906 года в лесу, за Генеральской дачей, большевики завода Ятеса приняли Николая в Российскую социал-демократическую партию...

Он ввалился в дом озябший и не то счастливый, не то пьяный. Михаил Федорович оторвался от «Уральского края», критически посмотрел на сына.

— Не в мастера ли произвели? Или, может, еще выше?

— Выше...

С какой бы радостью он рассказал родителям обо всем, что происходит в его жизни, что произошло сегодня! Наверно, счастье его сделалось бы от этого еще полнее, больше. Но ведь они не поймут. Переполошатся только...

То было трудное и тревожное время. Бесконечные аресты, полицейские погромы, неусыпная слежка охранки. Сима отбывала ссылку в Вологодской губернии, Семена почти год продержали в тюрьме и на три года угнали в ссылку в Архангельскую губернию. Почти все руководители Екатеринбургской организации были арестованы.

Но в глубоком подполье все же шла работа. Приходили новые люди. Был среди них Леонид Вайнер, старый, несмотря

на свои тридцать лет, подпольщик. За плечами у него была революционная работа на Лысьвенских рудниках, в Перми, Билимбае и в Вятке.

Екатеринбургская партийная организация, в комитет которой входили теперь Петр Ермаков, Леонид Вайнер, Николай Давыдов и другие, кропотливо, неустанно накапливала силы для нового подъема. И вот пора этого подъема пришла. Горячая, беспокойно-радостная пора. Уральские большевики решили провести областную партийную конференцию, чтобы связать воедино разобщенные в черные годы реакции партийные организации Урала.

Екатеринбуржцы списывались с товарищами из Перми, Челябинска, Златоуста и других городов, связь с которыми разрушили бесконечные провалы. В Екатеринбург снова приехал товарищ Семен. Бежавший из ссылки, он получил задание центра помочь уральцам провести конференцию. Семен провел выборы делегатов в Миньяре, Златоусте, Уфе и вернулся в Екатеринбург.

Был март 1909 года. Еще и не пахло весной на Урале, а настроение у всех было весеннее.

«Миновала пора могильной реакции и зарождается новая, быть может, еще более могучая, чем предшествующая, волна народного революционного движения...» — такими словами начиналась листовка, с которой Екатеринбургский комитет РСДРП обратился к трудящимся накануне конференции. Конференция была назначена на 29 марта. Но провокатор выдал охранке планы большевистской организации, и в ночь на 28 марта почти все участники конференции были арестованы.

Арестовали и Николая Давыдова. Жандармы рылись в подполье, в шкафах, сундуке, ощупывали перины и подушки, тыкали шашками в печное поддувало, переворошили все на чердаке. А там было упрятано несколько экземпляров последней листовки, программа для кружков, список книг. Нашли только два паспорта, заготовленные для политических беглых, один на имя Ивана Коновалова, другой — чистый...

Когда жандармы увели Николая, Екатерина Логиновна присела на его кровать и, обняв голову, тихо заплакала.

— Слезами пожара не зальешь,— задумчиво и жестко проговорил Михаил Федорович.— Чуяло мое сердце —

хлебать ему арестантские щи... Вот тебе и подмога, и правая рука. Заместо дела «Давыдов и сыновья» — жандармское дело...

Тюремщики решили поиздеваться над «политическими». Их заставили скинуть одежду и надеть грязное, рваное и вшивое тюремное тряпье. В камере на нарах не оказалось ни тюфяков, ни подушек. Арестованные возмутились и потребовали, чтобы надзиратель вызвал старосту политических заключенных. Вскоре в камеру вошел человек невысокого роста, в пенсне, в черной блузе и сапогах.

Ермаков и Прокопьич почти одновременно подались вперед:

— Товарищ Андрей...

Прокопьич толкнул Николая:

— Свердлов это. Яков Михайлович. Я тебе сказывал...

Староста оглядел сквозь пенсне камеру и повернулся к надзирателю:

— Вызовите сюда начальника тюрьмы,— голос у него был звучный и властный.

Николай не отрывал глаз от Свердлова. Все-все, что он слышал об этом человеке еще в Нижнем и здесь, мгновенно пронеслось в его голове. Ему захотелось подойти к товарищу Андрею, сказать, что он давно знает его, что он тоже из Нижнего...

— Ба, сколько знакомых! — воскликнул Свердлов и протянул к Прокопьичу руки.— Какая досада — встретились в таком неподходящем месте. Завод Ятеса? Припоминаю. Кафедральная площадь, девятнадцатое октября пятого года. Помню, помню...

От Якова Павловича Прокопьева Николай знал, что в девятьсот пятом тот с дружинниками уберег товарища Андрея от налетевших на демонстрацию погромщиков и казаков.

А Свердлов поздоровался с Вайнером и тискал смущенно улыбающегося Ермакова.

— Хороший митинг получился тогда в листовом цехе. И, как всегда,— полиция. Помнится, это ваш братец нарядил меня в рабочую одежду, подмазал сажей и вывел через задний двор... Да, вот и встретились...

— Товарищ Андрей,— сказал Прокопьич,— мы слыхали, вас в Перми забрали... А срок-то какой?

— Два года крепости отбываю... Да не обо мне сейчас речь. Вы-то зачем сюда пожаловали?

Вайнер и Прокопьич рассказали о готовившейся конференции, о том, что почти всех взяли накануне. Свердлов слушал, теребя черную бородку.

— Провокатор, конечно,— проговорил он с досадой.— Обидно. Очень обидно...

Поднял голову, увидел Николая, подошел к нему.

— Кто такой? — за овальными стеклами пенсне живо и тепло поблескивали черные глаза.

Николай как-то сразу успокоился, сказал, что он слесарь с Ятесовского завода.

— В тюрьме впервые?

Николай кивнул с чувством какой-то неловкости.

— А родом откуда?

— Из Нижнего.

— Земляк! — радостно воскликнул Свердлов.— В Екатеринбургской тюрьме встретить земляка! Примечательно...

Он стал расспрашивать, когда Николай из Нижнего, где жил там. И Николай, торопясь, рассказал о себе.

Вошел начальник тюрьмы, толстый и рыхлый, с квадратным обрюзглым лицом. Свердлов поправил пенсне, вышел на середину камеры.

— Господин начальник, вы можете питать к политическим заключенным какие угодно чувства, но издеваться над ними вам никто не дал права...— в голосе его, сильном и красивом, появились железные нотки.

— В чем вы усматриваете? — сонно спросил начальник.

— Эти грязные, отвратительные тряпки, эти голые нары — откровенное издевательство. Извольте приказать, чтобы арестованным немедленно выдали матрацы, подушки и нормальную одежду вместо лохмотьев. Это позор, господин начальник. Я надеюсь, нам не придется возвращаться к этому вопросу и вызывать господина прокурора для демонстрации безобразий, творимых в вашей тюрьме над политическими заключенными...

Сонно взглянув на старосту, начальник тюрьмы двинулся к двери. Голос Свердлова настиг его у порога:

— Вы не изволили ответить, господин начальник...

— Будет улажено,— буркнул тюремщик и вышел из камеры.

Прокопьич засмеялся:

— Ну, товарищ Андрей, здорово же вы... Даже не поймешь, кто из вас тут начальство...

Свердлов слегка улыбнулся:

— Иначе с ними нельзя, с этими господами-скотами... Итак, друзья, вы уже узнали, что я староста камер политических заключенных. Во все такие камеры имею право заходить. Обязательно воспользуюсь этим, буду надоедать вам, учтите. Со всякими вопросами, просьбами — прошу сначала ко мне. Я же и библиотекарь. Книги выдаю без записи, удостоверение личности не требую...

Свердлов был внимателен к Давыдову и Ермакову. Он уговорил их учиться.

— В воспоминаниях одного старого революционера сказано примерно следующее. В таких странах, как Россия, тюрьма не есть только одно из зол. Тюрьма — это также храм, где мы поневоле углубляемся в самих себя и воспитываем самих себя. Я бы сказал, что для нас, большевиков, тюрьма — университет. Сейчас, пожалуй, только здесь можно получить серьезное марксистское образование. Литература есть, времени свободного хоть отбавляй...

И они учились.

Свердлов приучил их к гимнастике.

— Поймите, нас хотят выключить из жизни, расслабить и духовно и физически. Но дудки! Мы должны сохранить себя. Не знаю ничего для здоровья более благотворного, чем гимнастика. Особенно в тюрьме. Поверьте мне...

Однажды, придя в камеру, озабоченный и серьезный, он сказал:

— О том, что вы усвоили, побеседуем завтра. Сейчас беспокоит меня другое. Скоро потащат вас на допросы. А вы двое — новички. От того, как будете держаться, многое зависит...

— А как держаться? — простодушно спросил Ермаков.

Свердлов придвинул табурет, сел.

— Учтите, друзья, правительству все-таки важно открыть действительно опасных лиц. И тут главное — что эти лица сами о себе скажут следователю-жандарму...

— Яков Михайлович, — спросил Николай, — если выдал провокатор, надо полагать, он все, что нужно было, рассказал самым точным образом?

— А шпики? — поддержал Ермаков. — Небось, каждый шаг наш по минутам расписали...

— Совершенно верно, — согласился Свердлов, и в глазах у него заиграла хитринка. — Но следователь-то знает, что шпионы часто врут — или из желания выслужиться, или по ошибке. Сведения провокатора — это неприятная для нас штука, козел попал в огород. Что можно сделать? Только одно — уклоняться от дачи показаний.

— Уклоняться, — задумчиво, с ноткой сомнения повторил Николай.

— Именно. Пока сведения, сообщенные провокатором, не подтвердятся, следователь не может придавать им значения. Ясно или неясно?

— Не совсем, — признался Ермаков. — Если они знают про какой-то факт, так отрицай, не отрицай — бесполезно. Все равно жандарм провокатору скорей поверит, чем мне.

— Вздор, друг мой, — терпеливо, с методической настойчивостью продолжал Свердлов. — Провокатор наверняка сообщил, что ты, Ермаков — «член преступного сообщества, именуемого Российской социал-демократической рабочей партией». Но чем доказана твоя принадлежность к партии? Да ничем. Но если ты признаешься: да, я член партии! — больше ничего им не надо, а ты получаешь каторгу. Поймите, друзья, если бы жандармы могли обойтись только сведениями шпиков и провокаторов, разве стали бы они возиться с нами? А ведь они, ой, как возятся...

Николай уперся локтями в колени, запустил пальцы в густые волнистые волосы.

— И все-таки не укладывается у меня... Почему же я должен отказываться от своих убеждений? Достойно это?

— А исповедываться большевику перед жандармом, пускаться с ним в откровения — достойно? — глубоким своим басом проговорил Свердлов. — Недостойно и глупо... Я знал одного горе-революционера. Вместе с товарищами его поса-

дили в тюрьму. Все сидят, а он — прошение на высочайшее имя. Царь его помиловал, а товарищи осудили, отвернулись. Отсутствие самолюбия так же опасно, как и избыток его... Только «нет», «не знаю», «не слышал», «не был». И для следователя ни одного крючка, ни одной зацепки. А попробуй согласись, подтверди, и все у жандарма пошло, как по маслу. Итак, ни слова пусть не услышат наши враги сверх того, что им известно без допроса. Ни слова...

Опытный жандармский ротмистр Ральцевич грозил каторгой, обещал немедленную свободу, но, несмотря на все ухищрения, ничего не добился на допросах. Судебный процесс над подпольной группой социал-демократов у жандармов не получился. Им пришлось ограничиться административными мерами. Давыдов высылался на три года в Архангельскую губернию, Ермаков — на два года в Вологодскую, Прокопьев — на три года в Туруханский край.

Архангельский губернатор «определил» Николая в город Кемь. От Екатеринбурга до Архангельска — 2000 верст, и от Архангельска до Кеми еще 513. Край света...

> 28 декабря 1909 г.
>
> «Здравствуйте, дорогие родители!
>
> ...На карте можно найти Кемь на юго-западном берегу Белого моря, как раз против Соловецких островов. Насчитывается в Кеми 600 жителей и 200 ссыльных. Город смахивает на большое село. Здесь я случайно узнал, что Кузьма Ильич Севастьянов из Нижнего, отец моего друга Ефима, тут отбывал ссылку. А с Ефимом как будто случилось какое-то несчастье...
>
> Мой адрес: Кемь, Архангельской губернии, политическому ссыльному Н. Давыдову».
>
> 8 января 1910 г.
>
> «...Я здесь буду учиться, и прошу вас отыскать и выслать мои учебники, по которым я занимался в Городском училище. Между прочим, хочу изучить иностран-

ные языки, за немецкий уже схватился и зубрю. Пожалуйста, если можно, не задерживайте. Посылка по почте обойдется копеек 45.

Вообще я попал в хорошую среду, веду близкое знакомство со своими екатеринбуржцами. Народ все серьезный и занимающийся».

20 марта 1910 г.

«...Занимаюсь по-немецки. Купил у товарища подержанный самоучитель за полтора рубля, новый стоит 4.

С приходом лета здесь ждут грозную гостью — холеру, унесшую в прошлом году до 20 человек. Врачебная помощь слишком ничтожна. Ссыльные образовали прошлое лето санитарный отряд, который много помог делу борьбы с эпидемией...»

29 мая 1910 г.

«...От Кеми до села Шуи, через болота, будут прокладывать дорогу в 20 верст. Ссыльным предложили взять подряд. Мы обрадовались. Если бы не занятия, то, честное слово, повеситься можно было бы.

Вышло 40 человек ссыльных. Но до обеда ушло больше половины — не выдержали. Пришли другие. Я к своему удивлению выдержал все время. За 12 часов зарабатывали по 1 р. 80 к. на человека. Домой приходили еле живыми и бросались спать..»

28 декабря 1911 г.

«...Вы меня упрекаете, что я вам перестал аккуратно писать. Не отрицаю этого и постараюсь объяснить, почему это так вышло.

Из Архангельска прибыли переодетые жандармы во главе с ротмистром, арестовали 25 человек и произвели на квартирах обыски, в том числе и у меня. Выпустили нас рано утром.

Через три дня около 12 часов ночи барабанят в дверь. Привалило к нам на этот раз 6 стражников, жандарм и

помощник пристава. Начали тщательный обыск. Жандарм просматривал каждую страничку в книгах, обращал свое недреманное око на каждый затасканный клочок бумаги. Лазили на чердак, искали в чулане, в каждую щелочку старались заглянуть, но напрасно...

Обыск продолжался до 5 час. утра. Теперь ожидаем последствий. Только убедительно прошу вас не преувеличивать моего положения, дело вовсе не так плохо, как это вам может казаться со стороны».

11 апреля 1912 г.

«...Вас, вероятно, крайне удивит перемена штемпеля на конверте. То была все Кемь, а тут вдруг письмо из Сумского посада!

Когда мне осталось еще всего 6 месяцев, неожиданно вызывают в полицию и объявляют, что по распоряжению губернатора меня должны выслать в Сумской посад. Нас таких 4 человека.

Сумской посад южнее Кеми на 100 с лишком верст, таким образом, я на целых 100 верст приблизился к вам...»

29 апреля 1912 г.

«...Не везет нам, екатеринбуржцам, здесь, в Архангельской губернии. В Мезени от чахотки умер присяжный поверенный Веселов, а месяц назад хоронили в Онеге Теплова. Через месяц после Теплова умер в Онеге еще один ссыльный. При похоронах стражники сильно избили ссыльных нагайками...

С первым пароходом, который ожидается сюда 12 мая, я начинаю работать на грузовой барже...»

14 июня 1912 г.

«...На днях у нас стряслась беда. Моего товарища, с которым я здесь все время жил, неожиданно арестовали и отправили в Кемь. Через два дня у него кончался срок. Страшно неприятная штука.

Главное вы, дорогая мамочка, за меня не беспокойтесь, я не пропаду. Ссылка мне дала хорошие уроки. Теперь меня ничем не запугаешь, видали всякие виды. Остается мне немного — три с половиной месяца...»

26 сентября 1912 г.

«Дорогие мои. Дорогая мама, страдалица моя!

Близится конец нашей почти четырехлетней разлуки. Через два дня кончается моя ссылка. Думаю 3 октября прибыть в Архангельск, столицу моего северного царства, а оттуда — на всех парах домой, к вам, в Екатеринбург...»

Канцеляристы держали себя по-разному: одни испуганно округляли глаза, другие смотрели с откровенной враждебностью, третьи делали непроницаемо-каменное лицо. Но все возвращали ему бумаги и говорили при этом почти одно и то же:

— Уже взяли...

Или:

— Деньком бы раньше...

Никто не хотел связываться с политическим неблагонадежным.

Через месяц «клюнуло» на Верх-Исетском заводе. Его вызвали к управляющему. Господин Рулев, высокий, сухопарый человек, посмотрел его бумаги, поднял глаза:

— Агитацией не будем заниматься?

— Никогда никого не агитировал...

Рулев как-то механически улыбнулся:

— Что ж, поглядим...

Сначала Николай мял формовочную землю в литейке, потом его поставили помощником машиниста на паровоз...

В начале 1913 года работа Екатеринбургской партийной организации оживилась. Первая политическая схватка, в которой участвовал Давыдов после ссылки, разгорелась на Верх-Исетском заводе.

Давным-давно рабочие России требовали от государства социального обеспечения. И наконец-то дума приняла зако-

15 Заказ 17

нопроект об организации на предприятиях страховых больничных касс. Но это был совсем не тот закон, которого добивались много лет. Правительство страховало рабочего от несчастных случаев и болезней. Размеры помощи были нищенскими. Если же ты потерял трудоспособность — живи, как знаешь. К тому же две трети взносов на страхование должны были вносить рабочие и лишь одну треть — хозяева, капиталисты...

— Надо показать людям, что этот закон — фикция, обман, пыль в глаза — не больше,— негромко, но страстно говорила Сима. Она остановилась, поправила серое одеяло, которым было завешено окно.— Меньшевики ратуют за безропотное принятие закона. Пусть довольствуются обглоданной костью, брошенной с барского стола. Мы будем бороться...

— Закон должен служить рабочему, а не капиталисту,— сказал Николай Давыдов.— За это стоит бороться.

— И что замечательно,— добавил Вайнер,— больничная касса на предприятии даст нам возможность вести борьбу легально...

— А почему, спрашивается, руководителем кассы может быть только заводчик? — Сима откинула со лба светлую прядь.— Почему?

— Так закон гласит,— Василий Ливадных насмешливо прикрыл глаз.

Одними из первых, кого Николай узнал на заводе, были братья Ливадных. Оба сталеплавильщики, оба большевики-подпольщики, они были мало похожи друг на друга. Петр — высокий, жгуче черный, Василий ростом пониже, плечистый, сложением похожий на циркового борца. И только характеры, словно подкаленные крепким мартеновским огнем, были у них одинаково крутые, решительные, горячие...

— Скажите на милость,— продолжала Сима,— неужели вы, Василий Иванович, или Михаил Похалуев, или Давыдов,— не сможете возглавить кассу? Справитесь, еще как!

— Разве ж хозяева уступят? — сказал Похалуев.

— А никто и не собирается ждать их милостей, Михаил Григорьич. В «Вопросах страхования» Ленин писал: настоящее страхование можно завоевать только революционным путем. Все, все взять в свои руки. Сразу, сейчас же...

Вайнер улыбнулся ободряюще:

— Верхисетцы смогут. Группка у них хоть и маленькая, да удаленькая, боевая...

— А завод все-таки трудный,— вздохнул Давыдов.

Верхисетцев зовут богомолами. Во многих цехах в красном углу красуются иконы. Под иконой днем и ночью горит лампадка, масло для нее покупают сами рабочие. Не перекрестившись, не берутся за инструмент. Ученик, забывший совершить крестное знамение, получает по уху — помни про бога...

— Люди не виноваты,— глубокая хмурая складка пересекла Симин лоб.— Расшевеливайте богомолов, обращайте в свою веру...— и предложила подготовку к выборам возложить на Давыдова.

...Все было непривычно Николаю: несколько сот человек сошлось без всяких предосторожностей, без патрулей, и не где-нибудь в лесу, а в сортировочном магазине — самом громадном цехе. Впервые за мрачные годы не тайно, а открыто и громогласно пойдет разговор о жизни, о нуждах рабочего. Он знал: это будет не просто собрание, а бой. Удастся ли выиграть его?

Доклад делал горный инспектор, приглашенный администрацией завода. Говорил он очень долго, мучительно заикался. Смысл доклада его сводился к тому, что заветные чаяния рабочего сбылись, что правительство, которое денно и нощно печется о его интересах, приняло замечательный закон. Теперь рабочий может быть совершенно спокоен: страховой закон оберегает его...

Как будто сильный ветер ворвался в цех и зашелестел черными листами железа.

— Речи, как мед...— послышалось сквозь нарастающий шум.

Инспектор, краснея и кривляясь, заспотыкался теперь на каждом слове. Еле закруглив свою речь, он растерянно отошел в сторону, вытирая взмокший лоб. Рулев недовольно потупился.

Слово взял рабочий Рогов. Николай знал его — умный, дельный парень.

Но что это с ним? Начал гладко и неожиданно будто подавился. Разволновался, что ли? Ну же, товарищ, смелей! Но Рогов

переминается с ноги на ногу, беспомощно машет рукой. Плохо дело. Оттуда, где столпилась администрация, метнулся колючий смешок.

Вышел Николай.

— Послушаешь господина инспектора — хоть молебен служи в знак благодарности. Только ведь все это — слова. Кто-то здесь верно сказал: «Речи, как мед». Я добавлю: «А дела, как полынь»... Условия у нас — тяжелее не придумаешь, несчастных случаев не сосчитать. Господин инспектор почему-то забыл сказать про них. Вот, например, Горохову, с прокатки, месяц назад руку оторвало. Администрации и суду хотелось да не удалось доказать, что виноват сам Горохов. Теперь ему, наверно, дадут пособие. Какой-то пустяк, мелочь. Скажем, получит он за свою оторванную руку десятку. А из чего сложились эти деньги? Шесть рублей шестьдесят шесть копеек — наши, рабочие, в них есть доля и самого пострадавшего. И всего только три рубля тридцать три копейки — хозяйские. Какой же это закон, если рабочий должен сам себя страховать? Страховые деньги должны быть только хозяйские.

Следом за Давыдовым выступали рабочие разных цехов, предлагали свои пункты устава.

Механик Печковский долго не мог получить слово. Наконец, вырвался, затарахтел надтреснутым голосом:

— Это черная неблагодарность, господа. Правительство сделало большой шаг в защиту ваших интересов, и что же оно встретило? Я повторяю — черную неблагодарность. Получивши мед, вы требуете ложку. Вы настаиваете, чтобы руководство кассой осуществляли рабочие. Во-первых, извините меня, это вам не под силу. Во-вторых, это ущемление прав хозяина...

Потом были выборы. Первое правление больничной кассы. Шестеро рабочих. Председатель — Николай Давыдов...

Когда кончилось собрание, и Николай проходил мимо Рулева, управляющий остановил его.

— А вы, молодой человек, нарушаете наш договор,— с подчеркнутой любезностью проговорил Рулев.

— Нисколько, господин управляющий,— улыбнулся Давыдов.— Вы же сами видели, разве этих людей нужно агитировать?..

Через три дня Николая вызвали в уездное полицейское управление. Исправник Ключников, с ухмылочкой поглядывая на него, протянул телеграмму Пермского губернатора: «Предложить Николаю Давыдову снять с себя обязанности председателя больничной кассы. Противном случае в 24 часа выселить Пермской губернии...»

Вечером он отправился к Вайнеру. Там была Сима.

— Этого следовало ожидать,— озабоченно сказала она.— «Политически неблагонадежный». Пока будет существовать самодержавие, носить нам это клеймо...— глаза ее неожиданно засветились.— Что же, касса останется легальной, а председательствовать будешь нелегально. Все равно победили мы. Первая больничная касса в России, где господа — рабочие...

Стачечный комитет собирался на квартире у машиниста крана Алексея Рогозинникова. Здесь разработали требования рабочих по каждому цеху и общезаводские требования. Обсуждали пункт за пунктом, и в этих скупых и простых словах Николаю слышались многоголосый стон настрадавшейся души, общая боль и обида.

Решили завтра же во всех цехах познакомить людей с этими пунктами. И агитировать, чтобы требования были предъявлены администрации. Не записывая, распределили — кто в каком цехе ведет работу.

Василий Ливадных поднял над столом руку.

— Вот и подходим к самому моменту. Конечно, они подобру-поздорову пальцем не пошевелят. Тогда что же? — он лукаво прищурил один глаз.

— Бастовать,— сказал подручный сталевара Капитон Орешкин.

— Бастовать,— с удовлетворением повторил Василий.

Поднялся Алексей Рогозинников, горячий, порывистый:

— Остановим паровые котлы, машины. Кто попробует поперек пойти, пускай на собственном пару выслуживается...

— Охрану около ворот поставить,— предложил Давыдов.— Если объявится какая шкура,— все равно на завод не попадет.

Василий Ливадных прихлопнул по столу ладонью в знак согласия, добавил:

— А еще бы по домам пройти. В каждом цеху знают, кто у них по ветру качается. Вот и урезонить этих шатких-то...

Решили, что переговоры с администрацией будут вести уполномоченные от цехов, а уполномоченными для солидности выбрать стариков.

— И еще одно,— сказал Давыдов.— Управляющий Рулев не ответит ни «да», ни «нет». На это нечего надеяться. Он с Петербургом станет связываться, с начальством.

— Дадим срок,— решительно бросил Рогозинников.— И упредим Рулева...

— Даем срок,— сказал Давыдов,— ждем и работаем. Нарушат срок — забастовка. Не выполнят требований — забастовка...

Утром 29 апреля сивобородые старики пришли к управляющему.

Кузнец Петр Сутягин положил на стол бумаги. Рулев придвинул к себе листы, стал читать, опустив тонкие синеватые веки. Губы его вытянулись в ниточку, брови сошлись.

— Что же,— сухо сказал Рулев, глядя чуть выше стариковских голов.— Я доложу о вашем прошении Правлению в Санкт-Петербурге.

— Ответ когда будет?

— Я прошу подождать...— он помедлил немного.— Три недели.

— Стало быть, двадцать первого мая — ответ...

Двадцать первого мая управляющий объявил в цехах, что приехавший из Санкт-Петербурга директор-распорядитель господин Оцко пожелал завтра встретиться со старшими рабочими и подручными для переговоров.

К десяти часам утра коридор заводоуправления стал заполняться народом.

Из кабинета управляющего в сопровождении Рулева вышел господин Оцко, невысокий, с двойным подбородком и пивным румянцем на толстых бритых щеках. В углу рта папироса. Губы мясистые и влажные, словно он только что оторвался от пивной кружки.

В коридоре стало тихо.

Директор оглядел рабочих надменно сощуренным взглядом. Не вынимая изо рта папиросы, медленно сказал:

— Мы познакомились с вашей петицией. Акционерное общество не имеет возможности делать прибавки. Никаких прибавок. Идите и работайте. Потом, после мы будем возвращаться к этому вопросу...

— Господин директор,— сказал кузнец Сутягин.— Надо сейчас решать. Расценки что ни год резали. Дальше так жить никак нельзя. А завод дает прибыля...

— Может быть, вы лучше меня знаете? — Оцко выронил папиросу, растоптал ее.

— По своим горбам знаем,— сказал кто-то в другом конце коридора.

— Задарма робим...

— Какого же... три недели ждали?

— Так не пойдет...

— Господин директор,— с напряженным спокойствием сказал Сутягин.— Если не будет решения, люди могут бросить работу...

Оцко поднял короткие руки.

— Еще одна неделя. Сегодня я буду выезжать в Петербург, там буду советоваться с коллегами и пришлю вам телеграмму: «да» или «нет».

— Спасибочки! — пронеслось по коридору.

— Одна неделя — Оцко поднял над головой толстый указательный палец.

— Нет и нет,— сказал Давыдов.— Ожиданиями сыты...

— Сейчас — ответ,— пробасил Ливадных.

Щеки у Оцко потемнели. Он пожевал мокрыми губами и вдруг взорвался резким визгливым криком:

— Это есть хамство. Вы... вы упирались, как ослы. От осел, если его даже тащить за уши, ничего нельзя добиваться. Вы хотели бы, чтобы вам давать гармошку, и вы заставляли директор плясать под нее... Я повторял: идите работать. Ждать одна неделя...

С этими словами он быстро повернулся и, выставив живот, мелкими шажками прошел в кабинет управляющего.

Ливадных ждал Николая у выхода из конторы. Глаза его блестели задорно и гневно.

— Начинаем?

— Начинаем,— сосредоточенно и твердо повторил Николай.

Войдя в механический, он сразу увидел вверху, на кране, Алексея Рогозинникова. Алексей знаками спрашивал, что слышно, и Николай знаками же показал: «Кончай работу, слазь!» Машинист понимающе закивал, лихо сдвинул на затылок шапку и повел кран в конец цеха.

Давыдова обступили рабочие...

Когда он, под возмущенные выкрики, заканчивал рассказ о встрече с директором, к нему подбежал Захар Ермаков, токарь, медвежистый парень с дерзкими глазами, склонился к самому уху.

— Давай,— сказал Давыдов и повернулся к слушавшим его.— Надо бросать работу, товарищи. Иначе с ними не сговориться...

Через несколько минут пятерка молодых рабочих во главе с Ермаковым прибежала в котельное отделение. Тревожный надсадный рев рванул воздух, взлетел над заводом, понесся над Верх-Исетском, над городом.

Директор-распорядитель Оцко в это время катил в пароконном фаэтоне по Главному проспекту на станцию. Услышав гудок, он беспокойно заерзал на мягком сиденье, ткнул кулаком в ватную кучерскую спину:

— Назад! Заворачивай назад!

Завод остановился. Смолк громовой рокот прокатных станов, шум и визг станков, не слышно было уханья листобойных молотов. Только гудок ревел неумолчно, тревожно и призывно.

На завод прибыл отряд полиции. Но делать полицейским было нечего. Рабочие спокойно уходили с завода. Осталось несколько мартеновцев, чтобы выпустить металл и погасить печи. Вторая смена сегодня не заступит...

Давыдов и Ливадных медленно шли к проходной завода. Тишина вдруг умолкшего производства пугала и радовала Давыдова.

— Теперь главное — выстоять,— негромко, задумчиво сказал он Василию.

— Нешто не сможем? Выстоим,— проникновенно улыбнулся Ливадных своими серыми глазами.

Николай взял из рук матери бумажку: «...надлежит явиться к помощнику начальника Пермского губернского жандармского управления ротмистру Красковскому... Вознесенская площадь, 4...» Знакомый адресок...

Все, все было знакомо здесь Николаю — и эта гулкая неширокая лестница, где, как и тогда, в девятьсот девятом, почему-то пахло мышами, и этот кабинет (обои, правда, другие) с каким-то застоявшимся воздухом, и этот тяжелый стол, и даже эта щель между крашеными половицами.

И снова на него смотрели двое: ротмистр Красковский и с портрета — царь, с холодным бесстрастным лицом.

«Николай Михайлов Давыдов, — думал Красковский. — Кличка наблюдения — «Ерш». Вероятно, штучка. Филеры обычно дают клички весьма метко. «Ерш». Колючий, следовательно. Но колючая ли рыба, скользкая ли — не имеет особого значения, когда она на крючке...»

Ротмистр кивнул на стул, положил перед собой кирпично-красный бланк протокола, точно такой, какой был у Ральцевича, и обмакнул перо в черные чернила.

— Членом какой партии вы являетесь, Давыдов?

— Не принадлежал и не принадлежу к числу членов какой-либо партии.

— В переговорах с директором Оцко участвовали?

— Был там. Мой паровоз как раз поставили на ремонт.

— Что вы делали, когда переговоры закончились?

— Задержался ненадолго в конторе по делам больничной кассы. Потом ушел домой на обед.

Красковский раскрыл папку, пробежал свежие агентурные сведения: «Во время возникновения 22 мая забастовки в Верх-Исетском заводе Давыдов, после тревожного свистка, обозначавшего прекращение работ и начало забастовки, выгонял рабочих из цехов».

— Так-с, на обед...— повторил Красковский.— Вы хорошо помните, что ушли домой?

Николай снисходительно улыбнулся:

— Память у меня пока твердая...

«Истинный «Ерш»,— подумал ротмистр.— Ну, погоди же...»

— Где же, следовательно, вас застал гудок?

— Дома.

— Значит, в момент, когда был подан условленный сигнал к началу забастовки, вы не были на заводе?

— Да, не был. Но мне неизвестно, чтобы кто-то уславливался о сигнале.

— Что же, по-вашему, означал гудок?

— Я так понимаю: когда рабочие решили бросить работу, они дали гудок, чтоб известить всех, дескать, машины останавливаются. Обыкновенно, если что случается и нужно остановить машину, сначала дают предупредительный гудок...

— Кто подавал сигнал?

— Как я вам уже сказал, гудок я услышал дома.

Красковский бойко записывал, отставив мизинец с длинным розовым ногтем.

— Вам известно, что заводская администрация принимала меры к выяснению тех рабочих, которые подавали свистки?

— Слышал об этом. Но чем тут поможешь?

«А ты, оказывается, не только «Ерш»...— подумал Красковский и заглянул в папку. «22 мая рабочие, по выходе из конторы завода, обсуждали вопрос — продолжать ли работу или бастовать. Капитон Орешкин подал мысль о том, что сейчас же надо забастовать...»

— Вы не вспомните... когда рабочие вышли после переговоров с господином Оцко, кто предложил не ждать семидневного срока, а бастовать?

«Эх, господин ротмистр...»

— Я вам говорил, что задержался по делам больничной кассы. А когда вышел, никого из рабочих уже не было.

— Что вы застали, когда вернулись на завод после обеда?

Он особенно выделил эти слова — «после обеда» и быстро взглянул на Николая. Но Николай сделал вид, что ничего не заметил.

— Механический уже не работал. Говорили, что остановился и кузнечно-котельный...

— Кто выгонял из цехов рабочих, которые не хотели бастовать?

— Я не видел, чтоб кого-нибудь выгоняли.

— Каковы, по-вашему, причины забастовки?

— Большинство рабочих живет плохо, многие не могут прокормить семью. Все вздорожало, особенно продукты.

А расценки очень срезали. Потому-то рабочие и предъявили требования. Господин же Оцко разговаривал с рабочими грубо, недостойно. Обозвал всех ослами. У людей создалось мнение, что и через неделю они так же не получат определенного ответа...

Красковский, скосив глаза, снова посмотрел в папку. «Во время хода забастовки Давыдов принимал участие в собраниях рабочих 23—24 мая...»

— Какие вопросы обсуждались на собраниях 23 и 24 мая?

— Не могу вам сказать. Ни на каких собраниях не бывал. В эти дни я гулял на свадьбе у моей сестры Зинаиды.

— Ваши заседания происходили только на квартире у Рогозинникова или и в других местах?

— Я был только на одном собрании. Оно происходило открыто, в сортировочном магазине. Цех у нас так называется...

— Так-с... У нас имеются сведения, что вы, Давыдов, и некоторые ваши сообщники агитировали за забастовку.

— Я не занимался этим. Мои товарищи тоже. Да и надобности в этом не было. Я вам сказал причины забастовки. И возникла она естественно — рабочие сами увидели, что другим путем ничего не добиться...

Отпустив Давыдова, Красковский, позванивая шпорами, долго ходил по кабинету. Агентурные сведения — это, понятно, неплохо. Но это почти то же, что ловля ершей голыми руками. Их надо вылавливать сетью, брать с поличным, на месте преступления. Только так. Тогда — процесс и — пожалуйста, на каторгу. А на основании агентурных сведений — всего лишь высылка. Для такого «Ерша» — мало, мало...

Днем 30 мая, на девятый день забастовки, в проходной было вывешено объявление за подписью Рулева. Расценки повышались на 15 процентов...

Вечером у Рогозинникова собрался почти весь стачечный комитет. Алексей, всегда подвижный, неугомонный, сегодня вовсе не мог усидеть на месте, то и дело тискал товарищей, смеялся и говорил, говорил.

— С поганой овцы хоть шерсти клок. Победа, братцы. Вот что значит организация, выдержка, упорство...

Василий Ливадных тоже возбужденно ходил по комнате, под его тяжкой поступью скрипели половицы.

— Эти девять дней — года стоят,— гудел его низкий глуховатый голос.

На другой день к заводской проходной торопким, бодрым шагом шли мартеновцы, листобои, прокатчики. Лица за девять дней борьбы словно посветлели, помолодели.

В полдень исправник Ключников по телефону сообщил ротмистру Красковскому, что рабочие Верх-Исетского завода приступили к работе всеми цехами.

Красковский сухо поблагодарил исправника и повесил трубку.

Первого марта 1917 года телеграф принес в Екатеринбург весть о свержении самодержавия. В печати появились сообщения об отречении Николая, об образовании Временного правительства, о Петроградском Совете рабочих депутатов.

Большевистская организация Екатеринбурга пришла к этим событиям крайне ослабленной арестами, прошедшими в январе. Пользуясь этим, екатеринбургская буржуазия поспешно создала Комитет общественной безопасности, который попытался взять на себя функции местного органа власти.

В Комитет вошло десять рабочих, в том числе несколько большевиков. Среди них был паровозный машинист с Верх-Исетского завода Николай Давыдов.

На первом заседании Комитета к Давыдову подошел невысокий плотный, хорошо одетый человек и протянул руку.

— Давыдов,— представился он.— Надеюсь, тезка, мы с вами дружными усилиями обеспечим порядок...

— Дай бог,— ответил Николай Давыдов, сдержанно улыбаясь. Его «тезка» владел в Екатеринбурге несколькими предприятиями.

Когда речь шла о борьбе с бандитизмом, машинист и заводчик были единодушны. Но как только речь зашла о восьмичасовом рабочем дне, о повышении заработной платы рабочим, Давыдовы оказались в противоположных лагерях...

Через несколько дней верхисетцы послали Николая Давыдова в Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Во главе городской партийной организации встал пламенный большевик, член партии с 1906 года Иван Михайлович Малышев. В конце 1913 года он переехал из Тюмени, где состоял в подпольной большевистской группе Махряновой, и работал секретарем больничной кассы на Верх-Исетском заводе. В январе 1917-го Малышев был арестован. Из тюрьмы он вышел сразу же после Февральской революции и горячо принялся за работу.

Екатеринбургский Совет 23 марта вынес решение: «Предложить всем фабрикантам, заводчикам, владельцам предприятий и начальникам железных дорог и железнодорожных мастерских Екатеринбургского района ввести с 1 апреля 8-часовой рабочий день...»

Чувствуя поддержку Временного правительства, предприниматели не торопились выполнять требование рабочих и их Совета. Однако восьмичасовой рабочий день был введен. Но с повышением зарплаты хозяева не соглашались. Управление Верх-Исетским заводом отказалось повысить заработную плату рабочим, ссылаясь на финансовые затруднения.

Рабочие настаивали на своем.

— Что ж, тогда придется закрыть завод,— сказал управляющий.

Действительного финансового положения завода рабочие не знали и, чтобы разобраться, создали комиссию рабочего контроля. В этой комиссии работали Малышев и Давыдов. Под большим нажимом управляющий разрешил им познакомиться с бухгалтерскими книгами. Знакомство это ничего не дало, и рабочие на общем собрании избрали делегацию, которая должна была поехать в Петроград, в Главное Управление заводов Верх-Исетского округа и там выяснить финансовое положение своего завода.

— Что бы вы ни выяснили,— сказали делегации в Главном Управлении,— если не отступите от своих требований, завод будет закрыт.

И пришлось отступить: некоторые служащие завода, информировавшие комиссию рабочего контроля о планах администрации, сообщили, что Главное Управление действительно намерено осуществить свою угрозу. Нельзя было допустить, чтобы тысячи людей остались без работы, без куска хлеба...

13 октября на Екатеринбургском окружном съезде Советов Николая Давыдова избрали делегатом II Всероссийского съезда Советов. Делегаты отправились в Петроград.

И вот Смольный — штаб революции. При входе — пушки, пулеметы. Матросы в бескозырках, солдаты, красногвардейцы с винтовками. Обстановка напряженная: меньшевики и эсеры всячески оттягивали открытие съезда, понимая, что на нем будут преобладать большевики.

В коридоре Смольного, плотно окруженный людьми, шел Свердлов. Давыдов посторонился. Но Свердлов, случайно бросив сквозь пенсне взгляд в его сторону, двинулся к нему.

— Земляк! Давыдов! Смотри-ка, встретились... Ну, зайдем ко мне. Из ссылки не бежал? Помогли, значит, «салазки»? Учился? Очень толково. А сейчас — делегат от большевистской фракции? Отлично. Теперь расскажи, что на Урале...

А прощаясь, Свердлов сказал задумчиво:

— Надо бы нам посидеть хорошенько, да не то время. Трудности, заботы. Орудия при входе видел? Вот так, брат. Думаю, мы станем свидетелями величайших событий...

И эти события произошли через два дня. Восстание в Петрограде победило. Временное правительство было низложено. Министры арестованы. Зимний дворец взят. Великая Октябрьская революция свершилась...

Дома Давыдова ждали большие дела. Когда был национализирован Верх-Исетский завод, его избрали председателем Делового совета округа. Вопросы, один другого сложнее, обрушились на молодых, неопытных хозяев. Не хватало топлива, сырья. Трудным было финансовое положение завода.

Нужно было овладевать премудростями хозяйствования и одновременно выводить завод из финансового кризиса, отвести от рабочих удар безработицы и голода. Деловой совет занимался всем — ремонтом, техническими вопросами, продовольственным снабжением рабочих, привлечением на работу старых специалистов. Этого требовало не только благополучие завода, но и благополучие Советской власти.

«За полгода работы,— вспоминал впоследствии Николай Михайлович Давыдов,— Деловому совету удалось оживить производство, поднять производительность труда. Надежды рабочих на лучшую жизнь все больше оправдывались, но наш мирный труд был прерван гражданской войной, навя-

занной советскому народу иностранными империалистами и внутренней контрреволюцией. Я в числе других добровольцев 18 июля 1918 года отправился на фронт».

Когда Екатеринбург освободили от Колчака и началась мирная жизнь, Давыдова назначили директором Верх-Исетского завода.

На фронте, в минуты затишья, он видел свой завод, видел его таким, каким оставил в восемнадцатом. А что застал, вернувшись? Двор, заваленный кучами битого кирпича, мусора, ржавого железа. Безмолвный полумрак пустых цехов, изувеченные машины, разрушенные печи, в которых зловеще завывал ветер. И тишину. Нежилую, леденящую сердце тишину. Даже не верилось, что когда-то все здесь жило, двигалось, шумело. Где только не слыхали про верх-исетское железо! На славе был завод. Вернется ли она когда-нибудь?

Василий Ливадных и еще несколько человек, с которыми Давыдов пришел на завод, были подавлены, как и он.

— Доброе наследство оставили беляки,— угрюмо сказал Василий.

— Хоть бы стукнуло где,— прислушиваясь, проговорил Николай Михайлович.— Тише, чем тогда, при забастовке. Помнишь?

Над мартеновским цехом с криком взлетело, закружилось воронье.

— Кладбище...— вздохнул Давыдов.

Каждый день в кабинете директора собиралось много народу. Судили-рядили, как оживить завод, с чего начинать.

Первым удалось наладить часть механического. Ему сразу нашлось дело — чинить походные кухни, фургоны, двуколки для Красной Армии. На востоке еще шли бои с белогвардейцами, а воинские обозы, прошедшие многие сотни верст, износились, требовали ремонта.

Но с самого начала всем было ясно: главная загвоздка в топливе. Без топлива завод не поднять.

Разбирали заборы, старые ненужные постройки. Рабочие с ручными санками с утра отправлялись на поиски дров. Все, что накапливалось за несколько дней мучительного труда, котлы пожирали в одни сутки.

Вспомнили про торф. Невдалеке от завода — торфяник, бери, сколько угодно. Да как перевезти? Всего не больше четырех верст, а на санках всем заводом таскай — не перетаскаешь...

— Узкоколейку надо,— решили на совещании.

Ее строило все население поселка. После работы «кирковал» и директор. А в это время в механическом строили вагонетки-платформы.

Три дня спустя закончили прокладку колеи, выкатили готовые вагонетки, привели лошаденку, которую посчастливилось достать. Нагрузили вагонетки торфом, подтолкнули, и «поезд» пошел. На заводе его встречали с радостью. Но была она короткой. В самом конце маршрута стряслась беда. На этом участке оказался незначительный уклон, вагонетки покатились быстрее, конек не смог сдержать их, и ему переломило ноги...

Постояли, погоревали молча над несчастным коньком, и опять задумались: как же перевозить топливо? Нужен паровоз. Половину дня Давыдов протолкался в Екатеринбургском отделении железной дороги. Ходил из кабинета в кабинет, не уставая, объяснял, какое положение создалось на заводе, просил. И в ответ: «У самих не хватает...»

Об этом Николай Михайлович рассказал старикам верхисетцам, своей «опоре». В разгар совещания в кабинет вошел Павел Сомов, невысокий, плечистый парень с ярко-голубыми глазами, машинист ширококолейного паровоза, на котором раньше работал Давыдов.

— Есть план, Николай Михайлыч. На полустанке Палкино стоит узкоколейная «кукушка». То, что нам надо. Машина подходящая, с виду вроде бы исправная...

— В чем же твой план?

Сомов сделал руками движение, словно сгребал что-то:

— Заманить «кукушечку»...

Давыдов медленно водил карандашом по листу бумаги.

— Что же вы молчите, Николай Михайлыч? — горячился Сомов.— Надо решать.

Директор поднял на него утомленные глаза.

— Решать, Паша, значит, думать. Вот я и думаю: все наше — страна, власть, а мы — воровать. У кого? Разве это порядок?

Горячо и громко заспорили.

— Взять «кукушечку» — и все тут.

— Паровоз — не иголка, не упрячешь.

— Увезти «кукушку» и — молчок.

— Закукует она — прослышат.

— Там видно будет. Пока торфом запасемся...

Отспорили, отшумели и разом все стихли. Ждут его, директорского, слова.

Давыдов подошел к окну. За окном падал снег. По двору неторопливой и немолодой походкой шел высокий, чуть сутулый человек. Длинное узкое пальто, шапка пирожком. Давыдов быстро приник к стеклу, тут же оторвался, взволнованно бросил на ходу: «Я сейчас, товарищи...» и почти выбежал из кабинета. Прогремев по лестнице сапогами, выскочил во двор.

— Папа!

Михаил Федорович быстро обернулся.

— Что случилось?

Отец виновато улыбнулся.

— А ничего... Пришел вот... так просто. Поглядеть, директором какого дела тебя поставили...

— Фу, напугал,— расслабленно улыбнулся Николай Михайлович.— Жаль, рано пришел: один только цех работает. Все еще мертво... Но ты смотри и представляй себе, что все движется, крутится, действует...

— Ладно, разберусь. Иди, занимайся...

Давыдов вернулся в кабинет. Подошел к столу, сказал негромко:

— Кому поручим перевезти «кукушку»?

Долог и суматошен директорский день. Чем только ни занимался он сегодня! Добывал инструменты, причем без особых успехов. Осматривал оборудование в цехах. Казалось, сердце уже ко всему привыкло, зачерствело, само испытало немало, насмотрелось и горя, и крови, и смертей. А при виде искалеченных прокатных станов, машин, станков оно сжалось от нестерпимой боли. Но предаваться чувствам некогда. Все эти машины и станы надо вылечить, оживить, ведь новых нигде не добудешь...

16 Заказ 17

Потом вместе с женсоветом занимался детским садом при заводе. Такое учреждение хоть немного облегчит жизнь работницы-матери...

Когда-то рабочий, идя на завод, захватывал с собой из дому узелок. Было там мяско, шаньга, хлеб, конечно. В зависимости от достатка. А нынче у всех одинаково: в одном кармане пусто, в другом нет ничего. Лучшее кушанье — оладьи из лебеды... А что, если в перерыве рабочий зайдет в дом, который по соседству с заводом, подаст талон с печатью и получит взамен тарелку супа, кусок хлеба — питайся. И все бесплатно. Все-таки подспорье... Ездил сегодня в продкоммуну, обещали помочь...

Заходил в клуб. Молодежь прибирает, украшает помещение. Просят пианино раздобыть. Надо будет... Там, в клубе, пришла мысль насчет свадьбы. Время хоть и голодное, и трудное, а люди все равно женятся. Вот и сыграть бы свадьбу. Первую советскую свадьбу. Без церкви, без пьянки, красиво и весело. И главное — не напоказ, а по-настоящему. Чтоб и другим молодым захотелось в рабочем клубе свадьбу справлять...

А потом опять — топливо, электроэнергия...

Вечером, за чаем, Николай Михайлович спросил у отца, осмотрел ли он завод.

— Все обошел. Солидное, видать, было дело. Только порушено все. Силенок много надо.

— И у нас будет солидное. А силенки... Силенок хватит. Разве станешь их жалеть для своего дела?

— Как — своего? — Михаил Федорович приподнял мохнатые брови.

— А чье же оно? — в свою очередь удивился Николай Михайлович.— Мое это дело. Законное — мое...

Михаил Федорович насмешливо сощурился:

— И на вывеске будет стоять: «Давыдов?»

— На вывеске будет: «Государственный Верх-Исетский завод». Не все ли равно? Через полгода пустим мартеновский, листопрокатный, тогда обязательно позову тебя.

Весь этот месяц Давыдов, не заходя в контору, шел прямо в мартеновский. Месяц назад, когда Василий Ливадных привел его сюда и сказал, что через тридцать дней пустит первую печь, Давыдов не поверил.

Цех был заброшенный, сумрачный, холодный. В разбитые стекла нанесло снегу. В печах гуляли зябкие плакучие сквозняки, взбудораживая застарелую гарь. Обледенелые, обросшие белым мохнатым куржаком печи были похожи на сказочные терема. Да и весь цех напоминал какое-то мертвое заколдованное царство.

— Только, чур, никаких задержек,— сказал Ливадных.— Кирпич и все такое прочее чтоб сразу, как по щучьему веленью...

Кирпич... Кто знает, что сейчас дороже: глыба малахита, редкая друза хрусталя, мешок диковинных самоцветов или несколько тысяч штук кирпича!

Кирпич Давыдов достал в десяти километрах от города, и Павел Сомов отправился за ним на своей «Агаше». Двадцать верст в оба конца он сделал за пять суток. Пять суток он не уходил с паровоза. Для маленькой «Агаши» это было непосильное задание, и она «надорвалась», потекли трубы.

В стужу Сомов чинил паровоз и пробивался к городу. Когда в конце пятых суток он въехал на заводской двор и спустился с паровоза, похудевший, обросший черной щетиной, Давыдов обнял его: «Ну, Паша, не знаю, что и сказать...» — и крепко поцеловал.

Сегодня утром, как и во все эти дни, Давыдов застал в мартеновском Василия Ливадных, его бригаду — каменщиков и сталеваров.

— Какой сегодня день, товарищ директор? — Василий весело жмурил один глаз.

— Среда, по-моему.

— Да нет, по счету... Ладно, подскажу. Двадцать пятый, Николай Михайлович. А сегодня кончим сушку, ночью пускаем. На четыре дня вперед. С тебя будет полагаться...

— Идет. Расплачиваюсь мукой, ватными штанами и душегрейками. Вчера получил. Почти новые... Значит, ночью прихожу на пуск?

— Просим...

Проходя мимо листопрокатного, Давыдов услышал железный стук, голоса. Там тоже начались восстановительные работы. А по двору, натужно пыхтя, торопилась резвая «кукушечка» с вагонетками, полными коричневых заиндевелых плит торфа.

Сколько хлопот было с ней! «Кукование» ее как-то прослышали железнодорожники и прислали грозную бумагу: «Вернуть похищенный паровоз!»

Давыдов ответил дипломатично и достаточно туманно. Завязалась переписка. Железнодорожники не унимались. Давыдов методично слал им объяснения и справки. Конечно, очень жаль было бумаги,— даже нужные, деловые письма приходилось писать на обрывках,— но зато, пока идет переписка, «кукушечка» таскает и таскает торф...

Наконец, железнодорожники вышли из себя и пожаловались прокурору. Давыдов доказывал, что паровоз не похищали. Просто для пользы дела подобрали беспризорную машину. Но чиновники наседали на прокурора, а тот теребил Давыдова.

Однажды Николая Михайловича осенило: «Пусть железная дорога покажет опись имущества, где значится эта «кукушка». Железнодорожники простодушно ответили, что в их описях «кукушка» не значится. «А раз не значится,— сказал Давыдов,— то и нечего претендовать на чужие вещи...»

«Кукушечка» осталась на заводе, и теперь «кукует» безбоязненно, во весь свой писклявый голос...

Не успел Николай Михайлович зайти в кабинет, как явился Соболевский, главный и пока единственный на заводе инженер. На ходу посадил очки на нос, с места в карьер раскрыл папку и стал докладывать.

Давыдов подпирает рукой голову, ладонью прикрывает глаза, и видит завод. Работающий, многолюдный, с рокочущим шумом прокатки, с грохотом кузнечных и листобойных молотов, с разноцветными дымами над высокими трубами. Это был и прежний, давно знакомый до мелочей Верх-Исетский, и в чем-то другой, новый. Разрослась электростанция. К зданию механического прилепился пристрой — отделение новых небольших станков. Свежей кирпичной кладкой светлеют стены модельной мастерской, чугунолитейного. В мартеновском монтируют печь, она почти в два раза больше той, что пустят сегодня ночью...

Инженер откладывает папку, снимает очки, разглядывает их.

— Честно говоря, Николай Михайлович, я побаиваюсь. Нам предложено представить план восстановления, а у нас не

только восстановление, но и переустройство. Не было бы осложнений...

— Ничего, ничего,— с улыбкой успокаивает его Давыдов.— Авось обойдется...

Опасения Соболевского не оправдались. Проект верхисетцев был принят без всякой борьбы. Торопясь из треста на завод, в мартеновский, Давыдов вновь радостно переживал все, что было на совещании...

Как только он переступил порог мартеновского, его обдало жилым горьковатым теплом. На мокрых, оттаявших стенах, на лицах людей, сновавших вокруг печи, играли огненные всполохи.

Увидев Давыдова, Василий Ливадных скинул рукавицы и грузной походкой борца-тяжеловеса двинулся навстречу. Крепко взял его руку в свои горячие твердые ладони, заглянул в глаза.

Слышно было, как напряженно и гулко бурлит, клокочет металл.

«Первое дыхание»,— подумал Давыдов, заглядывая в отверстие садочного окна. Там, за колышащимся огненным маревом, угадывались солнечные всплески кипящей стали.

— Пошла, матушка... Вот теперь считай — ожил завод,— громко, чтобы перекрыть шум печи, сказал Ливадных, протягивая Николаю Михайловичу сталеварские синие очки в деревянной захватанной оправе.

А спустя несколько лет в мартеновском цехе пускали первую электропечь.

В ту пору старый Верх-Исетский завод переживал вторую молодость. Государство отпустило большие средства на техническое перевооружение предприятия. Завод должен был освоить производство трансформаторной стали, которую приходилось ввозить из-за границы.

Из Германии, с завода Сименс-Шуккерт, где была заказана печь, прибыли ящики с деталями. По договору монтаж должна была вести фирма. Но прошли все сроки, а специалисты не торопились.

В кабинете директора собрались начальники цехов, мастера, инженеры.

— Положение объяснять не буду,— озабоченно сказал Давыдов.— Ждать больше нельзя. Надо решать: либо становиться на колени, либо монтировать печь самим...

Верхисетцы своими силами установили и пустили печь.

Шла первая в стране плавка трансформаторной стали. Давыдов, щурясь точно от яркого солнца, смотрел и не мог насмотреться на бушевавшее в печи живое светлое пламя, чистое, кипучее и неугасимое, как сама жизнь.

Завод получил первую трансформаторную сталь — прародительницу нынешней стали, которая принесла ветерану уральской металлургии и его людям заслуженную славу.

До конца своей жизни Николай Михайлович Давыдов, старый коммунист, человек большой, кристально чистой души, продолжал работать в полюбившейся ему черной металлургии. Родина по заслугам оценила его труды — он был награжден двумя орденами Ленина.

Умер Николай Михайлович в 1963 году.

Ю. ХАЗАНОВИЧ

СИМА ДЕРЯБИНА

Боевое крещение

В это холодное осеннее утро Сима проснулась с чувством радостного волнения. Ночью она ходила по городу, расклеивала прокламации. Сегодня демонстрация, боевой смотр сил революции! Митинг на Кафедральной площади. Только бы не сорвалось!

Наскоро умывшись и выпив чашку чая, Сима надела коричневое пальто, в котором последние два года ходила в гимназию, и посмотрела на себя в зеркало. Увидела улыбчивое сероглазое лицо с вьющимися светло-каштановыми прядками и недовольно подумала: «Какая еще девчонка!»

— Куда так рано? — ворчливо спросила мать.

Они перестали понимать друг друга с тех пор, как Сима стала членом марксистского кружка и начала выполнять партийные поручения. Новый мир открылся перед девушкой и захватил ее целиком. Она жила в нем, и он жил в ней, и это было счастье.

Все эти дни ее не покидало состояние окрыленности. Она шла по Усольцевской улице, знакомой с детства, и думала все о том же — о предстоящей демонстрации. Как откликнутся на нее рабочие? Еще вчера она говорила об этом на макаровской ткацкой фабрике с работницами. Дали слово, что придут.

Вышла на Главный проспект. Становилось все более людно. У большинства были неспокойные лица. Все чего-то ждали. Навстречу попалась подруга, бывшая соученица по гимназии, теперь товарищ по революционной борьбе.

Вместе пошли на Кафедральную площадь, где уже собрался народ. В центре площади, против собора, несколько рабочих сооружали из пустых ящиков трибуну. Молодой человек в пенсне подбадривал их шутками. Сима узнала товарища Андрея — Свердлова, пламенную речь которого она слышала недавно. А вон и бородатый Федич — Сыромолотов в форме горного техника. Зина Осколкова, Вера Сабанеева. Сколько родных, дружеских лиц!

К площади группами подходили демонстранты: шли рабочие железнодорожных мастерских, завода Ятеса, Беренова, братьев Коробейниковых, швеи с макаровской фабрики, спичечницы с логиновской, печатники. Победно звучала «Варшавянка». Призывно и грозно гремело:

На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперед, рабочий народ!

Пели люди, пели дома, пел весь город. У Симы пела душа. Все сливалось в один ликующий прибой голосов и сердец. Сима с гордой радостью чувствовала себя частицей его могучей, непобедимой силы.

— Слово предоставляется товарищу Андрею!

На самодельную трибуну поднимается любимец уральских рабочих. Ветер треплет густые черные волосы. Голос звучит с покоряющей силой. Но едва он произнес первые слова, как толпа смешалась, послышались пьяные крики и ругань.

— Долой жидов и студентов!

Из Уктусской улицы на площадь ворвалась орава черносотенцев. Они врезались в колонну учащейся молодежи. В воздухе замелькали дубинки. Убили двоих: один был ученик художественного училища, другой — сотрудник «Уральской жизни».

— Опричники! Убийцы! — кричал кто-то рыдающим голосом.

По Главному проспекту скакал отряд конной полиции.

Звонко хлопнули два выстрела. Толпа кинулась врассыпную.

Сима с подругой забежали в ближайший двор. Было по-настоящему страшно и вместе с тем обидно, что митинг сорвался. Кто виноват? Не было организованного отпора черной сотне.

Женская тюрьма

Одноэтажный деревянный корпус. Узкие зарешеченные окошки чуть не под самой крышей. Женская тюрьма.

Надзирательница хмуро оглядела полудетскую фигурку в гимназическом платье и остановилась перед одной из камер. Щелкнул ключ, и Сима шагнула через порог. В полумраке она не рассмотрела лиц заключенных, но ее узнали сразу. Оказалось, все были знакомые, бывшие соученицы сестры Анна и Мария Бычковы, Зина Осколкова, Саша Ашихмина, Вера Сабанеева, Клавдия Тимофеевна Новгородцева, Нюра Чернавина из Алапаевска, Капа Фроловская и Нюся Жулина из фельдшерской школы.

— Здравствуйте, товарищи, — сказала Сима, садясь на жесткие нары.

Ее засыпали вопросами. Ничего утешительного сообщить она не могла. Почти все члены городского комитета арестованы.

Ну, а что касается самой ее, Симы Дерябиной, так она ждала своей очереди, была готова ко всему. Она — секретарь Екатеринбургского городского комитета партии, руководитель школы пропагандистов, вела работу, которую не могли не заметить полиция и охранка. Помимо пропагандистской

работы занималась укреплением екатеринбургской боевой дружины. Наконец, она принимала самое активное участие в подготовке выборов во вторую Государственную думу. Разве всего этого недостаточно для ареста? Однако при обыске у нее ничего не нашли: Сима уже приобрела опыт конспирации.

Потянулись мрачные тюремные будни. Одна великая идея сплачивала их, таких различных по характерам, по судьбам. Старшинство в камере принадлежало Клавдии Тимофеевне Новгородцевой, волевой, принципиальной, испытанной большевичке. Уважали подруги и Веру Сабанееву, сдержанную и серьезную девушку. Нюру Чернавину, бойкую и веселую работницу из Алапаихи, прозвали «почтальоном» за ее умение ловить и отправлять почту в мужской корпус.

Иногда пели. Сима любила петь и песен знала много. Поют до тех пор, пока в глазок не раздастся окрик:

— Тихо! Распелись...

Впрочем, Сима была не только запевалой, ей поручали доклады и рефераты на самые серьезные темы, и она блестяще с ними справлялась.

— Наша Сима все обосновывает с философской точки зрения,— шутили товарки.

— Ну и правильно,— говорила степенная Клавдия Тимофеевна.— Практика без теории слепа.

Анюта Бычкова выдала еще один талант Симы.

— Почитай-ка нам свои стихи.

Сима не заставила себя упрашивать, тем более что стихи были на «злобу дня». Заключенным в Николаевке она посвятила длинное стихотворение. Вот его последняя строфа:

Встанут дружно и мощными силами
Свою волю и счастье возьмут
И над славными павших могилами
Песни свободы с любовью споют.

Мысли о настоящем неизменно связывались с мечтами о будущем. Оно придет в грозе и славе. Так мечтается и так будет.

Скоро грянет над Русью призыв боевой.
Он поднимет из праха рабов.
На последний решительный бой
Ты сзовешь своих лучших сынов.

Какой автор не хочет, чтобы его слушали?

— Знаете, я прочитаю вам свое любимое... Называется «Две доли».

Тесно сгрудились товарки по камере, и в тишине зазвенел голос Симы:

Не глядите на нас с состраданьем
В окна ваших роскошных палат,
Не сменяем нужду и страданья
Мы на долю того, кто богат...
Мы — работники дела свободы,
Наш удел — это труд и нужда,
Наша цель — это счастье народа,
Наша жизнь — это месть и борьба.
Пусть нас душат тюремные своды,
Пусть течет наша братская кровь,
Дружной силой возьмем мы свободу,
Нас сплотила к народу любовь.

— «Нас сплотила к народу любовь»,— прошептала Маруся Бычкова.

— Хорошо и верно,— сказала Саша Ашихмина.

— Молодец, Сима!

А жизнь пока что продолжалась тюремная.

Одни приходили, других уводили. Провожали товарищей в архангельскую ссылку, в Нарым, в Туруханск. Редкие уходили на волю; тайно, глухой ночью, на тюремных задворках приводились в исполнение смертные приговоры. Симу привлекали по 102-й статье, но улик не нашлось, и весной 1908 года ее предупредили о ссылке на три года в Вологодскую губернию в город Кадников. Вызвали в тюремную контору, заставили расписаться. Три дня сбивали этапную команду. И пришел день разлуки. Сима расцеловалась с подругами по камере.

— Прощайте, товарищи! Мы еще увидимся, обязательно увидимся... Прощайте, мои милые!

Колонна «вологодских» и «архангельских» за колючей изгородью штыков растянулась по Покровскому проспекту. У вокзала уже собралась толпа. Сима увидела знакомые лица. Кто-то помахал рукой.

— Осади! — крикнул конвойный солдат.

Толпа отхлынула. Конвой не подпускал близко никого. Торопили с посадкой в зеленые арестантские вагоны с решетками в окнах.

— Прощайте, товарищи!

Первая ссылка

Синеет утро. За окном седые березы, снежные сугробы. Зимняя стужа. Кадников — захолустный уездный городишко, затерянный среди северных лесов и болот в стороне от железной дороги.

Среди ссыльных было немало «аграрников», попавших в ссылку за участие в крестьянских волнениях. В политике они разбирались плохо. С них-то и начала Сима свою просветительную работу. Недаром в Екатеринбурге она среди революционной молодежи считалась лучшим пропагандистом. Еще в гимназии она выступала с рефератами. Но там, в Екатеринбурге, было проще: там была нужная литература, в крайнем случае ее можно было достать, а занятия велись по расширяющемуся кругу знаний.

В Кадникове нельзя было достать литературы, но идеи Ленина Сима восприняла умом и сердцем. Она отстаивала их в спорах с эсерами и меньшевиками, она приобщала к ним тех, кто еще не слыхал, кто такие большевики и за что они борются. Она умела быть пламенным агитатором перед массой, но она умела вести и беседу с несколькими слушателями. У нее был педагогический и ораторский талант, а главное, убежденность в истине того, что она пропагандировала.

При тусклом свете ночника Сима пишет конспект, готовится к завтрашним занятиям. За окном воет пурга, машет в окно белым рукавом, мешает сосредоточиться. Вспоминается вся короткая, но богатая событиями жизнь.

Отца своего, мелкого чиновника, она не помнила: он умер, когда ей не исполнилось и трех лет. Мать осталась с тремя дочерьми, Сима была самой младшей. Старшая, окончив гимназию, уехала в дальнее село и редко бывала в городе. Стала типичной деревенской «учителкой». Средняя — горбунья — из-за своего уродства в гимназии не училась, но Сима любила ее больше всех за ум, за ласковость, защищала от попреков матери. Мать воспитывала дочерей в духе своей среды. Сима каждое воскресенье ходила в церковь. Подруг у нее было мало. Большинство увлекалось романами и повестями Чарской. Сима тайком пописывала стихи, но показывала их только любимой сестре. В старших классах пришлось пережить первое большое горе — сестра повесилась. Тогда она впервые задумалась

над сложностью жизни, над царящей вокруг неправдой. Боль собственного сердца слилась с болью родины. Что делать? Как жить дальше? Ответ подсказал марксистский кружок, новый круг подруг и знакомых. Бывшая гимназистка, дворянка, тихая, замкнутая девушка стала бывать в рабочих семьях, выступать на собраниях, сделалась пламенной революционеркой. Для тех, кто знал ее раньше, такая перемена казалась неожиданной и необъяснимой. Для Симы это было вторым рождением. Жить для счастья других стало ее девизом, бороться за лучшую жизнь для народа — ее целью.

Дни тянутся все медленней и медленней. Стынут за окном седые березы. Холодно в избе, холодно в сердце. Оно тоскует по большому живому делу.

Второй арест

Кончился срок ссылки, и снова Сима шагает по улицам родного города с каким-то неизъяснимым чувством радости и тревоги. Первый снежок хрустит под ногами. Белая громада харитоновского дворца сияет во всем своем величии. Горячо блестит купол Вознесенской церкви. Сима выходит на Главный проспект. Все здесь будит воспоминания. Театр «Колизей», где она слушала громовую речь товарища Андрея. Здание окружного суда, где вынесено столько тяжких и несправедливых приговоров...

С бьющимся сердцем подходила она к родному дому. Мать встретила ее, плача от радости. Сима заметила седину в ее волосах, и сама не могла удержаться от слез.

— Бедная мама! Сколько ты пережила за меня...

Мать только вздыхала.

— Ну, слава богу, все кончилось, дочка. Теперь ты моя. Никуда я тебя больше не отпущу.

Как мало она знала дочь: для Симы все начиналось снова — и жизнь и борьба. На второй же день зашла она в редакцию «Уральской жизни». Встречные знакомые пугливо оглядывали ее и, поздоровавшись, спешили уйти.

Вскоре Сима встретилась с подпольщиками Верх-Исетского завода. Встретилась с Марией Алексеевной Черепановой, Надеждой Мартьяновой, Верой Сабанеевой.

На даче в Уктусе, где жили Черепановы, ее познакомили с товарищем Семеном. Это был прибывший из-за границы И. И. Шварц.

— Я привез вам решение ЦК о подготовке к Общероссийской большевистской конференции,— говорил он.

Екатеринбургский комитет состоял из закаленных большевиков. Среди них была и Сима. С головой ушла она в работу по подготовке конференции, побывала на многих заводах Урала, укрепляя местные организации, беседовала с рабочими, и после каждой поездки, точно глотнув живой воды, повторяла про себя: «Мы еще услышим набат революции».

Однажды на уктусской даче Черепановых Мария Алексеевна, матерински обняв Симу за плечи, посоветовала:

— Очень уж рьяно за нами стали охотиться. Уезжай-ка, милая, подальше.

Через несколько дней Черепановых арестовали, а Сима уехала в далекий южный город Ростов-на-Дону.

Почему в Ростов? Может быть, потому, что здесь был один из крупных очагов революционного движения; может быть, потому, что в 1902 году на всю Россию прогремела всеобщая стачка ростовских железнодорожников. Приехав в этот город, Сима поступила учительницей в воскресную железнодорожную школу. Среди слушателей были не только железнодорожники, но и рабочие с завода сельскохозяйственных машин, работницы с табачной фабрики Асмолова, портовые грузчики.

В Ростове Сима пробыла всего несколько месяцев. Южная сырая зима подтачивала здоровье, а когда она заметила субъекта в темных очках, дежурившего под окнами ее квартиры, решение было принято немедленно. Сима вернулась в Екатеринбург.

19 февраля, в день неприсутственный по случаю «освобождения» крестьян от крепостной зависимости, на Усольцевскую зашли двое. Это были старые друзья — Вера Сабанеева и Василий Пинжаков.

— Приехал товарищ Филипп... Остановился в Центральных меблированных комнатах...

— Пойдемте к нему,— решила Сима.

— Только не все сразу...

В меблированных комнатах Филипп пробыл недолго, переехал на Колобовскую улицу. Здесь, в небольшом уютном

домике, он снял комнату у вдовы чиновника Фадеевой и уплатил ей вперед, чем сразу подкупил старуху.

За домом было установлено наблюдение. Из департамента полиции шли строгие указания — найти и отдать под суд. Извлекли фотографии всех подозрительных, причастных к революционному движению. Среди них оказались фотографии Василия Пинжакова, Веры Сабанеевой и Серафимы Дерябиной.

Первым арестовали Голощекина — Филиппа, затем Пинжакова, Веру Сабанееву и Симу. При обыске у Симы обнаружили номера социал-демократических газет и брошюры по страхованию рабочих. У Голощекина ничего не нашли, однако агентурные сведения устанавливали точно, что журналист Самуил Коттисе не кто иной, как бежавший из ссылки опасный большевик Голощекин.

Через месяц объявили распоряжение: Голощекина сослать в Туруханский край на пять лет, Василия Пинжакова в Северный уезд Олонецкой губернии на два года, Веру Сабанееву и Серафиму Дерябину, «изобличенных в принадлежности к местной организации социал-демократической партии», сослать «в места, избранные ими самими для жительства, за исключением столиц и губерний столичных и Пермской, на два года».

Сима избрала Челябинск.

Живя в Челябинске, Сима часто нелегально приезжала в Екатеринбург и другие города Урала, связывая звенья разорванных партийных организаций.

Эхо Ленского расстрела разнеслось по всей России. «Так было, так будет»,— заявил с думской трибуны министр внутренних дел. Пролетариат ответил: «Так было, но так не будет». Рабочий класс собирал силы для новых боев.

5 мая 1912 года вышел первый номер ленинской «Правды». Сима направила всю свою энергию на транспортировку и распространение этой газеты, ставшей голосом грядущей пролетарской революции.

За два года, проведенных в ссылке в Челябинске, ей удалось и здесь поднять партийную работу, организовать большевистские группы на заводе «Столль», винокуренном, в железнодорожных мастерских, на копях. Часто бывала она в рабочем поселке Порт-Артур, в Сибирской слободе.

Незабываемая встреча

Поезд подходил к границе. Худенькая скромно одетая женщина напряженно смотрела в окно на мелькавшие клены в осенней позолоте. На следующем разъезде она должна сойти. Сима ехала с чужим паспортом на совещание ЦК и партийных работников. За границу — к Ленину.

В Москве товарищи из Русского бюро основательно ее проинструктировали, снабдили деньгами и дружескими советами, как пробраться в Поронино.

Поезд замедлил ход. Женщина стояла на площадке, ждала. Показалась коричневая будка. Лязгнули буфера. Остановка. Пора сходить.

От Закопане до Поронино было недалеко. Ярко голубело небо, и совсем близко высились лесистые горы. Вот и светлая горная речка Дунаец, дома с непривычно высокими крышами.

Местный житель указал, где живут русские. С бьющимся сердцем Сима подошла к дому. Воображение рисовало образ вождя революции, величественного, мудрого, строгого, почти недоступного. Но дверь открыл среднего роста мужчина, плотный, с рыжеватой бородкой, в спортивной куртке, из кармана которой торчали газеты.

— Здравствуйте! Вы Владимир Ильич?

Мужчина весело прищурился.

— Да, я. Здравствуйте,— сказал он.

— Я делегирована от Урала. Дерябина... Сима.

Владимир Ильич сердечно пожал ей руку.

— Очень, очень хорошо. Да вы, наверно, устали с дороги, есть хотите... Надя!

Из соседней комнаты вышли две женщины, одна из них молодая, и Сима сразу почувствовала себя легко и просто, как будто давно знала этих людей.

Владимир Ильич жадно расспрашивал о том, что творится в России, и нетрудно было понять, как стосковался он по родине.

Совещание проходило в том же доме на веранде, окружавшей квартиру Владимира Ильича. Обсуждали вопросы о стачечном движении, о подготовке к съезду, о всеобщей политической забастовке, о задачах агитации, издании популярных

брошюр, о работе в легальных организациях. Большое внимание уделено было национальному вопросу, который особенно волновал польских товарищей.

Подъем революционного движения в России подтверждали все делегаты. Сима доложила о том, что на Урале, несмотря на полицейские репрессии, партийная организация растет и настроена антиликвидаторски и антиотзовистски.

— Мы с вами и за вас, Владимир Ильич,— закончила Сима свой доклад.

Духовно обновленной возвращалась она на родину. Мелькали за окном мокрые ели, черные квадраты полей, нищие деревеньки. И эту нищую, голодную страну предстояло возродить к новой жизни, обильной и счастливой. Мечта? Но об этом мечтал и Ленин, умевший претворять мечту в действительность.

Пусть их еще немного, мечтателей и борцов, но верен их путь и ясна цель. Об этом тоже говорил Ленин.

Скоро конец пути, а там радость встреч с товарищами по подпольной работе. Теперь она ехала с полномочиями в Московскую партийную организацию для участия в подготовке губернской партийной конференции.

Города и события

В Москве Сима пробыла неделю — вскоре полиция напала на ее след, и она переехала в Петербург. Здесь она вошла в состав Петербургского комитета РСДРП.

Волна забастовочного движения катилась по России. Как всегда, металлисты Питера были впереди. Сима вела подпольную работу в районе Петергофа, но держала связь с подпольными группами большевиков Путиловского, Обуховского заводов, с Выборгским районом, с Невской заставой. «Буря, скоро грянет буря»,— повторяла она слова любимого писателя и делала все, чтобы приблизить желанное время.

Наступала кислая петербургская весна. Чернели старые липы петергофского парка. В туман уходила свинцовая гладь Финского залива, а в блеклое небо зловеще вонзался острый шпиль Петропавловского собора, увенчивавшего российскую Бастилию.

17 Заказ 17

Сима не смогла принять участия в назревавших событиях: в марте ее арестовали и после нескольких месяцев отсидки выслали в Челябинск.

Был конец лета 1914 года. Поезд, двигавшийся на восток, подолгу задерживался на станциях: на фронт один за другим мчались воинские эшелоны. Из вагонов рвались лихие солдатские песни, а на перроне матери и жены стояли с заплаканными лицами. Россия провожала сынов своих на смерть «за веру, царя и отечество».

Челябинск после Петербурга показался Симе всего лишь большой казачьей станицей. Это была ее вторая ссылка в этот город. Она знала здесь людей, которым можно доверять.

На главной улице Сима хотела зайти в булочную купить хлеба и носом к носу столкнулась с румяным крепышом.

— Сима!

— Анатолий!

Это был Парамонов, екатеринбуржец, бывший ее ученик по школе пропагандистов. Он тоже не по своей воле попал в Челябинск и теперь работал токарем на заводе сельскохозяйственных машин фирмы «Столль».

Сима устроилась в типографию наборщицей. Веселая, общительная, она быстро завоевала общую любовь. Печатники — народ грамотный, передовой, политически сознательный. Сима сколотила здесь крепкое ядро единомышленников. Но она мечтала еще шире и крепче связаться с рабочими.

— А что, если начать ставить спектакли?

Приуральский союз маслодельных артелей содержал дом приезжих. Там были сцена и зрительный зал.

— Чем не театр? — говорила Сима.

Начали с чеховских водевилей. Сима была и режиссером, и костюмером, и художником, и суфлером. Спектакли шли с успехом. Публика приходила своя, рабочая. Сима была довольна еще и по другой причине: завязывались новые знакомства. Она получила манифест партии о войне и тезисы Ленина, приняла меры к пересылке его в Екатеринбург и другие места. Нужно было рабочим раскрыть глаза, сказать правду о кровавом пожаре, охватившем Европу, о виновниках и жертвах мировой бойни. Радовало то, что вырастала боевая большевистская смена.

Серафима Дерябина выросла в крупного партийного работника — агента ЦК по Уралу.

Из Челябинска Российское бюро ЦК направило Симу для восстановления разгромленной подпольной организации в Тулу. И вот весной 1915-го в конторе патронного Тульского завода появился новый счетовод — миловидная женщина с густой волной каштановых волос, с лучистыми серыми глазами, с приветливой улыбкой. Она сразу зарекомендовала себя как исполнительный и аккуратный работник. Часто и дружески беседовала она с рабочими, с солдатками.

Звали ее Нина Вячеславовна. А вечером ее можно было видеть на Киевской улице в книжном магазине, где ее встречал высокого роста брюнет, безукоризненно одетый и элегантный, видимо, большой книголюб. Это был большевик-подпольщик, имевший за плечами несколько тюремных отсидок и ссылок, член подпольного комитета Франц Иванович Венцек. Они встречались и в магазине и на явочной квартире в конце Посольской улицы. Общая борьба, общая судьба сближали их.

— Не думала, что побываю на родине Левши и героев Глеба Успенского,— говорила женщина.

— Вы, должно быть, не знаете, что в 1905 году потомки Левши выходили на Растеряеву улицу с красными знаменами и лозунгом «Долой самодержавие!..» Вот какова рабочая Тула, Нина Вячеславовна.

— Зовите меня просто Сима. У меня уже столько различных имен, что, наверно, скоро забуду свое собственное.

Для Венцека она, действительно, скоро стала просто Симой — женой и другом.

Шел второй изнурительный год войны. Росли цены на продовольствие. Особенно тяжелым стало положение рабочих. Они требовали повышения расценок. Подпольный комитет решил действовать. На Тульском оружейном заводе вспыхнула забастовка. Забастовка на казенном заводе! В дни войны! В Петрограде всполошились. Подняли на ноги и полицию и охранку. Начались аресты. Арестовали и Симу с мужем. Но опытные подпольщики сумели схоронить концы в воду. Их выслали в Калугу. Лишь позднее в графе о мотивах ареста все чаще стали появляться записи: «За связь с Венцеком», «За связь с Дерябиной». Сима была полна энергии. Знавшие ее в эти военные годы так писали о ней: «Среднего роста, худоща-

вая шатенка, с прекрасными ласковыми глазами, с мягкой умной улыбкой. Вся какая-то светлая, улыбающаяся». Полиция и жандармы давали оценку не ее внешности, а ее политической деятельности. «Дерябина — серьезная большевичка и занимает в партии генеральское положение».

В Калуге Сима и Венцек прожили недолго. Решили ехать под чужой фамилией в Самару. Там тоже нужно было восстанавливать партийную организацию. Уехали они в августе 1915 года, а 22 декабря губернское жандармское управление доносило самарскому губернатору: «В 5-м городском госпитале служит дворянка Дерябина, состоящая в центре Российской социал-демократической организации. В мае 1915 года приезжала в Тулу с целью восстановления с.-д. организации. В Самару приехала с Ф. И. Венцек под фамилией Левандовских в августе 1915 года для налаживания работы с.-д. организации. С 17 лет принимает участие в революционном движении».

Полиция не спускала глаз с «серьезной большевички».

Сестра милосердия

Пятый госпиталь расположен на Дворянской улице в левом крыле здания женской гимназии. Бывшие классы превращены в палаты. Вместо запаха чернил — запах карболки, йодоформа. По ночам стоны, бред. Кто-то зовет слабым голосом:

— Сестрица!

И она приходит, та самая, с ласковыми серыми глазами, та, которую любят за доброе слово, за материнское тепло. В тихий вечерний час она пишет письма солдатским матерям и женам.

— Скажи, сестрица, скоро ли кончат войну?

Землистое лицо, впалые щеки, глаза будто присыпанные пеплом, глаза человека, глядевшего в смерть. Что она скажет ему? И она говорит:

— Скоро придет конец братоубийственной бойне. Народы поймут, уже понимают, что им, труженикам разных стран, война не нужна. И вы, солдаты, сами должны кончить войну. Вернешься на фронт — скажи об этом товарищам.

Если бы она могла передать все, что знала и чувствовала! А она знала и чувствовала, что близится небывалая буря, что

«чаша с краями полна». Когда ей предложили вступить в благотворительное общество «равноправок», она посоветовалась с мужем. Венцек сказал:

— Ильич говорил об использовании всех легальных возможностей... А, кстати, что это за общество «равноправок»?

Сима рассмеялась.

— Конечно, добровольное, разрешенное властями, филантропическое. Ведь во главе его какая-то либеральничающая мадам. Члены общества — дамы-патронессы, жены врачей, адвокатов, чиновников, в общем, местная интеллигенция, словом...

— Понятно,— улыбнулся Венцек.

Он работал в «Городском вестнике», а Сима ходила на заседания общества. Впрочем, оба они состояли еще в кооперативном обществе «Самопомощь». Накануне Международного дня женщин-работниц скромная сестра милосердия Елена Левандовская внесла предложение провести в день Восьмого марта в городском театре «Олимп» собрание солдаток. Большинство «равноправок» поддержало предложение.

— Но кто будет делать доклад?

— Я,— ответила Сима. Это было поручение партийного комитета.

День Восьмого марта был метельный. Однако народу набился полон зал. Когда Сима увидела перед собой печальные женские лица, в душе ее что-то вспыхнуло. Перед ней была та мать-Расеюшка, с которой прощались уезжавшие на фронт солдаты.

— Сестры, подруги, труженицы! — звенящим голосом крикнула Сима.— Ваши мужья и братья проливают кровь на фронтах несправедливой войны, развязанной империалистами ради своих барышей... Кому она нужна, эта проклятая война? Вам? Вашим мужьям, братьям, отцам?..

Сима видела, как поднялись опущенные головы, как заблестели глаза из-под платков. И она говорила с возрастающим жаром об интернациональном долге женщин всего мира, о том, что настало время покончить с империалистической бойней.

Шквал аплодисментов проводил ее с трибуны. Перед ней мелькали искаженные ужасом лица дам-патронесс, не ожи-

давших такого поворота, и среди них одно, зловеще настороженное. Как знакомо было это лицо! Чутьем конспиратора Сима догадывалась: «Прицепился «хвост».

Она до глубокой ночи просидела, не раздеваясь, ожидая ареста. Франца не было: он задерживался в типографии. На рассвете громко постучали в дверь. «Полиция!» — подумала Сима, надевая пальто.

В дверях стоял Франц, сияющий, восторженный, каким никогда еще не видала его Сима.

— Царь отрекся от престола! — крикнул Венцек, обнимая и целуя жену.

Дни не шли, а бежали. Не стало полицейских, губернатора. Раскрылись ворота тюрем, возвращались ссыльные из Сибири. Встретилась Сима с Валерьяном Куйбышевым, с Андреем Бубновым. Еще раньше встретилась с Марией Авейде. Приехал Блюхер, развернувший агитацию в 102-м пехотном Запасном полку. Появились старые, крепкие большевики Масленников, Милонов, Сперанский. Сима и Венцек были избраны депутатами в городской Совет рабочих депутатов.

Наступило митинговое лето 1917 года. В Струковском саду, на Соборной площади с утра до ночи толпится народ. С импровизированных трибун выступают ораторы. Особенно много их от партии эсеров и меньшевиков. Ушаты помоев выливают они на большевиков.

— Немецкие шпионы... Предатели революции... Предатели отечества...

Но вот на трибуну поднимается молодая женщина в косынке сестры милосердия. Просто и ясно говорит она о том, кто такие большевики и чего они хотят. А хотят они прежде всего мира.

— Верно! — ревет толпа в серых шинелях.

Когда она выступала, перед ней пасовали самые велеречивые эсеровские златоусты — Вольский, Климушкин, Фортунатов. Товарищи по партии восхищались:

— Как ты умеешь, Сима, облекать в такую общедоступную форму самые сложные теоретические положения?

А в конце митинга какой-то солдат в измызганной шинели потрясал зажатой в кулаке шапкой:

— Правильно говорят большаки! Вся власть трудящему народу! Долой министров-капиталистов! Долой войну!

Наша революция

Суров и тревожен был первый год Советской власти. В особняках иностранных посольств плелись сети контрреволюционных заговоров, на Дону полыхало зарево гражданской войны, в оренбургских степях поднял мятеж атаман Дутов. Над Самарой нависла угроза. При партийной организации сформировалась молодежная группа агитаторов, девушки-работницы составили отряд «красных сестер». В Челябинск с отрядом красногвардейцев выехал Блюхер. На улицах Самары появились незнакомые люди в штатском, но с военной выправкой.

— Слетается воронье,— говорил Венцек, его назначили председателем ревтрибунала.— Приехал Авксентьев, ждут Чернова...

Сима потеряла счет дням. Она яростно выступала против эсеров и меньшевиков.

— Узурпаторы! — кричали они большевикам.

— Лакеи капитала! — отвечали те.

Колючий ветер обрывал с витрин избирательные списки с именами депутатов Учредительного собрания, а рядом мальчишки наклеивали воззвание Совета Народных Комиссаров, заканчивавшееся пламенными ленинскими словами: «Социалистическое отечество в опасности! Да здравствует социалистическое общество! Да здравствует международная социалистическая революция!»

Взобравшись на тумбу, очередной «вития» истерическим голосом взывал к кучке праздношатающихся:

— Россия погибает!.. Граждане! Спасайте Россию!..

Но, завидев фигуры в рабочих куртках с винтовками «на ремень», с красными повязками на рукавах, оратор быстренько слезал с трибуны, слушатели расходились, а красногвардейцы спокойно шли дальше «державным шагом», хмуро поглядывая на заколоченные окна магазинов.

В городе устанавливалась рабочая власть — железная диктатура пролетариата.

Симу избрали комиссаром печати. Она же стала работать в редакции «Приволжской правды». Работы прибавилось, но и энергии тоже, ведь это было свое, родное дело.

— Мы живем и работаем для будущего, а будущее прекрасно,— перефразировала Сима своего любимого писателя.

С наступлением весны Сима почувствовала себя плохо. Домой она приходила, шатаясь от усталости, желтая, как бумага, на которой печаталась «Приволжская правда». Кашель разрывал легкие. Когда муж увидел розовые пятна на ее носовом платке, он сказал категорическим тоном:

— Завтра же пойдешь к врачу. Будешь лечиться и отдыхать.

— Некогда, милый... Смотри, какие события! Дутов разбит, а в Мурманске высаживаются англичане и американцы.

— Твоя жизнь принадлежит партии,— неумолимо настаивал Венцек.

На следующий день он увез Симу на Волгу.

Стояли звонкие солнечные дни конца мая. Сима поселилась в небольшой, но уютной дачке, брошенной владельцами, бежавшими от революционной бури за границу. За окнами по-весеннему свежо и ярко зеленел сад. По ночам из ближней рощи доносились неумолчное щелканье, свист и трели соловьев.

На рассвете одной из таких соловьиных ночей послышался стук пулемета и беспорядочная ружейная стрельба. Бухнул орудийный выстрел. Сима вскочила с постели. Сердце тревожно забилось: в городе происходит что-то страшное. Может быть, подошли белоказаки? Может быть, контрреволюционный мятеж... И она, взяв в деревне подводу, поехала в город. А вверх по Волге плыли и плыли пароходы, баржи, катера, переполненные людьми. Самара спешно эвакуировалась.

Уже издали услышала Сима малиновый праздничный перезвон многочисленных городских колоколен. Вот и монастырь и многоэтажное здание элеватора. Она отпустила подводу и в Засамарской слободе зашла к знакомым. Здесь она узнала, что взбунтовался чехословацкий эшелон и что в городе новая власть.

— Лучше вам не показываться.

Но Сима беспокоилась о муже. Что с ним? Жив ли он? Успел ли эвакуироваться? Может быть, уже арестован? Что бы ни случилось, нужно продолжать борьбу, и она пошла в коммунистический клуб в центр города. Щеголевато одетые чешские офицеры разгуливали по улицам в окружении «чистой публики». Мужчины с розами в петлицах, женщины в нарядных платьях. Среди них Сима увидела знакомую даму-патронессу.

Та дико взглянула на нее и метнулась в сторону. К Симе тотчас подошли два студента с винтовками.

— Вы арестованы.

Ее повели в городскую управу. В кабинете бывшего городского головы сидели за столом, покрытым красным сукном, человек десять и о чем-то горячо спорили. В глаза бросилась длинная борода Авксентьева и бледно-желтое лицо Вольского. Оба смотрели на Симу с нескрываемым злорадством.

— Вот и вы,— сказал Авксентьев.— Очень хорошо... Вы лично отвезете ее в тюрьму, товарищ Вольский.

— Вы делаете мне честь,— иронически ответила Сима.— Но где мой муж? Что с ним?

— Он получил по заслугам,— сквозь зубы проговорил Вольский, опуская глаза.— Пойдемте.

Эшелон смерти

В тюремной казарме Сима узнала о судьбе своего мужа: он был растерзан толпой белогвардейцев.

Сима была потрясена этой вестью. Это была самая горькая в ее жизни утрата. В лице этого человека несокрушимой силы духа она потеряла любимого мужа, верного друга, соратника по борьбе.

Через несколько дней в камеру привели Авейде. Подруги обнялись со слезами. У каждой было свое горе. Марию Оскаровну разлучили с детьми. Впрочем, горе было у всех заключенных. Коммунистки и жены коммунистов, ответственных советских работников, почти все они не знали об участи своих мужей.

Дерябину и Авейде чаще других вызывали на допрос. Начальник контрразведки подпоручик Соколовский, угрюмый тип с физиономией кокаиниста, требовал:

— Назовите фамилии, адреса большевиков. Назовите фамилии сочувствующих совдепам, командиров Красной Армии...

Сима, не выдержав, ответила:

— Неужели вы думаете, что мы, больше десяти лет пробывшие в партии, станем предателями?

Начальник контрразведки поднял на нее мертвые глаза и понял: эту не сломят никакие пытки.

Не думала Сима, что и после революции придется сидеть в тюрьме. А сколько было этих отсидок в ее жизни за какие-нибудь десять лет! Екатеринбургская, челябинская пересыльная, петербургская следственная, тульская, калужская и, наконец, самарская. Те же узкие темные коридоры, те же зарешеченные окна под потолком, нары, сбитый в лепешку матрац, те же царской службы надзиратели. Только меньше было надежды, что выйдешь отсюда живой. Представители «истинной демократии» — эсеры и меньшевики, взявшие власть в городе, яростно мстили за свое поражение в Октябре. Самосуд и расстрелы не прекращались. Приводили все новых и новых арестованных.

Жадно прислушивались женщины к вестям с воли. Войска самарского правительства терпели одно поражение за другим. Вот уже освобождена Казань, за ней Симбирск и, наконец, Сызрань. Это уже совсем недалеко от Самары.

Страх и уныние воцарились в лагере белых. Вскоре, однако, пришло сообщение о военном перевороте, передавшем власть в руки «верховного правителя» адмирала Колчака.

Однажды утром в камеру зашел начальник тюрьмы в сопровождении надзирателей и начал выкликать по списку:

— Авейде! Дерябина! Выходите с вещами!

Что это значило? Свобода? Расстрел? Из тюрьмы повели восемнадцать женщин и несколько десятков мужчин. Вели на вокзал. Там их посадили в теплушки и повезли по Самаро-Златоустовской железной дороге. В Уфе, в Златоусте, в Челябинске в поезд посадили новые партии арестованных.

В щели вагонов дуло. Изнуренные холодом и голодом жались друг к другу люди-тени. Многие от истощения и болезней не могли подняться. Живые лежали рядом с мертвыми. На остановках трупы сбрасывали прямо в снег. На вокзалах пьяная офицерня издевалась:

— Большевиков везут... Счастливого пути и скорой смерти!

Это и в самом деле был эшелон смерти. Все медленней двигался он сквозь океан дремучей сибирской тайги. Но тайга жила и наводила страх на колчаковские карательные отряды. Не раз оружейные выстрелы и залпы раскалывали морозную тишину. За Красноярском ночные поезда не решались отправлять. Из уст в уста передавалось многозначащее слово:

— Партизаны!

Это слово будило надежду.

На одной из станций лязгнули затворы у дверей. Сухой морозный воздух пахнул в лицо.

— Выходи!

С трудом вылезли все, кто еще был в состоянии двигаться. Собрав все силы, вышла и Сима.

— Стройся! — орали конвоиры.

Толпа изможденных, похожих на скелеты людей вытягивалась в одну цепочку вдоль перрона. Пьяный начальник поезда вздумал произвести проверку личного состава заключенных, но никак не мог найти списки. Многие из арестантов, не выдержав, садились, другие отходили в сторону. Кое-кто уже успел скрыться.

Сима подошла к седоусому железнодорожнику.

— Где мы? Далеко ли до Иркутска?

— Недалеко... А ты, девушка, шла бы лучше в поселок, пока тут кутерьма идет. Постучись вон в тот дом, третий с краю. Скажи: Кузьмич направил.

— Спасибо, товарищ,— горячо сказала Сима и, шатаясь, побрела по тропке к поселку.

Через неделю она была в Иркутске у товарищей по подполью.

Снова в подполье

Глухой ночью по улицам Омска шли двое — мужчина и женщина. Женщина зябко кутала лицо в шаль. Пальтишко на ней было «семисезонное», и злой ветер-степняк продувал его насквозь. Под крутояром рябел талым снегом Иртыш. Мартовские крупные звезды сверкали над головой, и серпик луны застрял в голых ветках городского сада. Послышался отдаленный цокот копыт. Путники спрятались в ближний подъезд. Проехал казачий ночной патруль. Снова пусто и тихо стало на улице.

— Долго ли еще идти? — спросила женщина.

— Долгонько. До Куломзино, однако, придется идти задворками. Там у нас штаб-квартира.

— Да вы меня уж никак на четвертую ведете. Конспирация у вас в десять раз строже, чем при царизме.

Сибирскiи Обла стн.
Комитет Р. К. партiи
командирует члена
С. Об. К-та т-ща Сару
(Елену) для органи
зацiонной работы
на Уралъ и для пере-
дачи информацiи

за председателя...
Сиб. Обл. Комитета

член К-та Парик

9/IV 1919 г.

Мандат
С. Дерябиной
для подпольной
работы на Урале

— Что поделаешь — в волчьем логове живем. Ведь восстание недавно было. Расстреливали без суда и следствия. Иртыш покраснел от крови.

— Восстание? В самой столице колчаковского царства? Это здорово!..

Идти пришлось, действительно, долго, пока не добрались до штаб-квартиры, помещавшейся в подвальном помещении. Предупредили:

— Здесь будете работать, есть, спать и все это время никуда не выходить.

При свете ночников открыла свои заседания Всесибирская конференция коммунистов. Можно было лишь удивляться, как в условиях жесточайшего террора удалось собрать делегатов не только из Ново-Николаевска, Томска, Нижнеудинска, Красноярска, Иркутска, но даже из Благовещенска и Владивостока. С замиранием сердца слушала Сима доклады с мест, и перед ней раскрывалась картина необъятной Сибири, охваченной пожарами восстаний.

Через два месяца она получила мандат, нацарапанный на лоскутке холщовой материи, уполномочивающий «товарища Сару (Елену) для ведения на Урале организационной работы и информации». И сейчас в Свердловском архиве можно видеть этот красноречивый документ, запечатлевший эпоху, судьбу и образ коммуниста первых лет революции.

С серьезным заданием ехала Сима в родной Екатеринбург, где прошло ее детство, где созрела она для большой политической работы. И, как пять лет назад, она должна была скрываться от колчаковской контрразведки, полицейских ищеек. Кто знает, может быть, ее выследили, может быть, она встретит старых, недобрых знакомых, может быть, провалились данные ей явки, которые она заучила наизусть...

За окном мелькали уральские сосенки, поросшие пихтачом горные кряжи. Приближался Екатеринбург. Каким знакомым и каким чужим показался он ей!

Еще в Омске Симе рассказывали об ужасах белого террора, царившего здесь, о черных гусарах Анненкова, о палаче верх-исетских рабочих поручике Ермохине, о кизеловских шахтах, куда сбрасывали расстрелянных и живых, о поголов-

ных порках деревенского населения. Но были вести и о массовом дезертирстве, о бунте мобилизованных в Перми, Туринске, Тюмени.

Было сухо и жарко. С немощеных улиц ветер тучами гнал колючую пыль. Город точно вымер. Еле курился дымок над трубой завода Ятеса.

Сима пошла вдоль берега Мельковки. Низенькие дома рабочей слободки стали точно еще ниже. Некоторые стояли с заколоченными ставнями. У одного из них Сима, оглядевшись по сторонам, постучала в калитку.

— Кто там? — послышался со двора сиплый стариковский голос.

Сима назвала пароль. Калитку отворил седой, бородатый человек в очках. Сима с трудом узнала в нем знакомого еще по 1905 году. Старик провел ее в невзрачный флигелек с одним окошком.

— Откуда к нам?

— Из Омска... Говорите скорей, что нового?

— Хорошего мало. Группа Валека арестована и расстреляна.

— Как? И Авейде?

Старик мотнул головой. Сердце Симы защемило от душевной боли. А старый рабочий продолжал горестный мартиролог жертв колчаковской контрразведки.

— Погиб Дукельский с товарищами. Вчера арестовали Васю Еремина. Он ведь у самого Гайды в штабе служил.

Сима слушала молча. Ну что же, значит, надо еще раз сколачивать организацию. Как всегда в тяжелые минуты, она собрала в комок всю энергию, все силы ума и воли.

— Осенние мухи садче кусаются,— продолжал старик.— Дела-то у беляков под гору ползут. Сдали Глазов, скоро и Пермь сдадут.

Но об этом Сима уже догадывалась по тону белогвардейских газет. Ее интересовало, уцелели или нет «пятерки» в районах, с кем в первую очередь можно связаться. Оказывается, есть еще «пятерки», и не вся организация разгромлена, и рабочие держатся стойко. Верх-Исетский завод прекратил работу. Железнодорожники пускают под откос воинские эшелоны.

— Однако будьте осторожны.

И все же Симе удалось установить нужные связи с коммунистическим подпольем, вдохнуть в товарищей надежду на скорый конец колчаковщины.

На Усольцевскую она не заходила. Мать умерла четыре года назад. Старшая сестра, конечно, жила в деревне. Небезопасно стало бывать в знакомых местах.

Однажды вечером она шла на Мельковку передавать связному поручение. На Вознесенской площади остановилась, залюбовавшись открывающейся с горы панорамой города. Алое золото заката отражалось в городском пруду. В вечернем свете сияла сахарная громада харитоновского дома.

— Ваши документы! — услышала она голос за спиной.

Обернувшись, Сима увидела высокого офицера. Бледное узкое лицо, неподвижные темные глаза. Сима протянула паспорт. Офицер внимательно прочитал его и спрятал в карман своего черного кителя.

— Идемте со мной в комендатуру!

«Неужели конец?» — мелькнула горячая мысль.

Июль 1919 года

Тюрьма у Московской заставы — каменное двухэтажное здание. Там содержатся мужчины, в верхнем этаже больница, женщины за стеной в одноэтажном деревянном доме. Обе тюрьмы переполнены. Кроме того, есть еще тюрьма на Ночлежной площади, военный контроль, или контрразведка, помещавшаяся на Главном проспекте, и, наконец, страшная верхисетская комендатура, где палачествовал садист и пьяница Ермохин. Свыше одиннадцати тысяч было арестовано в Екатеринбурге в период колчаковщины.

Страшной жизнью жила тюрьма. Заключенным выдавали фунт сырого ржаного хлеба, а на обед мутную бурду, именуемую супом. Битье вшей входило в официальный распорядок дня. По ночам тюрьма замирала, и в тишине отчетливо раздавались винтовочные залпы — за Ивановским кладбищем расстреливали очередную партию заключенных. Уголовные здесь сидели вместе с политическими. Вдова казненного Антона Валека Раиса Исааковна с малюткой сыном была присуждена

к вечной каторге. Тех, кого пощадила пуля, добивали цинга и тиф.

В этот ад привели из контрразведки Серафиму Ивановну Дерябину. Привели в ту самую женскую тюрьму, где она отбывала заключение в годы первой революции.

Большого душевного напряжения потребовали ожидание и допрос в «военном контроле». Сима притворилась наивной мещаночкой, разыскивающей пропавших родных. Ясно было, что колчаковская охранка не успела напасть на ее след, а прежнее «дело» потеряли.

Июль стоял жаркий. Для колчаковского командования он был жарок вдвойне. После освобождения Красной Армией Перми и Кунгура фронт неумолимо приближался к Екатеринбургу. Местные богачи, чиновники, семьи офицеров спешно покидали город. Началась эвакуация тюрем. Сотнями угоняли в Сибирь партии арестованных.

Вечером смена караула. В волчок летит бумажный комок. Развернули, а в нем обжигающе радостные слова:

«Красноуфимск взят. Идут бои около Кузино».

Значит, близко. Близок час свободы. Но как пережить эти последние дни, как дожить до прихода Красной Армии? Правда, тюремная администрация, видимо, основательно растерялась. Надзирательница Спицына даже говорит:

— Только вы нас не выдавайте, а мы вас сохраним.

Записывали больных. Назвалась и Сима. Она в самом деле чувствовала себя плохо. Ее перевели в больницу, где она встретила Раису Валек. Отправили на восток самую большую партию — семьсот человек. Только случайно не попали в нее Сима и Валек. Тревожные часы переживала больница. Ходили слухи, что около тюрьмы установили артиллерийскую батарею и будет бой.

Но по Московскому тракту непрерывно текли отступающие части белых. В городе начались погромы. Слышалась беспорядочная стрельба. Ночью в коридоре раздалась пьяная ругань, топот сапог, крики избиваемых. Кого-то волокли с верхнего этажа.

— Прощайте, товарищи!

Эту последнюю ночь никто не спал. Надзирательница предупредила зловеще:

— Готовьтесь!

К чему готовиться? Никто ничего не знал, ожидали самого худшего. Внезапно наступила мертвая тишина. Время точно остановилось. Все ждали, что будет. Со стороны Кафедральной площади бухнула шестидюймовка. Там, в центре города, еще думали обороняться. А по улице поселка Верх-Исетского завода уже скакал эскадрон красной конницы.

Заключенные с волнением прислушивались к стрельбе. Она становилась все громче, все ближе. Вдруг явственно послышалось пение «Интернационала». Бурная радость овладела заключенными.

— Ура, товарищи! Наши пришли!

А что, если это провокация? И тогда немедленная расплата — смерть. Но вот скрежещет ключ в замке. Распахивается дверь камеры.

Обезумев от счастья, заключенные покидали тюрьму. Люди обнимались, плакали. Родные и знакомые встречали узников. Где-то на Главном проспекте уже гремел духовой оркестр. На домах полоскались красные флаги. 28-я стрелковая дивизия под командованием легендарного Азина и 21-я под командованием Овчинникова вступали в Екатеринбург.

— Я точно заново родилась,— говорила Сима, обнимая Раису Валек.— Кажется, это самый счастливый день в моей жизни.

Стрельба еще доносилась из района вокзала. Черный дым клубился над ним. Там еще кипел бой. Горели эшелоны и ближайшие к вокзалу дома. А день вставал ликующе яркий и праздничный, как будто сама природа радовалась дню освобождения столицы Урала.

Сима сразу же взялась за восстановление городской партийной организации. На организационное собрание коммунистов первого района пришло двадцать три члена партии. Сима сделала доклад о партийной программе и задачах коммунистов.

— Колчак оставил нам голод и разруху, тысячи больных тифом, беспризорных. Мы должны в первую очередь восстановить и укрепить Советскую власть. За работу, дорогие товарищи!

Ее избрали в городское организационное бюро. Предстояло привести в порядок город. Магазины, лавки, склады зияли разбитыми дверями и окнами. В белогвардейских застенках

18 Заказ 17

и штабах на полу и на стенах ржавела кровь; валялись груды и клочья бумаг. В городе еще носился запах гари.

Но самая страшная картина открылась за Ивановским кладбищем. Горожане приходили сюда разыскивать родственников и близких. Кучи тел лежали с проколотыми глазами, с отрубленными головами, многие до половины зарытые в землю. Стоны, крики, проклятия, плач раздавались над этим полем смерти.

Настал день похорон жертв белого террора. Далеко растянулась траурная процессия. Скорбные звуки похоронного марша сливались с рыданиями вдов и сирот. Сима, потрясенная зрелищем всенародной печали, не могла удержаться от слез. Перед ней вставали родные лица Венцека, Марии Авейде.

Вспоминая погибших друзей, Сима писала:

«Они развертывали перед изумленной толпой одну за другой красные страницы своей яркой, красивой и разумной жизни, полной огромных радостей и безмерных страданий».

«На заре новой жизни»

Судьба человека — это сам человек. Быть соучастницей великих дел великой эпохи — иной судьбы Сима не желала. Несмотря на то, что туберкулез уже давно грыз ее легкие, она, кажется, никогда не работала с таким жаром, как в последний год своей жизни. Она все отдавала другим, не требуя для себя ничего в прямом смысле этого слова. Это было трудное счастье, но она бы его не сменяла ни на какое другое.

Эту, всем знакомую в Екатеринбурге, худощавую женщину в клетчатом пальто можно было видеть и на заседаниях губисполкома, членом которого она являлась, и на субботнике, и в госпитале, и на товарищеской вечеринке, и на митинге в клубе или в Харитоновском саду. Всегда с людьми, всегда для людей.

Радостны были для нее встречи с товарищами по подполью: с Анной Николаевной и Марией Николаевной Бычковыми, с Зиной Осколковой, с Анатолием Ивановичем Парамоновым. С ними она вспоминала дореволюционные годы и путь, которым они шли в партию.

Началась подготовка к празднованию второй годовщины Октября.

На одном из заседаний октябрьской комиссии кто-то мечтательно произнес:

— А хорошо бы, знаете, товарищи, поставить в день праздника пьесу... нашу, советскую... Жаль только, автора нет.

Сима тотчас загорелась.

— Давайте, я попробую. Может, что-нибудь выйдет.

И удивила всех: через неделю принесла пьесу в одном действии. Прочитала. Понравилось.

— Как это вас, Серафима Ивановна, на все хватает?

Пьесу начали готовить к постановке. Собственно, это была не пьеса в общепринятом смысле, а нечто напоминающее «живые картины», в аллегорической форме изображающие победу Великой Октябрьской революции.

Девятого ноября 1919 года в семь часов вечера в городском театре состоялось первое представление. Партер, ложи, балкон и галерка были, что называется, битком набиты. Не было накрахмаленных манишек, сюртуков и модных дамских платьев. В театр пришли новые зрители — в солдатских шинелях, в рабочих куртках. Сима с радостным волнением видела знакомые лица женорганизаторов и делегаток. Эти-то уже наверняка поймут, что она хотела сказать своей пьесой. Недаром и название она ей дала «На заре новой жизни».

Пьеса имела громкий успех.

Наша Сима

Златоустовская, 60. Двухэтажное здание стиля модерн. Здесь помещается губернский отдел работниц, или, как его коротко называют, женотдел. Возглавляет его Серафима Ивановна Дерябина. Впрочем, зовут ее, как в годы подполья, просто Сима. Уж очень подходит это ласковое имя ко всему ее духовному и физическому облику.

А. Кореванова, автор повести «Моя жизнь» и делегатка 1919 года, вспоминает один из вечеров, организованных Симой: «Мы сидели за столами, пили чай и слушали речь нашей Симы. Мы готовы были идти за ней в огонь и в воду. Только скажи она: «Товарищи, за мной!» — и мы сейчас же бы стали в ряды».

Популярность Дерябиной была заслуженной. Для забитых, темных, привыкших к своему рабскому состоянию женщин и девушек она стала матерью и сестрой, задушевной подругой и мудрой наставницей. Она внушала им: вы те же бойцы, только не на фронте, а в тылу. Она вдохновляла их на работу, а ее было полно, самой разнообразной и самой неотложной. Мужчины сражались на востоке, в Сибири, на западе под Петроградом, на севере против англо-американских интервентов, на юге против Деникина. Сыпняк тысячами косил людей, не хватало врачей, не хватало больниц. Под госпиталь отвели харитоновский дом с розовыми амурами на плафонах. Особняки Рязановых, Агафуровых, Злоказовых, Макаровых передали больницам и детдомам. Женщины работали в госпиталях, на предприятиях, шили белье раненым и больным, организовывали помощь фронту.

В газете «Уральский рабочий» появилась «Страница работницы», где за подписью С. Дерябиной печатались статьи о работе среди женщин, о партийном строительстве.

Работа среди женщин была важной и трудной в эти годы, и Сима, как всегда, взяла именно эту трудную часть общего дела.

Она развернула кампанию по ликвидации неграмотности среди женщин. Одной ей, конечно, невозможно было справиться с кучей неотложных дел. В числе верных друзей и помощниц были такие опытные организаторы, как Е. Б. Вайнер, М. Н. Уфимцева-Бычкова и другие.

Эпилог

Стояла тифозная, морозная зима. На голодном пайке сидели города. Недостаток топлива и подвижного состава парализовал транспорт. Но окруженная огненным кольцом фронтов и блокады, нищая, голодная, плохо вооруженная первая в мире Республика рабочих и крестьян не только отражала удары, но и сама наносила их, один сокрушительнее другого. В громе побед кончался 1919 и начинался 1920 год.

Счастливые вести летели с фронтов гражданской войны. «Верховный правитель» сидел в иркутской тюрьме, ожидая смертного приговора. Ставка международного империализма

была бита. Позорно провалилось наступление генерала Юденича на красный Питер. На севере войска интервентов отказывались сражаться против большевиков. На юге Красная Армия безостановочно гнала деморализованные армии Деникина к Черному морю. Советская Республика распрямляла плечи.

В такой обстановке был созван VII Всероссийский съезд Советов. Серафима Ивановна вошла в состав делегации от Урала. Потребовалось организовать похороны делегатки, умершей от тифа, и она опаздывала на съезд. Мост через Каму, взорванный колчаковцами, еще не успели восстановить, и через реку пришлось идти пешком. Под ледяным декабрьским ветром Сима простудилась и в Москву приехала уже больная.

Здесь она в последний раз видела и слышала Владимира Ильича. Он сильно изменился со времени совещания в Поронино, но речь его дышала той же непоколебимой верой в могучие творческие силы народа, в его светлое будущее.

— На основании опыта двух лет,— говорил Ленин,— мы можем сказать вам с абсолютной уверенностью, что всякий шаг в наших военных победах будет с громадной быстротой приближать то время — теперь уже совсем близкое — когда мы целиком посвятим свои силы мирному строительству.

Каждое слово Ленина находило отклик в душе Симы. Для нее он был олицетворением всепобеждающей силы революции, того дела, которому она и ее товарищи по партии отдавали всю свою жизнь.

На этом съезде ее избрали членом ВЦИК.

Голодная и холодная, утопающая в сугробах, провожала делегатов Москва, и такой же суровый, голодный, дымный от мороза встречал их Екатеринбург. На собрании женщин-делегаток и женорганизаторов Сима выступила с отчетом о съезде. Щеки ее пылали нездоровым румянцем, глаза лихорадочно блестели, а речь то и дело прерывалась приступами кашля. В заключение она сказала тихо:

— А вот вам подарки.

Это были красное знамя и портрет Ильича.

Последние месяцы своей жизни Сима провела в квартире старых знакомых Ярцевых, недалеко от Кафедральной площади, переименованной в площадь Революции 1905 года. Улица называлась Студеной и в доме было студено.

Сима уже не вставала с постели. Все же она нашла в себе силы написать приветствие делегаткам ко дню 8 Марта.

9 апреля 1920 года она скончалась.

На площади Уральских Коммунаров в Свердловске, где над братской могилой героев Октября горит вечный огонь, под скромной чугунной плитой покоится прах Серафимы Ивановны Дерябиной.

Она скончалась на тридцать втором году жизни, отдав всю себя без остатка святому делу революции. Умерла, как солдат на боевом посту, как верная дочь партии, чье знамя она пронесла сквозь черные годы подполья, тюрьмы и ссылки, красное знамя, обагренное кровью лучших сынов народа.

Смотришь на ее одухотворенное лицо и думаешь: какую же надо было иметь непреклонную волю, стойкость и мужество, чтобы пройти через самые тяжкие испытания и с победой выйти из них, каких прекрасных, героических людей воспитала и закалила наша партия!

Имя Серафимы Ивановны Дерябиной навсегда вошло в летопись славной борьбы за торжество ленинской правды.

К. БОГОЛЮБОВ

РЕВОЛЮЦИОНЕР, КОМИССАР, УЧЕНЫЙ

1

Семнадцатилетний выпускник Владимирско-Киевского кадетского корпуса Борис Дидковский стоял перед своим отцом — суровым и строгим человеком, штабс-капитаном 127-го Путивльского полка. Отец встретил сына, стоя за письменным столом. Все ордена и медали сверкали на его парадном мундире.

Сдвинув брови, отец просматривал аттестат. Можно было подумать, что он недоволен. Между тем по математике у Бориса стоял высший балл — 12, по географии и естественной истории — 11. Правда, по словесности, рисованию оценки ниже. Но средний балл достаточно высок — 10,2.

Борис переступал с ноги на ногу: кажется, можно бы обойтись без формальностей и по-родственному присесть на диван. Стояние «во фрунт» давно уже приелось ему в корпусе. Не дожидаясь приглашения, Борис, наконец, сел.

И вдруг холодные глаза отца поднялись над аттестатом.

— Что это значит?

— А что? — беспечно спросил Борис. Впрочем, он прекрасно знал, о чем пойдет речь.

— Здесь написано, что ты окончил курс при удовлетворительной нравственности.

— Видимо, моя нравственность их удовлетворяет.

— Не паясничай. В чем провинился?

Борис сделал вид, что припоминает.

— Не хотел носить галстук... Учинял беспорядок перед сном... Дразнил за обедом Адамса... Как-то однажды залез в глубокий снег... Ну, еще что?..

— Я говорю, перестань паясничать,— отец щелкнул по бумажке: — Здесь кроется что-то посерьезнее.

Борис чуть сдвинул брови.

— К сожалению, нам не показывали то, что строчили на нас воспитатели. Если тебя интересует, я думаю, они уважат твой чин...

Отец сел, расстегнул воротник мундира.

— В таком случае я тебе скажу, мой дорогой, в чем ты провинился. Ты непочтителен со старшими. И даже со мной. Как ты сидишь? Опусти ногу.

Борис не шелохнулся.

— Вот, вот... У тебя неудовлетворительная нравственность. Ты позволяешь себе критиковать распоряжения воспитателей. На молитве тебя охватывает приступ болтливости. Когда от тебя требуют, чтобы ты был подтянут, ты ходишь, нарочно щелкая каблуками, и ведешь себя, как деревенский вахлак!

Лицо Бориса оставалось неподвижным, но глаза становились все более холодными и непримиримыми. Трудно было поверить, что это отец и сын: разговаривали двое чужих.

— Твои намерения?

— Учиться. В электротехническом.

— Что-о? — отец замолчал, стараясь подавить приступ ярости.— Твой дед из-за пустых формальностей потерял свое потомственное дворянство. Всю жизнь он потратил, чтобы вос-

становить его. Я тоже служу всю жизнь, чтобы оправдать звание личного дворянина...

— Извини, отец, но все это звучит смешно.

— Смешно? — отец встал, упираясь побелевшими пальцами в стол.— Может быть, тебе смешно, что я, офицер, готовый ради своего отечества...

— Смешно.

Так в мае 1900 года Борис Дидковский отрекся от военной службы, от обязанности защищать царский престол. Так потерял он отца, дом. Отныне ему приходилось рассчитывать только на самого себя.

Очень скоро Борис приобрел характерный облик русского студента начала нашего века: в заломленной на затылок фуражке, с расстегнутым воротом, с двумя-тремя книжками в руках он спешил на лекции.

В Петербургском электротехническом институте, где учился Борис, было неспокойно. Даже на лекциях уважаемых профессоров чувствовалась какая-то напряженность и невнимательность. Когда же появлялись на кафедре те, кого молодежь не принимала, аудитория гудела и волновалась, никакие замечания не могли ее успокоить. Ходили слухи, что среди студентов есть и подпольщики.

Сынки богатых оставались равнодушными: их не интересовали революционные идеи и горячие диспуты, после лекций они спешили домой. Дидковский ненавидел их. Ему приходилось после занятий бегать по урокам, по ночам читать, готовиться к лекциям и ложиться спать, не поев, глотнув холодной воды из-под крана. Часто Борис откладывал в сторону книги по математике и электричеству и думал...

Весной 1901 года один из его товарищей, учившийся в технологическом институте, попросил Бориса распространить у себя в электротехническом несколько листовок. Он согласился сразу. Так началась его революционная деятельность.

Листовки, брошюры, смелые разговоры Бориса и его друзей будоражили студенчество. Постепенно у Дидковского накапливались запрещенные издания, и он стал хранителем нелегальной библиотеки. Тоненькие брошюрки, отпечатанные на гектографе, переходили из рук в руки. Под студенческими кителями прятались папиросные листы «Искры». Борис стал подпольщиком.

И вот первая студенческая забастовка. И первое выступление.

О революционном брожении среди учащейся молодежи Петербурга, Киева и других городов нервно пишет донесения департамент полиции: студенты бастуют не только потому, что закрыли столовую или уволили любимого профессора, они выдвигают политические лозунги. У многих из них на устах РСДРП.

Агитаторы партии в передних рядах. Среди них Дидковский.

Теперь он, возвращаясь вечером с уроков, часто идет не домой на Казанскую улицу, а садится на конку и едет на Васильевский остров. В одном из темных дворов его встречает кто-то невидимый, сжимает руку у локтя:

— Пароль? Проходи.

Это — подпольный кружок. Здесь говорят о Ленине. Здесь студент сидит рядом с рабочим, и руководитель кружка предупреждает: царское правительство усиливает репрессии.

В 1903 году Дидковского увольняют из института. С большим трудом ему удается в 1904 году устроиться на физико-математический факультет университета.

Студенты осуждают правительство, развязавшее войну с Японией. «Самодержавие перед лицом культуры» — так называется воззвание, подписанное студентами социал-демократами. Сходки, забастовки, протесты. Заседания и приговоры профессорского дисциплинарного суда. Волнение вырывается из стен университета. Студенты демонстрируют на улице. Конная и пешая полиция набрасывается на молодежь. Демонстрация рассеяна. Стоя в подворотне, без фуражки, Борис плюет кровью: у него выбито нагайкой пять зубов.

За участие в революционном движении Дидковского исключают из университета без права поступления в высшие учебные заведения России.

Полиция нападает на след молодого революционера. Ему грозит неминуемый арест. С помощью товарищей Борис в конце 1905 года уезжает за границу.

Восемь лет вдали от родины — нелегкое испытание даже для сильной натуры. Борис Владимирович в эти годы простился со своей юностью и приобрел черты несколько сурового, всегда сдержанного человека. Жизнь в Швейцарии не была

для него безоблачной: непрерывный труд в геолого-минералогической конторе, короткий сон в тесной комнате, жизнь впроголодь. Но он настойчиво и с большим успехом учился в университете, одновременно активно участвовал в революционном рабочем движении. В 1907 году во время рабочей демонстрации в Женеве он был жестоко избит полицией.

Окончив в 1913 году университет по геологической специальности и получив звание бакалавра наук, Борис Владимирович уезжает в Россию. Вот как это произошло.

Знаменитый швейцарский геолог Л. Дюпарк, проводивший исследования во многих странах Европы, отправился в очередную поездку на Северный Урал. Он намеревался произвести здесь геологическую съемку в платиноносном районе Павдинского горного округа. Помощником он взял своего ученика — Бориса Дидковского.

Жители Николае-Павдинского поселка очень скоро обратили внимание на двух мужчин, которые с молотками и какими-то приборами каждое утро уходили в горы и возвращались лишь с закатом солнца.

Дидковский не мог выразить тех чувств, которые охватывали его каждое утро, как только неутомимый учитель прерывал его молодой крепкий сон. Он с каким-то упоением исследовал эти горы, лога и долины рек, таящие в себе еще неведомые богатства. Борис испытывал радость предстоящих открытий, подобно первому землепроходцу или ученому, вдруг приблизившемуся к искомой тайне. Но разве только это? А чувство Родины, пусть суровой и холодной, но словно ждущей его!

Профессор возвратился в Женеву, а Борис Владимирович поступил на службу в Управление горного округа. В его обязанности входила геологическая съемка, разведка платины и других полезных ископаемых. Хозяева платиновых приисков ценили в Дидковском знающего специалиста. Конечно, если бы им были известны идеи этого молчаливого человека, они постарались бы немедленно избавиться от него.

Сдержанный и скрытный с владельцами компании, он совсем иначе держался с рабочими. Борис Владимирович находил среди них единомышленников. Его объединяла с ними общая ненависть к эксплуатации и бесправию народа. Будучи марксистом, Дидковский прекрасно разбирался в природе классовой

борьбы и видел в трудящихся силу, способную свергнуть отживающий социальный строй. Не случайно рабочие сразу нашли с ним общий язык и считали его чутким, отзывчивым человеком, всегда готовым им помочь.

2

Известие о Февральской революции взволновало и обрадовало Дидковского. Он сразу же активно включился в политическую борьбу.

Хозяева Николае-Павдинского горного округа уволили главного геолога за революционную деятельность... Однако эта же деятельность высоко подняла авторитет Бориса Владимировича среди рабочих. Дидковский стал делегатом областного и первого Всероссийского съездов Советов. В канун Октября по заданию партии он готовил трудящихся на севере Верхотурского уезда к борьбе за власть Советов.

На четыре тысячи жителей Верхотурья большевиков было не больше пяти человек. С Екатеринбургом не было регулярной связи. На месте приходилось решать самим, что делать...

Совещание, проведенное Дидковским с большевиками уезда, наметило установить Советскую власть в Верхотурье.

В тот ноябрьский вечер жители Верхотурья рано заперлись в домах. Город замер, но не спал. Во многих домах, где жили рабочие, из-за занавесок пробивались полоски света: тревожило: кто возьмет власть? Были среди рабочих и такие, кто отстаивал «законную власть» — городскую думу и земство. Но большинство поняло, что эта власть выгодна только богатым. А вот большевики, действительно, заботятся о рабочих: Дидковский как председатель Верхотурской продовольственной управы сумел добиться, чтобы рабочие и их семьи не голодали.

Местные чиновники, не желавшие примириться с надвигающейся революцией, собрались в одном из домов.

— Хватит двоевластия! — возмущались они.— У нас есть солдаты и милиция. Если будем выжидать, солдаты перейдут на сторону большевиков.

Земское собрание вынесло постановление: вызвать из Перми офицеров и арестовать всех большевиков.

Большевики по одному собирались в маленьком доме на окраине городка. Сюда же пришли члены партии с окрестных заводских поселков. Вел собрание Дидковский.

— Нам известно от доверенных лиц о решении земского собрания арестовать большевиков,— говорил он.— Дума не признает Совета рабочих и солдатских депутатов. В любой момент она может перейти в наступление. Больше ждать нельзя. Рабочие Петрограда подают нам пример. Есть предложение, товарищи, взять власть в свои руки.

Поздно разошлись большевики. Дидковский не возвратился домой. Кто знает, что предпримут враги в эту темную, полную опасности ночь? Несколько всадников покинуло Верхотурье. Им поручено передать большевикам Верхней Туры, Кушвы, Надеждинска и Ляли требование прислать на помощь отряды красногвардейцев.

На следующий день большевики Верхотурья заняли один из каменных домов города, запаслись водой и продовольствием: пока придут красногвардейцы, может быть, придется отсиживаться. Но одновременно Дидковский принял решение: не защищаться, а наступать, захватить противника врасплох.

— Так у нас всего одна винтовка,— возразил пожилой рабочий,— а у них милиции человек тридцать.

— Решительность тоже кое-чего стоит,— спокойно сказал Борис Владимирович.

Три человека, двое из них в шинелях, с единственной винтовкой на перевес, пересекли пыльную площадь и вошли в управление милиции.

Сидевший на табурете дежурный вскочил.

— Спокойно,— твердо сказал Дидковский.— Вы арестованы.

Мушка винтовки заплясала перед глазами милиционера. Ему ничего другого не оставалось, как отдать револьвер.

Сверху доносятся голоса и смех: там, на втором этаже, весь отряд милиции.

— Закрыть второй этаж! — командует Дидковский.

Мгновенно дверь запирается.

— Эй, кто там? — голос сверху.

— Я — Дидковский. Именем городского Совета рабочих и солдатских депутатов вы арестованы. В случае сопротивления открываем огонь.

Наверху наступила тревожная тишина.

Вскоре сюда подошли другие рабочие. Известие о захвате милиции мгновенно разнеслось по городку. Из думы в воинскую часть примчался нарочный. Одновременно земское собрание вынесло одну за другой резолюции протеста против «захватчиков». Воинская часть грозится боем, но Дидковский знает: солдаты колеблются и вряд ли будут стрелять в рабочих. И все же тревожно. Милиционеры на втором этаже молчат. Может быть, что-нибудь замышляют? Наступает вечер.

И вдруг... Издали нарастает песня: «Смело, товарищи, в ногу...»

Это пришли красногвардейцы с заводов.

3

Советы победили по всему Уралу. Народ взял власть в свои руки. Однако борьба с многочисленными врагами революции не только не прекратилась, но приобрела еще более острый характер. Хозяева заводов, рудников и приисков, опираясь на технический персонал, организовывали саботаж: срывали мероприятия Советской власти, прекращали выдачу заработной платы рабочим, обрекая трудящихся и их семьи на голод и лишения. Истощенное войной хозяйство приходило в упадок, росла безработица, но рабочие понимали, что все эти бедствия, прежде всего, дело рук уральских заводчиков.

В начале декабря 1917 года Дзержинский получил записку от В. И. Ленина:

...«Вопрос на Урале очень острый: надо здешние (в Питере находящиеся) правления уральских заводов арестовать немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и конфисковать все уральские заводы. Подготовьте проект постановления поскорее».

Так начался разгром преступного заговора уральских капиталистов. Декретом совнаркома за злостный саботаж горнопромышленников первым на Урале был национализирован Богословский горный округ.

...Съезд по организации управления казенными и национализированными предприятиями Урала открывается в Екатеринбурге 4 января 1918 года. Председательствующий — ста-

рый большевик-подпольщик В. Н. Андроников пристально оглядывает зал. Среди многочисленных полушубков и серых шинелей вкраплены черные шинели и кожанки инженеров, рядом с усатыми и бородатыми лицами видны выбритые щеки, пенсне, плотно сжатые губы. Зал давно не топлен, но чувствуется, что люди взволнованы и не замечают холода. Все переговариваются, и Андроникову долго не удается установить тишину.

Первым выступает комиссар производства А. А. Кузьмин. Спор начинается сразу же, как встает вопрос об организации областного правления национализированных предприятий. Представители технического персонала не желают выбирать большевиков. Но несмотря на их протесты, в правление избраны Кузьмин, Ларионов, Корякин, Маслов и Дидковский. Управление заводами на местах съезд поручает Деловым советам, в которых две трети должны составлять рабочие.

С внеочередным заявлением выступает заместитель председателя Уралоблсовета Б. В. Дидковский, который только что побывал в Богословском округе.

— Остановка Богословских заводов,— говорит он,— катастрофична не только для населения этого округа, она тяжко отразится и на ряде других уральских заводов и даже в центре России. Округ прекрасно оборудован, обеспечен сырьем, но производство остановилось, так как транспорт расстроен и нет никаких перевозочных средств. Рабочие и их семьи голодают. Нужны чрезвычайные меры. Все другие округа, где положение сравнительно терпимо, должны помочь богословцам.

В зале вспыхивают ожесточенные споры. Стоит невообразимый шум. Объявляется перерыв. После перерыва подавляющим большинством принимается предложение: послать в Богословск срочно, вне всякой очереди, маршрутный поезд с продовольствием.

Дискуссия на съезде — лишь небольшой участок той ожесточенной борьбы, которая развернулась по всему Уралу, по всей республике. Дом на Ломаевской [1], где помещался Уральский областной Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ежедневно осаждали десятки и сотни людей в шинелях, кожанках, тулупах. Они шли и ехали сюда со всех кон-

[1] Ныне ул. Февральской революции в г. Свердловске.

цов Урала, чтобы рассказать о положении на местах, получить приказ или инструкцию. Ответственные комиссары, выдвинутые из состава Уралоблсовета (Дидковский был назначен заместителем комиссара производства А. А. Кузьмина), каждый день принимали огромное количество посетителей. И от всех слышали один и тот же вопрос, как осуществлять ее — эту самую национализацию? Комиссары отвечали им: рабочие должны учиться управлять производством, брать руководство предприятиями в свои руки; национализировать прежде всего те заводы, которые неубыточны.

К Дидковскому шли люди с рудников, шахт, платиновых и золотых приисков. Они рассказывали ему о том, что на приисках еще живы старые хищнические нравы, поэтому нередко драгоценный металл попадает в руки спекулянтов. Дидковский внимательно выслушивал посетителей, записывал, советовал. Он часто выезжал в самые отдаленные округа и вместе с рабочими разрешал на месте вопросы национализации предприятий. Борис Владимирович постоянно думал о том, насколько необходимо переоборудование приисков, внедрение новых драг американского типа, чтобы навсегда покончить с индивидуальным старательством и добиться усиления рабочих организаций. Он ставил вопрос об улучшении финансирования приисков и в то же время требовал решительных репрессий против тех, кто продает и скупает платину и золото.

Работа Уральского областного совета не прекращалась и ночью. Только в это время иссякал поток посетителей, ответственные комиссары Совета проводили экстренные заседания. Впрочем, каждое из этих заседаний было экстренным: 24 апреля — национализация каменноугольного производства, 29 апреля — национализация асбестовых предприятий Баженовского района, 2 мая — национализация солеваренных заводов Усольского района, 12 мая — постановление о постройке железных дорог...

Домой расходились уже тогда, когда ночь, поглотившая город, начинала рассеиваться и в сером рассвете вырисовывались крыши домов. Виски сжимала усталость. Но на душе у каждого было радостно. Положение на Урале налаживалось. Многие представители техперсонала колебались и готовы были перейти на сторону большевиков.

Им холодно и весело было в этот предрассветный час.

Далеко разносились по улицам Екатеринбурга голоса, смех и звонкие шаги смелых мечтателей — рыцарей революции.

— Подождите, скоро начнем такое заворачивать... Урало-Кузнецкий комбинат.

Едва прохладное уральское лето сменило весну, грянул контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса.

В конце мая белочехами был захвачен Челябинск. Угрожающее положение создалось и для Екатеринбурга.

...На этот раз совещание Уралсовета превратилось в оперативное заседание военного штаба. Все комиссары были при оружии. На лицах собравшихся лежала тень озабоченности и тревоги. Докладывал председатель Уралоблсовета А. Г. Белобородов.

— У нас всего одна боевая единица — 1-й Уральский стрелковый полк. Он под Оренбургом. Дутовские банды задержат его еще надолго. Нужно немедленно создавать Красную Армию и у нас на Урале.

Когда расходились, город казался им настороженным, враждебным, таящим в себе угрозу. Екатеринбург был наводнен офицерами, здесь находилась и Академия генерального штаба, эвакуированная Временным правительством из Петрограда,— гнездо белогвардейщины. Поступали сведения, что через монахинь женского монастыря офицеры связаны с бывшим царем и его семейством, находившимся под арестом.

Каждый из комиссаров понимал: враг у ворот. И все же мирная работа не прекращалась. Член президиума, а затем — зампредседатель областного совета, Дидковский был направлен в Москву, в совнарком и ВСНХ полномочным представителем Урала. Борис Владимирович участвовал в подготовке правительственного постановления о национализации уральской промышленности и о роспуске контрреволюционного совета съездов горнопромышленников.

«Все уральские предприятия, банки, недра стали отныне достоянием народа»,— телеграфировал он на Урал.

И все это совершалось, несмотря на то, что полчища интервентов и белогвардейцев занимали один за другим уральские города и селения.

19 Заказ 17

Осенью 1918 года Уралобком, эвакуировавшийся в Пермь, отозвал Дидковского из Москвы и срочно направил на Северный Урал для выяснения военной обстановки.

И вот он едет из Перми в район Верхотурья на предоставленном ему паровозе. От паровозной топки жарко, и время от времени он высовывается в окно. Осенний ветер обжигает лицо, врываясь в рукава, пронизывает холодом до самых плеч. Искры, густо летящие с паровоза, кажется, вот-вот подожгут лес. Дидковский вглядывается в темноту. Что-то ждет его там, в знакомых местах? Белогвардейцы, обтекая левый фланг 3-й армии, уже заняли Надеждинск, Богословск и Верхотурье. На очереди Павда. Если белые возьмут ее, они овладеют ключом к Кизелу и Соликамску. Верхотурский тракт выведет их в самый центр угольного бассейна и соляной базы Урала.

В воображении геолога возникают горы, исхоженные вдоль и поперек, давно ставшие ему родными. Когда-то он с профессором Дюпарком детально изучал их. Кажется, целая жизнь прошла с тех пор...

— Борис Владимирович, как бы не прохватило тебя,— старый машинист кладет ему руку на плечо.

Дидковский молча отходит от окна.

Через несколько дней он уже в бою, во главе отряда добровольцев. Это не входит в задание, полученное им от областного комитета партии и Реввоенсовета 3-й армии. Но медлить нельзя: положение угрожающее. Белые наступают, фронт перед ними открыт — на этом участке нет ни одного подразделения Красной Армии. Не дожидаясь директив, Дидковский решает, по договоренности с командиром 29-й дивизии М. В. Васильевым, остаться здесь и создавать добровольческие отряды.

Белые непрерывно строчат из пулеметов. Трудно оторвать голову от земли. И все-таки Дидковский встает во весь рост. И вместе с ним встают все 70 человек — отряд, собранный им. Этих людей агитировать не нужно: для них приход белых хуже, чем смерть. Белогвардейцы не выдерживают и бегут из Старой Ляли. Первое боевое крещение завершается победой.

Но на следующий день противник берет реванш: паровоз Дидковского слетает с рельс, уткнувшись железным лбом в

землю. Бой за Мелехино кончается неудачей, и Дидковский попадает в окружение. Под пулями врагов он выводит раненого командира соседнего батальона из опасного места. К Дидковскому устремляется молодой паренек — сын председателя Павдинского исполкома Григорий Ощепков.

— Борис Владимирович,— задыхаясь, говорит он,— отец послал... Связи с Павдой нету... Белые... Я лесом проехал...

— Сейчас сдам его на перевязку,— Дидковский показал на командира батальона, зажимающего рукой раненое плечо,— и едем в Павду. Я захвачу винтовки и патроны. Езжай вперед.

— А вы-то как же?

— Езжай, говорю. Пробиваться будем.

Ощепков верхом помчался по дороге.

Вскоре за ним устремляются три кошевки с бойцами и оружием. В одной из них — Дидковский. С ним двенадцать человек. На дороге появляется с десяток конных. Борис Владимирович выхватывает из сена карабин, ловит мушкой рассыпавшихся в стороны всадников. Под свист пуль, преследуемая противником, группа Дидковского с тремя возами оружия и патронов прорывается в Павду.

Крепки объятия павдинских рабочих. Вместе когда-то бастовали, не робея, разговаривали с хозяевами. Такое не забывается.

Отряд растет на глазах. Бывший унтер-офицер Константин Захаров обучает добровольцев военному строю, а стрелять они умеют сами: большинство из них — охотники.

Одновременно Борис Владимирович формирует отряд добровольцев в Кытлыме. Кытлымцы и павдинцы упорно защищают в течение трех недель единственный на севере Урала советский участок. Но под напором двух рот 19-го Сибирского стрелкового полка белых 14 ноября пришлось сдать Павду. Отступать можно было по свободной дороге на Каменушку и Исовские прииски, но Борис Владимирович не хотел оголять дорогу на Кизел, и павдинцы (45 штыков) под командованием П. С. Соловьева пошли по Соликамскому тракту. Своим заместителем Дидковский оставил В. А. Сильных. Ему было приказано с боем отходить в сторону Растеса и постараться удержать его, иначе кытлымский отряд окажется отрезанным.

В доме Совета рабочих депутатов собрались люди, хорошо знающие Дидковского. Среди них несколько большевиков, остальные — сочувствующие. Говорят все разом: наболело, не могут молчать. Белогвардейцы будут здесь вот-вот. Сопротивляться невозможно: отряд насчитывает всего 26 человек.

Дидковский слушает внимательно и спокойно.

— Завтра начнем подбирать людей в отряд. Будем просить поддержку из Кизела. Кытлым нельзя сдавать. Это выгодная позиция в горах. По крайней мере, мы должны задержать здесь белых как можно дольше. Если нам дадут подкрепление, мы отобьем и Павду.

И вот уже на подступах к Кытлыму вспыхивают перестрелки. Белые, не ожидавшие сопротивления, поспешно отступают. Ночью колчаковцы налетают снова, но пули кытлымских рабочих поворачивают их обратно.

Начинается пурга. Бойцы, одетые в поношенные ватники и тонкие шинели, страдают от холода, от недоедания. Хотя в отряде насчитывается уже больше ста человек, его боеспособность невелика: бойцы вооружены винтовками пяти систем, им не хватает патронов.

В своем письме, адресованном в Кизеловский совдеп, Дидковский докладывает, что сил, которыми он располагает, достаточно для защиты перевалов через Урал, но для того, чтобы взять Павду обратно, а затем угрожать Богословску и станции Караул, надо еще 200—300 боеспособных красногвардейцев с тремя пулеметами.

Это письмо отправлено 26 ноября. А уже через несколько дней, 30 ноября, Борис Владимирович посылает телефонограмму в Кизеловский совдеп и начальнику Уральской сводной дивизии М. В. Васильеву с просьбой о немедленной помощи: «Если эта записка попадет к вам ночью, не откладывайте

Секретное предписание Дидковского о подготовке Кытлыма к эвакуации

Пока не оглашать на заседании Совдепа.

В Президиум Кытлымского Совдепа.

Сейчас общее положение таково, что эвакуация не предвидится. Но если военные условия изменятся, может быть она явится и необходимой.

На этот случай Вы должны быть готовы. Денежные суммы — приисков, Совдепа, Профсоюза, О-ва потребителей и пр. должны быть увезены. Если председатели этих организаций или кассиры не согласятся, брать деньги насильно или увозить кассира.

Ценности — платина (вся!), ртуть, олово и пр. должны быть вывезены. Динамит, порох, капсюли и пр. также.

Все планы, карты, журналы разведок, сметы 1917 и 1918 г. Технические проекты драг, особенно американской и пр.

Золотники и др. мелкие, но незаменимые принадлежности драг и электрич. станции.

Все телефонные аппараты и коммутаторы.

У Вас всё должно быть наготове завтра утром, т. е. план работ.

Необходимо разоружить в несколько часов всех, особенно неблагонадежных (напр. Черноголов и др.). Затем начать раздачу оружия наверным, по выбору.

Это я Вам приказываю делать. Мобилизуйте кого надо.

Привет товарищам

2 ноября 1918 Член Обл. Исполкома Б. Дидковский

выполнение до утра. Здесь положение очень серьезное, и мы потеряем выгодные позиции в горах, которые потом трудно будет снова занять».

За несколько последних дней соотношение сил резко изменилось: белые подтянули крупные силы к Кытлыму, и, несмотря на мужество и упорство кытлымян, дальнейшее сопротивление было возможным только при условии, если вовремя подойдет подкрепление.

Начдив М. В. Васильев прекрасно понимал стратегическое значение Павды и Кытлыма. Он обратился с требованием к кизеловцам помочь Дидковскому.

Кизеловский совдеп сформировал роту добровольцев и направил в помощь Дидковскому. Но они не успели вовремя дойти до назначенного пункта. Белые, создав двойной перевес, заставили оставить Растес. Единственная дорога из Кытлыма оказалась перерезанной. Огромный обоз, вышедший из Павды и Кытлыма, успел пройти через Растес в Верх-Косьву, но Дидковский с отрядом остался в «котле».

Хребет Косьвинского Камня известен уральцам как труднопроходимый перевал. Он становится почти недоступным, когда наступают тридцатипятиградусные морозы и ветер валит с ног. И все-таки именно через него шел на запад отряд Дидковского, преследуемый колчаковским капитаном Казагранди. Партизаны шли без дорог, по глубокому снегу, через тайгу, болота и горы. Завывал буран, ветер дул навстречу с такой силой, что можно было грудью ложиться на него. Давно уже были оставлены лошади: снег оказался слишком глубоким для них. Конина была съедена, последний хлеб и табак Дидковский выдавал маленькими порциями, питались ягодами рябины. Отряд редел, разбивался на группы, некоторые возвращались обратно. Когда подошли к бурной, местами незамерзающей Косьве, возник спор, где переходить ее. Дидковский, ориентируясь по карте, предлагал выбрать место, где река поспокойнее, и переправиться на любой «сушине». Помощник Дидковского, один из местных ходоков, знающих местность, не согласился с ним и с группой в 11—12 человек пошел в другую сторону. Они нашли «курью» (тихое заболоченное место), переправились на другой берег и вышли в Верх-Косьву, когда там были уже колчаковцы. Измученные переходом, они не смогли оказать сопротивления белым и были расстреляны.

Дидковский шел из Кытлыма семь суток. Как и другие, он был истощен. Однажды, заснув у костра, чуть не упал в огонь. Дважды проваливался под лед. У него началась опухоль правой ноги, до крови потрескалась кожа ног и локтей. Однако он не терял присутствия духа и ободрял других.

Наконец они вышли на дорогу в районе между Верх-Косьвой и Молчаном и натолкнулись на обоз из Кытлыма. Их было 19 вместе с Дидковским. Шатающиеся от усталости и опухшие от голода, с обмороженными ногами и руками, заросшие до самых глаз, они мало походили на людей.

— Кто такой? — молоденький красноармеец недоверчиво осматривал обожженную шинель Дидковского.

— Начальник советских войск Дидковский,— ответил тот.

— Ну да? — парень растерялся.

А по обозу уже полетело: Дидковский вышел... Дидковский... Люди соскакивали с повозок, окружали Дидковского, жали ему руки. Сквозь толпу пробивались красногвардейцы. Они улыбались, обнимали своих товарищей, узнавали земляков. Ведь Дидковского и его людей считали погибшими.

Несмотря на усталость и истощение, Дидковский включился в боевые операции. В то время, как люди, перевалившие с ним Уральский хребет, двое суток отсыпались после перехода, он уже обсуждал со своими помощниками план дальнейших действий.

— Мы не можем сейчас отбить у белых Павду и Кытлым,— говорил Дидковский.— Но наша задача удержать занимаемые позиции как можно дольше. Нужно протолкнуть обоз на Соликамск и дальше. Нужно вывезти все ценности, эвакуировать наших людей и семьи бойцов. Каждый день нашего сопротивления — это выигрыш во времени для 3-й армии, это собирание и мобилизация сил для борьбы с врагом.

Лицо Бориса Владимировича, серое от усталости, выражало непреклонную волю. И когда он сказал, что они немедленно пойдут в наступление и отобьют у беляков Верх-Косьву, это никого не удивило.

Удар на Верх-Косьву был настолько стремительным и неожиданным, что колчаковцы бежали без боя. Впрочем, удержать деревню не удалось. Отряд Дидковского несколько дней защищал западный склон Северного Урала, но когда нависла угроза окружения, отошли к Каме в район Соликамска.

Дидковский руководил людьми без окрика и угроз, всегда соблюдая выдержку и хладнокровие. Его походная жизнь мало чем отличалась от жизни рядового бойца. Он спал, часто не раздеваясь, положив голову на стол, питался вместе с партизанами, делясь с ними последним куском хлеба. Недаром бойцы отряда тепло вспоминают о нем до сих пор, называя родным отцом, старшим товарищем.

Дидковский проявил отличное знание военного дела, овладел тактикой партизанской борьбы. Его отряду приходилось действовать в крайне тяжелых условиях. Красногвардейцы были измучены бесконечными боями. Не хватало оружия, патронов. Огромный обоз эвакуированных сковывал маневренность отряда. Не было достаточно сил для открытого столк-

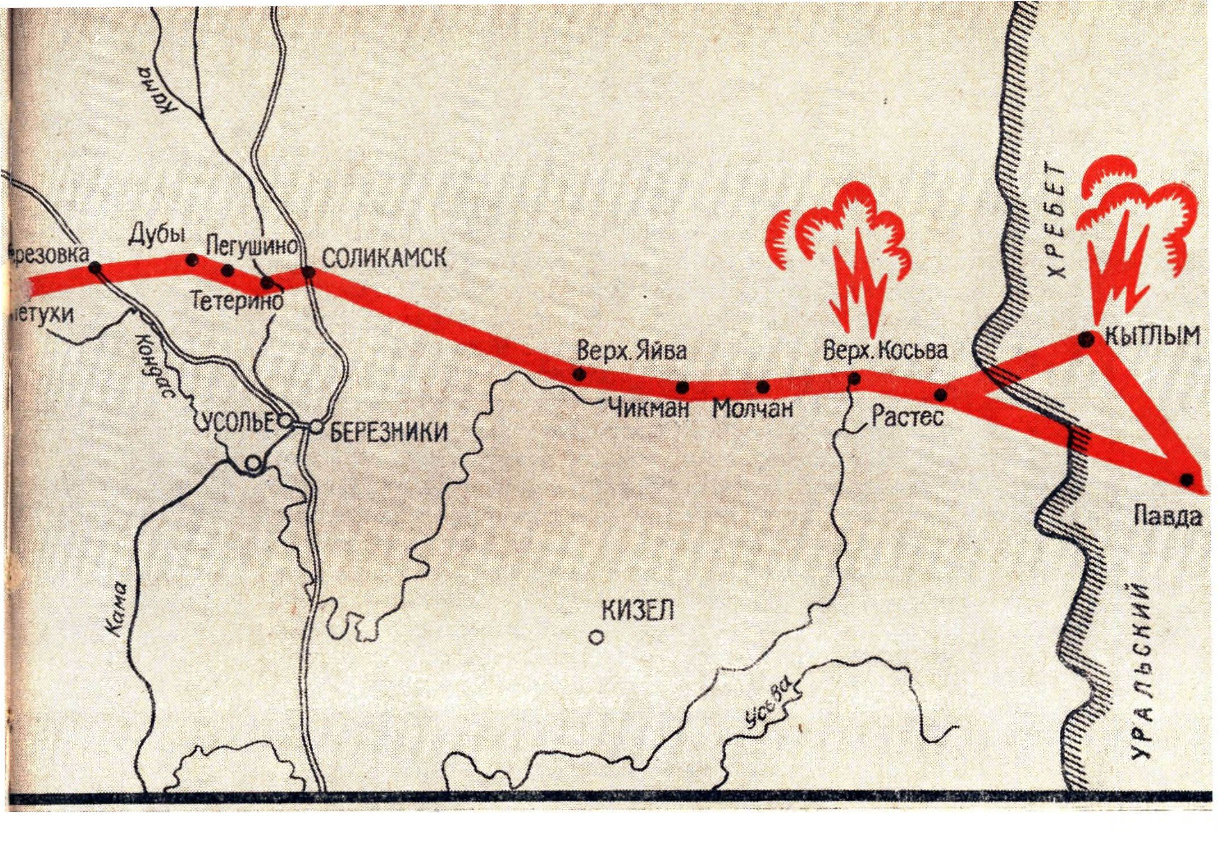

Схема похода отряда Дидковского на Северном Урале (ноябрь 1918 — январь 1919 года)

новения с колчаковцами, и поэтому приходилось хитрить. Изматывали преследователей перестрелками, обходными маневрами, посылкой в их тыл разведчиков, ночными налетами. Все было подчинено одной цели — собрать и сохранить силы, сберечь людей и ценности, пробиться на запад на соединение с Красной Армией, а вместе с тем сдерживать натиск колчаковских полчищ, прикрывая левый фланг 3-й армии.

В отряд шли люди отовсюду: из Чердыни, Кизела, Соликамска, Усолья, в том числе рабочие, крестьяне — все, кто не хотел жить «под Колчаком». Они гнали скот, везли с собой домашний скарб, вооружались чем попало, готовые с вилами в руках сражаться против белогвардейцев.

Отряд часто подвергался нападению с двух сторон: с фронта действовали регулярные части белых, а в тылу выступали кулаки. Бои становились все ожесточеннее. И, наконец...

По улицам села бежал человек без шинели и шапки, несмотря на мороз. Он что-то кричал и размахивал руками. Добежав до штаба, он кинулся к дверям. Часовой, пораженный его видом, растерялся, и человек ворвался в дом.

— В Юрле... в Юме... восстание,— выдохнул он.— Рычкова убили...

Это был красногвардеец Васильев.

Дидковский собрал к себе командиров и всех, кто был при штабе.

— Положение крайне опасное,— говорил он.— Повстанцы захватили обоз, оружейную мастерскую, боеприпасы. В их руках семьи наших бойцов. Расстреляно около 30 человек. Зверски убит предревкома Рычков. Единственная дорога, по которой мы могли бы выйти на соединение с 3-й армией, перерезана. Мы в кольце.

Дидковский встал.

— Выступать немедленно. Восстание подавить. Операция поручается Трукшину, Соловьеву, Меньшикову. Общее руководство осуществляет Дударев.

Юм был взят сразу. Бой за Юрлу продолжался около двух часов. Кулаки устроили на окраине завалы из леса и яростно отстреливались. Но восстание было подавлено.

Бойцы разыскивали своих родных. Сделать это было не

так-то легко: со всех сторон их обнимали, хватали за руки освобожденные люди. Многие были спасены от жестокой расправы, в том числе жена Елена Александровна и девятилетняя дочь Дидковского, а также молодая жена расстрелянного А. И. Рычкова. На территории сада лежали в нательном белье трупы замученных людей.

На этом закончилась героическая борьба отряда Дидковского на Северном Урале, продолжавшаяся более трех месяцев. Был пройден с боями огромный путь от Павды — Кытлыма до Юрлы, протяженностью около 300 километров. Упорное сопротивление красных на Верхотурско-Соликамском тракте сорвало планы белых — они не смогли обойти левый фланг 3-й армии.

Уже в Кочево отряд Дидковского, выросший до 800 человек, начал переформировываться в роты. А после соединения с 3-й армией в конце января 1919 года он был переименован в 23-й Верхне-Камский полк.

4

Март 1920 года. Екатеринбург, оттаивающий после долгой зимы, встречает первую весну после разгрома колчаковщины. На вокзале, уткнувшись друг в друга, недвижно стоят паровозы. На запасных путях сложены штабеля дров для нескольких «кукушек», неутомимо толкающих вагоны по запутанной рельсовой сетке.

Человека в шинели и военной фуражке никто не встречает: родные и друзья еще не знают о его приезде. В боковом кармане у него рядом с партбилетом лежит аккуратно сложенный листок-телеграмма. В ней сказано кратко: направляется на восстановление уральской горнорудной промышленности.

Это Дидковский.

Позади остались фронтовые пути-дороги, бои за Пермь и Омск, тяжелая работа начальника снабжения 3-й армии. И снова его посылают на трудный участок.

Дидковский поднимается вверх по улице, к дому Харитонова. На белых колоннах следы от пуль, стекла разбиты, ворота распахнуты, и в бывшие владения золотопромышленников может входить каждый, кто хочет.

Чуть ниже, на склоне горы, дом Ипатьева. Вокруг него уже нет частокола, которым он был окружен, когда служил местом заключения для Николая Романова. Колчаковцы в бессильной злобе разнесли частокол по бревнышку. Им было от чего прийти в ярость: ведь уральские рабочие выбили у них из рук их знамя.

Дидковский невольно улыбнулся: он вспомнил, как художник Пчелин, работая над картиной о передаче семейства Романовых президиуму Уралоблсовета в 1918 году, изобразил его, Дидковского, в кожанке, которой Борис Владимирович никогда не носил. Зато другие комиссары — А. Белобородов и Ф. Голощекин — получились на картине удивительно точно...

В губкоме РКП(б) Дидковский получил исчерпывающую информацию. Положение с промышленностью исключительно тяжелое. Стоят заводы, погашены домны и бездействует транспорт. Нет сырья — угля, железа, нефти, меди. Нужно восстанавливать горную и горнозаводскую промышленность. Главное сейчас — срочная организация разведки природных богатств.

Дидковского направляют в районное рудное управление — Райруду — на место давно уже болеющего председателя.

Работа в Райруде оживилась. Сюда потянулись люди с рудников, приисков, заводов. Далеко за полночь здесь горел свет. На всех стенах были развешаны карты, на полу, столах и подоконниках разложены образцы пород. Немногословные люди, попыхивая папиросками, внимательно изучали их, напряженно думали и вычерчивали карты.

И все-таки Дидковский испытывал какую-то неудовлетворенность, окидывая взглядом своих немногих помощников, склонившихся над картами. Он мысленно представлял себе Урал с его несметными богатствами, и чувствовал, что пока они — кустари, обладающие лишь скромными возможностями. Нужны масштабы, достойные Урала.

Через месяц он добивается передачи в распоряжение Райруды всех рудников и горных разработок Урала с их оборудованием и техническим персоналом. Из скромного, почти никому неизвестного учреждения Райруда становится авторитетной организацией, под руководством которой начинает развиваться горное дело на Урале.

Давно уже Борис Владимирович добивался создания специального управления геологоразведочными работами на Урале. И, наконец, по поручению Уралпромбюро удалось в июле 1920 года сформировать Уральский горный комитет, положивший начало государственной геологической службе на Урале. Осенью того же года Дидковский возглавил этот комитет, Виктор Быков стал его заместителем.

Борис Владимирович не был кабинетным руководителем. Часто вместе с геологами он делал маршруты, производил наблюдения, таскал на себе рюкзак с образцами горных пород, сам копался в архивах. Он появлялся на Елизаветинском руднике под Екатеринбургом, где велась разведка на комплексную железную руду, залегавшую здесь в виде красного порошка. Его видели во время магнитометрической съемки на горах Благодать и Высокая. Борис Владимирович бывал на медеплавильных заводах и предлагал перерабатывать газы — отходы на серную кислоту для производства удобрений.

Неоднократно посещал Дидковский «уральскую кочегарку» — Кизеловские копи — те места, которые он прошел с боями. Он стремился к тому, чтобы Кизеловский бассейн, разорванный бывшими владельцами на отдельные участки, объединить в один горнопромышленный район.

У Дидковского было одно неотъемлемое качество: сам неутомимый труженик, он умел находить и привлекать к себе людей подобного же склада. Не жалея себя, он невольно вдохновлял и других.

Как организатор, он всегда стремился к упрощению управленческого аппарата, был противником параллелизма в работе, памятуя русскую пословицу, что у семи нянек дитя без глаза.

И была у Дидковского еще одна особенность. С молодости он любил собирать коллекции минералов, руд и ценных горных пород. Сначала в Женеве (коллекция была передана в дар Женевскому университету П. Л. и А. А. Войковыми[1]), затем в Павде (созданный им музей погиб там в годы гражданской войны). И всякий раз Борис Владимирович начинал снова собирать редчайшие по красоте и значению образцы.

---

[1] П. Л. Войков — советский полпред в Польше, убит в Варшаве в 1927 году.

Он был встревожен, узнав, что геологический Верх-Исетский музей находится в беспризорном состоянии. Чтобы сохранить богатые коллекции, собранные еще до революции, Дидковский добился перевода музея на положение поисковой партии. Музей получил все, что нужно для существования.

5

— Садись, Борис Владимирович.

Секретарь губкома партии, невысокий человек со шрамом на верхней губе, протянул ему пачку махорки, но тут же отодвинул ее.

— Забыл, что не куришь... Ну, как там у вас дела с геологоразведкой?

— Понемногу налаживаются.

— Ну, с твоей энергией...

Секретарь губкома затянулся, прошелся по комнате, окутанной дымом, потом сказал:

— Мы тебя пригласили, чтобы поручить еще одно дело. Придется тебе заняться созданием Уральского университета, Борис Владимирович. Ленин подписал декрет об его основании.

Дидковский задумался: он старался представить себе характер новой работы. И собеседник понял его.

— Мы создаем университетскую комиссию. Ты ее возглавишь. Кроме того, создается организационный комитет. Профессора А. Н. Пинкевича назначим ректором.

— А что мы имеем для начала?

— Очень немногое. Остатки Горного института. Ты, конечно, знаешь: дела и часть имущества его эвакуировались с Колчаком во Владивосток.

— Знаю.

— Сейчас он занимает несколько случайных помещений в разных концах города. Лабораторий нет. Учебников тоже нет. Руководства никакого. Студенты и большинство профессоров не наши. Некоторые возвращаются из Сибири. Вот на базе этого института и будем создавать университет. Заранее предупреждаю: дело предстоит нелегкое...

Университет начал свою жизнь торжественным открытием в театре имени А. В. Луначарского.

На первый курс было принято 1382 студента. Число сотрудников достигало рекордной по тем временам цифры — 362.

Однако бурное развертывание университета, не подкрепленное материально, сменилось резким спадом. Денег не было. Приборы и пособия отсутствовали. Учебных зданий не хватало. Профессора, за небольшим исключением, не проявляли энтузиазма в работе и откровенно злорадствовали по поводу неудач. Большевики во главе с Дидковским боролись против антисоветских элементов в среде преподавателей, горячо отстаивая классовый принцип в подборе учащихся.

В 1921 году хозяйственный кризис и беспримерный по силе неурожай обрушились на Екатеринбург. И, наверное, больше других страдали от голода студенты-рабфаковцы. Хотя они были освобождены от платы за обучение и получали стипендию, но на эту сумму денег невозможно было существовать.

В стране, по указанию В. И. Ленина, была введена новая экономическая политика.

Перед правлением университета встал вопрос: быть или не быть высшей школе на Урале? Новый ректор Дидковский вместе с правлением занял твердую позицию: университету быть. Но для этого необходимо ликвидировать разрыв между материальными возможностями и масштабами университета. Некоторые факультеты следует закрыть. Другие сжать.

Когда в ноябре 1921 года он стал ректором, университет имел огромный долг и ни копейки наличными. И все же правлению удалось развернуть работу на всех факультетах, и университет разместился в своих постоянных зданиях, главным образом, вокруг Щепной (позднее Университетской) площади.

К весне 1922 года стало известно, что под угрозой закрытия медицинский, педагогический и сельскохозяйственный факультеты. Этим воспользовалась часть профессуры, мечтавшая об автономии высшей школы. Один из профессоров горного факультета, человек высокого роста, широкоплечий, в «демократической» черной толстовке, горячо убеждал своих коллег, что их час, наконец, пробил. Он передал в правление университета ультимативное заявление: преобразовать университет снова в горный институт, надеясь при этом на создание профессорского беспартийного правления.

Борьба перекинулась в среду студенчества. Возникли стихийные сходки и собрания. Сталкивались мнения и характеры,

убеждения и принципы. Враждебно настроенное студенчество, оказавшееся в большинстве, постановило: считать оставление технических факультетов в составе настоящего правления нецелесообразным и гибельным.

Коммунистам университета потребовалась огромная выдержка, чтобы устоять против столь сильного натиска. В этой борьбе ректора-коммуниста и его заместителя Л. А. Лазарева поддерживали наиболее передовые представители профессуры: проректор по учебной части, профессор математики Н. П. Горин, декан медицинского факультета, профессор А. М. Новиков, профессора М. Ф. Ортин, Ф. Ф. Павлов и другие. Горячо защищали идею сохранения университета студенты-рабфаковцы. 1922/23 учебный год стал, по общему признанию, первым нормальным учебным годом.

Выступая в декабре 1922 года на шестом губернском съезде Советов, Дидковский говорил:

— За последнее время удалось наладить учебно-лабораторную работу, получить из-за границы очень ценное оборудование, препараты за счет Наркомпроса. При университете имеется библиотека — 100 тысяч томов научного содержания; кроме того, организуется библиотека общеобразовательной и политической литературы. Выпускаются известия УГУ, созданы научные кружки и клуб.

Комфракция боролась за изменение состава и настроения студенчества. Бывшие рабфаковцы стали ведущей частью университетской молодежи. Они входили в состав предметных комиссий и участвовали в переработке учебных планов. Среди них был особенно развит дух коллективизма и товарищеской взаимопомощи. Многие из них вместе готовились к практическим занятиям, и своими успехами удивляли профессоров, раньше высокомерно третировавших их.

Опорой и защитой рабфаковцев был Дидковский. Он был для студентов старшим другом. Они рассказывали ему обо всем. Дидковский слушал их обычно молча, но его серые глаза по-доброму светились. Ему было понятно, когда они жаловались на то, что «аровскую» кашу (присылаемую из Америки) невозможно есть, а от какао, изготовляемого из эрзацев, просто тошнит. Сам Дидковский голодал, как и они, не пользуясь никакими привилегиями. Он все еще ходил в военной шинели и в сапогах, только гимнастерку сменил на косоворотку. Лицо

его осунулось от усталости и недоедания, но походка была энергичной и голос звучал твердо.

Борьба за новую советскую школу закончилась победой. Осенью 1923 года состоялся второй выпуск врачей и первый выпуск инженеров. Народное хозяйство Урала получило пополнение красных специалистов — борцов за социализм.

6

В этот октябрьский вечер 1930 года Борис Владимирович долго не спал. Стоя у окна и глядя на огни Свердловска, он перебирал в памяти прожитые годы. Трудные то были годы. Они прошли. Окреп и налился силами университет, теперь переданный в другие руки. Преобразился город, переименованный в 1924 году в Свердловск. Много труда было вложено в городское хозяйство, в жилищное строительство. Но еще больше сил отдано планированию и социалистическому преобразованию народного хозяйства Урала, которым он занимался восемь лет, начиная с июня 1922 года.

Еще в то время, когда Дидковский возглавлял университет, развернулась огромная коллективная работа по районированию Урала. Идея этой реформы зародилась еще в 1918 году, но претворить ее в жизнь тогда не удалось: помешала гражданская война. Только в 1921 году, после решений X партсъезда, приступили к ее осуществлению. Дидковский сумел заинтересовать этим университетских профессоров. Некоторые из них, помнится, скептически улыбались: неужели большевики сумеют придумать что-нибудь лучшее, чем прежние уезды и волости? Но очень скоро профессора оставили иронию. Как руководитель секции районирования и первый заместитель председателя Уралплана Дидковский сумел заинтересовать и привлечь к участию в этой работе большое количество людей: инженеров различных специальностей, ученых с мировым именем, экономистов, агрономов и врачей. Он изучил колоссальное количество научных книг и трудов по экономике, географии, этнографии и т. д. Он подверг ревизии все наличные в то время карты Урала.

На основе собранных материалов, а также благодаря непосредственному знакомству с жизнью отдельных районов и

20 Заказ 17

округов были установлены внутренние и внешние границы Уральской области. С небольшим коллективом топографов были составлены новые административные карты округов, а также карты плотности населения и др.

Материалы по районированию составили пять томов. Поистине трудно переоценить заслуги коллектива, сумевшего изучить экономические потребности, социальные и национальные интересы, а также кадры всего Урала, определить границы свыше двухсот районов и для каждого из них подобрать нужных толковых руководителей.

Вспомнилась Дидковскому в этот вечер одна из поездок в Москву для защиты «Положения об Уральской области» во ВЦИКе. Это было в сентябре 1923 года. Вместе с А. И. Жилиным они вставали в половине седьмого утра, отправлялись в Кремль и возвращались в первом часу ночи. Комиссия ВЦИК переработала их проект, но уральцы сумели отстоять многие из своих положений, и, в конце концов, проект приблизился к первоначальному варианту. Вместе с тем он был улучшен.

Помнится, во ВЦИКе их похвалили:

— Вы первые этим занялись. Другим областям будет легче. Они используют ваш опыт...

Да, районирование, конечно, принесло огромную пользу Уралу. Оно позволило глубоко изучить производительные силы области, наметить точные перспективы развития народного хозяйства. Эта реформа помогла упорядочить хозяйственную жизнь, привела к созданию гибкого аппарата управления, тесно связанного с массами.

В памяти Дидковского проплывали годы, события, люди. Вторая половина 20-х годов. Упорная борьба за индустриализацию края. Отражение этого в генеральном плане Урала на 10—15 лет, в плане первой пятилетки, в контрольных цифрах на ближайший 1928 год.

Большой Урал. Это было программой, вдохновляющей идеей для тысяч и тысяч коммунистов, для всех, кто своим трудом преображал родной край. Черная металлургия и машиностроение привлекали внимание не только специалистов: они становились близкими для каждого уральца. О них говорилось на собраниях и митингах, на деловых совещаниях и на страницах «Уральского рабочего». Повсюду реконструирова-

лись старые заводы, вырастали стройные корпуса новых промышленных предприятий. Большой Урал становился реальностью.

И, конечно, не будет преувеличением сказать, что большая доля труда в разработке и осуществлении этой программы лежала на плечах Уралплана. Сюда сходились все нити борьбы за новый Урал. Здесь билась передовая техническая мысль. И, думается, вполне по заслугам Госплан оценил деятельность руководящего ядра Уралплана, высокую эрудицию его работников, их умение считаться с реальными возможностями и в то же время способность заглянуть в завтрашний день.

Не все, конечно, шло гладко. Бывали и срывы. Находились скептики, не верившие в возможность столь интенсивного развития хозяйства. В 1928 году оппортунисты заявляли, что контрольные цифры на ближайший год, составленные Уралпланом, завышены. Они говорили, что такими темпами не развивалось хозяйство ни в одной стране. И что же? Прошел год, и скептики были посрамлены. Помнится, И. Д. Кабаков, отметив на пленуме обкома партии успехи Уралплана, говорил:

— Темпы роста уральской промышленности опережают самые смелые предположения. Мы движемся гигантскими шагами.

И вот 1930 год. Память обращается к событиям недавнего времени. Госплан одобрил предложения уральцев о превращении Урала в единый промышленный комбинат. Мероприятия по осуществлению первой пятилетки утверждены. Дидковский хорошо запомнил радосто-внимательное лицо Г. М. Кржижановского, когда тот слушал его доклад. Георгий Максимилианович горячо поддержал план создания промышленного форпоста на Востоке страны.

...Из окон квартиры открывается широчайшая панорама ночного города — море огней. Каких-нибудь 10—15 лет тому назад Екатеринбург утопал в темноте, а сейчас город стал промышленным гигантом, и в этих бесчисленных огнях отражается энергия его заводов, деятельная, напряженная жизнь тысяч людей.

Из окна, обращенного на север, видны мощные голубые вспышки. Там строится Уралмаш. Их шесть — гигантов-первенцев, которые должны вступить в стальной строй Большого Урала с третьего года пятилетки. Они уже закладываются в

Свердловске, в Нижнем Тагиле, в Магнитогорске, в Челябинске...

И все же как много еще недостатков. Крайне медленно развивается химическая промышленность, отстает энергетика... Особенно плохо с геологоразведкой. Заводы не обеспечены сырьем. Геолком работает вяло. Он резко отстает от темпов индустриализации. До сих пор не составлена геологическая карта Урала.

Дидковский отходит от окна и садится за свой письменный стол. Его взгляд падает на настольный календарь: 23 октября 1930 года. Поперек написано: «Завтра, в 3 часа, заседание в Уралгеолкоме».

Итак, отныне он уже не председатель Уралплана. Его новая должность — начальник Уральского геологического управления.

7

В огромном кабинете с длинным столом посредине люди сидят не только на стульях, но и на подоконниках. Здесь и геологи, и коллекторы, и пожилые, с узловатыми руками, буровые мастера.

Дидковский, прохаживаясь по кабинету, иногда останавливается у большой карты Урала. Он рассказывает собравшимся о новых задачах Уральского геологического управления.

— Очень плохо обстоит дело с геологической съемкой,— говорит он.— Заведующий группой геологической съемки полагает, что для 200-тысячной съемки Урала потребуется полвека.

Легкий смешок пробегает по комнате.

— Не меньше,— без тени улыбки отвечает тот.

— А мы сделаем эту съемку за несколько лет. И вас попросим войти в комиссию по пересмотру плана картирования. Урал не ждет, товарищи.

Дидковский говорит о том, что вся работа управления должна быть перестроена в самые кратчайшие сроки. Главная проблема — кадры. Несколько десятков сотрудников управления — слишком незначительный коллектив, чтобы справиться с новыми задачами. Тысяча человек, полторы тысячи — вот цифра, к которой они будут стремиться. Надо срочно организовать курсы для среднего технического персонала, а геоло-

гов посылать на повышение квалификации в Ленинград, где они пройдут хорошую школу у крупнейших ученых. Вторая проблема — буровое оборудование. Дидковский сообщает о размещении заказов на уральских заводах. Но этого, конечно, мало. Неизбежно встанет вопрос о строительстве специального завода...

Скоро сотрудники управления убедились, что новый начальник не бросает слов на ветер. Он бывал всюду, во все вникал, всех расспрашивал и ничего не забывал.

Посетители иногда заставали Бориса Владимировича сидящим на полу возле огромной карты и расставляющим по ней флажки.

— Вот прикидываю, где будем вести разведку,— говорил он вошедшему, даже если это был молодой коллектор, краснеющий от смущения.— Вот видите... Надо уделить внимание таким районам, как Кизел, Благодать, Высокая, Челябкопи, Полтаво-Бреды, Магнитная... Как вы думаете?

Этот вопрос он любил задавать каждому, независимо от возраста и опыта собеседника, и всегда внимательно слушал, проверяя себя, а иногда и заново пересматривая свою точку зрения. Это многим нравилось в нем: чувствовалось, что он вовсе не претендует на непогрешимость, не проявляет упрямства в отстаивании своих позиций. Но в то же время даже закоренелые скептики поняли, что он отлично знает дело, умеет обобщать факты и предвидеть то, о чем другие не догадывались. А главное — в нем привлекали размах и смелость, с которой он принялся за организацию разведок.

Весной 1931 года управление превратилось в огромный бивуак. Людей было столько, что им негде было разместиться, они спали прямо в коридорах и кабинетах, подложив под голову рюкзаки. Казалось, вся эта масса людей готовилась к бою. И в самом деле предстояло большое сражение за овладение уральскими недрами. Дидковский, помолодевший, с веселым блеском в глазах, ходил по управлению энергичной походкой военного. Но в то же время заботы ни на минуту не оставляли его. Через несколько дней армия геологов должна была отправиться на разведки по всему Уралу, начиная с его южных отрогов и кончая Заполярьем.

Новую линию в работе управления активно поддерживали партийные органы города и области, ему помогали руководи-

тели уральских заводов. Геологи встречали сочувствие и внимание у ученых. Академики А. Е. Ферсман, Д. В. Наливкин, И. М. Губкин и другие охотно консультировали уральских геологов, организовывали дискуссии по самым острым проблемам геологии и сырьевых ресурсов Урала. Они посылали свои экспедиции и сами приезжали на Урал.

Вокруг Дидковского формировалась группа способной молодежи. Служебные отношения часто переходили в дружеские. Двери его кабинета и квартиры были широко открыты для молодых специалистов. Он видел в них будущих первооткрывателей, своих единомышленников. А молодежь любила его за это доверие к ней.

Дидковский никогда не был только администратором: он всегда оставался ученым, страстно влюбленным в Урал. Под его руководством сложился сильный коллектив геологов. Среди них были Н. И. Архангельский, М. И. Гарань, С. В. Горюнов, П. М. Есипов, К. Е. Кожевников, Н. Ф. Мамаев, Г. Я. Попов, М. Л. Скобников, А. Н. Ходалевич, Я. М. Черноусов и другие.

Кабинет Дидковского представлял собой своеобразный геологический музей. В этом кабинете готовились коллекции для демонстрации в Кремле и на XVII геологическом конгрессе. Он сам отвез часть коллекций в Москву.

В нем никогда не угасал дух коллекционера-краеведа. В течение пяти лет он бесплатно выполнял по совместительству обязанности директора краеведческого музея, добился для него нового помещения, дополнительных средств и штатов и организовал новые отделы социалистического индустриального Урала.

За годы работы в геологоуправлении Дидковскому удалось превратить маленькое слабое учреждение — Уралгеолком, с его старыми традициями неспешной работы и некоторого академизма, в крупную научно-производственную организацию. Общими усилиями уральских геологов был преодолен разрыв между развитием промышленности и созданием сырьевой базы для нее.

В эти годы было открыто, разведано и изучено месторождение мирового значения палеозойских бокситов Красной Шапочки, открыты мезозойские бокситы; по существу заново освоены челябинские бурые угли, незначительные месторождения которых превратились в целый бассейн. Были разведа-

ны крупные месторождения калийных солей и хромитов, значительно расширены запасы уникальных саткинских магнезитов, разведаны железные руды горы Магнитной и Бакала. Создана сырьевая база для развития промышленности нерудного сырья.

Впервые за многолетнюю историю изучения Урала была создана его геологическая карта. Это был период расцвета уральской геологии, на десятки лет вперед наметивший и определивший дальнейшую работу в этой области на Урале.

Сейчас те, кто знал Дидковского, вспоминают его по-разному: одним он представляется суровым, требовательным, даже беспощадным, другим же — добрым, внимательным, заботливым. И, конечно, правы и те и другие. Дидковский был, действительно, и суровым и добрым. Он не терпел разгильдяйства, лени, ученой болтовни. И он умел быть настоящим товарищем для тех, кто честно трудился. Он знал по имени и отчеству не только начальников партий и геологов, но и буровых мастеров и многих рабочих. Приезжая в партию, он всегда интересовался, как кормят людей. Старался улучшить их быт, заботился о том, чтобы у них было радио, газеты, книги. Его интересовало, есть ли спальные мешки, вовремя ли выдают зарплату?

Переезжая по ночам из партии в партию, он частенько говорил шоферу:

— Ложись-ка поспи, а я поведу машину.

— А как же вы-то?

— Ничего, я привык спать понемногу.

Никто не знал, когда отдыхал Дидковский. Не знали этого и члены его семьи. Редко-редко его можно было видеть за шахматами — и дома Борис Владимирович продолжал работать. Вставал он в 7 часов утра, домой приходил к 10 часам вечера, если не было заседаний в партколлегии, в обкоме или в облисполкоме.

Обстановка его кабинета была подчинена одному требованию: все для работы. Три стены занимали книжные шкафы. Здесь стояли сочинения Маркса и Энгельса на немецком языке, полное собрание сочинений Ленина, труды Дюпарка на французском языке, книги по геологии, геофизике, гидрогеологии, горному делу, экономике, словари французский, немецкий, английский, итальянский, испанский...

Аскетизм Бориса Владимировича удивлял многих. И осенью и зимой он ходил в одном и том же пальто шинельного покроя, в кепке и в ботинках без галош. Когда его спрашивали, почему он так скромно одевается, Борис Владимирович отвечал улыбаясь: «Надо закаляться».

Надвигался 1937 год. Год необоснованных репрессий и преследований. В январе 1937 года по ложному доносу Дидковский был арестован. Когда его уводили, Борис Владимирович старался успокоить жену:

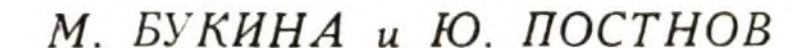
— Товарищи разберутся, и через три дня я вернусь.

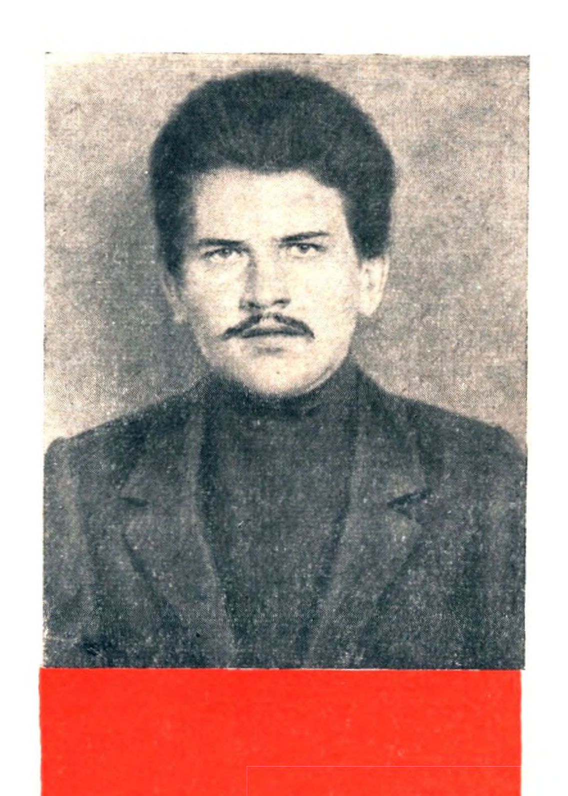
Но он не вернулся. В феврале 1938 года оборвалась жизнь этого замечательного человека.

Окидывая взглядом жизнь Бориса Владимировича (он погиб в возрасте 55 лет), можно сказать, что всегдашней, неизменной страстью его был Урал. Он ощущал его, как сокровищницу, таящую в себе несметные богатства, могущую принести счастье людям. И чем бы он ни занимался, куда бы ни бросала его судьба, в мыслях своих он возвращался к Уралу, к его недрам, к его будущему. Он знал: нужны люди, много людей, энергичных, деятельных, преданных высокой цели, чтобы расковать силы, таящиеся в глубинах уральской земли. И всегда он неутомимо собирал вокруг себя этих людей, вдохновлял их словом и собственным примером.

Борис Владимирович любил работать с геологическими картами... И перед ним вставали тогда картины Урала, виденные им в походах, поездках, экспедициях. Он представлял себе таежные поселки, куда приходят геологи, и, никому неизвестные, они становятся названиями крупных строек. Он видел преображенные города с мощной промышленностью и высокой культурой, города счастливых и свободных людей.

Таким ему представлялся новый, социалистический Урал. И во имя осуществления этой мечты Борис Владимирович отдавал все свои силы и энергию.

М. БУКИНА и Ю. ПОСТНОВ

ТОВАРИЩ МАУЗЕР

Хлопнул выстрел, и по Опалихе разнесся жалобный щенячий визг. Лопоухий барбос волчком крутился у поленницы, оставляя на желтой щепе брызги крови.

Биба торопливо перезарядил поджиг, всыпав в медное дуло щепоть серы. Потом зашарил свободной рукой по карманам, ища коробок со спичками. (Спички и серу стянули вчера со склада логиновской фабрики.) Найдя коробок, чиркнул по спичке у прорези в дуле, снова нацеленном на щенка...

Хлесткий удар по руке вышиб поджиг. Еще оплеуха, и Биба, подобно барбосу, закрутился на месте.

— Тебе чего-о?..

Тонкий чернявый парнишка в линялой рубахе, перетянутой ремешком, сверкая глазами-угольями, грозил Бибе кулаком:

— Я те покажу, углан...

И побежал к раненому щенку. В этот момент Биба подхватил брошенный поджиг и направил его на парнишку.

— Петь, берегись!

Это крикнул Алешка, братишка Петьки. Он стоял тут же среди ребят. Кто-то из дружков Бибы, едва Алешка крикнул, треснул его по шее... Но Петька уже услышал, он ловко крутанулся, увертываясь от выстрела; дымный заряд пролетел мимо, влепился в березовый комель. Но и Петьке пролетом выжгло дырку на рубахе: добавится еще одна штопка.

Разъяренный Петька вцепился в Бибу. Долговязый Биба был не из слабеньких. Он больно бил Петьку острыми, как гвозди, козанками по голове, рукам, по спине. Петька не сдавался. Не сдался и когда на помощь Бибе набежали его дружки, а за Петьку вступился один лишь Алешка.

— Кличь наших, плотинских! — крикнул Алешка и тоже влез в драку.

Уловив момент, Биба вывернулся из цепких Петькиных рук и сразу отскочил. Стоял, прислонясь к поленнице, и размазывал по лицу кровь. А потом, точно вспомнив, раз — за карман, и потянул из кармана цепочку... Понятно, на цепочке гирька фунтовая. Петька пальцы в рот — и пронзительно свистнул.

Биба, придержав руку, испуганно оглянулся. Сумев-таки скорчить презрительную гримасу, махнул своим:

— Будет, робя. Поучили — и будет.

Дружки отбежали. Следом и Биба. Петька, уязвленный его снисходительностью, снова было вскипел, но... неприятеля и след простыл.

Щенок, виновник драки, тоже скрылся. Уполз, видать, в огороды.

Алешка радовался: «Сдыгали...»

Из-за соседней избы вывернулись пацаны, спешившие на зов своего атамана.

Вечером Петька, получив от матери трепку за порванную и прожженную рубаху, ворочался на полатях и, горяча мальчишеское воображение, рисовал себе картину жестокой мести

Бибе и его дружкам. Мечтал: соберет большую дружину — человек сто — и тогда уж...

Мать возилась у печки с горшками, разогревая обеденные из кислой капусты щи для отца и старших братьев. Они еще не приходили с завода. Завод на берегу пруда, в котором только сегодня Петька купался, пыхтел, гремел железом. И отец с братьями там. Долго их ждать по вечерам...

И Петька продолжал мечтать.

Не подозревал он тогда, что пройдет два десятка лет и будет под его, Петра Ермакова, началом сто и больше бойцов. Будут они насмерть биться за самую справедливую власть на земле — Советскую, и собственной рукой из маузера расстреляет тогда Петр Ермаков Бибу... Только уж не из-за лопоухого щенка, а за дела куда как посерьезнее...

Прошло десять лет. Петр Ермаков выровнялся в ладного парня — рослого, в плечах крепкого; глаза те же уголья и те же черные, теперь только пышные и длинные, как у студента, волосы.

Впрочем, и действительно Петр проходил в то время «университеты». Особые. Он после окончания церковноприходской школы слесарил уже на заводе, на том же Верх-Исетском, что и братья, что и недавно умерший отец. Стали забываться мальчишеские дела-проделки: и то, как городских сизарей уманивали, и вылазки огородные, и бои врукопашную.

Петр теперь готовил себя к другим боям.

К 1905 году Верх-Исетский завод стал одним из центров революционной борьбы в Екатеринбурге. Там с некоторых пор активно работала большевистская ячейка. Людей, входящих в нее, Петр знал, как и почти всех работающих на заводе, но не сразу, конечно, догадался, что они социалисты.

В сближении Петра с ними не было ничего случайного. Старшие братья его — Николай и Степан — вскоре тоже вступили в партию. А Петр в свою очередь помогал братьям... Позднее, когда начнутся репрессии на заводе и братья пойдут в ссылку, двадцатилетний Петр, много переживший и передумавший в ночь их ареста, наутро впервые сам разбросает в цехах листовки, призывающие к свержению самодержавия.

А листовки и книжечки-брошюрки против царя он видел и

читал еще до поступления на завод. Название у книжечек было безобидное: «Пауки и мухи», например... А прочтешь такую — и дух захватывает. Многое становится понятным: и почему царь — кровопиец, и почему люди кругом так бедствуют. И еще прокламации: «Правда о войне», «Царские поражения и наши требования», «Царские посулы и рабочий класс»... Чтение нелегальной литературы раскрывало глаза молодому парню, объясняло, освещало другим светом то, что, казалось, стало уже привычным.

Петру, как и другим верх-исетским ребятишкам, не приходилось видеть живых графов, помещиков, банкиров и, понятно, самого царя, то есть тех, о ком писалось в запретных книжках, зато он каждый день видел, как изматывает людей завод, как обманывают их управитель и приказчики, мироед Волокитин...

О Волокитине особо. Был он мало похож на обыкновенного лавочника, нашему поколению знакомого лишь по книжкам да по картинкам в них. По виду — не брюхат, наоборот, худ и жилист. И одеждой обыденной не отличался от прочих: та же рубаха с пояском и суконный пиджак поверх, сапоги... В отношениях с поселковыми ровен и неприторно ласков.

Но шкуру драл умело. Впрочем, «механика» его проста. К примеру, отец Петра — Захар Степанович, числясь мастером поденного строительного цеха, зарабатывал в среднем в месяц двадцать рублей. Учитывая довольно-таки низкие цены на мясо, масло и прочее, прожить на эти деньги можно было бы... Но дело в том, что денег-то этих Ермаковы, как и другие рабочие семьи, не видели. Завод платил товарами. Выдавали и муку (отнюдь не лучшего помола: привозили ее с Беленьковской мельницы). Цена баснословная — пять целковых за мешок (пять пудов). А деньги-то семье все равно нужны. И приходилось эту самую муку, навязанную заводом, продавать... Кому? Покупатель в поселке один — лавочник Волокитин. Платил он рабочему за муку уже по три рубля, наперед зная, что при нужде к нему снова придут за мукой, тогда уж и продаст он ее по пять рублей. «Механика» эта не составляла секрета не только для взрослых верхисетцев, но и для детворы...

Так и «воспитывал» Волокитин классовое сознание в Ермакове-младшем, закрепленное впоследствии чтением братни-

ных книжек и частым общением с большевистскими заводилами. А те, в свою очередь, приглядывались к Петру. Повзрослел он, пристальнее стали приглядываться. Виден им был парень как на ладони: общительный, боевой, всегда готовый постоять за товарища — качества, которые не скроешь, они всегда на виду... Верный парень.

После ареста братьев Петр как бы заменил их. Ему стали доверять уже серьезные поручения, такие, как распространение листовок.

И Петр успешно выполнял эти поручения. Риск он научился сочетать с осторожностью. У него появились даже свои методы... Он знал: в механическом цехе, например, удобнее всего листовку положить в инструментальный ящик рабочего, а в прокатке — засунуть в карман снятой на время работы одежки... На улицах подбрасывал листовки в подворотни, в почтовые ящики, в сени.

Дано было поручение Ермакову и в канун знаменитой майской демонстрации 1905 года.

29 апреля он получил сверток свежеотпечатанных на гектографе листовок. Их нужно было передать другому товарищу по борьбе — Горбунову.

Вечером Петр был на месте явки: прогуливался вдоль кладбищенской стены, полуобвалившейся, заросшей сорняком. Листовки были спрятаны на груди под пиджаком. Зорко вглядывался в сумрак, тревожился, не видя друга.

А вечер был чудесный: воздух синий и пряный. Принаряженный парень, ожидавший кого-то в уединении, подозрений не вызывал. Да и прохожие были редки. Один пошутил на ходу:

— Чего ждешь? Да не придет она, не думай... Она, брат, с другим сейчас гуляет.

Наконец показался Горбунов. Он спешил, путаясь в полах длинного, видать, для маскировки, с чужого плеча пальто. Петр шагнул ему навстречу и передал сверток. Тот сунул его под пальто.

И вдруг в эту самую минуту из-за угла вынырнул человек. Рыжий? Точно. Рыжего оба знали: агент охранки. Он видел, конечно, что передали сверток...

Петр не растерялся. Нагнулся, схватил огромный булыжник и замахнулся на шпика. Тот испуганно отпрянул. Этим воспол-

зовался Горбунов. В момент перемахнул стену и помчался по кладбищу, перепрыгивая через могилы, только длинные полы развевались.

— Ты что это? — опомнился было Рыжий.— Ты на кого?..

Но оглянувшись и сообразив, что никто ему на помощь в этом пустынном месте не придет, повернулся и потрусил обратно.

А наутро, собираясь на маевку, верхисетцы читали пламенные слова обращения, подписанного Екатеринбургским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии...

Петр Ермаков был горд.

Боевые качества Ермакова, его решительность и находчивость не остались незамеченными в организации. «Получится прекрасный боевик»,— решили товарищи. И это мнение подтвердил приехавший в Екатеринбург Яков Михайлович Свердлов [1].

Петр стал «боевиком».

К тому времени рабочая дружина в Екатеринбурге была уже создана. Числом она была невелика: в разное время пятьдесят-семьдесят человек, но силу представляла большую. Во всяком случае, к концу 1905 года дружинников в городе было больше, чем полицейских. Это потом уж пригнали казаков и ингушей для расправы с революцией.

Люди в дружину отбирались по строгой мерке; только до конца преданных рабочему делу принимали в боевые отряды. Такой подбор был очень важен: партия придавала боевым дружинам громадное значение, в конце концов они стали «единственно надежным оплотом революции» (Ленин).

Правда, трудностей в создании боевых дружин было немало. Плохо было с вооружением. Оружие себе боевики добывали сами, притом самыми разными путями. Бывали день-

---

[1] Яков Михайлович Свердлов приехал осенью того же года. В первые же дни, несмотря на сложность обстановки, он познакомился со многими екатеринбургскими подпольщиками, в том числе и с Ермаковым. Сейчас неизвестно, кто и как представил ему Ермакова, но несомненен факт, что Яков Михайлович с большой заинтересованностью отнесся к судьбе рабочего парня. Спустя некоторое время он был определен в школу пропагандистов, а затем в январе 1906 года Я. М. Свердлов и К. Т. Новгородцева рекомендовали Петра Ермакова в партию большевиков.

ги — револьверы и порох покупали в магазине Киссельмана-Симонова, револьверы никудышные: «бульдоги», «смит-вессоны»... Нередко оружие отнимали у полицейских. А обычно делали сами. Ножи на Верх-Исетском заводе ковал Николай Воронов. Бомбы тоже изготовляли сами: фунт весом, в стальной оболочке, начиненные взрывчаткой с Медного рудника.

Хлопот и бед с этими самодельными бомбами не оберись. Как-то Павел Попов работал их в кладовой неподалеку от поденного цеха и — подорвался... Нелегко было и выносить бомбы с завода. Однажды поймали рабочего Чепурина: на нем под рубахой — десяток разных бомб... Приговор был вынесен суровый: пожизненная каторга.

Для мобильности, большей оперативности да и конспирации дружина была разбита на пятерки, «пятки». Одним из таких «пятков» — в него входили члены партии Николай и Василий Воиновы, Василий Рябов, Иван Фролов — руководил Петр Ермаков.

Со вступлением в дружину в жизни его началась бурная полоса. Именно в боевой работе нашел себя Петр Ермаков, и не было теперь для него ничего важнее, нужнее, интереснее, чем эта работа.

А делать приходилось много. Боевики охраняли собрания и митинги, разоружали полицейских и черносотенцев, следили за действиями жандармерии, помогали партийным руководителям скрываться от преследования. Тому, что Я. М. Свердлову долгое время удавалось скрываться от полиции, немало способствовали решительные действия боевиков. Потом уж много позднее П. З. Ермаков вспоминал:

«На Верх-Исетском заводе, в листовом цехе собрался митинг человек больше двухсот. Корпус был длинный, хоть весь завод собирай. Никаких механизмов нет, только железо лежит в тюках. Здание светлое, одна сторона кругом в рамах. Собрались прямо после работы. Митинг открылся. Предоставили слово Андрею. Его внимательно слушали. Очень уважали Андрея. Я заранее расставил патрули по всем проходным, чтоб полиция нас врасплох не застала. Рабочие вооружались: кто железиной, кто камнем, кто чем. Кое-кто из дружины имел браунинги. У меня был маузер. Вдруг вбегают, кричат: «Полиция»! Мой брат схватил рабочую одежду, шапку, закутал Андрея, подмазал его маленько и через котлы, через зад-

ний двор и заднюю проходную будку вывел на Китайскую гору».

...Коротка августовская ночь, но для Ермакова и его товарищей, затаившихся в засаде, тянулась она медленно. Трудное дело предстояло в эту ночь: экспроприация заводской кассы в пользу Уральского комитета.

По добытым заранее сведениям кассир Фирсов должен был проехать в сторону Медного рудника еще вечером. Но миновал вечер, выпали в близкое озерцо серебряные звезды, а дорога — знаменитая Ключевская — все пустынна. Рябов, лежавший слева, шепнул Ермакову: «Не едут... Может, на нас донес кто, а?» Ермаков осадил по-командирски: «Разговоры отставить. Ждем до утра».

Начало светать. Заершилась на ветру придорожная листва, проступила в предутренней синеве мохнатая ель на взгорке. А дорога по-прежнему пустынна. Даже Ермаков теперь засомневался: «Проедут ли?»

События развернулись уже в восемь утра...

Из-за поворота, где синий ельник сомкнулся с рядком прихваченных желтизной берез, показалась сначала одна пароконная упряжка, потом другая, а за ними — двое верхом. Они!

В первой бричке ехал Фирсов — узнал его Петр, во второй — помощник кассира Тарханеев, верхом на лошадях — стражники. Ермаков надеялся, что все обойдется мирно: «Припугнем стражников — и порядок...»

Не обошлось. Стражники сразу же заметили вооруженных людей в масках и подняли стрельбу. Выхватил револьвер и Фирсов. В схватке он был ранен.

В результате этой боевой операции в кассу партийного комитета поступило 12 400 рублей. Часть из них пошла на нужды подпольной типографии, а большая часть — на закупку оружия в Финляндии.

Пистолет системы «маузер», лучшей по тем временам, № 161 474 комитет вручил Петру Ермакову.

Полиция долго разыскивала участников операции на Ключевской дороге. И, кажется, напала на след. Несколько верхисетцев угодили на допрос. Был вызван и Ермаков, но отпущен за неимением улик.

Однако ненадолго. Вскоре Петр Ермаков был арестован и заключен в городскую тюрьму.

История этого ареста такова.

В Екатеринбурге прошла тяжелая полоса репрессий. Были арестованы Мария и Анна Бычковы, Анатолий Парамонов, Иван Кириевский, Вера Сабанеева, Александр Минкин, Галина Рядкина и многие другие. Конечно, не обошлось без провокатора. Кто? Подозрение пало на Николая Ерина, по партийной кличке «Летний».

Посоветовавшись с немногими теми, кто остался на воле, Ермаков и его товарищи решили следить за Летним.

Летний жил на Арсеньевском проспекте. Постоянно — и днем, и вечером — кто-то из друзей, а то и оба вместе, дежурили неподалеку от его дома.

Однажды заметили: вышел Летний и спокойно, будто разгуливая, пошел по направлению к Солдатской улице. Друзья сразу смекнули: на Солдатской живет жандармский ротмистр... А ну глянем!

Ерин-Летний подходил уже к дому, когда оттуда вышел жандарм. Они встретились, и Ерин быстро передал ему что-то. Сомнений больше не оставалось.

— Нужно кончать, и немедленно,— решительно сказал Ермаков.

(«Тяжелый был момент»,— вспоминал он впоследствии.— «Нестерпимо плохо было от сознания того, что перед тобой предатель. Еще вчера ты считал его человеком, считал своим...»)

— Нужно кончать немедленно,— повторил Ермаков.

И они пошли навстречу Летнему. Собрав в кулак все чувства, переполнявшие его, Ермаков спокойно, даже весело приветствовал Николая. А потом, придвинувшись ближе, шепнул:

— Приехал один товарищ... Его нужно встретить и проводить.

Летний, ничего не подозревая, согласился. Все трое свернули в переулок, вышли к железной дороге и пошли вдоль полотна к верх-исетскому кладбищу. На кладбище прошли тропкой мимо могил в жухлой траве.

— Присядем пока,— предложил Ермаков, показывая на низкий холмик.

Летний едва успел сесть, как оба навалились на него. Скрутили руки, связали шарфом.

21 Заказ 17

— Говори все. Только правду!

И провокатор признался. Все рассказал. И то, как давно был связан с охранкой, и как предавал, и за сколько.

— На Рядкину показал, заплатили десять рублей, за Анну Бычкову дали пятнадцать, за Червонного — двадцать пять... Пощади-и-те...

Жалости не было. Предатель получил по заслугам.

И вот Петр Ермаков в тюрьме. На месте казни провокатора он оставил улику — свой зеленый шарф.

Девятый месяц идет следствие. Следователю известно, что Ермаков — боевик, но доказать причастность его к убийству не удается.

— А это?

Следователь идет ва-банк. Торжествующе выкладывает на стол зеленый шарф.

Ермаков спокойно приоткрывает ворот пиджака: на шее — зеленый шарф...

Этому решающему допросу предшествовали такие события.

Верх-исетская ребятня, вся поголовно, как огня, боялась почетного жителя поселка — старшего тюремного надзирателя Рудакова. Да и взрослые побаивались. По праздникам, когда Рудаков шел в церковь — в мундире, вся грудь в медалях,— люди расступались перед ним.

Отношение заключенных Екатеринбургской тюрьмы к заслуженному надзирателю тоже было далеким от любви и уважения... И лишь единицы знали, что надзиратель Рудаков — глубоко преданный делу революции человек.

Рудаков и помог Ермакову выйти на свободу. Он предупредил его и товарищей на воле о «козырной» улике. В тюрьму был передан точно такой же зеленый шарф.

— Откуда у вас шарф? — свирепея, спросил следователь.

— В лавке купил,— невозмутимо разъяснил подследственный. И не удержался от усмешечки:

— А у вас откуда?

В мае 1908 года Петр Ермаков вышел на волю, где его ждали товарищи и опасная, требующая мужества и напряжения всех сил работа.

В том же году он был введен в состав подпольного Екатеринбургского комитета партии и вместе с Леонидом Вайнером, Николаем Давыдовым и посланцем Центрального Комитета Семеном Шварцем активно работал там до ареста в связи с известным провалом Уральской партийной конференции.

Прошло еще восемь лет.

К революционному 1917 году Петр Захарович Ермаков пришел закаленным, испытанным бойцом партии[1].

Летом 1917 года в Екатеринбурге началось формирование красногвардейских отрядов. Город разделили на четыре района, в каждом из них создали штаб Красной гвардии, который и формировал свой отряд.

Отряд четвертого района был скомплектован из рабочих Верх-Исетского завода и спичечной фабрики; командиром его был назначен П. З. Ермаков. Этот отряд, как и другие, подчинялся центральному штабу Красной гвардии. Возглавлял его П. Д. Хохряков.

Снова, как и в боевом 1905 году, Ермаков почувствовал себя в своей стихии. Он надел кожаную куртку и теперь уже открыто, на портупее, повесил кобуру с маузером.

На первых порах Красной гвардии предстояло навести в городе революционный порядок. Обстановка тех дней была весьма сложная. Контрреволюция, правда, еще не подымала голову, но зато немало беспокойства приносило всякое охвостье: бандиты, воры, спекулянты. Со всем этим «темным элементом» приходилось бороться красногвардейцам. Другой вооруженной силы, защищающей позиции пролетариата, в городе не было. Ответственность за все лежала на тех, кто днем стоял у станка, а вечером брал в руки винтовку.

А. И. Медведев приводит в своей книге такой эпизод:

---

[1] Участие Петра Захаровича в революции и гражданской войне широко известно. Об этом наиболее ярком периоде в его жизни рассказывает Александр Иванович Медведев в своей книге «По долинам и по взгорьям». Многими подробностями насыщена книга Юрия Бессонова «Верх-исетские рабочие в гражданской войне 1918 года». Известны и другие книжные источники. Поэтому автор считает возможным остановиться лишь на отдельных моментах биографии Петра Захаровича в этот период.

«Однажды, в конце очередного моего дежурства в штабе, когда я мысленно высчитывал, успею ли на завод к началу смены, из соседней комнаты вышли Ермаков и Андрей Елизаров.

— Голодно, Захарыч,— прогудел Елизаров.— А эти бандюги...— и он злобно выругался.

Ермаков, обычно нетерпимо относившийся к ругани, на этот раз никак не реагировал на нее.

— Был я нынче в больнице,— продолжал Андрей.— Детишки ну, чисто смерть. Кости кожей обтянуты, под глазами сине, щеки зеленые... Эх! Кусочка сахару не видят... Из Питера рабочие отправили нам два вагона постного сахару, а на станцию вагоны пришли пустые. Все растащили, сволочи, на Палкинском разъезде.

Петр Захарович, сложив руки за спиной, стремительно шагал из угла в угол:

— Штаб Хохрякова дал указание выловить и расстрелять грабителей.

— Где их найдешь? — безнадежно махнул рукой Елизаров.— Они, что крысы, больше в подполье живут.

— Надо найти,— настаивал Ермаков.

Я ушел с дежурства в подавленном настроении: тяжело было видеть, как сильный, обычно веселый крепыш Андрей Елизаров сидит на лавке, обхватив голову руками.

Вот если бы все-все поднялись против бандитов — не было бы им житья. А то ведь есть такие: послушать их, так они за Советскую власть, а сами прячут этих бандитов и награбленное ими народное добро.

В цеховой конторке за столом старший приемщик Тимоха Смирных откладывал на счетах итоги движения сырья и изделий прокатки.

Он поднял голову, с минуту рассеянно смотрел на меня, беззвучно шевеля губами, потом улыбнулся:

— А, Саньша свет Иваныч. Молодца брат, что загодя пришел, садись, садись, чайком побалуемся. Я было один хотел, да в компании оно приятнее.

Он суетливо выбрался из-за стола, присел перед печуркой и налил из котелка в жестяную кружку кипяток, густо заправленный морковным чаем:

— Пей вот на здоровье.

Я сделал несколько глотков.

— Да погоди, погоди пустой прихлебывать, у меня, чать, и сахар найдется.

Смирных полез в карман, вытащил оттуда серый кулечек и высыпал на неровную поверхность стола несколько зеленоватых и розоватых кусочков сахарной помадки. Я не поверил глазам: постный сахар.

— Откуда это у тебя?

— Да черт его знает, жена где-то расстаралась. Она у меня жох-баба, Васена-то,— пояснил Тимоха.

— Но ведь в городе уже давно сахара нет.

— А у нее везде знакомство.— Смирных важно поднял палец.— Я, почитай, и в глаза всех тех баб не видал, и не знаю, с коими Васена моя дружбу водит.

Когда Тимоха обернулся к котелку, мне удалось незаметно спрятать в карман один из кусков, лежащих на столе.

В ту ночь я не мог спокойно работать, и утром, как только пришел мой сменщик, кинулся в штаб. За столом, положив голову на руки, спал Синяев. Оказалось, что разбудить Артамоныча не так-то просто, но когда я все-таки растолкал его и начал рассказывать, в чем дело, он сразу забыл про сон.

— Сколько же в Тимохином кульке сахару такого? — спросил Синяев.

— Да около фунта наверняка.

Скрипнула дверь. Я обернулся и увидел Ермакова. Он пристально посмотрел на кусок розовой помадки.

Около восьми утра патруль под командой Германа Быкова подошел к дому Смирных. В пустом амбаре, под сенной трухой, в огромном ларе из-под овса, нашли три ящика постного сахару. Тимоха, присутствовавший при этом, обомлел от страха, а его жена бросилась защищать ворованное добро.

Отсидевши день под арестом, Васена рассказала, у кого выменяла сахар. В тот же вечер часть груза была взята во дворе одного из поселковых домов, а все остальное — в лесу, в заброшенном каменном карьере. Ящики в лесу охранялись несколькими бандитами, которых застрелили при попытке скрыться».

Но главные события, в которых должны были принять участие и приняли, взвалив на свои плечи всю тяжесть борьбы, красногвардейские отряды, еще только назревали.

— Мы — сначала казаки, а потом — русские. Россия — больной, разлагающийся организм, и из опасения заразы мы должны стремиться спасать свои животы,— заявил еще в сентябре семнадцатого года на войсковом казачьем кругу в Оренбурге атаман Дутов.

Атамана послал в Оренбургские степи Керенский с заданием сформировать казачьи отряды для борьбы с большевиками, «если они вооруженным восстанием захотят взять власть». Большевики «захотели» и взяли власть. Тогда Дутов рьяно приступил к выполнению наказа сбежавшего премьера. Создав свое «казачье войсковое правительство» и «комитет спасения родины и революции», он зимой 1917 года начал военные действия на юге Урала.

25 декабря Ермакова вызвали в Центральный штаб. Там уже собрались руководители других районных красногвардейских дружин.

— Советская власть на Южном Урале в опасности,— с тревогой сообщил Павел Хохряков.— Требуется наша помощь, товарищи...

— Поможем!

Тут же Ермаков получил приказ: в 24 часа собрать отряд и выехать на Дутовский фронт.

Ровно через 24 часа красногвардейцы были на станции. Оружие, патроны, полушубки, валенки выдавались уже перед самой отправкой.

Сводный екатеринбургский отряд под командованием Ермакова двинулся по направлению к Бузулуку.

Первый поход на Дутова был завершен успешно. Заслуга Петра Захаровича в этом немалая. Он показал себя прекрасным командиром, хотя, кстати, никогда и не обучался военному делу. Именно ему принадлежит инициатива в разработке наиболее удачных операций.

Подтверждением военного таланта Ермакова может служить операция под Гамалеевкой. План захвата станции был предложен Петром Захаровичем и в точности исполнен.

Ермаковцы заняли в проходящем через Гамалеевку эшелоне несколько товарных вагонов. На дверях их, обращенных к станции, крупно написали «Дрова». Эшелон миновал стан-

цию и остановился у семафора. Ермаковцы, не замеченные противником, обошли его с тыла и отпраздновали победу.

К военной хитрости прибегнул Петр Захарович в сражении за другую станцию — Сырть. Трехдневный бой за нее не принес желаемых результатов. Тогда Ермаков с отрядом лыжников, не снимая фронта, ушел в степь, с тем чтобы выйти на железнодорожную линию с другой стороны станции.

Выбравшись, как было задумано, на железнодорожное полотно, ермаковцы подключились к телефонному проводу и узнали, что в Сырть на помощь осажденным дутовцам спешит подкрепление. Под видом этого подкрепления лыжники и подошли к станции на расстояние выстрела. Петр Захарович дал сигнал ракетой, и оставшиеся на прежних позициях красногварцейцы пошли в атаку. Ударом с фронта и тыла неприступная Сырть была взята.

Не случайно верх-исетские красногвардейцы сложили и часто распевали такую песню:

С таким-то командиром
Не бойся, наш завод.
Не даст тебя в обиду
И нас убережет...

Боевые качества Петра Захаровича в неменьшей степени проявились и во время второго похода на Дутова. Но здесь, в жестоком бою под Черной речкой, он вскоре был ранен и увезен в госпиталь.

Походы на Дутова — лишь небольшая часть биографии Ермакова. В перерыве между походами и особенно потом, по выходе из госпиталя, он буквально с головой был завален работой в самом Екатеринбурге.

В то жаркое лето 1918 года обстановка в городе сложилась чрезвычайно напряженная. Заслышав о приближении белых, чехословацкого корпуса в частности, зашевелилась внутренняя контрреволюция. Целью ее было свергнуть Советы, освободить царя, привезенного уже к тому времени из Тобольска.

В поддержку темным силам из Москвы со специальным заданием прибыл белогвардейский капитан Ростовцев. Уста-

новив связь с местными монархистами, он окопался в так называемой «Екатеринбургской организации фронтовиков», где уже собралось немало враждебно настроенных к Советской власти элементов.

Десятого июня на верх-исетской площади у церкви собралась большая толпа бывших фронтовиков. Помитинговав, они потребовали от Советов начать переговоры с белочехами.

Совет, конечно, не удовлетворил эти «требования».

Обстановка еще более накалилась. Районный штаб Красной Армии привел в боевую готовность весь наличный состав: 80 бойцов, 20 конников и 12 пулеметчиков. (Основные силы были направлены на фронт.)

Мятежников насчитывалось около двух тысяч. И Совет пошел на крайнюю меру: решил послать на площадь П. З. Ермакова с тем, чтобы попытаться убедить солдат. Только такому бесстрашному человеку, как Ермаков, можно было дать это связанное с большим риском поручение.

Петр Захарович пошел и выступил на митинге. Это чуть было не стоило ему жизни. Из толпы раздался выстрел. Еще мгновение, и Ермаков был бы растерзан. Но по его знаку из соседнего, Барабашинского, переулка высыпал отряд конников, а поверх толпы ударила пулеметная очередь.

Увидев красногвардейцев и услышав выстрелы, участники митинга разбежались.

Мятеж был подавлен в зародыше. В тот же день к вечеру был убит и Ростовцев, пытавшийся скрыться.

Впрочем, вечером произошло событие, остро напомнившее Ермакову детство. Он встретился с давним своим врагом Василием Прохоровым — Бибой. Тот сам пришел к штабу.

Ермаков стоял в группе бойцов, когда подошел Биба. Глядя исподлобья, Биба злобно бросил Ермакову:

— Зря вы Тишку Нахратова забрали. Отпустите его.

— Он расстрелян. Так и передай своим,— отчеканил Ермаков.

— Ну, так получай же! — и, резко взмахнув рукой, Биба швырнул к ногам Ермакова щелкнувшую бойко гранату. А сам распластался на земле, надеясь избежать ранения.

Бойцы окаменели.

Ермаков, выхватив маузер, выстрелил в Бибу:

— Держи сдачу, гад!

А граната, прошипев сгоревшим запалом, не взорвалась. Лежала, спокойно поблескивая гранями стенок[1].

В середине июля 1918 года Уральский областной Совет, учитывая сложившуюся обстановку, постановил: во избежание кровавых авантюр, на которые могут пойти монархисты, используя семью Романовых, как знамя контрреволюции, и в наказание за все кровавые преступления царя против народа — расстрелять Николая II.

В исполнении приговора принял участие и Петр Захарович Ермаков.

У Ермакова было много друзей. Большая дружба связывала его со времен подполья с Николаем Сергеевичем Партиным, с юных лет он был близок с Иваном Федоровичем Фроловым.

И еще с одним человеком связывала Ермакова крепкая и нежная дружба. То был Сергей Артамонович Синяев, а среди товарищей просто Артамоныч...

Впрочем, они совершенно не были похожи друг на друга. Петр Захарович всегда в движении, в действии — такая уж натура. Динамического мышления человек, на раздумье — ни минуты. Синяеву деловых и боевых качеств тоже не занимать, но по складу характера он мечтатель.

Где-нибудь в перерывах между боями, собравшись с красногвардейцами у костра, брал Артамоныч в руки баян... Играл он вдохновенно, весь отдаваясь музыке. Прильнет щекой к баяну — мягкую без седины бороду подсвечивает костровое пламя — и слушает, слушает будто свое сердце. И все слушают.

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне...

Эта песня была одной из любимых в первом батальоне Уральского обкома партии. Новые песни не успели узнать, а эту знали и любили. В песне, правда, говорилось о событиях не всем известных — из времен англо-бурской войны — но

---

[1] Эпизод приведен в первом издании книги А. И. Медведева «По долинам и по взгорьям».

призыв к борьбе, неистребимая любовь к истерзанной родине брали ребят за живое. И многие считали, что песня про них сложена.

Еще Артамоныч играл «На сопках Маньчжурии»...

— А знаете, ребята,— скажет он, вдруг оборвав мелодию.— Знаете, что потом будет? Совсем иначе все будет.

Красногвардейцы прислушиваются. Взволнованность Артамоныча не кажется им чудной. Не в первый раз заводит он разговор о будущем и всякий раз интересно.

— Что вот это за музыка — баян?..

— Ничего музыка, подходящая,— не соглашаются бойцы.

— Потому ничего, что только ее и знаем. Да еще духовой оркестр знаем на марше да на похоронах. А симфонический оркестр вам знаком? Нет. А будет время — баян на полку, симфонию подавай. Все шедевры музыки, какие есть в мире, подавай. Сейчас, быть может, и не поняли бы симфонию — культурный уровень низковат, а потом будем понимать, научимся. Победит революция, и иди учись. Учись, и все будет тебе доступно. И не только музыка, все книги, все картины — живопись. Самые прекрасные картины увидим мы с вами, ребята...

Так мечтал в грозном восемнадцатом году верх-исетский рабочий — воин Сергей Синяев, человек яркой и трагической судьбы.

Вместе с Ермаковым и другими товарищами Сергей Синяев без устали шагал нелегкой дорогой революции.

Разделил со всеми и горечь отступления из родного города.

Отступление из Екатеринбурга было чрезвычайно трудным. Враг сжал город в кольцо. Через Палкино Верх-Исетскому отряду прорваться не удалось. Пришлось вернуться в осажденный город и кружным путем через Шарташ, Богданович, Алапаевск, Кушву и Чусовую добираться до Перми. Около станции Сарга отряд влился в первый батальон Уральского областного комитета РКП(б), образовав роту, командиром которой остался Петр Ермаков.

Каждый километр пути коммунистического батальона отмечен кровью его бойцов. Сабик, Сарга, Шаля, Сылва... На подступах к ним разыгрались жесточайшие схватки. Особенно под Сылвой. Здесь, на высотах, бои продолжались около неде-

ли. Много погибло наших. Героически погиб и знаменосец отряда коммунаров Сергей Синяев — Артамоныч...

Его ранили в живот под Вогульцами. Ослабев от мучительной боли, Синяев просил медсестру Лизу Зыкову:

— Брось меня, Лиза, все равно умру...

Лиза в этот момент пыталась перенести раненого через изгородь. И тут вторая пуля настигла его...

Тело Синяева и его боевых соратников Кости Попова, Николая Романова белогвардейцы, ненадолго захватившие высоты, зверски искололи штыками, изрубили саблями до неузнаваемости.

Тяжело переживал гибель друга Петр Захарович. Не находил себе места.

— Да отдохни, Захарыч,— говорили ему.

— Отстаньте,—отмахивался он. И скрипел зубами.—Отомстить, братцы, нужно... Немедленно отомстить!

И отомстили.

Шестого ноября Ермаков, расположившийся со своими бойцами в деревне Размалиновка неподалеку от Кунгура, получил приказ: «В день Октябрьской революции, 7 ноября предлагается вашему полку занять железнодорожную станцию Кордон, зайдя в тыл противнику на 15 верст лесами, по болоту, от деревни Размалиновка. Остальные части бригады ведут наступление в лоб по железной дороге. Справа демонстрирует кавалерийский полк имени Стеньки Разина. Комбриг Томин».

Рано утром отряд был поднят по тревоге.

За несколько часов по болоту, которое считалось непроходимым, совершили переход к Кордону. Через «языка» выяснили, что на станции сосредоточен шестой чешский полк и казачья часть. На путях стоит бронепоезд. А бойцов у Ермакова только сто...

Все же станция была взята. Ермаковцы дождались, когда белочехи уснули, и нагрянули. В вагоны полетели гранаты. Взрывы и пулеметные очереди разбудили лесное эхо. Не ожидавшие нападения каратели в панике спасали животы свои.

— Это вам за Саргу, за Сылву, за шестьдесят четвертый разъезд, за Артамоныча...— потрясал маузером Петр Захарович.

Не меряны верстами дороги, пройденные Петром Захаровичем в годы гражданской войны. Воевал он в составе полка имени Малышева на Урале, громил белую армию на Западном фронте, военкомбригом участвуя в боях под Березиной. Не однажды был ранен, но возвращался в строй. А закончилась война, работал в органах милиции. И только в 1934 году, тяжело заболев, перешел на пенсию.

Но горячим сердцем своим он всегда был с армией. Началась Великая Отечественная война, и Ермаков на своем родном Верх-Исетском заводе готовил будущих бойцов. Сам все время рвался на фронт. Выехал однажды с делегацией и... со слезами на глазах просил командира части оставить его.

Такой уж это был человек.

Его жизнь оборвалась 25 мая 1952 года.

А. ЯКОВЛЕВ

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Иван Михайлович Малышев родился 29 августа 1889 года в Верхотурье, в трудовой семье железнодорожного возчика. В тринадцать лет, окончив городское училище, работал писцом. И был горд этим: отец зарабатывал немного и семья нуждалась в подспорье.

Ивану некогда было забавляться детскими играми — после работы помогал матери в хозяйстве и в огороде, да и почитать хотелось: столько интересных книг привозила ему сестра Маша — учительница церковноприходской школы недалеко от Надеждинска.

Верхотурье — город монастырей. В мужском монастыре

хранились «мощи» святого Симеона-Чудотворца. Вот к ним-то ежедневно и приходили со всех концов России богомольцы. Они шмыгали мимо дома Малышевых, как черные мыши, иногда просили пустить их «на постой», сдать угол на время моления.

Угла им не сдавали. Отец не любил богомольцев, считал их бездельниками:

— С жиру бесятся!

Как-то мать возразила ему:

— Чего там — с жиру! Не от радости на богомолье идут. О счастье молят. Видно, недостает счастья на всех.

С тех пор Иван по-новому видел богомольцев. Теперь он знал, отчего в глазах у них застыли тоска, мольба и надежда.

Верхотурье — город деревянный. Каменные только храмы да тюрьма на окраине. Из тюрьмы каждый день водили в монастырь на работу партию арестантов. Кандальный звон да окрики стражников разносились по улицам. Часто арестантов вели по тракту, мимо дома Малышевых, к станции или со станции, к тюрьме. Иногда проходили мимо и отсидевшие свой срок люди.

Михаил Васильевич Малышев любил с ними разговаривать, зазывал в дом. Мать, Анна Андреевна, кормила их. Из бесед Малышевы многое узнавали о настроении рабочих, о борьбе с заводчиками, о том, что и крестьяне Урала бунтуют против хозяев лесных угодий и земель. Родители давали освобожденным обноски. Раз и Иван снял с себя новые сапоги и протянул их политическому. Сапоги были куплены отцом «на вырост». Целое лето потом мальчик по грошам откладывал от заработка на другие сапоги, чтобы отец не ворчал на него за доброту.

На берегу реки, за версту от города, стояла огромная скала, которая отражала звуки. Ее называли Камень-Кликун. Мальчик любил сидеть перед ним и слушать город. От камня неслись крики о помощи, пьяные песни, кандальный звон, словно жизнь всей России проходила там, за серой толщей гранита.

Первые впечатления детства — Камень-Кликун, книги, молящие о счастье глаза богомольцев, кандальный звон и разговоры отца с политическими — все это заставляло присматриваться к жизни.

Когда отец отправил Ивана в Пермь на учительские курсы,

уступая его просьбам, мальчику было четырнадцать лет. В помощи отец отказал. Помогала сестра Маша, выделяя от скудного своего заработка пять рублей.

Осень 1905 года. Массовые политические стачки в Москве, в Петрограде переросли во всеобщую Всероссийскую стачку. Не обошло это движение и Урала. В Екатеринбурге, в Перми, в Миньяре, в Лысьве — всюду забастовки, манифестации, митинги. Особенно сильно революционное движение на пушечном заводе в Мотовилихе. Здесь рабочие самовольно изгнали из орудийного цеха зверствующего мастера Крапивина, вымазали грязью начальника снарядного цеха инженера Сепайна.

Завод закрыли. Тысячи рабочих оказались на улице.

Мотовилихинский комитет РСДРП ежедневно устраивал митинги, знакомил рабочих с ленинскими идеями о главенстве в революции рабочего класса, о союзе рабочего класса с крестьянством, о необходимости вооруженного восстания.

Юный Иван Малышев не мог еще полностью понять объем и широту рабочего движения. Он видел только то, что происходило на его глазах.

Строились в Мотовилихе баррикады. Рабочие собирались в дружины, вооружались, патрулировали улицы, разоружали полицейских. Как народная власть, опирающаяся на народ, стал действовать Совет рабочих депутатов.

Курсы учителей прекратили работу. Иван целыми днями мог бегать с митинга на митинг. Речи заставляли думать.

Ничто не проходило мимо внимания юноши. Он переписывал листовки, единолично размножал и расклеивал их, научился отличать речи большевиков от трескучих и уклончивых — меньшевистских. Он считал себя большевиком.

Революцию подавили. Тихо стало в городе: ни митингов, ни стрельбы, ни листовок на заборах. Курсы возобновили работу.

В Перми и Мотовилихе происходили частые облавы. В одну из облав взяли случайно на берегу Камы Ивана Малышева и бросили в тюрьму. В коридоре его сбили с ног:

— Говори, где остальные разбойники?

От ударов захватывало дыхание. Его топтали, вдавливали в пол. До него донеслись неясные слова, похожие на стоны, он не понимал уже, что это кричал он сам. Он не знал, сколько прошло времени, утро сейчас или ночь.

Открыв окованную железом дверь, Ивана раскачали и швырнули в общую камеру. На грязных нарах копошились люди. Камера утонула в махорочном дыму. Голова казалась распухшей, тело болело. Иван дополз до соломы и затих.

Трудно сказать, как Иван Малышев связался с большевиками. Может быть, именно здесь, в общей камере пермской тюрьмы нашел он верного человека и тот дал ему «явку».

Вскоре его выпустили из-за отсутствия улик.

В мае 1906 года, после окончания курсов, шестнадцатилетний Малышев вступил в РСДРП.

Имея назначение младшим учителем земской школы, он уехал в село Фоминское, спрятанное в глухой тайге на берегу р. Тагил. По реке весной сплавлялся в Тюмень лес. Крестьяне летом жили сплавом, заготовкой древесины, сбором ягод и кедровых шишек. Зимой ткали рогожи.

Иван снял квартиру, угол за занавеской в доме вдовы Новоселовой. В первый же день приезда дом обступили дети, и сразу же молодой учитель с ними подружился. До занятий они встречались каждый день, бродили по лесу.

Школа, приземистое широкое здание, стояла на окраине. Дети из соседних деревень в пургу и морозы оставались здесь на ночь. Иван занимал их чтением, показывал «волшебные картинки», репетировал пьесы, разучивал с ними песни. В такие вечера здесь задерживались и местные школьники, все чаще и чаще приходили сюда взрослые. Открытый взгляд учителя, широкая улыбка покоряли. Через два месяца Ивана знали все жители села. Портные братья Кочевы Павел и Евмений (старый их дом высился напротив школы), Павел Лавриенко, Федор и Яков Лаптевы, кучер школы Немчинов засиживались дольше всех, продолжая разговор о прочитанном. Читали стихи Некрасова, рассказы Л. Толстого, Щедрина. Мало-помалу Иван сводил разговор на положение крестьян.

За деятельностью учителя установилась слежка. Филат Реутов, старик с красным висячим носом, то и дело заходил в дом Новоселовой, выпытывал, чем занимается учитель в свободное время.

— На богослужение не ходит, на сходки — тоже... На «волшебные» картинки к нему и взрослые повалили... Вольные речи допускает...

Присмотревшись к людям, Иван отобрал несколько человек надежных. Беседы с ними перенес в дом Кочевых. Здесь план занятий менялся: изучали отдельные ленинские статьи, программу РСДРП. Читали по очереди Василий и Иван Реутовы, Павел Новоселов, Стеша Фотина, Аня Лапина.

Зимние посиделки, катание с гор — ничто не проходило мимо внимания молодого учителя. Вместе со всеми он пел песни, плясал на посиделках, катался в санках с горок. Но среди шуток и песен нет-нет да и задавал парням вопросы, которые заставляли думать о правде и справедливости.

Через реку Тагил строился мост, где работали крестьяне села Махнево. Иван заглядывал и туда. Выставляли в кустах патруль. Учитель рассказывал о революционной борьбе крестьян в некоторых районах Урала. Откуда-то брались значительные слова.

— Вожаков хотели арестовать, а крестьяне скупили все охотничьи ружья, забаррикадировали дороги. Целое лето держались. А осенью натравили на них две роты солдат... Смяли.

— Смельчаки, однако...

— Нам бы тоже разогнать лесную стражу... А то живем в лесу, а охапку дров надо христа ради просить...

В ясный день 1 мая на лодках по реке Тагил и пешие берегом собрались в лес, километров за пять от села. Иван говорил здесь о небходимости революционной борьбы и свержения самодержавия. Пели революционные песни. Женщины выкинули над головой красное знамя.

На каникулы Иван уехал в Верхотурье. В первые же дни заметил, что за ним следят, поэтому больше сидел дома. Переписывал, размножал программу партии.

Отец уже понял, к чему готовит себя сын. Как-то попросил познакомить и его с программой и получил один экземпляр.

Недолго Иван пользовался отдыхом. Хотелось дела. Накупив литературы, он вернулся в Фоминку. Не заезжая на квартиру, свернул к дому Кочевых. Литературу надежно спрятали.

Как только Иван уехал в Фоминку, в дом к Малышевым нагрянула полиция. При обыске была обнаружена на божнице, за иконами, оставленная отцу программа. Михаил Васильевич верхом на лошади бросился в Фоминку предупредить сына. Но тот уже был арестован.

22 Заказ 17

Ночью его провели в тюрьму мимо родного дома. Через неделю снова куда-то повели по родным улицам.

Идя мимо своего дома, Иван замедлил шаг. Рыжий конвойный ткнул прикладом в плечо:

— Пшел!

— Рукам воли не давай! — прикрикнул Иван. Конвойные переглянулись, мстительно усмехнулись.

— В николаевских ротах покричишь не так!

Николаевские роты! Уральский Шлиссельбург в Нижней Туре!

Еще в 1842 году Николаю I показалось мало обычных острогов. Он расширил устав тюрьмы, часть тюрем военизировал. Созданы были особые арестантские роты. Начальство в них — офицеры. Они вели и «воспитание» заключенных. Избиения были обязательной мерой.

Тюремные корпуса обнесены тыном из бревен. Рядом с воротами несколько деревянных домов для конвоя и надзирателей. Вокруг лес. Тишина.

Ивана ввели во двор.

По лесенке в какой-то подвал выстроились надзиратели. Ударами кулаков перебрасывали Малышева донизу. Встречными ударами не давали упасть.

Вкрадчивый голос спросил:

— Так ты не хочешь, чтобы мы давали волю рукам?..

Очнулся он в общей камере. Какие-то люди хлопотали над ним, поили водой, прикладывали к ранам примочки.

— Кто ты? — несколько раз спросили его.

— Учитель.

— За что тебя?

— Не помню...

Люди собрались кучкой у зарешеченного окна и читали. Иван подремывал под монотонный, приглушенный голос чтеца и вдруг вздрогнул, разобрав знакомые слова. Ленин! Читали Ленина!

Они заспорили о чем-то, Иван не слушал, весь поглощенный радостью.

— Разве разрешают здесь читать Ленина? — спросил он.

— Очнулся! — его окружили. Их было человек пять.

— А ты как знаешь Ленина, такой молодой?

— Читал. Но откуда он здесь?

Маленький бледнолицый арестант с шумом закрыл книгу, показал Ивану обложку. На зеленом коленкоровом переплете стояло: «Евангелие». Ивану стало весело.

Книги помогали жить, заглушали боль от мысли, что организация разгромлена, что борьба прервалась.

Несколько дней близости с этими людьми преобразили Ивана. Он радовался, что попал сюда: «Да это же школа!»

В ноябре Ивана выслали в родной город под особый надзор полиции.

Свобода! Глазам открылось огромное, безоблачное небо, морозный день и высокие сосны, оцепеневшие от стужи, окутанные снегом, как стеклянным кружевом.

Началась бродячая жизнь: деревня Коптяки — работа приемщиком, Филькинское лесничество... Снова знакомство с людьми, отбор надежных, кружки под видом посиделок.

В 1909 году, когда уже неслось сыроватое дыхание молодой травы, Иван приехал в Надеждинск, стал конторщиком в мартеновском цехе. Квартировал он в каморке вместе с рабочим-электриком листопрокатного цеха Киприяном Ермаковым. Все свободные часы ходил по поселку, запоминал улицы, переулки, лазы в заборах, примечал: улицы освещены, только у рабочих казарм нет освещения; рабочие живут скученно; много болезней, большая смертность. Деньги заводчики заменили картонными жетонами, лавочники товары по этим жетонам отпускали. Создали рабочий кооператив, но в правлении ни одного рабочего пайщика.

Малышев — член подпольного комитета завода, партийное имя его «Миша». Каждый вечер в цехах появлялись листовки. «Мы откроем рабочим глаза»,— думал Иван.

Собирался их кружок на берегу речки Каквы. Илья Баранов, Шляпин Гриша, Чупринов Иван, Ямов Митя, Титов Саша, Сурнин Александр, Рукавицын Андрей, Шипицын Миша, Екенин Геннадий, Титов Петр, Гусев Коля, Смирнов Федя, Ермаков Киприян[1]. Знакомились с теорией социализма, обсуждали, спорили.

---

[1] Группа надеждинских большевиков.

В последние дни среди рабочих не прекращался разговор о кооперативе. Негодовали уже открыто, требовали отчета правления кооперации, смены правления. Администрации завода сопротивляться этому было невозможно: кооперация считалась рабочей.

В новое правление кооперации вошли и большевики. Иван был избран в ревизионную комиссию. Избрали до десятка уполномоченных. Рабочие сразу почувствовали облегчение. В лавке с утра до ночи толпился народ.

— Смотрите, бабы, жакетка-то летняя всего восемь рублей, а я, дура безмозглая, двенадцать отдала, хоть реви! Целый год на нее копила!

Малышев, радуясь вместе со всеми, думал: «Дали бы нам подольше поработать!»

Долго работать им в кооперации не дали. Вскоре весь комитет был арестован и отправлен в тагильскую тюрьму.

Вели с вокзала их в наручниках.

Цепи! Вот чего еще не пережил Иван! Цепи! Символ порабощения!

Тагил. Здесь теперь жила Маша с мужем. Но как ей сообщить?

Надеждинцам было предъявлено обвинение в участии в тайной организации с целью свержения царя. Каждого остригли наголо, одели в грязные арестантские бушлаты, пахнущие потом.

Посадили их в одну камеру с уголовниками. Голые нары в два яруса висели на столбах. В столбы вбиты железные скобы, как ступеньки. К косяку двери приделана полка, на которой горит закопченная лампа.

Сбившись в кучу, «политики» уселись на отведенные им нары.

— Предлагаю провести голодовку,— предложил Иван: — Надо добиться, чтобы нас не держали как уголовников...

...Голод. Мучительно хотелось пить. Надзиратели приносили политическим пищу, переглядывались и уносили ее обратно.

Лежать, перетянуть животы, сохранить силы...

Они победили: их перевели в другую камеру, вернули вещи. Иван вел уроки политэкономии, «играл» с товарищами в допрос:

— Подследственный Федор Смирнов, когда вас избрали кладовщиком нелегальной литературы в Надеждинске?

Федя фыркал и скороговоркой, заученно отвечал:

— Это кого? Это меня-то? Складов на заводе множество!

Иван грозно поднялся:

— Каких складов?

— Да как же, на улице Походяшина склад! На Сосьве склад!

Товарищи хохотали:

— Так-так, Федя! Прикидывайся дурачком.

«Допрос» продолжался:

— Подследственный Федор Смирнов, дружил ты с членом подпольного комитета Малышевым?

— Это какой Малышев? Такой долговязый? С бородкой? Да ведь зря он бороду-то отпустил, три волоска всего! А чё мне дружить с ним? Он к девкам не бегает, тоскливый... Я к нему за песнями ходил. Ох, и песен он знает!

— Каких песен? — еле сдерживая смех, допрашивал «следователь».

— Да разве упомнишь? «Ванька-ключник, злой разлучник», «Ах, вы сени, мои сени», «Скучно пташке сидеть в клетке»...

На улице падал снег. Окошко заледенело. С потолка камеры сочились капли, а глухие темные стены дрожали от хохота.

Иван ждал суда: не могут же их держать месяцами в подследственных, мысленно готовился к своей речи на суде.

Однако на суд их не вызывали: мало было улик. И однажды утром, приведя в контору, объявили:

— Малышева, Ермакова и Чупринова — в Тюмень, в административную... Смирнова отпустить под надзор, остальных тоже в административную, в Сибирь, подальше...

Снова на них надели наручники, связывающие попарно. Ивана сковали с Ермаковым.

Этап строился во дворе, из-за ворот с воли был слышен гул голосов, женский плач, крики:

— Права не имеете не брать передачи!

«О, какие нам проводы будут!» — подумал Иван.

Широкие ворота распахнулись. Толпа смолкла. Какая-то женщина вдруг истошно крикнула:

— Санушко, куда тебя повели?!

Ее перекрыл знакомый голос.

— Ваньша!

Отец, родной, совсем поседевший, с горящими глазами, мял в руках шапку. Рядом плакала Маша.

Толпа кинулась вперед по обеим сторонам колонны, напирала на конвой. Малышевы тоже бежали.

Иван и Киприян подняли руки, потрясли наручниками над головами.

— Отец, Маша! Тюмень — хороший город!

— Молчать! — гаркнул один из конвойных.

Но родные поняли, закивали радостно.

Уже позднее узнал Иван, что Маша и отец каждый день были у тюрьмы. Но свидания никому не давали и передачи не принимали. Из-за этого и стоял у тюрьмы каждый день шум и волнения.

Это был 1912 год.

Малышев снял в Тюмени комнату на большой Разъездной улице в доме купца и вскоре установил связи с большевиками. Где бы он ни был, он прежде всего искал явочную квартиру, искал связей. Искал борьбы.

Ежедневно к восьми часам утра Малышев направлялся на «службу» в магазин Агафурова. Хозяева и не подозревали о том, что этот застенчивый конторщик со светлыми густыми усиками на крупном лице — «поднадзорный ссыльный и неблагонадежный», сумел и здесь завести связи с подпольщиками.

В свободное от работы время пропагандист партии Миша бегал по кружкам, рассказывал о шестой Всероссийской партийной конференции РСДРП, которая прошла в Праге, о том, что меньшевики-ликвидаторы изгнаны из партии. Речи его текли свободно, убежденно. И никто не подозревал, что за этими речами были целые ночи упорного труда, учения, осмысливания прочитанного.

Снег изнывал, съедаемый сырыми апрельскими ветрами, когда до Тюмени дошли слухи о кровавых событиях на реке Лене: «4 апреля убито и ранено более пятисот человек». Комитет большевиков решил протестовать против дикой расправы. Улицы заполнились демонстрантами. В пользу пострадавших собирали деньги.

Начались ответные аресты. Из группы большевиков были взяты Малолетков, Буханов, Сиротин, Татауров, Дубовин, Махрянова, Савельев [1]. Ивана арестовали в магазине.

Снова тюрьма. Занумерованное одиночество. Резкий долгий звонок в коридоре означал для надзирателя: вести арестованного на допрос, а для арестованного: — Кого на этот раз? Меня? А может, не меня?

Иван пел: песни воскрешали прошлое, манили вперед. Иногда он взбирался на стол, чтобы увидеть небо. Из окон домов смотрели на него жители города.

Месяц. Два. Три. А дело не разбиралось. С воли не было вестей.

Раз, когда он взобрался на стол, в окне напротив мелькнул белый платок. Там стояла Маша и плакала от радости, что обратила на себя его внимание.

Еще в детстве, забавляясь, они изучили азбуку глухонемых. Сейчас же заработали их пальцы и губы.

Маша приехала, чтобы ускорить дело. Иван требовал сообщений о партийной работе, о товарищах по заключению. Договорились: чайник с молоком или квасом будет с двойным дном.

Ожил Иван. Теперь о воле он знал все: большевики развернули предвыборную работу в IV Думу. Значение этой кампании предусмотрела Пражская конференция. Необходимо получить право говорить открыто, во весь голос, о «полных неурезанных требованиях пятого года». Большевики преследовались. Таково было положение на воле осенью 1912 года.

Охранка не знала, что арестованный Малышев не проводит времени даром. Он уже выпустил внутреннюю газету на листке папиросной бумаги — и газета гуляла по тюрьме; сообщал на волю в «чайнике» все тюремные новости и имена особо жестоких тюремщиков — и там выходила одна листовка за другой.

Уже год Малышев в неволе. Следствию хотелось раздуть дело.

От имени братьев Агафуровых главный бухгалтер фирмы Бояринцев обратился к ротмистру Чуфаровскому с ходатайством, утверждая, что Малышев — необходимый фирме работ-

---

[1] Группа тюменских большевиков.

ник. Расчет был прост: Чуфаровский жил за счет Агафуровых, поэтому отказать не решится.

Малышева отпустили, но права жительства в Тюмени не дали.

Шла война. Молебны, демонстрации с хоругвями, муштра солдат — таким пейзажем встретил Ивана Малышева Екатеринбург, город крупной промышленности...

Большевистский комитет был разбит. Предстояло создать партийную оргнизацию из разрозненных тюрьмами и ссылками кружков.

Большой магазин братьев Агафуровых по Успенской улице темен и тесен. Главный бухгалтер Емельянов, сухой, с длинным серым лицом, монархист по убеждениям, недоверчив к служащим и по-собачьи предан хозяевам. Хозяин сидел всегда сложа руки. Читать он почти не умел, а когда Емельянов угодливо подносил ему бумаги, еле-еле подписывал их. В это утро, как всегда, он принес в канцелярию газеты.

— Прочитай-ка фронтовые новости,— с этой просьбой хозяин чаще всего обращался к Ивану: тот читал лучше и внушительнее всех.

Бегло пробежав сводку глазами, Иван быстро перечислял пункты, которые оставили русские войска, число раненых и убитых. Огромная цифра ошеломляла всех.

Центр революционной борьбы находился на Верх-Исетском заводе. Иван нашел здесь друзей. Часто они с Леонидом Вайнером заглядывали на квартиру Николая Давыдова, рабочего Верх-Исетского завода, побывавшего уже и в тюрьмах и в ссылках. Здесь, на квартире Давыдова, они целыми ночами печатали листовки.

Постоянно, незаметно втягивал Малышев в работу проверенных людей.

Правление заводской больничной кассы помещалось в доме рабочих-большевиков братьев Ливадных. Секретаря больничной кассы Анатолия Парамонова взяли в армию. На его место партийная группа утвердила Ивана Малышева.

Здесь всегда было шумно. Иван Михайлович, окруженный людьми, весь был в заботах о других и пользовался любовью молодежи. Здесь же сидела кассирша, Наташа Богоявленская, сероглазая девушка с тугой светлой косой, румяная, улыбчивая.

Как-то Иван случайно вышел из кассы вместе с Наташей.

Вода в Исети сверкала, как огонь. Дремали извозчики, сидя на козлах пролеток. Человек в солдатской шинели ковылял на костыле, медленно и трудно.

Малышев остановил его.

— Отвоевался, товарищ?

Инвалид злобно выругался. Иван быстро взглянул на девушку и удивился: она не покраснела, не отпрянула.

Постукивая костылем, солдат пошел дальше.

— Давай считать, сколько человек искалечено,— предложил Малышев.

Девушка кивнула.

— Засекаю время,— Иван достал из кармана часы.

Встретился молодой парень с пустым рукавом. Вот опять костыли.

Наташа считала.

— Пятый, шестой.

Иных Малышев останавливал, спрашивал:

— Кому нужна эта война?

После Наташа сказала:

— Как на них слово «товарищ» действует, заметил?

Иван следил за ее губами, видел ее улыбку, настороженно сдвинутые брови. Слушал ее, с трудом веря тому, что она говорит, жмурился, словно поток света и тепла исходил от нее.

Неожиданно Наташа сказала:

— Я хочу помогать тебе, Иван Михайлович.

На следующий день Иван передал Наташе пачку книг, завернутых в газету:

— Сохрани у себя. Ваш дом вне подозрений. Если хочешь, посмотри, почитай...

Видеть ее каждый день стало потребностью.

Понемногу он рассказал ей всю свою жизнь: тюрьмы, ссылка, встречи с товарищами.

— Я все боялся за мать. Меня любить — надо много смелости! Меня любить страшно.

Наташа слушала его с улыбкой, ничего не подтверждая и не отрицая, затем решительно заявила:

— А мне не страшно любить! Это ты, а не я, боишься любить. Боишься, что испортишь кому-то жизнь! — Наташа не отвела от Ивана сияющих глаз.

Теперь уже трудно себя обманывать: они не сделали ничего за рамками дружбы, но знали, что за словами таится то, в чем они боялись признаться. Иван понял еще, что любовь — это плод длительной борьбы с собой. «Ведь некогда же! Ах, как мне некогда!» Вместе с товарищами он создавал партийную организацию. В кружках он должен был готовить сознательных революционеров, и у него, действительно, не было времени для себя.

...Наташа рассказывала:

— Я много теперь читаю! Так много! Прочла уже Толстого... Герцена, Чернышевского.

Он понимал это по-своему. И спросил:

— А для чего?

— Неужели не понимаешь, для чего? — спросила Наташа сквозь смех.

«Вот она сейчас скажет, что готовит себя для борьбы». Все дрожало в Малышеве от предчувствия большой радости. Но Наташа, не дождавшись ответа, закончила:

— Чтобы догнать тебя... Чтобы быть тебе всегда интересной.

— И только?

Она теперь ответила уже серьезно:

— Нет, не только. Чтобы быть в борьбе с тобой вместе!

Для них начиналась новая жизнь, и от них самих зависело, чтобы в этой жизни было как можно меньше мелочей и как можно больше свершений и радости.

Жили они на Студеной улице, во флигеле.

Наташа вскоре вступила в партию. Иван готовил совещание социал-демократической организации всего Урала.

«Будем разоблачать грабительский характер войны. Надо сорвать маску с империалистов... Создать в области комитет. Объединить все кружки и группы...»

Большевики теперь стояли во главе всех легальных организаций Екатеринбурга. Создано было уже семь больничных касс... и секретарями в них — большевики. «Комитет помощи беженцам» был целиком в их руках. Его использовали для укрытия бежавших из тюрем и ссылки товарищей. Под видом беженцев снабжали их паспортами.

«Комитет помощи солдаткам и семьям погибших на войне» так же превратился в опорный пункт работы, его большевики использовали для пропаганды своих лозунгов, для расширения связи с рабочими. Постепенно и настойчиво направляли они активность рабочих на путь революционной борьбы за свержение самодержавия.

В городе началась выборная кампания в рабочие группы военно-промышленных комитетов.

На собраниях Иван говорил:

— Участвовать в этом комитете — значит изменить делу социализма!

Кто-то возразил ему:

— Мальчишка пытается решить судьбу Родины... Зубы молочные еще не выпали... Святое служение армии хочет обесчестить!

Малышев, не отвечая на враждебный окрик, продолжал:

— Я предлагаю бойкот этих комитетов. Мы будем принимать участие в выборах выборщиков, чтобы легально разоблачить эти комитеты! Разработаем «наказ» выборщикам, дадим оценку войне.

С Вайнером они разработали «наказ» выборщикам. Одновременно готовили областную партийную конференцию.

Иногда по ночам на флигель по Студеной улице налетала с обыском полиция. Ничего не найдя, уходила: Иван не держал на квартире материалов.

Встреча нового, 1917 года, года двух революций, была особенной: в Екатеринбург съехались представители городов и заводов Урала, чтобы договориться о конференции. Наметили ее на 15 января, утвердили повестку. Иван Михайлович возглавил организационную комиссию по подготовке к ней.

Накануне конференции, придя вечером домой, он нашел в квартире полицейских.

Его спокойствие привело Наташу в себя. Она спешно начала собирать в мешок вещи — смену белья, полотенце, носки.

— Бритву не укладывай. Бритву отберут...

— Не разговаривать! — прикрикнул один из жандармов. Иван добавил, улыбаясь:

— Положи «Евангелие»... — и жандарм успокоился.

При обыске у Малышева нашли «Наказ» выборщикам в рабочую группу военно-промышленного комитета.

...В тюрьме и настигли Ивана Михайловича политические новости огромной значимости: пало самодержавие.

Освобожденных тесно окружили друзья, повели впереди колонн на митинг.

С трибуны Хотимский, главарь екатеринбургских эсеров, кричал:

— Нельзя преждевременно требовать от Временного правительства введения восьмичасового рабочего дня и повышения зарплаты!..

Перед большевиками стала задача объяснить рабочим империалистический характер Временного правительства, предательство меньшевиков и эсеров. Вести борьбу за Советы.

Слова Хотимского перекрыл оглушительный свист.

Завидя освобожденных, рабочие закричали:

— Наши!

— Иван Михайлыч, говори!

В голубых его глазах улыбка: люди городских окраин знали его. Волна тепла охватила сердце.

Хотимского с трибуны прогнали. Один за другим большевики рассказывали рабочим о событиях в Питере, о составе Временного правительства, призывали не верить ни этому правительству, ни меньшевикам, ни эсерам. Выступил и Малышев:

— Вы слышали, на чью мельницу льет воду Хотимский? Нам надо теснее сплотиться вокруг большевистской партии, вести беспощадную борьбу с соглашателями и капиталистами за свои экономические и политические права!

Рабочие хорошо помнили Советы, созданные ими в первую русскую революцию, и охотно создавали их теперь.

В огромном пустовавшем особняке Поклевского-Козелл, по Покровскому проспекту, на втором этаже размещался Совет. На третьем этаже по широкому коридору направо — горком партии эсеров, налево — горком партии большевиков, Иван Михайлович — его председатель. С ним его друзья, большевики. Сорок человек. Испытанные, закаленные люди. Они поведут теперь самые тяжелые и ответственные дела! А дел много. Власть Советам! Рабочий контроль над производством! Распределение продуктов, прекращение войны! Демократический мир! Конфискация помещичьих земель! Национализация!

Борьба не закончена. Рабочий класс должен выполнить свою историческую задачу — свергнуть капиталистов-эксплуа-

таторов, освободить человечество и водворить на земле социалистический строй.

В начале апреля для организации и проведения областной конференции приехал в Екатеринбург Яков Михайлович Свердлов. Малышев учился у Свердлова беспощадности к врагам, умению вести за собой народ.

Вот выскочил на трибуну тагильский меньшевик Козлов, закричал: «Нам надо поддерживать Временное правительство постольку, поскольку оно выступило против старого режима!»

Яков Михайлович возразил спокойно:

— Никаких «постольку, поскольку!» Разве Временное правительство разрешит задачи, которые стоят перед русской революцией? Не можем мы верить Временному правительству! Революция пойдет вперед, и задача наша — отдать власть пролетариату и крестьянству! Мы не зовем к свержению правительства, но поддерживать его не можем! — голос у Свердлова густой, сильный.

Стены задрожали от рукоплесканий.

После конференции большевики — Завьялова, Вайнер, Быков, Парамонов, Юровский — проводили по три-четыре митинга и собрания в сутки, стараясь до каждого рабочего донести решения областной конференции, а затем Апрельской — Всероссийской, писали статьи в газеты. Малышев, кроме того, направлял работу профсоюзов, создавал их, учил народ солидарности. Ему помогали рабочие Устинов, Антропов, Большаков. В союзе деревообделочников работала секретарем юная Таня Наумова, в союзе металлистов — Анна Николаевна Бычкова. Бычкова была сослана в Сибирь на вечное поселение, бежала, жила в эмиграции в Нью-Йорке, вернулась на Урал в мае 1917 года. Живая, веселая, она была в союзе и пропагандистом, и бухгалтером, и делопроизводителем, держала связь с предприятиями.

Партия жила. Партия готовилась к VI съезду.

В конце июля Малышев с другими делегатами съезда выехал в Петербург.

Свердлов, встретив уральцев, рассказал, что Ильича на съезде не будет: он вынужден уйти в подполье. Появляться ему в Питере нельзя, за ним охотятся, клевещут на него, угрожают судом. ЦК приказал Владимиру Ильичу скрываться.

Съезд открылся на Выборгской стороне в двухэтажном

длинном здании с частыми окнами. У дома патрулировали вооруженные рабочие. На первых же заседаниях выявилось, что незначительная группа делегатов съезда спорит по каждому вопросу. Ну, как могут эти люди требовать, чтобы Ленин отдал себя в руки власти?! Разве можно доверять Временному правительству?! Они хотят обезглавить организацию!

Малышев все замечал, все впитывал в себя. Он волновался за каждого оратора: что-то скажет? Почти с ненавистью следил за теми, кто брал под сомнение тезисы ЦК, сеял смуту.

В итоге то, что изложил Владимир Ильич в Апрельских тезисах и что приняла и утвердила конференция, съезд закрепил: власть должна перейти в руки рабочего класса через вооруженное восстание. Большевики понимали: социалистическая революция назрела, мирное ее развитие стало невозможно.

Хотелось немедленно ехать домой и действовать.

С настроением — взять власть силой — шли в Екатеринбурге партийные собрания. Большевики приняли решения съезда как директиву. Эсеры с крыльца и в коридоре горкома ловили рабочих, уговаривали вступать в их партию.

Малышев смеялся: — Пусть всех слабаков себе вербуют! А нам надо людей покрепче.

Сам он вербовал людей в партию по-другому. Как-то по Покровскому проспекту беспорядочной толпой шли солдаты и матросы, уехавшие с фронта и не понявшие того, что в стране происходит. Царская армия распадалась. Эти следовали в Сибирь; в Екатеринбурге их остановил голод. Измученные, уставшие, они, горланя, по пути разбивали витрины, окна, снимали и топтали вывески с двуглавым орлом. Вид их был устрашающ. Люди, цепляясь за стены, бежали прочь, прячась за углы, в подворотни; плакали дети. Кое-кто из солдат размахивал финками; глаза их налились мутью.

Доверчиво улыбаясь, Иван Михайлович направился навстречу ватаге. Пиджак расстегнут, кепка сдвинута на затылок. Из-под нее падала на лоб волна светлых волос. Он дружелюбно спросил:

— Братцы, что это вы? — Солдаты смущенно стихли. Малышев пригласил их в горком:

— Идите к нам, разберемся!

Через несколько часов от Малышева они уходили друзьями, обещали держать связь, включиться в борьбу.

Все верили в то, что делали. Работали весело.

Но все труднее и сложнее становилось работать: хозяйчики чувствовали поддержку правительства и сопротивлялись требованиям рабочих. Так, управляющий Верх-Исетского завода отказался повысить заработную плату, пригрозил закрыть завод. Комиссия рабочего контроля сорвала план управляющего.

Начался мятеж Корнилова. Его цель — подавить революцию, свергнуть Временное правительство, объявить Корнилова военным диктатором, продолжать войну.

И снова — митинги, митинги.

Надвигались выборы Верх-Исетского волостного земства.

Эсеры на выборах захватили трибуну.

— Что такое волостное земство, которое мы сегодня выбираем? — спрашивали они один за другим.— Это орган, исполняющий решения нашего народного правительства! Нам нужно, чтобы на нас надеялись.

Малышев крикнул:

— Долой с трибуны! — и рванулся вперед: нужно оборвать глумление этих людей над рабочим доверием!

Кто-то на ходу сунул ему текст присяги, выработанный Временным правительством. Он прочитал и задохнулся от возмущения.

— Правительству, которое изменило революции, не присягать, а объявлять войну надо! Им война карманы набивает! Пытаются страну заглушить голодом! — негодование и скорбь душили его.— И предлагают принять присягу Временному правительству?! Да свергнуть его надо, а не присягать ему!

Раздались визгливые голоса:

— Лишить его слова!

Один за другим поднимались на трибуну его друзья — Рогозинников, Похалуев, кричали в ответ:

— Заткните глотку, саботажники! Вон с собрания!

Эсеры бежали, но скоро вернулись, трусливо пряча глаза.

— Мы согласны участвовать в выборах...

...Ветры поднимали снег. Мятежное небо, казалось, кружилось, бежали свинцовые облака. И люди тоже бежали, бежали в одном направлении, к горкому.

Малышев на крыльце, взволнованный решительной минутой, размахивал газетой:

— Временное правительство свергнуто! Пришла на смену ему новая, действительно революционная власть!

Крики «ура» носились по городу. Люди обнимались, пели. Город трепетал красными флагами. Здания правительственных учреждений заняли рабочие дружины.

Малышев был собран и стремителен. Как на члена Уралсовета, на него возложили комиссариат труда.

День комиссара заполнен до отказа.

— Конфисковать дрова для приютов... для заводов... Мобилизовать подводы. Администрацию, которая саботирует, гнать, назначать свою, рабочую. Да, да! Свою!

Отрываясь от телефона, от беготни по заводам, Иван писал листовки:

«Двадцать первого ноября — День Советов! Смотр нашим силам! Демонстрация тесного единения рабочих и крестьян!»

...Двадцать первого ноября обыватели города рано высыпали на улицы. Со всех окраин торжественно шли к народному театру колонны рабочих и солдат. Раздавались крики «ура!», пение «Марсельезы». Четко отпечатывая шаг, шли отряды красногвардейцев железной дороги, вагоноремонтного завода, злоказовских снарядных цехов. К верх-исетскому отряду присоединился отряд Красной гвардии спичечной фабрики.

Малышев размышлял с гордостью: «Разбуженная однажды сила уже не может бездействовать, она множится, крепнет, она становится грозной!».

...В декабре — новая напасть: атаман Дутов организовал контрреволюционный мятеж, захватил власть в Оренбурге. Задача атамана была всем ясна: овладеть Челябинским железнодорожным узлом, не пропускать эшелоны с хлебом из Сибири в центр и на западный фронт. Из Уфы, Екатеринбурга, Перми и других городов пошли на Дутова красные отряды, пока малочисленные, плохо организованные.

Заводчики по-прежнему задерживали зарплату рабочим. Ушедшим на дутовский фронт не желали платить совсем. Малышев метался от завода к заводу, создавал комиссии, которые накладывали арест на имущество хозяев для погашения задолженности. Фабзавкомы фактически переходили к управлению предприятиями.

Я. М. Свердлов на Первой областной конференции большевиков в Екатеринбурге, Апрель, 1917 г.

Художник В. Зинов

Дутова разбили. Но скоро недобитые его отряды, собрав силы, появились в районе Верхне-Уральска и Троицка, снова создавая угрозу Челябинску и Екатеринбургу.

Малышев потребовал в горкоме отпустить его комиссаром на фронт. Его старались задержать, доказывали, что он нужен в городе. Он твердил одно:

— Да поймите же, товарищи! Ну что скажут рабочие и их жены, если я каждый день агитирую на митингах вступать в рабочие дружины и пошлю их на фронт, а сам буду отсиживаться в тылу?!

Площадь перед вокзалом и перрон залиты народом: заводы провожали свои дружины.

Наташа просила Ивана не ездить: она была беременна и боялась остаться одна.

Дружинники, завидя Малышева в военной форме, закричали:

— Иван Михайлович с нами!

— Вон стоит Малышев, ребята!

Они видели в нем себя, славили в нем себя, свою храбрость и мужество, веря в него, верили в себя. Хлопали в ладоши, кричали: «Ура! Малышев с нами!»

Иван Михайлович, посмотрев на жену, сказал шепотом:

— Видишь, нельзя мне оставаться!

— Вижу,— сказала Наташа.— Всем ты нужен!

На каждой остановке (а они были часты) Малышев переходил из вагона в вагон, беседовал о дисциплине, о сохранении военной тайны. Где помогала ему сказка, где шутка, где песня, где просто он показывал, как их встретят в казачьих станицах и как они должны будут держаться. Около Троицка впереди раздались выстрелы. Поезд остановился. Малышев оттянул двери и выпрыгнул в снег.

Это дутовская конница обстреляла эшелон и скрылась.

В Троицке, напуганные силой дружинников, казаки сдавали оружие, патроны, выдавали своих главарей. Дутов осторожно уводил свою банду дальше, боясь столкновений. Однако короткие столкновения все-таки были: под станцией Бриены у Дутова отрезали и разбили хвост арьергарда и вновь преследовали его. Улицы станиц оглашались бабьим воем.

23 Заказ 17

Станицы следуют одна за другой. В каждой дружинники проводят митинги, выбирают в Совет своих людей.

Раз из переулков выскочили верховые дутовцы. Дружины Петра Ермакова открыли огонь. Их снаряды рвались в гуще белоказачьей конницы.

Дружинники быстро строили в снегу на улице окопы.

Стрельба также неожиданно утихла. Дутовцы скрылись, оставив на снегу убитых.

— Они нарочно выматывают наши силы. И время, и патроны у нас съедают.

Оставляя станицу, бойцы писали мелом на заборах, на воротах: «Родной Урал будет красным!»

Пулеметы везли на лыжах. У Черной речки их встретили частые выстрелы. Лошади кусались и по-человечески стонали, храпели и метались. Верх-исетские парни бежали вперед, увлекая на врагов остальных. Ветер хлестал, сваливал с ног, ослеплял. А они, пробираясь вперед, гнали дутовцев из-под каменного берега. Те бежали, бросая оружие.

Везли на лошадях, несли на шинелях, на носилках из винтовок раненых и убитых. Девушки ползали по снегу, тянули раненых волоком, перевязывали.

Пронесли раненого Ермакова. Его окружили визовские ребята. А может, то не они? Уж очень взрослы и серьезны они стали.

Все меньше поддерживало Дутова казачество. В станицы он заезжал ненадолго, чтобы сменить лошадей. И снова бежал, мешая следы. Боев не принимал.

Освободили Верхне-Уральск и преследовали Дутова в глубь степей. Малышев с дружинами вернулся в Екатеринбург.

Будучи на фронте, Малышев по-прежнему оставался председателем горкома партии и комиссаром труда, и сейчас сразу же приступил к своим обязанностям.

...Новая беда подстерегала большевиков: белочехи заняли Челябинск и с боями двигались на Курган, на Екатеринбург.

Советские гарнизоны были приведены в боевую готовность.

Малышев, направленный на Златоустовско-Челябинский фронт, встретил в отрядах товарищей по дутовскому походу.

Екатеринбургское и Златоустовское направления были друг от друга оторваны. Нужно было соединить эти два участка, иначе враги могли свободно перебрасывать свои силы с одного направления на другое.

С первой же встречи с белочехами стало понятно, что это враг тяжелый и злобный. Силы красных значительно меньшие. Нет достаточного вооружения, нет выучки. Несмотря на это, перед Златоустом на станции Уржумка чехов погнали к Миассу.

А сзади поднимали мятежи эсеры и кулаки. Вспыхнуло восстание на Бакальском руднике, на Саткинском заводе. Перерезана телеграфная линия со Златоустом и Уфой.

Взрыв страшной силы оглушил Малышева. Огнем вспыхнула земля. Лошадь под ним пала. Еле высвободив из-под нее ногу, Иван Михайлович поднялся, медленно, прихрамывая и опираясь на винтовку, направился вслед отряду.

Отряд шел и шел по сухой земле. Придорожные кусты, казалось, оторвались от земли и плыли, кружась, опоясывали отряд. От этого их кружения рябило в глазах. Плыли носилки с ранеными и убитыми. Кто ранен? Кто убит? Все было в тумане, непрочно и шатко. «Не упасть бы, не упасть...» Усилием воли Малышев опередил отряд.

Белобандиты заняли Кусинский завод, взорвали железнодорожный мост. Движение между Златоустом и Екатеринбургом прекратилось.

«Восстановить связь! Восстановить связь! Иначе противник окружит весь Златоустовский фронт».

Контузия и бессонница давали себя знать. В голове Ивана стоял утомительный звон. Но все-таки он хотел участвовать в освобождении арестованных советских работников в Кусе.

Разбили пузатый замок у сарая. Начали выводить людей. Идти самостоятельно никто не мог. Бойцы плакали от вида освобожденных. Измученные, избитые, в разорванной, окровавленной одежде, те шли из сарая, шатаясь, поддерживая друг друга.

Останавливаться отряду нельзя. Эсеры напали на железнодорожную будку. Восемнадцать красногвардейцев, засевшая там разведка, были убиты. Документов при них не оказалось. Лиц не видно. На теле вырезаны пятиконечные звезды.

Сидя на пне, гармонист заиграл похоронный марш...

Раненых и измученных белобандитами советских работников из селений присоединили к раненым бойцам, внесли в вагон, прицепив его к штабному вагону. Раненых набралось свыше ста человек. С ними медсестра и восемнадцать красноармейцев.

Вечером Иван Михайлович сопровождал раненых в штаб фронта, в Уржумку. В штабном вагоне с ним вместе был Савва Белых и молодой рабочий завода Злоказова Потушин. Вагон мерно покачивало. Парни подремывали. Малышев сидел над картой, когда в полночь вагон сильно тряхнуло. Поезд остановился около станции Тундуш. Раздались выстрелы. Накинув шинель, Малышев вышел в тамбур. Опережая его, выскочил Савва. И тут же упал, раскинув руки.

В окружившей вагон толпе блестели вилы, топоры. Из вагонов раненых неслись крики о помощи, стрельба, звон сабель: там уже шла расправа. Малышев выхватил наган, бросился туда, но толпа бандитов сомкнулась.

— Главарь попался!

— Вот этот и есть Малышев!

— У нас он Совет создавал, всех голодранцев пригрел.

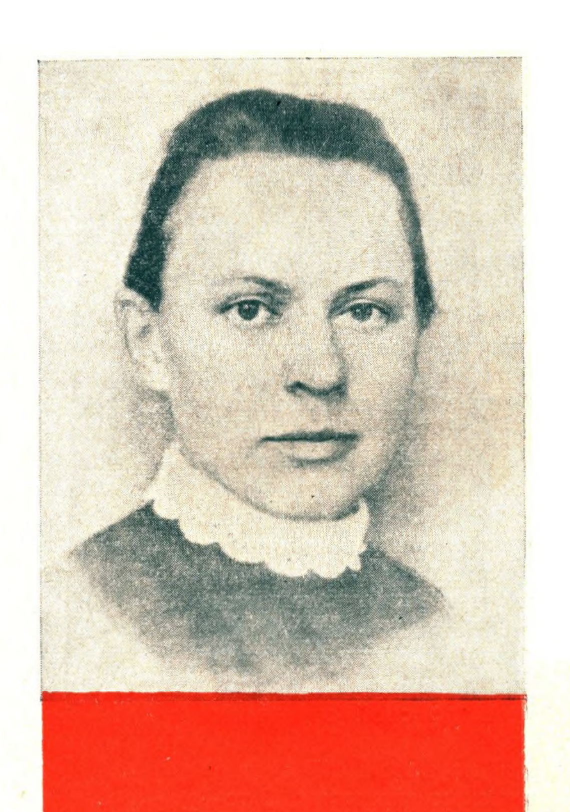
Несколько выстрелов не свалили Малышева. Взрыв гранаты обжег тело...

Это произошло в июне 1918 года. Ему было всего двадцать девять лет.

1918 год. Первому батальону Уральского областного комитета партии, состоящему только из большевиков, дали имя Ивана Малышева. В городе Кунгуре батальон был развернут в полк имени Малышева. Весь 1919 год этот полк в Сибири и на юге показывал чудеса храбрости, покрывал себя славой. Он вошел в 30-ю дивизию и получил номер 266...

О. МАРКОВА

КЛАВДИЯ ТИМОФЕЕВНА

День 22 марта 1876 года выдался совсем весенним: тепло и ярко светило солнце, капало с крыш, а кругом по улицам еще высились сугробы снега. Жители поселка при Верх-Исетском заводе, близ Екатеринбурга, радовались этому предвестию конца суровой уральской зимы.

В доме Новгородцевых на Нагорной улице № 31 была в этот день и своя радость: появилась на свет девочка. Но радость матери не могла заглушить чувство горечи и заботы: отец не дожил до рождения дочки — Клавдиньки. Не так давно она похоронила мужа. Ее дети — сироты. При муже жили на доходы от небольшой торговли, зажиточно, а теперь,

после его смерти, остались лишь незначительные средства под опекой. Сама она никогда не работала и чувствовала себя беспомощной. Как воспитывать детей? Выросшая в суровой раскольничьей семье, религиозная, она привыкла терпеливо переносить жизненные невзгоды и теперь уповала на помощь божью.

В такой обстановке старого уклада, полном суеверий, предрассудков, частнособственнических настроений, росла и Клавдия.

Много лет спустя в автобиографии Клавдия Тимофеевна писала: «Смерть отца повела к потере средств к существованию, прожили все, и шли к нищете, ибо никто в семье не был подготовлен к какой-либо работе. Наследство, которое я успела получить, заключалось в раскольнической строгости нравов (дисциплина), глубоко мещанском окружении».

Казалось, такая жизнь не способствовала воспитанию у Клавдии революционных настроений. Но были и другие обстоятельства и впечатления, оказавшие решающее влияние на девочку. Они связаны с жизнью рабочего поселка и самого завода, плавящего металл. Из окон отчего дома виднелись огромные закопченные заводские строения, день и ночь бухали молоты, раздавался неумолчный шум и лязг. Это как-то тревожило, возбуждало мысль. Окружающие рабочие семьи жили бедно, терпели нужду. Все это откладывало свой отпечаток на впечатлительную девочку.

Опекуны устроили Клавдию учиться на казенный счет в единственную тогда в Екатеринбурге женскую гимназию. В течение нескольких лет в суровую уральскую зиму и в дождливую осень ходила она учиться за несколько верст от дома в центр города. В гимназии ее поразили противоречия между бедными и богатыми: с одной стороны, видела она беспечных, не знающих ни в чем отказа дочек купцов и богатых чиновников, а с другой — полную лишений жизнь девочек из малоимущих семей. Правда, таких в гимназии училось немного. Возмущала и разница в отношении преподавателей к одним и другим.

Светлым лучом в ее жизни были редкие приезды родственника-студента П. Е. Яргина. Он являлся как будто из другого мира: мятежный, веселый, нарушавший все правила их уклада, подвергавший осмеянию, к ужасу семейных, их верования и

предрассудки. Он рассказывал о какой-то иной свободной жизни. От него Клавдия узнала и о многих интересных книгах. В старших классах гимназии она уже с жадностью читала произведения Белинского, Чернышевского и особенно любила Добролюбова и стихи Некрасова.

Чуть ли не с 5-го класса Клавдия начала давать уроки, чтобы помочь бедствовавшей семье. Постепенно приобрела репутацию очень хорошего репетитора, и ей даже предлагали остаться при гимназии. Но Клавдия думала о другом.

Пытливая девушка, захваченная идеями революционных демократов, стремилась вырваться из мещанской обстановки к самостоятельной жизни, думала о просветительской работе в народе. Окончив в 1895 году гимназию, Клавдия едет учительницей в двухклассную школу Сысертского завода[1].

В течение трех лет Клавдия Тимофеевна в гуще рабочей жизни. Сысертцы — народ боевой, непокорный. Там часто происходили горячие схватки с заводчиками. Но не было еще руководства этой борьбой и шла она стихийно.

Клавдия Тимофеевна, очень юная, одинокая в своих стремлениях, не была тогда еще связана с рабочим движением, она вела просветительскую работу. С учениками-подростками читала Некрасова, Добролюбова, организовала при школе библиотеку. Приучала заводскую молодежь к самостоятельному чтению книг. Не случайно именно группа ее учеников: А. И. Старков, Н. И. Уфимцев, Л. Гребнев и др.— стали в 1905 году первыми организаторами большевистского подполья в Сысертском заводе.

Однако Клавдию все меньше удовлетворяла ее деятельность. Она едет в Петербург на курсы Лесгафта, считавшиеся тогда наиболее прогрессивными, где при приеме не требовали свидетельства о политической благонадежности.

В Питере она попадает в кипучую студенческую среду, входит в марксистский кружок, усердно учится на курсах. Она жадно впитывает лучшие духовные богатства в области искусства, литературы.

Вот что писала Клавдия Тимофеевна в своей автобиографии: «Мещанское окружение дома и слабость рабочего дви-

---

[1] До революции существовали школы с 5-летним обучением, называемые двухклассными.

жения на Урале в 90-х и начале 900-х годов заставили меня дольше, чем надо, путаться в бездейственных кружках либеральной молодежи, мечтать о революции со сложенными руками. Решительный толчок для выбора дороги мне дал 1-й том «Капитала» Маркса, хотя я многое в нем не понимала, и манифест РСДРП, выпущенный первым съездом».

Болезнь матери помешала закончить курсы.

Тихим и маленьким показался Клавдии Екатеринбург после Питера и как будто еще более почернели и нахохлились рабочие хибарки Верх-Исетска. В них текла все та же тяжелая и беспросветная жизнь трудового народа. Разразившийся на Урале промышленный кризис еще более усилил произвол заводской администрации, ухудшил быт рабочих.

Первые же встречи с простыми людьми показали, что и на далекий Урал проникают революционные идеи. «Политики будоражат народ, несколько раз находили на заводе листовки с призывом свергнуть царя»,— рассказывали Клавдии.

Более существенные сведения получила она от студента-марксиста Николая Алексеевича Чердынцева, высланного в Екатеринбург. Правда, кое-что ей было известно и раньше. В 1897 году в Сысерть во время забастовки приезжал Федор Федорович Сыромолотов. Слыхала она и о марксистской группе в Екатеринбурге, о приехавшей из центра опытном работнике Берцинской. В Питере узнала она о провале подпольной типографии, об арестах членов кружка.

Клавдия Тимофеевна часто встречалась с Чердынцевым. Николай Алексеевич рассказывал ей, что на Урале немало социал-демократов, но они разрозненны и не все владеют марксизмом, что в 1901 году был создан «Союз социал-демократов и социалистов-революционеров», где мирное сожительство нашли экономисты и приверженцы индивидуального террора. Более принципиальные и зрелые социал-демократы: Ф. Ф. Сыромолотов, братья Сергей и Александр Черепановы — не вошли в эту организацию и ведут разъяснительную работу, доказывая ее никчемность и вред для рабочего движения. Многие в настоящее время стали выходить из Союза. Огромную роль в его идейном разгроме играет ленинская «Искра», которая доходит нелегальными путями и до Урала.

Клавдии Тимофеевне не было нужды говорить о значении «Искры» — она к тому времени уже была убежденной искровкой. В своих воспоминаниях, хранящихся в Свердловском областном партийном архиве, она пишет: «Со 2-й половины 1903 года приняла участие в работе СД организации». Однако время своего вступления в партию она указывает в анкетах так: с января 1904 года.

В Екатеринбурге Клавдия Тимофеевна нашла себе дело по душе: она стала заведывать единственным в городе книжным магазином Клушина (позднее Куренщикова). Эта работа давала ей возможность общаться с людьми, с учащейся молодежью, быть пропагандистом наиболее полезных и нужных книг. Магазин стал своего рода культурным центром города, и, что важнее, Клавдия Тимофеевна в полной мере использовала его для партийных нужд. В книжном магазине была явка, он стал местом хранения литературы и пристанищем для приезжавших нелегальных товарищей, профессиональных революционеров, стал адресом для писем и посылок. В своих воспоминаниях Клавдия Тимофеевна пишет: «У меня хранился архив, все адреса. Я переписывалась с организациями, фактически выполняла роль секретаря».

Мне приходилось в те времена бывать в этом магазине, здесь произошли мои первые встречи с Клавдией Тимофеевной, первые беседы о книгах. В те годы издательства «Донская речь» и «Молот» стали выпускать небольшие дешевые книжечки разнообразного содержания и весьма радикального направления. Не забыть, как с одной из таких книг («Радищев») я попалась начальнице гимназии, и она отобрала ее у меня, а на мои возражения, что я книгу свободно купила в магазине, заявила, что она весьма тенденциозна.

В начале 1905 года Клавдия Тимофеевна пришла в наш нелегальный ученический кружок как пропагандист от екатеринбургской социал-демократической организации, чтобы познакомить нас с программой партии. Мы стремились тогда найти высший идеал, пути борьбы с царящей несправедливостью, нищетой одних и богатством других. В головах было много путаницы и немалая доля народнических наслоений. Много недоуменных вопросов задавали мы Клавдии Тимофеевне. И сейчас вспоминается ее спокойное, немного суровое лицо, с внимательными, умными карими глазами и медленная, нето-

ропливая речь. Она терпеливо отвечала на наши непродуманные возражения, разъясняла ошибочность и утопичность эсеровских взглядов, вздорность их ставки на индивидуальный террор, непонимание ими природы крестьянства.

— Вы не должны,— говорила Клавдия Тимофеевна,— поддаваться на революционную фразеологию эсеров и руководствоваться только настроениями и желаниями, надо глубоко изучать законы общественной жизни...

Беседы с Клавдией Тимофеевной заставляли нас многое переосмыслить, помогли понять марксистское учение о классовой борьбе.

Опытный пропагандист К. Т. Новгородцева вела также кружки среди швейниц, на макаровской фабрике и на заводе Ятеса, где было довольно сильное влияние эсеров. Многие на Урале и поныне с благодарностью и уважением вспоминают ее, как свою партийную наставницу. Но Новгородцева была не только пропагандистом. Будучи членом Екатеринбургского комитета РСДРП, она держала связь с подпольными типографиями. В 1904 и 1905 годах десятки тысяч листовок и брошюр распространялись в Екатеринбурге и на близлежащих заводах. Подпольные типографии играли огромную роль. Недаром их особо тщательно разыскивала полиция, и суровая кара ждала товарищей в случае провала. Это поистине были подвижники. Старая подпольщица Александра Петровна Кин в своих воспоминаниях рассказывает о работе в екатеринбургских типографиях в 1905 году: «За период с мая по август сменили три квартиры. С комитетом держали связь через Клавдию Тимофеевну. Всегда с нетерпением ждали ее прихода и беспокоились, когда она задерживалась. Раздавался знакомый стук в окно, пришла Клавдия! Она входила, и начиналась оживленная беседа, узнавали события жизни, просто, по-дружески беседовали со своим близким человеком, без всякой настороженности».

Клавдии Тимофеевне казалось, что она очень надежно устроила типографию за городом, у своей тетки. И, действительно, типография несколько месяцев замечательно работала. Полиция с ног сбилась, разыскивая ее следы. Казалось, оснований для тревог нет, как вдруг в одну августовскую ночь уже под утро в типографию ворвалась свора полицейских и жандармов. Улики были налицо: типография и ее «свежая продук-

ция» — брошюра Либкнехта «Пауки и мухи» и другие печатные материалы. Тут же арестовали Кин и хозяйку дома Мыльникову. Жандармы послали начальству ликующие донесения о захвате типографии. Оказывается, выдал ее какой-то добровольный доносчик и получил за это... 25 рублей.

Арестована была и Клавдия Тимофеевна. Сотрудник охранки повез ее в тюрьму. Там произошел такой эпизод: когда в конторе стали заполнять анкеты и понадобилось указать приметы задержанной, канцелярист попросил Клавдию Тимофеевну снять платок, на что жандарм издевательски заявил:

— Может и не снимать! Нам все ее приметы наизусть известны.

...Потянулись унылые дни. Тюремный досуг давал возможность для размышлений: вот и первый арест! Что же, это неизбежно на выбранном ею пути!

Больше всего угнетал провал типографии — значит, что-то они недосмотрели... Захотелось оглянуться на пройденное: Клавдия Тимофеевна могла быть довольна. Да, несмотря на огромные трудности, работа значительно улучшилась, укрепились связи с заводами. Майская демонстрация, многолюдные массовки в лесу! Нет, год прожит не зря!

На Верх-Исетском заводе действуют отец и сын Мокеевы, братья Ермаковы (Николай и Степан), Камаганцев (Кузьма), на макаровской фабрике — Катя Денисова; на заводе Ятеса — Ваганов. Из других городов приехала уже стреляная молодежь: Марк (Минкин), Павел Кин, Абрам Липкин, Миша Герцман. В соседней камере сидят замечательные молодые большевички — Оскаровна и Александра Петровна Кин.

Не раз уже организация была ослаблена из-за арестов, но всегда поднимались новые силы, да и ЦК не забывал Урала, посылал в помощь своих работников. С особенной теплотой вспоминала Клавдия Тимофеевна прибывших в конце 1904 года Николая Николаевича Батурина и Мишу Заводского (Н. Е. Вилонова). Сейчас и они за решеткой в свирепой «николаевке» [1]. Она тяжело переживала, что не удалось выполнить поручение комитета — организовать их побег из екатеринбургской тюрьмы. Когда почти все было готово, Батурина и Вилонова перевели в другую тюрьму.

---

[1] Николаевская тюрьма близ Нижней Туры.

Клавдия Тимофеевна понимала, что долго не может держаться такой строй, который душит и губит все прекрасное, прогрессивное. И у нее крепнет воля к борьбе. С болью думает она, что ей придется уехать с Урала. Слишком уж она стала известна полицейским ищейкам, и невольно вспомнились слова охранника в тюремной конторе, когда речь зашла о ее приметах.

Между тем здоровье Клавдии Тимофеевны ухудшилось, и это дало повод хлопотать о выпуске ее на поруки [1] до окончания следствия. В сентябре она была освобождена.

Еще в тюремной камере до нее доходили слухи о товарище Андрее, присланном ЦК партии для работы на Урале. Все были от него в восторге. Клавдия Тимофеевна твердо решила уехать из Екатеринбурга и поэтому была крайне удивлена, когда ей передали, что товарищ Андрей хочет поговорить с ней.

Вот как она описывает эту встречу:

«Много лет прошло с тех пор, забылись детали свидания, стерлись из памяти отдельные мелочи, отдельные штрихи, но разве забудешь то огромное, неизгладимое впечатление, которое с первой же встречи произвел на меня, как производил на всех, Яков Михайлович Свердлов.

— Что же,— начал Андрей,— собираетесь удирать с Урала.

— Удирать я не собираюсь.

Спокойно и обстоятельно изложила я ему все мои доводы, неопровержимо, как мне казалось, доказывавшие необходимость отъезда из Екатеринбурга. Андрей умел внимательно слушать.

— Начнем с того,— заговорил он,— что партии сейчас особо нужны люди, знающие местные условия. Вы вели кружок на заводе Ятеса, знаете Верх-Исетский завод, знаете людей, специфику местной работы. И вас знают рабочие, знают в организации. Где же вы принесете больше пользы — здесь или на новом месте? Ответ ясен. Интересы партии требуют, чтобы вы сейчас работали в Екатеринбурге. Опасность провала? Угроза слежки? Невозможность посещать конспиративные квартиры, рабочие собрания, встречаться с людьми? Справедливо,

[1] В те годы существовал порядок — иногда до суда выпускали под денежный залог.

но справедливо для вчерашнего дня. Сегодня обстановка иная, завтра она изменится еще больше. Поднимается мощная революционная волна. Движение растет и ширится по всей стране и по Уралу и в Екатеринбурге. Буквально ежедневно в него вливаются все новые массы. Шпикам за всеми не углядеть, да они для того и существуют, чтобы их водили за нос.

И так от всех моих, казалось, неопровержимых доводов за отъезд не осталось и камня на камне» [1].

И она не уехала.

И вот открываются, может быть, самые радостные страницы в жизни Клавдии Тимофеевны Новгородцевой. Партийная работа стала захватывающе интересной. Андрей оказался прав: раскаты первой русской революции поднимали все новые пласты уральских рабочих и крестьян. Товарищ Андрей сумел сплотить актив екатеринбургских большевиков, сумел объединить разрозненные заводские партийные организации в единую областную, способную повести рабочих на решающий бой с самодержавием.

Работать с Андреем было легко, он был опытным руководителем и прекрасным товарищем. В состав городского комитета вошли С. Черепанов, Ф. Ф. Сыромолотов, Н. Н. Батурин, К. Т. Новгородцева, М. О. Авейде, И. Бушен, Н. Е. Вилонов, а вокруг комитета сплачивались пропагандисты, агитаторы, организаторы. Была создана техническая группа, организованную еще летом боевую дружину из рабочей и учащейся молодежи укрепили, вооружили чем только было возможно. Регулярно проходили митинги-летучки у ворот заводов, собрания в цехах...

В начале октября 1905 года грянула Всероссийская политическая забастовка. Уральские железнодорожники и рабочие предприятий сразу же присоединились к ней. Закачались вековые устои самодержавия, ожил рабочий люд...

Каждый день приносил новые события. 17 октября вышел царский манифест «О даровании свобод народу». Это ошеломило блюстителей старого порядка, вызвало ликование легковерных либералов. Но большевики понимали, что манифест

[1] К. Т. Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. М., Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1960, стр. 7.

только вынужденная уступка — уловка царизма, что борьба должна продолжаться, и вырванные свободы слова, печати и собраний надо в полной мере использовать в этой борьбе.

Надолго запомнились Клавдии Тимофеевне эти дни. Ночью 18 октября в помещении «Общества горных техников» (бывшая Тарасовская набережная) печатали воззвание, в котором разоблачалась истинная сущность манифеста и рабочие призывались к усилению борьбы с царским самодержавием. А утром на Кафедральной площади (теперь — площадь 1905 года), где собралось множество людей, попы служили торжественный молебен по случаю «дарованных свобод». И тут же на многолюдной площади выступали большевики, призывали народ к всеобщему вооружению, к свержению царствующей династии.

Вдруг неожиданно раздался громкий голос Кати Денисовой:

— Мы празднуем, а товарищи, которые добивались этого, сидят в тюрьме. Мы должны пойти и требовать их освобождения!

Толпа дрогнула, зашумела и двинулась к тюрьме. Клавдия Тимофеевна была одной из выбранных делегатов, которым поручили вести переговоры с тюремной администрацией. Явился прокурор и заявил, что ждет назавтра ответ губернатора. Делегаты обошли камеры. Клавдия Тимофеевна — в женской тюрьме, откуда так недавно вышла сама. Она рассказала товарищам о радостных событиях, о нарастающей революционной волне.

Назавтра — 19 октября — снова народ у тюрьмы, встречают выпущенных на свободу политических заключенных.

Клавдия Тимофеевна настаивает у прокурора на освобождении из николаевской тюрьмы Вилонова, Батурина и других товарищей, требует, чтобы он принял меры против полупьяных погромщиков, которые стекались к Кафедральной площади, где собирался митинг. Прокурор отделался отговоркой. А, чувствуя себя безнаказанными, оголтелые черносотенцы, вооруженные дубинками, а кое-кто и револьверами, разогнали митинг, изувечив много людей.

В тот же день собрался комитет. Клавдию поразила выдержка и бодрость Андрея в то время, как часть товарищей была подавлена происшедшим.

— Революция на подъеме,— говорил Свердлов,— и разгром одного митинга ничего не может изменить. Надо учесть уроки и не допускать того, что случилось из-за плохой организации.

Заседание комитета прошло спокойно, по-деловому.

Небывалые дни переживал тихий Екатеринбург. Почти ежедневно проходили многолюдные митинги. Большевики овладели двумя самыми большими помещениями в городе — театрами (теперь кино «Октябрь» и бывший на В.-Исетской площади Народный дом).

Впервые рабочие открыто слышали правдивые ленинские слова об исторической роли пролетариата, его задачах, слышали страстные призывы к свержению самодержавия, к вооруженному восстанию. Особой популярностью среди рабочих пользовался Яков Михайлович Свердлов — товарищ Андрей, который стал любимым оратором народа.

В эти бурные дни Клавдия Тимофеевна работала пропагандистом. Она распространяла литературу, собирала средства, выступала на митингах. Из женской учащейся молодежи и работниц создала кружок красных сестер.

Для подготовки пропагандистов из рабочих была создана марксистская школа. Комната с деревянными скамьями, с керосиновой лампой, где читали лекции Батурин, Свердлов и другие, кажется сейчас маленькой и убогой. Но здесь собиралось до 50 рабочих. Комната эта восстановлена в своем подлинном виде в мемориальном музее Я. М. Свердлова.

В Верх-Исетском заводе еще сохранился дом (Кировская, 31). На нем — мемориальная доска: «Здесь в октябре 1905 года находилась штаб-квартира Екатеринбургского комитета РСДРП». Это тот самый дом, где родилась и выросла Клавдия Тимофеевна. В «дни свобод» здесь жили многие члены комитета, в большинстве — профессиональные революционеры, не имеющие постоянного места жительства: Авейде, Батурин, Вилонов, Свердлов.

Вот как описывает Клавдия Тимофеевна жизнь в этом доме: «Теперь не надо было бегать по городу друг за другом, все регулярно собирались, сообща обсуждали наиболее важные вопросы, принимали нужные решения. Каждый день подво-

дили итоги проделанной работы и намечали план на завтра. С утра сюда приходили пропагандисты, агитаторы, боевики, рабочие — все, у кого было дело к комитету. По вечерам квартира пустела. Все расходились по рабочим собраниям, митингам. А по ночам многие и в первую очередь Яков Михайлович садились за книги. К сожалению, наша коммуна просуществовала всего около двух месяцев, после чего нам вновь пришлось перейти на нелегальное положение и скрываться в разных местах» [1].

Изменилась и личная жизнь Клавдии Тимофеевны. Она озарилась счастьем горячей взаимной любви. С первой встречи у нее с Андреем возникли дружеские отношения, углублявшиеся с каждым днем совместной работы, росла привязанность друг к другу. Клавдия Новгородцева стала женой Свердлова. Жизнь счастливо объединила две богатые индивидуальности — суровую уральскую большевичку, просветительницу масс, и пламенного вожака рабочих, крупнейшего политического деятеля. Никакие невзгоды, ни тюрьмы и ссылки не могли разрушить их любовь и дружбу, заставить отказаться от борьбы за счастье народа.

Яков Михайлович Свердлов впоследствии в одном из своих писем к Д. Ф. Петровской писал: «Много горя пришлось хлебнуть жинке. Ведь мы с ней не можем измениться. А при этих условиях, в которых нам приходилось жить, масса страданий неизбежна».

Царское правительство подавило первую русскую революцию. «Дни свобод» сменились тяжелейшей реакцией и жестокими преследованиями большевиков. Пришлось быстро переходить к прежней системе подпольной работы и перегруппировывать кадры, чтобы их сохранить. Большевики Урала под руководством Я. М. Свердлова организованно перешли на нелегальное положение.

Екатеринбургской охранке не удалось захватить «главарей» организации. Жандармы, полиция, казаки совершали налет на дом в Верх-Исетском заводе по всем правилам военной тактики. Явились поздно ночью, думали — никто не уйдет. Одна-

---

[1] Я. М. Свердлов. М., Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1960, стр. 35—37.

ко, когда воинственная орда ворвалась в дом, он оказался пустым.

...В середине января 1906 года Клавдия Тимофеевна сошла с поезда в Перми и попросила извозчика отвезти ее в городскую гостиницу. Она приехала по чужому паспорту с партийным именем «Ольга». Ей нужно было подготовить приезд сюда Андрея.

Центр партийной работы для Урала переносился по общему решению в Пермь. Здесь Клавдию Тимофеевну не знали, и все же она должна была действовать предельно осторожно. После Мотовилихинского восстания полиция сделала все возможное, чтобы разгромить организацию, и мало кто уцелел, были провалены явки и конспиративные квартиры. Но Ольга была уже опытной подпольщицей, и вскоре нашла нужные связи.

Ольге и Михалычу (так называли в Перми Свердлова) вместе с уцелевшими большевиками Мотовилихи и приехавшими из других городов товарищами удалось быстро восстановить организацию.

Теперь к Перми, как ранее к Екатеринбургу, тянулись связи со всех городов и заводов Урала. Объединение всех партийных организаций в единую областную было завершено. В середине февраля 1906 года в Екатеринбурге состоялась Уральская областная конференция, в которой участвовало 25 представителей большевистских организаций. Руководил ею Я. М. Свердлов.

Конференция наметила общие задачи работы и выбрала областной комитет.

Началась подготовка к IV съезду партии. Много сил отнимала борьба с меньшевиками. В разгар революции зачастую они действовали вместе с большевиками, но как только началась реакция, бросились вспять, запели похоронную песнь с плехановскими припевами: «Не надо было браться за оружие». Это дезорганизовало рабочих и требовало решительного отпора и непримиримой борьбы.

Пермский комитет, членом которого была Новгородцева, стоял на большевистских позициях. Клавдия Тимофеевна была ближайшим помощником Михалыча, а он в этот период много разъезжал по заводам и городам Урала как руководитель областного комитета партии.

24 Заказ 17

На IV съезд партии от Пермской организации делегатом была избрана Клавдия Тимофеевна. Какое это было для нее радостное, а вместе и ответственное дело!

— Держись Ильича! — говорил ей Яков Михайлович, отправляя в далекий путь.

В Питере на явке, оказавшейся в руках меньшевиков, Клавдии Тимофеевне пытались не дать мандата с решающим голосом. Она поняла, что это нечестная игра, и добилась из Перми подтверждения своих полномочий. На коротком пути от Гельсингфорса до Стокгольма у нее произошла радостная встреча с Н. К. Крупской, тоже ехавшей на съезд. С тех пор между этими двумя замечательными женщинами завязалась большая дружба, укрепившаяся впоследствии на общей работе по народному просвещению.

Наконец она на съезде! Работа его уже началась. Идут горячие схватки между революционными марксистами-ленинцами и отступниками от революции, оппортунистами-меньшевиками, возглавляемыми Плехановым и Мартовым. На съезде меньшевики оказались в большинстве.

Впервые на съезде Клавдия Тимофеевна встретилась с Лениным. Она видела его непримиримым и беспощадным к предателям революции, видела на совещаниях в непринужденной беседе с товарищами, дающим мудрые советы, разъясняющим сложные и запутанные вопросы, узнала и как душевного человека, внимательного и чуткого к своим единомышленникам.

Клавдия Тимофеевна, возвратившись в Пермь, в своих докладах о съезде подробно излагала проекты ленинских резолюций, отвергнутых меньшевиками. Ими, этими резолюциями, а не меньшевистскими, следует руководствоваться уральцам в своей работе, говорит она. Шипят меньшевики, но здесь на Урале нет у них поддержки, нет влияния среди рабочих.

«Держать курс на революцию!» — так решила большая партийная сходка, собравшаяся где-то за Камой.

Пермская охранка бесновалась. «Деятельность преступного сообщества, именующего себя ПК РСДРП, не только не прекратилась, но стала принимать все более широкие размеры. Им удалось в короткое время организовать довольно серьезную организацию». Так гласило донесение жандармского ротмистра по начальству.

Все средства пускают в ход царские сатрапы, чтобы выловить руководителей организации и прежде всего Михалыча. Крепко оберегают его товарищи. Не помогает охранке и объявленная за него награда — 5000 рублей. И все же нашелся гнусный предатель, провокатор. Втершись в доверие организации, выдал Свердлова и Новгородцеву. В июне 1906 года Михалыч и Ольга были арестованы прямо на улице при возвращении с партийного собрания.

Пермская тюрьма... Переполнены камеры: мужские и женские, приводят все новых и новых арестованных. Снова перерыв в работе, но организация будет восстановлена. Напрасно радуются жандармы!

С прогулочного двора женской тюрьмы видны окна мужского корпуса. Клавдии Тимофеевне так хотелось бы увидеть, хоть сквозь решетку, дорогое лицо.

Вскоре во время прогулки раздался зычный голос Андрея: «Клавдия, как себя чувствуешь?» Ответить не успела, но все равно в душе поднялась буря радости... Так случалось не раз. Наладилась переписка. Переписка! На первом плане вопросы главного в их жизни — партийной работы.

В архивах сохранились два письма Клавдии Тимофеевны к мужу. Первое адресовано в 7-ю камеру, Михалычу. Писано, видимо, вскоре после ареста; сообщается намеками о попавших в руки полиции во время обысков материалах, затем приветы от товарищей и под конец: «По поручению камеры просим тебя написать доклад по истории организации партии... Просим отнестись к этому делу серьезно».

Тюрьма — вынужденный перерыв в работе, и в меру возможностей его надо использовать для пополнения своего образования, что на воле не всегда удается. Это Клавдия Тимофеевна внушала молодым товарищам по камере.

Второе из сохранившихся писем написано уже из екатеринбургской тюрьмы в николаевскую, куда был переправлен Яков Михайлович. «У меня богатый калейдоскоп новых впечатлений,— пишет Клавдия Тимофеевна, видимо, вскоре после этапа из пермской тюрьмы.— Поражает меня, какая юная публика сидит в тюрьмах, как быстро растет молодежь в революционное время». Дальше пишет о чувстве радостного

ожидания встреч с товарищами, хотя и на скамье подсудимых, о той комедии суда, которая их ожидает: «Дряхлые телом и духом старцы будут судить нас как крамольников, нас, членов партии могучего рабочего класса».

Именно в это время, осенью 1907 года, в екатеринбургской тюрьме я снова встретилась с Клавдией Тимофеевной. Она отбывала год крепости, а я сидела в ожидании суда. Тюремные условия были нелегки: в камерах находилось по шесть, а иногда и по восемь человек, спали вповалку на нарах, на соломенных матрацах. Происходили частые конфликты с тюремщиками. Однако тюрьма для нас, новичков, была школой революционной закалки. И это благодаря нашим старшим товарищам, среди которых первое место занимала «твердокаменная Клавдия».

Клавдия Тимофеевна была для нас образцом стойкости и мужества. Необычайно скромная, отзывчивая, она никогда не проявляла своего превосходства. К ней мы обращались за советом, как держать себя на допросах, у нее искали помощи при чтениях трудных книг. Она помогала строго блюсти установленную совместную тюремную «конституцию». Бывало, одним своим взглядом или коротким насмешливым замечанием успокаивала потерявших равновесие. Она нам читала письма Якова Михайловича, отбывавшего свои два года крепости также в екатеринбургской тюрьме. В них он информировал о событиях в партийной жизни, о появившихся новых книгах, давал оценку возникшим тогда партийным разногласиям. Все это помогало нам разбираться в обстановке. Сама Клавдия Тимофеевна тоже много занималась. В положенное для отдыха время мы развлекались, коротая время в веселых беседах, в смешных рассказах.

Осенью 1908 года по окончании срока крепости мы радостно провожали Клавдию Тимофеевну на волю.

Ее жизнь была связана с жизнью и деятельностью Якова Михайловича Свердлова, их отношения — образец того, как взаимная любовь и дружба укрепляются совместной борьбой за великие идеи.

В своей книге «Я. М. Свердлов» Клавдия Тимофеевна писала: «Нам очень мало доводилось бывать вместе. Свердлова

сажали в одну тюрьму, меня в другую, его высылали в одно место, а меня в другое. Периоды совместного пребывания на свободе были короткими, редко исчислялись месяцами, чаще неделями и даже днями. Но и эти недели и дни нужны были Якову Михайловичу для напряженной партийной работы. Для личной жизни времени не оставалось... И, однако, отношения наши были для нас всегда неиссякаемым источником радости, источником бодрости и силы».

А вот выдержка из письма Якова Михайловича к жене: «Наш общий рост за время и под влиянием совместной жизни несомненен». Вот отрывок из другого письма: «Наши взаимоотношения дают мне в большей степени тот колорит бодрости, жизнерадостности. Когда мы с тобой встретились, я был достаточно примитивен, ты сумела возбудить во мне целую гамму сложных переживаний, способствовала моему довоспитанию»[1]. Анализируя их жизнь, Яков Михайлович писал: «Радость — день, печаль, тоска — месяцы; но не днями, не временем, а интенсивностью переживаний надо измерять свою жизнь».

По выходе из тюрьмы Клавдия Тимофеевна едет в Петербург. Через Н. Н. Батурина связывается с партийной организацией, а для заработка поступает на работу в книжный склад. Ждет Якова Михайловича. Через год он приехал, но всего на несколько дней. Его направили в Москву для укрепления партийной организации, а через три месяца он снова оказался за решеткой.

В Москве Клавдия Тимофеевна в течение нескольких дней простаивала на лютом морозе и ветре во дворе полицейской части, где содержался Яков Михайлович. Но зря: свидания не давали, не признавая ее за жену (брак не был «освящен» церковью). Наконец Андрей заметил ее и крикнул через окно, чтобы она не беспокоилась, он ждет ссылки.

Вскоре Свердлова сослали в Нарымский край. Это было в марте 1910 года.

Они скоро встретились: Андрей удачно бежал из Нарымской ссылки. Поселились в Питере. Начинался новый подъем

---

[1] Я. М. Свердлов. Избранные произведения. Т. 1. М., Госполитиздат, 1957, стр. 200, 234.

рабочего движения. ЦК решил издавать легальную рабочую газету «Звезда». Усилилась партийная работа на заводах.

Яков Михайлович с головой ушел в кипучую партийную жизнь. Клавдия Тимофеевна днем работала на книжном складе, а по вечерам отправлялась на явки. Ходить приходилось на рабочие окраины Питера. Кроме того, она помогала Якову Михайловичу в переписке с Лениным, шифровала его письма.

Счастье совместной жизни и работы длилось несколько месяцев. Как ни был осмотрителен Яков Михайлович, как его ни оберегали, но 14 ноября 1910 года его арестовали на улице, а вслед за ним арестовали и Клавдию Тимофеевну, хотя она была на последних месяцах беременности. Ее выслали на родину, в Екатеринбург. Весной 1911 года у нее родился сын Андрей.

Отец писал тогда из тюремной камеры:

«Пусть и вдали скажется сила моего чувства, пусть она согревает и ослабляет муки, передает силы переносить их».

Клавдии Тимофеевне вскоре удалось из Екатеринбурга перебраться в Москву. Было тревожно: Яков не пишет, идут слухи о неудачных побегах. Созрело решение ехать к нему с малышом, которому едва исполнилось полтора года. Дорога нелегкая. На месте ссылки Якова Михайловича не оказалось, его схватили при побеге, и он в томской тюрьме. Пришлось возвращаться обратно.

В Томске ей дали свидание с Яковом Михайловичем прямо в камере. Он не ждал ее, и когда лязгнул ключ, открылась тюремная дверь и перед ним предстала жена с сынишкой, которого видел впервые,— он остолбенел... Час пролетел, как минута. Свидание кончилось. Снова гремит ключ.

Жандармское начальство недаром было любезно: рассчитывало, что приезд семьи удержит неукротимого большевика, и быстро согласилось на отправку Свердлова с семьей на место ссылки под усиленный надзор.

...Небольшая глухая деревушка Костырева в 4—5 дворов. Здесь еще несколько ссыльных. Жили дружно, весело, собирались, спорили, шутили, иногда пели и... потихоньку готовили побег Якову Михайловичу. В стране разгоралась революционная борьба, начала выходить «Правда». Яков Михайлович рвался на волю. В начале декабря 1912 года он бежал и вско-

ре добрался до Петербурга. Некоторое время спустя туда же отправилась и Клавдия Тимофеевна с малышом.

Она тогда еще не предполагала, что за Яковом Михайловичем уже началась охота, что он в поле зрения охранки.

Г. И. Петровский, большевик, депутат Государственной думы, надеясь на неприкосновенность своего жилища (права депутата), настоял, чтобы Яков Михайлович перебрался к нему. Сюда и направилась Клавдия Тимофеевна по приезде в Петербург.

Андрей пришел с работы поздно вечером усталый, но как всегда бодрый, несказанно обрадованный приездом жены и сынишки. Однако в эту же ночь вломилась в квартиру полиция и, невзирая на протесты депутата, арестовала Свердлова, увезли в тюрьму и Клавдию Тимофеевну с ребенком.

— Опять тебе бедовать одной,— сказал жене на прощание Свердлов.

Через несколько месяцев он был сослан в далекий Туруханский край, а Клавдия Тимофеевна получила предписание выехать в Екатеринбург под особый надзор. Здесь у нее родилась дочь, Верочка. А через некоторое время ее с двумя малютками выслали в Тобольскую губернию.

Время идет, день за днем, месяц за месяцем... Весна 1915 года. Еще весь в снегу таежный поселок Фабричный близ Туринска, Тобольской губернии. Здесь, под особым надзором, уже третий год живет с двумя ребятишками Клавдия Тимофеевна Новгородцева. С трудом нашла работу в конторе лесного склада. Заработок мал. Вначале казалось — и поговорить по-настоящему будет не с кем. Немногие жители поселка обросли хозяйством и ничем, кроме личного благополучия, не интересовались. Потом стала встречаться с лесорубами и сплавщиками леса, беседовала на политические темы, собирала средства в фонд «Правды». Действовать надо было очень осторожно. И все же летом 1914 года к ней нагрянули из Тюмени с обыском. Забрали всю переписку, книги. Пришлось действовать еще осмотрительнее.

Скрашивалась жизнь перепиской с мужем. По-прежнему бодростью, уверенностью в лучшем будущем полны были его письма.

Через месяц заканчивался срок ее ссылки. Решила — она едет с ребятами в Туруханск к Якову Михайловичу. Он пишет: «Вместе всякое горе бодро перенесем. Чем больше думаю о приезде, тем сильнее жажду его».

Сборы недолги. В путь тронулись в мае 1915 года. Легко ли с двумя малолетками в переполненном вагоне. Сутки, другие, третьи... пересадки. И дорожные встречи, разговоры — все о войне, о бедствиях. Горе народное переливает через край. Навстречу шли воинские эшелоны, везут уже бородачей, а обгоняют санитарные поезда, переполненные ранеными.

Страна истерзана, страна ропщет. Кончается народное долготерпение. Вспоминается буря 1905 года. «Все, все они обсудят с Андреем, она расскажет об этих разговорах, надо все запомнить».

В Красноярске встретили товарищи и среди них старый друг — екатеринбуржец Сережа Черепанов. Друзья помогли ей сесть на пароход...

Катит свои могучие воды Енисей, красивы его берега — скалы и необозримая тайга. Радует и волнует предстоящая встреча... Ведь они не встречались с той злополучной ночи 9 февраля 1913 года. Два с лишним года. Верушку отец еще и не видел, Андрей стал большим, ему четыре года, и едет он уже в третью ссылку.

На третий день плавания показалось селение Монастырское. Смотрит Клавдия Тимофеевна — от берега оторвалась утлая лодчонка и несется навстречу пароходу, вот она совсем близко, а в ней сидит Яков Михайлович.

Есть старая пословица: не место красит человека, а человек место. Ее невольно вспоминаешь в музее Якова Михайловича Свердлова перед макетом Туруханского жилища Свердловых: бревенчатые, неотесаные стены, низкий потолок, небольшое окно, через которое видны снежное поле и тайга. В комнате стол, приделанный к стене, на нем керосиновая лампа, чайник и стопочка книг. На стенах меховая одежда, лыжи (вещи привезены из Туруханска). Обстановка убогая. Но жили здесь люди богатой духовной жизнью, из такого домика по всему Туруханскому краю в долгой полярной тьме лились лучи партийного просвещения, товарищеской солидарности.

Б. Иванов, находившийся со Свердловым в ссылке в селе Монастырском, вспоминает: «Притягательной силой в Туру-

ханской ссылке был домик Свердловых, огонек в этом домике, и мы шли на этот огонек. Здесь мы находили хорошую семейную обстановку, отсутствие жалоб на тяжелые условия жизни. Там мы получали и революционное образование. Там собирались, спорили, слушали лекции, доклады, и Клавдия Тимофеевна была в этом неизменной участницей и помощницей. Возникали иногда среди ссыльных нездоровые явления, разлад. Это вызывало негодование, раздражение, и тогда Клавдия Тимофеевна была очень нужна. Может быть, и сама она была глубоко возмущена, но этот спокойный взгляд ее глаз, медленно произносимые уверенные слова, такие разумные, отрезвляюще действовали и восстанавливали равновесие».

День Свердловых был заполнен напряженным трудом. Надо было прокормить, обиходить двоих ребят. Клавдия Тимофеевна заведовала метеорологической станцией, и в этой работе муж тоже помогал ей. Оба еще имели по нескольку уроков — репетировали учеников.

Клавдия Тимофеевна пишет в своих воспоминаниях: «Вечера проходили в шумных беседах, спорах, обсуждениях последних событий. Часто после серьезных бесед и лекций мы шли всей гурьбой в тайгу, и тогда в морозной тиши глухой сибирской тайги лились широкие вольные русские песни, или гремели боевые гимны революционного пролетариата той поры. Иногда начиналась шумная игра в снежки, а в конце концов Яков Михайлович громко провозглашал: пошли чаи гонять! И снова текла веселая непринужденная беседа. Спиртного за столом никогда не было. Яков Михайлович не пил ни водки, ни вина и говорил: «Искусственно подбадривать себя нужно только людям со скучной душой». Часов в 10 все расходились, садились за занятия».

Пришло известие о Февральской революции. Ссылка вздыбилась, загудела. Яков Михайлович уехал немедленно, ибо остались считаные дни зимней дороги по Енисею. На этот раз его сопровождало предписание комиссара края всем станциям немедленно давать лошадей. Клавдия Тимофеевна ждала открытия навигации, чтобы ехать с детьми, а пока вместе с оставшимися товарищами начали в Туруханске наводить новые порядки: отстранили от должности пристава и разогнали

всю его свору стражников, забрали все полицейские документы и архив. Земли, принадлежащие монастырю, конфисковали и передали в безвозмездное пользование крестьянам.

— Так мы начали управлять в Туруханске,— говорила Клавдия Тимофеевна.

С первым же пароходом она выехала из Монастырского, но только к началу июля добралась до Петрограда. Чувство радости не покидало ее в пути, хотя все, что она видела, испытала по дороге, заставляло думать о том, как сложно положение революции.

Вот и революционный Питер, и встречи, встречи! А затем началась кипучая работа. ЦК поручает Клавдии Тимофеевне заведывание партийным издательством «Прибой». Революция подняла интерес к политике. Спрос на книги огромный. Большим потоком издаются запрещенные ранее произведения Карла Маркса, Энгельса, Ленина, Программа партии. Надо было не только издавать, но наладить комплектование и пересылку книг. В издательство приходили десятки людей. Настроение у всех боевое, надо брать власть...

Наступили предоктябрьские дни. В издательстве не сидится, тянет в Смольный, где все кипит, бурлит. Клавдия Тимофеевна выполняет многочисленные поручения. «Не раз мне приходилось мчаться на фабрику или завод,— вспоминает она,— требовать присылки людей в Смольный, доставки оружия, одних торопить, других сдерживать. Приходилось подменять дежурную в комнате членов военного революционного комитета, и тогда на меня обрушивался поток вопросов и распоряжений. Но теряться было нельзя. И я брала на себя решение частных оперативных вопросов, говорила, кого и куда послать, где получить оружие, боеприпасы, литературу. Грань между днем и ночью стиралась. Помню, как Яков Михайлович или Феликс Эдмундович порой засыпали на час, другой у себя на столе — дивана в комнате не было. В таком стремительном вихре мчались события перед Октябрем, когда миллионные массы пришли в движение и вступили в решительный бой».

Клавдия Тимофеевна — опытный боец и организатор. Она не только свидетель, но и участник величайших исторических событий того времени: VI съезда партии, заседания II съезда Советов, где В. И. Ленин провозгласил, что рабочие и крестьяне берут власть в свои руки, зачитал декреты о мире, земле,

рабочем контроле... В этой вихревой работе она подружилась с замечательными людьми партии — Ф. Э. Дзержинским, А. А. Аванесовым, Е. Д. Стасовой, М. С. Урицким, Н. И. Подвойским и многими другими.

Обстановка в первые месяцы после Октябрьской революции была архисложная и трудная: надо было не только подавлять вооруженное сопротивление капиталистов и помещиков, но и бороться с саботажем, с мелкобуржуазными партиями — эсерами и меньшевиками, перекинувшимися в лагерь контрреволюции. Предстояла жестокая борьба, и все соратники Ленина понимали это.

Партия находилась в состоянии бурного роста, на ее плечи легла гигантская задача: создавать невиданную еще в мире государственную систему — диктатуру пролетариата в союзе с крестьянством. Центральный Комитет должен был знать, что делается на местах, чтобы своевременно помогать партийным организациям, которые возникали зачастую стихийно, иногда примитивно и наивно представляя свои задачи. Наладить эту связь должен был аппарат ЦК — Секретариат.

Сил требовалось много, не хватало людей, имевших опыт работы и нужную закалку. Большая часть большевиков ушла на работу в Советы, в армию, многим приходилось совмещать советскую и партийную работу.

В этот важный период строительства молодого советского государства и пришлось Клавдии Тимофеевне руководить Секретариатом ЦК. С переездом правительства в Москву весной 1918 года она была назначена помощником Секретаря ЦК и заведующей Секретариатом (Яков Михайлович Свердлов был Секретарем ЦК и Председателем ВЦИК).

Партийный опыт Клавдии Тимофеевны, способности организатора, умение подходить к людям и влиять на них как раз соответствовали требованиям работы. Нелегко было ей подбирать кадры, устанавливать тесные связи с партийными организациями.

Клавдия Тимофеевна вспоминает, что возникавшие вопросы она чаще всего согласовывала с Яковом Михайловичем, но, бывало, приходилось обращаться непосредственно к Владимиру Ильичу: «Звонила ему по телефону и тут же получала необходимые указания».

В 1919 году мне пришлось работать в информационном

отделе Секретариата ЦК. Здесь я вновь встретилась с Клавдией Тимофеевной. Передо мной была все та же твердая, спокойная Клавдия, такая же скромная и даже внешне мало изменившаяся. В Секретариате она создала дружную товарищескую обстановку, но каждый знал свое дело и отдавал работе все свои силы.

Для связи с местами использовалось живое общение с людьми. А народу в Секретариат приходило много, со всех концов страны, из различных губерний приезжали работники. Всем хотелось получить указания и советы и рассказать, как сами они действуют. Нередко приходили товарищи, пробравшиеся из колчаковского и деникинского тылов. С ними обычно беседовали Клавдия Тимофеевна или Яков Михайлович.

Расширялась и переписка, с мест поступали протоколы и решения из низовых партийных организаций. Порой эти решения были наивны, не очень грамотны, но в них чувствовался пафос революционной перестройки старой жизни. Секретариат посылал на места опытных работников. Этим ведали Клавдия Тимофеевна и Яков Михайлович. Секретариат ЦК постепенно становился подлинным организационным центром. В этом, конечно, большую роль играла Клавдия Тимофеевна.

Не надо забывать, что Клавдия Тимофеевна должна была заботиться о семье. Она вспоминает: «Жизнь наша в Москве, как и в Питере, шла в каком-то необычно стремительном, бодром темпе. Победа революции, зримые успехи в переустройстве общества, в строительстве новой жизни наполняли сердца наши огромной радостью. Ведь совершилось то, чему отданы были все наши помыслы, ради чего мы, большевики, жили и боролись. И какие бы трудности ни стояли на пути, было радостно сознавать, что революция торжествует, что мы успешно движемся вперед, делаем пусть первые, но уверенные шаги к коммунизму. А жизнь была нелегкой: в ссылке мы были всегда сыты, а вот в Кремле не всегда. О себе, о собственном благе большевики думали меньше всего».

Внезапно пришла страшная непоправимая беда — скончался Яков Михайлович Свердлов.

Яков Михайлович нес огромную нагрузку, исполнял обязанности Секретаря Центрального Комитета партии и Предсе-

дателя ВЦИК. Он горел на работе, не думая о себе и не щадя своих сил.

В конце февраля он выехал в Харьков на третий Украинский партийный съезд и на третий съезд Советов Украины. Там он почувствовал себя плохо. Началась тяжелая болезнь — испанка. На обратном пути в Москву он без конца выступал на станциях перед рабочими и крестьянами на холоде и ветру. По приезде в Москву он слег в постель. Не выдержал организм, надломленный суровой жизнью подпольщика. 16 марта 1919 года Якова Михайловича не стало.

Это был тяжелый удар для партии и для страны...

Поразительны были стойкость и мужество Клавдии Тимофеевны. У нее хватало сил быть на работе, она вела подготовку к собиравшемуся в те дни VIII съезду партии, участвовала в работе съезда, и только стало еще строже ее лицо, а в глазах залегло страдание.

Где нашлись силы?.. Партия?.. Дети?.. И он... живой, всегда с ней, требующий продолжения борьбы, воспитания детей, какими он хотел их видеть. «Тяжело взять себя в руки, но это надо было сделать»,— писала она одной коммунистке, также потерявшей мужа.

С 1920 года Клавдия Тимофеевна начинает работать в области народного просвещения. ЦК назначает ее членом ученого совета Наркомпроса и заведующей Учпедгизом. Здесь она стала ближайшим соратником Надежды Константиновны Крупской.

Много труда и сил потратила она на создание первых советских учебников для начальной школы. Работа трудная, требовавшая и организаторских и педагогических способностей, а также и больших знаний.

Клавдия Тимофеевна привлекла к работе большой коллектив художников, писателей, учителей. Так появились букварь «Искорка», первая книга для чтения «Смена» и «Советские ребята».

Работая затем в Главлите, она являлась прежде всего воспитателем молодых писательских кадров, как наставник-учитель помогая им глубоким знанием марксизма, опытом богатой жизни и широкими познаниями в области литературы и искусства.

Клавдия Тимофеевна вела и творческую литературную дея-

тельность. Ею написан ряд биографических очерков о Якове Михайловиче Свердлове, вышедших в 30—40-х годах. Будучи уже больной, в последние годы жизни она вместе со своим сыном выполнила большой труд: написала книгу о жизни и деятельности Якова Михайловича Свердлова, с которым она прошла большую часть своего жизненного пути как верный единомышленник, друг, помощник, жена.

За год до смерти в 1959 году я видела Клавдию Тимофеевну последний раз. Как и всегда при наших встречах, она просила рассказывать об Урале, о Свердловске. С потеплевшим взглядом, с улыбкой слушала, как меняется облик старого Урала, глухого когда-то Екатеринбурга и Верх-Исетского поселка. Там прошло ее детство, юность, там она мужала как большевик и помогала строить первую партийную организацию.

Прекрасна ее жизнь, жизнь человека, изведавшего сполна радости и страдания неутомимого борца за коммунизм.

Пусть же светлый образ Клавдии Новгородцевой возбудит у молодых чувство:

Нам есть по ком ковать сердца
И на кого равняться,
Чтоб коммунистом до конца
При жизни оставаться.

А. БЫЧКОВА

НАШ ФЕДИЧ

1

Отец был легкий поступью, веселый человек. Он любил рассказывать разные, порой грубоватые, прибаутки, придуманные кем-нибудь в приисковых бараках, в куренях. Знал не один десяток баек про некоего придурковатого Фоку, рудничного каталаза, неизменно попадавшего впросак...

Но не одними присказками старик засевал беспокойный, тревожный ум подростка-сына. Он говорил: смотри вокруг себя.

А вокруг себя было на что посмотреть. Вокруг жила заводская голь, даже не перекатная, потому что эта обездо-

ленная часть рабочего люда и не пыталась менять место своего бедования. Люди по окраинам Златоуста рождались, вырастали, шли на завод чернорабочими, шуровщиками, каталями, рано старились, безвременно гибли.

Сыромолотовы были в поселке еще не из самых горемык. Отец к тому времени, когда ребята стали подростками, проработал в основном цеху почти два десятка лет. С такими на заводе считались, ценили их мастерство.

За легкий, спокойный нрав мужика-неунывая отца на заводе до обильной седины в волосах звали Федей. И сыновья его по заводскому обыкновению получили уличное прозвище: Федичи.

Со временем «Федич» станет конспиративной кличкой видного деятеля РСДРП Федора Сыромолотова. А пока что уже в детстве, в самой ранней юности, он достаточно насмотрелся на безрадостную жизнь заводской и приисковой бедноты, на человеческое бесправие во всех его формах.

Он видел приисковых тачечников, у которых руки свисают до колен, и колени всегда полусогнуты, и плечи угловато вздернуты под мертво-и плосковисящими на них посконными рубахами. Он видел прокатчиков, которые шли со смены, гукая деревянными подошвами-колодками, подвязанными к валенкам,— зимой и летом — одна обувь — неся в устало висящей руке вачеги-рукавицы с наладонниками из жести. Шли люди с шуровок — с газовой станции, от которых на улице за двадцать шагов слышался ядовито-смоляной запах угольной томилки. Из этих редко кто заживался на грешной земле дольше сорока лет...

Юность впечатлительна. Только что прочитана некрасовская «Железная дорога».

> В мире есть царь: этот царь беспощаден,
> Голод названье ему.

Строчки кажутся взрывчатыми:

> А по бокам-то все косточки русские...
> Грабили нас грамотеи-десятники,
> Секло начальство, давила нужда...

Нет, люди не должны больше так жить.

Но юность еще и нетерпелива. И уже представляется, что с этим можно что-нибудь сделать сейчас, немедленно.

Кроме отца, был еще один человек, чьи не слова, а самый пример жизни помог сложиться воззрениям и характеру молодого Федора Сыромолотова. Это был мастер пудлингового цеха Андрей Степанович Тютев. Мать его, Степанида Максимовна, была подвижной, веселой старухой. Голосисто пела на женских посиделках, любила смешно наряжаться на святках. У них в бане печатались первые прокламации. В поселке это, кому следовало знать, знали. Но, видно, узнал и еще кто-то, кому бы не следовало. Андрей Степанович был арестован, просидел в тюрьме два года и по выходе из нее вскоре умер.

За что погиб человек?

В 1896 году Федор Сыромолотов учился в Екатеринбурге, в Уральском горном училище. В предвыпускном классе.

Теперь для него уже не существовало вопроса: за что гибнут такие люди, как Тютев, умирающие в безвестности, чтобы оставить свой след в умах.

Отец за последние годы сильно сдал. Из горячего цеха ему пришлось перейти на работу в плотинно-дворовой. Стал слабее достаток в семье. Но для своего младшего сына старик успел сделать, что мог, устроив его в горное училище. Лучшей дороги для заводского парня по тому времени вообще не могло быть.

«Горняки» кичливо носили свои тужурки с молотками в петлицах, по-юнкерски пригибая с боков тулью форменной фуражки. Многие из них с легким сердцем готовились делать то, к чему их предназначали: управлять. Кем управлять? Забойщиками, коногонами, грабарями. Эти ученики уже твердо усвоили жестокое правило: «не щадить рабочую сявку».

Многие, да не все. Уже наметилось среди учащихся расслоение на благонадежных и на тех, кого называли: смутные умом. Но они не были «смутными», эти полтора десятка ребят, объединившихся в кружок. Они были просто ищущими. Учащиеся из благонадежных сходились вечерами на холостяцкие пирушки с водкой, с таранью и бубликами на столе. До утра просиживали за модной среди городской интеллигенции игрой в преферанс. Эти же собирались, чтобы читать Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Почтительно произносили имена Желябова, Перовской. Пошел по рукам в училище отпечатан-

25 Заказ 17

ный на гектографе журнал «Урал». И никому толком не было известно, чьими руками он делается. Подозревали только, что злонамеренные тетрадки распространяются не без участия учеников Федора Сыромолотова и Митьки Кремлева.

Молодости свойственно стремиться к большому делу. И ей бывает невдомек, что большое начинается с малого, либо слагается из многого множества малых дел. Ребятам в кружке горного училища хотелось самое меньшее свергать самодержавие. А делать удавалось пока немногое: читать то, что было не велено.

Федор был связан с ссыльным часовщиком Тихоцким, который держал на Тихвинской улице мастерскую-клетушку.

Федор приходил к часовщику, помогал собирать какие попроще часовые механизмы, шлифовать на маленьком ручном станочке шейки колесиков. Научился даже рихтовать на настольном стекле помятые маятниковые волоски: работа тонкая, требующая терпения. Если в мастерской не было никого лишнего, они неторопливо разговаривали, не отрываясь от работы. Убедившись, что ученику можно довериться, старик дал ему две книги: «Эрфуртскую программу» и «Нищету философии».

«Эрфуртская программа» была напечатана по необычной орфографии, без твердого знака и «ятя». Больше всего поэтому она показалась Федору сугубо революционной. Но с твердыми знаками, или без них, за это чтение можно было, свободное дело, загреметь в сибирскую ссылку. Получалось, что и просто читать то, что не велено, уже представляет собой революционное дело.

Приехала откуда-то М. М. Берцинская. Тихоцкий сказал, что она хотела бы познакомиться с Федором, и тот вечером пришел по указанному ему адресу. Берцинская жила в квартире неизвестного ему учителя еврейской школы. Она показалась ему уже немолодой: в юности все, кто старше нас хотя бы на десять лет, кажутся уже стариками. Они сидели в комнате с низким потолком, где стоял почему-то только письменный стол с тяжелым бронзовым прибором. Мария Моисеевна спросила, чем они занимаются в своем училищном кружке, что читают, как он сам понимает некоторые положения из прочитанного. О том, с чем она приехала, о состоянии дел во «взрослых» кружках, она говорить явно воздерживалась. Но

Федор с первой беседы с нею понял, что она человек с большим опытом революционной борьбы. А этого как раз еще не хватало ему и его друзьям.

В день 75-летия Н. А. Некрасова в Екатеринбурге, в квартире частного поверенного Мутных, состоялась конференция революционных рабочих Урала. Федор Сыромолотов был приглашен на нее от своего кружка [1].

Само слово «конференция» ему показалось несколько искусственным для этого собрания, скорее похожего на вечеринку с чаепитием. Но собрание было названо именно так. И после него полиция вдруг арестовала сразу нескольких участвовавших в нем товарищей.

Пожалуй, эти аресты больше всего убедили, что на Урале живет и действует сильная революционная организация. А именно почувствовать себя включенными в сильную организацию им сейчас было нужнее всего.

2

На восходе солнца еще крепче мороз. Декабрь принес морозы безветренные, сухие. До 40 по Реомюру. Всю ночь потрескивали стены старого, просторного бревенчатого дома, словно щелкали под штукатуркой какие-то пистончики-капсюля. Гудели за окном туго натянувшиеся от стужи, мохнато обросшие инеем провода.

Первое, о чем подумал Федор Федорович, проснувшись утром, было: «Неделя до Нового года. Кончается тревожный, предгрозовой 1903-й...»

Он был не из тех, что любят обдумывать подолгу уже сделанное, анализировать свои поступки. Но порой это приходилось делать: припоминать самое важное из пережитого.

Если начать с того, что произошло за год в его личной жизни... Но что там личные дела! Важнее то, что происходит в социальной, общественной жизни. Горячий ветер надвигающейся революции веет в лицо, и не чувствовать этого уже невозможно. Впрочем, и личные дела Федора Сыромолотова давно перестали быть сугубо личными делами. Все теперь

---

[1] Это была встреча представителей революционных организаций края, организованная Уральским рабочим союзом.

у него, каждый шаг так или иначе, непосредственно или отдаленно связан с делами партии. Даже обзавестись семьей не успел. Или не сумел? Вернее всего, не хотел, чтобы кто-нибудь близкий, любимый делил с ним тревоги и опасности большевика-конспиратора. А опасности и риска в его бытие предостаточно.

Неяркое, терпимое глазу солнце вставало над выросшей поутру рощицей городских дымов, когда Федич вышел из дому и пошел вниз по Обсерваторской. Не очень-то людно на улице в такой час. Процокал навстречу свободный извозчик, колышется парок над крупом его лошаденки. Прошла молочница, волоча ручные рыбацкие санки-пошевенки с бидонами, покрытыми половичком. Скоренько промаршировали три школяра из реального училища в шинельках, фуражках. Уши у ребят прикрыты черными суконными колпачками на резинке.

С юности знакомый, славный, в общем, город. Еще предстоит ему пережить крутые классовые волнения...

На Главном проспекте Федич купил у мальчишки-газетчика свежую «Уральскую жизнь». На морозе газета пахла особенно остро. Специфический, типографский запах. Теперь он Федичу хорошо знаком.

Тут же, на улице, только замедлив шаг, он развернул газету. В отделе фельетона на знакомом месте его стихи.

Да здравствуют юные силы,
Надежды и светлый порыв,
Волны непокорного чувства
Дробящий утесы прилив.
. . . .
Туман, непогоды и вьюги
К нам сами, без зова придут...
. . . .
Что значит мораль и крикливость
Пред голосом сердца, мечтой?
Пылайте же, юные силы,
Румяной, красивой зарей.

Он раздраженно выбранился по адресу людей в редакции газеты, чувствительно блюдущих благонамеренную осторожность. У него в рукописи последняя строка стихотворения читалась: «Багряной, мятежной зарей».

Он скомкал и бросил газету в снег, под литую решетку,

ограждающую бульвар. Но у другого встречного газетчика купил ее опять и, аккуратно свернув, положил в карман.

На публикацию стихов год для Федора Федоровича выдался удачливым. «Уральская жизнь» раз двенадцать предоставляла ему для этого свои столбцы. Но что стихи? Стихами не взорвешь висящий над Россией обскурантизм и произвол. Особенно теми, которые находит пригодными для себя эта либеральная газета.

Что еще знаменательного принес истекший год?

Приехал агент ЦК. Теперь Уральская организация имела прочную нитку связи с Центром. Этого уральцам очень не хватало все последние годы.

Кто-то из товарищей сказал:

— Практику подпольной борьбы мы худо-бедно знаем...

Ценно было убедиться, что не в одиночку они здесь бьются, расшатывая жестокую машину самодержавной государственности. Что повсеместно в России имеются боевые группы единомышленников. И что есть объединяющий их Центр — их ум и сердце.

Агент привез типографскую «технику». В Уральском комитете рассудили: кому, как не Федичу, ее передать. Считалось, что он в организации прямо тебе Гутенберг. Года четыре назад он вместе с Берцинской ставил подпольную типографию на станции Бишкиль.

А «техника», доставленная агентом, состояла всего из нескольких пачек текстового шрифта. Даже небольшую листовку не составишь без заголовочных шрифтов. Даже десять строк текста не наберешь из горсточки без трех-четырех типографских касс. Кассы изготовить сумеет любой средней руки столяр, но не каждому их закажешь...

Так что тут было над чем поработать и головой, и руками. Создать типографию, хоть и невеликую, такое дело не делается единолично. Помогали ему многие из товарищей. Но большая часть забот и труда легла на него.

Недостающие шрифты Федич знал где взять. Эсеры незадолго до того предприняли экспроприацию одной частной типографии в Перми. Проделали это по своему обыкновению помпезно, по-гусарски. Ворвались в масках, с револьверами.

Сделали сенсацию, расшевелили всех шершней в жандармском управлении, но поставить типографию после этого не смогли, и шрифты у них лежали без реальной пользы. Федичу они пригодились.

Непросто было изготовить станок-каталку. Тут не лишним оказался его технический опыт, знание слесарного ремесла. Ночами он просиживал за своим чертежным столом, вычерчивал детали станка так добросовестно, словно мог завтра утром открыто, не таясь, сдать работу в механический цех какого-нибудь завода. Но наутро он предавал огню свою работу, только на листочке записывал размеры ему одному ведомым шифром. Детали станка ему изготовляли на трех разных заводах. За станину особенно не опасался: по ней никто уверенно не скажет, для какой-такой машины она назначена. Другое дело — барабан...

Но сделали и барабан. Нашлись на заводе Ятеса надежные ребята.

Собирали станок на месте, в городе, вдвоем с Лукой (С. А. Черепановым).

Станок-каталка Луке понравился. Федор Федорович придумал его таким, что снасть эта работала почти бесшумно.

Дом для предприятия был арендован в пригороде. Дальше шли кварталы приземистых жилищ городской бедноты, пустырь, за ним начинался глубокий сосновый бор. По ближайшей проезжей улице летом под вечер с треском пролетали одна за другой извозчичьи экипажи. Где-то там, в глубине благодатного леса, лежало озеро, дачи городской знати.

Хозяева дома куда-то выехали, сдав его Луке со всей немудрящей обстановкой и даже со сторожевой собакой во дворе.

Федич подумал: на ночь пса можно будет спускать с цепи, чтобы свободно бегал по двору и саду. Тогда никто любопытствующий не рискнет перескочить через глухой заплот. Пес был крупный, гривастый, недоверчивый. Но на Федича собаки никогда не бросались. И к этому он подошел смело, увещевательно с ним разговаривая. Новый знакомец обнюхал его и хмуро ушел в конуру, волоча цепь. Он был не молод и знал, что первое благоприятное впечатление надо еще проверить.

Сад при доме был старый, запущенный, глухо заросший вдоль заборов бузиной. Бузина в этом году выметала небыва-

ло богато кисти плодов. Осенью сад будет кишмя кишеть клестами, оголится, будет насквозь просвечен и продут ветрами. Но пока лучшего места для их предприятия не придумаешь. Сараюшка, в которой они решили собирать станок, была так укрыта бузиной, что не сразу найдешь лазок в нее.

В саду под тополями был накрыт стол, и Мария Алексеевна, невеста Луки, уж часа два сидела за ним одна, прислушиваясь к позвякиванию гаечного ключа в сараюшке, где работали Лука с Федичем. Самовар на столе ей пришлось дважды подогревать.

Солнце еще не закатилось, но в садике под кронами деревьев стоял зеленоватый сумрак. Тихий свет, просеиваясь сквозь листву, косо ложится на белую скатерть, на тонкие грани стаканов, на китайскую чайницу с цаплями.

Инженерская тужурка Федича повешена на спинку стула. Он работает в одной сорочке чистого тонкого полотна с подогнутыми крахмальными манжетами. Он прост в привычках. Хорошо обеспечен жалованьем, но живет без всяких излишеств. Любит только добротные сорочки, меняя их летом каждые два дня. Лука одет в вишневую косоворотку, которая очень ему идет.

Мужчины выходят к столу. Маша смотрит на них обоих и вдруг со сжавшимся по-женски сердцем, словно только сейчас постигнув драматическое благородство их жизни и труда, думает: как они еще, собственно, молоды оба.

Вот хотя бы Федич... Ведь каждый день, каждый час человек должен быть готов к тому, что придется сменить эту тонкого сукна тужурку и свежую сорочку на серый, вонючий арестантский бушлат.

Про то, что это же самое, в любой час может случиться с Сергеем, она как-то не думала. Судьбы Сергея и ее — это одна судьба. А о себе думать не хочется. Кроме того, Федич живет азартно-рискованно, по характеру своему горяч и дерзок. Такие гибнут безвременно...

Мария Алексеевна ошиблась, однако. В дальнейшем все сложилось иначе. Из них троих именно Федич оказался самым долговеким. Он видел расцвет жизни в обновленной социалистической стране, слышал поступь пятилеток. Ни Луке, ни его подруге видеть этого не довелось. С. А. Черепанов был расстрелян колчаковцами в Тюмени в девятнадцатом году.

Сама Мария Алексеевна умерла еще раньше — в 1915 году в ссылке в Красноярске.

Они бросили работу, когда в сараюшке стало уже не видно ни инструмента, ни собственных пальцев. Самое нужное по сборке станка было сделано.

— Вот поработали! — сказал Федич, вымыв руки и энергично, как делал все другое, стряхнув их над тазом.— Люблю делать все своими руками. Люблю слесарничать, собирать машину, чтобы потом увидеть, как она будет делать полезную людям работу...

Лука ответил, а что тут удивительного. Делать производительную работу — это вообще потребность всякого здорового человека. Это ведь нынешний рабский общественный строй сделал труд проклятием. Но так не будет вечно. Настанет такое время, когда слова труд и радость сделаются синонимами.

3

Так хотелось пожить попросту, освободиться от вкоренившейся привычки держать язык за зубами... Но приходилось быть сдержанным, осторожным в каждом слове. В служебной обстановке его окружали люди только одного и желавшие: разгадать его, чтобы предать. Душу отводил с друзьями из подпольщиков. Если не считать Луку, с которым он жил, можно сказать, по-братски, любил еще Батурина, сутуловатого и длинного, как колыбельный очеп. С ним приятно разговаривать, он очень начитан в марксистской литературе и у него острое перо. Если бы захотел работать в легальной печати, мог бы стать выдающимся журналистом.

В последний час уходящего 1905 года собрались человек двенадцать в квартире у Солодовникова и засиделись почти до утра. Налицо оказался почти весь Уральский комитет, пришел Свердлов с Клавдией Тимофеевной.

Внешне это немного походило на обычную обывательскую вечеринку: за столом имелось что выпить. Только народ тут собрался такой, который никогда не теряет контроля над собой. Над такими головами хмель не бывает властен. И всем было немного грустно: понимали, что в дальнейшем судьба раскидает кого куда.

Но Яков Михайлович принял участие в этой вечеринке совсем не за тем, чтобы погрустить и развеяться. Не за тем, чтобы посмотреть друг другу в глаза и на минуту ощутить еще раз суровое товарищеское дружелюбие. Хоть и это сейчас было не лишним.

Надо было, чтобы товарищи по борьбе задумались и поняли обстановку.

— Уходить, так умело,— сказал Свердлов.— В этом сейчас главное. Надо сохранить то, что мы накопили,— людей, весь конспиративный аппарат, оружие.

Последнее к Федичу имело особое отношение. В 1905 году он руководил боевыми дружинами Екатеринбургской организации большевиков. Только в самом Екатеринбурге у большевиков в дружинах, при оружии, состояло человек семьдесят, у эсеров — до полусотни и человек двадцать у анархистов. Дружинники Сыромолотова днем и ночью патрулировали по городу и поселку Верх-Исетского завода, сменяясь через каждые два часа. Они готовились к большим боям, обучались военному строю, хотя в большевистской организации не нашлось ни одного, пусть бы отставного, офицера. Взяться за это пришлось Федичу, хотя в армии он не был ни одного дня и о строевой службе имел самое смутное понятие... Просто нашелся один унтер, взявшийся обучать этому ребят из горного училища. Федич побывал на их занятиях, присмотрелся, как они действуют пока только с макетами винтовок. Взял потрепанные книжки армейских уставов... Не в первый раз ему приходилось по приказу своей партии браться за незнакомое дело, мимоходом обучаясь ему, обучать других.

Полиция в те дни предпочитала действовать не своими руками, а грубыми и грязноватыми лапищами черносотенного союза Михаила-архангела. Шваль, состоявшая в этом союзе, тоже была неплохо вооружена, действовала соответственно своему названию: нагло, грубо и беспощадно. Дружинникам приходилось в ходе дела учиться тактике уличных боев. Главным, что лежало на них, была охрана митингов и рабочих собраний.

Внезапность и в малых стычках и в больших боях — фактор немаловажный. Дружинники научились его с успехом использовать.

В театре проходил рабочий митинг. В боковые двери стала

ломиться большая ватага этих архангело-архаровцев. Федич со своими людьми стоял внутри, притаившись, выжидая. Налетчики подтащили увесистое бревно, чтобы ударить в дверь «барсом» и высадить ее. Тогда дружинники вдруг распахнули створы, сделав залп из револьверов, пока поверх голов. И нападающих как ветром сдуло.

Так дружинники научились поддерживать на своих митингах и собраниях строгий порядок. Главное здесь было в том, чтобы занять и контролировать входы и выходы, а внутри пронизать живую массу участников подвижными цепочками своих людей. Всякие попытки беспорядков, эксцессов погашались круто и бесшумно.

Старшим, или руководителем боевых дружин, Федич был назначен постановлением комитета, правда, не записанным на бумаге. Но как ни проста была процедура назначения, ответственность за дело перед партией у него была полноценная и работы в новой должности хватало.

Большой заботы стоило собирать, накапливать оружие для предстоящих больших боев.

В городе имелось несколько магазинов, где по лицензиям полиции, или просто исподтишка торговали револьверами и припасами к ним. Одно время это был основной источник пополнения запасов оружия для дружин.

Револьверы, однако, дорого стоили и были пригодны только для ближнего боя. В дальнейшем могло понадобиться что-нибудь более существенное. И Федич, опять призвав на помощь свой технический опыт, сконструировал образец ручной гранаты, наладил производство гремучей ваты для них. Рубашки для гранат по его чертежу отливали на заводе Ятеса и на Сысертском.

Вот с винтовками... Были такие дни, когда винтовки казались нужнее воздуха. Всерьез обдумывали, готовили рискованное дело: захват военных складов. Сидели однажды вечером на одной из квартир, разложив на столе план города, изучали подходы к складу, расстановку постов охранения. Но не состоялась операция: комитет нашел немыслимым посылать ребят-дружинников против воинской складской охраны. Позднее Дербышев привез из Вятки и сдал уральцам партию винтовок. Однако поступили они с запозданием, когда уже стало ясно, что придется снова уходить в подполье.

Поэтому Федора Федоровича больно ударило по сердцу, и в то же время он принял это как единственно разумное, когда Свердлов на новогодней вечеринке сказал:

— Если уходить, то защищаясь. А мы имеем теперь, чем защищаться. Мы уходим вооруженными. Бойтесь только поддаться малодушию, такому настроению, что все кончено, все погибло. Ничего не кончено. Борьба продолжается в новых условиях...

Эту перемену обстановки, перелом в событиях еще нельзя было предвидеть или почувствовать в памятный день 19 октября, в день крупной стычки с полицией и черносотенцами на Кафедральной площади. Тогда еще коромысло весов качалось по широкой амплитуде.

Эпизод 19 октября на Кафедральной площади[1] со временем вошел в историю революционных событий на Урале, был многократно описан. Но люди, в нем участвовавшие, вовсе не рвались в историю. Слишком определенны и будничны были обязанности у каждого из актива большевистской организации на этот день, чтобы думать об истории.

Трибуна, составленная из ящиков, крест Кафедрального собора за спиной, похожий на известную каждому школьнику иглу Адмиралтейства в Петербурге. Площадь, к назначенному часу заполнившаяся народом... Но Федич сразу почувствовал, что это еще не тот народ, для которого был задуман митинг, самый крупный из прошедших в этом году на открытом воздухе. Самые нужные участники: колонны с Верх-Исетского завода — еще не подошли.

Митинг превратился в схватку двух сил: той, что подпирала шатающееся самодержавие, и той, которая стремилась свалить его. Схватка началась возле трибуны. Это не было похоже ни на уличный баррикадный бой, ни даже на праздничную народную драчку стенка на стенку на льду. Все перетасовалось, сбилось. Только перед самой трибуной дружинниками удалось сохранить кольцо обороны. Но говорить Свердлову не удалось: кто-то из своих стащил его с возвышения. И своевременно, потому что вслед за этим в толпе всхлопнули сразу два или три револьверных выстрела, прозвучавших в тяжелом воздухе серого осеннего дня слабо и как бы натужно.

---

[1] Ныне площадь имени 1905 года.

Тут, возле трибуны, еще не было видно, кто пострадал, каковы потери среди своих людей. Револьверная трескотня стала особенно частой, когда отходили к зданию Сибирского банка. В ходе боя образовался пункт первой врачебной помощи в вестибюле банка. Защищаясь от наскоков черносотенцев, отходя с площади, участники митинга сумели одного за другим протолкнуть в здание банка своих раненых, на сцепленных руках унести тех, кто мог упасть и быть растоптанным.

Никто бы не сумел сказать, как случилось, что на месте происшествия оказался доктор Левинсон. Но он тут появился, и даже не с пустыми руками, а с неизменным своим докторским саквояжиком. Как будто явился к назначенному часу в заранее известное место по вызову. Спокойно прошел сквозь толпу в расстегнутом пальто, спросил, где можно вымыть руки. И уже через несколько минут на длинном канцелярском столе зондировал рану посеревшего в лице парня-дружинника, привычно, бесстрастно, вполголоса бормоча: слепое пулевое ранение... Только никто за ним не записывал ни фамилий его пациентов, никаких других данных. Здесь это было ни к чему. Здесь следовало только сердцем запомнить имена тех, чьей кровью в этот день окрасилась гранитная мостовая Кафедральной площади.

Да, 19 октября было еще не время сказать слова: «Если уходить, то защищаясь...» Тягостное чувство, что ничего другого скоро не останется, возникло позже, в конце года.

Федич служил тогда в Обществе горных техников и жил при службе на Тарасовской набережной. Ночевал он, впрочем, в те дни все равно большей частью у Подкорытова. Так было надежнее.

Однажды он шел из квартиры Подкорытовых и еще издали увидел против дома Общества горных техников людское скопление. Подошел ближе, понял: казаки.

Их было до полусотни в пешем строю. Кони у них, впрочем, стояли поодаль, саженях в ста, ближе к мысу Авиловской дачи на скованном льдом пруду. До этого времени казаков в городе не было видно. Теперь власти их откуда-то затребовали, чтобы усмирить, привести к повиновению неспокойные заводские окраины города.

Казаки стояли группами, курили, поругиваясь и похохатывая. Некоторые грелись, изображая петушиную драчку: заложив руки за спину, подскакивали на одной ноге, сшибаясь плечом.

Но при всем миролюбии их поведения на улице не следовало забывать, что это люди, для которых привычное дело бить нагайками с седла, заламывать кому-нибудь руки, волочить на веревке за конем, рубить, занося шашку над левым плечом. Эти люди нарочито воспитывались самодержавием в ненависти к рабочему простонародью, к социалистам, что считалось у них словом бранным и уничижительным.

Пожалуй, именно тут Федичу пахнуло в лицо ветром поражения.

Общество горных техников давно слыло в городе полулегальной организацией. И Федич официально числился в нем секретарем.

Казаки были приведены сюда только как резервная сила, на случай вооруженного сопротивления тому, что делалось внутри. А внутри происходил погром. Человек пятнадцать полицейских чинов растеклись по комнатам, взламывали столы, копались в бумагах.

Сыромолотов только на минуту подумал, что еще можно повернуть в любой подъезд или в переулок. Но никуда не повернул, а вошел в дом Общества. Ничего особо криминального он здесь не хранил. Вот только гектограф. Может быть, удастся укрыть надежнее?

Все обошлось к общему удовольствию. В Обществе утром налицо оказались помощник Федора Федоровича по службе Солодовников и исполняющий обязанности сторожа Николай Камаганцев — «Кузьма», член партии. В надежности Камаганцева Федич не сомневался. Именно он догадался схватить и вынести, надежно спрятать принадлежности для гектографирования, когда в коридорчике с темного заднего крыльца послышался топот чужих сапог.

Обыск в Обществе жандармам ничего не дал. А без достаточного законного основания арестовать людей они не могли. Этого правила власти в те дни еще придерживались. В самом ближайшем будущем такой формальностью они станут уже смело пренебрегать. Но пока это обстоятельство дало Федичу еще несколько месяцев жизни на свободе.

4

Окно тюремной камеры выходило на кладбище.

Летом, наверное, хорошо будет смотреть в окно на пушистую зелень кустов сирени, на людей, приходящих в воскресные дни посетить родные могилы. Но сейчас еще был март. Стояли голыми деревья и кустарники, только кое-где вытаяли из-под снега могильные холмики.

В неподходящее время Федора Федоровича угораздило сесть в тюрьму. Уж лучше бы осенью определиться на жительство в этот проклятый белый дом с крестом арестантской часовни над воротами. А еще бы лучше не попадать совсем.

Но ему и так слишком долго везло. За годы работы в организации были случаи, когда он по ходу дела мог бы сесть, да каждый раз выручало какое-нибудь счастливое обстоятельство. Товарищи по комитету говорили: Федич везучий.

Теперь везение кончилось. Спокойно глядя в окно, он думает о том, чтобы не загоститься здесь слишком долго.

В десять часов вечера в камере гаснет свет. Тогда в нее падает только свет фонаря, висящего во внутреннем дворе тюрьмы. В ветреную погоду фонарь непрерывно раскачивается, и тень решетки ползает по белой стене камеры, как огромный паук. Если распуститься, если не держать себя в кулаке, от одного этого паука на стене можно заболеть нервным расстройством. Но Федич знает, чтобы не поддаться хандре и унынию, нужно только одно: работать, действовать. Думать, думать — вот его работа на ближайшие дни. Надо выработать план защиты от обвинений, которые ему предъявят.

Арестовали его сразу после экспроприации частной типографии. Собственно, он участвовал в таком деле не впервые. В 1904 году его группа по заданию Уральского комитета большевиков тоже взяла шрифт в частновладельческой типографии. И его роль в операции была активнее, чем в этот раз. Но тогда все сошло благополучно, хотя организовано было даже грубее, небрежнее. Ночью вошли в типографию, где работали десятка полтора рабочих второй смены. Был с ними молодой дерзкий парень, участвовавший в таком деле впервые. С веселой бесшабашностью он поднял над головой особой формы предмет: разнесу в клочья. А предмет этот был вовсе не гранатой, а полуторафунтовой сахарной головой.

Вытряхнув в один мешок прямо с таллера машины две сверстанных полосы, а в другой мешок — две кассы шрифта, они спокойно ушли. Было договорено унести взятое в разные места. Второй мешок нес Федич. И на беду мешок лопнул по шву. Пока Федич шел, типографский шрифт стлался за ним как нитка-указка для преследователей. Не дойдя полквартала до места, куда надо было доставить ношу, он присел на скамейку. И только тут заметил, что оставил за собой след...

Теперь приходилось думать о том, чем следственные органы располагают против него. Надо не дать им выбить еще одного бойца из шеренги. Федор Федорович знал, что он не один схвачен после операции в типографии. Больно было думать о судьбе товарища — Вилонова. В те дни он еще не знал, как много сделал Вилонов для него лично в ходе следствия по делу типографии. Только благодаря стойкости Вилонова властям не удалось установить действительную роль Федича в этом деле. Лишь несколькими годами позднее Федич узнал эти подробности. А когда узнаешь такое, вдруг начинаешь чувствовать груз прожитых лет на плечах...

Итак, крутые перемены в его судьбе пришли. Началась полоса скитаний по тюрьмам. Екатеринбургская, самарская, николаевские роты в Нижней Туре, полицейский дом Коломенской части в Петербурге... Это не считая всяких «пересылок», в которых, как в гостиницах, подолгу не живут.

И было в них вовсе не везде одинаково. Про екатеринбургскую говорили: там хорошо. В екатеринбургской в те годы камеры политических на день не закрывались. Заключенным позволялось собираться вместе, прочитывать и слушать доклады, спорить. Разрешалось получать с воли литературу. Заключенные установили порядок: тот, кто уходит, книги оставляет друзьям. Николаевские роты были совсем другой табак.

Свои поэтические тетради Федор Федорович забросил задолго до ареста. Давно прошел у него жаркий юношеский поэтический зуд. Но однажды в какой-то тюрьме услыхал, за стеной камеры пели:

Проклятье, тюремщики, слуги насилья,
Проклятье вам здесь и повсюду.
Пусть клич наш умчится
и в сердце вонзится
Рабочего люда.

И он замер, перестал ходить по камере, прижал кулаки к груди. Это была его песня, его слова! Он и сам их теперь забыл, но они были раз напечатаны в нелегальной листовке и вот живут в человеческой памяти. Позднее, в 1912—1917 годах в большевистской «Правде» начнут появляться опять нехитрые по форме, но сильные гневом и страстью стихи, подписанные именами Зигзаг, Тит Подкузьмихин, Федич. Это песня Сыромолотова опять поднимется на крыло.

Вплоть до Февральской революции Федич не давал жандармскому управлению бездельно благодушествовать.

После первого ареста он был освобожден под залог в 500 рублей до суда. Деньги за него внес известный золотопромышленник Конюхов. У этого человека была причуда коекогда оказывать посильные услуги организации РСДРП. Конюхов понимал при этом, что его залоговые деньги надо сразу записать по статье безвозвратных долгов. Конечно, Федич счел за благо на суд не явиться. В секретных циркулярах жандармского управления по розыску политических появилось первое упоминание о нем.

Вторично под залог он был освобожден после ареста в Самаре. Там деньги за него внес Эразм Анфалович Светлосанов. Тут дело складывалось иначе, чем в первый раз. Неявку Федича в суд власти могли использовать как повод, чтобы возбудить преследование против Светлосанова. А Эразм был другом и соучеником Федича по Уральскому горному училищу и членом РСДРП. Нельзя было давать жандармам повод для этого. И Федич аккуратно появился в зале суда в назначенный час, вежливый, деловитый, непроницаемый. И был осужден к содержанию в крепости на год.

5

Несомненно, он был человеком талантливым. Его талант мог бы раскрыться в какой-нибудь узкой сфере: он мог стать выдающимся литератором, видным инженером или кем-нибудь еще. Он стал большевиком-ленинцем. Его талант раскрылся в своем общечеловеческом качестве.

Быть революционером-большевиком в те годы значило уметь быстро освоить любое новое, подчас неожиданное

дело, за которое придется взяться по приказу своей партии. И кем только не приходилось бывать Федору Сыромолотову...

Но его пристрастие к журналистике оставалось в нем.

С членом Уральского комитета Николаем Батуриным он был знаком с первых годов нового века. Еще с той поры, когда вместе читали материалы второго съезда РСДРП, напряженно стараясь разобраться в расколовших партию теоретических разногласиях.

Их сдружила совместная первая отсидка в тюрьме.

В тюремном коридоре было полутемно, нехитро с первого взгляда не признать знакомого человека. Однако Федор Федорович узнал его сразу, еще не видя лица. Конечно, Батурин: на ком другом еще могут так плоско, мешковато висеть брюки и бушлат. В первую встречу они успели переброситься только несколькими словами, и Федич подумал: конечно, каким он был, таким остается и здесь. Неизменно сохраняет ироническую остроту ума, спокойную доброжелательность к товарищам.

А через несколько лет в самарской тюрьме Федичу вручили передачу, которую ему здесь не от кого бы и получить. Самое содержимое посылки — чай, сахар, кое-какая снедь, все не домашнее, а купленное в лавке, служило как бы шифрованной весточкой: товарищи помнят о тебе, Федич. А в посылке был еще списочек переданного. И он был написан рукой Батурина. Неужели приехал в Самару специально за тем, чтобы помочь Федичу установить связи с волей? На Батурина это очень похоже.

Журналистская душа, человек, умевший радоваться каждому новому имени в печати, Батурин в 1912 году ввел Федича в «Правду».

Квартира Федора Федоровича в Кремле была невелика и очень скромно обставлена. Даже на Медном руднике, в бытность свою управляющим небольшого горного предприятия, он располагал куда более роскошным жильем, чем теперь, когда руководил Высшим горным комитетом молодой Советской республики. Но высокое революционное благородство людей в те годы выражалось и в совершенном равнодушии к условиям личного бытья. Шел девятнадцатый год.

26 Заказ 17

Сравнение кремлевской квартиры с белокаменным управительским домом на Медном руднике сделал «Назар» — Н. Н. Накоряков. Они встретились в столовой управления делами Совнаркома, где женщина с усталым, до прозелени бледным лицом поставила перед каждым дорогой столовый прибор с какими-то гербами, положила аккуратно свернутые угольничком салфетки. Но на тарелках лежало только то, что полагалось на разовый талон: не ломтик, скорее листик колючего черного хлеба и трогательно аккуратно уложенный холмик чего-то «второго». О том, что «первого сегодня нет», заранее оповещало объявленьице при входе в зал.

Шел девятнадцатый год.

Из столовой они с Назаром прошли к нему на квартиру. Как-никак, не виделись несколько лет. Назар спрашивал, как Сыромолотов после Октябрьской революции оказался снова на Урале.

На Урал Федора Федоровича посылал Свердлов.

— Будем считать решенным. Вы едете на Урал,— говорил Свердлов.— Мы посылаем вас туда не только по тому немаловажному соображению, что вы по роду-племени уралец. Считайте это особым доверием партии. ЦК посылает туда также Войкова, Голощекина. Там уже работают Павел и Виктор Быковы, Сулимов, Локацков. Все вы были бы не лишними и в Питере, и в Москве. Но Урал... Урал — наша бесспорная опора. И нам надо сохранить его таковым.

И Федичу припомнилось.

...В числе первых шагов своих новая революционная власть на Урале предприняла изъятие ценностей в банках Екатеринбурга и Перми. Федору Федоровичу было поручено национализировать Русско-Азиатский банк.

Серое, хмурое здание на углу Покровского проспекта и Успенской [1]. Сопровождавших его троих красногвардейцев Федор Федорович оставил в вестибюле банка, при выходе. Сам прошел в кабинет управляющего банком.

Вот странное свойство памяти. Имя и облик немца управляющего прочно запомнились: Георгий Петрович Тяхт. Федор Федорович вошел в кабинет, деловито сказал:

---

[1] Ныне угол улиц Малышева и Вайнера. Там и теперь помещается Государственный банк.

— Итак, Георгий Петрович. По решению Уральского комитета...

Вдвоем они спустились в обширный подвал. Там же банк держал свою золотосплавочную: небольшую печь с нефтяной форсункой, обгорелые тигли рядком на полках. Какой-то доверенный прислужник банка в черной татарской тюбетейке на бритой голове сидел за обшарпанным столом и хищно и вопросительно переводил раскосые глаза со своего управляющего на Сыромолотова. Федич подумал: отсюда, из подвала, даже выстрела не услышат наверху. Он спокойно подошел к артельщику в тюбетейке, вежливо потеснил его от стола. И верно: в ящике стола лежал поверх бумаг офицерский наган. Федич, простецки встряхнув его на ладони, сунул оружие в карман. Один за другим они обошли, открывая и вновь захлопывая, вделанные в стены подвала сейфы. На прилавке вдоль дальней стены кучей, навалом лежали царского образца кресты и медали. Планки с ленточками со всех их были уже срезаны кусачками.

Сыромолотов усмехнулся про себя: даже Георгий Петрович Тяхт уже не рассчитывает на возврат к прежнему порядку жизни. Но кресты и медали представляли собой золото и серебро — достояние республики. Он взял из кучи полную горсть этой металлической галантереи и, подняв руку, как сыплют зерно, ссыпал обратно.

Сыромолотов приезжал на станцию, когда там грузили в вагоны банковское имущество. Золото в слитках, в монетах, в изделиях привозили на товарную станцию в холщовых мешках. Позднее даже ящики с гвоздями стали принимать и перевозить тщательнее, чем в те дни золотой запас страны.

С товарищами по подполью и послереволюционному периоду на Урале Федор Федорович теперь встречался совсем редко, хотя многие из них работали тоже в Москве. У каждого была своя работа, напряженная, не оставляющая времени ни для чего лишнего.

Чаще других он видел Батурина, работавшего в эти годы в «Правде». Жил Батурин где-то в другом районе Москвы и иногда, засидевшись допоздна в редакции, приходил к Федичу. Трамваи в Москве ходили плохо, город был скупо освещен.

Люди еще жили на горестно-скудном хлебном пайке. В нишах Китай-городской стены, в теплых после дневной работы котлах для разогрева асфальта спали оборванные беспризорные ребятишки. Добираться ночью домой Батурину было непросто, и он несколько раз ночевал у Сыромолотова.

Федор Федорович работал в том году в двух учреждениях: в Наркомфине и в Горном комитете. Когда гость просыпался, хозяина уже дома не было. Батурина заинтересовал однажды аппарат, смонтированный на стене. Присмотревшись, он понял: это фонограф-валик с восковым покрытием и усилительной трубкой. Приходила девушка-секретарша, включала валик фонографа. В пустой комнате звучал голос Федича, словно он был тут самолично. Деловито, кратко он диктовал, а девушка записывала какие-то, кому-то его распоряжения на день.

И Батурин подумал: в этом весь Федич с его пристрастием к технической выдумке, с его нетерпимостью к пустой трате времени, с его привычкой все делать рационально.

Партия была занята напряженным поиском путей хозяйственного строительства. Подготавливалась замена продразверстки продналогом в селе, назревал переход к новой экономической политике, рассматривался план ГОЭЛРО. Большевикам-ленинцам с их опытом подпольной работы и революционных боев теперь приходилось привыкать к работе в новых условиях.

Для Федора Федоровича начался новый период жизни, большего или меньшего масштаба работа в руководстве хозяйством. Но этот новый период потребовал бы новой повести об этом замечательном, скромном, деловитом и одаренном человеке.

К. БОРИСОВ

ДЕВИЗ КОМИССАРА

В тот день нас, троих студентов Уральского государственного университета, приняли в партию. Мы долго бродили по вечерним улицам родного города. На твоей улице мы задержались — стояли перед мемориальной доской.

Чугунный барельеф. Твое лицо вдохновенно и очень молодо. Я опять спрашивала тебя: «Какой ты был, красный комиссар Толмачев?» Мне хотелось о тебе знать все-все, мой знаменитый однофамилец.

...С тех пор прошло целых двадцать лет. Я узнавала о тебе по крупицам, читала короткие документы в архивах, слушала рассказы тех, кто знал тебя лично. Каждый, кто упоминал твое

имя, улыбался светло, глаза молодели. Тебя глубоко уважают и любят у нас на Урале. И мне все нелепей казалась мысль о том, что тебя нет в живых. Так явственно порой звучит твой пламенный голос... Я знаю твою походку. На твою искреннюю шутку, юношеский задор невозможно не откликнуться. Ты умел замечательно улыбаться, комиссар...

— Нет-нет, мама, я все решил! — Николай ласково улыбается матери, и его улыбка успокаивает Анну Васильевну.— Выбор сделан — только Политехнический!

Мать все еще колеблется:

— А твое зрение, Николенька?

— Очки не помеха!

— Твои товарищи-реалисты выбрали университет, юридический... Ты хорошо подумал, сын?

— Да, мама.

Он подходит к ней ближе, кладет на плечи руки. Она замечает: его юношеский подбородок словно тверже и резче стал за последние дни.

— Ты всегда нас учила: у каждого должна быть мечта. Теперь она у меня почти в руках!

Опять улыбнулся задумчиво и мягко:

— Закончу институт — уеду на Урал инженером-металлургом...

— ...И пойду работать на Верх-Исетский завод,— в тон ему тихо продолжила Анна Васильевна.

— Верно, мама, верно...— Темные глаза сверкнули, энергично отбросил со лба прямые волосы.— Пойду к тем, чьих ребятишек ты учила, вернусь к друзьям детства...

— Екатеринбург — твой родной город, Коля... А все-таки жаль, что ты уезжаешь, я думала, ты останешься с нами, в Ростове было бы полегче всем.

— Мама, у каждого есть своя мечта... И, пожалуйста, не вздумайте мне посылать в Питер деньги. У вас с отцом хватит заботы и о младших. Я буду зарабатывать уроками.

Политехнический институт в Петрограде был высшим техническим учебным заведением нового типа. Научные силы, методы преподавания в институте не уступали аналогичным иностранным учебным заведениям.

Набор студентов в институт контролировался особенно строго — боялись студентов, хоть в какой-то мере замешанных в политике. И все-таки, несмотря на тщательную проверку, в Политехнический проникали и такие молодые люди, которые были далеки от мысли стать слугами самодержавия. Подъем революционного движения в стране оказал большое влияние на студенческую молодежь. В 1912 году в Политехническом институте оживилась деятельность социал-демократической большевистской организации.

Николай Толмачев в Петрограде установил связи со студентами-большевиками. Немало помогли ему в этом сестры Нина и Тамара, всецело разделявшие настроение лучшей части студенчества того времени. В комнате, которую снимали сестры-курсистки, часто собиралась молодежь. Читали рефераты, вели горячие беседы и оживленные споры. Здесь много и восторженно говорили о Ленине. Николай упорно продолжал изучать марксизм, посещал кружок, где читались лекции по политэкономии, по истории рабочего движения, знакомился с программой РСДРП. Вместе со своими новыми товарищами по кружку Николай читал центральный орган большевиков — газету «Правда». Позднее он не только распространял ее в институте, но и организовал сбор средств на ее издание.

Николай Толмачев был вместе с тем аккуратным студентом. Увлеченный будущей специальностью инженера-металлурга, он усердно посещал лекции профессоров, с интересом знакомился с новейшей специальной литературой. Вечерами до поздней ночи он трудился в лабораториях и в чертежных кабинетах. К тому же он не мог себе позволить роскоши растянуть учебу в институте на 6—8 лет.

С 1913 года Николай Толмачев — член большевистской партии. Кроме политической убежденности, знаний, организаторского таланта, он обладал еще такими замечательными чертами, как общительность, остроумие, воспитанность. И поэтому уже в 1914 году Толмачев был избран секретарем большевистской организации Политехнического. Характерно, что вступавшим в партию Николай Толмачев при приеме задавал в числе других вопросов один непременный:

— Знаете ли вы статьи 101 и 102 уголовного уложения? О том, что по этим статьям участие в подпольных революционных организациях карается каторжными работами?

Ответ на этот вопрос часто до конца характеризовал вступавшего в партию.

С именем Николая Гурьевича Толмачева связаны все наиболее значительные революционные события в Политехническом институте после начала империалистической войны. Он вел большую политическую работу среди студенчества других высших учебных заведений Петрограда, а также на заводах Выборгской стороны. В нем проявился яркий пропагандистский талант. Он умел говорить образно, живо, его волнение и горячность передавались слушателям. Встречи с народом приносили Толмачеву огромное удовлетворение. В общении с рабочими он формировался как организатор масс. Среди рабочих крупных заводов Лесснера, Парвиайнена стало популярным имя товарища Василия (подпольная кличка Толмачева) — скромного, не по летам серьезного юноши.

...Однажды сестры «накрыли» его за подготовкой к очередному занятию в марксистском кружке. Он был так увлечен, что, коротко ответив на их приветствие, снова углубился в работу. Но вот он поднял голову, посмотрел на сестер:

— Тамара, Ниночка, да вы у меня становитесь просто очаровательными девицами! Расскажите, кто за вами ухаживает?

Сестры переглянулись, фыркнули.

Нина хотела выхватить его конспект, Николай шутливо поймал ее руку: — Стоп, мадемуазель! Контролю не подлежит.

— Нам недоверие? — в тон ему возмутились сестры.— А кто тебя вовлек в «крамолу?»

— Нет, не потому... Просто конспект еще не готов.

— Ладно скромничать! — Нина углубилась в чтение: — Так... Логично. Интересно. Искренне.. «Партия большевиков в России — это ваша надежда, сила, будущее ваших детей, друзья!» — Нина прочитала это волнующе-торжественно.

...Все трое умолкли. Бледное тонкое лицо брата порозовело. Похвала даже близких людей всегда приводила его в смущение. Словно оправдываясь, он сказал:

— Рад, что вам понравился этот набросок, но вы, как всегда, преувеличиваете мои достоинства,— он улыбнулся, блеснув изумительно ровными зубами. И, сделавшись серьезным, добавил: — Знание точных наук, оказывается, помогает в пропагандистском деле. Оно заставляет придерживаться строгой системы, не пренебрегать определенным планом...

Уходя, сестры просили:

— Пожалуйста, будь осторожен, Коля. Сам знаешь, в городе с каждым днем неспокойнее... Не держи у себя в комнате ничего лишнего.

Предупреждение сестер имело основание. Выборгский райком партии работал в глубоком подполье. Все труднее и труднее приходилось проводить его заседания. Однажды заседание райкома чуть не выследила полиция, и Николаю Толмачеву с товарищами просто случайно удалось избежать ареста. Однако деятельность молодого большевика была замечена охранкой, но пока он умело конспирировался. Никто не подозревал, что «товарищ Василий» — это скромный, способный студент Николай Толмачев.

1 мая 1915 года во время выступления на многолюдном митинге рабочих Толмачев был арестован полицией и заключен в тюрьму. Но и на этот раз секретарю большевистской организации Политехнического повезло. Обыск в его комнате в институте ничего не дал. Тщетным оказался и осмотр ростовской квартиры Толмачевых. Серафима Николаевна — тетка Николая — сумела заранее перепрятать в укромное местечко нелегальную литературу, привезенную племянником во время каникул. Полиции также не удалось установить идентичность личности «товарища Василия» и студента Политехнического института. За неимением улик через месяц Толмачев был освобожден из тюрьмы.

...Июньским воскресным днем Николай с сестрами и самыми близкими товарищами шел по набережной Невы. Свинцовые волны реки плескались о гранитный берег. Молодые люди остановились на набережной, молча посмотрели вдаль. Сквозь толщу облаков проглянуло солнце, заиграло в волнах.

— Как хорошо, что ты опять с нами! — сказал один из друзей, полуобняв за плечи Николая. Тот счастливо рассмеялся:

— Вчера, когда я сдавал лабораторные, профессор задержал меня,— Толмачев, отставив мизинец, изящно погладил несуществующую бородку, кашлянул:

— Какая неприятность с вами произошла... Сочувствую...

— Чему, господин профессор?

— Ну, то, что вас... э-э, гм, пытались репрессировать.

— Все хорошо, что хорошо кончается. Типичное недоразумение. Я не в обиде на них, господин профессор.

Николай умел прекрасно имитировать знакомых и этим всегда смешил своих товарищей. И сейчас разговор с профессором он передал мастерски. Он возмущенно передернул плечами, сердито тронул узелок галстука.

— Но как они смели!.. У вас — блестящие способности, студент Толмачев, мы на вас возлагаем большие надежды.

Весело посмеявшись, молодые люди пошли дальше.

...Май 1917 года. Поезд приближается к родному городу. Остались позади лесистые перевалы.

— А все-таки он очень красив, седой Урал...— задумчиво сказал Николай своим друзьям по петербургскому подполью, ехавшим вместе в Екатеринбург.

С. Боголепов и К. Кирста переглянулись:

— Как-то он нас встретит этот седой богатырь?

...Партия придавала большое значение Уралу, одному из важнейших индустриальных центров страны. В стратегическом плане подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, разработанном В. И. Лениным, Уралу вслед за Петроградом и Москвой отводилась решающая роль.

В момент приезда Толмачева в Екатеринбург уральские большевики переживали некоторые трудности. Солдатские массы, до конца еще не разобравшиеся в обстановке, поддались провокационной эсеровской пропаганде и попали под влияние соглашательских партий. Приезд Н. Г. Толмачева и группы питерцев на Урал был своевременным.

Во главе партийной организации Екатеринбурга стоял в этот период И. М. Малышев — талантливый организатор, большевик-ленинец, волевой человек. Вместе с Малышевым, Ф. И. Голощекиным, Я. М. Шейнкманом, Л. И. Вайнером, К. Г. Завьяловой, Н. И. Тунтулом, Н. Н. Крестинским, В. Н. Андрониковым и другими партийными работниками Толмачев возглавил борьбу уральских большевиков за власть Советов.

Нужна была усиленная политическая работа в массах. Николай Гурьевич не считался ни с отдыхом, ни с трудностями. Бездорожье... Дожди... А он ехал на заводы и в рабочие поселки Урала. Тагил, Алапаевск, Ляля... Слово — сильнейшее оружие Толмачева. Выступал он горячо и взволнованно, в полемике с противником умел убедить слушателей в своей пра-

воте. Выступления Толмачева во многом способствовали укреплению местных партийных организаций.

О своих впечатлениях об одной из поездок по Алапаевскому горному округу Толмачев писал Боголепову и Кирсте: «Объехал я Егоршино, Ирбитский завод, Алапаевск, Верхнюю Синячиху, Нижнюю Синячиху, Нейво-Шайтанский рудник... Провел с дюжину митингов. Создал организации, где их не было... Провел у них несколько партийных собраний: о текущем моменте, о программе, о профессиональном движении. Теперь организация большевистская выросла вдвое (из 300 до 600 человек). Потом наладил издание брошюр. Создали окружной профессиональный союз и взяли его в свои руки...

...Народищу за это время я перевидел — страсть. Встречался с рабочими, крестьянами, интеллигенцией. Ночевал в разных углах — видел быт».

В другом письме, рассказывая о результатах борьбы против соглашателей в Гороблагодатском горном округе, шутливо рапортовал: «Везде победа: есть много скальпов разных племен (социалисты-революционеры, меньшевики)».

Вскоре Н. Г. Толмачев был направлен областным комитетом партии в Пермь, где организация большевиков переживала тяжелый период. Рассчитывая на поддержку солдат, пермские эсеры и меньшевики объявили большевикам войну. В Перми Толмачев вошел в состав городского комитета РСДРП и возглавил военную организацию большевиков.

По опыту работы в Петрограде Толмачев знал, каким мощным оружием в руках партии является газета. И поэтому вскоре он предпринял энергичные шаги по созданию большевистского печатного органа.

Лекции, доклады, беседы среди солдат и рабочих, газета «Пролетарское знамя», фактическим редактором которой был вначале он сам, — чем только ни занимался Николай Гурьевич в эти дни! Он никогда не делил партийные дела на большие и малые, все они для него были самыми важными.

Заботиться о себе он не умел и не любил. Вспоминая об этом периоде его жизни, Серафима Николаевна Толмачева писала: «Находясь круглые сутки на работе, Николай очень нуждался и голодал. Он усиленно скрывал от своих близких и знакомых хроническое голодание... В свой приезд из Перми в Екатеринбург он едва стоял на ногах от истощения».

Николай Толмачев никогда не терял присутствия духа — был всегда жизнерадостным и веселым. Стройный, молодой человек в пенсне, с темными густыми волосами, безупречно вежливый и простой — он был горячо любим рабочими и солдатами. Уже в первые годы Советской власти делегации рабочих, прибывших в Екатеринбург из самых отдаленных заводских поселков на съезды и конференции, спрашивали:

— Где можно приобрести портрет Толмачева? Наши рабочие хотят его портрет в своем клубе повесить. Николай Гурьевич такой молодой и веселый...

— Комиссар идет! — сказал один из бойцов. Утомленные долгим переходом, плохо одетые и полуголодные красногвардейцы только что расположились на привале. При виде комиссара по их лицам пробежала улыбка. Кто-то потеснился, давая Толмачеву место на пригорке под деревом.

— Как настроение, товарищи?

В кожаной куртке, плотно облегающей фигуру, он стоял, стройный и гибкий, будто и не проделал со всеми этого длинного перехода. Толмачев охватил взглядом и пологие холмы, и березы, тонкие ветви которых унизали еле заметные, еще спящие почки.

— Воздух здесь чудесный. Дышите во все легкие! — и пошутил с грустью: — Воздуха много — вот только хлебца на закуску у нас маловато.

— Это бывает,— степенно сказал усатый красногвардеец, передавая раскуренную козью ножку товарищу.

— А не спеть ли нам, друзья? — улыбнулся комиссар.— Патрушев, начинай!

— Взвейтесь, соколы, орлами,
Взвейтесь, **красные орлы!**
Победим мы эту свору,
Победим лишь только мы!

Пели бойцы, голоса их крепли, песня обретала стройность. Пел вместе с бойцами и их молодой комиссар. А потом, когда красногвардейцы начали новую песню, он присел на поваленное дерево, вырвал из записной книжки листок... Быстрые строки письма родным легли на бумагу.

«Дорогие! Сейчас революция должна защищаться в обстановке чудовищно тяжелой. Я не считаю возможным быть простым зрителем, тем более что мое активное участие в рабочем движении делает для меня нравственным долгом принять личное участие в обороне страны. Поэтому я с первым уральским отрядом иду на фронт. Назначен комиссаром областного Совета при 4-й Уральской дружине. Всего в отряде 4 дружины (1600 человек). Дружина хорошая, из отборных рабочих окружных заводов, конечно, обученная несколько наспех.

Вам мой отъезд принесет новые хлопоты, новую тревогу. Но вы не должны на меня сетовать за это потому, что иначе я не мог поступить...

...Снарядился в дорогу, как солдат. У меня есть солдатский теплый костюм, две пары сапог, кожаная куртка — целое приданое! Завел вместо пенсне очки, и теперь с винтовкой в руках — заправский солдат. «На пле-чо! К но-ге-е!» — все это могу проделать с ловкостью новобранца. Прощайте. Не сердитесь. Крепко, крепко целую вас всех.

Ваш Николай»

Дутовский фронт — это первое боевое испытание Толмачева, и он его с честью выдержал. На всем пути движения Уральского красногвардейского отряда велись упорные бои. Отряд не раз окружали белоказаки, но малообученные и плохо вооруженные красногвардейцы с победой выходили из тяжелых испытаний. В отряде была хорошо поставлена политработа, и поэтому дисциплина была образцовой. Революционная стойкость и смелость красногвардейцев умножали силу отряда.

Николаю Толмачеву пришлось пережить в эти дни тяжелую утрату. В его отряде в качестве медицинской сестры сражалась молодая девушка Вера Зубарева, товарищ Толмачева еще по петроградскому подполью. Однажды, перевязывая раны бойцам, Вера попала в окружение и была зверски растерзана белоказаками.

Изменился в лице комиссар, около юношески нежных губ легли строгие морщинки. Перенести потрясение ему помогли его убежденность, его молодость, тесное общение с людьми.

На Урале строительство Красной Армии и переформирование красногвардейских отрядов в регулярные части проводилось уже в условиях начавшейся гражданской войны... В состав Северо-Урало-Сибирского фронта тогда входили все действовавшие против белогвардейцев на Урале красноармейские части, а также добровольческие отряды уральских рабочих.

Осенью 1918 года Толмачева назначили на пост главного политического комиссара 3-й армии. Теперь на плечи его легла забота о воспитании многих тысяч красноармейцев.

Николай Гурьевич любил политическую работу в Красной Армии. К ней он умел привлекать наиболее грамотных красноармейцев, так как считал, что политическая работа в армии — это не удел только одиночек-энтузиастов, она должна иметь широкий размах и носить систематический характер. Толмачев пишет «Конспект политграмоты», в котором излагает минимум политических знаний. Конспект этот был первым специальным пособием для армейских политработников.

В начале июня Толмачев вместе с Малышевым выехал на Златоустовский участок фронта. Здесь завязались тяжелые бои с белочехами, которые стремились овладеть городом и таким образом создать условия для объединения мятежных войск Урала и Поволжья. Опираясь на коммунистов и рабочих-добровольцев, Толмачев и Малышев возглавили оборону. Советские отряды нанесли противнику ряд чувствительных ударов и вынудили его на время прекратить активные действия.

На самой передовой линии фронта комиссар Толмачев всегда был среди бойцов. Терпеть не мог он засиживаться в штабных канцеляриях и горячо доказывал «военспецам», что культурно-просветительная работа среди бойцов не должна прекращаться на передовых позициях. Ни в каких условиях не отрываться от масс, знать и чувствовать настроение бойцов, слиться с ними воедино — только такой метод политической работы считал приемлемым красный комиссар.

Иногда бойцы, опасаясь за жизнь Толмачева, ему говорили:

— Товарищ комиссар, здесь пули... Вы бы ушли.

Он смеялся в ответ, покоряя всех задорной и мягкой улыбкой.

— Нет, я заговоренный!

Но силы были слишком неравные, белые получали все новые и новые подкрепления. К тому же в тылу советских отря-

дов вспыхнули кулацкие мятежи. В эти тяжелые дни уральскую партийную организацию постигла тяжелая утрата. Трагически погиб Иван Михайлович Малышев.

На митинге красноармейцев, состоявшемся по случаю гибели командира, Толмачев произнес речь, которую закончил призывом: «Склоните знамена, сомкните штыки над гробом погибшего героя. И пусть одна мысль и одна воля спаяют наши ряды! Пока жив хоть один уральский рабочий, пока в руках держит винтовку хоть один красноармеец — Красный Урал не будет в руках врагов!»

От воинов-коммунистов Урала Николай Гурьевич был избран делегатом на VIII съезд РКП(б). На съезде большое внимание в своем выступлении В. И. Ленин уделил значению новых воинских уставов, созданию в армии твердой сознательной дисциплины, без которой не могло быть могущественной Красной Армии. Указания В. И. Ленина явились программой партии в области строительства Красной Армии и в организации борьбы с интервентами и белогвардейцами.

В резолюции VIII съезда РКП(б) вновь подчеркивалась жизненная необходимость быстрейшего создания регулярной армии, решительно осуждались попытки возродить в какой бы то ни было форме элементы партизанщины, была особо отмечена большая роль политработников в военном строительстве.

...Толмачев был в Москве, уже состоялось решение о посылке его в Петроград, когда на Восточном фронте развернулись особенно кровопролитные бои с колчаковцами. Николай рвался к своим друзьям.

— Петроград дал мне первые уроки массовой революционной борьбы, но я уралец, я сроднился с этим краем и мне жаль покидать залитый кровью друзей и товарищей Урал.

Однако он ошибался, считая в те дни Петроград тихой пристанью для бойцов. Над великим городом сгущались темные тучи контрреволюции.

Ранним утром 26 мая 1919 года, едва забрезжил рассвет, крупные силы белогвардейцев начали штурм Красных Гор. Толмачев возглавлял оборону. Не отдохнувший от боев батальон снова был вынужден принять неравный бой. Рота, где находился Толмачев, была прижата к озеру. В одной из схва-

ток Толмачев был тяжело ранен. В роте оставалось лишь несколько человек. Командир роты из бывших офицеров предложил сдаться и, подняв руки, направился в сторону врага. Выстрелом из нагана Толмачев уложил предателя и паникера. Истекая кровью, красный комиссар Толмачев продолжал расстреливать наседавших белогвардейцев. Последнюю пулю он оставил для себя...

...Над Марсовым полем плещутся алые стяги. Четыре гранитные стены защищают от ветра могилы героев революции. Пламя вечного огня трепещет в центре площади. На четырехугольном надгробии вдохновенные надписи, сделанные по тексту А. В. Луначарского:

Не жертвы — герои
лежат под этой могилой.
Не горе, а зависть
рождает судьба ваша
в сердцах всех благодарных потомков.
Славно вы жили
и умирали прекрасно.

В юго-западном углу на скромной могиле большой венок обрамляет лаконичную надпись: «Н. Г. Толмачев. 1895—1919 гг.».

...Я долго стою у этой могилы. Красный комиссар, уральцы тебя не забудут!.. Быть ближе к массам, не отрываться от народа, какой бы высокий пост ты ни занимал,— вот твой девиз коммуниста-ленинца. Ты руководствовался им сам и призывал к этому всех. Мы слышим твой призыв, комиссар!

Н. ТОЛМАЧЕВА

МАТРОС С «ЗАРИ СВОБОДЫ»

Далеко рабочий Урал от синего моря. У склонов его гор не плещут волны Балтики. Военные корабли не показывают уральцам свои флаги и вымпелы. Поэтому понятно, что жители Екатеринбурга были удивлены, когда в один из осенних дней 1917 года увидели на улицах города группу матросов в черных бушлатах и широких суконных брюках.

Моряки ходили по городу, сопровождаемые ватагами любознательных мальчишек. В центре группы всегда находился широкоплечий военный моряк выше среднего роста. В лице с правильными чертами привлекали глубоко посаженные глаза,

27 Заказ 17

серые, с легкой, едва уловимой голубизной. На ленточке его бескозырки золотились слова «Заря Свободы», а из-под бушлата виднелась кобура револьвера.

Балтийцев забросили на Урал волны революции... Они направлены были в Екатеринбург во главе с большевиком Павлом Даниловичем Хохряковым Центральным Комитетом партии в помощь уральским организациям для утверждения на земле ленинской правды.

Ленинская правда... Через многие тяготы и испытания пришел к ней простой балтийский моряк Павел Данилович Хохряков. Его призвали на военную службу вскоре после начала первой мировой войны — в ноябре 1914 года. Ничего, кроме горькой нужды и несправедливости, он в жизни не видел. В деревне Хохряковской, Вожгальской волости, Вятской губернии, где родился Павел, такую жизнь влачило большинство семей крестьян-бедняков. Мальчику еще посчастливилось. Ему удалось окончить три класса церковноприходской школы, а другие и вовсе выросли неграмотными. Подростком Павел был отдан в обучение к деревенскому кузнецу. Там он хорошо понял горький смысл пословицы, которую часто говаривал отец: «Не кует железа молот, кует кузнецов голод»...

Служить ему довелось кочегаром на линейном корабле «Император Александр II». Здесь он на себе испытал каторжный режим царского флота. Офицеры зло покрикивали, часто пускали в ход кулаки. Человеческое достоинство матросов всячески унижалось. После вахты от тяжелой работы нестерпимо ломило тело. А еще больше болела душа. Из деревни шли письма. И каждое из них ранило сердце. Из дома сообщали одну весть печальнее другой. Крестьяне нищали. Многие семьи осиротели: кормильцы погибли в окопах империалистической войны.

Все чаще Павел задумывался над вопросами: «Где же выход? Как бороться со злом?»

К счастью, жизнь свела молодого матроса с людьми, которые помогли ему найти правильный путь. Его учителем стал матрос-большевик Иван Сладков. Он давал ему листовки и брошюры, в которых разоблачался грабительский характер войны, продажность царского правительства и правящих классов. Постепенно ввел он его в круг подпольщиков, вовлек в революционную работу. И хотя жандармы в конце 1915 года

арестовали Сладкова и некоторых других большевиков, однако разгромить подпольную организацию на линкоре не смогли.

В 1916 году Хохряков стал активным членом судовой подпольной большевистской организации. В дни Февральской революции он, как и многие другие флотские большевики, оказался в центре политических событий. В ночь на 1 марта по поручению партийной организации он стал одним из руководителей восстания Кронштадтского крепостного полка. В ту же ночь власть в городе перешла в руки матросов, солдат и рабочих. Через несколько дней, по примеру питерского пролетариата, они создали Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Павел Хохряков стал агитатором Кронштадтского комитета партии. Он выступал на многочисленных митингах и собраниях. Его можно было видеть на фабриках и заводах Петрограда, в солдатских и матросских казармах. Он быстро зарекомендовал себя как умелый оратор. Слушали его охотно. Павел говорил просто, понятно, но всегда страстно, и неизменно заражал слушателей своей твердой убежденностью в правоту дела революции.

В апреле 1917 года Кронштадтский Совет решил послать делегацию в действующую армию. Возглавить ее поручили Павлу Хохрякову.

Когда Хохряков с группой товарищей пришел к председателю Петроградского Совета лидеру меньшевиков Чхеидзе для того, чтобы получить пропуск на фронт, тот стал отговаривать моряков. «С одной стороны», он как будто приветствовал такую поездку, «с другой стороны», высказывал сомнение в ее целесообразности.

Хохряков стал настаивать. Чхеидзе, пытаясь затянуть отъезд, заявил, что выдать пропуск может только военный министр Гучков.

— Не хочется, видимо, меньшевику пускать на фронт большевистских агитаторов! — с горечью заметил Павел.— Вот и пытается нас напугать Гучковым.

К военному министру отправились всей делегацией. В подъезде министерства дорогу морякам преградил швейцар.

— Куда вы прете такой толпой! — заорал он.— Назад! Охрану позову!

Прибежал юнкер.

— В чем дело, господа?

— К министру, делегация на фронт.

— Без доклада нельзя входить, его превосходительство...

Больше он ничего сказать не успел. «Бедный юнкер,— вспоминает член делегации А. Попов,— он был оттеснен назад... И вот мы в передней»...[1].

Кронштадтцев не смутила ни пышность приемной, ни сидевшие там чиновники в эполетах. Лощеный адъютант, прибежавший на шум, и чиновники стали допытываться, зачем они идут к министру и для чего едут на фронт. Разговаривать с этими господами было противно, но делегаты отвечали спокойно, с достоинством.

Неожиданно дверь кабинета министра распахнулась, и на пороге показался Гучков. Увидев незваных посетителей, он слегка опешил, покраснел, видимо, взбешенный их смелым вторжением. Но внушительная толпа матросов, и, главным образом, их решительный вид заставили министра сдержаться. Выслушав Хохрякова, он категорически заявил:

— Выдать пропуск на фронт не могу.

Послышался гул возмущения. Кто-то из моряков крикнул: «Нас Чхеидзе послал!»

Повлиял ли на Гучкова авторитет предателя революции Чхеидзе или же он просто понял, что необходимо разрядить обстановку, но министр вдруг переменил решение:

— Если Чхеидзе просит об этом,— уже другим, примирительным, тоном сказал он,— то я дам пропуск на фронт, но только в армию Радко-Дмитриева... Так назвал он 12-ю армию.

Через несколько минут в руках у Хохрякова был пропуск на фронт, подписанный военным министром. Этот пропуск не раз выручал делегацию кронштадтцев во время поездки. Помог он и при посадке в поезд на Варшавском вокзале.

В Риге, где размещался штаб 12-й армии, делегацию встретили недружелюбно.

— Зачем приехали? — спросили кронштадтцев эсеры и меньшевики, засевшие в исполнительном комитете солдатских депутатов армии, называвшемся сокращенно «Искосол». Узнав о цели поездки, руководители Искосола окончательно

---

[1] А. Попов. Кронштадтцы на фронте. «Красный флот», 1922, № 9. стр. 188.

помрачнели и с места в карьер стали чинить препятствия. Под предлогом, что эта поездка — «частное дело», они тут же отказали делегатам в питании.

Кронштадтцы решили не отступать. Они расположились в клубе, спали на бильярдных столах, жили впроголодь.

На следующий день в здании городского театра открылся солдатский съезд 12-й армии. Кронштадтцам с трудом удалось получить билеты на галерку. Однако эсеро-меньшевистское руководство Искосола приложило все силы, чтобы делегаты съезда не узнали о приезде балтийских моряков.

Замысел эсеров было понять нетрудно: они стремились изолировать посланцев большевистского Кронштадта от солдатских масс. Морякам пришлось принять свои меры. Прямо с галерки они стали бросать в зал записки, в которых кратко сообщали о цели своего приезда. Записки стали ходить по рукам, вызвали разговоры.

Двое солдат поднялись с мест и предложили избрать кронштадтцев в президиум, дать им возможность выступить. Руководивший съездом прапорщик пытался оставить это предложение без внимания, но в зале поднялся шум, раздались крики. Меньшевикам и эсерам в президиуме съезда пришлось потесниться и уступить почетные места трем представителям кронштадтских большевиков.

Когда Хохрякову предоставили слово и он передал фронтовикам горячий привет от революционного Кронштадта, в зале долго не смолкали бурные аплодисменты. Речь Хохрякова была короткой, но каждое слово точно било в цель: он разоблачил клеветнические нападки буржуазной прессы на революционный Кронштадт, разъяснил политику большевистской партии. Внимательно, затаив дыхание, слушали солдаты пламенного оратора.

Оставив часть кронштадтцев на съезде, Хохряков разделил остальных на несколько групп. Он хотел, чтобы революционные матросы побывали в соседних армейских соединениях. Правда, Гучков выдал пропуск только в 12-ю армию, но Хохряков решил с этим не считаться: он направил группу агитаторов также в 1, 5 и 7-ю армии.

Неутешительную картину увидели кронштадтцы в частях действующей армии. Влияние революции здесь еще было слабым. Порядки остались старые. Реакционные офицеры и гене-

ралы обращались с солдатами, как со скотом. Делегатам рассказывали одну историю возмутительнее другой. Офицеры продолжали сечь солдат розгами, ставить их «под ружье», умышленно подставляли «провинившихся» под вражеские пули. В Муромском полку офицер застрелил солдата за то, что тот потребовал улучшить питание.

Кронштадтцы организовали на фронте митинги. Говорили о том, что больше всего волновало солдатские сердца,— о мире. Солдаты охотно соглашались с тем, что война при Временном правительстве остается разбойничьей, что нужно положить конец кровавой бойне.

Солдатские массы встречали кронштадтцев с восторгом. Узнав от них правду о происшедшей революции, услышав ленинские лозунги о земле, о мире, о Советах, солдаты обнимали, целовали, качали посланцев Балтики. Участник поездки матрос А. Попов вспоминает, что восторг масс, их благодарность балтийским агитаторам, принесшим ленинскую правду измученным фронтовикам, не знали границ.

За короткий срок, с 5 по 29 апреля, бригада агитаторов во главе с Хохряковым проделала путь в тысячи километров, выступала на солдатских митингах в 12, 1, 5 и 7-й армиях. Благодаря этому сотни тысяч солдат узнали большевистскую правду о положении в стране.

По возвращении в Кронштадт Хохряков выступил с отчетом о поездке на заседании Совета, опубликовал статью в газете большевиков — «Голос правды». В статье он привел убедительные факты, свидетельствующие о том тяжелейшем положении, в котором находились фронтовики. «Если бы вы, господа капиталисты,— писал Хохряков,— увидели тех мучеников, которых вы хотите еще гнать на убой, едва ли бы ваш проклятый язык повернулся говорить: война до полной победы».

Успешное выполнение задания на фронте, выявившиеся пропагандистские и организаторские способности Хохрякова, предопределили его деятельность на длительное время. Ответственные задания следовали одно за другим. Ревель, родная Вятка, Петроград, Архангельск, Мурманск... Где только ни побывал агитатор Кронштадтского комитета большевиков. Он возглавлял различные делегации, которые разоблачали предательство эсеров и меньшевиков, козни открытой контрреволюции, пропагандировали требования партии большевиков.

Павел Хохряков становится умелым агитатором и пропагандистом. Это, разумеется, пришло не сразу. Ему пришлось потратить много усилий, чтобы пополнить свои знания, изучить работы В. И. Ленина, решения партии, постепенно оттачивалось его ораторское мастерство.

Летом 1917 года на одном из митингов в Петрограде речь Хохрякова слушал Секретарь Центрального Комитета Я. М. Свердлов. С похвалой отозвавшись о выступлении, он дал Павлу несколько практических советов, которые впоследствии весьма пригодились. С этого дня Свердлов внимательно наблюдал за моряком-агитатором, и, когда встал вопрос о посылке на Урал товарища для оказания помощи местным большевикам, он рекомендовал Военной комиссии при ЦК РСДРП(б) направить Хохрякова. Главная цель поездки его и приданной ему группы моряков — организация вооруженных сил революции — Красной гвардии. Это было важнейшее звено в подготовке к вооруженному восстанию, проводившееся по решению VI съезда РСДРП(б).

Тепло встретили Павла Хохрякова в Уральском областном и Екатеринбургском городском комитетах партии. Руководителям екатеринбургских большевиков пришлась по душе его страстная убежденность в победе социалистической революции, его кипучая энергия и смелость.

Подробно рассказал Хохряков о своей первой встрече с В. И. Лениным. Это было в июльские дни, когда несколько тысяч кронштадтцев прибыли в Петроград, чтобы принять участие в мирной демонстрации против империалистической войны, за передачу власти в руки Советов. Их колонны направились на Петроградскую сторону, к бывшему дворцу балерины Кшесинской, где помещался Центральный Комитет большевистской партии. Учебно-артиллерийский отряд, в стройных шеренгах которого шагал Хохряков, остановился как раз перед самым особняком Кшесинской. Благодаря этому Хохряков и его товарищи хорошо слышали Я. М. Свердлова и А. В. Луначарского, приветствовавших революционных балтийцев.

Балкон опустел. Но кронштадтцы не расходились. Им хотелось услышать любимого вождя. Раздавались возгласы: «Ленина! Ленина!»

Владимир Ильич был нездоров, но когда ему сообщили о горячей просьбе моряков, немедленно согласился выступить. Появление Ленина на балконе дворца вызвало бурю восторгов. Из колонн неслись приветственные возгласы: «Да здравствует товарищ Ленин!». Громкое «ура!» долго гремело над площадью и Невой. Но вот Ильич заговорил — и мгновенно воцарилась тишина. Ленин сказал, что счастлив видеть кронштадтцев и еще более счастлив разговаривать с ними.

Хохряков впервые видел великого вождя, впервые слышал его голос. Ленин с первого взгляда привлекал своей исключительной простотой. Речь его отличалась страстностью, глубокой убежденностью в правоту дела революции. Хохряков и все, кто в эти минуты был у дворца Кшесинской, слушали Ильича, затаив дыхание, стараясь запомнить каждое слово. Павлу казалось, что вся Россия в эти минуты слышит призыв великого вождя к борьбе за свободу и счастье народа.

И теперь, будучи в Екатеринбурге, он ощущал еще большую уверенность, что ленинское предвидение о победе лозунга «Вся власть Советам!» сбывается.

— Время у нас сейчас тяжелое,— сказал, обращаясь к Хохрякову, Иван Михайлович Малышев,— и мы очень рады, что Центральный Комитет прислал тебя сюда. Работа сейчас у нас жаркая. Включайся в нее на всю мощь.

В Екатеринбурге в то время была особенно напряженной борьба против меньшевиков и эсеров, за сплочение всех революционных сил под знаменем большевистской партии.

С первых же дней после приезда в Екатеринбург Хохрякову пришлось выступать на рабочих собраниях и митингах. Восторженно встречали екатеринбуржцы горячий привет от большевиков Петрограда и моряков революционной Балтики. Собрание железнодорожных рабочих и служащих станции Екатеринбург, где Хохряков выступал с докладом, приняло резолюцию, в которой говорилось: «Приветствуем красу и гордость революции — кронштадтцев — за их стойкую борьбу против бойни капитала и угнетателей, выражаем свое негодование по поводу той клеветы, которую возвел на них Керенский, и заявляем, что мы всеми средствами поддерживаем наших товарищей, кронштадтцев, балтийцев и петроградцев. Требуем скорейшего созыва Всероссийского съезда Советов, который должен взять всю верховную власть».

Хохряков со свойственной ему кипучей энергией взялся за организацию Красной гвардии. Он выступал на Верх-Исетском заводе, на фабрике Логинова, в Оровайских казармах. Результаты этих встреч радовали: всюду принимались решения о создании Красной гвардии. В одной из таких резолюций говорилось: «Мы, рабочие Верх-Исетского завода ...заверяем о своей готовности, когда будет нужно, поддержать революцию не на словах, а на деле». Такие решения рабочие подкрепляли делом: они дружно записывались в отряды Красной гвардии, настойчиво овладевали военными знаниями. Хохряков оказывал на местах практическую помощь в организации и вооружении красногвардейских отрядов.

Авторитет Хохрякова на Урале быстро рос. «Товарищ Павел» — так с большой теплотой называли его рабочие и солдаты. «С утра до ночи,— писала газета «Уральский рабочий»,— слышен был его твердый голос на рабочих собраниях, на митингах, в казарме. Его простые и ясные слова глубоко западали в душу и рассеивали соглашательский туман мелкобуржуазных иллюзий»...[1]

Постепенно налаживалось централизованное руководство отрядами Красной гвардии: создаются районные штабы и Центральный штаб. Хохряков был назначен начальником Центрального штаба. Был разработан и принят устав Красной гвардии. Разрозненные отряды превращались в спаянные крепкой дисциплиной вооруженные силы революции. Красная гвардия готовилась к решительным схваткам с буржуазией.

В те горячие дни у Павла Даниловича появились новые друзья. Он питал большое уважение к опытному партийному работнику Ф. И. Голощекину, направленному сюда Центральным Комитетом партии. Хорошими его товарищами стали прапорщик П. М. Быков — первый большевистский председатель Екатеринбургского Совета, видный уральский коммунист — журналист Н. Г. Толмачев и многие другие. Особенно близко подружился Хохряков с Я. М. Юровским, вместе с которым ему довелось проводить работу среди солдат местного гарнизона.

На октябрь 1917 года были назначены перевыборы Екатеринбургского Совета. Городской комитет партии поручил Хох-

---

1 «Уральский рабочий», 23 августа, 1918 г.

рякову и Юровскому возглавить предвыборную агитационную и организаторскую работу среди солдат.

В то время в городе находились 108, 124, 126 и 149-й пехотные полки, кавалерийская и инженерная части. Здесь также располагалось значительное число госпиталей и команд выздоравливающих, в которых было более 4000 эвакуированных с фронта солдат. На чьей стороне окажутся эти силы во время предстоящей вооруженной схватки с буржуазией — имело решающее значение в борьбе за власть.

Меньшевики и эсеры предпринимали отчаянные усилия, чтобы сохранить среди солдат свое влияние. Надо было лишить соглашателей опоры в войсках, добиться, чтобы представителями в Совет прошли солдаты-большевики.

Предстояла ожесточенная борьба за солдатские массы. Эсеры и меньшевики из полковых и ротных комитетов всячески препятствовали проведению предвыборных собраний в воинских частях, стремились отвлечь солдат от участия в них.

На собраниях возникали жаркие схватки с соглашателями — меньшевистскими и эсеровскими краснобаями. Из этих схваток Хохряков и Юровский неизменно выходили победителями. Воинские части одна за другой стали переходить на сторону большевистской партии. Своими депутатами в Совет солдаты посылали большевиков. От одного из полков в Совет был избран Хохряков, ставший затем членом исполнительного комитета Екатеринбургского Совета.

Совет переизбрали. Из 120 его делегатов 86 были большевики. Совет потребовал передачи всей власти в руки Советов.

Но силы контрреволюции на Урале не думали складывать оружие. Судорожно цепляясь за власть, враги лихорадочно готовились подавить революцию. Буржуазия поспешно вооружалась, сколачивала из антисоветских элементов, анархистов свои отряды и банды.

Под предлогом ликвидации анархии екатеринбургский комиссар Временного правительства Теплоухов разработал специальный план борьбы против революционных сил, против большевистской партии. Важнейшей частью этого плана был вывод из Екатеринбурга воинских частей, оказывавших поддержку большевикам. Командование с благословения руководства местных эсеров и меньшевиков решило срочно отправить эти полки на фронт.

Приказ об этом был получен в полках в дни, когда в Петрограде рабочие, солдаты и матросы под руководством большевиков во главе с В. И. Лениным подняли Октябрьское вооруженное восстание. Первые телеграммы о начавшемся восстании были получены 25 октября. В ту же ночь члены городского комитета, в том числе и Хохряков, отправились на заводы, чтобы привести в боевую готовность все революционные силы.

Ждали новых сведений из Петрограда. Но известий не поступало. Оказалось, что чиновники городского телеграфа саботировали связь, задерживали телеграммы из Центра. Тогда комитет партии направил Хохрякова на железнодорожный телеграф, чтобы наладить связь с Петроградом.

В ночь на 26 октября телеграфисты приняли из Питера и передали Хохрякову телеграммы об аресте Временного правительства и переходе всей власти в руки Советов.

Хохряков немедленно сообщил об этом в городской комитет партии. Тут же он получил указание: срочно отправиться на Коковинскую площадь, где происходил митинг, и рассказать екатеринбуржцам об окончательной победе Советской власти. Отрядам Красной гвардии было приказано без промедления занять правительственные учреждения.

Ранним утром 26 октября 1917 года солдатские массы, возмущенные приказом реакционного командования об отправке на фронт, устремились на Коковинскую площадь. Митинг начался особенно бурно. Вместе с солдатами сюда пришли рабочие и работницы. Большевистские ораторы гневно клеймили преступную политику продолжения войны, проводимую Временным правительством, и требовали от начальника гарнизона отменить приказ об отправке полков на фронт. Меньшевики и эсеры свистом и криками пытались сорвать выступления большевиков.

Обстановка накалялась. И тут в самый напряженный момент на площади появился Хохряков. Его сразу узнали. Раздались возгласы: «Матроса на трибуну!» Ряды собравшихся раздались, и Павел оказался возле трибуны.

Гул многотысячной толпы постепенно умолк, и на огромной площади воцарилась тишина.

— Товарищи солдаты и рабочие! — начал Павел,— пролетарская революция победила! Вся власть перешла в руки Советов!

Тишина на площади стала еще более напряженной. Тысячи глаз устремились к Хохрякову, как бы торопя его поскорее рассказать все, что ему уже было известно.

Торжественно, отчеканивая каждое слово, Павел читал телеграммы о переходе власти в руки Советов, об аресте министров Временного правительства, распоряжения Военно-революционного комитета Петроградского Совета.

Когда он закончил, тишина взорвалась многотысячным «ура»! В воздух взметнулись шапки, фуражки, платки. Знакомые и незнакомые люди, солдаты и рабочие обнимались, целовались, жали друг другу руки, в порыве восторга трясли за плечи. Вновь раскатистое «ура!» потрясло утренний воздух.

Тем временем Хохряков подозвал стоявшего неподалеку дирижера полкового оркестра и приказал:

— Играть «Интернационал»! Да так, чтобы услышал весь город!

Музыканты выстроились у трибуны. Грянул пролетарский гимн. Хохряков первым запел:

Вставай, проклятьем заклейменный
Весь мир голодных и рабов,—

в ту же минуту гимн подхватили сперва несколько нестройных голосов, а вскоре суровые, зовущие к борьбе слова зазвучали в устах тысяч людей.

Глубокое волнение охватило Хохрякова. Он чувствовал, что вместе с ним это волнение испытывают все, кто находился на площади.

Стихли последние звуки «Интернационала», но долго еще бушевала переполненная народом площадь.

Но вот Хохряков поднял руку, и вновь установилась тишина. От имени городского комитета большевиков Павел призвал рабочих и солдат поддержать Советскую власть, пресечь все контрреволюционные попытки буржуазии. Он сказал, что здесь, на Урале, всю власть немедленно должны взять в свои руки Советы рабочих и солдатских депутатов. Эти слова были встречены возгласами одобрения.

— А как же отправка на фронт?! — выкрикнул кто-то.

— Приказы ставленников свергнутого правительства отменяются,— твердо заявил Хохряков.— Законными являются только распоряжения Советской власти.

— Качать матроса! — загремела площадь. И несколько десятков человек начали высоко подбрасывать Хохрякова. Одновременно с ним взлетала вверх его бескозырка с надписью «Заря Свободы».

В середине дня состоялось экстренное заседание исполнительного комитета Екатеринбургского Совета. На нем было принято решение осуществить в городе переход власти в руки Совета. А вечером происходило расширенное собрание городского Совета в переполненном зале театра, где было объявлено о победе восстания в Петрограде и взятии власти в руки Советов. Это встретило единодушную восторженную поддержку присутствующих.

Началась напряженная, боевая пора. Горком давал Хохрякову одно важное поручение за другим. С помощью отрядов Красной гвардии он занимает вокзал, телеграф, телефонную станцию, организует охрану Совета и комитета РСДРП(б).

Вскоре Хохрякова назначили в отдел Екатеринбургского Совета по борьбе с контрреволюцией. В это время внутренние враги, чувствуя приближение своей гибели, удесятерили усилия в борьбе против молодой Советской власти. Местная буржуазия сколачивала из деклассированных элементов многочисленные банды, которые грабили магазины и склады, терроризировали население.

Городской комитет партии и Совет поручили Хохрякову силами Красной гвардии ликвидировать банды уголовников. В течение нескольких ночей проводил он облавы. Но этого оказалось недостаточно. Часть бандитов успела спрятаться в укромные места. Отряды красногвардейцев разгромили бандитские притоны, обезоружили и арестовали бандитов.

С тех пор имя Хохрякова стало особенно ненавистно врагам. Не раз в него стреляли из-за угла, подбрасывали анонимные письма с угрозами. Но эти угрозы вызывали в Хохрякове лишь новый прилив сил в борьбе с врагом.

Под руководством Хохрякова был подавлен мятеж анархистов, ликвидировано несколько заговоров контрреволюции.

Много героических эпизодов было в тот период в жизни отважного руководителя екатеринбургских гвардейцев.

«Встречаясь с ним по службе,— вспоминает А. И. Медведев,— каждый раз я не мог не залюбоваться его жизнерадостностью, подтянутостью, четкостью в работе».

Хохряков обладал способностью сплачивать вокруг себя людей. Он работал спокойно, без окриков, к товарищам относился с большим уважением, был чутким, отзывчивым и к тому же умел найти каждому именно такое дело, в котором тот мог принести больше пользы.

Хороший, дружный коллектив образовался вокруг Хохрякова. Основное ядро составляли моряки, прибывшие из Кронштадта. Надежным помощником Павла был матрос А. С. Старостин, возглавлявший один из отрядов Красной гвардии. Во всех опасных схватках с контрреволюционными бандами рядом с Хохряковым всегда находились матрос гвардейского экипажа Фома Гуня и старый друг Павла, матрос с «Зари Свободы» Семен Каторгин. Всех их Хохряков любил и уважал за исключительную храбрость и отвагу. Боевые товарищи платили ему тем же. Они всей душой были преданы своему командиру. «Его друзья-матросы,— вспоминает Т. И. Наумова,— работая вместе с ним, старались оберегать его».

Хохряков был молод, ему едва минуло 25 лет. Немногие свободные минуты он обычно проводил среди екатеринбургской молодежи. Он любил веселье, танцы, часто был запевалой морских песен — «Варяг», «Раскинулось море широко» и других. А когда образовывался круг и начинались пляски, в знаменитом морском «Яблочке» Павел неизменно выходил победителем. Друзья говорили о нем: «Морской волк во всем знает толк!»

Но не только за общительный нрав любили Хохрякова. Молодежь видела в нем замечательного борца революции. «Популярность Хохрякова,— вспоминает А. И. Медведев,— росла с каждым днем. Юные пареньки и красногвардейцы полосатыми тельняшками обзавелись, якорей на руках понакалывали, чтобы быть похожими на матроса Хохрякова».

По Екатеринбургу ходило немало рассказов об отваге Хохрякова, его бесстрашии в борьбе с врагами.

В ту незабываемую пору Павел нашел и свое личное счастье. Он часто встречался с учительницей Таней Наумовой. Ее брат Константин был членом партии. Оба они еще до 1917 года состояли в нелегальном большевистском кружке молодежи в Тобольске. Теперь Костя Наумов работал в агитационно-пропагандистском отделе городского комитета партии, а Таня секретарем профсоюза деревообделочников.

Между Павлом и Таней завязалась крепкая дружба, перешедшая постепенно в любовь. Раньше Хохряков считал, что в его сердце, отданном революции, не должно оставаться места для личного чувства. Но вот пришло оно, и теперь уже Павлу казалось странным, как до сих пор он мог быть без Тани. Они поженились и впоследствии Павлу никогда не пришлось пожалеть об этом; Таня не только не мешала его революционной работе, но оказалась хорошей боевой подругой, верным помощником.

В марте 1918 года Уральский областной Совет по указанию Я. М. Свердлова решил перевести бывшего царя Николая Романова, находившегося в Тобольске, в более надежное место. Выполнить это было поручено Хохрякову.

В пору событий, о которых пойдет речь, Тобольск являлся губернским центром. Захудалый город, в котором едва насчитывалось несколько сот рабочих, расположен в 280 километрах от ближайшей железной дороги. Зимой в Тобольск можно было добраться только на лошадях, а летом — по реке пароходом.

Этим отчасти и объяснялось то обстоятельство, что в начале 1918 года, когда почти по всей России уже победила Советская власть, в Тобольске еще хозяйничали эсеры и меньшевики. Случилось так, что именно здесь содержался под охраной в ожидании народного суда бывший император царь-убийца Николай Романов.

Монархисты, вдохновляемые тобольским епископом — черносотенцем Гермогеном, решили организовать побег царя за границу. Все необходимое для этого было подготовлено заранее.

Вместе с Хохряковым отправилась и Таня Наумова. Уроженка Тобольска, она хорошо знала местные условия, людей и могла быть весьма полезной отряду.

Тобольская губерния в то время буквально кишела контрреволюционерами, монархистами и прочей нечистью. Им даже не было нужды скрываться, так как в Тобольске почти открыто шло формирование банд.

Изучив обстановку, Хохряков понял, что навести порядок в губернии силами небольшого красногвардейского отряда

невозможно. Решено было действовать по-другому. Таня рассказала всем знакомым, что привезла жениха. Постепенно, с помощью друзей Наумовой удалось установить необходимые связи. Только после этого из Екатеринбурга прибыла группа красногвардейцев во главе с комиссаром А. Д. Авдеевым. Их появление в городе не привлекло внимания контрреволюционеров.

Обстановка в Тобольске была тяжелой. Большевистская организация отсутствовала. При Совете существовала лишь небольшая фракция большевиков во главе с членом партии с 1904 года И. Я. Коганицким. В городе и в Совете эсеры и меньшевики чувствовали себя вольготно. Под их крылышком продолжали существовать контрреволюционная городская дума, земство и губернский комиссар свергнутого Временного правительства.

Николай Романов и его семья содержались в бывшем губернаторском каменном двухэтажном доме. Охрана царской фамилии была поручена батальону георгиевских кавалеров численностью в 330 человек. Командовал охраной ярый монархист полковник Кобылинский. Нечего было и думать о том, чтобы вывезти Романовых, прежде чем в городе будет установлена Советская власть.

В отряде Хохрякова насчитывалось всего 20 человек, но, несмотря на это, он решил перейти к активным действиям. Установив связь с местными большевиками, Павел начал пропагандистскую работу среди тружеников консервной фабрики, лесопильного завода, в командах пароходов. Одновременно красногвардейцы сближались с солдатами, охранявшими царскую семью, и вели среди них агитацию.

Хохряков, Коганицкий, Наумова вели подготовку к созданию большевистской организации в Тобольске. Их усилия вскоре увенчались успехом. 2 апреля 1918 года большевики Тобольска создали партийный комитет. Хохряков ежедневно выступал на рабочих и солдатских собраниях и митингах, разоблачая контрреволюционные происки местной буржуазии и монархистов, предательство эсеров и меньшевиков, призывал голосовать за единственно революционную партию — партию Ленина.

В те дни большевики одержали важную победу на перевыборах Тобольского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В числе избранных депутатов был Павел Хохряков, уральские рабочие С. Заславский, А. Авдеев и другие. Председателем исполкома Совета стал Хохряков.

По решению Советской власти были распущены городская дума, отстранены комиссары Временного правительства. Совет установил строжайшее наблюдение за домом губернатора, где содержались Романовы.

Молодая Советская власть в Тобольске с каждым днем набирала новые силы. Тобольчане с большим уважением относились к своему председателю Совета, называя его за глаза не иначе, как «наш Павел Данилович».

Все же положение в Тобольской губернии продолжало оставаться напряженным. К весне еще более усилился наплыв в Тобольск и уездные города множества подозрительных лиц. Контрреволюция накапливала силы.

За неделю до церковного праздника пасхи епископ Гермоген организовал крестный ход по городу. Сделано это было, однако, отнюдь не с религиозными целями. Церковники распространяли черносотенные листовки, а сам епископ во время шествия выступал с антисоветскими проповедями.

Требовалось как можно скорее вывезти бывшего царя и его семью из Тобольска. Однако единолично решить этот вопрос Хохряков не мог, и поэтому он срочно направил за указаниями в Екатеринбург одного из своих помощников — Авдеева.

По пути в Тюмень Авдеев встретил отряд под командованием уполномоченного Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Яковлева, который был послан в Тобольск, чтобы вывезти оттуда Романовых. В доказательство своих слов уполномоченный предъявил Авдееву мандат, подписанный Председателем ВЦИК Я. М. Свердловым. Он показал также предписание Уральского областного комитета партии, в котором говорилось, что красногвардейские отряды Хохрякова, Авдеева и Заславского отныне должны выполнять приказания Яковлева. Авдееву Яковлев предложил немедленно возвратиться в Тобольск.

В пути к отряду присоединилась рота Бусяцкого из 1-го Уральского стрелкового полка, посланная из Екатеринбурга в помощь Хохрякову.

Павел с радостью встретил уполномоченного ВЦИК и его

28 Заказ 17

отряд. Он был доволен. Главная забота — охрана Романовых и их эвакуация — свалилась с его плеч. Кроме того, появление в Тобольске новых отрядов Красной гвардии укрепляло положение Советской власти.

Яковлев сразу же согласился с Хохряковым, что царскую семью необходимо немедленно вывезти из Тобольска. Однако, когда Хохряков спросил, куда приказано доставить Романовых, тот отделался молчанием. Это удивило и даже несколько насторожило матроса.

Дальнейшие события только усилили чувство беспокойства. Яковлев встретился с начальником охраны царя полковником Кобылинским, но разговаривал с ним один на один, не пригласив на эту встречу ни Хохрякова, ни Авдеева. На другой день Яковлев в сопровождении Авдеева посетил дом губернатора и был крайне учтив с Николаем Романовым, почтительно пожав ему руку.

Дальнейшее поведение Яковлева не рассеяло тревоги Павла. В его сердце закрадывались все новые и новые подозрения.

«А вдруг Яковлев — враг Советской власти? — как-то задал себе вопрос Хохряков. И сам ужаснулся этой мысли.

— Нет, этого не может быть! — Яковлева послал ВЦИК. Областной комитет партии предписал нам подчиняться ему».

Яковлев часто заходил к Хохрякову, любезно разговаривал, улыбался. Но Хохряков интуитивно чувствовал, что за этой улыбкой что-то кроется. Но что именно? Эти мысли и усилившиеся подозрения не давали Павлу покоя ни днем, ни ночью.

Хохряков решил переговорить по прямому проводу с Екатеринбургом и чистосердечно поделиться своими тревогами и сомнениями. Выслушав его, руководители Уральского Совета удивились: «Не страдаете ли вы чрезмерной подозрительностью?» Но тут же на всякий случай напомнили, что ответственность за охрану бывшего царя с него, как с председателя Совета и коммуниста, не снимается.

Наконец, Хохряков вместе с Яковлевым окончательно определил день эвакуации Романовых. Но неожиданно возникло препятствие: сын Романова Алексей заболел, и отец отказался ехать. Яковлев тут же согласился отложить отъезд. Хохряков возражал и предложил немедленно вывезти царя из города.

Обстановка осложнялась тем, что тобольская контрреволюция, пронюхав, что большевики собираются вывезти царя из Тобольска, пришла в движение. Монархисты еще энергичнее стали готовить побег Романова. Все нити заговора тянулись к дому епископа Гермогена.

Об этом стало известно Тобольскому Совету. Чтобы предупредить заговорщиков, Хохряков распорядился арестовать нескольких активных контрреволюционеров. Но опасность не миновала. Вот почему Хохряков так упорно настаивал на немедленной отправке царя.

Ночью Хохряков собрал командиров уральских отрядов и попросил их откровенно высказать мнение о Яковлеве. Выяснилось, что никто ему не доверяет. Тогда было решено для эвакуации Романовых к отряду Яковлева присоединить дополнительно охрану из уральских красногвардейцев. Кроме того, впереди конвоя решили послать несколько групп красногвардейцев из отрядов Бусяцкого и Заславского. Авдеев также должен был отправиться вместе с Яковлевым.

— За последствия отвечаю я,— сказал Хохряков.— В случае, если Яковлев будет возражать, ссылайтесь на распоряжение председателя Совета.

По прямому проводу Хохряков сообщил в Екатеринбург о принятых мерах предосторожности. Из Уральского Совета ему передали, что Яковлеву приказано доставить Романова в Екатеринбург.

Узнав о дополнительной охране из уральцев, Яковлев пришел в бешенство, но сделать ничего не мог и вынужден был согласиться.

26 апреля 1918 года большой поезд, состоявший из 11 троек и 5 пар лошадей, выехал из Тобольска с бывшим царем и частью его семьи. Хохряков наказал Бусяцкому с каждой остановки докладывать ему по телеграфу о том, как проходит путешествие, а в случае каких-либо инцидентов сообщать прямо в Уральский областной Совет. 28 апреля он получил тревожное сообщение: поезд прибыл в Тюмень, но в дороге Яковлев арестовал Заславского. Это известие вызвало серьезную тревогу в Тобольском и Уральском Советах.

В Тюмени Романовы под охраной были переведены в специально ожидавший их поезд из 6 вагонов. Рота Бусяцкого, по указанию Совета, осталась в Тюмени. Но когда поезд отошел,

28*

красногвардейцы неожиданно обнаружили, что он взял направление не в сторону Екатеринбурга, а на восток, к Омску.

Бусяцкий немедленно сообщил об этом в Екатеринбург и Хохрякову. Уральский Совет объявил Яковлева изменником и передал в Омск приказ любыми мерами задержать поезд.

В это время в поезде, мчавшемся к Омску, Авдеев находился уже под арестом.

Мятежники были задержаны неподалеку от Омска на станции Куломзино отрядами Красной гвардии. Поезд с царской семьей направили в Екатеринбург, куда он и прибыл 30 апреля. В Екатеринбурге Романовы были переданы Уральскому Совету. Вскоре туда же были доставлены остальные члены бывшей царской семьи. Так, благодаря бдительности Хохрякова и его боевых друзей, врагам революции не удалось осуществить свои черные замыслы — спасти царя-кровопийцу от справедливого суда народа.

30 апреля на пленарном заседании Тобольского Совета Хохряков подробно доложил о ликвидации контрреволюционного заговора и отправке из Тобольска Романова и его семьи. Совет одобрил действия исполкома и его председателя.

Вскоре Уральский Совет отозвал Хохрякова из Тобольска в Екатеринбург. Здесь ему поручили переформирование красногвардейских отрядов уральских рабочих в регулярные части Красной Армии.

В конце мая 1918 года иностранные интервенты грозной силой двинулись против молодой Советской республики. Это окрылило внутреннюю контрреволюцию. Над республикой нависла серьезная угроза. Пламя борьбы разгорелось на Урале, в Сибири, в Поволжье. Вспыхнул антисоветский мятеж в Тобольской губернии. Для его подавления Уральский областной комитет послал отряд Красной Армии. Командовал им Павел Хохряков. В отряд вступили 300 молодых рабочих Екатеринбурга, были в нем и балтийские моряки. Многие бойцы впервые взяли в руки винтовку, все горели одним желанием — разгромить контрреволюцию. Отряду придали трехдюймовое, орудие, 27 пулеметов.

Через два дня отряд был в Тюмени. В этот период военно-революционный штаб Западной Сибири начал организовывать

Тюменскую речную военную флотилию, которая должна была оказывать содействие частям Красной Армии и вести борьбу с вражескими судами на реках Тобол и Тура. Ядром флотилии стал «Отряд Тобольского направления», а ее командующим — Павел Данилович Хохряков.

Флотилия создавалась в сжатые сроки. С помощью Тюменского Совета и местных большевиков удалось получить суда, материалы, оружие.

Опорой Хохрякова, как и всегда, были коммунисты. Их было немного, но они пользовались в отряде заслуженным авторитетом. Начальником связи отряда был назначен Исаак Яковлевич Коганицкий. В нем Хохряков обрел хорошего помощника и верного друга, а коммунисты отряда — партийного вожака.

С поразительной быстротой речные суда превращались в боевые корабли. Вскоре флотилия насчитывала уже 11 судов. К отряду Хохрякова присоединились несколько групп и отрядов Красной гвардии, рабочих, крестьян. Чтобы руководить объединенными действиями, решили создать штаб фронта Тобольского направления. В него вошли Хохряков, Кангелари, Коганицкий и другие.

Объединенные силы должны были прикрыть Тюмень от нападения белых с севера и вести наступление на Тобольск, защищая обширный район от белогвардейских банд.

«... Отряд с первых же своих шагов,— рассказывает участник борьбы с контрреволюцией на Урале П. П. Бажов,— оказался в окружении замаскированного и открытого классового врага. Стоило, например, красногвардейцам развесить на поручнях парохода свое выстиранное белье, как сейчас же из лесу показывались люди и обрадованно спрашивали: «Вы белые?».

Вскоре флотилия подошла к Покровскому, расположенному на левом берегу реки Туры. К селу пробиралась и вражеская флотилия. Хохряков узнал об этом от местных крестьян и своих разведчиков. По сигналу боевой тревоги корабли снялись с якоря. Хохряков повел флотилию вверх по Туре. Он стремился отойти подальше от Покровского, чтобы во время боя не пострадали мирные жители. Противник истолковал такой маневр как отступление. Воспрянув духом, белые перешли в наступление по реке и на суше.

Удалившись от Покровского, Хохряков решил принять бой. Суда его флотилии значительно уступали вражеским по вооружению: они имели лишь пулеметы и только одно трехдюймовое орудие, в то время как крупные суда противника — мореходная шхуна «Святая Мария», пароход «Товарищество» и другие — были снабжены несколькими пушками.

Тура, на которой происходил бой, река не широкая, крупным вражеским судам маневрировать здесь трудно. Хохряков немедля использовал это обстоятельство. Удачным маневром небольшого парохода «Ермак» командующий флотилией сблизился с неприятелем и занял выгодную позицию.

Хохряков стал к пушке и меткими выстрелами подбил на шхуне «Мария» орудие, повредил лоцманскую рубку и винт. «Мария» потеряла ход. Досталось и пароходу «Товарищество», пытавшемуся взять «Марию» на буксир. Вражеские суда стали отступать вниз по течению.

Советская флотилия одержала победу.

В этом бою участвовала и жена Хохрякова — Таня Наумова. Она была медицинской сестрой на госпитальном судне.

Обратив вражескую флотилию в бегство, Хохряков приказал красногвардейцам выбить противника из Покровского. Хохряковцы вошли в село буквально на плечах противника, захватив трофеи и пленных белогвардейцев.

Используя боевой порыв красногвардейцев, Хохряков продолжал наступление. Значительные силы он направил по Тобольскому тракту. Одновременно, по реке, двинулась флотилия. Достигли села Иовлево. Здесь Хохрякову удалось, наконец, сделать небольшую передышку. Его бойцы отдыхали двое суток. Они уже готовы были снова двинуться в путь, когда Хохряков неожиданно получил телеграмму с приказом немедленно возвращаться назад: отрядам грозила опасность оказаться отрезанными от главных сил.

В тот же день отряд погрузился на пароходы и двинулся в путь.

Едва флотилия отошла от Иовлева, на берегу показалась вышедшая из леса большая группа вооруженных людей. Оказалось, что это был отряд интернационалистов, насчитывавший до 400 человек, сражавшихся за Советскую власть.

Этот отряд был сформирован в Томске из военнопленных чехов, румын, немцев и, главным образом, венгров. Создала

его революционная организация военнопленных в Томске под руководством видного деятеля венгерского рабочего движения Бела Куна. Одним из руководителей отряда был Ференц Мюнних — видный деятель компартии Венгрии, впоследствии в течение ряда лет возглавлявший правительство Венгерской Народной Республики.

Бойцы Хохрякова тепло встретили товарищей по оружию, накормили их, по-братски поделились продовольствием, вещами, боеприпасами. Приняв интернационалистов на свои суда, флотилия двинулась вверх по Тоболу и Туре к Тюмени.

В Тюмени положение оставалось тревожным. Подступы к городу заняли белые войска. Советские части были уже выведены из Тюмени, здесь оставались лишь небольшие отряды, прикрывавшие отход. Водники, которых связывала с хохряковцами старая дружба, и на этот раз оказали неоценимую услугу: подготовили суда для похода по Туре. Чтобы не оставлять врагу суда, которые он мог бы использовать для боевых действий, Хохряков с помощью водников присоединил к своей флотилии 45 пароходов.

Но как помешать противнику организовать преследование? Хохряков приказал спустить вниз по Туре десяток разобранных плотов. Бревна загромоздили русло реки и преградили путь белогвардейцам. Тем временем флотилия благополучно продолжала идти к Туринску.

Переход флотилии совершался в тяжелых условиях. То с одного, то с другого берега налетали белые банды. Они открывали огонь по переполненным людьми пароходам. Для борьбы с бандами пришлось выслать по берегу конные и пешие дозоры.

Чем выше поднималась флотилия по Туре, тем труднее было преодолевать каждый километр пути. К налетам белогвардейцев прибавилась новая беда: река обмелела и суда часто застревали. На то, чтобы снять их с мели, уходило много времени и сил.

Павел Данилович собрал военный совет. Надо было решить, как действовать дальше. Все высказали единодушное мнение, что в создавшихся условиях флотилия связывает действия отряда, а потому нужно суда разоружить и привести в негодность, а отрядам действовать на суше. Решили осуществить этот план по прибытии в Туринск, а затем прорываться по же-

лезной дороге на юг на соединение с советскими частями, действовавшими в районе станции Егоршино.

Всю последнюю ночь перед Туринском Хохряков не сомкнул глаз. Тщательно обдумывал он создавшееся положение. Боезапасы на исходе, все труднее становится добывать продовольствие, износилась обувь и обмундирование. А впереди — тяжелые бои. Кто знает — когда удастся соединиться с частями Красной Армии. Хохряков собрал коммунистов и откровенно рассказал о тех испытаниях, которые их ожидают в Туринске.

В заключение он вынул газету, которую ему удалось добыть еще в Тюмени. В этой газете была напечатана речь Ленина. И Хохряков решил прочесть эту речь своим боевым друзьям, чтобы услышали они и прочувствовали обращенное к ним слово великого вождя. Ленин откровенно говорил народу о тяжелом положении, в котором находилась молодая Советская страна. Но речь вождя была проникнута глубокой верой в боевой дух защитников молодого Советского государства:

«...Нет ни тени сомнения, что если мы пойдем по тому пути, который избрали и который события подтвердили, если мы будем твердо и неуклонно идти по этому пути, если мы не дадим ни фразам, ни иллюзиям, ни обману, ни истерике сбить себя с правильного пути, то мы имеем величайшие в мире шансы удержаться и помочь твердо победе социализма в России, а тем самым помочь победе всемирной социалистической революции!» [1].

Хохряков призвал коммунистов ответить на обращение Ильича отвагой и выдержкой в грядущих боях, увлечь своим примером всех бойцов. Номер газеты, где была напечатана речь Ленина, стал в отряде одной из драгоценных реликвий. И вскоре в отряде не было ни одного красногвардейца, кто бы не читал эту речь, в ком не закрепила бы она веру в силу завоевания Великого Октября.

В Туринске Хохряков приказал занять оборону. Не успели бойцы окопаться, как разведка доложила, что движутся крупные силы белогвардейцев. Вскоре показались их первые цепи. Беляки передвигались короткими перебежками.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 487.

К этому времени бойцы успели установить на берегу снятую с судна пушку. Когда белые приблизились, Хохряков скомандовал:

— Шрапнелью по врагам народа — огонь!

Первые выстрелы вызвали замешательство в рядах врага: он не ожидал, что красный отряд вооружен артиллерией. Воспользовавшись этим, хохряковцы открыли огонь из пулеметов и винтовок. Белые залегли, затем снова поднялись для очередного броска, но снова были прижаты к земле пулеметной очередью.

Настала решительная минута боя. Разгоряченный Хохряков скинул бушлат и в одной тельняшке с винтовкой наперевес бросился вперед:

— Ребята, бей белых. За мной, вперед!

Бойцы дружно поднялись и устремились на врага. Следом за командиром в первой цепи бежали балтийские моряки. Опоясанные пулеметными лентами, в рубашках с синими воротниками и в сдвинутых набекрень бескозырках, они не ведали страха, и казалось — нет такой силы, которая могла бы остановить их стремительный натиск.

Завязался рукопашный бой. Противник не выдержал стремительной атаки красных и начал отходить. Но неожиданно слева к нему подошло подкрепление.

Белогвардейцы снова пошли в наступление. Несмотря на большие потери, они остервенело лезли вперед. В разгар боя Хохряков поднял бойцов в атаку. Могучее «ура» потрясло воздух. Последняя схватка была короткой, враг отступил...

В Ирбите, куда после ночного боя прибыли бойцы Хохрякова, отряд поступил в распоряжение командующего 1-й Уральской дивизией Овчинникова и после небольшой передышки был направлен на станцию Егоршино. Здесь-то и занял оборону отряд Хохрякова с приданной ему артиллерийской батареей.

В первый же день противник начал атаки. Под прикрытием артиллерийского огня он посылал одну цепь за другой. В течение двух суток отряд Хохрякова и соседние полки отбили четыре ожесточенные атаки, нанеся врагу серьезный урон. На следующий день командование решило начать наступление на Екатеринбург через станцию Богданович.

Участок фронта, на котором было приказано наступать отряду Хохрякова, оказался небольшим, но сильно укрепленным со стороны противника. Основные огневые точки врага быстро ликвидировали смельчаки-добровольцы, забросав их гранатами. Ползком отряду удалось приблизиться к позициям врага и уничтожить проволочные заграждения.

Настал момент атаки. Встав во весь рост, Хохряков скомандовал:

— Братва, за мной! Бей белую сволочь!

Атака получилась дружной и стремительной. В короткой рукопашной схватке враг был разбит. Успешно действовали и соседние части. Прорвав фронт, красные войска продвинулись в направлении к селу Ирбитские Вершины. Здесь отряд Хохрякова получил новый приказ — следовать к Режевскому заводу, где создалось напряженное положение.

От Режа и со стороны Нижнего Тагила также шло наступление на Екатеринбург. Наши войска успешно продвигались по линии железных дорог Нижний Тагил — Екатеринбург и Режевской завод — Екатеринбург. Но врагам революции — правым эсерам и меньшевикам — удалось организовать восстание в двух ротах одного из полков. Один из участков фронта оказался оголенным. Сюда и был направлен отряд Хохрякова.

У Режевского завода отряд получил от 1-го Уральского горного полка бронепоезд. Это подняло настроение бойцов. Узнав, что на передовых позициях с белыми дерутся две роты рабочих Режевского завода, хохряковцы поспешили на помощь. Наш бронепоезд открыл артиллерийский огонь по врагу. Застрочили пулеметы, и бойцы бросились в атаку. Белые начали отступать. С боями наши отряды прошли станцию Крутиха.

На следующий день белые, перегруппировав силы, начали контрнаступление. На правом фланге они прорвали линию обороны и двинулись на станцию Крутиха. Отряд Хохрякова занял позицию у станции по обе стороны моста, готовясь отразить вражескую атаку.

Настал день 17 августа. С утра белые начали яростное наступление, нанесли большой урон нашим горным полкам.

«Хохряков,— рассказывает участник боя казначей отряда М. И. Абакумов,— увидя панику в горных полках, подбодрил бойцов, перестроил части, занял своим отрядом главную часть позиции, где особенно сильно напирали белые.

Громче и чаще заговорила наша батарея, посылая трехдюймовые гостинцы. Участили стрельбу и пулеметы, отчего белые немного притихли и ослабили свой натиск.

К четырем часам дня бой разгорелся еще сильней и серьезней. С обеих сторон чувствовалась крепкая сила. Хохряков бегал по цепи от взвода к взводу, поднимая дух красногвардейцев» [1].

Белогвардейцы вели сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Они теснили наши войска от станции Крутиха к Режевскому заводу. Отряд Хохрякова предпринял героическую попытку задержать наступление белых. Бойцы под прикрытием бронепоезда залегли цепью за станцией.

Внезапно появилась белогвардейская дрезина. Установленный на ней пулемет поливал красных смертоносным огнем. Белогвардейцы пошли в наступление. Когда они приблизились к позиции красных, Хохряков поднял бойцов в контратаку.

— Вперед, товарищи! За революцию! — воскликнул он, и бойцы с дружными криками «ура!» устремились за своим командиром.

Не выдержав могучего натиска, белые дрогнули и начали пятиться назад.

Исход боя был уже решен в пользу красных. Но в этот момент Хохряков был сражен вражеской пулей.

«...Не судьба была этому стойкому бойцу дожить до победы, во имя чего он положил столько сил и энергии...— писал его друг И. Я. Коганицкий.— Он скончался на руках беззаветно любивших бойцов его отряда, и последними словами его были: «Я умираю за революцию. Держитесь, товарищи!» [2].

Тяжело переживали гибель Хохрякова уральские большевики — его боевые друзья. «Один из наиболее активных екатеринбургских партийных работников,— извещал Уральский областной комитет партии,— стойкий боец за свободу и счастье угнетенных масс Хохряков пал смертью храбрых 17 августа 1918 года под Красной столицей Урала».

Бойцы отряда Хохрякова на носилках бережно перенесли

---

[1] М. И. Абакумов. Последние дни матроса Хохрякова. «Активист» (Свердловск), 1929, № 2, стр. 15.

[2] «Памятник борцам пролетарской революции». Изд. 3-е, Л., 1925, стр. 638.

тело своего командира на станцию. Траурный поезд с Режевского завода направился в Пермь.

23 августа в Перми состоялись торжественные похороны Павла Даниловича Хохрякова. Орудийный лафет с останками героя был увит зеленью и цветами. «Лучшему солдату социалистической армии, геройски павшему за освобождение человечества»,— было написано на одном из многочисленных венков.

Отряд, которым командовал Хохряков, принял имя своего любимого командира. Жестоко мстя за его смерть, бойцы прославились в борьбе с врагами республики.

Имя Хохрякова было присвоено 4-й батарее 2-го артиллерийского дивизиона 3-й армии. Этой батареей командовал прославленный артиллерист М. Н. Чистяков, ставший впоследствии маршалом артиллерии. В 1919 году батарея имени Хохрякова вошла в знаменитый крестьянский полк Красных Орлов и участвовала в наступлении на Пермь.

Бесстрашный солдат революции, Павел Хохряков продолжал жить в подвигах своих боевых друзей.

М. СТОЛЯРЕНКО

ЛИЦОМ К ЗАРЕ

I

Путь избрал и вышел на рассвете
В дальний путь — лицом к заре багровой,
И не отступал в борьбе суровой,
А любовь, а счастье — в битвах встретил.

Трудное детство в домике на окраине маленького уездного городка Кунгура. Семья Черепановых была богата лишь детьми. Две дочери да пятеро сыновей. Сережа — самый младший.

Нелегко прокормить такую семью. Но отец, Александр Степанович, не из тех, кто покоряется судьбе.

— Не хлебом единым сыт человек,— говаривал он, раздумчиво поглаживая светлую бородку.

Ничего не жалел, от всего отказывался, только бы выросли в семье правильные, знающие люди.

Вслед за старшим был отдан в Городское училище и Сере-

жа. Легко осилил грамоту. А после целиком погрузился в неведомый, заманчивый мир книг.

Читал... И все внимательней присматривались к окружающему пытливые мальчишечьи глаза. Видел, как бьется добрая, трудолюбивая мать, Мария Ивановна, еле сводя концы с концами. А мимо окон с шиком катят на откормленных лошадях подгулявшие кунгурские купчики.

— Эти вот,— перехватив взгляд сына, хмурилась, кутаясь в темный плат, худая, изможденная женщина,— эти вот за один день более промотают, чем всей нашей семье на месяц приходится!

— А почему так?

Мария Ивановна только вздохнула в ответ.

Долгими ночами не давали подростку уснуть тревожные думы:

— А почему так?

И закипала ненависть к тем, кто нес людям зло. Душа становилась особенно нетерпимой к фальши, обману, холопскому прислужничеству.

Еще трудней было продолжать образование, чтобы получить специальность.

1898 год. Худощавый, угловатый юноша в черной форменной тужурке с блестящими пуговицами пробирается ночными улицами в знакомый дом, где ждут друзья. У учеников Кунгурского технического училища свои, особые интересы. «Высочайшее покровительство» не удержало техников от вольнолюбивых веяний. Именно здесь, в училище, возник один из первых на Урале нелегальный марксистский кружок. Организаторами стали товарищи Сергея, тоже учащиеся, Евгений Поморцев и Александр Давыдов.

Кружок жил, действовал, рос. По рукам пошли тоненькие запретные брошюрки, обжигающие души прокламации.

Настал день, когда созрело твердое убеждение: надо идти к рабочим. Именно они — будущее России.

Тайные сходки. Попытка организовать забастовку на кожевенных заводах. Первая маевка в окрестностях Кунгура.

Донеслось до жандармов. Всполошившаяся охранка обрушила тяжелый кулак репрессий.

Не рано темнеет поздней весной. Но вот уже сгустились сумерки, а Сергея нет дома. Мать дважды выходила на улицу.

Тревожно прислушивалась. От реки неслись звонкие голоса. В соседнем переулке хрипло откликнулся пьяный шорник. Приблизились, а потом стихли вдали быстрые шаги. Нет, это не Сережа. Так и не уснула в ту ночь Мария Ивановна. А наутро прибежала дальняя родственница:

— Слышь-ка, Иванна, беда! Скольких техников позабирали! Страсть! И Сергуньку твоего с ними.

Запомнилось Сергею, как устрашающе вращая глаза, «добирался до истины» жандармский ротмистр Фон-Оглио, прозванный в кружке Фон-Оглоблей.

Кружковцам было предъявлено обвинение «в участии в тайном сообществе, имевшем целью побуждение кунгурских рабочих к борьбе с их хозяевами при помощи устройства стачек, забастовок и иных незаконных деяний».

Ничего не добился от Сергея жандарм.

— Походи, голубчик, на свободе,— и погрозил мясистым пальцем с жесткой щетинкой.— До поры до времени!..

Так, еще не достигнув совершеннолетия, попал Сергей Черепанов под негласный надзор полиции.

А осенью, после каникул, войдя в прохладный коридор училища, увидел Сергей группку своих одноклассников, в полном молчании взиравших на бумажный квадрат, вывешанный на стене.

— Здравствуй, Серега? Полюбуйся, какой сюрприз тут приготовили!..

Вместе пошли по училищу — и всюду вывешаны строгие «Правила»: «Воспрещается...», «Не разрешается...», «Возбраняется...», «Нельзя...»

Попробовали было протестовать — в ответ новые строгости. Стали следить за каждым шагом. Двери пансиона и училища постоянно заперты. Внутри и снаружи здания — охрана. В спальнях появились дюжие «дядьки» — соглядатаи. Трижды в день проверка — как в тюрьме! За пропуск занятий наказание вплоть до карцера: «ни хлеба, ни воды».

Похлеще, чем для арестантов в крепости!

Вернулся из карцера Щадрин, парень тихий, безобидный.

— За что попал? — удивился Сергей.

— Да вот из-за графа Льва Николаевича Толстого угодил. Дядька пронюхал, что читаю, и донес.

Всеобъемлющее «запрещается» касалось и чтения газет,

кроме верноподданического «Нового времени». Не разрешалось держать в руках сочинения Льва Толстого, Куприна, Гарина-Михайловского.

Не запугали. Берег в сердце Сергей Черепанов горячую искру революционности, как хранил, например, полюбившуюся ему нелегальную брошюру с рассказом А. М. Горького «О писателе, который зазнался». Придет время, и развернутся в Сергее силы, проявится несгибаемая натура борца за народное дело. А пока — учеба, самовоспитание.

В марте 1902 года полицейский надзиратель 2-й части города Кунгура в своем рапорте осведомлял начальство:

«...Имею честь донести, что на ограде дома Новгородцевой по Марьинской, где квартируют с матерью Сергей, Петр и Александр Черепановы, заподозренные мною в политической неблагонадежности... во время сборища окна и ставни были закрыты, все собравшиеся в квартире Черепановой сидели вокруг стола и читали какие-то книжки, а затем поздно разошлись».

Полицейское наблюдение усиливалось. Тучи над головой Сергея сгущались. Но... «ученик технического училища Сергей Александрович Черепанов, окончив курс и получив звание мастера, 14 июня выехал из Кунгура»,— извещало датированное 19 июня 1902 года секретное донесение.

Не успели!..

В родной среде почувствовал себя Сергей Черепанов, оказавшись на Верх-Исетском заводе, в рабочем Екатеринбурге. Человек с лицом интеллигента и руками пролетария, одинаково близкий и к станку, и к книге... Он быстро нашел общий язык со слесарями, токарями, мастеровыми столярного дела.

Год 1903-й. Дата второго съезда партии. Начало большевизма. А для Сергея Александровича Черепанова — это и год второго рождения. Вступил в социал-демократический кружок. Сразу же почувствовал большую поддержку. Он понял, что есть крепкая, надежная организация, есть партия, которая нерушимо связана с пролетариатом, со всем трудовым народом России. А с какими людьми партии довелось теперь работать бок о бок. Самоотверженные, убежденные, готовые на помощь в любую минуту.

Высоко оценила партийная организация трудолюбие, политическую страстность Сергея Черепанова, все то, что можно

назвать будничным подвигом революционера. Он был избран членом Екатеринбургского, а потом и Уральского комитетов РСДРП. Вскоре Сергею, действовавшему в то время под партийной кличкой «Лука», поручили нелегкое дело: восстановить партийную организацию Уфы, ослабленную провалом.

Много потребовалось энергии, упорства и гибкости, чтобы стало возможно доложить Уральскому комитету: Уфа готовится к предстоящим боям. В Уфе число членов партии возросло до 200, причем 35 из них за короткий срок проявили себя как способные организаторы, активные агитаторы, примером для которых стал посланец Екатеринбурга. Восстановлена подпольная печать. Регулярно стал выходить революционный «Уфимский листок». Здесь, на месте, стали печататься и нелегальные брошюры.

Революционная работа развернулась на уфимских, златоустовских, Миньярском, Катав-Ивановском, Белорецком заводах, на транспорте. И повсюду стали работать пропагандистские кружки — ядро организации. В кружке железнодорожных мастерских, например, о чем ставил в известность комитет С. А. Черепанов в своем отчете, пройдены следующие темы: общественный и политический строй России, революционные партии и оппозиционное движение; краткий очерк рабочего движения; крестьянское и либеральное движение.

Больше успехов — больше и трудностей. Решающие схватки с врагом еще впереди. Осень 1904 года несет с собой провалы. Сначала — в Уфе, а затем и в Екатеринбурге...

Не вешать голову! Снова и снова искать связи, наращивать силы.

Еще острее потребность в подпольной типографии в центре революционного движения на Урале — Екатеринбурге. И такая типография стала действовать на квартире Сергея Черепанова. Дерзость? Но на некоторое время она оправдывается блестяще: этого жандармы не ожидали!

Как порывы освежающей бури, расходятся по городам Урала все новые партии антиправительственных листовок. Особенно после «кровавого воскресенья».

Сбившиеся с ног полицейские ищейки все-таки «берут след».

Завывала метель. Колючий снег хлестал по щекам. Но Сергей, казалось, ничего не замечал. Острее лютого морозного

29 Заказ 17

ветра тревожная мысль: арестован брат Александр, который стал незаменимым помощником в типографии. Повсюду рыщут «шпики», идут облавы. Можно бы уехать на время. Но надо укрыть все, предупредить товарищей, позаботиться о замене...

И когда рядом, как из-под земли, возникли молодцы из охранки, горечь расставания со свободой была смягчена сознанием: сделал все, что мог.

На одной из лесных сходок Сергей встретил девушку в строгом, учительском платье, красивую, ясноглазую. Стояла она близко от него. Потом встречались еще много раз.

Мария Мартьянова — чудесный товарищ по борьбе. Взять бы вот сейчас же эту маленькую, крепкую руку в свою, пойти бы вместе по этому лесу, под этим родным небом — и уже не расставаться всю жизнь.

— Не время... Не имею права... Не могу,— смиряя сердце, твердил себе Сергей.

«Сережа Черепанов,—вспоминает К. Т. Свердлова,—горячо полюбил молоденькую учительницу, как и он, активную большевичку Марусю. Но Сергей считал, что любовь несовместима с революционной работой, пытался подавить в себе искреннее чувство, мучился сам и мучил Марусю. От наблюдательности Якова Михайловича не укрылась разыгравшаяся между молодыми людьми драма. Он вызвал Сергея на откровенный разговор и быстро убедил его, что хорошая, настоящая любовь дает человеку новые силы и не может мешать революционной борьбе».

Вскоре Сергей и Маруся поженились и создали дружную крепкую семью.

Слушал Сергей рассказы жены о ее прошлом и поражался: как много у них общего в судьбах. И у Маруси детство прошло в бедности. Вечная нехватка средств, тяжелый труд на драгах у Невьянского завода изнурили отца, подорвали здоровье. Лишь с помощью тети, жившей в Екатеринбурге, сестрам Марии и Надежде Мартьяновым удалось закончить гимназию. Уже в 8-м классе Маруся нашла дорогу к революционерам-подпольщикам. Выполняла их поручения. Распространяла листовки среди рабочих.

Окончив гимназию, заявила родным:

— Поеду учительницей на Режевской завод!

Стало у девушки две профессии. Одна, явная, в школе, другая — тайная — пропагандист в рабочем кружке.

Дозналось все-таки начальство. На следующий год не утвердили Марию Алексеевну в должности. Вернулась в Екатеринбург, вступила в партию.

Нарастала революционная волна. Участились схватки с черносотенцами. Благодаря К. Новгородцевой, организовавшей кружок красных сестер, Мария Черепанова со своими подругами-революционерками приобрела еще одну боевую специальность: теперь она могла при необходимости взять на себя обязанности сестры милосердия при боевой дружине.

Когда в конце декабря 1905 года опять начались аресты, вместе с другими большевиками, с Сергеем ушла в подполье.

Боль врасплох его не застанет.
Сколько б ни было испытаний,
О пощаде молить не станет!
В мир мещанский, глухой и серый,
Не уйдет, не изменит веры,
Предан партии полной мерой!

«Здравствуй, дорогая сестра Лиза!

Твое письмо было такое невеселое. Неважно ты, должно быть, себя чувствуешь. Уж не мое ли письмо из Красноярска на тебя так повлияло и расстроило. Я писал тогда, кажется, не в розовых тонах. Было это потому, что такова была полоса, что не чувствовал себя в своей тарелке...

Теперь, собственно, положение мое тоже неопределенно. Места себе никакого не нашел. А так как искать его здесь, в ссылке, не так-то легко, то я попустился: пусть, мол, оно само ко мне придет. А я пока что открыл слесарную мастерскую, от которой материальных выгод пока не получаю. Но по крайности вдоволь нарабатываюсь, что при здешнем вынужденном безделье тоже не вредно...»

Почерк слегка округленный, стремительный... Быстро заполняется четвертушка плотной бумаги. А на лице Сергея

Черепанова те же чувства, что и в его словах: забота о сестре Елизавете Александровне, легкая ирония в свой адрес...

Но вот ироническая складка у губ углубляется, становится резче — это уже сарказм.

«Живем мирно пока,— продолжают бежать из-под пера строки.— Полиция на нас набегов не делает и, по видимости, спокойна. А что у нее на душе и на уме, господь ведает...»

О чем же говорилось в том, предыдущем письме? Из-за чего могла расстроиться сестра С. А. Черепанова?

Нет, не о полицейских кознях шла тогда речь. Правда, и этого досталось с избытком, да ведь привыкли к такому за годы и годы. Гнетет Сергея здоровье жены. Какая была крепкая, цветущая... Доконала кочевая жизнь, полная испытаний, тюрьма.

Не роптала. Даже и после того, как родилась их малютка, Верочка, не отошла от партийных дел.

Даже шутила:

— У нас вся семья — революционеры, конспираторы.

И неспроста.

...Громыхая сапожищами, грубо перекликаясь, колотили в дверь непрошенные гости:

— Именем закона!..

Молодая мать выхватила из-под подушки пачку листовок... Куда спрятать? Глянула на дочку: Верушка, раскинув ручки, причмокивала во сне губками. Осторожно подсунула запретные листки под матрасик... Нашли, ироды!

Пережитое...

Из Екатеринбурга — в Самару. Поступил в издательство либеральной «Самарской Луки». Заведовал материальной частью. Пригодилось близкое знакомство с издательским делом. Понятно, и конспиративные связи поддерживал. Пока не пришлось с Марусей подаваться в другие края.

Хорошо знакомая по прошлым годам Уфа, исхоженная вдоль и поперек Пермь. В городе на Каме теперь довелось пожить сравнительно долго, хотя и не без тревог. Помогало отличное знание города, крепкие связи с рабочими. Революционную работу в Перми вели очень осторожно, скрытно.

Не обошлось без вызовов в полицию. При первом же обыске спасла находчивость Марии Алексеевны. Заслышав подозрительный шорох за дверью, сбросила всю нелегальщину в

темный угол. Да и встала на прикрывавший брошюрки половичок, всем видом показывая, что отошла в сторонку, не мешает, покорилась судьбе. Лишь в глазах — гнев неистребимый.

Так и простояла битых два часа, пока не убрались неурочные посетители, довольствуясь какими-то малозначащими бумажками.

...Проклятой памяти годы кровавого разгула царских палачей.

Сколько друзей, близких нашли свою раннюю кончину в тисках реакции. В числе этих жертв столыпинского террора и родной брат Сергея — Миша.

Челябинские рабочие сохранили светлую память о Михаиле Александровиче Черепанове, активном работнике местной организации РСДРП, безвременно сгоревшем в борьбе роковой.

Но вот, наконец, и забрезжили лучи нового революционного подъема. Сергей спешит в Екатеринбург, с которым у него столько связано по 1905 году!

«В 1910 году,— отмечает в своих воспоминаниях Ф. Ф. Сыромолотов,— товарищ Лука снова в Екатеринбурге, сколачивает организацию... Всю работу несет он с Алексеевной (партийная кличка М. А. Черепановой). На службе он — электротехник в магазине электротехнических приборов. У него явка, и завязываются связи. Я по выходе из тюрьмы связался с ним».

На заводах Екатеринбурга не забыли Сергея Черепанова как страстного агитатора и пропагандиста. Туго приходилось в столкновении с ним меньшевистским краснобаям!

Разоблачить меньшевиков, окончательно отмежеваться от них — это должна была сделать партийная конференция, которую готовил большевистский Центральный Комитет во главе с находившимся в эмиграции В. И. Лениным.

Требовалось наладить постоянные и надежные связи между ЦК и партийными организациями на местах. Кто будет информировать Ленина о положении дел на Урале? Это выпало на долю Черепановых. И, прежде всего, Алексеевны. Деятельное участие в переписке, которая велась через Надежду Константиновну Крупскую, принимала сестра М. А. Черепановой — Надежда Алексеевна Мартьянова, выполнявшая обязанности библиотекаря Екатеринбургского партийного комитета.

Письма деловые, содержащие важные вопросы партийной работы. И в то же время — душевные, доверительные.

«...Дорогая Надежда Константиновна,— пишет М. А. Черепанова 3(16) октября 1911 года,— вчера получила от Вас письмо. Деньги — 25 руб. посылает Екатеринбургская организация на «Рабочую газету».

Мария Алексеевна просит больше прислать в Екатеринбург литературы... «две партии можно прислать прямо на имя мужа, т. е. «Уральское технико-промышленное товарищество, С. А. Черепанову». Только посылать в ящике и из России, т. е. из Москвы, Петербурга...

Семейные дела (т. е. партийные.— **Н. X.**) у нас ничего, только жаль, что нет сведущего человека, а мы уж слишком на счету, никакого совершенно не дают ходу.

Есть группа рабочих — очень хорошие ребята, вполне преданные делу партии, но с ними все время нужно заниматься, чтобы выработать настоящих работников.

Вот после конференции, я думаю, что нас не забудут дорогие товарищи и пошлют хорошего, вполне выдержанного большевика-теоретика.

Мы очень интересуемся программой бывшей партийной школы. Нельзя (ли) прислать конспекты некоторых лекторов, как-то: Ильича и других? Мы бы сами стали заниматься.

Пишите нам все новости партийной жизни и высылайте литературу. Потребности большие...

С товарищеским приветом

Алексеевна»

Через несколько дней М. А. Черепанова направляет Н. К. Крупской другое письмо. Оно более короткое.

«...У нас дело налаживается понемногу. Добыли связи почти со всеми уральскими заводами и завязали переписку. В этом смысле много помог член Государственной думы Егоров (Н. М. Егоров, социал-демократ, депутат III Государственной думы от Пермской губернии)...

Помогите, пожалуйста, Надежда Константиновна: вроде конспекта или вообще докладика что-нибудь на тему о необходимости организации в настоящий момент.

Ждем по всем адресам, как манны небесной, 6-го номера «Рабочей газеты».

Идут письма, посылки, бандероли... А в это время С. А. Черепанов и его товарищи развивают в Екатеринбурге кипучую деятельность.

Днем — поездки на заводы: рабочие ждут веского большевистского слова. Ночью... Когда сгущаются сумерки — самое время заняться все возрастающей перепиской. А еще есть подпольная типография, с огромным трудом восстановленная в Екатеринбурге Черепановым.

Невелико предприятие. Но забот тьма. Нужны люди, бумага, краски. Нужны тексты для листовок и агитационных брошюр, а главное — сугубая конспирация.

Долго ли можно вести такую деятельную работу втайне от полиции? Все чаще обнаруживал Сергей за собой «хвост». Отвязаться от шпиков все труднее. Но каждый выигрышный день — победа. Все надо использовать для боевой подготовки конференции, которая определит дальнейшие пути всей партии, всего движения. И Черепанов меняет квартиры, явки, сбивает с толку ищеек! Что невозможно сделать в городе — переносится за черту Екатеринбурга, в Уктус.

И все-таки неизбежное пришло. Арестовали Марусю, Надю, самого Сергея.

Вновь — в который уже раз! — промозглые стены тюремной камеры. Ложишься с тяжелой головой. Просыпаешься — еще сильней отупляющая тяжесть. А надо, несмотря ни на что, надо быть в ясном разуме: чуть не каждый день ведут на допрос. Нередко и дважды, трижды за сутки. Стараются сбить с толку, запутать, выведать побольше. А держатся следователи так, будто им и без того давным-давно уже все известно... Знакомый трюк.

Болит душа. Не за себя, нет... За Марусю... Сдала она, очень изменилась последние месяцы перед арестом. Изнуряющая базедова болезнь.

Следствие тянулось, кажется, без конца. Чуть не два года мучили арестованных. Лишь 20 сентября 1913 года начался судебный процесс.

Глуховатым, каким-то безразличным голосом читается обвинительное заключение:

«...о мещанах Марии Алексеевой и Сергее Александрове Черепановых, крестьянке Надежде Алексеевой Мартьяновой, потомственном почетном гражданине Валентине Алексееве

Луппове, крестьянах Александре Михайлове Капустине, Анатолии Иванове Парамонове, Иване Ильине Чемезове, мещанах Анне Васильевой Трубиной и Ицке Срулеве Шварце, лишенном всех прав состояния ссыльно-поселенце Евгении Алексееве Преображенском и мещанах Георгии Михайлове Шкапине и Евгении Готлибовой Бош...»

Голос судейского чиновника становится все глуше, монотонней. Перед ним лежит целый том, сотни страниц...

«...В августе месяце 1911 года к помощнику начальника Пермского губернского жандармского управления в Екатеринбургском уезде стали поступать агентурным путем сведения, что в городе Екатеринбурге бывшие члены распавшейся местной группы Российской социал-демократической рабочей партии стали сорганизовываться, ведут партийную переписку с находящимся в Париже Центральным Комитетом партии, посылают туда деньги с целью ознакомления с текущим моментом партийной жизни, получают партийные печатные издания «Социал-демократ» и «Рабочую газету», устанавливают связи с городами Тюменью, Уфой, Петербургом и стали готовиться к выбору делегата на партийную конференцию.

...Сношения Екатеринбургской социал-демократической организации с Центральным Комитетом происходили путем переписки организаторов местной группы РСДРП — служащего Уральского технико-промышленного товарищества мещанина Сергея Александрова Черепанова и жены его Марии Алексеевой Черепановой с живущей в Париже и стоящей во главе Центрального Комитета Надеждой Константиновой Ульяновой, урожденной Крупской; что в средних числах августа 1911 года с партийной целью приезжал из Парижа в гор. Екатеринбург и останавливался на даче Черепановых в с. Уктусе Екатеринбургского уезда разыскиваемый департаментом полиции мещанин города Николаева Ицек Срулев Шварц и что служивший в конторе нотариуса Ардашева письмоводителем крестьянин Александр Михайлов Капустин дал свой адрес для конспиративной переписки из-за границы...»

На суде Черепановы держались стойко. Чувствовалось их моральное превосходство над охранителями трона. С гордостью видел Сергей душевную непоколебимость своей подруги.

Еще в начале процесса, председательствующий, недоуменно вскинув брови, поморщился:

— Говорите ясней. Непонятно...

После того Мария Алексеевна чуть не после каждого слова язвительно повторяла:

— Понимаете? Вы понимаете?

Получалось это у нее очень забавно. Председатель суда бесился, а у подсудимых поднималось настроение.

Марию Черепанову, несмотря на тяжелую болезнь, приговорили к каторжным работам. Это было равносильно смертному приговору. Каторга была «милостиво» заменена ссылкой на поселение. Сергея Александровича присяжные вынуждены были оправдать. Не оказалось достаточных улик по главному пункту обвинения: связь с Парижем. Надежду Алексеевну выпустили, зачтя годы предварительного заключения.

Сергей не мог допустить, чтобы Маруся оказалась одна, без него, больная, с малолетним ребенком на руках.

— Нельзя оставлять ее,— поддержали друзья по партии. Найдется для революционера дело и в глубине Сибири.

Власти не позволили ехать вместе. Даже маршрут следования по этапу сообщить отказались.

Сергей, однако, времени не терял. Собрал в дорогу дочурку. Вместе с Надеждой Алексеевной, также не пожелавшей оставлять Марию, направился на место ссылки жены в село Рыбное, Канского уезда, Енисейской губернии.

Неустроенность, тяжелая и, по всему видно, неизлечимая болезнь любимого человека... Суровая зима, угрожающая ребенку... Трудно приходилось и раньше, а такого еще не испытывали...

Но Черепановы были не из тех, кто поддается унынию, теряет волю к борьбе. Поддерживали бодрость духа не только друг у друга, но и у других ссыльных. И, конечно, были в числе тех, кто проявлял инициативу во взаимопомощи, в организации сил.

«Прибыв в Рыбное 9(22) января 1914 года,— отмечает старейшая коммунистка Елена Дмитриевна Стасова в своей книге «Страницы жизни и борьбы»,— я постаралась сейчас же познакомиться с товарищами. Оказалось, что здесь большая колония ссыльных — как социал-демократов, большевиков и меньшевиков, так и эсеров. Среди товарищей ссыльных, еще сохранивших душу живу, были: Иван Иванович Панкратов, Федор Иванович Клименко, Петрашкевич, Матус, Левертовский, Илья

Белопольский, а также вновь прибывшие Черепановы. Первоначально мы создали организацию помощи ссыльным, так как часть из них не имела заработка и голодала, а другие все же заработок имели».

Далее Елена Дмитриевна рассказывает уже непосредственно о делах, в которых принимали участие и Черепановы:

«Образовалась группа большевиков, создали нечто вроде школы, читали рефераты, выписали и нашу большевистскую газету и журнал «Просвещение» и стали даже отзываться на события внешней жизни резолюциями, подписывая их «Группа ссыльных людей из волостей Канского уезда».

Конечно, одним селом мы не ограничивались, а имели сношения и с другими селами».

Подошла осень 1914 года. Где-то далеко-далеко бушует война. И здесь, за тысячи верст от фронта, обстановка по-своему напряженная, гнетущая. Резкие, холодные ветры.

Все бы мог Сергей выдержать, снести, но как пережить, видя, что на глазах тает Маруся, жена, гибнет, лишенная медицинской помощи.

Одна надежда: пока не поздно — перевезти больную в Красноярск. Настойчивые хлопоты Сергея подвигаются медленно. Лишь глубокой осенью разрешение на переезд, наконец, получено.

— Скорей, скорей,— торопит Сергей возницу, лелея надежду спасти любимую.— Скорей.

Страшные, мучительные дни, недели, месяцы. Врачи делают все, что могут, болезнь зашла так непоправимо далеко.

Сергей не отходит от больной, от умирающей.

16 февраля 1915 года Мария Алексеевна Черепанова скончалась.

«Осталась моя Вера без мамы, как растение без солнца и влаги»,— в душевном потрясении писал сестре Сергей Александрович.

Тяжелая, невосполнимая утрата и для отца, и для малютки... И что было бы, если б не оказалась рядом добрая, все понимающая, близкая сердцем Марусина сестра Надя. Кто еще мог быть ближе нее для Сергея, для осиротевшей Верушки?

Остались рядом близкие, родные.

Властно звало к себе дело революции, которой Мария Алексеевна посвятила всю жизнь, до последнего вздоха.

III

Сердце колоколом в груди:
«Действуй. Вот она, вот, смотри.
Революция. Впереди
Всходит солнце в лучах зари».
Сердце: «Прошлого не забудь —
Свет успехов и мрак потерь.
Пройден в прошлом нелегкий путь.
Трудный путь начался теперь».

«...Худой и бледный, он с редкой самоотверженностью и преданностью отдавался организационной работе, не щадя времени и сил». Таким, по свидетельству известного большевика А. Ф. Ильина-Женевского, был С. А. Черепанов весной 1917 года.

Февральская революция застала Сергея Александровича в самой гуще событий — в бурлящем Петрограде. Пожалуй, слово «застала» здесь не совсем и подходит. Бойцу ленинской гвардии Черепанову никогда не была свойственна роль стороннего наблюдателя.

Из Сибири — в Питер, на самый передний край борьбы. Такой стремительный бросок помог революционеру сделать... сам царь-батюшка. Дошло до того, что из-за острой нужды в солдатах стали призывать в армию «внутренних врагов» самодержавия. С. А. Черепанов был мобилизован как ратник ополчения 2-го разряда. Находился в автомобильной роте в самой столице, на глазах у начальства. Но на фронт не направили. Попал туда несколько позднее и не по воле властей. Выезжал с поручением партии, вел агитацию против империалистической войны.

В письме сестре Сергей иронизировал:

«Божией милостью я — царский слуга».

Сохранилась фотография 1916 года. Сергей Александрович в солдатской шинели и папахе, лихо заломленной набекрень. «Положенные» усы чуть топорщатся в улыбке. В общем, выражение лица нарочито бравое: «царский слуга, любуйтесь на такого».

...С кем будут солдаты? Надо, чтобы пошли за большевиками, наперекор соглашателям, которые вошли в буржуазное Временное правительство. В борьбе за влияние в частях сто-

личного гарнизона немалую роль сыграла военная организация при Петроградском комитете большевиков.

Член военной организации С. А. Черепанов вместе с Н. И. Подвойским, В. И. Невским, А. Ф. Ильиным-Женевским неутомимо работал в солдатских массах.

Первый пулеметный, Павловский, Кронштадтский полки, батальон самокатчиков, флотские экипажи... Всюду можно было увидеть невысокого, быстрого в движениях ратника 2-го разряда.

Памятная ночь на площади у Финляндского вокзала. Встречали Владимира Ильича Ленина тысячи революционных рабочих, солдат и матросов.

Работы прибавлялось с каждым часом. Возникла необходимость иметь при военной организации свой печатный орган. И в полной мере пригодился давний опыт Сергея Александровича Черепанова. Много сил затратил он с товарищами на создание новой большевистской газеты, и добился, что уже 15 апреля 1917 года вышел первый номер «Солдатской правды». А через месяц эта газета, завоевавшая огромную популярность далеко за пределами Петрограда, стала органом Центрального Комитета партии. К этому же времени и сама военная организация тоже перешла в ведение ЦК.

С выходом газеты связь с войсками укрепилась еще больше. Полюбили ее солдаты.

Майским вечером 1917 года Сергей Александрович поздно задержался в редакции. Ждали очередную статью В. И. Ленина, предназначенную специально для «Солдатской правды». А наутро, вернувшись после короткого беспокойного сна, застал в помещении редакции полный разгром. Там уже успели побывать контрреволюционные офицеры. Облили бензином кипы газет, приготовленных к отправке...

По предложению Ленина ЦК созывает представителей большевиков фронта и прифронтовых районов. С. А. Черепанов проводит выборы делегатов на местах. Ему поручено также организовать прием и размещение солдатских посланцев.

16 июня 1917 года во дворце Кшесинской открылась созванная Центральным Комитетом партии Всероссийская конференция фронтовых и тыловых организаций большевиков. Вместе со всеми делегатами С. А. Черепанов с огромным вниманием слушал ленинский доклад о текущем моменте. Сам выступал

по основным вопросам повестки дня: сделал обстоятельный доклад о целях, задачах и формах военной организации. Был избран в состав Всероссийского бюро военных организаций.

Июльские дни 1917 года. Кровь на улицах Петрограда. Враги революции перешли в контрнаступление. При поддержке открыто вставших на путь предательства меньшевиков и эсеров оголтелое офицерство пытается превратить гарнизон в покорную воле буржуазии силу. Идет разоружение революционных полков и отдельных батальонов, аресты среди солдат.

С. А. Черепанов был, как видно, на особом счету у буржуазных правителей. Не случайно о его судьбе побеспокоился сам премьер Керенский, лично подписавший приказ об аресте большевика-уральца. Но,видимо, чтобы не привлекать внимания, поручили это, казалось бы, несложное дело группе верных Временному правительству солдат — без офицера.

И тут, как вспоминает Надежда Алексеевна Черепанова, «...случился казус. В предписании об аресте была искажена фамилия, и солдаты стали спрашивать в автошколе:

— Есть у вас какой-то «Черт и Череп»-большевик?

Надо же было случиться, что с таким вопросом обратились именно к С. А. Черепанову: не знали его в лицо.

Получили вежливый ответ:

— Такого, к сожалению, нет на месте.

Когда же ошибка была обнаружена, то исправлять ее уже было поздно.

О попытке ареста он рассказывал дома так комично, что дочурка его смеялась до слез».

Это — потом, через несколько месяцев. Но в те дни было не до смеха. Требовалось опять переходить на нелегальное положение.

Снова подполье, строгая конспирация. Черепанов сбрил усы, переоделся в штатское, но как член военной организации в отставку не вышел. Надо было сохранить и укрепить связи с воинскими частями.

Начался корниловский мятеж. Кандидат в диктаторы двинул на Петроград 3-й конный корпус.

— Действовать! — призвал ленинский ЦК. Петроградский комитет, Военная организация, Центральный совет фабрично-заводских комитетов подняли питерских рабочих, революционных солдат и матросов на решительный отпор корниловщине.

Горячие наступили дни. Это все острее чувствовал на себе С. А. Черепанов. Усилилась работа в гарнизоне. Воинские части, находившиеся под влиянием большевиков, приводились в боевую готовность.

Приближался решающий час. В числе других беззаветных солдат революции, среди участников и руководителей великого Октябрьского штурма был сын рабочего Урала С. А. Черепанов.

Середина октября 1917 года. Курс партии — на вооруженное восстание. В борьбе за массы определенную роль играла и проходившая в стране кампания по выборам в Учредительное собрание. В газете «Рабочий путь» опубликован список большевиков-кандидатов. Среди 18, вместе с В. И. Лениным, М. И. Калининым, назван и С. А. Черепанов.

В первых же числах ноября, когда социалистическая революция уже совершала свое триумфальное шествие по стране, Сергей Александрович выехал из Петрограда. Вскоре после победы Октября с ответственным заданием партии он направился в далекую Сибирь.

IV

Помнишь? Жизнь черна. Душа бунтуется:
Быть рассвету. Пусть придет скорей...
...И своей последней в жизни улицей,
Как всегда, идешь лицом к заре.

«В 1918 году весной я с ним встретился в Москве, в «Метрополе», на каком-то съезде. Разговорились.

Он выглядел довольно потрепанно, но с веселыми блестящими глазами. В общем, значительно суровее, чем в 1911 году. Потерю Алексеевны он еще тяжело переживал.

Через несколько дней вместе мы были у т. Аралова, там организовалась военная партийная группа уральцев и сибиряков, выдавалось оружие. Там были и другие товарищи. Вместе мы выехали из Москвы».

Ф. Ф. Сыромолотов не раскрывает, о чем же именно шел у них разговор с С. А. Черепановым. Многое можно было им вспомнить после семи лет разлуки...

Штурм старого мира закончился великой победой. Теперь огромные усилия Коммунистической партии и Советского пра-

вительства были направлены на то, чтобы решить очередные, насущные задачи новой власти. Надо было сломать старую, буржуазно-помещичью государственную машину. Требовалось создать новый, советский государственный аппарат в центре и на местах. Главная тяжесть этой неимоверно сложной и трудной созидательной работы легла на лучшие силы партии.

— Товарищ Черепанов. Вас вызывают...

Такие слова были привычны для Сергея Александровича. Вызывали часто. Давали серьезные, нередко и опасные задания. Но речь вот уже много месяцев шла преимущественно о работе в армии.

А сейчас, хотя еще, образно говоря, не очищен пороховой нагар у винтовок, из которых вели огонь по врагу, теперь задание сугубо штатское.

— Поедете в Томск. Надо помочь там организовать органы Советской власти.

В Томск — так в Томск. Доводилось бывать в Сибири и поглубже...

Привелось... При воспоминании у Сергея сердце сжала притупленная временем, но никогда не проходящая боль. Там... В Сибири... Там осталась навсегда Маруся... Осталась...

Что-то поплыло перед глазами... Склонил голову, сказал кратко:

— Если надо...

Уже в дороге почувствовал недомогание. А потом беспощадной хваткой вцепилась болезнь. Сказалось неимоверное напряжение многих дней и бессонных ночей, постоянное недоедание в голодающем Петрограде.

Пока всего без остатка требовали боевые, неотложные дела — крепился. Не замечал как-то, что силы-то на пределе. А теперь, в дни вынужденного вагонного безделья... Как противостоять болезни?

Спасибо, в Томске товарищи позаботились. Сделали все, чтобы помочь, поставить на ноги. А чуть окреп, не слушая никаких возражений, решительно вышел из-под опеки медицины.

— Здоров? — встретили его вопросом в губернском ревкоме.

— Как будто...— отвел глаза Сергей Александрович: кто их знает, этих прижимистых сибиряков — возьмут да и вернут на

больничную койку. Знал — в глазах еще не исчез лихорадочный блеск. Все еще пошатывает на ходу... Да время-то не ждет.

Дело представителю Центра предстояло важное.

— Плохо у нас с продовольствием,— сообщили томичи.— Это, пожалуй, сейчас главная трудность. Займетесь? Заодно и обстановку узнаете. Ладно?

Продовольственное снабжение оставалось под контролем Томской губернской продовольственной управы. А там засели меньшевики с эсерами. Из ревкома, из Совета вымели этих саботажников, а вот до управы как-то не добрались.

Узнал о таком положении С. А. Черепанов, и многое для него прояснилось. Знакомая это политика: «Задушить революцию костлявой рукой голода». Вот оно, истинное лицо последователей Рябушинских. Выкурить надо вражеских последышей, вырвать с насиженных мест в управе.

Явился в меньшевистско-эсеровское гнездо вместе с группой своих верных помощников — народных контролеров. Встретили визгом:

— Не позволим. Это насилие.

Обуздали демагогов.

Три недели распутывали контролеры узелки и узелочки саботажников. Не хватало дня. Проводили за разбором документов вечера, прихватывали и часть ночи. А Сергей Александрович засиживался за столом позже всех. Надо было обобщить выявленные факты. Считал своей прямой и неотложной обязанностью искать пути к тому, чтобы уже сейчас в ходе расследования перестали пустовать полки продовольственных лавок. Надо было видеть его радостную улыбку в минуты, когда получал сообщения:

— Изъято у бывших торговцев 100 пудов муки.

— Реквизировали у кулаков тайный склад с зерном.

А сам глава продовольственного дела жил, как и все, впроголодь. И при такой работе исхудал, пожалуй, больше, чем в дни болезни.

В январе 1918 года С. А. Черепанов доложил исполкому Томского Совета о результатах проверки. Ясно, неопровержимо доказал, что именно меньшевики и эсеры намеренно развалили дело продовольственного снабжения, преступно саботировали заготовки хлеба. А средства, выделенные для

закупки провианта, использовались не по назначению, попадали в руки недостойных людей.

— Шесть миллионов рублей — на ветер,— гневно звучал голос докладчика.

Разоблачить, устранить саботажников — это еще полдела, требовалось создать свой, советский аппарат по продовольственному снабжению. И как помогло в те напряженные дни черепановское умение работать с людьми, его чуткость и душевность к друзьям, к добросовестным, преданным нашему общему делу работникам.

В деятельных хлопотах пролетел февраль. Подули предвесенние ветерки. По совету С. А. Черепанова его сотрудники часто бывали в деревне.

— Не забывайте,— требовал он,— ленинское указание о необходимости укреплять союз между рабочими и крестьянами, союз между городом и деревней. Кулака надо изолировать. В сельской местности у нас с вами союзников немало. Опирайтесь на них.

При первой возможности и сам направлялся по уездам. Останавливался на ночлег в крестьянских домах. Близко узнавал заботы и нужды бедняков и середняков. Охотно, начистоту отвечал на тревожившие сельских собеседников вопросы.

Особенно часто спрашивали об Ильиче:

— Какой он, набольший? Чего ждет от нас, мужиков?

Рассказывал о нем, родном и близком для всех тружеников, о деревенских ходоках, которых уважительно, гостеприимно принимает Ленин.

Теплели глаза хлеборобов. Еще охотней шли они навстречу просьбам человека одной партии с Лениным:

— Поделимся хлебушком с городом. Потрясем и кулачишек, отымем схороненное зерно...

— Снарядим красный обоз!

Ставка врага на голод была бита.

А жизнь готовила для С. А. Черепанова новые, еще более сложные задачи.

Всероссийский совет народного хозяйства принял решение о районных (областных) совнархозах. Они призваны были отвечать за организацию всей экономической жизни края.

С. А. Черепанову предложили занять пост председателя

30 Заказ 17

Томского совнархоза. Медлить было нельзя. Еще не передав продовольственного дела, горячо взялся за новое дело.

В марте 1918 года был образован совнархоз, а уже 14 марта в помещении Дома свободы (ныне Дом ученых) С. А. Черепанов выступил на заседании президиума СНХ.

— Одной из главных задач,— подчеркивал Сергей Александрович,— является добыча сырьевых материалов и организация производственной деятельности предприятий, повышение производительности труда и улучшение товарооборота.

Конец марта — добрая половина апреля. Чуть не месяц на колесах: Мариинск, Асино, Молочин, Колпашево, Лукашин Яр, Новый Тевриз, Новый Васюган, Нарым... Сергей Александрович на местах встречается с сотнями работников, глубоко вникает в состояние дел. Губсовнархоз начал создавать органы руководства народным хозяйством в уездах.

С большими планами и мыслями выехал Сергей Александрович в конце мая 1918 года в Москву, на 1-й Всероссийский съезд советов народного хозяйства.

Выступление В. И. Ленина на съезде. Крепнет уверенность: партия, Ильич не пожалеют сил для укрепления народного хозяйства. Многое можно начать и сделать уже сейчас — народ поддержит. Многое, если... Если не помешают поднимающие голову лютые враги нового строя.

Начиналась гражданская война. Вспыхнула кровавым заревом и там, где только что начинал мирную созидательную работу С. А. Черепанов.

Отстоять завоеванное. Бороться не только на фронтах, но и во вражеском тылу. Кому доверить организацию опасной подпольной работы? Опять слышит Сергей Александрович знакомое, тревожное:

— Товарищ Черепанов, вас вызывают...

Да, он готов. Колебаний быть не может. Готов, хотя знает, предельно ясно представляет, на что идет. При последней встрече с близкими он говорил:

— Надюша, если что случится... Будь бодра духом и помни, что у тебя остается моя славная, дорогая дочурка, и ты побереги себя, наберись мужества и воспитай ее так, как мы думали сделать вместе.

Екатеринбург. Посуровевший в грозный час Уральский обком. Как много связано для Сергея с этими словами: Ураль-

ский партийный комитет. Иное время, другие люди. Но встретили, как родного. Помогли сравнительно быстро добраться до Тюмени: каждый час дорог, на вес жизни.

А у Тюмени уже идут бои. Тяжелая оборона с многократно превосходящими силами противника. Сергей Черепанов в окопах, в цепях контратакующих. А часы кратких передышек между боями — напряженная работа в городе.

Поставленная задача выполнена: налажена планомерная эвакуация города.

Что делать дальше? Договорились заранее. Группа ответственных работников: Франц Суховерхов, Сергей Черепанов, Константин Молотов, Вейс-Ильмар, Антон Валек, Иван Дмитриев и другие — остается в тылу врага.

Припрятали оружие, запаслись паспортными бланками. По настоянию С. А. Черепанова, оборудовали в укромном месте типографию. Придет срок: пригодится, может быть, не меньше пулеметов и винтовок.

Уже в условиях подполья провели совещание. Избрали оргбюро: Ф. Суховерхов, С. Черепанов, К. Молотов.

Возник вопрос:

— Необходимо двоим из членов бюро немедленно выехать в Томск. Кому из троих оставаться?

Все говорило за то, что Черепанову в Томске работать будет сложно: там его знал чуть ли не каждый встречный.

— Оставаться мне,— подвел черту под обсуждением С. А. Черепанов.

Задача сложная: создать в Тюмени большевистское подполье, поддерживать связь с Центральным Комитетом.

Надо ли говорить, как пригодились в такой обстановке многолетние навыки конспирации. Буквально под носом у контрразведки завязал прочные связи с рабочими типографии. Под его руководством началась забастовка печатников.

Возникла необходимость сменить квартиру. Под именем Морозова поселился в доме № 12 по Знаменской улице.

Хозяин квартиры — кустарь-водопроводчик. Свой? Говорили: да. Из «сочувствующих». Присмотрелся. Держится хозяин предупредительно. Даже с приторностью какой-то.

По обстановке в доме чувствовалось: имеются доходы. Да ведь слесарю-водопроводчику подработать не так уж сложно.

День, другой, третий... Вроде бы все спокойно... Но вдруг

визит офицеров из штаба. Держатся белогвардейцы корректно: мол, так, обычная проверка...

— По какому вы делу прибыли сюда?

Объяснил. Занимается коммерцией. В Тюмени проездом из Москвы в Томск. (Пусть расспрашивают о Томске — не собьют с толку). Но ввиду военных действий задержался. Тут же осведомился, нельзя ли получить разрешение на выезд из прифронтовой полосы.

По лицу старшего из офицеров скользнула ухмылка:

— Посмотрим. Возможно... дадим пропуск. А, впрочем, зайдите в штаб.

Через несколько дней Черепанова схватили на улице.

Мрачный застенок контрразведки. Допросы. Угрозы вперемежку с довольно заманчивыми, по мнению беляков, обещаниями.

Говорить? Это можно. Но не проговориться. Ничто не может сделать коммуниста предателем. Вся жизнь тому порукой. И последние капли крови будут чистыми...

...Резкие с пристуком шаги в гулком коридоре тюрьмы. Приближаются. Это за ним.

— Прощайте, товарищи...

Прошли годы. Сгинули, отброшены историей дела и имена белогвардейских палачей. А многих из них настигло возмездие народа.

Не ушел от заслуженной кары и выродок, предавший нашего земляка-уральца. Выплыло, что хозяин квартиры на Знаменской, 12 донес на своего жильца.

...И не померкнет светлая память о жизни и делах Сергея Александровича Черепанова, человека, который прошел свой путь с горячей верой в счастливое будущее человечества, прошел лицом к заре новой жизни.

Н. ХАУНЕН

ЧЕЛОВЕК ЛЕНИНСКОЙ ЗАКАЛКИ

Исаак Израилевич Шварц, получивший в партийном подполье кличку «Семен», родился 6 (18) 1879 года в Николаеве, в семье портного. С тринадцати лет начал он трудовую жизнь учеником, а затем литейщиком завода Уманского и судостроительного завода.

В это время он начинает посещать социал-демократические кружки на заводе, а с 1899 года всю свою жизнь неразрывно связывает с партией. В годы царизма С. Шварц был арестован девять раз. Дважды его ссылали в далекую Якутию, с жандармской путевкой «путешествовал» в Тобольскую, Мезеньскую, Печорскую и другие ссылки.

В июле 1904 года, убежав из очередной ссылки, добрался до Женевы, где впервые встретился с В. И. Лениным. Неоднократно в последующие годы он успешно выполнял задания Владимира Ильича по доставке в Россию революционной литературы, по созданию большевистских организаций на юге России и на Урале.

В 1906—1911 годах основная деятельность С. Шварца протекала на Урале. В ноябре 1911 года он был арестован, а затем в 1913 году сослан на вечное поселение в Енисейскую губернию, из которой его освободила лишь Февральская революция.

Вернувшись в Петроград, Семен Шварц сразу же включается в активную партийную работу, участвует в подготовке и проведении Апрельской конференции РСДРП(б), выполняет ряд заданий В. И. Ленина.

Летом 1918 года партия направляет Шварца в Донбасс, где он избирается членом обкома партии и СНК Криворожско-Донецкой республики. По заданию В. И. Ленина он проводит большую работу по подготовке I и II съездов компартии Украины. С. Шварц был организатором и первым председателем Всеукраинской ЧК, уполномоченным Совета рабоче-крестьянской обороны Украины по Николаевской и Херсонской областям. В начале 1920 года С. Шварц вновь был направлен в Донбасс для восстановления угольной промышленности. Летом 1921 года он избирается председателем профсоюза горнорабочих. С 1930 года С. Шварц на хозяйственной работе — председатель Главугля, а с 1931 года — начальник Главсланца. С 1938 года и вплоть до смерти (1951 г.) он был директором научной лаборатории.

На X—XII съездах партии Шварц избирался членом ЦКК и членом президиума ЦКК, а с XIII по XVIII съезд был кандидатом в члены и членом ЦК ВКП(б).

В 1945 году за особые заслуги в деле снабжения фронта лекарствами, С. Шварц был награжден орденом Красной Звезды.

Старый большевик, верный друг и ученик В. И. Ленина, Семен Шварц мужественно боролся за торжество Октября, за укрепление диктатуры пролетариата, за победу социализма.

Шел июнь 1906 года. В один из дней, ранним утром, на явочной квартире большевистской организации Екатеринбурга, находившейся на Вознесенской улице, раздался тихий стук.

Открывший парадную дверь хозяин квартиры инженер Терников увидел перед собой заметно уставшего человека с черными вьющимися волосами и густыми усами.

Войдя в переднюю, незнакомец назвал пароль и сказал:

— Зовут меня Семен. Сейчас еду из Тобольской губернии, куда был сослан после ареста в Луганске в мае 1906 года. По прибытии в ссылку на следующий же день бежал. Теперь еду в Екатеринослав. Хотел бы, чтобы вы помогли мне деньгами на дальнейшую дорогу и организовали встречу с товарищем Назаром.

Хозяин явки, внимательно наблюдавший за незнакомцем, успевшим уже вызвать к себе симпатию как своим разговором, так и внешним видом, обещал выполнить его просьбы.

— Сегодня, товарищ Семен, вы отдохнете у меня, а завтра я постараюсь организовать вам встречу с Назаром и решить все вопросы, связанные с вашей дальнейшей поездкой. Располагайтесь здесь, отдыхайте, а я сейчас должен идти на работу.

Через несколько часов хозяин явочной квартиры уже рассказывал видному уральскому партийному работнику Николаю Никандровичу Накорякову, носившему в то время кличку «Назар», о прибывшем незнакомце, назвавшемся Семеном.

— Да это же Исаак Шварц,— сказал Накоряков.— Старый партийный работник-большевик, лично известный Владимиру Ильичу. Мы с ним встретились в 1901 году в Одессе. Он привлек меня к распространению «Искры» и различной партийной литературы. Семену, конечно, нужно оказать помощь. Но еще лучше будет, если он останется здесь. Ведь именно такие опытные работники сейчас нам нужны до зарезу. Попробую уговорить его.

Вечером того же дня отдохнувшего Семена проводили к Накорякову.

После краткого рассказа Шварца о работе в Екатеринославе и побеге из ссылки, Николай Никандрович посвятил Семена в дела Уральской большевистской организации, упомянул о серьезных трудностях, которые она в последнее время переживает.

— Жандармы серьезно взялись за уральских большевиков,— говорил Накоряков.— То здесь, то там арестовывают членов партии и, конечно, в первую очередь наиболее активных и подготовленных работников. Совсем недавно, 10 июня, в Перми был арестован товарищ Андрей — Я. М. Свердлов. Это один из любимых руководителей уральских рабочих, энергичный организатор и отличный пропагандист. Одновременно жандармы взяли его жену, К. Т. Новгородцеву, и целую группу активистов Пермской и других организаций Урала. В результате на многих заводах партийная работа снижается... Люди нужны до зарезу.

Семен внимательно слушал старого товарища и все больше задумывался над тем, что ему, очевидно, следует остаться здесь, на Урале.

Через несколько дней Семен был кооптирован в областной и городской комитет партии и взял на себя наиболее трудные участки работы — руководство финансовой комиссией, задачей которой было добывать необходимые средства, и партийной техникой (типография, изготовление документов и т. д.).

В этой работе вместе с Семеном Шварцем и Н. Н. Накоряковым участвовали екатеринбургские большевики С. И. Дерябина, Э. А. Светлосанов и Ф. Ф. Сыромолотов.

В начале августа на Урал приехали Ф. А. Сергеев (Артем), братья Д. Н. и К. Н. Бассалыго, а несколько позже М. Н. Лядов. Эта группа прибыла с тем, чтобы помочь местным товарищам укрепить партийную организацию и избрать на V съезд делегатов-большевиков.

Воссоздание организации пошло полным ходом. Шварцу в это время приходилось жить по фальшивым паспортам, ночевать то в одной, то в другой квартире, есть что попало, а иногда и просто подтягивать ремень вместо ужина. Но Семен привык к такому образу жизни. Он налаживает партийную технику, создает типографию и конспиративные квартиры. Через некоторое время партийная организация имела хорошую типографию. Шрифт для нее добыл Семен. В тайной типографии были напечатаны листовки: «К гражданам!», «Ко всем рабочим!» «Красное знамя» и многие другие, выходившие тиражом в тысячах экземпляров. А для прокламаций необходимы были бумага, краска, деньги. К тому же доставать все это нужно было очень ловко и умело, чтобы не навести на след сыщи-

ков. Об этом и заботился Семен Шварц. Он установил хорошие отношения с местным золотопромышленником П. А. Конюховым и получал от него для партийной работы значительные суммы, используя иногда его квартиру для нелегальных собраний.

В Екатеринбурге он подружился с молодой массажисткой Анной Васильевной Трубиной, вскоре ставшей его женой.

В декабре 1906 года состоялась общегородская конференция РСДРП, одним из организаторов и руководителей которой был Семен Шварц. Делегаты обсудили ряд важных вопросов партийной работы и среди них вопрос о текущем моменте в связи с выборами во II Государственную думу. Конференция единогласно высказалась за участие в избирательной кампании и выставила свой список — 13 выборщиков. Был рассмотрен также вопрос о подготовке к V съезду партии.

В январе 1907 года при участии Семена уральские большевики организовали выпуск легальной «Уральской газеты».

Газета выходила в напряженные дни подготовки к выборам в Государственную думу. Она разъясняла порядок голосования, призывала активно в нем участвовать и отдавать свои голоса рабочим выборщикам, популяризировала политическую платформу РСДРП.

Во втором номере газеты, вышедшем 7 января 1907 года, было помещено обращение **«К рабочим!».**

«...Товарищи рабочие! — говорилось в этом воззвании,— сегодня день выборов уполномоченных в рабочей курии, поэтому спешите воспользоваться в полной мере своими избирательными правами, ибо каждый не поданный нами голос на руку нашим врагам, которые только и добиваются того, чтобы лишить вас всех каких бы то ни было прав. Идите и выбирайте истинных защитников своих интересов — представителей рабочей российской партии, указывающей вам путь к полному освобождению от экономического и политического рабства, путь к завоеванию истинной свободы и истинного счастья. Идите же и выбирайте!

Группа сознательных рабочих
г. Екатеринбурга»

После закрытия «Уральской газеты» большевики Екатеринбурга, при деятельном участии Шварца, наладили выпуск нелегальной газеты— «Уральский рабочий». Газета сыграла поло-

31 Заказ 17

жительную роль — все 13 выборщиков-большевиков были избраны.

Победа большевиков на выборах была внушительной. Правда, комиссия по выборам при помощи всяких ухищрений отвергла трех избранных кандидатов-большевиков: Н. Н. Накорякова, Э. Светлосанова и Н. А. Чердынцева. Но ничто не могло уже помешать избранию рабочего депутата в думу. И таким депутатом от Екатеринбурга стал большевик Егор Алексеевич Петров.

14 февраля 1907 года в Екатеринбурге и многих других городах Урала прошли политические демонстрации по случаю проводов депутатов в думу.

В Екатеринбурге на вокзале собралось особенно много народу. Речи ораторов становились все более революционными, слышалось пение «Марсельезы». Была вызвана полиция... Только после этого демонстранты разошлись.

В феврале 1907 года была проведена областная партийная конференция. Она состоялась в квартире инженера Терникова.

«...В маленькой комнатке,— вспоминает один из участников конференции,— в два окна, выходивших во двор, вокруг письменного стола, тесно сжавшись, сидели, кто на стульях, кто на окнах, человек 12... Ждали местных работников и Артема. Последний запоздал и на конференции не присутствовал. Конференция открылась в 10 час. утра, когда собралось 18 человек. В составе ее были исключительно большевики... Руководил конференцией специально командированный на Урал тов. Лядов, сделавший доклад по текущему моменту, в котором отметил оживление революционной работы... В порядке дня стоял отдельно доклад о задачах... съезда (имеется в виду V съезд РСДРП), о выборах на съезд» [1].

Перед окончанием конференции был избран областной комитет, в состав которого вошли Ф. Ф. Сыромолотов, Н. Н. Накоряков, а также Семен Шварц, Ф. А. Сергеев (Артем), М. М. Загуменных, С. А. Черепанов и другие.

По решению областного комитета в партийных организациях сразу же начались выборы делегатов на V съезд партии. Большевистская организация Урала насчитывала в то время

---

[1] М. Зиновьев. Мои встречи с Артемом на 3-м обл. партийном съезде в феврале 1907 г. «Из прошлого». Сб. воспоминаний. 1903—1905 гг. Пермь, стр. 104—105.

11 тысяч членов, поэтому она смогла послать на съезд 22 делегата. Задание В. И. Ленина, данное Лядову, привезти от Урала не менее 10 делегатов было перевыполнено — приехали 22 делегата, из них только один меньшевик. От Екатеринбургской организации делегатами съезда были избраны М. Н. Лядов, С. Шварц и И. Гилев.

Семен впервые едет на партийный съезд. Благополучно добирается он до Петербурга. Здесь ему сообщили, что его хочет видеть Ленин, живущий в Финляндии, в местечке Куоккала. Шварц спешит увидеть вождя партии. Непродолжительная поездка по железной дороге, несколько минут ходьбы, и вот уже указанная Семену дача, на воротах которой было вырезано изображение вазы (почему дача и носила название «Ваза»). Перед Семеном был небольшой деревянный домик с мезонином. В прихожей он спросил, можно ли видеть Ивана Ивановича. И вот перед ним появился Владимир Ильич, в русской рубашке, без пояса.

Через несколько минут они были уже в «кабинете» — маленькой комнатке, в которой работал Ленин, находясь на даче.

Семен начал подробно рассказывать о жизни рабочих и большевистской организации Урала. Ленин слушал внимательно. Но Шварц чувствовал почему-то, что он пригласил его не только за этим, что у него есть какие-то планы, в которые он хочет посвятить Семена.

После подробного отчета, сделанного Шварцем, В. И. Ленин сказал ему, что съезд несколько задерживается и у него есть к нему важное поручение.

Через некоторое время они углубились в зелень сада и никто не слышал их дальнейшей беседы. И позже Шварц в своих воспоминаниях только скупо отметил: «...После переговоров с Лениным уехал на Урал со специальным заданием».

Семен снова на Урале. Вместе с ним туда был направлен опытный партийный работник — питерский рабочий-большевик Г. М. Шкапин. 25 марта 1907 года они прибыли на ст. Екатеринбург, но тут же были арестованы, как потом выяснилось, по доносу провокатора Комиссаровой.

На вокзале, в комнате дежурного жандарма, Семен был обыскан, но ничего, кроме паспорта на имя зубного врача С. А. Перельмана из г. Двинска, у него не нашли. По дороге в жандармскую комнату он успел проглотить папиросную бу-

мажку, на которой был написан мандат Семена на партийный съезд. Но жандармы из агентурных сведений знали, что по этому паспорту скрывается «организатор Екатеринбургского окружного комитета РСДРП, работавший под кличкой «Семен» и ездивший от Екатеринбурга на съезд партии».

Через несколько дней Семен был отправлен в николаевские арестантские роты. Тюрьма эта находилась в глухом таежном углу Верхотурского уезда. Туда отправляли заключенных из других тюрем «для исправления», а фактически на расправу. В тюрьме орудовали отъявленные палачи и садисты. Печи здесь не топили, нары были убраны, чтобы, как объяснял начальник тюрьмы, заключенные их не ломали. За малейшее нарушение правил помещали в карцер с таким режимом, что далеко не все выходили из него живыми.

В тяжелые условия попал Семен. И все же его первой мыслью было сообщить питерским товарищам о том, что работающая в их организации Комиссарова — провокатор. Несмотря на исключительные трудности, ему удалось переправить в Питер два письма.

Находясь в мрачной царской тюрьме, Шварц не прекращал борьбы. Длительное время (до июня 1907 г.) он продолжал выдавать себя за дантиста Перельмана, подробно рассказывал «свою» биографию, называл «родственников» и лишь когда ему стало ясно, что именно о нем знают жандармы, заявил, что он «вовсе не Перельман, а Исаак Шварц, ни в чем виноватым себя не признает, никакого отношения к партийной организации не имеет и за границей никогда не бывал».

Семен умело использовал в своей защите тот факт, что жандармы не имели вещественных доказательств его участия в работе партии, а сведения, полученные от провокаторов, не могли фигурировать на суде, так как это раскрыло бы жандармскую агентуру.

В тюрьме у Семена обострился приобретенный им в период побега из Якутии ревматизм, и его вынуждены были перевести в тюремную больницу. В связи с ухудшением здоровья Семена, 13 февраля 1908 года его отец подал в Министерство внутренних дел прошение, в котором требовал расследовать дело сына, содержащегося в тюрьме.

Не имея документальных доказательств принадлежности Шварца к партии, пермский губернатор вынужден был возбу-

дить ходатайство перед Министерством о высылке Шварца в административном порядке из пределов Пермской губернии под гласный надзор полиции сроком на два года.

Однако особое совещание при министре сочло такую меру недостаточной, и 1 мая 1908 года приняло решение выслать Шварца на три года в Архангельскую губернию.

Вскоре Семен был отправлен в новую ссылку — на Печору. Здесь его поселили в селе Ижме, находившемся на реке того же названия (приток р. Печоры) [1].

В Ижме в это время жило несколько десятков ссыльных, но большевиков среди них было мало. Семен устроился в доме одного зырянина и за жилье и питание отдавал ему ежедневно по 2,5 копейки из 5, которые он получал от казны.

С первых же дней пребывания в Ижме он стал думать о том, как осуществить новый побег. В начале октября он узнал, что в деревушке, расположенной на другом берегу реки Мохче, появился новый ссыльный. Какова же была его радость, когда в нем Семен узнал своего старого знакомого — организатора боевых дружин партии на Урале Эразма Кадомцева.

В первую же встречу было решено готовить побег. Кадомцев добился разрешения у помощника исправника приезжать 2—3 раза в неделю в Ижму, ибо здесь-де находится почта, а он часто получает посылки от сестры. Получив возможность встречаться, Шварц и Кадомцев стали готовиться к побегу.

Шварц и Кадомцев учли уроки неудачных попыток других ссыльных, бежавших обычно в сторону Архангельска, где имелся телеграф и поэтому полиция быстро узнавала о побеге и беглецов обычно всегда ловили. Шварц и Кадомцев решили бежать в сторону Урала. Им удалось уговорить опытного зырянского ямщика довезти их до ближайшей в том направлении деревни. Отъезд приурочили к проводам новобранцев в армию, когда жители села да и представители власти пребывали в пьяном угаре.

В назначенный день Семен и его друг стали на лыжи и отправились на охоту. Вдали от деревни в лесу их уже ждала кибитка, запряженная отличными лошадьми.

---

[1] Описание жизни С. Шварца в ссылке и побега из нее дается по воспоминаниям старого большевика-уральца Э. С. Кадомцева, записанным автором.

И за одну декабрьскую ночь путники были уже в селе Ухта. Отдохнув здесь около суток, беглецы на свежих лошадях отправились в дальнейший путь. Так доехали они до Сольвычегодска. Здесь Кадомцев выдал себя за капитана дальнего плавания, а Семена за машиниста парохода. Легко разузнали они дальнейший путь. Всем, с кем они имели дело, было сказано, что они едут на запад; на деле же беглецы отправились на восток — на Вычегду, в сторону Соликамска.

Ехали только ночью, а днем отдыхали на глухих заимках. Подъезжая к Соликамску, в одной деревушке беглецы сбросили с себя теплую северную одежду — малицы, переоделись в обычное платье. Через несколько часов они были уже в Соликамске. Здесь их пути разошлись. Кадомцев направился к брату, а Шварц сел в поезд, чтобы быстрее добраться до Питера. Семен спешил явиться в российский центр партии, находившийся в столице.

Через несколько дней он шел уже по Петербургу и неожиданно встретил на улице старого знакомого по Екатеринославу — большевика Б. А. Бреслава, недавно бежавшего из Архангельской ссылки и теперь так же, как и Семен, искавшего связи с Питерским комитетом партии. На следующий день общими усилиями они, наконец, получили явку комитета. И каково же было удивление Семена, когда им здесь дали направление на квартиру Комиссаровой.

Конечно, ни Семен, ни Бреслав — отличные конспираторы — не воспользовались этим адресом и нашли себе другую квартиру. Семен немедленно сообщил комитету об истинном лице Комиссаровой. Однако полностью разоблачена она была позже.

Прибытие Семена Шварца в Питер совпало с завершением работы V Всероссийской конференции РСДРП и совещания расширенной редакции большевистской газеты «Пролетарий». Для ознакомления местных организаций с решениями конференции и совещания было решено направить в наиболее важные центры России большую группу опытных работников партии. Среди них были Н. Г. Полетаев, Н. А. Скрыпник и другие. На Урал было решено послать М. Я. Яковлева и Семена Шварца. Семену дали ответственное задание — восстановить вновь разгромленную Уральскую партийную организацию.

В середине января 1909 года Шварц опять оказался в Ека-

теринбурге. Но жандармы уже внимательно следили за ним, о направлении его на Урал им стало известно снова от Комиссаровой. В поезде вместе со Шварцем ехали два сыщика, имевшие задание неотступно следить за ним. Он очень скоро их заметил. По приезде в Екатеринбург сумел обмануть их бдительность и прибыть на явку без «хвоста».

Перед Семеном стояла задача подготовить созыв Уральской областной конференции. Он совершает объезд местных организаций. Ему удалось побывать в Златоусте, Миньяре, Уфе и других районах Урала. И везде он проводил выборы делегатов, разъясняя решения общепартийной конференции и совещания редакции «Пролетария».

Объехав важнейшие районы Урала и подробно ознакомившись с положением Уральской организации, С. Шварц послал письмо в большевистский центр, в котором следующим образом охарактеризовал обстановку:

«...положение партийных организаций Урала, кроме Юга, довольно тяжелое. Отсутствие работников и средств, невозможность вести разъездную агитацию и издавать газету, отсутствие техники, частые провалы — все это чрезвычайно ослабляет, а иногда расстраивает. Но при всем этом постоянно возрастает приспособленность к создавшимся политическим условиям, аресты лишь на некоторое время замедляют партийную работу, она вскоре же возобновляется. Что важнее всего — из рабочих выдвигаются деятельные, неутомимые работники, которые при всех неудачах восстанавливают партийные организации и идут по верному революционному социал-демократическому пути» [1].

Уральскую областную конференцию намечали открыть 29 марта 1909 года, на нее должны были прибыть представители Уфимской, Челябинской, Миньярской, Златоустовской, Тюменской, Пермской, Вятской, Ижевской и Мотовилихинской организаций. Но жандармы уже тщательно следили за подготовляемой, как они писали, «бежавшим из ссылки агентом ЦК партии Шварцем» конференцией, и в ночь с 27 на 28 марта все прибывшие на нее делегаты были арестованы.

Обрадованные удачей уральские жандармы телеграфиро-

---

[1] См. «Пролетарий», № 46. Цит. по работе Ф. С. Гинзбург. Из истории с.-д. большевистской организации Урала в годы реакции. Труды Уральского лесотехнического института. Вып. XIII, Свердловск, 1956, стр. 48.

вали в департамент полиции: «Уральская с-дековская областная конференция сорвана и предотвращена. Утром 28-го произведены обыски и аресты, задержано 30, в числе их агент ЦК Шварц, делегаты и Екатеринбургский комитет»[1].

28 марта жандармский ротмистр Ральцевич завел специальное дело «Об исследовании степени политической благонадежности Шварца и других», основанием для которого послужили, как указано в самом деле, «агентурные сведения о том, что в... марта 1909 г. состоится Уральская областная конференция с-д партии под руководством Шварца»[2].

Семен Шварц был арестован в доме № 1 по Ломаевской улице, где он остановился у одного из членов городского комитета С. П. Бахарева, оказавшегося провокатором. Одновременно с Семеном здесь были арестованы большевики Б. М. Корнеев и М. Я. Яковлев.

При аресте у Семена Шварца были отобраны, как говорит об этом протокол обыска, «...Пятилетняя паспортная книжка на имя Сергея Петрова. Записная книжка в кожаном переплете с тенденциозными записями. 7 брошюр тенденциозного содержания. Письмо на трех страницах, начинающееся словами «Дорогой, хороший друг...»[3].

У других арестованных были изъяты экземпляры 42-го номера «Пролетария»; 103 экземпляра «Дневника социал-демократа» № 2, 3, 4, 5; партийные документы, гектографические чернила и масса, а у одного из видных большевиков Урала Л. Вайнера револьвер системы «Смит и Вессон».

На следующий день после ареста Семен Шварц и его товарищи были отправлены в пермскую губернскую тюрьму[4]. 31 марта на первом допросе ни Шварц, ни другие арестованные, конечно, не признали себя виновными.

Не имея никаких документальных доказательств принадлежности Семена Шварца к партии и тем более к его руководству, жандармы опять были лишены возможности отдать его под суд, и в январе 1909 года высылают в административном порядке в Якутию сроком на пять лет.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП. 7-е делопроизводство, д. № 1344, 1909 л. 71.
[2] Там же л. 1.
[3] Там же, л. 64.
[4] Провокатор Бахарев был оставлен жандармами в Екатеринбурге, а 20 апреля и вовсе выпущен на свободу.

Морозный декабрь застал Семена в Ново-Александровском централе. Здесь обычно формировались этапы ссыльных, отправляемых в Якутию. Но в этот раз арестованных было мало, и местное тюремное начальство решило отложить отправку этапа до весны. Так Семен Шварц на полгода оказался узником страшной каторжной тюрьмы — Александровского централа.

Лишь в мае 1910 года был сформирован этап, отправлявшийся в Якутию. Семен прибыл в Якутск в начале сентября. Но уже на пути в ссылку он решил там не задерживаться и на 18-й день пребывания бежал. Преодолев значительные трудности, он снова оказался в Петербурге, а затем за границей. Позже, вспоминая об этом, Семен писал:

«В сентябре 1910 г. я бежал из Якутской ссылки и направился в Париж, где находилось руководящее ядро большевистской партии, чтобы как говорили товарищи, «залечить раны».

Приезд Семена в Париж совпал с периодом объединительного пленума ЦК (1910), на котором была сделана попытка достигнуть соглашения между группами большевиков и меньшевиков.

Однако положительных результатов пленум этот не дал. Даже тем большевикам, которые еще надеялись, что возможно найти общие взгляды, стало ясно, что лишь в расколе, а не в объединении с меньшевиками, будут крепнуть силы революции. Борьба внутри партии обострялась.

Сразу же в Париже Семен встречается с В. И. Лениным и вскоре вступает в объединение русских социал-демократов, называвшееся «II Парижская группа». В нее входили Г. К. Орджоникидзе, Б. Бреслав, Л. Сталь, А. С. Чечнев-Чернов и другие.

Последние месяцы 1910 года Семен использует не только для отдыха после тюрьмы и ссылки, но и учебы. Он читает произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, работы В. И. Ленина, научную и партийную литературу.

Огромное значение имело для Семена Шварца частое общение с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Семен принадлежал к тем немногим людям, которые в эти годы часто и запросто бывали в доме Ленина, встречался с ним в кафе на улице д'Орлеан, где собиравшиеся бурно обсуждали внутрипартийные проблемы.

В конце года участники группы создали «Рабочий клуб», в котором участвовали представители различных политических направлений, но руководящую роль играли большевики. В нем велись дискуссии, читались лекции и доклады. Но Ленина это не удовлетворяло. Он уже вынашивал идею создания специальной школы, которая готовила бы кадры для большевистских организаций в России.

Между тем наступал Новый год. Его было решено встретить по старому стилю, по которому тогда жила Россия, в небольшой компании. Один из участников этой встречи Б. А. Бреслав писал о ней позже:

«На эту интимную встречу Нового года было приглашено очень немного, человек 10—12, не более. Сначала предполагали собраться в помещении редакции «Социал-демократа», но когда туда собрались, помещение показалось тесным и неуютным, и мы перешли в соседний ресторанчик в полуподвальном этаже. На этой интимной новогодней встрече были Ильич, Крупская, Пятницкий, Мандельштам, Семен Шварц, Людмила Сталь и еще два-три товарища... Обошлось в этот вечер без политики.

В ресторанчике мы просидели далеко за полночь. Никогда до и после этого я не видел Ильича в таком веселом настроении, таким остроумным, шутливым, полным юмора и сарказма» [1].

Так начался для Шварца новый, 1911 год. Находясь в Париже, Семен не перестает интересоваться делами большевистской организации Урала, ведет с ней активную переписку, получает сообщения о деятельности партийных комитетов и групп.

В мае 1911 года большевики создали свой партийный центр, а вскоре осуществилась и мечта Ленина. Под его непосредственным руководством была создана большевистская партийная школа по подготовке кадров для партийных организаций России.

Школа начала свою работу в конце мая 1911 года. Всего в школе было 18 учеников, в том числе пять вольнослушателей. Кроме Г. К. Орджоникидзе, Б. А. Бреслава, С. М. Семкова

---

[1] Б. А. Бреслав. О В. И. Ленине. (Беглые воспоминания). М., 1934, стр. 34—35.

и В. Н. Манцева, таким вольнослушателем стал и Семен Шварц.

Основным лектором в школе был Ленин. Он читал лекции по политэкономии, аграрному вопросу и практике социализма. Кроме Ленина, лекции в школе читали А. В. Луначарский, Н. А. Семашко и другие партийные работники. Семинарские занятия по политической экономии вела Инесса Арманд. Занятия начинались аккуратно в 8 часов утра и кончались к обеду.

Школа в целях конспирации была размещена не в Париже, а в небольшой деревушке неподалеку от него — Лонжюмо, где поселились Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и ее матерью Елизаветой Васильевной. Жила семья В. И. Ленина так скромно, что ее бедность обращала на себя внимание посторонних.

Зато занятия в школе шли успешно. Шварц и его товарищи получали много новых политических знаний, знакомились с достижениями культуры, учились, как вспоминает бывший слушатель школы И. С. Белостоцкий, ленинской непримиримости к врагам, беспощадной борьбе с ними.

Между тем положение в партии все больше осложнялось. Меньшевики, ликвидаторы, отзовисты и прочие оппортунисты усиливали натиск на ленинцев.

В конце мая — начале июня 1911 года в Париже состоялось совещание членов ЦК, созванное по инициативе В. И. Ленина, на котором обсуждался вопрос о выработке мер для созыва пленума ЦК РСДРП и общепартийной конференции.

Через несколько дней после совещания Ленин выступил с докладом об его итогах перед большевиками, жившими тогда в Париже. Пришли на это собрание и Серго Орджоникидзе, Б. Бреслав, Семен Шварц и другие слушатели партийной школы.

Внимательно слушали они выступление Ильича, рассказавшего о решениях совещания членов ЦК РСДРП — большевиков о необходимости усилить борьбу с оппортунистами и о созыве новой конференции партии.

Вернувшись домой, слушатели партийной школы горячо обсуждали между собой стоявшие на собрании вопросы о положении в партии и пришли к выводу, что необходимо, не дожидаясь окончания курса, немедленно ехать в Россию на подпольную работу с тем, чтобы там, на месте, подготовить

созыв конференции. Особенно энергично эту мысль развивал Г. К. Орджоникидзе.

Перед отъездом в Россию — в конце июля 1911 года — Серго Орджоникидзе, Семен Шварц и Борис Бреслав зашли к Ленину попрощаться. Владимир Ильич дал им последние указания, окончательно уточнил с ними формы и методы регулярной связи, еще раз были проверены шифры и адреса в России и во Франции. Во Франции получать корреспонденцию должна была Надежда Константиновна.

Семену Шварцу удалось обмануть бдительность жандармов и благополучно проехать через границу. 12 августа он прибыл в Екатеринбург. Здесь Шварц остановился в селе Уктус, где снимал квартиру С. А. Черепанов.

Через несколько дней Семен пишет письмо Ленину, в котором рассказывает о положении дел в партийных организациях Урала, о трудностях, которые они переживают: «Наконец-то я приехал на место,— сообщал он.— Уже не надеялся доехать здоровым... Но вывезло, обосновался в Екатеринбурге и успел кое-что разузнать в других местах. Написал в Уфу, Тюмень, сегодня получил златоустовский адрес...»

Далее Шварц указывает в письме на то, что ему, вероятно, удастся организовать выборы и отправку на конференцию четырех делегатов от Екатеринбурга, Тюмени и Камышлова, Уфы и Миньяра, Перми и Мотовилихи.

В заключение Семен отмечал, что дела в Уральской организации стали значительно лучше. «...Здесь в Екатеринбурге публики сейчас собралось порядком и подумывают даже об издании легальной газетки. Сущ(ествует) коллектив. Есть связи с заводами в округах, но главное нет лит(ературы)...»

Состоявшееся в конце августа общегородское партийное собрание Екатеринбурга, на котором присутствовало 49 человек, представлявших партийные организации районов города, заводов и фабрик, одобрило изложенное Шварцем предложение Заграничной организационной комиссии о созыве Общероссийской конференции и приняло решение, обязывающее будущих делегатов от Урала отстаивать на конференции идею создания самостоятельной большевистской организации. В это время Семен ведет активную работу по подготовке конференции, постоянно подвергаясь опасности, переезжая с одной квартиры на другую.

19 сентября 1911 года собрание Екатеринбургской группы большевиков избирает Шварца делегатом на Общероссийскую конференцию. В выданном ему мандате говорилось: «Екатеринбургская группа делегирует товарища Семена на Всероссийскую конференцию РСДРП с правом решающего голоса. Выборы были прямые. Принимали участие от железнодорожной станции 7 человек, от завода Ятеса — 5, Верх-Исетского завода — 4, мелких ремесленников — 8, мелких фабрик — 3, от Уральской железной дороги — 6, мелких рудников — 8 и интеллигентов — 8 человек...»

Один экземпляр мандата был напечатан на папиросной бумаге и вручен Семену, а другой, вместе с общей резолюцией, был направлен Н. К. Крупской. В резолюции, принятой на этом собрании, говорилось о полном одобрении линии большевистского центра, направленной на воссоздание партии и созыв общепартийной конференции РСДРП.

Подобная резолюция была в это же время принята и в Уфе.

В середине сентября Г. К. Орджоникидзе и Семен Шварц, по указанию В. И. Ленина, должны были направиться в Петербург с тем, чтобы помочь укрепить городскую партийную организацию и подготовить отправку делегатов на Всероссийское совещание по подготовке общепартийной конференции.

Успешно выполнив в Питере возложенные на них задачи, Г. К. Орджоникидзе, а вслед за ним и Семен Шварц, едут в Баку, где намечалось провести Общероссийское совещание нелегальных организаций партии с тем, чтобы избрать организационное руководство для подготовки внутри страны общепартийной конференции.

В Баку Семен поселился в одном из рабочих районов — Балаханах. Он привез хорошие вести о том, что Питер и Урал — два крупнейших промышленных центра — высказались за конференцию.

На совещании Семен выступил с докладом о положении в партийной организации Урала.

«...В Екатеринбурге, в Уфе, в Перми и других уральских городах,— говорил он,— имеются довольно многочисленные группы человек по 40—50. Имеются связи с заводами, но, благодаря своеобразным условиям жизни Урала, оторванность от центральной России, неимоверные репрессии не дают возможности оформиться этим разрозненным группам... Рабо-

чие с большим интересом следят за жизнью своей партии, добывают литературу, преимущественно «Рабочую газету». С интересом следили за III Думой и подготовляются к выборам в IV Думу. Имея солидные литературные силы, уральские товарищи решили поставить нелегальную областную газету. Меньшевиков на Урале по-прежнему мало, имеющиеся дружно работают с большевиками. Ликвидаторов нет. Вопрос о созыве конференции вызвал некоторое оживление. Надеются на то, что конференция, если она удастся, может создать дееспособный центр, который бы высоко держал знамя с.-д.» [1].

После выступления Шварца, о состоянии партийной работы рассказали представители и других местных организаций. Российская организационная комиссия обсудила затем вопрос о своих взаимоотношениях с Заграничной организационной комиссией и приняла решение о том, что последняя должна подчиняться Российской организационной комиссии, так как она работает в непосредственном контакте с местными партийными организациями. В заключение было принято обращение РОК к партийным организациям, призывающее их к активному участию в борьбе за созыв Общероссийской партийной конференции и воссоздание дееспособных центров партии.

После окончания заседания Г. К. Орджоникидзе отправился в Париж с тем, чтобы лично проинформировать Ленина о ходе подготовки общепартийной конференции, а Шварц поехал в Петербург, чтобы провести там выборы делегатов.

В Питере Семен обнаружил, что положение в партийной организации весьма тяжелое. Серия арестов среди членов Петербургского и районных комитетов значительно ослабила размах партийной работы в столице.

Прежде чем решать вопрос о выборах делегатов на конференцию, нужно было восстановить организацию. За эту работу и взялся Шварц, а затем и прибывший сюда Сурен Спандарян. Вместе с ними в этой работе участвовали бывшие ученики ленинской школы в Лонжюмо И. С. Белостоцкий и А. И. Иванова. Были установлены связи с районами города, воссозданы разгромленные полицией комитеты, в том числе и

---

[1] Пражская конференция РСДРП. Сб. статей и материалов. М., 1937, стр. 230—231.

общегородской комитет партии. Позже В. И. Ленин писал: «РОК прибыла в Петербург и создала ПК». Лишь по соображениям конспирации В. И. Ленин не упомянул имен С. Шварца, С. Спандаряна и И. С. Белостоцкого, который был кооптирован в это время в состав РОК.

Между тем положение Семена в Питере становилось все сложней. Усилилась слежка полиции, не было денег, а предстояло организовать отправку делегатов на конференцию.

Рассчитывая, что Серго уже прибыл в Париж, Семен 14 октября пишет ему письмо, в котором рассказывает о том, как идут дела: «Дорогой Серго! Постарайся сию же секунду написать, как обстоят дела, ибо необходимо торопиться, а если станем затягивать, публика перепровалится. В Баку приступили к делу. В Москве через неделю все будет закончено... Да, брат, а в Москве ликвидаторы пригласили публику поговорить о житье-бытье и под шумок хотели выбрать делегата на ликвидаторскую конференцию, но благодаря тому, что один из них проболтался, рабочие на ближайшем собрании поставили вопрос ребром и послали их к черту... Ты, голубчик, торопись, пришли деньги, хоть сколько-нибудь сейчас, чтобы не задерживать публику... Ну, душа мой, действуй. Целую тебя. Твой Сенька» [1].

В данном случае, как и обычно, Семен ничего почти не пишет о своих личных невзгодах. Лишь два слова в письме посвящены его личной жизни, но и они достаточно говорят о трудностях, с которыми он тогда сталкивался. «Бегаю по улицам целыми днями,— писал он Серго,— и ищу ночевки».

Через несколько дней, 19 октября, Семен посылает Орджоникидзе еще одно письмо, в котором сообщает, что, хотя в Петербурге дела идут хуже, чем на Урале, ему все же удалось и здесь подготовить избрание одного делегата на конференцию. Орджоникидзе же еще не было в Париже. Он приехал сюда лишь через несколько дней после того, как Н. К. Крупская получила это письмо. И сразу же ответил Шварцу.

В письме от 28 октября он писал: «Дорогой Семен! Кое-как добрался. Примиренцы устроили склоку, не хотели подчиняться, но с моим приездом дают отбой. Как бы тут ни было, а дело пойдет, деньги будут и все сделаем...».

---

[1] ЦГАОР, ф. 102, 1911, № 1 (октябрь), л. 115.

Между тем Семен уже добился больших успехов в Петербурге. В письме Надежде Константиновне от 27 октября Шварц писал, что никакие попытки сорвать конференцию не удадутся. Он просил передать Серго, чтобы тот не беспокоился и относился ко всему хладнокровно,— меньшевики и примиренцы получат должное.

Находясь в Петербурге, Семен Шварц, как представитель РОК, заменявшей в тот период распавшийся ЦК, не ограничивает свою деятельность подготовкой конференции. Под его руководством в городе создается так называемый «Рабочий центр», поставивший своей задачей бороться за освобождение осужденных на каторгу социал-демократических депутатов II Государственной думы. С. Шварц и его товарищи организовали несколько митингов, в том числе массовый митинг на Путиловском заводе.

16 ноября Шварц выехал в Киев с тем, чтобы завершить выборы делегата на конференцию. Царские шпики следовали за ним буквально по пятам. Жандармам стало известно, что Семен должен вернуться в Петербург 24 ноября. Они установили на всех вокзалах круглосуточное наблюдение за прибывающими пассажирами.

В 11 часов 15 минут 24 ноября к перрону Варшавского вокзала подошел поезд. Из вагона вышел мужчина средних лет, в черном пальто и шляпе. В руках у него был маленький саквояж. С вокзала он направился к конке. Вслед за ним двигались два подозрительных субъекта. И когда на одной из остановок мужчина вышел, то сопровождавшие его полицейские агенты подошли к нему и объявили, что он арестован.

Снова, как и в 1907 году, Семену удалось незаметно проглотить хранившуюся у него папиросную бумажку, на которой был написан мандат на Общероссийскую партийную конференцию. Но от саквояжа избавиться, конечно, не удалось. А в нем лежали номера газеты «Звезда».

На допросе в полицейском участке Семен, для того чтобы выиграть время и почувствовать, что о нем знают жандармы, заявил, что он является гражданином города Себежа Марковым и никакого отношения к революционной деятельности не имеет. Как попали в его чемодан антиправительственные газеты, он не знает.

И лишь на допросе в жандармском управлении Семен, убе-

Провозглашение Советской власти в Екатеринбурге.

Художник В. ЛАДЕЙЩИКОВ

дившись в том, что следователю хорошо известно его имя, признал, что он действительно Шварц, но никакого участия в работе Петербургской организации РСДРП не принимал.

Однако жандармы через провокаторов были отлично осведомлены о его работе. Позже, в январе 1912 года, начальник Московского охранного отделения, оценивая роль, сыгранную Шварцем в деле подготовки Пражской конференции, писал:

«Особо серьезную в этом отношении роль пришлось сыграть делегату Ленина «Семену», который арестован в Петербурге... Он объехал, пользуясь старыми связями, знакомые ему Екатеринбург, Уфу, Екатеринослав, Баку и Тифлис, организовывал собрания, делал доклады о положении дел в партии, популяризировал платформу предстоящей конференции и всюду предлагал выбирать представителей в «Русскую организационную по избранию на конференцию делегатов комиссию...»

В первые дни ареста его больше всего волновал вопрос о судьбе конференции и ее делегатов, которых нужно было переправить за границу.

После нескольких допросов Шварца поместили в Александр-Невскую тюрьму. И через несколько дней ему удалось, наконец, сообщить о своем аресте сестре Полине, а затем с ее помощью известить об этом Ленина.

Царские власти между тем готовили крупный судебный процесс по делу Екатеринбургского комитета РСДРП. В качестве обвиняемых было привлечено 12 большевиков, арестованных в разных городах, но так или иначе имевших отношение к работе Уральской организации. К суду были привлечены С. А. и М. А. Черепановы, Г. М. Шкапин, С. Шварц, А. В. Трубина, Евг. Бош, А. И. Парамонов, И. И. Чемезов, А. М. Капустин и другие. Первоначально предполагалось привлечь к суду и Н. К. Крупскую, но перед самым процессом дело о ней было выделено в отдельное производство в связи с отсутствием ее в пределах России. В начале 1912 года Шварц был отправлен в екатеринбургскую тюрьму.

Судебное следствие было начато 12 марта 1912 г., а приговор вынесен через полтора года — 20 сентября 1913 года. Подсудимые обвинялись в воссоздании партийной организации, связи с центром партии в Париже, организации выборов на Пражскую партийную конференцию.

32 Заказ 17

Семен Шварц обвинялся в том, что «...проживая в г. С.-Петербурге, принял на себя руководство предварительными работами по созыву за границей весной 1912 года Всероссийской конференции социал-демократической рабочей партии и по выбору на эту конференцию делегатов от Екатеринбургской, Каслинской, Тюменской, Уфимской и других уральских групп названной партии с целью определения тактики и деятельности этой партии в ближайшем будущем; приезжал в августе месяце 1911 года в Екатеринбург для организации работ по выбору делегатов на указанную конференцию, а затем путем письменных сношений с членами Екатеринбургской организации давал им инструкции по партийной деятельности, получал от них сведения о положении дела в Екатеринбургской организации, сообщал им о деятельности в других организациях той же партии и давал адреса партийных работников» [1].

По указанию В. И. Ленина, для обвиняемых были приглашены лучшие защитники, в том числе из Петербурга. Шварца защищали Н. Д. Соколов и Б. Я. Шнейдер. Но главными защитниками в деле были сами обвиняемые.

Несмотря на обоснованные требования защиты оправдать Шварца, специально подобранные присяжные 19—20 сентября 1913 года вынесли ему тягчайший приговор — вечное поселение в отдаленные местности Сибири с лишением всех прав. Такой же приговор был вынесен в отношении А. В. Трубиной, М. А. Черепановой и некоторых других.

14 декабря Семен и его жена были отправлены «в распоряжение Енисейского тюремного отделения для водворения на место жительства в Енисейскую губернию».

...Впереди были годы испытаний в ссылке, а затем борьбы за революцию и победу социализма в СССР.

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 51, оп. 6, ед. хр. 619, л. 46.

Э. РИВОШ

НАДЕЖНЕЙШИЙ КОММУНИСТ

Слово солдата

Известия о Февральской революции шли к Екатеринбургу несколько дней. Воззвание временного комитета Государственной думы от 27 февраля семнадцатого года было напечатано в местных газетах 3 марта рядом с обращением пермского губернатора. В обоих — ни слова о свержении царя. Временный комитет сокрушался, что «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». Губернатор Лозина-Лозинский заклинал население не верить тревожным слухам из Петрограда. Начальник гарнизона полковник Марковец запретил собираться военнослужащим даже груп-

пами в несколько человек. Командир 126-го полка полковник Соколов приказал высечь розгами солдат, принесших в казарму весть о низложении Николая Второго.

Страх перед наступившей революцией с первых же часов объединил на Урале ярых монархистов с либеральной буржуазией — с кадетами. Более гибкий и дальновидный, чем другие высокопоставленные офицеры гарнизона, командир 108-го полка полковник Богданов, не рассчитывая на одни карательные меры, пригласил в полк лидера екатеринбургских кадетов Кроля. 4 марта в пустующей казарме собрался чуть ли не весь полк. На сбитом наскоро возвышении за длинным столом сидели господин Кроль и штабные офицеры. Полковник Богданов огласил приказ командующего военного округа генерала Сандецкого — соблюдать спокойствие и оказывать содействие гражданским властям, если возникнут грабежи и насилия. Затем предоставил слово лидеру кадетов.

Кроль признал то, что еще боялись признать другие. Верно — царя Николая Второго сместили, наследие престола передано его брату великому князю Михаилу Александровичу Романову. Городская дума второй день прилагает усилия для создания авторитетного Комитета общественной безопасности из представителей городского самоуправления.

— Я выражаю уверенность,— закончил свою речь Кроль,— что славное воинство поддержит объединенные усилия старой и новой власти и будет воевать до полной победы матушки России над ее извечным врагом — Германией!

На возвышении гулко захлопали офицеры, их поддержали унтеры и солдаты, стоящие поблизости. Остальные с полминуты молчали, а затем отозвались недоуменным гулом.

— Кому нужны старые власти?

— С губернатором якшаетесь зачем — сатрап же царский?!

— Эвтот хомут не лучше энтого!..

— Солдат пущают в Комитет общества?

— Кому присягать велено — князю Михаиле аль думе?

Потолок и стены слезились от жаркого дыхания сотен людей. «Неблагонадежные в кучу сбились»,— подумал полковник Богданов и встал, чтобы угомонить солдат.

— Войска будут приведены к присяге новому царю. Что касается властей, Комитета безопасности и другого прочего,

то у нас, военных, имеются особые задачи по подготовке резервов для фронта и никакого отношения к политике, к революции не может быть ни у высших, ни у нижних чинов. Наше святое и единое дело защищать царя и отечество до победного конца!

В левом дальнем углу раздался негромкий, ясный голос солдата Юровского.

— Господин полковник, наверное, не в курсе событий. Рабочие и солдаты Питера, свергнувшие кровавого деспота Николая, заставили отказаться от престола и князя Михаила. Никогда больше русская армия не станет присягать царям! А в революцию, господин полковник, будем вмешиваться, потому что права политические отныне имеет всяк солдат.

Полковник Богданов побледнел — в его полку да прямо в лицо... Кроль увидел, как закипает в Богданове гнев, и, желая удержать его от осложнений, первый обратился к Юровскому.

— Это все слухи, дорогой. Им верить нельзя.

— А телеграммам можно? — спросил Юровский.

— Каким телеграммам?

— Тем самым, господин Кроль, которые вы и ваши кадеты из почтового ведомства до сего дня прятали от рабочих и солдат. Я читал эти телеграммы и передаю их содержание личному составу сто восьмого полка. В Питере образовано Временное правительство. Оно объявило свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением всех политических свобод на нас, военных.

— Там говорится: в пределах, допускаемых по военно-техническим условиям, — сгоряча проговорился Кроль, только что опровергавший существование телеграммы. Этим не преминул воспользоваться Юровский.

— Вот вам истинное лицо лидера кадетов! Знал, что делается в Питере, а пришел в полк и морочит нам головы, считая, видимо, солдат ослами, которые съедят любую кадетскую бурду.

Нагнувшись к рядом сидящему начальнику штаба, полковник Богданов выговаривал ему за то, что в полк допущены нежелательные элементы. Начальник штаба оправдывался, что госпитальный фельдшер Юровский давно замечен в связях с пулеметчиком Преображенским и сапером Килиным и что

гарнизонное начальство приказало проследить за этой тройкой, чтобы поймать с поличным.

Пока офицеры перешептывались, они потеряли драгоценные минуты. Со всех сторон к Якову Михайловичу Юровскому уже неслось нетерпеливое:

— Шо телеграфы про войну бают?

— Крышка ей?

— По домам аль как?

— Нашего брата рядового можна в комитет обчества посылать?

В этот момент, когда не только солдаты и унтеры, но и некоторые офицеры ждали, что же ответит Юровский, полковник Богданов не решился применить свою власть.

От дверей к дальнему левому углу поплыл над головами табурет. Юровский встал на него. Вся казарма увидела его сильную фигуру в солдатской шинели, скуластое, обветренное, усатое лицо.

— Вчера на городском митинге в театре народ заявил, что без представителей рабочих и солдат никакой орган новой власти не будет создан. Час тому назад на заседании городской думы мне пришлось предупредить господ, намеренных вкупе с господином Кролем образовать Комитет общественной безопасности без участия нижних чинов армии, что у нас с вами достаточно сил, чтобы добиться необходимых прав. Но мы не желаем крови, ее уже довольно пролито неизвестно для чего.

— Для России! Для Родины! — не удержался от реплики Кроль.

— Смешно, господин Кроль, слышать святые слова от вас. Вы воспринимаете Родину через призму собственной фабрики, а солдат видит ее в слезах, в крови войны, которую надо кончать как можно скорее. Временное правительство в своем манифесте, к сожалению, о войне ничего не сказало...

Тут уж полковник Богданов поднялся угрожающе-властно.

— За антипатриотические речи фельдшер Юровский будет предан военному суду. Арестовать! Не иначе — большевик!

— Вы проницательны, господин полковник.— Голос Юровского звучал со спокойным достоинством.— Я в самом деле большевик, с девятьсот пятого. И против войны давно, как и большинство солдат, как народ России. Могу вам больше ска-

зать — вчера вместе со своими товарищами, членами Российской социал-демократической рабочей партии, я избирал Временный большевистский комитет. По его поручению я явился сюда передать солдатам: посылайте от полка четырех представителей в Комитет общественной безопасности, приходите завтра к десяти утра в большевистский комитет на улицу Фетисовская, шесть. Там вы услышите о программе партии большевиков в революции, узнаете, как надо бороться за землю, за мир и свободу.

Десятка два офицеров и унтер-офицеров, пробиваясь к левому углу казармы, к Юровскому, встречали все более плотную живую стену. Пожилой, трижды раненный на фронте солдат, которого с уважением звали в полку Фокичом, оставил обычную осторожность. Он встал на пути фельдфебеля своей роты, попросил:

— Не вводите во грех, господин фельдфебель. Всевышний накажет, ежели фершеля на суд.

— Прочь! — гаркнул фельдфебель, но другие солдаты, прикрыв Фокича, не дали старшему унтер-офицеру и шага больше сделать.

Юркий сапер Килин двигался навстречу ревностным исполнителям воли командира полка. Он что-то тихо говорил солдатам, и они так тесно смыкались друг с другом, что и палку просунуть некуда стало, не то что человеку пройти. Тем временем Преображенский с пятеркой таких же рослых и отчаянных, как он, солдат вывели Юровского из казармы.

Главный врач госпиталя Белоградский, благожелательно относящийся к Якову Михайловичу Юровскому, дал ему три месяца отпуска по болезни в связи с обострением туберкулеза легких.

Это было очень кстати. Яков Михайлович мог полностью отдаться партийному делу, работе среди солдат, мог чаще бывать с семьей.

Когда он поздно вечером пришел домой, его ожидали радостные вести. Жена, Мария Яковлевна,— активный подпольный работник с девятьсот пятого года — в партии формально не состояла, хотя много раз ее дом служил явочной квартирой и революционеры находили здесь приют и поддержку. Теперь,

как только партия вышла из подполья, Марию Яковлевну одной из первых приняли в РСДРП.

— А я вступила в Цекапос! — похвастала восемнадцатилетняя дочь Римма.

— Это что же означает? Тарабарщина какая-то.

— Ну, не понимаешь... Это же центральный комитет профсоюза учащихся!

— ЦК, значит. И что же ты намерена делать в нем?

— Объединять гимназистов. Мы же с Марусей Жеребцовой самое-самое левое крыло!

— Цекапос... Надо бы энергию таких, как ты, получше использовать...

Он думал о дочери, ее сверстниках ночью и утром, когда отправился на Фетисовскую.

Чтобы не дать солдатам в воскресное утро пятого марта пойти в большевистский комитет, командиры полков усилили караулы, выпускали из казарм только на молитвы в церковь и только в сопровождении офицеров. Но не помогли ни караулы, ни церковь. К десяти часам явилось около ста пятидесяти солдат.

Вечером в Екатеринбурге был сформирован Комитет общественной безопасности. Под напором рабочих и солдат, строем приведенных Юровским на заседание городской думы, в Комитет вошли десять представителей от пролетариата Екатеринбурга и десять от солдат гарнизона.

Семья

Восьмого апреля семнадцатого года из Петрограда в Екатеринбург приехал Яков Михайлович Свердлов с заданием Центрального Комитета: провести областную партийную конференцию, сплотить ряды большевиков Урала. В день приезда он выступил на общегородском партийном собрании с докладом о текущем моменте. Когда собрание закончилось и Свердлов спустился в фойе театра, его окружили тесным кругом. Молодежь спрашивала об Ильиче, о столице, ветераны приглашали на ночлег. Сквозь стеклышки пенсне блестел благодарный и озадаченный взгляд проницательных глаз Свердлова.

— Ко всем бы с удовольствием, но придется к Юровскому.

— Как же — тезка!

— Даже двойной! — подхватил Свердлов шутку рабочего.— Да и соседями были по камерам в Томске, а видеться не приходилось. Согласитесь, надо к нему, тем более целая партийная семья просила.

«Партийная семья... Значит, Свердлов и меня имеет в виду...» — подумала Римма, и отступила за чью-то широкую спину, чтобы не увидели ее разгоревшихся щек, ее гордого смущения.

Несколько дней прошло от самых светлых в ее жизни событий: четвертого апреля ей выдали партийный билет, а пятого на учредительном собрании избрали председателем комитета юношеской организации. И теперь ей удивительно повезло — товарищ Андрей будет у них дома, она, наверное, сможет с ним поговорить, посоветоваться, уточнить, верно ли она и ее товарищи мыслят работу юношеской социалистической организации.

Товарищ Андрей!..

Как мечтал отец встретиться с ним, сколько раз говорил ей о нем. Шестнадцати лет вступил в партию, в двадцать — признанный и любимый вождь уральских пролетариев. В тюрьмах, в ссылках двенадцать лет. Много раз бежал, чтобы опять в народ, опять раздувать огонь революции.

Из рассказов отца товарищ Андрей рисовался Римме могучим, как библейский Самсон, а увидела она в президиуме собрания бледного худощавого человека, среднего роста, в пенсне, с бородкой, похожего на робкого учителя словесности в гимназии. Но это внешнее сходство исчезло, едва товарищ Андрей поднялся на трибуну. Он тряхнул густой черной шевелюрой, произнес неслыханно сильным, приятного тембра голосом трибуна:

— Дорогие товарищи, родные уральцы!

Сказал, и все уже были во власти его изумительного голоса, его мысли.

И вот этот голос рядом, и гудит он теперь мягко и тихо для нее одной.

Отец и мать идут впереди, выбирают дорогу, где меньше выбоин и луж. То дождь, то мокрый снег хлопьями. Свердлов поднял воротник пальто и тихо басит:

— Замечательно придумала молодежь — юношеская социалистическая организация при комитете большевиков, замечательно!

Хлюпают лужи под ногами. Редкие фонари — по одному на квартал — освещают пятачки вокруг столбов, а за пятачками сырая чернота. Свердлов шагает привычно — не раз, видать, ходил темными ночами Покровским проспектом вниз к реке Исети.

— Как вы избирали руководство?

— Тайным голосованием.

— Записки в урну?

— Нет, кандидатуру за дверь.

Темнота дрогнула от хохота Свердлова.

— За дверь! И вас, когда председателем, тоже за дверь?..

«Вас...» К ней, девчонке, ничего еще не сделавшей, товарищ Андрей обращается на «вы», как к матери и отцу.

— Почему именно вас председателем и Марусю Жеребцову секретарем?

— Ребята сказали, что мои родители еще с подполья большевики, значит, и я. А Маруся — моя подруга, значит, тоже боевая.

— Мотивы веские... А программа, задачи организации? Есть среди вас рабочие ребята?

— Двое парнишек, почти безграмотные. А цели...— она запнулась, затрудняясь с ответом.

После организационного собрания Римма отца не видела — он уезжал на Сысертский завод и только нынче вечером возвратился. Мать попыталась посоветовать ей, с чего начать, но тон показался Римме назидательным, и она, не дослушав, пошла к Клавдии Григорьевне Завьяловой и Елене Борисовне Вайнер, прикрепленным к молодежи от горкома партии.

— Задачи, мне кажется, устройство лекций, экскурсий, чтение книг...

— Не маловато ли для юных большевиков?

— Ну, политическое развитие... Ну, распространение газет... Да мы же, товарищ Андрей,— взмолилась Римма,— мы же три дня как организовались!

— Живем в такое время, товарищ Юровская, что три дня срок совсем немалый!

Из подворотен брехали собаки, под ногами чавкала грязь,

промозглая сырость пробиралась до костей, а Римма ничего не чувствовала, не слышала, кроме голоса Свердлова. Он говорил о том, что главная задача юношеской организации быть первым помощником партии в революционной борьбе.

— Больше подготовлена к этому рабочая молодежь, а ее почти нет у вас. Не легко, конечно, убедить рабочего паренька, девушку-работницу, чтобы шли в организацию, которой руководят гимназисты, хотя бы и самые симпатичные. А надо. Без рабочей молодежи не может быть никакого социалистического союза.

Семья Юровских с пятнадцатого года жила в доме № 6 по Первой береговой (ныне улица Щедрина № 12). В этот вечер мать Якова Михайловича приготовила вкусный ужин, вскипятила самовар. После уличной промозглости в теплой квартире было особенно уютно. Свердлов в домашних шлепанцах, в расстегнутой косоворотке, расположился в старом плетеном кресле возле печки, обнял восьмилетнего Женю.

— Меня зовут товарищ Андрей. А тебя?

— Товарищ Женя Юровский,— ответил Женя, глядя чистыми, как у матери, глазами на Свердлова.— У вас тоже мальчик-сын?

— Угадал.

— Как его зовут?

— Андреем, Андрюшей.

Женя хмыкнул.

— Оба два Андрея?

Свердлов засмеялся, усадил мальчика на колени, засекретничал с ним, на ушко. Женя косил глаза на Сашу: «А со мной-то дядя Андрей!..»

Но дядя Андрей через минуту привлек к себе и Сашу, расспросил, что он любит читать, чем именно понравились ему Овод и Рахметов, и что он хочет сделать, как самый юный в молодежной организации.

На столе стояла горячая картошка, над ней курился аппетитный парок.

«Пригласим?..» — взглядом спросила Мария Яковлевна мужа.

«Подождем... Отдыхает...» — взглядом же ответил он.

Поужинали. Мужчины и мальчики убрали со стола, помыли посуду. Мария Яковлевна и Римма готовили постели. Заметив,

что хозяйка положила на кровать лишнюю подушку, меняет постельное белье, Свердлов догадался, что это предназначается ему.

— Мария Яковлевна, добрая душа, постелите, пожалуйста, на стульях, я очень люблю на стульях,— и, не дав себя уговорить, составил стулья сиденьями в простенке между окном и печью.

Прикрутили фитиль настольной лампы. Мария Яковлевна через раскрытую дверь в комнату, где улеглись два Якова Михайловича, слышала приглушенный шепот.

— Жаль, отпуск кончается, а госпиталь забирает много времени, для партийной работы почти ничего не остается. Не демобилизоваться ли? Главный врач сказал, что могут отпустить по болезни.

— Легкие очень плохи? — доносился как будто издалека рокочущий голос.

— Терпимо. Да не в болезни дело, товарищ Андрей. Хочется, как лучше.

Короткая тишина — и Свердлов спросил:

— Солдатские комитеты в полках чьи?

— Большинство — эсеровские.

— Вот-вот... Нельзя вам из армии. Малышев говорил мне, как солдаты вас уважают, слушают. Не простое дело — эсера и мека провалили, а вас послали в Совет депутатом. Оставайтесь в шинели, чтобы гарнизон шел с пролетариатом, а не плелся за хотимскими и кролями.

Не раз вспоминал Юровский слова Свердлова.

В первом Екатеринбургском Совете рабочих и солдатских депутатов сторонники ленинской партии были в меньшинстве, и все же авторитет истинных руководителей пролетариата дал большевикам перевес в исполкоме Совета. Действия его были не по нутру ни меньшевикам, ни эсерам. Совет объявил антинародной ноту министра иностранных дел Временного правительства Милюкова о верности России своим «союзническим обязательствам». Он осудил партии эсеров и меньшевиков, которые, направив четырех министров в коалиционное правительство, пошли на открытое соглашательство с буржуазией. Четвертого мая Екатеринбургский Совет по предложению большевиков призвал рабочих и солдат готовиться к переходу всей власти в руки Советов.

Соглашатели, чувствуя, что почва уходит из-под их ног, спровоцировали выступление против Совета личного состава 124-го запасного пехотного полка, назначенного к передислокации в Камышлов. Десятого мая эсеры (среди офицеров их было немало) повели полк не на вокзал, где дожидался погрузки эшелон, а к оперному театру. Там заседал Совет.

Огромной подковой обложил полк фасад и округлые бока театра. Лидер местных эсеров Хотимский появился на сцене и, угрожая применить вооруженную силу тысяч солдат и офицеров полка, потребовал объявить о роспуске Совета и назначении новых выборов.

Руководители Совета отвергли ультиматум. Члены большевистской фракции вышли на балконы фасада, чтобы успокоить полк, убедить его отправиться на вокзал. Юровский обратился к солдатам:

— Кого вы пришли низвергать — рабочих-депутатов, которые сполна отдают себя революции, солдат — таких, как вы сами? Вам нажужжали в уши: большевики — недруги, а эсеры и меньшевики — друзья по гроб жизни. Что ж, давайте разберемся. Большевики требуют похоронить грабительскую войну, кончить кровопролитие за толстопузых. Меньшевики же да эсеры вопят вместе с кадетом Милюковым: пока есть хоть одна целая голова — воюйте! Большевики предложили на Совете отпустить по домам стариков, чьи годы под уклон пошли, чьи сыновья старшие уже умирают в окопах. По совести скажите — нужно старых солдат распустить или пусть бурьяны слопают их землицу?

— По домам! — отозвались снизу.

Злой шепот долетел до Якова Михайловича, но он не обернулся. Голос оставался ровным, лишь пальцы крепче сжали перила.

— Эсеры и меньшевики за моей спиной торгуются, кому раньше схватить меня и скинуть на ваши штыки. Что ж, братья-солдаты, держите штыки прямее, колите большевика, который сказал вам правду.

Мария Яковлевна оцепенела. Она только что прибежала к театру, увидела эсеровское знамя, наэлектризованный полк, компанию эсеров за плечами Якова. Ее опалил гнев и ужас, как 20 октября пятого года, когда черносотенцы Томска, распаленные водкой и погромной проповедью епископа Макария,

подожгли здание управления Сибирской железной дороги и городской театр. В них заживо сгорело около трехсот рабочих, служащих и студентов.

Искать мужа Мария тогда не могла — болел девятимесячный сын. О трагедии она узнала от пострадавших соседей, которые пришли к ней за первой помощью. Она перевязывала раны, а они рассказывали, что Яков был в боевой дружине, не давшей черносотенцам убивать людей. Трагедии не произошло бы, если б губернатор не направил казаков и пехоту на поддержку погромщиков. Они ворвались в здание управления железной дороги, облили керосином мебель на первом этаже, подожгли. Пламя охватило здание. В окна верхних этажей, где находились железнодорожники и дружинники, стреляли солдаты. «Вы там не видели моего Якова?» — спрашивала Мария, но никто не отважился сказать ей, что Яков был в живом костре.

Трое суток прошло... Родители оплакивали Якова, а она не могла. Лишь раз, задремав возле кроватки сына, Мария Яковлевна вскрикнула, забилась, застонала. Римма проснулась, но не стала будить маму: не на людях же ей, жене большевика, плакать.

Яков тогда воскрес из мертвых. Неужели судьба будет беспощадна сейчас? «Не дам!»

Она кинулась к солдатам, которые стояли под самым ребром балкона, но ее остановило решительное движение первых шеренг. Солдаты сняли штыки, вонзили их в землю.

...От большевистской фракции еще выступил депутат Лепа. Никто не перебивал его. Лепа объявил, что Совет рассмотрит требования солдат. Послышались команды «смирно» и «шагом марш».

124-й полк направился к вокзалу и в тот же день отбыл в Камышлов.

Несколько десятков тысяч солдат, около двух тысяч офицеров находились в Екатеринбурге накануне Октября. И не будет преувеличением сказать, что борьба шла почти за каждого из них. 57

В состав военного бюро Екатеринбургского большевистского комитета входили Яков Михайлович Юровский, Анатолий

Иванович Парамонов, Сергей Андреевич Анучин и молодой большевик сапер Килин. Созданное 24 мая военное бюро обратилось к солдатам с призывом вступать в большевистские ряды. Прошло всего несколько дней, и число большевиков (до этого в частях их можно было перечесть по пальцам) выросло до трехсот человек. В полках создавались большевистские комитеты.

Чтобы не потерять остатки влияния на солдат, эсеры применяли крайние меры. Используя свое влияние среди командного состава, они не допускали членов большевистского военного бюро в казармы, шли на провокации и подлоги, лишь бы сорвать большевистские митинги.

Неподатливым орешком оказался 126-й полк. В других частях большинство солдат перешло на сторону пролетариата, а этот полк все еще оставался оплотом эсеров и анархистов. Эсер Савельев и анархист Жебенев заверяли своих лидеров, что от 126-го полка большевики никогда не пройдут в депутаты Совета.

В Октябре, когда шли перевыборы Екатеринбургского Совета, в одну из рот 126-го полка явились Яков Михайлович Юровский и матрос-балтиец Павел Данилович Хохряков. Юровский был старше на пятнадцать лет, но это не мешало их дружбе. Оба преданнейшие солдаты партии, они и внешне схожи были — рослые, плотно сбитые, хладнокровные. Вот только цвет волос и глаз: старший — смоляно-черный, младший — белокурый, голубоглазый. Но сменит один другого на бочке посреди казарменного плаца, и солдаты кличут равнодушных из помещений:

— Пойдите, послушайте, как папаша с сынком шпарят...

— Передряга, аж небу жарко!..

Уже не одна рота — чуть ли не весь полк шумел на плацу. В помощь Жебеневу и Савельеву примчалась эсеровская «тяжелая артиллерия» во главе с Мялицыным. Большевиков задумали взять измором. Третьи сутки непрерывно шел митинг. Эсеры и анархисты поочередно уходили есть и спать, уверенные, что двое не выдержат. Мялицын и Савельев взвинчивали солдат провокационными заявлениями, будто большевики организуют из рабочих Красную гвардию, чтобы лишить солдат оружия, возможности защищать крестьян.

— Отдадите голоса большевикам и подсечете себя под

корень,— вопил демагог Савельев.— Не видать тогда вам ни земли, ни воли.

— У крестьян и рабочих — одни интересы. Чем больше оружия у рабочих, тем легче армии биться за землю, за лучшую долю,— контратаковал Юровский.— Голосуйте за большевиков. Ни одного голоса не уступайте эсерам, ни одного голоса не отнимайте у революции!

Трое суток выдерживали натиск противников Хохряков и Юровский. Сменяли друг друга через час-полтора, а при стечении большой массы людей и двое с разных сторон плаца разъясняли солдатам, почему необходим переход всей власти в руки Советов.

И битву выиграли. В Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов от полка были избраны сторонники большевистской партии.

Победа большевиков на выборах во всех полках гарнизона имела в канун пролетарской революции первостепенное значение. Центральный Комитет ленинской партии отводил Уралу с его закаленным пролетариатом и испытанными большевистскими кадрами роль почетную и труднейшую: в случае, если борьба за захват власти в Петрограде и Москве почему-либо затруднится, возглавить битву за свержение буржуазии и Временного правительства.

Выборы в Советы показали, что за пролетариатом идет подавляющая масса солдат, что большевики Урала сумеют выполнить свою роль в революции.

Большевистски настроенный гарнизон не давал покоя комиссару Временного правительства и начальнику гарнизона. Узнав 25 октября о революционных событиях в Питере, они объявили о немедленной отправке полков гарнизона на фронт якобы для смены уставших частей. 26 октября рано утром большевики созвали митинг. На Коковинскую площадь собрались тысячи солдат и рабочих. Эсеры и меньшевики неистовствовали. В разгар их выступлений явились Юровский и Хохряков с телеграммами о победе пролетариата столицы. Они обнародовали весть о переходе власти к пролетариату, об аресте Временного правительства.

Вечером 26 октября Екатеринбургский городской и Уральский областной Советы объявили себя единственной властью в городе и области.

Соратник Дзержинского

Чекистом может быть лишь человек с горячим сердцем, холодной головой и чистыми руками; человек, сознающий свою великую миссию революционера, недоступный развращающему влиянию золота,— говорил Феликс Эдмундович Дзержинский.

Таким чекистом стал Яков Михайлович Юровский.

В годы революции и гражданской войны уральцы знали Юровского, как члена исполкома Екатеринбургского Совета и его военного отдела, как председателя следственной комиссии областного ревтрибунала и товарища комиссара юстиции Уральской области. Но мало кто знал, что наибольшую ответственность перед партией он нес за областную Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, что в восемнадцатом году он являлся членом ее коллегии, а в девятнадцатом, после освобождения Екатеринбурга от Колчака, председателем губернской Чека.

Даже близкие Юровскому люди имели весьма отдаленное представление об опаснейшей работе, которую Яков Михайлович выполнял в Москве с сентября восемнадцатого до июля девятнадцатого года, когда был одним из ближайших помощников Феликса Дзержинского по Всероссийской чрезвычайной комиссии.

То было время жесточайшей борьбы с внутренней и иностранной контрреволюцией, пытавшейся мечом и голодом, саботажем и террором задушить, распять молодую Республику. На Урале прокатились восстания атамана Дутова и мятеж белочешского корпуса, наступление колчаковской армии и заговор белогвардейских офицеров в Екатеринбурге с целью освободить бывшего царя. В Москве — заговор послов Англии, Франции и Соединенных Штатов, мятеж левых эсеров, арест ими Дзержинского и покушение на жизнь самого Владимира Ильича Ленина...

Эти драматические события непосредственно затронули Юровского и его семью.

С первой сотней юных добровольцев ушла на фронт Римма, воевала против Дутова, была медицинской сестрой и работником политотдела Третьей армии. Мария Яковлевна Юровская проявила большое мужество в столкновении с мятежни-

33 Заказ 17

ками, перехватившими на станции Невьянск поезд с архивами партийных комитетов большевиков и левых эсеров Екатеринбурга. Она была в поезде с сыновьями. Эсер Горин, сопровождавший эсеровский архив, в опасный момент струсил. Мария Яковлевна вышла из вагона под пули, сумела убедить группу солдат, что вожаки мятежа ведут их против народа, спасла людей и партийные документы. И тринадцатилетний Саша не растерялся. Мятежники уже искали в вагоне оружие, а он успел разобрать мамин революьвер на части и опустить в бачок с водой.

На долю Якова Михайловича выпала наиболее тяжкая и ответственная работа чекиста.

Известно армейское понятие: готовность номер один. Оно предусматривает полное наличие техники, боеприпасов, высочайшую бдительность людей, их готовность молниеносно начать бой, сокрушить врага.

Постоянно, дни и ночи, находился чекист Юровский в готовности номер один.

Была операция со смертельным риском, когда действовать нужно было одному, действовать в логове зверя. Яков Михайлович скрытно проник в здание, где собрались сотни вооруженных офицеров. Если бы они знали, что их речи слушает большевик Юровский, суд над ним был бы кратким. Но он, проникнув в их замыслы, сумел так же незаметно уйти, как пришел, и партийный комитет, областной Совет сумели принять быстрые меры безопасности.

И все же белогвардейщина подняла голову.

Выступление контрреволюционных сил 10 июня оказалось звеном в цепи заговора офицеров-монархистов и главарей церкви по освобождению бывшего царя Николая. Когда открытое выступление было сорвано, активизировались подпольные гнезда — от академии генерального штаба, незадолго до этого переведенной в Екатеринбург, до кельи игуменьи Ново-Тихвинского монастыря Августины.

Бывший самодержец Николай нужен был черносотенцам как знамя для объединения всей внутренней и внешней контрреволюции.

Заговорщикам удалось протянуть нити в дом, где под стражей в ожидании народного суда находился свергнутый монарх. Они воспользовались ослаблением бдительности

внутренней охраны дома и его коменданта, посылали туда священников и монашенок. Нося ежедневно продукты царской семье, монашенки из Ново-Тихвинского монастыря также служили связными заговорщиков.

Член коллегии ЧК Юровский обнаружил расхлябанность и доложил об этом обкому партии и Уралсовету, после чего он был назначен комендантом дома особого назначения.

Юровский сразу же отменил вольный режим для содержащихся под стражей, сменил всю внутреннюю охрану, поставив туда надежных товарищей из ЧК. Планы заговорщиков провалились.

А когда белогвардейцы подступили вплотную к Екатеринбургу, он в ночь с 16 на 17 июля 1918 года привел в исполнение решение Уральского областного Совета о расстреле коронованного палача народов России.

18 июля Президиум Центрального Исполнительного Комитета Советов постановил: признать решение Уральского областного Совета правильным.

Захватившие Екатеринбург белогвардейцы начали усиленные розыски Юровского, арестовали его больную семидесятилетнюю мать. А он уже действовал под именем Орлова. Опытный конспиратор настолько изменил свою внешность, что Римма, случайно встретившаяся с ним на фронтовых дорогах, не сразу узнала отца.

В августе Якову Михайловичу поручили вывезти из Перми в Москву около четырех тысяч пудов золота, платины и серебра. Со своим верным помощником молодым чекистом Григорием Никулиным он сумел быстро доставить «золотой поезд» в столицу.

Вечером 30 августа правые эсеры совершили злодейское покушение на Владимира Ильича Ленина. Через три дня сессия ВЦИК приняла по докладу Свердлова постановление: «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов».

Вернейших сынов партия отдала в те дни Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Якова Михайловича Юровского назначили членом коллегии Московского ЧК.

Юровский был рядом с Дзержинским во время ликвида-

ции заговора послов Англии, США и Франции. Под руководством «железного Феликса» московские чекисты обезвредили многих шпионов, саботажников, грабителей, спекулянтов.

А когда ЦК партии в июле 1919 года направил Юровского председателем губчека в только что освобожденный Екатеринбург, пройденная им школа помогла создать надежный аппарат ЧК, способный очистить уральскую землю от оставленной Колчаком агентуры, от ярых врагов советского строя.

Двое чекистов, работавшие под руководством Юровского, поделились воспоминаниями о нем. Григорий Петрович Никулин рассказал о первых месяцах совместной чекистской работы в восемнадцатом году. Член коллегии Екатеринбургской губчека Герта Николаевна Штальберг вспомнила обстановку девятнадцатого года. Эти воспоминания и сохранившиеся (к сожалению, редкие) странички архивов тех лет рисуют нам облик Юровского-чекиста: замкнутого, сурового, но мягкого душой; беззаветно храброго и неторопливого в решении судеб людей; беспощадного к врагам и тонкого психолога, умеющего распутать хитросплетения заговорщиков и клеветников, отделить неисправимого противника революции от заблудившегося человека, совершившего случайную ошибку.

На опасный и жестокий фронт поставила партия Якова Михайловича Юровского, и он нес свои суровые обязанности с величайшей преданностью.

...Конец 1917 начало 1918 года. Промышленники Урала саботируют мероприятия Советской власти, закрывают предприятия и рудники. Банки не выдают денег. Торговцы прячут золото. Спекулянты скупают хлеб небольшими партиями и перепродают его по баснословным ценам голодающим. Ленин в декабре 1917 года пишет Дзержинскому о крайне остром положении на Урале, предлагает находящиеся в Питере правления уральских заводов «арестовать немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и конфисковать все уральские заводы». Советы Урала решили национализировать банки и реквизировать находящееся в частных руках золото. Богачи всполошились — куда только не прятали драгоценности! Хохряков с отрядом красногвардейцев нашел в стене дома в районе вокзала около десяти пудов золота. Юровский с группой чекистов нагрянул на особняки

братьев Агафуровых — владельцев нескольких больших магазинов в Екатеринбурге, и там, в самых затаенных уголках, было найдено до двух пудов золотых слитков, много жемчуга, бриллиантов, серебра.

Изъятые ценности немедленно передавали Петру Лазаревичу Войкову — комиссару снабжения Уралсовета — для закупки продовольствия голодающим.

Рабочий люд помогал чекистам раскрывать потайные хранилища ценностей, предупреждать преступления контрреволюционеров. Труженики приходили в здание бывшей гостиницы «Американские номера», где находилась Чрезвычайная комиссия, сообщали о своих подозрениях.

— Мы чекисты,— говорил Яков Михайлович Юровский молодым работникам ЧК,— выполняем тяжелый долг революции. Мы наделены большой властью и не имеем права ошибаться ни в чем, даже в самом малом. А чтобы не ошибаться, никогда не забывайте — ЧК работает лишь как прямой орган партии, по ее директивам, под ее контролем.

Он всюду оставался бойцом партии.

Разговор с Ильичем

4 мая 1921 года Центральный Комитет партии командировал Якова Михайловича Юровского в Государственное хранилище ценностей РСФСР (Гохран) на должность организатора сортировки и учета ценностей. Прямые обязанности его имели ограниченные рамки, но Яков Михайлович с первого же дня стал вникать во все дела Гохрана. Как же иначе, если он здесь оказался чуть ли не единственным коммунистом!

Всего два месяца прошло с тех пор, как партия на десятом съезде утвердила новую экономическую политику, без которой невозможно было выбраться из нищеты, разрухи, голода. Начинать предстояло с торговли — внутренней и внешней. Но чем торговать? Где взять золото для закупок хлеба голодающим Поволжья, рабочим Москвы, Петрограда? Откуда брать ценности для товарообмена с заграницей, для приобретения продовольствия и угля? Где достать 30 миллионов золотых рублей, чтобы выплатить в течение года Польше по мирному договору?..

Даже руководители Народного комиссариата финансов, которому подчинялся Гохран, не знали, какие значительные средства способен он дать государству для того, чтобы вырваться из отчаянного продовольственного, топливного и транспортного кризиса. В нем сохранились вклады и заклады в ссудную казну николаевской России. В его складах оказались огромные ценности, конфискованные и реквизированные советскими органами у княжеских фамилий, у дворян, капиталистов, спекулянтов.

И все эти богатства лежали чуть ли не открыто — бери, кому не лень. Откуда было знать об этом работникам Наркомфина, коль они оставили в Гохране людей, продолжавших служить своим бывшим хозяевам и нашедших новых хозяев далеко за пределами Советской страны.

Явные и скрытые враги Советской власти действовали в Гохране.

Обо всем, что увидел, в чем разобрался Юровский в первые же дни, он докладывал руководителям наркоматов. Одни работники не верили, что у обнищалой, разоренной страны имеются такие ценности. Другие отмахивались от Юровского ссылками на то, что беспорядками полны пока и более важные учреждения. Третьи посмеивались, считая золото и бриллианты пережитком для пролетарского государства, выброшенным на свалку истории.

«А если написать Ленину?..»

Яков Михайлович не мог сразу на это решиться, понимал, сколько у Ленина дел в поворотный четвертый год революции, в труднейшую эту весну перехода страны на новую экономическую политику. Он знал, Ленин занят организацией Госплана, подготовкой доклада на III конгрессе Коминтерна. Но когда у Юровского иссякли надежды иными путями пробить стену равнодушия к Гохрану, он написал письмо.

Ленин назначил ему прием на понедельник 16 мая.

...Едва Яков Михайлович переступил порог ленинского кабинета, как Владимир Ильич поднялся из-за стола и пошел навстречу.

— Здравствуйте, товарищ Юровский. Знаю вас, знаю... Мне говорили о вас Дзержинский и Свердлов,— сказал Ленин,

пожал руку Якову Михайловичу и пододвинул кожаное кресло для посетителей.— Садитесь, пожалуйста.

Обогнул обитый зеленым сукном стол, опустился на камышовое кресло, раскрыл обложку, вынул письмо Юровского.

— Читал. Возмущался,— ткнул пальцем в подчеркнутые красным карандашом строчки.— Грабеж! Как это допустили?! — Но тут же заинтересовался, казалось бы, мелочью: — Это не описка, с четвертого мая в Гохране?

— С полдня четвертого мая.

— Это хорошо, что вы часы считаете.

Ленин перелистнул письмо, испещренное его характерными «ЛЗ», «Верно», восклицательными и вопросительными знаками, спросил:

— Что может Гохран незамедлительно дать Красину для закупок хлеба на внешнем рынке? Не поспешим — голод задушит Советскую власть.

— К концу мая постараемся отобрать ценностей миллионов на тридцать или сорок.

— Хорошо бы, товарищ Юровский. А за год, скажем, сколько может государство извлечь ценностей из Гохрана для внешней торговли?

— Больше, Владимир Ильич, чем все наши платиновые и золотые прииски добудут за пять — это без всякого преувеличения, а может быть, и за десять лет.

— Так мы же богачи! Вы меня обрадовали.

— Богачами будем, если наведем порядок. А не сумеем — разграбят все. По счастливой случайности мы в Гохране избежали налета. Два десятка молодцов с бомбами могут в любое время перевязать всех, взять из кладовых самые крупные ценности — о них знают даже поденные рабочие. Наш Гохран без охраны, Владимир Ильич.

— А ВЧК? Там же ваши старые друзья!

— Товарищ Бокий один раз дал мне группу чекистов для засады по Тверской и по Малой Дмитровке. Обыскали выходивших с работы сотрудников Гохрана и контролеров. У одного нашли золотой портсигар с бриллиантами. А контролера задержали с бриллиантовыми и золотыми вещами на сумму в семь миллионов рублей.

На усталом лице Ильича появилось выражение, в котором проступали и боль, и гнев, и отвращение.

— Мерзавцы!.. Вам надо добиться ареста и предания суду всех жуликов и особенно таких, как этот подлец-контролер. Куда смотрел Наркомфин?!

Ленин встал, возбужденно стал вышагивать от стола к окну и обратно, браня расхитителей Гохрана и заодно растяп из советских органов. Бросил взгляд на левый край стола, где лежал список телефонных номеров, позвонил члену коллегии ВЧК Г. И. Бокию.

— Товарищ Бокий?.. Почему вы не дали Юровскому постоянной охраны?.. Медлить преступно. Вы лично должны возглавить комиссию и архидетально расследовать в Гохране все по вашей линии. Письмо Юровского направлю вам.

Положил трубку, сел, откинулся на спинку кресла, заложив большой палец руки за вырез жилетки.

— Так-таки нету в Гохране честных работников, товарищ Юровский? Ей-ей, не поверю.

— Есть. Но грязных столько, что запачкают и хороших.

— А вы этих хороших — на свет божий. С ними вместе двигайте свои предложения.

Приподнял письмо.

— Толковые, мне кажется. Но с каких вы намерены начать, этого не понял.

— Надо, Владимир Ильич, на две недели оставить все работы по обезличиванию ценностей в центре и на местах, и за это время найти людей, чтобы потом работать не в одну, а в три смены. Да побыстрее создать комиссию из представителей Госплана, ВСНХ, Главзолото и всех заинтересованных наркоматов.

Ленин стал что-то записывать на чистом листе бумаги. Когда же Юровский сказал, что работы Гохрана следует признать первоочередными, горячо подхватил:

— Абсолютно согласен — первоочередными, ударными! Чтобы все учреждения, все наркоматы под личную ответственность руководителей в двадцать четыре часа исполняли вне очереди требования и заявки Гохрана. Такое постановление проведем через Совет труда и обороны.

Слева, за спиной Ильича, приоткрылась дверь комнаты телефонного коммутатора, и телефонистка сказала, что на проводе заместитель наркома внешней торговли Андрей Матвеевич Лежава.

Ленин оживился, быстренько взял трубку.

— Кстати позвонили. Я вам писал в конце апреля, что ни гроша больше ассигнованной суммы не сможем дать в этом году на продовольствие и топливо. Это можно будет пересмотреть... Закупайте, где угодно, не стесняясь ценою, покупайте пока хотя бы небольшие партии пшеницы и ржи... Золото?.. — взглянув на Юровского, Ильич хитро прищурил правый глаз.— У меня на приеме знаменитый банкир. Соглашается дать нам без процентов сотни миллионов золотом...

Назвав Лежаве имя «банкира», Владимир Ильич рассмеялся.

— Помогите Юровскому активным участием в комиссии по Гохрану, мы ее как раз создаем, а он вас не подведет, не из скупых рыцарей.

Закончил телефонный разговор. Провел ладонью по рыжеватым волосам на тыльной части головы. Взгляд стал озабоченным.

— Сколько потребуется коммунистов, чтобы превратить Гохран в советское учреждение?

Яков Михайлович медлил, не осмеливался назвать то количество, которое считал необходимым. Вспомнились слова Ленина на X съезде партии: «... мы изнемогаем от недостатка сил, малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека,— а из рабочих втройне,— мы берем обеими руками. Но у нас таковых нет...» [1] Казалось, Ленин и сейчас мысленно повторяет те свои слова.

— Трудно подсчитать? — подтолкнул Ленин.

— Если и постоянных и временных для контроля и внезапных ревизий, то около двух тысяч.

Сказал и испугался. У Владимира Ильича вскинулись широкие изогнутые брови.

— Запрос великанский.

Заметив смущение Юровского, приободрил его:

— Нет-нет, понимаю, что глядеть надо в оба за каждым оценщиком и на каждом складе, и не только глядеть, но и работать... Обсудим на Политбюро. Думаю, дадим максимум возможного.

Ленин поднялся. И Яков Михайлович, чувствуя, что прием

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 43, 1963, стр. 48.

закончен, встал. Ленин подошел совсем близко, заглянул в глаза.

— Я слышал, вы чекист хороший. Но откуда у вас, батенька, тонкости мастера золотых дел?

— Часовщиком был в Томске и ювелиром, Владимир Ильич. И фотографию имел в Екатеринбурге.

— Капиталист, значит? — рассмеялся Ленин.

— Да, жену и дочь безжалостно эксплуатировал...

— Жену вашу знаю по Секретариату ЦК. Куда это мы ее перевели?

— В Комитет помощи голодающим, Владимир Ильич.

— А не ваша ли дочь была секретарем ЦК комсомола?

— Да. Между вторым и третьим съездами.

В приятном, с легкой картавостью голосе Ильича зазвучала волнующая мягкость, когда он жал руку и сказал на прощание:

— Добрая у вас семья...

В секретариате Яков Михайлович посмотрел на часы — девятнадцать минут он беседовал с Ильичем, а будто всю жизнь был близко знаком с ним.

Секретарь Лидия Александровна Фотиева зашла в кабинет Ленина. Владимир Ильич разговаривал по телефону с Дзержинским.

— Ваш протеже, Феликс Эдмундович, сию минуту вышел от меня... Очень доволен. Обнаружил два клада... Э, батенька, вы недогадливы — гохрановский, конечно, ценен, но человеческий мне больше по душе.

Владимир Ильич придавал большое значение Гохрану, письму Юровского и беседе с ним. Об этом свидетельствует ряд писем и фактов.

20 мая секретариат переслал Г. И. Бокию письмо Юровского о положении в Гохране. 23 мая Бокий ответил Ленину телефонограммой, в которой утверждал, что сведения Юровского якобы сильно преувеличены и что совместно с ВЧК принимаются меры, чтобы довести хищения в Гохране до минимума.

На следующий же день Владимир Ильич в секретном письме дал Г. И. Бокию строгую взбучку.

«т. Бокий!

Получил Вашу телефонограмму. Совершенно неудовлетворен.

Так нельзя.

Вы должны расследовать дело детально и дать мне точные сведения, а не такой «взгляд и нечто»: «преувеличены»... «полное прекращение кражи невозможно» (??!!)

Это безобразие, а не доклад» [1].

И Ленин подробно повторяет свои требования к ВЧК.

28 мая Бокий представил Ленину доклад с подробными сведениями о положении в Гохране — о личном составе, структуре, о случаях хищений с перечнем судебных дел. В докладе предлагались меры для улучшения работы и прекращения хищений. Этот доклад Ленин 29 мая направил заместителю народного комиссара финансов А. О. Альскому. В сопроводительном письме Ленин требовал от всех членов коллегии Наркомфина «уделить Гохрану вдесятеро больше работы. Если в кратчайший срок дело в Гохране не будет переорганизовано так, чтобы вполне исключить возможность хищений, а вместе с тем ускорить всю работу и увеличить ее размеры, то замнарком и все члены коллегии НКфина будут привлечены не только к партийной, но и к уголовной ответственности.

От промедления с работой Гохрана (зимой работать труднее, до зимы надо много сделать), от хищений в нем Республика несет гигантские потери, ибо именно теперь, в трудные дни, нам нужно быстро получить maximum ценностей для товарообмена с заграницей» [2]. Владимир Ильич здесь перечисляет меры по улучшению работы Гохрана.

4 июня Политбюро по предложению Ленина постановило мобилизовать около двух тысяч коммунистов для посменной работы в Государственном хранилище ценностей.

Но практически дело почти не тронулось с мертвой точки.

Спецы-оценщики потирали руки, потешались, сговаривались, как дискредитировать Юровского, заставить начальство убрать его с дороги. Яков Михайлович ловил на себе злые взгляды, но не они беспокоили его. Тревожило бездействие наркоматов.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 52, 1965, стр. 207.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 52, 1965, стр. 222—223.

2 июня Юровский пишет второе письмо Ленину.

> «Многоуважаемый товарищ Владимир Ильич!
>
> ...16 мая я был у вас, 19-го я лично роздал доклад и план проекта реорганизации дела, но до сегодняшнего дня меня никто не вызывал, доклад не рассматривали, несмотря на... (строчка не закончена).
>
> ...Ввиду того, что Вы уже введены в курс дела и Вами назначено срочное следствие, я считаю себя связанным в своих действиях и варюсь в собственном соку. За исключением принятых мною (вынужденно) ряда полумер, в одном случае, прекративших хищения совсем, в другом сведенных до минимума, в третьем неизбежно продолжающихся, дело остается на том же месте...
>
> Фактически я связан по рукам и ногам и на каждом шагу встречаю массу препятствий, мешающих мне работать. Вот почему я считаю необходимым просить Вас ответить мне на следующие вопросы: следует ли мне успокоиться на том, что Вы уже в курсе дела и Вами будут приняты соответствующие меры не только по части следственной, но и по части производства, или по этой последней части я свободен действовать через другие высшие учреждения (СНК, СТО, ЦК, печать). В зависимости от Вашего ответа я буду действовать».

Ответа Юровский ждал каждый час. О чем он только не передумал за те восемь дней, пока не получил письма Владимира Ильича. Оно разрешило все сомнения.

> «Тов. Я. М. Юровскому (адрес — в ВЧК или в Наркомфин).
>
> т. Юровский!
>
> Ваше письмо от 2/VI я получил, по ошибке секретаря, только сегодня, 10/VI.
>
> Действуйте через все учреждения (ЦК особенно), внося точные предложения о наилучшей постановке дела.
>
> Вы участник. Вы и в ответе.
>
> Плохо дело — исправляйте, внося формальные предложения.
>
> Отнюдь недостаточно того, что мне Вы уже сказали.
>
> С ком. приветом Ленин»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 52, 1965, стр. 264.

Ленинская требовательность, ленинская теплота воодушевляли Юровского и в годы его полезнейшей деятельности в Гохране и позднее, когда партия направляла его в свои контрольные органы, потом директором Центрального политехнического музея и на хозяйственную работу.

Умер Яков Михайлович в 1938 году в Кремлевской больнице от тяжелой язвенной болезни.

В одном из своих многочисленных писем по поводу Гохрана Владимир Ильич назвал Якова Михайловича Юровского надежнейшим коммунистом.

Что может быть выше этой ленинской оценки!

Я. РЕЗНИК

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕНИНСКАЯ ГВАРДИЯ УРАЛА

Редакторы В. Артюшина,
Ю. Гетлинг
Художественный
редактор Я. Чернихов
Технический редактор
Т. Меньщикова
Корректоры
К. Ушакова,
Н. Рабинович

Цинкографы:
Таращенко А. П.
Палкина Е. А.
Шкляев В. С.
Лобачев В. В.
Воронин Ю. И.

Наборщики:
Комарова К. С.
Дремова М. М.
Гладких Т. К.
Рахматуллина С. Х.

Печатники:
Голышева Ф. И.
Аргунова Г. Ф.
Минеева М. П.

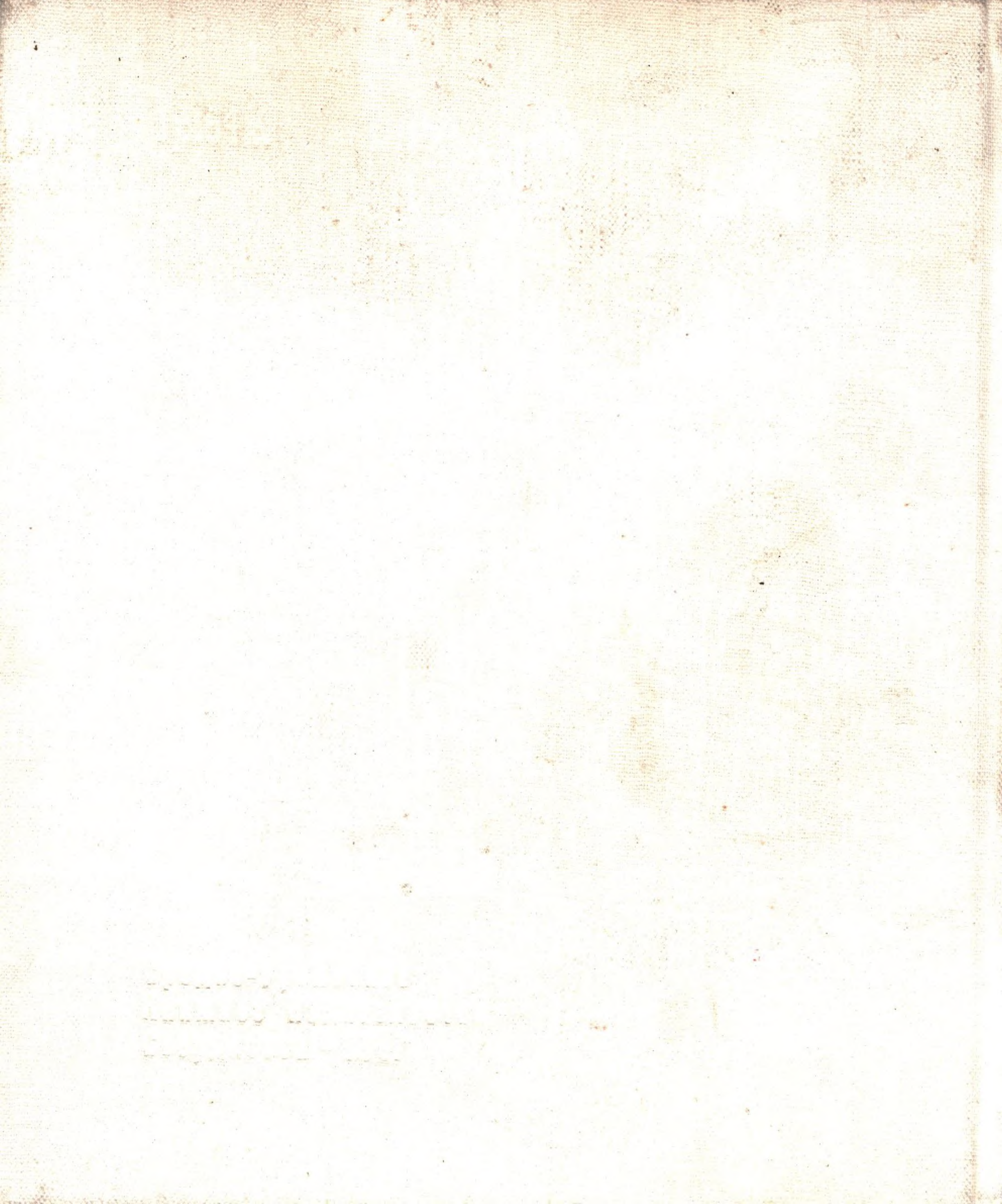
Переплетчики:
Семенова Е. А.
Касанина Л. А.
Самкаева Р. С.

Сдано в набор 11/I 1967 г. Подписано в печать 26/IV 1967 г. Бумага машинно-мелованная. Формат 70×84$^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 33,0. Уч.-изд. л. 27,11.
НС17769. Тираж 15000. Заказ 17.
Цена 1 р. 54 к.

Средне-Уральское Книжное Издательство.
Свердловск, ул. Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

ЛЕНИНСКАЯ ГВАРДИЯ УРАЛА

ЛЕНИНСКАЯ ГВАРДИЯ УРАЛА

Необходимо разоружить в
несколько часов всех, особенно
неблагонадежных
(напр. Ермолов и др.).
Зебан начать раздачу
оружия надежным, по выбору.
Это я Вам приказываю
елать!

Это сборник, включающий литературные портреты известных революционеров — Вайнера, Толмачева, Авейде, Хохрякова, Дерябиной и других представителей ленинской гвардии, работавших на Урале в годы подполья, во время революции, гражданской войны и в первые годы Советской власти.

Многие страницы из жизни замечательных революционеров не были известны до сих пор. Документы архивов, свидетельства современников — участников революции — помогли авторам сборника воссоздать яркие образы тех, кто отдал все силы великому делу, кем по праву гордятся наша партия и народ.

Среди авторов сборника признанные писатели Урала — Н. Попова, О. Маркова, К. Боголюбов, В. Стариков, Ю. Хазанович, О. Коряков, П. Макшанихин и другие.

НС 37466 26/VII 1966 г. Тираж 5000
Тип. изд-ва «Уральский рабочий»
Зак. 444